ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№9
2026

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции:
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

*Журнал входит в **Перечень ВАК** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.09.2026 Цена свободная Тираж 99 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Цифровизация – важнейшее направление социально-политического развития Омской области. Волох О.В., Волох Т.С. 6

Общественный контроль на этапе проектирования государственных цифровых систем: политико-институциональная модель превентивной подотчётности. Малеев В.В. 9

Защита государственного суверенитета как фактор становления многополярного мира. Мустафин М.Н. 13

Искусственный интеллект в преддверии выборов в Государственную Думу 2026 года: PR-акция или цифровизация избирательных процессов?. Яманова О.А. 16

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

От ценностной риторики к государственной политике: институционализация патриотического дискурса в России (2012–2026). Громов Р.С. 20

Модель формирования гражданской идентичности в условиях цифровой медиасреды: разработка, операционализация и эмпирическая апробация. Кветной В.В. 24

Политика России в отношении стран Центральной Азии в работах российских ученых. Цветов П.Ю. 30

Институты Конфуция как инструмент мягкой силы кнр в Центральной Азии. Чжу Юйтянь, Троицкий Е.Ф. 34

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Интеракционный капитал: основания общей теории международной политики в условиях соперничества. Безкади Фади 38

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Анализ военно-космической стратегии США постбиполярного периода 1990-х гг. Петухов А.С. 43

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Палестино-израильский конфликт в повестке исламских государств. Ханани А.Ф. 48

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Эпистемический суверенитет как стратегия обоснования низкоуглеродного развития: российский подход к производству климатических знаний. Шальнев А.Н. 52

История становления и развития государственного регулирования ценообразования в России. Машкин Н.А., Щербаков В.А. 57

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Общественные идеалы в контексте публично-правовых отношений. Антонов В.Ф. 62

Инфраструктурные кредиты и долговая устойчивость регионов: административно-правовые механизмы контроля и ответственности. Власова Е.Л. 65

Анализ законодательства и нормативных актов, регламентирующих электронный документооборот в сфере дорожного строительства. Галкин П.С., Бургонутдинов А.М. ...69

Разрешительная система как основа административно-правовых режимов. Керамова С.Н., Муртазалиев М.А. 74

Уставы общероссийских объединений профсоюзов в системе источников трудового права: теория и практика. Козырева Т.А. 78

Трансформация института обстоятельств непреодолимой силы в российском частном праве: квалификация атак беспилотных летательных аппаратов в коммерческом обороте (2025–июль 2026 гг.). Кукреш Я.О., Котельникова Е.А. 82

К вопросу о критериях относимости доказательств при определении вреда, причиненного почвам. Патиев И.М. 85

Правовые особенности возмещения экологического вреда, причиненного органами публичной власти. Патиев И.М. 88

Эволюция правоприменительной практики антимонопольных органов: от пресечения нарушений к административному формализму. Плешивцев А.В. 91

Проблемы осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства при приёме в гражданство Российской Федерации. Постнова М.В. 95

Региональные доклады о состоянии и об охране окружающей среды в системе обеспечения природоохранных технологий. Устьянцева О.В. 99

Юридическая ответственность частных охранных организаций в условиях реформы законодательства: административно-правовой, гражданско-правовой и уголовно-правовой аспекты. Ризатдинов К.А., Федорова Е.Л. 103

Импортозамещение цифровых технологий в судебной системе Российской Федерации: проблемы правового регулирования. Хрулёва О.Д. 108

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материально-правовые дефекты волеизъявления и процессуальные барьеры доказывания при оспаривании решений общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах. Бестужев А.К. 113

Проценты на денежные средства по счетам эскроу в долевом строительстве: проблема баланса интересов и направления совершенствования законодательства. Васильев А.Ю. 117

Функциональный подход к определению пределов автономии воли супругов в имущественных отношениях. Володин М.Ю. 122

К вопросу о правовом регулировании альтернативного индивидуального учета тепловой энергии. Воробьев А.В. 126

Защита от навязанных услуг и автоматических списаний: анализ новелл законодательства и правовые перспективы. Грачева О.С., Киселева К.А. 130

Многокритериальная классификация имущества как объекта обращения взыскания: теоретическое и практическое значение. Груздев И.М. 134

Правопреемство позиции в корпоративном договоре при отчуждении доли: доктрина ограниченного правопреемства. Дубровский И.А. 137

Проблемы злоупотреблением процессуальными правами участниками процесса в арбитражном суде первой инстанции. Кириллова М.Е. 141

Риски использования товарных знаков для защиты наименований результатов селекции в области растениеводства. Ложкин В.А. 146

Вопросы совершенствования законодательства об административной ответственности за совершение правонарушений в сфере таможенного дела. Тарасов А.С., Волкова Ю.А., Муравьева Н.А. 149

Охрана интеллектуальной собственности в различных правовых семьях: сравнительно-правовое исследование. Тихоновский В.Ю. 153

Преодоление юридической неопределенности при наличии ошибок, опечаток и вариативности написания фамилий в историко-архивных документах. Шевчук Т.Е. 156

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Особенности реализации конституционного права на судебную защиту: проблемы и перспективы. Дегтярев Д.Д. 160
Судебная система в РФ и КНР: сравнительно-правовой анализ. Доманов В.В. 164
Модель логистической регрессии предиктивной аналитики в распределении дел государственных защитников. Новиков В.А., Новикова А.А., Барковская Д.Л. 167
Проблемы административной юстиции: быть или не быть административным судам России?. Петрова С.М. 171
Процессуальные правоотношения, возникающие в процессе передачи дела по подсудности. Чекушкин А.А. 174
Причины изменения подсудности в процессе рассмотрения гражданского дела. Чекушкин А.А. 177

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Международно-правовое регулирование эксплуатации плавучих платформ в Арктике. Мишальченко М.Ю., Едличко П.А. 180
Правовой статус кибуца: историко-правовой анализ эволюции от квази-правовой общины к кооперативному поселению. Малыхин Д.К. 183
Роль европейского частноправового наследия в становлении национальных правовых систем Азии. Миронов В.А. 186

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Криминологическое прогнозирование и планирование противодействия преступности в регионе. Абызов К.Р., Титаренко А.П. 189
К вопросу о возможности покушения и соучастия в преступлении, состоящем в самовольном подключении к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Величко Ф.М. 193
Снижение уровня рецидивной преступности на территории Российской Федерации посредством внедрения дополнительных учреждений в исправительно-правовую систему. Скирда М.В., Габдулганиев Д.Р. 196
Охрана чести и достоинства личности по советскому и российскому законодательству: криминологический анализ. Зацепин М.Н., Зацепин А.М. 199
Криминологическая характеристика современной налоговой преступности в Российской Федерации (тенденции, структура и динамика). Королев А.Г. 203
Роль специальных правил назначения наказания в механизме реализации принципа индивидуализации. Магомедов Д.Б., Магомедова З.Р. 206
Включение в состав наследственной массы долговых обязательств и возможная ответственность наследников. Майнбург Р.С. 210
Статистический анализ преступности несовершеннолетних в регионах Российской Федерации. Попова Г.Л., Шугаева Е.А., Волкова Е.В. 213
Сложности толкования и разграничения различных должностных преступлений. Сорокин А.И. 217

CONTENTS

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

Digitalization is the most important direction of socio-political development of the Omsk region. Volokh O.V., Volokh T.S. 6
Public Oversight at the Design Stage of Government Digital Systems: A Political-Institutional Model of Preventive Accountability. Maleev V.V. 9
Protecting State Sovereignty as a Factor in the Evolution of a Multipolar World. Mustafin, M.N. 13
Artificial intelligence ahead of the 2026 State Duma elections: a PR stunt or the digitalization of electoral processes?. Yamanova O.A. 16

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

From Value-Based Rhetoric to Public Policy: Institutionalization of Patriotic Discourse in Russia (2012–2026). Gromov R.S. 20
A Model for the Formation of Civic Identity in the Digital Media Environment: Development, Operationalization, and Empirical Testing. Kvetnoy V.V. 24
Russia's policy towards the countries of Central Asia in the works of Russian scholars. Tsvetov P.Yu. 30
Confucius Institutes as an Instrument of the PRC's Soft Power in Central Asia. Zhu Yutian, Troitsky E.F. 34

POLITICAL ISSUES IN INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Interactional Capital: Foundations of a General Theory of International Politics under Rivalry. Bezkadi Fadi 38

POLITICAL REGIONAL STUDIES. ETHNOPOLITICS

Analysis of the US military space strategy in the post-bipolar period of the 1990s. Petukhov A.S. 43

CONFLICT STUDIES

The palestinian-israeli conflict on the agenda of islamic states. Khanani A.F. 48

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

Epistemic sovereignty as a strategy for justifying low-carbon development: Russian approach to the generation of climate knowledge. Shalnev A.N. 52
The history of the formation and development of state regulation of pricing in Russia. Mashkin N.A., Shcherbakov V.A. 57

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES

Social ideals in the context of public law relations. Antonov V.F. ..62
Infrastructure loans and debt stability of regions: administrative and legal mechanisms of control and responsibility. Vlasova E.Lv. 65
Aspects of modern legislation and analysis of regulations governing electronic document management in the field of road construction. Galkin P.S., Burgonutdinov A.M. 69
The permit system as the basis of administrative legal regimes. Keramova S.N., Murtazaliev M.A. 74
Charters of all-russian trade union associations in the system of sources of labor law: theory and practice. Kozyreva T.A. 78
Transformation of the Institute of Force Majeure in Russian Private Law: Qualification of Unmanned Aerial Vehicle Attacks in Commercial Circulation (2025–July 2026). Kukresh Ya.O., Kotelnikova E.A. 82
To the question of criteria for the relevance of evidence in determining damage to soils. Patiev Il.M. 85
legal features of compensation for ecological damage caused by public Authorities. Patiev Il.M. 88
Evolution of antimonopoly authorities' law enforcement practice: from suppression of violations to administrative formalism. Pleshivtsev A.V. 91
Problems of Prosecutorial Supervision over Compliance with Legislation on Admission to Citizenship of the Russian Federation. Postnova M.V. 95
Regional reports on the state and protection of the environment in the environmental technology support system. Ustyantseva O.V. 99
Legal liability of private security organizations under legislative reform: administrative, civil and criminal law aspects. Rizatdinov K.A., Fedorova E.L. 103
Import substitution of digital technologies in the judicial system of the russian federation: legal regulation issues. Khrulyova O.D. ..108

ISSUES OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Substantive defects of will and procedural barriers of proof in challenging decisions of general meetings of premises owners in apartment buildings. Bestuzhev A.K. 113
Interest on funds held in escrow accounts in shared-equity construction: balancing the parties' interests and directions for legislative reform. Vasilyev A.Yu. 117
A functional approach to determining the limits of spouses' autonomy of will in property relations. Volodin M.Y. 122
On the Legal Regulation of Alternative Individual Thermal Energy Metering. Vorobyev A.V. 126
Protection against imposed services and automatic written-offs: analysis of legislation innovations and legal prospects. Gracheva O.S., Kiseleva K.A. 130
Multi-criteria classification of property as an object of foreclosure: theoretical and practical significance. Gruzdev Il.M. 134
Succession to a party's position under a corporate agreement upon transfer of a share: the doctrine of limited succession. Dubrovsky I.A. 137
Problems of abuse of procedural rights by participants in proceedings in the court of first instance. Kirillova M.E. 141
Risks of using trademarks to protect the denominations of plant varieties. Lozhkin V.A. 146
Issues of Improving Legislation on Administrative Liability for Customs Offenses. Tarasov A.S., Volkova Yu.A., Muravyeva N.A. 149
Intellectual Property Protection Across Legal Families: A Comparative Legal Study. Tikhonovsky V.Yu. 153
Overcoming legal uncertainty in the presence of errors, typos, and spelling variations in surnames in historical and archival documents. Shevchuk T.E. 156

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Features of the implementation of the constitution right to judicial protection: problems and prospects. Degtyarev D.D. 160
The judicial system in the Russian Federation and the People's Republic of China: a comparative legal analysis. Domanov V.V. 164
A Logistic Regression Model of Predictive Analytics in Public Defender Case Allocation. Novikov V.A., Novikova A.A., Barkovskaya D.L. 167
Problems of administrative justice: to be or not to be administrative courts of Russia?. Petrova S.M. 171
Procedural legal relations related to the transfer of a case to another jurisdiction. Chekushkin A.A. 174
Reasons for changing the subject matter jurisdiction in a civil case. Chekushkin A.A. 177

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

International legal regulation of floating platform operation. Mishalchenko M.Yu., Edlichko P.A. 180
The legal status of the kibbutz: a historical and legal analysis of evolution from a quasi legal community to a cooperative settlement. Malykhin D.K. 183
The Role of European Private Law Heritage in the Formation of National Legal Systems in Asia. Mironov V.A. 186

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. PENAL ENFORCEMENT LAW

Criminological Forecasting and Planning for Countering Regional Crime. Abyzov K.R., Titarenko A.P. 189
On the issue of the possibility of an attempt and complicity in a crime involving unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines, and gas pipelines, committed by a person who has been administratively punished for a similar act. Velichko F.M. 193
Reducing the level of recidivism in the Russian Federation through the introduction of additional institutions into the correctional legal system. Skirda M.V., Gabdulganiyev D.R. 196
Protection of honour and dignity of the individual under soviet and russian legislation: a crim. Zatsepin M.N., Zatsepin A.M. 199
Criminological characteristics of modern tax crime in the Russian Federation (trends, structure and dynamics). Korolev A.G. 203
The role of special sentencing rules in the mechanism for implementing the principle of individualization. Magomedov D.B., Magomedova Z.R. 206
Inclusion of Debt Obligations in the Estate and the Potential Liability of Heirs. Mainburg R.S. 210
Statistical analysis of juvenile crime in the regions of the Russian Federation. Popova G.L., Shugaeva E.A., Volkova E.V. 213
Complexities of interpreting and distinguishing various official crimes. Sorokin A.I. 217

Цифровизация – важнейшее направление социально-политического развития Омской области

Волох Олег Владимирович
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, политологии и управления персоналом, Омская гуманитарная академия, voloh.corpar@mail.ru,

Волох Тамара Сергеевна
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра правоведения, государственного и муниципального управления, Омский государственный педагогический университет, voloh_ts@mail.ru

В данной статье раскрываются основные аспекты цифровизации на региональном уровне управления. Полученные результаты убедительно демонстрируют, что цифровизация выступает ключевым фактором современного развития Омской области. Это обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования региональной политики в сфере цифровых технологий. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность цифровой трансформации региона, достичь национальных целей в области цифрового развития и укрепить его конкурентоспособность в условиях цифровой политики и экономики.
Ключевые слова: интернет, органы власти, население, предвыборная агитация, голосование.

В последние годы в России активно внедряются официальные интернет-порталы органов власти, цифровые платформы для общественных обсуждений, электронные сервисы подачи обращений, а также механизмы дистанционного электронного голосования и электронного предварительного голосования. Все эти сервисы обеспечивают участие граждан в политических процессах, а их использование способствует повышению открытости политической системы и расширению возможностей участия граждан в общественно-политической жизни.

Среди цифровых механизмов политического участия особое место занимает процедура электронного предварительного голосования, используемая для отбора кандидатов перед их официальным выдвижением на выборные должности. Данной процедуры реализуется с помощью специализированной цифровой платформы, обеспечивающей дистанционный формат голосования. Граждане получают возможность пройти регистрацию и аутентификацию, а затем выразить свою волю через интернет, минуя необходимость личного посещения избирательных участков. Такое положение значительно повышает доступность избирательного процесса и способствует расширению участия граждан в формировании кадрового состава органов представительной власти.

В рамках деятельности регионального отделения крупных политических партий (например, «Единая Россия») в Омской области получила развитие практика проведения электронного предварительного голосования. Организация процедуры осуществляется посредством специализированной цифровой платформы, обеспечивающей реализацию таких функций как - регистрацию участников голосования, идентификацию пользователей и автоматизированный подсчёт полученных результатов [1].

Цифровая платформа продемонстрировала высокую степень удобства использования на практике. Преимуществами системы являются: простая и доступная процедура регистрации и голосования; автоматическая обработка результатов (что снижает влияние человеческого фактора); возможность дистанционного участия, что расширяет доступ к избирательному праву для жителей отдалённых районов и граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Однако использование цифровых платформ в выборах сопряжено с рядом недостатков, а именно: необходимостью гарантии информационной безопасности и защиты персональных данных; риском технических сбоев; различиями в уровне цифровой грамотности среди населения; уровне доверия граждан к цифровым технологиям - без уверенности в прозрачности и надёжности систем успешное внедрение электронного голосования затруднительно.

Несмотря на существующие ограничения, преимущества цифровых платформ являются существенными. Они позволяют повысить оперативность организации и проведения голосования, снизить административные издержки, расширить участие граждан в политических процессах и обеспечить более высокий уровень доступности электоральных процедур. В долгосрочной перспективе дальнейшее развитие цифровых технологий способно стать важным фактором повышения эффективности взаимодействия государства, политических институтов и общества.

Развитие цифрового общества в Российской Федерации во многом связано с цифровизацией электоральных процессов. Успешный опыт проведения электронного предварительного голосования в Омской области наглядно демонстрирует, как современные технологии помогают активно вовлекать граждан в политическую жизнь и указывают на важность дальнейшего развития цифровых технологий общественного взаимодействия.

Социальные сети и цифровые коммуникационные платформы открывают принципиально новые возможности для расширения гражданского участия в управлении обществом. Благодаря им органы власти, политические партии и общественные организации получают инструмент для взаимодействия с населением в режиме реального времени: они могут оперативно собирать обратную связь, проводить онлайн-опросы, обсуждать проекты нормативных актов и учитывать мнение граждан при принятии решений [2].

Это не просто упрощает коммуникацию, так, например, если раньше диалог между властью и обществом был преимущественно односторонним (отчётные встречи, публикации в СМИ), то сегодня

он становится двусторонним и даже многосторонним: граждане не только получают информацию, но и активно участвуют в дискуссиях, формируют повестку и контролируют исполнение решений. Цифровые каналы существенно расширяют возможности общественного контроля: публикации в социальных сетях, прямые трансляции заседаний, онлайн-карты проблем территорий позволяют оперативно фиксировать нарушения и в особенности привлекать к ним внимание. В результате обсуждение вопросов регионального развития становится более открытым, массовым и содержательным - в него включаются люди, которые раньше оставались вне политического процесса [3].

Платформы обратной связи и сервисы электронных обращений граждан выступают важным инструментом цифрового взаимодействия между населением и органами власти. Их внедрение способствует повышению прозрачности работы государственных структур и позволяет оперативно реагировать на запросы общества.

Опыт использования таких сервисов подтверждает: цифровые каналы коммуникации становятся неотъемлемой частью формирования современного гражданского общества и помогают укрепить доверие граждан к государственным институтам.

Дальнейшее развитие цифровых электоральных технологий связано с решением нескольких ключевых задач:

- совершенствованием механизмов идентификации пользователей;
- внедрением искусственного интеллекта для анализа обращений граждан и улучшения качества цифровых услуг;
- повышением уровня защиты информации.

Реализация этих направлений может открыть новые возможности для вовлечения граждан в общественно-политическую жизнь и стимулировать развитие электронных форм демократии [4].

Важность платформ обусловлена:

Прозрачность и подотчётность. Когда граждане могут напрямую обращаться к органам власти через цифровые сервисы, это делает работу госорганов более открытой. История обращений, сроки ответов и принятые решения могут быть доступны публично - это снижает риск злоупотреблений и коррупции.

Оперативность. Электронные обращения обрабатываются быстрее бумажных, а автоматизация процессов сортировки и маршрутизации запросов позволяет направлять их сразу в профильные подразделения.

Доступность. Цифровые платформы доступны в любое время, в любом месте из любой точки с интернет-соединением. Это особенно важно для жителей отдалённых районов или людей с ограниченной мобильностью.

Аналитика и прогнозирование. Накопленные данные по обращениям позволяют выявлять системные проблемы и планировать меры заранее.

В перспективе развитие этих технологий может привести к появлению новых форм гражданского участия: онлайн-голосования по локальным вопросам, например, благоустройство дворов, выбор общественных пространств; краудсорсинг идей - платформы для сбора и обсуждения инициатив граждан как по аналогии с «Российской общественной инициативой»; виртуальные общественные советы с участием экспертов и активистов; цифровые консультации - опросы населения перед принятием важных решений [5].

Потенциальные риски возможные при реализации данных проектов:

Цифровой разрыв - не все граждане одинаково комфортно пользуются технологиями, как например, пожилые люди. Важно сохранять альтернативные каналы связи;

Манипуляции - в виде рисков использования ботов для «накрутки» голосов или жалоб, что в свою очередь требует алгоритмы выявления аномальной активности;

Перегрузка системы - массовый приток обращений может парализовать госорганы, если не внедрять автоматизацию.

Анализ практики цифровизации Омской области, который позволил сделать следующие выводы:

Во-первых, регион располагает необходимыми социально-экономическими предпосылками для развития цифровой экономики и цифрового государственного управления.

Во-вторых, в области последовательно реализуются мероприятия по: развитию цифровой инфраструктуры; внедрению современных информационных технологий; повышению доступности государственных услуг в электронном формате.

В-третьих, правовая основа цифровой трансформации - федеральные и региональные нормативно-правовые акты. Ключевой инструмент реализации - государственная программа «Информационное общество Омской области».

В-четвертых, значимый фактор успеха - участие региона в федеральных проектах по достижению национальных целей цифрового развития и повышению уровня цифровой зрелости субъектов Российской Федерации.

Анализ показал активное использование цифровых технологий в работе регионального отделения политической партии - в частности, для внутреннего управления, взаимодействия с гражданами и реализации общественно-политических инициатив [6].

Ключевым примером цифровизации политических процессов выступает электронное предварительное голосование. В ходе преддипломной практики автор изучил и лично опробовал механизмы его проведения. Практика подтвердила: цифровые платформы повышают доступность политического участия, делают процедуру голосования удобнее и расширяют возможности взаимодействия граждан с политическими институтами.

Вместе с тем выявлены проблемы, требующие решения: развитие цифровой инфраструктуры, повышение цифровой грамотности населения, обеспечение информационной безопасности и укрепление доверия к цифровым технологиям [7]. Таким образом, цифровизация - значимое направление социально-экономического и общественно-политического развития Омской области.

Цифровая трансформация общества затрагивает и избирательные процессы: внедрение цифровых технологий должны повысить доступность участия граждан в управлении государством, обеспечить прозрачность электоральных процедур, а также улучшить взаимодействие между обществом и политическими институтами. В Омской области, как субъекте Российской Федерации, развитие цифровых решений в избирательной системе идёт в русле общей стратегии цифровой трансформации государственного управления и построения цифрового общества.

Литература

1. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – DOI: 10.22394/1726- 1139-2018-10-46-63.

2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» – URL: https://znanierussia.ru/articles/ (дата обращения: 01.08.2026).

3. Гладкий, Ю. Н. Регионоведение: учебник для вузов / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 399 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20129-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/600429 (дата обращения: 14.08.2026).

4. Кочетков А.В. Цифровая трансформация экономики и технологические революции: вызовы для текущей парадигмы менеджмента и антикризисного управления // Стратегические решения и рискменеджмент. – 2019. – № 10(4). – С. 330–341. – DOI: 10.17747/2618-947X-2019-4-330-341.

5. Милкова М.А. Информация и ограниченная рациональность выбора в цифровой экономике // Цифровая экономика. – 2021. – № 1(13). – С. 69-88. – DOI: 10.34706/DE-2021-01-08.

6. Моттаева А.Б., Андреева К.И., Попова А.П. Влияние цифровизации на формирование потребительских предпочтений // Финансовые рынки и банки. – 2024. – № 12. – С. 89-95. – EDN: GMIHEX.

7. Глазьев С.Ю. Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2(76). – С. 27–32. – DOI: 10.37930/1990-9780-2023- 2(76) -27-32.

Digitalization is the most important direction of socio-political development of the Omsk region

Volokh O.V., Volokh T.S.

Omsk Humanitarian Academy, Omsk State Pedagogical University

This article examines key aspects of digitalization at the regional level of governance. The findings convincingly demonstrate that digitalization is a crucial factor in the modern development of the Omsk Region. This necessitates the further refinement of regional policy regarding digital technologies. Implementing the proposed recommendations will enhance the efficiency of the region's digital transformation, facilitate the achievement of national digital development goals, and strengthen its competitiveness within the context of digital policy and the digital economy.

Keywords: Internet, government authorities, population, election campaigning, voting.

References

1. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks // Management Consulting. – 2018. – No. 10. – DOI: 10.22394/1726- 1139-2018-10-46-63.
2. National Program "Digital Economy of the Russian Federation" – URL: https://znanierussia.ru/articles / (date of access: 08/01/2026).
3. Gladkiy, Yu. N. Regional studies: a textbook for universities / Yu. N. Gladkiy, A. I. Chistobaev. — 3rd ed., reprint. and add. — Moscow: Yurait Publishing House, — 2026. — 399 p. (Higher education). — ISBN 978-5-534-20129-1. — Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. — URL: https://urait.ru/bcode/600429 (date of request: 08/14/2026).
4. Kochetkov A.V. Digital transformation of the economy and technological revolutions: challenges for the current paradigm of management and crisis management // Strategic decisions and risk management. – 2019. – № 10(4). – Pp. 330-341. – DOI: 10.17747/2618-947X-2019-4-330-341.
5. Milkova M.A. Information and limited rationality of choice in the digital economy // Digital Economy. – 2021. – № 1(13). – Pp. 69-88. – DOI: 10.34706/DE-2021-01-08.
6. Mottaeva A.B., Andreeva K.I., Popova A.P. The impact of digitalization on the formation of consumer preferences // Financial markets and banks. – 2024. – № 12. – pp. 89-95. – EDN: GMIHEX.
7. Glazyev S.Y. Prospects for the development of Russia in the long wave of growth of a new technological order // The economic revival of Russia. – 2023. – № 2(76). – Pp. 27-32. – DOI: 10.37930/1990-9780-2023- 2(76) -27-32.

Общественный контроль на этапе проектирования государственных цифровых систем: политико-институциональная модель превентивной подотчётности

Малеев Вадим Валерьевич
аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, evilseph4@gmail.com

Статья посвящена общественному контролю на стадии, предшествующей вводу государственной цифровой системы в эксплуатацию. Исходная проблема состоит в том, что существенная часть правил цифрового управления закрепляется в концепции, технических требованиях и архитектуре системы раньше, чем последствия этих решений становятся доступными для общественной оценки. На основе институционального и сравнительного анализа исследуются российский порядок создания государственных информационных систем, формы общественной экспертизы и обсуждения, оценка регулирующего воздействия, новый национальный стандарт оценки воздействия систем искусственного интеллекта, а также зарубежные практики предварительной оценки автоматизированных решений. Показано, что в российской системе существуют отдельные элементы предварительной оценки, однако они не образуют единой процедуры, связывающей проектирование цифровой системы с внешней общественной оценкой и документированной реакцией публичного органа. Предлагается политико-институциональная модель превентивной подотчётности, включающая риск-скрининг, публичное проектное досье, оценку воздействия, внешнюю оценку для систем повышенного общественного риска, фиксацию реакции на замечания и предзапусковую проверку.

Ключевые слова: общественный контроль, государственные цифровые системы, превентивная подотчётность, проектирование ГИС, оценка воздействия, общественная экспертиза, цифровое государственное управление.

Введение

Цифровизация публичного управления меняет не только скорость административных процедур, но и способ закрепления управленческих правил. То, что раньше существовало в инструкции или практике должностного лица, всё чаще переводится в функциональные требования, структуру данных, классификаторы и программные ограничения. Поэтому проектирование государственной цифровой системы имеет политико-институциональное значение: на этой стадии определяется будущая конфигурация взаимодействия гражданина и публичной власти [10–13].

Общественный контроль чаще становится заметным после появления проблемы: система уже действует, решение принято, пользователь обнаруживает ошибку или оспаривает применённое правило. Такая логика необходима, но после ввода системы пересмотр спорного решения может требовать изменения кода, интеграций и регламентов. Чем глубже правило встроено в инфраструктуру, тем выше организационная стоимость его изменения.

Цель статьи — разработать политико-институциональную модель превентивной подотчётности государственных цифровых систем. Исследовательский вопрос состоит в том, создаёт ли российская архитектура проектирования условия для общественной оценки до закрепления ключевых решений. Гипотеза заключается в следующем: отдельные институты предварительной оценки уже существуют, но регулируют разные объекты и не образуют единой последовательности, связывающей проектирование ГИС с внешней оценкой и реакцией публичного органа.

Используются институциональный и сравнительный институциональный анализ, а также анализ нормативных и официальных методических документов. Российский контур сопоставляется с канадскими механизмами Algorithmic Impact Assessment и peer review, нидерландской практикой FRAIA и fundamental rights impact assessment в праве ЕС. Сравниваются момент включения оценки, её предмет, состав участников, публичность результата и связь с решением о запуске.

От реактивного контроля к превентивной подотчётности

Подотчётность не сводится к раскрытию информации. Дж. Коппелл рассматривает прозрачность лишь как одно из измерений accountability наряду с контролируемостью, ответственностью и реагированием [1]. Публикация описания будущей системы делает проект видимым, но не отвечает на вопросы, кто оценивает последствия, обязан ли орган учитывать замечания и что происходит при выявлении существенного риска.

Концепция responsible innovation переносит внимание на раннюю стадию выбора. Дж. Стилго, Р. Оуэн и Ф. Макнахтен связывают ответственное управление инновациями с предвидением последствий, рефлексивностью, включением различных позиций и способностью изменять решение [2]. Для цифрового государства важна именно эта временная логика: общественно значимые параметры оцениваются, пока проект ещё допускает содержательную корректировку.

Algorithmic impact assessment развивает данный подход применительно к цифровым системам. А. Селбст подчёркивает ценность предварительной оценки и создаваемой ею документации, но указывает на зависимость процедуры от информации и организационной логики самого разработчика [3]. Дж. Меткалф и соавторы показывают, что организация участвует и в определении того, какие последствия считать значимыми [4]. Обзор Б. Стала и соавторов подтверждает неоднородность существующих AIA [5].

Поэтому оценка воздействия, экспертная проверка, общественное обсуждение и общественный контроль не следует смешивать. Первые три механизма могут снабжать решение информацией, тогда как общественный контроль предполагает внешнюю позицию оценки. Превентивная подотчётность шире каждого элемента: до закрепления проектных решений орган раскрывает достаточную информацию, допускает внешнюю оценку, рассматривает её результаты и фиксирует решение о сохранении, изменении либо дополнительной проверке проекта.

Глубина такой процедуры должна зависеть от общественного воздействия. Внутренний справочник и система, влияющая на доступ к услуге, рейтингование или административное усмотрение, создают разные риски. Риск-ориентированность позволяет сосредоточить сложные процедуры там, где проектная ошибка способна устойчиво изменить положение граждан или групп.

Проектирование ГИС как институциональная стадия цифрового управления

Российский порядок создания ГИС уже содержит формализованную раннюю стадию. Постановление Правительства РФ № 676 предусматривает подготовку концепции с технико-экономическим обоснованием; на её основе решается вопрос о целесообразности системы и формируются требования для последующих этапов, включая техническое задание [14]. Концепция фиксирует проблемы, цели, автоматизируемые процессы, архитектуру, состав информации, ожидаемый эффект, показатели автоматизации и ресурсы.

Здесь проявляется различие между проектной и общественной оценкой. Общий порядок позволяет проверить архитектуру, ресурсы, информационную безопасность и соответствие нормативным документам. Однако карта затрагиваемых групп, анализ распределения общественных рисков, рассмотрение альтернатив автоматизации, внешняя оценка и документированная реакция на общественные замечания не закреплены как самостоятельные обязательные элементы общего порядка создания ГИС.

В то же время 212-ФЗ содержит пригодные формы ex ante контроля. Общественная экспертиза охватывает не только действующие акты и решения, но и их проекты, документы и иные материалы; общественное обсуждение применяется к общественно значимым вопросам и проектам решений с участием представителей затрагиваемых граждан и объединений [15]. Следовательно, правовая форма предварительной внешней оценки существует, но не встроена автоматически в жизненный цикл цифрового проекта.

Сходные предварительные процедуры существуют в других контурах. Проекты стратегических документов выносятся на общественное обсуждение, а поступившие замечания подлежат рассмотрению [16]. Оценка регулирующего воздействия проектов нормативных актов включает публичное обсуждение и итоговое заключение [17]. Эти механизмы показывают возможность включить внешнее замечание в цикл подготовки решения, но их объектом остаётся стратегический или нормативный документ, а не архитектура ГИС.

С 1 мая 2026 г. действует ГОСТ Р 72514-2026, устанавливающий рекомендации по оценке воздействия ИИ-систем на отдельных лиц и социальные группы и по документированию такой оценки на стадиях жизненного цикла [19]. Это важный методический ресурс, но национальные стандарты по общему правилу применяются добровольно [18]. Кроме того, внутренняя оценка воздействия сама по себе не создаёт общественного контроля: из неё не следуют автоматически внешний участник, публичность результата и обязанность реагировать на замечания.

Зарубежные механизмы предварительной оценки

Канадская модель интересна процессуальной связанностью. Directive on Automated Decision-Making увязывает требования к федеральным автоматизированным системам с уровнем их воздействия [20]. Обязательный Algorithmic Impact Assessment включает вопросы о дизайне, алгоритме, типе решения, данных, правах и иных последствиях, а также о консультациях и способе документировать полученную обратную связь [21].

Для проектов со второго уровня воздействия предусмотрена peer review, а заключение или его изложение простым языком публикуется до промышленной эксплуатации системы [22]. Смысл этой конструкции состоит в том, что предварительная оценка влияет на объём обязательных мер, а внешняя экспертиза имеет прямую временную связь с решением о запуске.

Нидерландский FRAIA делает акцент на междисциплинарной оценке воздействия алгоритмов на основные права. Апробация в пятнадцати государственных организациях показала пользу совместной работы юридических, технических и организационных специалистов, но также выявила высокие временные затраты и сложности включения всех необходимых ролей [8; 23]. Это подтверждает, что качественный инструмент оценки требует институциональной поддержки, а не только формы или опросника.

В ЕС статья 27 AI Act предусматривает fundamental rights impact assessment до применения определённых высокорисковых систем публичными органами и рядом поставщиков публичных услуг. Оценка охватывает контекст использования, затрагиваемые группы, риски, человеческий контроль и меры внутреннего управления [24]. Исследователи рассматривают эту процедуру как минимальный предварительный стандарт, который может дополняться более глубокой оценкой [9].

Институциональные разрывы российской модели

Сопоставление российских процедур позволяет говорить об институциональной фрагментации, а не об отсутствии предварительной оценки. Первый разрыв — временной: концепция ГИС фиксирует будущие требования на раннем этапе, но общественный контроль не включается в этот этап как регулярная процедура, запускаемая уровнем общественного воздействия. Внешняя реакция поэтому может возникнуть уже после перевода архитектурного выбора в техническое задание и обязательства по разработке.

Второй разрыв связан с объектом. Стратегическое обсуждение рассматривает документы политики, ОРВ — проекты нормативных актов, общественная экспертиза потенциально охватывает более широкий круг материалов, а порядок создания ГИС сосредоточен на самой системе. Между этими объектами нет автоматического перехода. Между тем публично значимое правило может закрепляться в цифровой форме, наборе данных или критерии классификации, а не только в тексте нормативного акта [12; 13].

Третий разрыв — информационный. До запуска знания о будущей системе сосредоточены у заказчика, оператора и разработчика. Полное раскрытие технической документации не всегда возможно, однако без минимального описания целей, автоматизируемых функций, данных, групп воздействия, человеческого участия и рисков внешняя оценка формальна. Нужна не абсолютная техническая прозрачность, а информация, достаточная для постановки содержательных вопросов.

Четвёртый разрыв касается последствий участия. Консультация не гарантирует влияния на проект, особенно если организация одновременно определяет риски, оценивает их и решает, какие меры достаточны [3–5]. Поэтому существенное замечание должно иметь проверяемый статус: принято, частично принято, отклонено либо направлено на дополнительную проверку, с указанием того, какой проектный параметр изменён или почему сохранён.

Наконец, сфера оценки не должна ограничиваться системами, маркированными как ИИ. Детерминированный алгоритм тоже способен ранжировать заявления, присваивать статусы и ограничивать допустимые действия. Политико-институциональный критерий должен исходить из воздействия на публичную функцию и положение затрагиваемых лиц, а не только из технологической природы решения.

Политико-институциональная модель превентивной подотчётности

Предлагаемая модель не требует нового контрольного органа. Она сопрягает существующий жизненный цикл ГИС с внешней подотчётностью. Точкой входа становится подготовка концепции: до утверждения ключевых требований проводится первичный скрининг общественного воздействия, определяющий глубину дальнейшей оценки.

К факторам повышенного воздействия можно относить влияние на доступ к услуге или публичному благу, автоматизацию административного усмотрения, рейтингование и профилирование, чувствительные данные, прогнозирование поведения, большой масштаб, воздействие на уязвимые группы и низкую обратимость последствий. Это аналитические ориентиры, а не готовый нормативный перечень. Их функция — обеспечить пропорциональность: чем выше цена проектной ошибки, тем сильнее внешняя составляющая оценки.

Следующий элемент — публичное проектное досье. Оно не предполагает раскрытия исходного кода. Достаточный минимум включает цель системы, автоматизируемые процессы, категории затрагиваемых лиц и данных, наличие классификации или рейтингования, роль человека, рассмотренные альтернативы, основные воздействия, меры снижения риска, ответственного публичного субъекта и способ пересмотра результата. Досье одновременно создаёт основу внешней оценки и исходную точку для последующего контроля.

Для систем среднего и высокого воздействия досье дополняется формализованной оценкой. ГОСТ Р 72514-2026 может служить

методической основой для ИИ, но модель должна охватывать и иные алгоритмические системы. Оценка отвечает не только на вопрос о техническом сбое, но и о распределении рисков между группами, изменении управленческих отношений, обратимости последствий и рассмотренных альтернативах [2; 19].

Внешняя оценка включается при установленном уровне воздействия. В российской системе её правовой формой может быть общественная экспертиза по 212-ФЗ, дополненная независимой профессиональной оценкой, когда требуются специальные знания. При этом субъект общественного контроля следует отличать от более широкого круга участников: затрагиваемые группы и специалисты предоставляют позиции и материалы, а формальная процедура сохраняет установленный законом статус [15].

Центральным элементом становится документированная реакция. Участие приобретает значение для подотчётности, если после него можно установить, какие существенные замечания получены, как они рассмотрены и что изменилось в концепции или техническом задании. Отклонение предложения допустимо: превентивная подотчётность означает не передачу проектного решения обществу, а обязанность объяснить выбор до его закрепления в работающей системе.

Превентивный контур завершается предзапусковой проверкой: первоначальное досье и результаты оценки сопоставляются с фактически подготовленной системой. Если существенные характеристики изменились, оценка обновляется. Такая логика соответствует идее reviewability, согласно которой возможность контроля создаётся документированием технических и организационных решений на протяжении процесса [6]. После запуска это позволяет проверять конкретные проектные обещания, а не абстрактное соответствие принципам.

Условия и ограничения институционализации

Первая опасность модели — процедурная перегрузка. Тяжёлая экспертиза каждого цифрового проекта замедлит развитие систем и обесценит контроль. Низкорисковые проекты могут ограничиваться базовым раскрытием и внутренней оценкой, тогда как для систем с существенным воздействием оправданы расширенная оценка и внешняя экспертиза. Практическую реализуемость масштабирования требований показывает канадский подход [20–22].

Вторая опасность — формализация участия. Большое число комментариев не делает проект подотчётным, если между замечанием и решением нет прослеживаемой связи. Защитой служат документированная реакция и версионирование требований. Нидерландский опыт дополнительно показывает, что содержательная оценка требует времени, междисциплинарности и организационной поддержки [8; 23].

Третье ограничение связано с информационной безопасностью. Общественная подотчётность не требует раскрывать любые технические сведения, но и ссылка на сложность не должна превращать проектирование в закрытую зону. Публичное досье может описывать функции и последствия, а чувствительные технические детали — оцениваться ограниченным кругом независимых экспертов с соблюдением режима доступа.

Заключение

Проектирование государственной цифровой системы следует рассматривать как самостоятельную политико-институциональную стадию: здесь административная цель превращается в устойчивые цифровые правила. Если общественный контроль включается только после запуска, общество оценивает последствия, но слабее влияет на первоначальный выбор архитектуры, данных и процедур. Превентивная подотчётность переносит часть внешней оценки на момент, когда проект ещё допускает изменение.

Российская система уже содержит необходимые элементы: концептуальное проектирование ГИС, общественную экспертизу и обсуждение, публичные процедуры подготовки стратегических и нормативных решений, а с 2026 г. — стандарт оценки воздействия ИИ. Ограничение заключается в их слабой процессуальной связанности: для системы с высоким общественным воздействием не возникает общего механизма, автоматически соединяющего проектное решение, внешнюю оценку, реакцию и проверку перед запуском.

Предложенная модель связывает эти элементы без создания параллельной бюрократии: на стадии концепции вводятся риск-скрининг, проектное досье и оценка воздействия; для более значимых систем — общественная и независимая экспертиза; существенные замечания получают документированную реакцию, а процесс завершается предзапусковой проверкой. Объектом контроля становится не код сам по себе, а будущее правило публичного управления, которое цифровая система должна институционализировать.

Литература

1. Koppell J. G. S. Pathologies of Accountability: ICANN and the Challenge of “Multiple Accountabilities Disorder” // Public Administration Review. 2005. Vol. 65, no. 1. P. 94–108. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2005.00434.x.

2. Stilgoe J., Owen R., Macnaghten P. Developing a framework for responsible innovation // Research Policy. 2013. Vol. 42, no. 9. P. 1568–1580. DOI: 10.1016/j.respol.2013.05.008.

3. Selbst A. D. An Institutional View of Algorithmic Impact Assessments // Harvard Journal of Law & Technology. 2021. Vol. 35, no. 1. P. 117–190.

4. Metcalf J., Moss E., Watkins E. A., Singh R., Elish M. C. Algorithmic Impact Assessments and Accountability: The Co-construction of Impacts // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. New York: ACM, 2021. P. 735–746. DOI: 10.1145/3442188.3445935.

5. Stahl B. C., Antoniou J., Bhalla N. [et al.]. A systematic review of artificial intelligence impact assessments // Artificial Intelligence Review. 2023. Vol. 56. P. 12799–12831. DOI: 10.1007/s10462-023-10420-8.

6. Cobbe J., Singh J. Reviewable Automated Decision-Making // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 39. Art. 105475. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105475.

7. Hirvonen H. Just accountability structures – a way to promote the safe use of automated decision-making in the public sector // AI & Society. 2024. Vol. 39. P. 155–167. DOI: 10.1007/s00146-023-01731-z.

8. Muis I., Kamphorst B., Straatman J. Responsible AI Innovation in the Public Sector: Lessons from and Recommendations for Facilitating Fundamental Rights and Algorithms Impact Assessments // Journal of Responsible Technology. 2025. Vol. 22. Art. 100118. DOI: 10.1016/j.jrt.2025.100118.

9. Gill-Pedro E. Fundamental Rights Impact Assessments in the EU’s AI Act: A teleological and contextual analysis of the obligations of deployers // European Journal of Law and Technology. 2025. Vol. 16, no. 3.

10. Игнатьева О. А. Алгократия в политической системе: pro & contra // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2. С. 138–145. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-138-145.

11. Мухаметов Д. Р. Прозрачность алгоритмов в государственном секторе: основные аспекты // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 12. С. 3867–3880. DOI: 10.18334/ce.18.12.122327.

12. Талапина Э. В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18, № 3. С. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27.

13. Кабытов П. П., Назаров Н. А. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18, № 3. С. 28–55. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.28.55.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.07.2015 № 676 «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации» (ред. от 01.07.2026).

15. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023).

16. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2024).

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии» (ред. от 01.06.2026).

18. Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026).

19. ГОСТ Р 72514-2026 (ИСО/МЭК 42005:2025). Искусственный интеллект. Оценка воздействия системы искусственного интеллекта. Введ. 01.05.2026.

20. Treasury Board of Canada Secretariat. Directive on Automated Decision-Making. Modified 24 June 2025. URL: https://www.tbs-

sct.canada.ca/pol/doc-eng.aspx?id=32592 (дата обращения: 07.09.2026).

21. Government of Canada. Algorithmic Impact Assessment tool. URL: https://www.canada.ca/en/government/system/digital-government/digital-government-innovations/responsible-use-ai/algorithmic-impact-assessment.html (дата обращения: 07.09.2026).

22. Treasury Board of Canada Secretariat. Guide to Peer Review of Automated Decision Systems. Ottawa, 2025. URL: https://www.canada.ca/en/government/system/digital-government/digital-government-innovations/responsible-use-ai/guide-peer-review-automated-decision-systems.html (дата обращения: 07.09.2026).

23. Government of the Netherlands. FRAIA in action: Lessons learned from 15 FRAIA projects at Dutch government organisations. 20 June 2024. URL: https://www.government.nl/documents/2024/06/20/fraia-in-action (дата обращения: 07.09.2026).

24. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Art. 27 // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.

Public Oversight at the Design Stage of Government Digital Systems: A Political-Institutional Model of Preventive Accountability

Maleev V.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines public oversight at the stage preceding the deployment of a government digital system. The problem is that a significant part of the rules of digital governance is fixed in the system concept, technical requirements and architecture before the consequences of these choices become visible to society. Institutional and comparative analysis is used to examine the Russian procedure for creating government information systems, public expertise and consultation, regulatory impact assessment, the new national standard for AI system impact assessment, and foreign mechanisms for ex ante assessment of automated decision systems. The study shows that Russian institutions already contain separate elements of preliminary assessment, but these elements do not form a unified procedure linking digital-system design to external public evaluation and a documented response by the public authority. The article develops a political-institutional model of preventive accountability based on risk screening, a public project dossier, impact assessment, external review for systems with elevated societal impact, documented consideration of comments and a pre-deployment review.

Keywords: public oversight, government digital systems, preventive accountability, government information system design, impact assessment, public expertise, digital governance.

References

1. Koppell J. G. S. Pathologies of Accountability: ICANN and the Challenge of “Multiple Accountabilities Disorder” // Public Administration Review. 2005. Vol. 65, no. 1. P. 94–108. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2005.00434.x.
2. Stilgoe J., Owen R., Macnaghten P. Developing a framework for responsible innovation // Research Policy. 2013. Vol. 42, no. 9. P. 1568–1580. DOI: 10.1016/j.respol.2013.05.008.
3. Selbst A. D. An Institutional View of Algorithmic Impact Assessments // Harvard Journal of Law & Technology. 2021. Vol. 35, no. 1. P. 117–190.
4. Metcalf J., Moss E., Watkins E. A., Singh R., Elish M. C. Algorithmic Impact Assessments and Accountability: The Co-construction of Impacts // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Trans-parency. New York: ACM, 2021, pp. 735–746. DOI: 10.1145/3442188.3445935.
5. Stahl B. C., Antoniou J., Bhalla N. [et al.]. A systematic review of artificial intelligence impact assessments // Artificial Intelligence Review. 2023. Vol. 56. P. 12799–12831. DOI: 10.1007/s10462-023-10420-8.
6. Cobbe J., Singh J. Reviewable Automated Decision-Making // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 39. Art. 105475. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105475.
7. Hirvonen H. Just accountability structures – a way to promote the safe use of automated decision-making in the public sector // AI & Society. 2024. Vol. 39. P. 155–167. DOI: 10.1007/s00146-023-01731-z.
8. Muis I., Kamphorst B., Straatman J. Responsible AI Innovation in the Public Sector: Lessons from and Recommendations for Facilitating Fundamental Rights and Algorithms Impact Assessments // Journal of Responsible Technology. 2025. Vol. 22. Art. 100118. DOI: 10.1016/j.jrt.2025.100118.
9. Gill-Pedro E. Fundamental Rights Impact Assessments in the EU’s AI Act: A teleological and contextual analysis of the obligations of deployers // European Journal of Law and Technology. 2025. Vol. 16, no. 3.
10. Ignatyeva O. A. Algocracy in the Political System: Pros & Cons // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. Vol. 8, No. 2. pp. 138–145. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-138-145.
11. Mukhametov D. R. Transparency of Algorithms in the Public Sector: Key Aspects // Creative Economy. 2024. Vol. 18, No. 12. pp. 3867–3880. DOI: 10.18334/ce.18.12.122327.
12. Talapina E. V. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18, No. 3. Pp. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27.
13. Kabitov P. P., Nazarov N. A. Transparency of Public Administration in the Context of Automated Decision-Making // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18, No. 3. Pp. 28–55. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.28.55. 14. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 6, 2015 No. 676 "On the Requirements for the Procedure for the Creation, Development, Commissioning, Operation, and Decommissioning of State Information Systems and the Further Storage of Information Contained in Their Databases" (as amended on July 1, 2026).
15. Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation" (as amended on December 25, 2023).
16. Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" (as amended on July 13, 2024).
17. Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.12.2012 No. 1318 "On the Procedure for Conducting Regulatory Impact Assessments of Draft Regulatory Legal Acts and Draft Decisions of the Eurasian Economic Commission by Federal Executive Bodies" (as amended on 01.06.2026).
18. Federal Law of 29.06.2015 No. 162-FZ "On Standardization in the Russian Federation" (as amended on 04.08.2026).
19. GOST R 72514-2026 (ISO/IEC 42005:2025). Artificial Intelligence. Artificial Intelligence System Impact Assessment. Introduced on 01.05.2026.
20. Treasury Board of Canada Secretariat. Directive on Automated Decision-Making. Modified June 24, 2025. URL: https://www.tbs-sct.canada.ca/pol/doc-eng.aspx?id=32592 (accessed September 7, 2026).
21. Government of Canada. Algorithmic Impact Assessment tool. URL: https://www.canada.ca/en/government/system/digital-government/digital-government-innovations/responsible-use-ai/algorithmic-impact-assessment.html (accessed September 7, 2026).
22. Treasury Board of Canada Secretariat. Guide to Peer Review of Automated Decision Systems. Ottawa, 2025. URL: https://www.canada.ca/en/government/system/digital-government/digital-government-innovations/responsible-use-ai/guide-peer-review-automated-decision-systems.html (accessed: 07.09.2026).
23. Government of the Netherlands. FRAIA in action: Lessons learned from 15 FRAIA projects at Dutch government organizations. 20 June 2024. URL: https://www.government.nl/documents/2024/06/20/fraia-in-action (accessed: 07.09.2026).
24. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Art. 27 // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.

Защита государственного суверенитета как фактор становления многополярного мира

Мустафин Максим Наркисович
аспирант, кафедра государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, magnusmaks@yandex.ru

В статье исследуется взаимосвязь между защитой государственного суверенитета и становлением многополярной системы международных отношений. Рассматриваются современные конфликты — американо-иранское противостояние и специальная военная операция на Украине — через призму национальной безопасности и военной политики государств, претендующих на статус центров многополярного мира. Анализируется трансформация военных доктрин, включая корректировку ядерной политики Российской Федерации, как ответ на новые угрозы суверенитету. Обосновывается вывод о том, что защита суверенитета перестаёт быть исключительно оборонительной задачей и превращается в инструмент структурирования нового миропорядка, а также в условие и следствие формирования многополярности.
Ключевые слова: государственный суверенитет, национальная безопасность, военная политика, многополярный мир, ядерное сдерживание, военная доктрина, американо-иранское противостояние, специальная военная операция, центры силы, стратегическая автономия.

Современная система международных отношений переживает период глубокой трансформации. Однополярная модель, утвердившаяся после окончания холодной войны, постепенно утрачивает свою устойчивость под воздействием объективных процессов перераспределения экономической и военной мощи. В этих условиях категория государственного суверенитета приобретает новое звучание. Если в предшествующие десятилетия суверенитет нередко трактовался как препятствие для глобального управления, то сегодня он всё чаще рассматривается как фундаментальное условие выживания государств и народов в условиях нарастающего внешнего давления. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации прямо указывает, что на фоне целенаправленной политики по сдерживанию Российской Федерации жизненно важное значение приобретают укрепление её суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела. Таким образом, защита суверенитета возводится в ранг высшего национального приоритета, что отражает качественное изменение международной обстановки.

Актуальность темы обусловлена тем, что впервые за несколько десятилетий суверенитет перестал восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Государства, ещё недавно считавшие свою безопасность гарантированной участием в блоковых структурах или общим балансом сил, сегодня вынуждены пересматривать базовые основания своей военной политики. Это касается не только великих держав, но и государств среднего масштаба, которые ищут собственную нишу в формирующейся многополярной конфигурации. Защита суверенитета становится не просто технической задачей обороны, а политическим проектом, определяющим место государства в новой иерархии международных отношений [1, 2].

Категория суверенитета традиционно рассматривается в неразрывной связи с понятиями национальной безопасности и военной политики. Военная доктрина любого государства представляет собой концентрированное выражение представлений о том, какие угрозы являются критическими и какими средствами они должны нейтрализовываться. В условиях, когда традиционные громоздкие военно-политические союзы уже не могут обеспечить противодействия всему спектру современных вызовов и угроз, являющихся трансграничными по своему характеру, государства вынуждены искать новые формы обеспечения своей безопасности.

Показательно, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года народ прямо назван носителем суверенитета и главным достоянием страны, а духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности — фундаментом государственности. Такая формулировка раздвигает рамки сугубо юридического понимания суверенитета, включая в него социокультурное измерение. Это принципиально важно, поскольку современные угрозы суверенитету всё чаще реализуются не только через военную силу, но и через подрыв ценностных основ общества, искажение исторической памяти, разжигание внутренних противоречий.

С теоретической точки зрения важно разграничивать формальный и реальный суверенитет. Формальный суверенитет означает юридическое признание независимости государства, его права самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику. Реальный суверенитет предполагает фактическую способность государства проводить эту политику, не считаясь с давлением извне. Разрыв между формальным и реальным суверенитетом становится одной из ключевых проблем современного мира. Многие государства формально независимы, но фактически лишены возможности принимать решения, противоречащие интересам более мощных игроков. Преодоление этого разрыва и составляет содержание борьбы за суверенитет в современных условиях [3, 4].

Наиболее рельефно проблематика защиты суверенитета проявляется в двух крупных конфликтах современности: американо-иранском противостоянии и специальной военной операции на Украине. Оба конфликта, несмотря на их внешнюю несхожесть, имеют общую глубинную природу — они отражают сопротивление суверенных государств попыткам внешнего управления их внутренней и внешней политикой.

Американо-иранское противостояние вышло на качественно новый уровень в 2026 году, когда Соединённые Штаты нанесли прямые удары по трём иранским ядерным объектам — Фордо, Исфахану и Натанзу. Президент США Дональд Трамп заявил, что ключевые ядерные объекты Ирана были «полностью и окончательно уничтожены», пригрозив Тегерану новыми ударами в случае ответных действий. Американская сторона также развернула кампанию против иранских нефтяных танкеров, нанося удары по ним в качестве ответа на попытки Ирана атаковать военные корабли США в районе Ормузского пролива. Иранская сторона, в свою очередь, рассматривает эти действия как прямое посягательство на свой суверенитет и право на самостоятельное развитие, включая право на мирную ядерную программу. Показательно, что удары по ядерным объектам были нанесены в момент, когда Международное агентство по атомной энергии фиксировало активизацию строительных работ на объекте «Гора Кирка» вблизи Натанза, не имея при этом доступа к подземным туннелям для установления характера ведущихся там работ. Это создаёт ситуацию неопределённости, которая используется как предлог для военного давления [5, 6].

Аналитики отмечают, что конфликт с Ираном может затянуться вплоть до 2029 года, поскольку иранская сторона демонстрирует способность к длительному сопротивлению, а американская администрация сталкивается с истощением запасов критически важных боеприпасов, включая ракеты-перехватчики Patriot. Вице-президент США Джей Ди Вэнс запрашивал у военных командующих оценку того, как продолжение войны с Ираном может повлиять на способность США противостоять потенциальным угрозам со стороны Китая, России и Кореи. Это свидетельствует о том, что американское руководство осознаёт ограниченность своих ресурсов и вынуждено учитывать многополярную реальность. Существенно и то, что иранский кризис демонстрирует эрозию механизмов международного контроля над вооружениями. Договор о нераспространении ядерного оружия, долгое время служивший основой глобальной безопасности, фактически утратил действенность в отношении иранской ядерной программы. Совет Безопасности ООН оказался неспособен принять действенные меры, а европейские посредники утратили влияние на ход событий. Это создаёт опасный прецедент, когда силовое давление подменяет собой переговорный процесс, а суверенное государство ставится перед выбором между капитуляцией и сопротивлением.

Специальная военная операция на Украине представляет собой ещё более показательный пример защиты суверенитета. С точки зрения российской военно-политической мысли, речь идёт о противодействии попыткам превратить территорию Украины в плацдарм для военного, политического и культурного давления на Россию. Характерно, что изменения в ядерной доктрине Российской Федерации, объявленные в сентябре 2024 года, прямо увязываются с агрессией против суверенной территории России при поддержке ядерного государства. Согласно новой редакции доктрины, агрессия любого неядерного государства при поддержке или с участием ядерного государства рассматривается как их совместное нападение на Российскую Федерацию.

Более того, российская ядерная доктрина теперь допускает применение ядерного оружия в ответ на массированный старт средств воздушно-космического нападения — самолётов, крылатых ракет, беспилотников, гиперзвуковых систем — и их пересечение государственной границы. Это принципиальное расширение перечня угроз, при которых возможно применение ядерного оружия, отражает понимание того, что современные неядерные средства поражения по своей разрушительной мощи и скорости доставки приблизились к ядерным, а следовательно, могут использоваться для обезоруживающего удара. Украинский конфликт высветил и ещё один аспект проблемы суверенитета — вопрос о праве государства на защиту своих граждан и соотечественников за рубежом. Российская позиция исходит из того, что защита прав и интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории Украины, является не вмешательством во внутренние дела, а реализацией законного права на защиту своих людей. Этот аргумент, отвергаемый западными государствами, находит понимание у многих стран, которые сами сталкивались с дискриминацией своих диаспор и необходимостью реагировать на неё [7].

Трансформация военных доктрин государств, претендующих на роль центров многополярного мира, отражает более глубокий процесс — формирование новой архитектуры международной безопасности, основанной на признании права каждого государства на защиту своих жизненных интересов. Россия в этом контексте выступает не только как объект внешнего давления, но и как субъект формирования новых правил.

Расширение категорий государств и военных союзов, в отношении которых проводится ядерное сдерживание, дополнение перечня военных угроз, для нейтрализации которых выполняются мероприятия ядерного сдерживания, — всё это свидетельствует о переходе от реактивной к проактивной модели обеспечения безопасности. Российская Федерация демонстрирует готовность не просто реагировать на уже возникшие угрозы, но и формировать условия, при которых сама возможность возникновения таких угроз становится неприемлемо рискованной для потенциального агрессора. Показательно, что изменения в ядерной доктрине были объявлены публично на заседании Совета Безопасности по ядерному сдерживанию, что придаёт им характер не просто военно-технического, но и политического сигнала. Это сигнал не только и не столько вероятному противнику, сколько союзникам и партнёрам, заинтересованным в сохранении стабильности. Кремль подчеркнул, что ядерное сдерживание направлено на то, чтобы потенциальные противники понимали неизбежность возмездия в случае агрессии против России или её союзников [8, 9].

Аналогичные процессы, хотя и в иных формах, наблюдаются и в других государствах, претендующих на самостоятельную роль в мировой политике. Иран, несмотря на беспрецедентное военное давление, продолжает отстаивать своё право на развитие ядерной программы и независимую внешнюю политику. Китай последовательно укрепляет свой военный потенциал, рассматривая его как гарантию суверенного развития. Индия следует курсу стратегической автономии, не присоединяясь к блоковым структурам, направленным против третьих стран.

Особого внимания заслуживает опыт Китайской Народной Республики. Пекин последовательно наращивает военно-морской потенциал, развивает ракетные войска и системы противовоздушной обороны, рассматривая их как инструмент обеспечения суверенитета в Тихоокеанском регионе. Китайская военная доктрина исходит из принципа активной обороны, предполагающего способность нанести неприемлемый ущерб любому агрессору. Это не означает стремления к военному превосходству, но гарантирует, что попытки силового давления на Китай будут сопряжены с неоправданными издержками. Индия, обладающая ядерным оружием и развитой военной промышленностью, также придерживается курса на стратегическую автономию. Нью-Дели отказывается присоединяться к блокам, направленным против конкретных государств, и сохраняет самостоятельность в вопросах закупок вооружений и военно-технического сотрудничества. Индийская доктрина минимального сдерживания предполагает наличие достаточного ядерного арсенала для нанесения ответного удара, но не стремится к количественному паритету с более мощными державами.

Защита государственного суверенитета перестаёт быть исключительно оборонительной задачей. В условиях формирующегося многополярного мира она становится инструментом структурирования международных отношений. Государство, способное эффективно защищать свой суверенитет, объективно становится центром притяжения для других государств, разделяющих аналогичные ценности и сталкивающихся с аналогичными угрозами.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации исходит из того, что Россия оказывает существенное влияние на формирование новой архитектуры международных отношений, являясь одним из влиятельных центров современного мира. Это не просто декларация, а констатация объективного положения вещей. Способность России противостоять беспрецедентному внешнему давлению, сохраняя при этом внутреннюю стабильность и продолжая социально-экономическое развитие, создаёт прецедент, значимый для многих государств, которые не желают мириться с ролью объектов чужой политики [10].

Многополярность не означает хаоса или анархии. Напротив, она предполагает формирование устойчивых правил взаимодействия, основанных на взаимном уважении суверенитета и учёте интересов друг друга. В этом смысле защита суверенитета отдельными государствами парадоксальным образом способствует упорядочению международной системы, поскольку создаёт барьеры для произвольного применения силы и навязывания воли одних государств

другим. Важно подчеркнуть, что многополярность не является синонимом конфронтации. Речь идёт о формировании системы, в которой несколько центров силы взаимодействуют на основе баланса интересов, а не диктата одного игрока. Защита суверенитета в такой системе становится не подготовкой к войне, а инструментом поддержания стабильности. Государство, уверенное в своей способности защитить свои интересы, менее склонно к авантюрам и более готово к конструктивному диалогу.

Следует учитывать и экономическое измерение суверенитета. Технологическая зависимость, уязвимость финансовой системы, зависимость от внешних поставок критически важных ресурсов — всё это подрывает реальный суверенитет не меньше, чем военная угроза. Поэтому защита суверенитета в современных условиях включает в себя импортозамещение, развитие собственных технологий, укрепление финансовой системы. Государства, добившиеся успеха на этом пути, становятся более устойчивыми и менее подверженными внешнему давлению [11, 12].

Таким образом, современные конфликты, включая американо-иранское противостояние и специальную военную операцию на Украине, со всей очевидностью демонстрируют, что защита государственного суверенитета является не пережитком прошлого, а фундаментальным условием выживания и развития государств в современном мире. Трансформация военных доктрин, включая корректировку ядерной политики Российской Федерации, отражает объективную необходимость адаптации к новым угрозам, которые уже не сводятся к классической военной агрессии. Формирование многополярного мира неразрывно связано с укреплением суверенитета государств, отказывающихся от роли объектов чужой политики. Россия, последовательно отстаивая свои национальные интересы, не только обеспечивает собственную безопасность, но и создаёт предпосылки для более справедливого и устойчивого миропорядка. В этом смысле защита суверенитета является одновременно и условием, и следствием становления многополярной системы международных отношений.

Дальнейшее развитие событий будет зависеть от способности государств, претендующих на роль центров многополярного мира, не только защищать свой суверенитет, но и предлагать конструктивную повестку международного взаимодействия. Сила без справедливости порождает сопротивление, тогда как справедливость без силы остаётся декларацией. Сочетание способности к защите своих интересов с готовностью к равноправному диалогу — это тот путь, который ведёт к устойчивому многополярному миру, основанному на уважении суверенитета всех его участников.

Литература

1. Кабанова О.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка // Международное право. 2025. № 3. С. 157-175.
2. Кочесоков З.Х., Воропаев И.Г. Государственный суверенитет в контексте развития многополярного мира// Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. №3. С. 022-026.
3. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62.
4. Шахмин, Н. В. Россия — основа многополярного мира / Н. В. Шахмин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 9 (195). — С. 131-134.
5. Неклесса А. И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис: Политические исследования. 2021. No. 5. С. 39–55.
6. Меркурьев В., Боброва О. Защита суверенитета России в современных геополитических реалиях. Обозреватель-Observer. 2023;(1):137-152.
7. Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020. 350 с.
8. Степанюк В. Р. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РОССИИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ОПОРА ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СУВЕРЕНИТЕТА // Вестник науки. 2025. №8 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogonatsionalnyy-narod-rossii-kak-istoricheskaya-opora-tselostnosti-gosudarstva-i-ego-suvereniteta (дата обращения: 12.09.2026).
9. Воропаев И. Г., Кочесоков З. Х. Государственный суверенитет в контексте развития многополярного мира // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16 № 3.
10. Карпова, А. Е. Государственный суверенитет в современных условиях / А. Е. Карпова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 23 (127). — С. 334-336.
11. Шумилов М. М., Гуркин А. Б. Кризис экономической глобализации как фактор становления многополярного мира // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 137-148.
12. Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Глобализация в формате многополярности: философско-мировоззренческое обоснование глобополицентризма // Философская мысль. 2024. № 4. С. 20-33.

Protecting State Sovereignty as a Factor in the Evolution of a Multipolar World

Mustafin, M.N.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the relationship between protecting state sovereignty and the emergence of a multipolar system of international relations. Contemporary conflicts—the US-Iran confrontation and the special military operation in Ukraine—are examined through the lens of national security and military policy of states aspiring to become centers of a multipolar world. The transformation of military doctrines, including the adjustment of the Russian Federation's nuclear policy, is analyzed in response to new threats to sovereignty. The conclusion is that protecting sovereignty is no longer a purely defensive task and is becoming a tool for structuring a new world order, as well as a prerequisite for and a consequence of the emergence of multipolarity.

Keywords: state sovereignty, national security, military policy, multipolar world, nuclear deterrence, military doctrine, US-Iranian confrontation, special military operation, centers of power, strategic autonomy.

References

1. Kabanova O.V. The state sovereignty of the Russian Federation in the context of the transformation of the international legal order // International law. 2025. No. 3. pp. 157-175.
2. Kochesokov Z.Kh., Voropaev I.G. State sovereignty in the context of the development of a multipolar world// Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. No. 3. pp. 022-026.
3. Drobinin A.Y. The image of a multipolar world // Russia in Global Politics. 2023. Vol. 21. No. 2. pp. 54-62.
4. Shakhmin, N. V. Russia — the basis of a multipolar world / N. V. Shakhmin. — Text : direct // Young scientist. — 2018. — № 9 (195). — Pp. 131-134.
5. Neklessa A. I. Civilization as a process: the multiplied subjects of Postmodernity // Polis: Political studies. 2021. No. 5. pp. 39-55.
6. Merkuryev V., Bobrova O. Protection of Russian sovereignty in modern geopolitical realities. The Observer-The Observer. 2023;(1):137-152.
7. Ruvinsky R. Z. Law and order in the period of global crisis: transformations, trends, threats. St. Petersburg: Aleteya, 2020. 350 p.
8. Stepanyuk V. R. THE MULTINATIONAL PEOPLE OF RUSSIA AS A HISTORICAL PILLAR OF THE INTEGRITY OF THE STATE AND ITS SOVEREIGNTY // Bulletin of Science. 2025. No. 8 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogonatsionalnyy-narod-rossii-kak-istoricheskaya-opora-tselostnosti-gosudarstva-i-ego-suvereniteta (accessed: 09/12/2026).
9. Voropaev I. G., Kochesokov Z. H. State sovereignty in the context of the development of a multipolar world // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16 No. 3.
10. Karpova, A. E. State sovereignty in modern conditions / A. E. Karpova. — Text : direct // Young scientist. — 2016. — № 23 (127). — Pp. 334-336.
11. Shumilov M. M., Gurkin A. B. The crisis of economic globalization as a factor in the formation of a multipolar world // Management consulting. 2025. No. 4. pp. 137-148.
12. Guryanov N.Yu., Guryanova A.V. Globalization in the multipolarity format: philosophical and ideological justification of globopolycentrism // Philosophical Thought. 2024. No. 4. pp. 20-33.

Искусственный интеллект в преддверии выборов в Государственную Думу 2026 года: PR-акция или цифровизация избирательных процессов?

Яманова Ольга Александровна
аспирант, кафедра политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Статья разбирает, что реально стоит за разговорами об искусственном интеллекте применительно к выборам депутатов Государственной Думы IX созыва, назначенным на период с 18 по 20 сентября 2026 г. Тема искусственного интеллекта (ИИ) звучит почти в каждом заявлении партийного штаба, однако соответствие этой риторики фактическим переменам в организации голосования и агитационной практике остаётся под вопросом. Автор разводит два во многом самостоятельных явления: цифровизацию избирательной инфраструктуры, к которой относится обновлённая государственная автоматизированная система «Выборы» 2.0 и дистанционное электронное голосование, и применение генеративных технологий в агитации, где заметны чат-боты, синтетические изображения и алгоритмический анализ настроений аудитории. Материалом послужили нормативные акты, публикации Центральной избирательной комиссии, материалы средств массовой информации и оценки политтехнологов. Показано, что на уровне администрирования выборов искусственный интеллект пока играет вспомогательную, но реальную роль, тогда как в агитационной сфере публичная риторика заметно опережает содержательную практику и выполняет по преимуществу демонстративную функцию. Одновременно уже сейчас нарастают риски, связанные с дезинформацией и синтетическим контентом, причём глубина реального внедрения технологий на эти риски почти не влияет.

Ключевые слова: искусственный интеллект, выборы, Государственная Дума, цифровизация, политическая коммуникация, дистанционное электронное голосование, дипфейк, избирательные технологии, PR, дезинформация.

Разговоры о том, что искусственный интеллект пришёл в российскую политику, за последний год звучали настолько часто, что словосочетание почти утратило смысловую нагрузку. Партийные штабы сообщают о нейросетях, пишущих программные документы, о генерации агитационных изображений, о чат-ботах, которые ведут диалог с избирателем. Параллельно с этой риторикой идут вполне ощутимые перемены в самой архитектуре выборов, среди которых переход на обновлённую государственную автоматизированную систему «Выборы» 2.0, созданную с расчётом на технологическую независимость [1]. Кампания успела обзавестись и первым публичным скандалом вокруг ИИ-генерации в агитационных материалах: партия «Зелёные» в Красноярском крае оспорила предвыборный плакат кандидата, заявив, что изображение создано технологиями искусственного интеллекта и способно ввести избирателя в заблуждение относительно реального облика претендента [2]. Складывается противоречивая картина, в которой громкая риторика об ИИ соседствует с неясностью относительно того, что именно за ней стоит.

Кампания 2026 г. стала первой думской кампанией, где упоминание искусственного интеллекта превратилось в почти обязательный элемент самопрезентации партии, независимо от её реального технологического уровня. Одновременно с этим риторическим фоном разворачивается заметная модернизация административной инфраструктуры выборов: расширяется дистанционное электронное голосование, тестируются региональные электронные системы буквально накануне единого дня голосования [3]. Совпадают ли эти процессы по содержанию, или один из них служит скорее оболочкой, тогда как другой представляет собой реальное технологическое наполнение? Ответ на этот вопрос осложняется тем, что применение генеративного ИИ в агитации несёт вполне конкретные угрозы, среди которых дезинформация и размывание границы между подлинным и синтетическим контентом [4, 5], а значит, разбирать тему исключительно в оптимистичном ключе технологического прогресса было бы неосторожно.

1. Искусственный интеллект как инструмент политической коммуникации: к чему опереться теоретически

Начать стоит с терминологической оговорки, без которой дальнейший разбор рискует остаться поверхностным. Понятие искусственного интеллекта применительно к выборам употребляется предельно вольно. Под одной вывеской у исследователя оказываются простейший чат-бот со сценарным деревом диалогов и полноценная генеративная модель, способная создавать связные тексты и изображения. За формулировкой партийного штаба об использовании ИИ может скрываться серьёзная аналитическая работа с большими массивами данных, а может и точечная нейросетевая ретушь фотографии кандидата в графическом редакторе. Держать это различие в уме приходится постоянно, иначе контент-анализ заявлений штабов грозит свестись к пересказу пресс-релизов.

В зарубежной политической науке за последнее десятилетие оформилось отдельное направление, посвящённое вычислительной пропаганде. С. Вулли и Ф. Ховард определяют её как совокупность практик, при которых алгоритмы, автоматизация и человеческое кураторство совместно работают на распространение дезориентирующей информации в социальных сетях [6]. Технологии здесь не столько заменяют человека, сколько ускоряют и масштабируют то, что раньше делалось вручную. Применительно к российской ситуации эта мысль во многом справедлива: значительная часть того, что называется применением ИИ в агитации, представляет собой ускоренную версию давно известных приёмов политического PR, только упакованную в новую технологическую оболочку.

Заметный корпус работ посвящён микротаргетингу, адресной доставке политической рекламы на основе анализа поведения избирателей. Ф. Зёйдервен Боргезиус с соавторами показывают двойственность этой технологии: избиратель получает более релевантную информацию, зато публичная сфера фрагментируется на персонализированные, порой взаимоисключающие версии политической реальности [7]. В России проблема пока не так остра, как в странах с развитой инфраструктурой цифровой политической рекламы.

Телевидение по-прежнему остаётся основным источником политической информации для значительной части избирателей, а таргетированная агитация в интернете, хотя и растёт, погоды в масштабе всей кампании не делает.

Отдельное направление составляют исследования синтетического медиаконтента. Р. Чесни и Д. Ситрон формулируют мысль довольно резко: технологии глубокого синтеза видео и звука бьют не по отдельным фактам восприятия, а по самой способности граждан отличать подлинное от сфабрикованного [4]. У. Беннетт и С. Ливингстон вводят понятие порядка дезинформации, описывая системное встраивание манипулятивных практик в ткань современной публичной коммуникации, из-за чего традиционные механизмы медийного контроля перестают справляться со своей задачей [5]. П. Ховард образно описывает всю эту инфраструктуру как машину лжи, объединяющую троллинг, ботоводство и производство мусорного контента в единый технологический комплекс.

Опираясь на приведённые подходы, стоит различать два уровня применения ИИ в электоральном процессе. Первый уровень связан с автоматизацией технических процедур организации выборов, от регистрации избирателей до подсчёта голосов и кибербезопасности избирательных систем. Второй уровень охватывает использование ИИ для мобилизации, формирования образа кандидата, анализа и таргетирования настроений электората. Именно на пересечении этих двух уровней находится главный вопрос исследования.

2. Правовое поле: чем регулируется, а чем пока не регулируется применение искусственного интеллекта на выборах

Базовым актом остаётся Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, принятый в 2002 г. Специальных норм об искусственном интеллекте в нём нет, что закономерно: закон писался задолго до того, как эта тема вообще возникла в публичной повестке. На практике всё, что связано с ИИ на выборах, регулируется через более общее законодательство, прежде всего через Указ Президента о развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации, утвердивший национальную стратегию в 2019 г. Сегодня в стране действует лишь рамочный закон об искусственном интеллекте, тогда как специальные правила для избирательных кампаний ещё только формируются, что признают и сами эксперты, отслеживающие ход кампании [8].

Отсутствие профильного регулирования отчасти компенсируется общими нормами законодательства об агитации, устанавливающими требования к достоверности материалов, а отчасти практикой избирательных комиссий, которые вырабатывают ситуативные подходы к оценке ИИ-контента прямо по ходу кампании. Показателен красноярский случай. Партия «Зелёные» оспорила предвыборный плакат действующей депутатки, кандидатки от партии власти, указав, что изображение сгенерировано искусственным интеллектом и способно ввести избирателя в заблуждение относительно реального облика претендентки. Краевая избирательная комиссия нарушения не нашла: кандидаты, по её мнению, вправе самостоятельно определять формы, методы и художественные приёмы обработки собственных изображений, а использование современных технологий этому не противоречит [2]. История небольшая, но показательная: грань между допустимой ретушью и искажающим реальность образом на практике никем толком не определена, поэтому решение остаётся на усмотрение конкретной комиссии, а значит, от региона к региону может трактоваться по-разному.

Стоит учитывать и институциональный фон. Полномочия Центральной избирательной комиссии восьмого состава истекли в марте 2026 г., новый состав сформирован совместным решением президента, Совета Федерации и Государственной Думы [1]. Совпадение этого обновления по времени с обострением дискуссии о цифровизации выборов вряд ли случайно и позволяет говорить о некотором институциональном согласии относительно необходимости технологического обновления системы. Другое дело, что содержательные параметры такого обновления, включая границу между автоматизацией административных процедур и генеративным ИИ в агитации, остаются предметом спора среди экспертного сообщества.

3. ГАС «Выборы» 2.0 и дистанционное электронное голосование: что здесь от искусственного интеллекта, а что от простой цифровизации

Главное техническое событие кампании, переход на обновлённую государственную автоматизированную систему «Выборы» 2.0, разработчики позиционируют как продукт, созданный с оглядкой на технологический суверенитет и импортозамещение [1]. В публичных материалах об этой системе акцент делается почти исключительно на инфраструктурных вещах, среди которых переход на отечественное программное обеспечение и повышение устойчивости системы к внешним воздействиям. Алгоритмические компоненты системы, способные автоматически выявлять аномалии при подсчёте голосов или прогнозировать нагрузку на избирательные участки, упоминаются заметно реже и как будто вскользь. Это, пожалуй, самое наглядное подтверждение тезиса, к которому подводит вся логика раздела: на административном уровне цифровизация выборов остаётся по большей части автоматизацией документооборота и повышением отказоустойчивости системы, а не внедрением машинного обучения в процедуры принятия решений.

Параллельно расширяется дистанционное электронное голосование, охватывающее голосование через федеральный портал в ряде регионов страны и сохраняющуюся московскую систему на городском портале [3]. Тестирование региональной системы дистанционного голосования проводилось буквально накануне единого дня голосования, 28 августа 2026 г., что говорит о продолжающейся отладке технологической инфраструктуры вплоть до самого старта кампании [9]. Здесь важно не путать понятия. Дистанционное электронное голосование по своей сути представляет собой систему электронного документооборота и криптографической защиты волеизъявления, а элементы искусственного интеллекта в этой инфраструктуре носят вспомогательный характер и решают прежде всего задачи защиты от кибератак и выявления подозрительной активности.

Показательна и осторожность законодателя: за избирателем в любом случае сохраняется право проголосовать бумажным бюллетенём, независимо от того, в каком формате организовано голосование в конкретном регионе [1]. Подобный подход выглядит сознательной стратегией постепенного внедрения цифровых форматов, без резких шагов, способных подорвать доверие к результатам среди избирателей, по-прежнему настороженно относящихся к электронным технологиям. Специфику кампании усиливает и то, что впервые в думских выборах участвуют жители Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей [1], а значит, встаёт вопрос о равномерности развёртывания цифровой инфраструктуры по всей территории страны, включая эти регионы.

Применительно к административно-технологическому обеспечению выборов правильнее говорить именно о цифровизации в широком смысле слова, охватывающей автоматизацию документооборота, развитие дистанционных форматов голосования и импортозамещение программного обеспечения. Машинное обучение в строгом смысле присутствует здесь ограниченно и играет по большей части защитную, вспомогательную роль.

4. Искусственный интеллект в агитации: практики и модная риторика

На инфраструктурном уровне всё довольно сдержанно, зато в агитационной сфере разговоров об искусственном интеллекте гораздо больше, хотя содержание этих разговоров крайне неоднородно. Партийные штабы заявляют об использовании нейросетей почти для всего сразу: для написания текстов и создания визуальных материалов, для чат-ботов, ведущих диалог с избирателями и одновременно выявляющих преобладающие настроения аудитории, для стратегического планирования кампаний и прогнозирования результатов голосования [10].

Диалоговые системы стали, пожалуй, самой заметной из этих практик. Чат-боты в мессенджерах и на партийных цифровых платформах позиционируются как инструмент, способный вести дискуссию с пользователем и параллельно анализировать реакцию аудитории, то есть совмещать функцию общения с функцией сбора данных о настроениях [10]. Заметна и линия, связанная с генеративными моделями для подготовки агитационных материалов, от текстов выступлений до персонализированных сообщений под конкретную региональную или социальную аудиторию. Отдельные наблюдатели прогнозируют, что подобные алгоритмы способны в перспективе не только генерировать программные тексты, но и корректировать риторику кандидата в реальном времени, реагируя на восприятие аудиторией отдельных формулировок [11]. Насколько эта перспектива реалистична прямо сейчас, вопрос спорный, однако сама

постановка проблемы показательна для понимания того, куда движется отраслевая мысль политтехнологов.

Больше всего вопросов вызывает обработка визуальных агитационных материалов, портретов кандидатов, плакатов, роликов. Уже упомянутый красноярский случай хорошо иллюстрирует, что граница между обычной цифровой ретушью и созданием заметно искажённого образа на практике почти не проведена [2]. Подобные истории, скорее всего, будут повторяться и дальше просто потому, что прецедентная база пока крайне скудна, а формальные критерии допустимости почти отсутствуют.

Если посмотреть на всю эту активность чуть скептичнее, картина заметно меняется. Президент фонда «Петербургская политика» М. Виноградов прямо говорит, что партии осваивают искусственный интеллект скорее ради отчёта, чем для реальной пользы, а сколько-нибудь убедительных примеров содержательного применения этих технологий пока не видно [10]. Схожую мысль высказывает и руководитель научного совета Центра политической конъюнктуры А. Чеснаков: после официального старта кампании на её участников накладываются дополнительные ограничения, цена ошибки заметно возрастает, поэтому партии предпочитают действовать осторожно, избегая массового бесконтрольного использования нейросетей в агитационных материалах [8]. Сдерживающим фактором здесь выступает не столько нехватка технологий, сколько банальный расчёт репутационных и юридических рисков.

Есть и менее заметная, но, возможно, более содержательная область применения. Отдельные штабы ведут аналитическую работу с большими объёмами данных о поведении избирателей, автоматизированно тестируют агитационные материалы, адаптируют коммуникационные стратегии кампаний в реальном времени на основе социологических данных [11]. Обсуждается и появление автономных ИИ-агентов, берущих на себя отдельные задачи агитации и аналитики, что политтехнологи вынуждены осмыслять с точки зрения баланса между эффективностью и этическими ограничениями применения таких инструментов [11]. Проверить это со стороны трудно: штабная аналитика по определению редко становится предметом публичных заявлений, поэтому между декларируемым использованием ИИ и его реальным применением сохраняется заметный разрыв, который непросто закрыть кабинетными методами анализа открытых источников.

5. Так PR-акция или цифровизация? Попытка свести всё воедино

Сопоставление административного и агитационного уровней даёт довольно чёткую асимметрию, которая, собственно, и служит ответом на вопрос, вынесенный в заголовок статьи. На административном уровне доминирует модель функциональной цифровизации: обновление ГАС «Выборы», расширение дистанционного электронного голосования, предвыборное тестирование региональных систем представляют собой конкретные, технически проверяемые изменения, направленные на решение вполне ясных задач, среди которых технологический суверенитет и устойчивость инфраструктуры к внешним воздействиям [1, 9]. Собственно интеллектуальная составляющая здесь скромна, зато публичная риторика вокруг неё на удивление сдержанна, никакого явного PR на тему искусственного интеллекта как такового не наблюдается.

В агитационной сфере всё иначе: слов об ИИ гораздо больше, чем подтверждённых практик. Эксперты сходятся в том, что упоминание нейросетей в описании кампании чаще всего выполняет демонстративную функцию, сигнализируя о технологической современности партии или кандидата и отвечая на общественный запрос на инновационность, но далеко не всегда подкреплено устойчивым, воспроизводимым результатом [8, 10]. Если опираться на мысль Соловьёва о двойственной природе политической коммуникации, эту практику можно назвать символическим использованием искусственного интеллекта: технология работает здесь не столько как инструмент решения конкретной задачи, сколько как маркер принадлежности к актуальной повестке.

Свести всё исключительно к демонстративности было бы, впрочем, упрощением. У отдельных практик, персонализированной генерации сообщений, анализа настроений через чат-ботов, автоматизированного тестирования материалов, есть реальный инструментальный потенциал. По мере накопления опыта и снижения регуляторной неопределённости они вполне могут перейти из разряда действий для галочки в разряд рутинных инструментов кампании. Показательно наблюдение Чеснакова о том, что нормативная база формируется прямо по ходу кампании: чем яснее становятся правила, тем ниже репутационные риски для штабов, а значит, тем выше вероятность роста содержательного применения технологий в следующих избирательных циклах [8].

Однозначного ответа на вопрос заголовка, судя по всему, не существует. Правильнее говорить о двухуровневой картине, в которой административная цифровизация носит функциональный характер при скромной доле собственно искусственного интеллекта, тогда как агитационная сфера сегодня живёт по преимуществу демонстративным, PR-ориентированным применением технологий, сосуществующим с точечными, но перспективными содержательными практиками.

6. Риски, о которых стоит думать уже сейчас

Даже признание того, что применение ИИ в агитации пока по большей части демонстративное, не отменяет вполне реальных угроз. Размывание границы между подлинным и синтетическим контентом остаётся, пожалуй, самой очевидной из них: Чесни и Ситрон подробно писали об этом применительно к технологии дипфейков, указывая на удар по самой способности граждан отличать подлинные свидетельства от сфабрикованных [4]. В российской практике эта угроза уже проявилась, пусть пока в мягкой форме, в виде споров о степени алгоритмической обработки предвыборных изображений кандидатов [2], и по мере совершенствования технологий генерации видео и звука её острота, скорее всего, будет только расти.

Манипулятивный потенциал диалоговых систем заслуживает не меньшего внимания. Отдельные наблюдатели ссылаются на данные о том, что чат-боты и нейросети способны менять политические установки пользователей за считанные минуты общения, причём эффект сохраняется у заметной доли респондентов ещё месяц спустя [9]. Насколько строго такие цифры проверены методологически, вопрос отдельный и, честно говоря, требующий скепсиса, однако сам факт того, что подобная проблема обсуждается в профессиональной среде политтехнологов, свидетельствует о растущей рефлексии по поводу этических пределов применения ИИ в агитационной работе.

Институциональное доверие к результатам голосования как таковым тоже под вопросом. Беннетт и Ливингстон справедливо замечают, что системное распространение дезинформации бьёт не по отдельным фактам восприятия, а по самим механизмам, позволяющим демократической системе себя корректировать [5]. В российском контексте это преломляется своеобразно: расширение дистанционного электронного голосования формально с генеративным ИИ напрямую не связано, но воспринимается частью избирателей через общую призму недоверия к алгоритмической непрозрачности, а значит, организаторам выборов приходится уделять особое внимание информационной открытости этих технологических решений.

Ресурсное неравенство участников кампании способно усилиться из-за неравномерного доступа к продвинутым технологиям. У крупных партий объективно больше денег и кадров для внедрения дорогостоящих аналитических решений, тогда как малым партиям и независимым кандидатам приходится довольствоваться более простыми, общедоступными инструментами, что дополнительно смещает конкурентные условия кампании не в их пользу.

Наиболее системным из перечисленного выглядит регуляторный пробел. Отсутствие ясных критериев допустимости ИИ-контента в агитации [8] создаёт зону правовой неопределённости, которая одновременно сдерживает участников кампании от массового использования подобных технологий из опасения репутационных потерь и не даёт системной защиты избирателям в тех случаях, когда участники кампании готовы эти риски принять. Эксперты, комментирующие ситуацию, прямо указывают на необходимость более жёсткого контроля надзорных органов за соблюдением правил агитации и оперативного пресечения кампаний по распространению ложной информации, одновременно призывая средства массовой информации ответственно подходить к освещению предвыборной гонки, не тиражируя непроверенные заявления [12]. Насколько реалистичен подобный призыв в условиях быстро меняющейся технологической среды, покажет уже сама кампания.

7. Как на это смотрят за рубежом

Проблема применения искусственного интеллекта на выборах не является российским изобретением, она активно обсуждается и регулируется в других странах. Заметным ориентиром служит европейский закон об искусственном интеллекте, относящий системы ИИ, способные существенно повлиять на исход выборов, к категории повышенного риска и устанавливающий для них особые требования прозрачности. В ряде юрисдикций развиваются требования

об обязательной маркировке синтетического контента в политической агитации, что напрямую перекликается с позицией Чесни и Ситрон о необходимости институционального ответа на вызов дипфейков [4].

Сравнение российской и зарубежной практики показывает как сходства, так и различия. Общей чертой остаётся сама логика происходящего: технологическое освоение искусственного интеллекта политическими акторами почти везде опережает темпы формирования специального регулирования, эту закономерность фиксируют исследователи в самых разных национальных контекстах [6, 7]. Различия связаны прежде всего со спецификой институциональной среды. Там, где значительная часть агитации давно перенесена в цифровую среду с развитой инфраструктурой таргетированной рекламы, потенциальное воздействие ИИ-технологий на электоральное поведение объективно выше, чем в России, где традиционные медиа и очная агитация по-прежнему играют существенную роль.

Что касается перспектив, можно предположить несколько направлений развития. Уточнение законодательства об агитации в части раскрытия информации об использовании генеративного ИИ при создании материалов кампании выглядит логичным первым шагом. Не менее вероятно появление ведомственных методических рекомендаций Центральной избирательной комиссии, конкретизирующих допустимую степень обработки изображений и других материалов кандидатов, необходимость этого прямо вытекает из красноярского казуса [2]. Дальнейшее развитие инфраструктурных, административных применений искусственного интеллекта, прежде всего в части кибербезопасности и защиты систем электронного голосования, тоже представляется вероятным и вполне логично продолжает уже обозначенный крен в сторону инфраструктурной, а не агитационной цифровизации.

Заключение

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок статьи, стоит признать, что однозначного ответа на него не существует, и это, пожалуй, главный вывод проведённого анализа. Многое зависит от того, о каком уровне электорального процесса идёт речь.

На уровне административной инфраструктуры, включающей переход на ГАС «Выборы» 2.0, расширение и техническую отладку дистанционного электронного голосования, обновление организационно-кадровой архитектуры избирательной администрации, можно говорить о реальной, функционально обоснованной цифровизации [1, 3, 9]. Она решает конкретные задачи технологического суверенитета и удобства для избирателя, при этом собственно алгоритмические компоненты в строгом смысле остаются ограниченными и играют вспомогательную, защитную роль.

На уровне агитации картина другая. Разрыв между интенсивностью публичной риторики об искусственном интеллекте и объёмом проверяемых практик остаётся довольно заметным [8, 10]. Большая часть заявлений о применении нейросетей выполняет прежде всего демонстративную функцию, отвечая на общественный запрос на технологическую современность, тогда как реально работающие практики, персонализированная генерация материалов, анализ настроений через чат-боты, пока носят точечный характер и сопряжены с ощутимыми репутационными и юридическими рисками для тех, кто решается их применять.

Уже сейчас видны и серьёзные угрозы, от размывания границы между подлинным и синтетическим контентом до институционального недоверия к автоматизированным системам [2, 4, 5]. Отставание специального регулирования от темпов технологического освоения искусственного интеллекта представляется закономерностью, проявляющейся не только в России, но и за рубежом [6, 7], поэтому разработка адекватных нормативных механизмов, от маркировки синтетического контента до методических рекомендаций избирательных комиссий, выглядит одной из наиболее насущных задач дальнейшего институционального развития выборной системы.

Логичным продолжением этой работы могло бы стать постэлекторальное исследование, сопоставляющее предвыборные заявления штабов об использовании искусственного интеллекта с тем, что реально удастся задокументировать по итогам голосования, а также отслеживание того, как будет меняться регулирование этой сферы после завершения кампании.

Литература

1. Выборы в Государственную думу в 2026 году: даты, партии и порядок голосования // Взгляд. 2026. 21 июня. URL: https://vz.ru/information/2026/6/21/1428911.html (дата обращения 28.08.2026).
2. Предвыборная агитация: нейросети, красные карточки и лаконичность // Babr24. URL: https://babr24.com/kras/?IDE=296231 (дата обращения 28.08.2026).
3. Выборы в Государственную Думу 2026 года: дата голосования, правила и кандидаты. URL: https://moscow.er.ru/pages/vybory (дата обращения 28.08.2026).
4. Chesney R., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. 2019. Vol. 107, № 6. P. 1753–1820.
5. Bennett W.L., Livingston S. The disinformation order: Disruptive communication and the decline of democratic institutions // European Journal of Communication. 2018. Vol. 33, № 2. P. 122–139.
6. Woolley S., Howard P.N. Political Communication, Computational Propaganda, and Autonomous Agents – Introduction // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 4882–4890.
7. Zuiderveen Borgesius F. [et al.]. Online Political Microtargeting: Promises and Threats for Democracy // Utrecht Law Review. 2018. Vol. 14, № 1. P. 82–96.
8. Почему нейросети не будут массово использовать в агитации накануне выборов // Ведомости. 2026. 24 авг. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/08/24/1223121-pochemu-neiroseti-ne-budut-massovo-ispolzovat-v-agitatsii (дата обращения 28.08.2026).
9. Кандидаты на выборах в Государственную думу (2026) в Москве // ASAFOV.RU. URL: https://asafov.ru/campaigns/vybory-v-gosudarstvennuiu-dumu-rossiiskoi-federacii-ix-sozyva-v-moskve (дата обращения 28.08.2026).
10. ИИ на выборах в России в 2026 году: как его будут использовать // Hightech.fm. URL: https://hightech.fm/2025/03/26/ai-gov-rus (дата обращения 28.08.2026).
11. Выборы в 2025 и 2026 году в России. ЕДГ. ДЭГ. URL: https://hdartel.ru/vybory-v-rossii (дата обращения 28.08.2026).
12. Политические партии начали подготовку к осенним выборам в Госдуму // A24.press. 2026. 31 марта. URL: https://a24.press/news/politic/2026-03-31/politicheskie-partii-nachali-podgotovku-k-osennim-vyboram-v-gosdumu-213419 (дата обращения 28.08.2026).

Artificial intelligence ahead of the 2026 State Duma elections: a PR stunt or the digitalization of electoral processes?

Yamanova O.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines what is really behind the talk about artificial intelligence in the context of the elections to the State Duma of the 9th convocation, scheduled for the period from September 18 to 20, 2026. The topic of artificial intelligence (AI) is mentioned in almost every statement by the party headquarters, but whether this rhetoric corresponds to actual changes in the organization of voting and campaign practices remains questionable. The author distinguishes between two largely independent phenomena: the digitalization of electoral infrastructure, which includes the updated state automated system "Elections" 2.0 and remote electronic voting, and the use of generative technologies in campaigning, where chatbots, synthetic images, and algorithmic analysis of audience sentiment are noticeable. The material consists of regulatory acts, publications by the Central Election Commission, media materials, and assessments by political strategists. It has been shown that at the level of election administration, artificial intelligence currently plays a supporting, yet real, role, whereas in the campaign sphere, public rhetoric noticeably outpaces substantive practice and primarily serves a demonstrative function. At the same time, risks associated with disinformation and synthetic content are already growing, and the depth of the actual implementation of technologies has little impact on these risks.

Keywords: artificial intelligence, elections, State Duma, digitalization, political communication, remote electronic voting, deepfake, electoral technologies, PR, disinformation.

References

1. Elections to the State Duma in 2026: dates, parties, and voting procedure // Sight. 2026. June 21. URL: https://vz.ru/information/2026/6/21/1428911.html (accessed on 28.08.2026).
2. Election campaigning: neural networks, red cards, and brevity // Babr24. URL: https://babr24.com/kras/?IDE=296231 (accessed on 28.08.2026).
3. Elections to the State Duma in 2026: voting date, rules, and candidates. URL: https://moscow.er.ru/pages/vybory (accessed on 28.08.2026).
4. Chesney R., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. 2019. Vol. 107, No. 6. Pp. 1753–1820.
5. Bennett W.L., Livingston S. The disinformation order: Disruptive communication and the decline of democratic institutions // European Journal of Communication. 2018. Vol. 33, No. 2. Pp. 122–139.

От ценностной риторики к государственной политике: институционализация патриотического дискурса в России (2012–2026)

Громов Руслан Сергеевич
аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, phd2023@mail.ru

В статье рассматривается процесс институционализации патриотического дискурса в современной российской публичной политике в период 2012–2026 гг. Цель исследования заключается в выявлении основных направлений и механизмов перехода от преимущественно ценностного представления патриотизма в публичных выступлениях к его закреплению в государственной политике. На основе дискурсивного подхода и качественно-количественного анализа нормативных, стратегических и программных документов рассматриваются основные формы институционализации патриотического дискурса. Анализируются его отражение в стратегиях национальной безопасности и внешней политики, государственной культурной политике, системе патриотического воспитания, молодежной и образовательной политике, а также деятельность специализированных организаций. Выделены ключевые этапы развития данного процесса в 2012–2013, 2014–2020 и 2021–2026 гг. Показано, что институционализация патриотического дискурса осуществляется не посредством его формального закрепления в качестве государственной идеологии, а через включение соответствующих ценностей и смыслов в различные направления государственной политики и создаваемую для их реализации инфраструктуру.

Ключевые слова: патриотический дискурс, институционализация, государственная политика, патриотическое воспитание, культурная политика, молодежная политика.

Введение

Патриотический дискурс в России прошёл путь от преимущественно ценностной риторики, характерной для начала 2010-х годов, до включения соответствующих представлений в различные направления государственной политики. Исследователи отмечают, что институционализация патриотической проблематики в политической повестке и нормативной плоскости началась ещё в 2000-е годы, а важными элементами этого процесса стали разработка и реализация государственных программ патриотического воспитания [1, с. 50-72].

Цель настоящей статьи – выявить механизмы и формы институционализации патриотического дискурса в России в период с 2012 по 2026 год. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: во-первых, проанализировать закрепление патриотической тематики в стратегических документах; во-вторых, рассмотреть государственные программы и инфраструктурные решения в сфере патриотического воспитания; в-третьих, определить особенности российской модели институционализации.

Теоретическую основу исследования составляет понимание дискурса как коммуникативного события, неразрывно связанного с контекстом, участниками и их целями. Институционализация рассматривается в русле неоинституционального подхода как процесс образования устойчивого набора норм и правил. Методологическую базу образует анализ нормативных документов и государственных программ, позволяющий проследить, как патриотическая тематика закрепляется в официальных текстах и организационных практиках. Подобный подход используется и в современных исследованиях политики патриотического воспитания, где анализируются нормативные документы, государственные программы и организационные механизмы их реализации [1, с. 50-72].

Эмпирическую базу исследования составили стратегические документы государственной политики: Стратегии национальной безопасности 2015 и 2021 гг., Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 2022 г., Концепции внешней политики 2013, 2016 и 2023 гг., Военная доктрина 2014 г., Основы государственной культурной политики 2014 г., а также государственные программы и инициативы в сфере патриотического воспитания.

Институционализация дискурса: теоретические основания

В политической науке институционализация рассматривается как процесс, в ходе которого идеи, нормы и практики закрепляются в устойчивых организационных формах и приобретают нормативный характер. С. Хантингтон определял политическую институциализацию как процесс, «посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [2, с. 12]. Уровень институциализации, по Хантингтону, определяется такими критериями, как адаптивность, сложность, автономия и согласованность организаций и процедур [2, с. 12-13].

Применительно к дискурсивным практикам институционализация означает, что определённые способы говорения, системы категорий и ценностные ориентиры перестают быть достоянием отдельных акторов и закрепляются в нормативных актах, организационных структурах, образовательных программах. В современной политической науке это направление развивается в рамках концепции дискурсивного институционализма, которая позволяет учитывать влияние идей и коммуникации на функционирование политических институтов [3]. О.В. Бахлова и И.В. Бахлов применяют данный подход к исследованию патриотического дискурса, рассматривая его как элемент политической коммуникации [4, с. 104-128].

Институционализация патриотического дискурса в России имеет свою специфику. Само по себе упоминание патриотизма в политическом выступлении ещё не свидетельствует о его институционализации. О ней можно говорить тогда, когда соответствующие представления получают продолжение в государственной политике: закрепляются в стратегических документах, становятся частью государственных программ, находят отражение в работе образовательных и культурных учреждений, а также используются в деятельности

специализированных организаций. Такое понимание соответствует современным исследованиям политики патриотического воспитания. Бахлова и Бахлов отмечают, что нормативная база этой политики охватывает несколько сфер государственной политики, прежде всего национальную безопасность и оборону, культурную, образовательную и молодёжную политику [4, с. 50-72]. Тем самым институционализация патриотической проблематики выходит за пределы собственно воспитательной работы.

Нормативно-стратегическое закрепление патриотизма

Анализ стратегических документов государственной политики показывает, что патриотическая тематика последовательно закреплялась в нормативной плоскости на протяжении всего исследуемого периода. Если в начале 2010-х годов патриотизм упоминался преимущественно в декларативном ключе, то к середине 2020-х он становится одной из категорий государственного целеполагания.

Стратегии национальной безопасности (2015 и 2021 гг.) фиксируют патриотизм как элемент системы национальных приоритетов. В версии 2015 года акцент делается на сохранении и развитии общероссийской идентичности народов Российской Федерации и единого культурного пространства страны. В редакции 2021 года формулировки становятся более конкретными: отдельно выделяются защита исторической правды, сохранение исторической памяти и преемственность в развитии Российского государства [5; 6].

Сравнительный частотный анализ ключевых слов показывает усиление патриотической тематики в документе 2021 года по сравнению с версией 2015 года. Упоминания патриотизма выросли с 2 до 5 раз, исторической памяти – с 1 до 10 раз, духовно-нравственных ценностей – с 16 до 24 раз, традиций – с 14 до 25 раз. Показательно, что если в 2015 году суверенитет трактовался преимущественно как политическая независимость, то в 2021 году появляются также категории культурного и информационного суверенитета.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (2022 г.) представляют собой наиболее развёрнутый документ, закрепляющий патриотизм в качестве одной из базовых ценностей. Документ прямо относит к традиционным ценностям патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, а также историческую память и преемственность поколений [7]. Особое значение имеет то, что государственная политика в данной сфере прямо связывается с образованием и воспитанием, работой с молодёжью, культурой, наукой, межнациональными и межрелигиозными отношениями, средствами массовой информации и международным сотрудничеством. Это непосредственно подтверждает тезис о межотраслевом характере институционализации патриотической проблематики. Документ также вводит категорию «деструктивная идеология» и относит к числу соответствующих угроз отрицание идеалов патриотизма и служения Отечеству.

Концепции внешней политики (2013, 2016 и 2023 гг.) демонстрируют изменение места патриотической тематики в контексте внешнеполитических приоритетов [8-10]. В версии 2013 года патриотическая тематика присутствует минимально. В редакции 2016 года её выраженность также остаётся ограниченной. В версии 2023 года возрастает число формулировок, связанных с исторической памятью, национальной идентичностью, суверенитетом и защитой традиционных ценностей.

Военная доктрина 2014 г. и Основы государственной культурной политики 2014 г. дополняют нормативную базу. Военная доктрина предусматривает объединение усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации, а также реализацию мер по повышению эффективности военно-патриотического воспитания граждан и их подготовки к военной службе [11]. Основы государственной культурной политики определяют основные направления культурной политики и выступают базовым документом для разработки законодательства и государственных и муниципальных программ в сфере культуры [12].

Общая динамика нормативно-стратегического закрепления патриотической тематики свидетельствует о движении от декларативных положений к более конкретным задачам и направлениям государственной политики. Если в начале периода патриотизм фиксировался прежде всего как ценность, то позднее он всё чаще становится частью государственного планирования.

Государственные программы и инфраструктура патриотического воспитания

Институционализация патриотического дискурса проявляется не только в нормативных документах, но и в создании специализированных организаций, программ и образовательных курсов. Исследование К.В. Седовой показывает, что государственная политика в этой области включает деятельность органов власти по формированию нормативной базы, разработке ведомственных программ и координации различных направлений работы [13, с. 3-5].

«Юнармия» –Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение, созданное в 2016 году. Движение стало одним из заметных элементов государственной инфраструктуры военно-патриотического воспитания. По данным, приводимым в официальных материалах движения и государственных органов, численность участников «Юнармии» в 2024 г. превышала 1 млн человек. В рамках движения действуют региональные и местные структуры, реализуются военно-патриотические, образовательные и спортивные мероприятия [14]. Таким образом, «Юнармия» представляет собой пример институционализации патриотической проблематики через специализированную организацию, объединяющую воспитательные, образовательные и военно-прикладные практики.

«Движение первых» –Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодёжи, созданное на основании Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» [15].

В отличие от «Юнармии», «Движение первых» имеет более широкий мандат. Закон связывает деятельность движения в том числе с формированием мировоззрения детей и молодёжи на основе традиционных ценностей, воспитанием любви и уважения к Отечеству, развитием нравственных качеств и подготовкой к полноценной жизни в обществе. Создание движения в 2022 г. стало продолжением расширения инфраструктуры патриотической проблематики в сфере государственной молодёжной политики. Его деятельность включает образовательные, общественные, добровольческие, культурные и иные проекты.

Отдельное значение имеет развитие государственной молодёжной политики. Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации определяли молодёжную политику как систему нормативно-правовых, финансово-экономических, организационно-управленческих и других мер, направленных в том числе на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодёжи [16]. Тем самым патриотическая проблематика была включена в более широкий контур государственной молодёжной политики.

Проект «ДНК России» разработан Министерством науки и высшего образования РФ в 2022 году. Проект ориентирован на учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения и обновление преподавания общественных наук в высших учебных заведениях [17].

Дисциплина «Основы российской государственности» введена с 1 сентября 2023 года для студентов первого курса бакалавриата и специалитета вне зависимости от направления подготовки. Введение курса стало ещё одной формой закрепления соответствующей проблематики в системе высшего образования.

Институционализация патриотического дискурса продолжается и на нормативном уровне. Распоряжением Правительства РФ от 23 октября 2025 г. утверждён «Комплекс мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года» [18]. Документ предусматривает, в частности, разработку предложений по регулированию деятельности в области патриотического и духовно-нравственного воспитания молодёжи, а также участие федеральных органов исполнительной власти в реализации соответствующих мероприятий.

Таким образом, государственная политика в сфере патриотического воспитания складывается из нескольких взаимосвязанных направлений. Как показывает Седова, она включает нормативно-правовой, образовательный, культурно-исторический, военно-патриотический и другие компоненты [13, с. 3-5]. Это подтверждает вывод о том, что институционализация патриотической проблематики

не сводится к отдельным нормативным актам или воспитательным мероприятиям.

Патриотический дискурс в государственной культурной политике

Отдельным направлением институционализации выступает государственная культурная политика. В Основах государственной культурной политики 2014 года культура рассматривается как один из факторов сохранения и развития общероссийской идентичности, исторического и культурного наследия и единого культурного пространства [12]. Культурная политика в данном случае важна тем, что позволяет закреплять патриотические смыслы не только через образовательные программы, но и через работу с исторической памятью, культурным наследием и представлениями о российской идентичности. Основы государственной культурной политики определяют данный документ как базовый для разработки и совершенствования нормативных правовых актов и государственных и муниципальных программ в сфере культуры. В этом отношении культурная политика является самостоятельным направлением институционализации. Патриотические смыслы получают выражение в поддержке культурных проектов, сохранении исторических объектов и памятников, проведении памятных мероприятий, а также в формировании общего историко-культурного пространства.

Особенности российской модели институционализации

Анализ нормативных документов и государственных программ позволяет выделить несколько особенностей российской модели институционализации патриотического дискурса.

Во-первых, институционализация происходит без формального закрепления государственной идеологии. Статья 13 Конституции РФ закрепляет идеологическое многообразие и устанавливает, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [19]. При этом патриотическая проблематика получает развитие через образовательные программы, государственные проекты, культурную и молодёжную политику. Поэтому корректнее говорить о постепенном закреплении определённого набора ценностей и смыслов в различных направлениях государственной политики.

Во-вторых, институционализация имеет поэтапный характер. Первый этап (2012-2013 гг.) можно охарактеризовать как ценностно-ориентирующий: патриотизм позиционируется как основа общенационального единства, но ещё не приобретает ярко выраженного институционального оформления. Второй этап (2014-2020 гг.) связан с нормативным закреплением патриотической тематики в стратегических документах и созданием первых массовых организаций («Юнармия»). Третий этап (2021-2026 гг.) характеризуется дальнейшим развитием инфраструктуры: создание «Движения первых», запуск проекта «ДНК России», введение дисциплины в вузах, утверждение комплекса мер до 2028 года.

В-третьих, институционализация охватывает различные уровни образования и молодёжной политики. Если «Юнармия» и «Движение первых» ориентированы прежде всего на детей и подростков, то «Основы российской государственности» –на студентов. Одновременно существуют молодёжные форумы, добровольческие и общественные проекты. Это позволяет говорить о формировании взаимосвязанной системы, в которой патриотическая проблематика присутствует как в образовательной, так и в молодёжной политике.

В-четвёртых, институционализация сопровождается расширением содержательного объёма ключевых категорий. Суверенитет трактуется не только как политическая независимость, но и как экономическая, культурная, информационная и технологическая категория. Историческая память занимает всё более заметное место в стратегических документах. Национальная идентичность также получает дополнительные содержательные измерения.

Таким образом, российская модель институционализации патриотического дискурса складывается не в рамках одного института или отдельной государственной программы. Она развивается одновременно в нормативной, образовательной, культурной и молодёжной сферах. Именно эта взаимосвязь позволяет рассматривать институционализацию как более широкий процесс, чем простое нормативное закрепление патриотической тематики.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Институционализация патриотического дискурса в России прошла путь от ценностной риторики и декларативных положений к включению патриотической проблематики в различные направления государственной политики. Нормативное закрепление осуществлялось последовательно: от Стратегии национальной безопасности 2015 года до Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 2022 года и Комплекса мер до 2028 года. Инфраструктура патриотического воспитания также формировалась поэтапно: «Юнармия» (2016), «Движение первых» (2022), проект «ДНК России» (2022), дисциплина «Основы российской государственности» (2023).

Важной особенностью данного процесса является его межотраслевой характер. Патриотическая проблематика присутствует не только в собственно воспитательной работе, но и в образовательной, культурной и молодёжной политике. Подобный вывод соответствует современным исследованиям, в которых система патриотического воспитания рассматривается как совокупность взаимосвязанных направлений государственной политики.

При этом институционализация не означает формального установления государственной идеологии. Речь идёт о другом процессе –постепенном закреплении определённых представлений о патриотизме в нормативных документах, государственных программах, организациях, образовательных курсах и культурных практиках.

Таким образом, переход от ценностной риторики к государственной политике проявляется прежде всего в том, что патриотизм становится устойчивым предметом государственного регулирования и программной деятельности. Именно это позволяет говорить об институционализации патриотического дискурса как об одном из направлений развития современной российской публичной политики.

Литература

1. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Динамика нормативных основ и институциональных механизмов политики патриотического воспитания в субъектах Российской Федерации (на примере финно-угорских республик Приволжского федерального округа) // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 50–72.

2. Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.

3. Schmidt V. A. Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth “new institutionalism” // European Political Science Review. 2010. Vol. 2, № 1. P. 1–25.

4. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Патриотизм как тема политического дискурса в Союзном государстве Беларуси и России // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17, № 2. С. 104–128.

5. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

6. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

7. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

8. Концепция внешней политики Российской Федерации

9. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»

10. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»

11. Военная доктрина Российской Федерации

12. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики»

13. Седова К. В. Основные направления государственной политики РФ в сфере патриотического воспитания // Огарёв-Online. 2023. Т. 11, № 8 (193). С. 3–9.

14. Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://yunarmy.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

15. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи»

16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»

17. Проект «ДНК России»: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://dnk-russia.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 октября 2025 г. № 2970-р «Об утверждении Комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года».

19. Конституция Российской Федерации

From Value-Based Rhetoric to Public Policy: Institutionalization of Patriotic Discourse in Russia (2012–2026)

Gromov R.S.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the institutionalization of patriotic discourse in contemporary Russian public policy during the period 2012-2026. The study aims to identify the main directions and mechanisms of the transition from the predominantly value-based representation of patriotism in public discourse to its incorporation into state policy. Drawing on the discourse approach and qualitative-quantitative analysis of normative, strategic, and program documents, the article examines the main forms of institutionalization of patriotic discourse. Particular attention is paid to its representation in national security and foreign policy strategies, state cultural policy, patriotic education, youth and educational policy, as well as the activities of specialized organizations. The study identifies key stages in this process in 2012-2013, 2014-2020, and 2021-2026. It is shown that the institutionalization of patriotic discourse does not occur through its formal establishment as a state ideology, but through the incorporation of relevant values and meanings into various areas of state policy and the institutional infrastructure created for their implementation.

Keywords: patriotic discourse, institutionalization, state policy, patriotic education, cultural policy, youth policy.

References

1. Bakhlova O. V., Bakhlov I. V. Dinamika normativnykh osnov i institutsional'nykh mekhanizmov politiki patrioticheskogo vospitaniya v sub"yektakh Rossiyskoy Federatsii (na primere finno-ugorskikh respublik Privolzhskogo federal'nogo okruga) [Dynamics of Normative Foundations and Institutional Mechanisms of Patriotic Education Policy in the Subjects of the Russian Federation (on the Example of Finno-Ugric Republics of the Volga Federal District)] // Finno-ugorskiy mir. 2024. Vol. 16, No. 1. P. 50–72.
2. Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven : Yale University Press, 1968. 488 p.
3. Schmidt V. A. Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth "new institutionalism" // European Political Science Review. 2010. Vol. 2, No. 1. P. 1–25.
4. Bakhlova O. V., Bakhlov I. V. Patriotizm kak tema politicheskogo diskursa v Soyuznom gosudarstve Belarusi i Rossii [Patriotism as a Theme of Political Discourse in the Union State of Belarus and Russia] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2024. Vol. 17, No. 2. P. 104–128.
5. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 dekabrya 2015 g. No. 683 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31 December 2015 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"].
6. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 2 iyulya 2021 g. No. 400 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 2 July 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"].
7. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 noyabrya 2022 g. No. 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey" [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 9 November 2022 "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"].
8. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [The Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. 2013.
9. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 2016 g. No. 640 "Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation No. 640 of 30 November 2016 "On the Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation"].
10. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 marta 2023 g. No. 229 "Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation No. 229 of 31 March 2023 "On the Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation"].
11. Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii [The Military Doctrine of the Russian Federation]. 2014.
12. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki" [Decree of the President of the Russian Federation "On the Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy"]. 2014.
13. Sedova K. V. Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy politiki RF v sfere patrioticheskogo vospitaniya [Main Directions of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Patriotic Education] // Ogarev-Online. 2023. Vol. 11, No. 8 (193). P. 3–9.
14. Vserossiyskoe detsko-yunosheskoe voenno-patrioticheskoe obshchestvennoe dvizhenie "YUNARMIYA" : ofitsial'nyy sayt [All-Russian Children's and Youth Military-Patriotic Social Movement "YUNARMIYA" : Official Website]. [Electronic resource]. URL: https://yunarmy.ru/ (accessed: 20.09.2026).
15. Federal'nyy zakon ot 14 iyulya 2022 g. No. 261-FZ "O rossiyskom dvizhenii detey i molodezhi" [Federal Law No. 261-FZ of 14 July 2022 "On the Russian Movement of Children and Youth"].
16. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 noyabrya 2014 g. No. 2403-r "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" [Order of the Government of the Russian Federation No. 2403-r of 29 November 2014 "On the Approval of the Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025"].
17. Proekt "DNK Rossii" : ofitsial'nyy sayt [Project "DNA of Russia" : Official Website]. [Electronic resource]. URL: https://dnk-russia.ru/ (accessed: 20.09.2026).
18. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 23 oktyabrya 2025 g. No. 2970-r "Ob utverzhdenii Kompleksa mer po patrioticheskomu vospitaniyu i dukhovno-nravstvennomu vospitaniyu molodezhi v Rossiyskoy Federatsii do 2028 goda" [Order of the Government of the Russian Federation No. 2970-r of 23 October 2025 "On the Approval of the Set of Measures for Patriotic Education and Spiritual and Moral Education of Youth in the Russian Federation until 2028"].
19. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation]. 1993.

Модель формирования гражданской идентичности в условиях цифровой медиасреды: разработка, операционализация и эмпирическая апробация

Кветной Владимир Владимирович
кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г. В. Плеханова

Актуальность исследования обусловлена трансформацией механизмов гражданской социализации личности под воздействием цифровых медиа, которые за последнее десятилетие превратились из вспомогательного канала коммуникации в системообразующий фактор формирования политических установок, ценностных ориентаций и гражданского самосознания молодежи. Традиционные институты гражданской социализации - семья, школа, общественные организации - уступают часть своих функций цифровым платформам, социальным сетям и мессенджерам, что порождает необходимость переосмысления теоретических моделей гражданской идентичности с учетом специфики новой информационной среды. Существующие подходы к изучению гражданской идентичности недостаточно учитывают многоуровневый характер влияния цифровой медиасреды, включающий когнитивный, эмоциональный, поведенческий и ценностный компоненты идентификации личности с гражданской общностью. Цель работы - разработать, операционализировать и эмпирически апробировать модель формирования гражданской идентичности личности в условиях цифровой медиасреды, отражающую взаимосвязь медиапрактик, каналов информационного воздействия и структурных компонентов гражданской идентичности молодежи. В результате исследования предложена четырехкомпонентная структурная модель, включающая когнитивный, эмоционально-ценностный, поведенческий и коммуникативно-сетевой компоненты гражданской идентичности; разработан инструментарий операционализации переменных модели, апробированный на выборке молодежи в возрасте 18–35 лет; выявлены статистически значимые связи между интенсивностью и характером использования цифровых медиа и уровнем сформированности гражданской идентичности; установлены дифференцирующие факторы, определяющие типологию медиапотребления и соответствующие траектории гражданской идентификации. Результаты эмпирической апробации подтвердили объяснительную и прогностическую валидность предложенной модели и позволили сформулировать практические рекомендации для субъектов государственной молодежной политики, образовательных организаций и медиаинституций по совершенствованию механизмов формирования гражданской идентичности в цифровой среде.

Ключевые слова: гражданская идентичность, цифровая медиасреда, молодежь, гражданская социализация, медиапотребление, ценностные ориентации, политическая социализация, социальные сети, эмпирическая модель, цифровизация.

Введение

Проблема формирования гражданской идентичности личности приобретает особую остроту на рубеже XX–XXI веков в связи с глубокими трансформациями информационного пространства, обусловленными развитием цифровых технологий и медиаконвергенцией. Гражданская идентичность как форма социальной идентичности, отражающая осознание индивидом своей принадлежности к государственно-политическому сообществу, традиционно формировалась под воздействием институтов семьи, образования, армии и традиционных средств массовой информации. Однако смещение информационного потребления в цифровую среду - социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и агрегаторы новостей - существенно изменило характер, интенсивность и содержание воздействий, формирующих гражданское самосознание молодого поколения.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, статистические данные фиксируют устойчивый рост доли молодежи, получающей политическую и гражданскую информацию преимущественно через цифровые каналы, при одновременном снижении доверия к традиционным медиа. Во-вторых, цифровая медиасреда характеризуется алгоритмической персонализацией контента, фрагментацией информационных потоков и распространением непроверенной информации, что создает риски искажения гражданской идентичности и усиления социально-политической поляризации. В-третьих, существующие теоретические модели гражданской идентичности, разработанные преимущественно в доцифровую эпоху, не позволяют адекватно описать и объяснить механизмы влияния новых медиа на структуру и динамику гражданского самосознания [3, 4].

Объектом исследования выступает гражданская идентичность личности как социально-психологический феномен. Предметом исследования являются механизмы и факторы формирования гражданской идентичности в условиях цифровой медиасреды. Цель исследования - разработка, операционализация и эмпирическая апробация модели формирования гражданской идентичности личности с учетом специфики цифровой медиасреды.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: осуществить теоретический анализ существующих подходов к пониманию гражданской идентичности и механизмов ее формирования; выявить специфику воздействия цифровой медиасреды на структурные компоненты гражданской идентичности; разработать структурную модель формирования гражданской идентичности, учитывающую медиафакторы; операционализировать переменные модели в виде эмпирически измеримых показателей; провести эмпирическое исследование на выборке молодежи; проверить статистическую значимость связей между медиапрактиками и компонентами гражданской идентичности; сформулировать теоретические и практические выводы.

Научная новизна работы заключается в интеграции классических социально-психологических концепций гражданской идентичности с современными медиакоммуникационными подходами и создании операционализированной модели, пригодной для эмпирической верификации и практического применения в сфере молодежной политики.

Обзор литературы

Теоретико-методологическую основу изучения гражданской идентичности составляют работы отечественных и зарубежных исследователей, рассматривающих данный феномен в рамках различных научных традиций - социально-психологической, социологической, политологической и коммуникативистской.

В рамках социально-психологической традиции гражданская идентичность рассматривается как разновидность социальной идентичности, формирующаяся в процессе категоризации личностью себя как члена гражданского сообщества [7]. Данный подход опирается на теорию социальной идентичности, разработанную в западной социальной психологии, и ее последующую адаптацию

отечественными исследователями применительно к специфике российского общества. В рамках этого направления гражданская идентичность трактуется как многокомпонентное образование, включающее когнитивный компонент (знания о государстве, правах и обязанностях гражданина), эмоционально-ценностный компонент (отношение к гражданской принадлежности, патриотические чувства) и поведенческий компонент (гражданская активность, участие в общественно-политической жизни).

Существенный вклад в разработку проблематики гражданской идентичности внесли исследования, посвященные возрастной динамике ее формирования, показавшие, что наиболее интенсивным периодом гражданской социализации является подростковый и молодой возраст, когда происходит активное освоение социальных ролей и ценностных ориентаций [1].

Социологическая традиция изучения гражданской идентичности акцентирует внимание на институциональных механизмах ее формирования и трансформации в условиях социальных изменений [2, 3]. Ряд авторов подчеркивает, что в условиях трансформации российского общества происходит переструктурирование системы гражданской идентичности, сопровождающееся ослаблением одних оснований идентификации и усилением других [4].

Проведенный обзор литературы позволяет выделить несколько ограничений существующих исследований: недостаточная операционализация понятия «цифровая медиасреда» как фактора гражданской идентичности; фрагментарность эмпирических данных, не позволяющая построить целостную структурную модель; преимущественная ориентация на констатацию рисков цифровизации без предложения конструктивных моделей формирования гражданской идентичности [12]. Указанные пробелы определяют необходимость разработки авторской модели, интегрирующей теоретические положения социальной психологии, социологии и медиакоммуникативистики.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, объединяющий теоретический анализ, моделирование и эмпирическое исследование с применением количественных методов статистической обработки данных.

Разработанная модель формирования гражданской идентичности в условиях цифровой медиасреды включает четыре взаимосвязанных компонента: когнитивный (уровень осведомленности о политическом и гражданском устройстве общества, получаемой из цифровых источников), эмоционально-ценностный (эмоциональное отношение к гражданской принадлежности, доверие к институтам, патриотические установки), поведенческий (формы гражданской активности, включая онлайн- и офлайн-практики) и коммуникативно-сетевой (характеристики медиапотребления, включая интенсивность, разнообразие источников и характер сетевого взаимодействия). Модель предполагает опосредующую роль коммуникативно-сетевого компонента в формировании остальных трех компонентов гражданской идентичности [5].

Логика построения модели основана на процессуальной последовательности, артикулированной в несколько взаимозависимых шагов. Первый шаг, социальная классификация**,** состоит в выявлении и дифференциации социальных групп, что позволяет молодым людям определить свое место в социальной структуре. Вторая стадия, социальная идентификация**,** отражает признание и интеграцию групповых норм, ценностей и кодексов поведения, обеспечивая согласованность между индивидом и сообществом. Третий этап, социальное сравнение, вовлекает молодых людей в оценку характеристик своей группы по отношению к другим группам, усиливая чувство принадлежности и оценку коллективных ценностей. Четвертый этап включает межгрупповое различение**.**

Таблица 1

Концепция построения авторской модели формирования гражданской идентичности российской молодежи [составлено автором исследования]

Компонент модели	Описание / Суть	Функция в формировании идентичности	Примеры инструментов / механизмов
Институциональная база	Государственные и образовательные структуры, культурные организации, молодежные движения	Обеспечение нормативных рамок, трансляция ценностей, организация социальных практик	Школьные программы, молодежные форумы, культурные проекты, государственные инициативы
Социальная среда	Взаимодействие с группой сверстников, медиа, онлайн-сообщества	Формирование социальных норм, идентификационных ориентиров, сравнение групп	Социальные сети, молодежные клубы, групповые проекты, интерактивные платформы
Индивидуальная динамика	Автономная активность, самоопределение, личный опыт	Личностная адаптация и интеграция, развитие саморегуляции и критического мышления	Личностные проекты, волонтерство, участие в социальных инициативах
Этап 1: Социальная классификация	Определение принадлежности к социальным и культурным группам	Создание осознания позиции в обществе, ранжирование значимости групп	Социальные тесты, образовательные упражнения, дебаты
Этап 2: Социальная идентификация	Усвоение норм и ценностей группы	Консолидация базовой идентичности, укрепление чувства принадлежности	Менторство, коллективные задания, культурные мероприятия
Этап 3: Социальное сравнение	Сравнение своей группы с другими	Повышение самооценки группы, закрепление ценностей	Обсуждения, конкурсы, исследовательские проекты
Этап 4: Межгрупповая дифференциация	Выделение своей группы среди других	Укрепление идентичности и гражданской солидарности	Групповые инициативы, фестивали, проекты с символической значимостью
Национальная идентичность	Совокупность ценностей, установок и культурных ориентиров	Формирование гражданской принадлежности и патриотических установок	Образовательные программы по истории, национальные праздники, культурные проекты
Глобальная идентичность	Влияние международных и глобальных культурных ориентиров	Развитие открытости, критического мышления и адаптивности	Международные обмены, онлайн-курсы, участие в глобальных проектах
Интегративная логика	Согласование институциональной, социальной и индивидуальной динамики	Обеспечение устойчивой, но гибкой идентичности	Системные программы, мониторинг и корректировка практик, междисциплинарный подход

Модель включает в себя когнитивные, оценочные и аффективные ценности, воплощенные в социальных и гражданских практиках. Глобальная идентичность, с другой стороны, отражает открытость международным референтам, культурам и внешним социальным моделям, способствуя формированию рефлексивной и адаптируемой гражданственности. Сочетание этих измерений позволяет выстраивать одновременно укоренившуюся и открытую гражданскую идентичность, способную отвечать на современные вызовы глобализации и культурной мобильности.

Предложенная модель также учитывает роль цифровых технологий и интерактивных медиа в формировании идентичности. Современная молодежь работает в гибридной среде, где онлайн- и офлайн-взаимодействие влияют на гражданское восприятие, отношения и поведение. Интеграция этих практик в модель гарантирует, что формирование гражданской идентичности не ограничивается институциональными пространствами, а разворачивается в повседневных и медиатизированных практиках молодых людей, тем самым усиливая актуальность и эффективность модели.

Для эмпирической проверки модели переменные были операционализированы в виде измеримых индикаторов. Когнитивный компонент операционализирован через показатели информированности о государственной политике и текущих событиях. Эмоционально-ценностный компонент - через шкалы отношения к гражданской принадлежности и доверия к государственным и общественным институтам. Поведенческий компонент - через частоту и формы гражданского участия (участие в выборах, волонтерская деятельность, онлайн-петиции, комментарии в социальных сетях на общественно-политические темы). Коммуникативно-сетевой компонент - через показатели интенсивности использования цифровых медиа, разнообразия используемых платформ и типологии медиапотребления (новостные агрегаторы, социальные сети, мессенджеры, видеоплатформы).

Эмпирическая апробация модели проведена на выборке молодежи в возрасте 18–35 лет численностью около 100 респондентов, сформированной методом целевого отбора с учетом требований репрезентативности по возрастным подгруппам и уровню медиаактивности. Сбор данных осуществлялся посредством стандартизированного анкетирования, включавшего блоки вопросов, соответствующих операционализированным компонентам модели. Дополни-

тельно применялись методы включенного наблюдения за медиапрактиками и вторичный анализ статистических данных о медиапотреблении молодежи.

Для проверки статистических гипотез применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона для непрерывных переменных), регрессионный анализ для оценки прогностической силы медиафакторов в отношении компонентов гражданской идентичности, а также элементы факторного анализа для проверки структурной валидности предложенной четырехкомпонентной модели. Обработка данных производилась с использованием стандартных статистических пакетов, обеспечивающих корректность применяемых процедур при заданном объеме выборки.

Результаты исследования

Эмпирическая апробация модели позволила получить ряд статистически значимых результатов, подтверждающих ее объяснительный потенциал.

Мера адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) составила 0,79, что превышает рекомендуемый порог 0,60 и свидетельствует о пригодности данных для факторного анализа. Критерий сферичности Бартлетта оказался статистически значимым (χ^2=1042,6; df=351; p<0,001), что подтверждает наличие достаточных взаимосвязей между переменными для проведения факторизации.

Таблица 2
Результаты апробации модели [составлено автором исследования]

Фактор	Собственное значение	Доля объясненной дисперсии (%)	Накопленная дисперсия (%)
Фактор 1 (эмоционально-ценностный)	6,84	25,3	25,3
Фактор 2 (поведенческий)	4,12	15,3	40,6
Фактор 3 (когнитивный)	3,47	12,9	53,5
Фактор 4 (коммуникативно-сетевой)	2,91	10,8	64,3

Выделенные четыре фактора совокупно объясняют 64,3% общей дисперсии переменных, что является приемлемым результатом для социально-психологических исследований. Факторные нагрузки индикаторов на соответствующие компоненты варьировались в диапазоне 0,52–0,81, при этом кросс-нагрузки на другие факторы не превышали 0,30, что подтверждает дискриминантную валидность выделенных структурных компонентов и обоснованность четырехкомпонентной архитектуры модели.

Таблица 3
Компоненты модели [составлено автором исследования]

Компонент	M	SD	Min	Max	Асимметрия
Когнитивный компонент	3,42	0,68	1,50	5,00	-0,21
Эмоционально-ценностный компонент	3,71	0,74	1,20	5,00	-0,38
Поведенческий компонент	2,89	0,81	1,00	4,80	0,15
Коммуникативно-сетевой компонент	3,95	0,69	2,00	5,00	-0,42

Наиболее высокие средние значения зафиксированы по коммуникативно-сетевому компоненту (M=3,95), что отражает высокую степень интеграции цифровых медиа в повседневные практики респондентов. Наименьшие средние значения характерны для поведенческого компонента (M=2,89), что свидетельствует об относительно умеренном уровне реальной гражданской активности молодежи по сравнению с уровнем декларируемых установок и знаний.

Для проверки гипотез о взаимосвязях между переменными модели рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона между показателями интенсивности медиапотребления и структурными компонентами гражданской идентичности.

Полученные коэффициенты корреляции подтверждают ключевые теоретические гипотезы модели. Статистически значимая положительная связь между разнообразием источников информации и когнитивным компонентом (r=0,53; p<0,001) свидетельствует о том, что мультиканальное медиапотребление способствует формированию более полной и структурированной гражданской осведомленности. Одновременно значимая отрицательная связь между интенсивностью потребления контента социальных сетей и эмоционально-ценностным компонентом (r=-0,31; p=0,002) подтверждает гипотезу о риске эрозии ценностных оснований гражданской идентичности при доминировании фрагментированного, алгоритмически персонализированного контента [12].

Таблица 4
Корреляционный анализ связи медиафакторов и компонентов гражданской идентичности [составлено автором исследования]

Пары переменных	r	p	Интерпретация
Интенсивность медиапотребления - когнитивный компонент	0,47	<0,001	Умеренная положительная связь
Интенсивность потребления соцсетей - эмоционально-ценностный компонент	-0,31	0,002	Слабая отрицательная связь
Разнообразие источников информации - когнитивный компонент	0,53	<0,001	Умеренная положительная связь
Коммуникативно-сетевой компонент - поведенческий компонент	0,58	<0,001	Умеренная положительная связь
Коммуникативно-сетевой компонент - эмоционально-ценностный компонент	0,19	0,061	Незначимая связь
Когнитивный компонент - поведенческий компонент	0,44	<0,001	Умеренная положительная связь
Эмоционально-ценностный компонент - поведенческий компонент	0,39	<0,001	Умеренная положительная связь

Для оценки прогностической силы медиафакторов относительно компонентов гражданской идентичности построены множественные линейные регрессионные модели, где зависимыми переменными выступили когнитивный, эмоционально-ценностный и поведенческий компоненты, а предикторами - показатели коммуникативно-сетевого компонента (интенсивность использования медиа, разнообразие источников, тип платформ).

Таблица 5
Регрессионная модель 1: предикторы когнитивного компонента[составлено автором исследования]

Предиктор	B	SE	β	t	p
Константа	1,84	0,29	-	6,34	<0,001
Интенсивность медиапотребления	0,21	0,06	0,29	3,50	<0,001
Разнообразие источников	0,34	0,08	0,38	4,25	<0,001
Использование новостных агрегаторов	0,15	0,07	0,18	2,14	0,035

Модель 1: R^2=0,36; скорректированный R^2=0,34; F(3,96)=17,92; p<0,001.

Таблица 6
Регрессионная модель 2: предикторы эмоционально-ценностного компонента [составлено автором исследования]

Предиктор	B	SE	β	t	p
Константа	4,02	0,27	-	14,89	<0,001
Интенсивность использования соцсетей	-0,27	0,08	-0,32	-3,38	0,001
Доверие к источникам информации	0,29	0,09	0,31	3,22	0,002
Разнообразие источников	0,11	0,07	0,14	1,57	0,120

Модель 2: R^2=0,24; скорректированный R^2=0,22; F(3,96)=10,11; p<0,001.

Таблица 7
Регрессионная модель 3: предикторы поведенческого компонента [составлено автором исследования]

Предиктор	B	SE	β	t	p
Константа	0,72	0,31	-	2,32	0,023
Коммуникативно-сетевой компонент	0,41	0,07	0,45	5,86	<0,001
Когнитивный компонент	0,23	0,08	0,24	2,88	0,005
Эмоционально-ценностный компонент	0,19	0,07	0,21	2,71	0,008

Модель 3: R^2=0,47; скорректированный R^2=0,45; F(3,96)=28,44; p<0,001.

Результаты регрессионного анализа демонстрируют, что коммуникативно-сетевой компонент является наиболее сильным предиктором поведенческого компонента гражданской идентичности (β=0,45; p<0,001), объясняя вместе с когнитивным и эмоционально-ценностным компонентами 47% дисперсии показателей гражданской активности молодежи. Данный результат эмпирически подтверждает медиаторную роль медиафакторов, заложенную в теоретической архитектуре модели: цифровая медиасреда воздействует на гражданскую активность не напрямую, а опосредованно, через формирование когнитивных и ценностных предпосылок.

Для выявления типологических групп молодежи по характеру медиапотребления применен иерархический кластерный анализ методом Уорда с последующей проверкой методом k-средних (k=3).

Таблица 9
Кластерный анализ типологии медиапотребления [составлено автором исследования]

Кластер	Название группы	n	Доля (%)	Ключевые характеристики
Кластер 1	Традиционно-агрегаторный тип	28	28,0	Ориентация на новостные агрегаторы и онлайн-СМИ
Кластер 2	Сетевой (соцмедийный) тип	39	39,0	Доминирование соцсетей и мессенджеров
Кластер 3	Смешанный (гибридный) тип	33	33,0	Комбинированное использование разных источников

Таблица 10
Сравнение компонентов гражданской идентичности между кластерами (однофакторный дисперсионный анализ ANOVA) [составлено автором исследования]

Компонент	Кластер 1 (M)	Кластер 2 (M)	Кластер 3 (M)	F	p
Когнитивный компонент	3,68	3,12	3,51	8,74	<0,001
Эмоционально-ценностный компонент	3,79	3,44	3,88	4,21	0,018
Поведенческий компонент	2,71	2,64	3,29	6,93	0,002
Коммуникативно-сетевой компонент	3,58	4,21	3,99	9,05	<0,001

Проведенный дисперсионный анализ выявил статистически значимые различия между кластерами по всем четырем компонентам гражданской идентичности (p<0,05 во всех случаях). Пост-хок тест Тьюки показал, что группа "Сетевой тип" (Кластер 2) демонстрирует статистически значимо более низкие показатели когнитивного компонента (M=3,12) по сравнению с "Традиционно-агрегаторным типом" (M=3,68; p=0,001) и "Смешанным типом" (M=3,51; p=0,014), при этом характеризуется наиболее высокими показателями интенсивности медиапотребления. Напротив, группа "Смешанный тип" продемонстрировала наиболее высокие показатели поведенческого компонента (M=3,29), что подтверждает преимущество мультиканальных стратегий медиапотребления для формирования устойчивой гражданской идентичности.

Для проверки гипотезы о возрастных различиях в структуре гражданской идентичности проведено сравнение подгрупп 18–24 года и 30–35 лет с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Таблица 11
Возрастная дифференциация структуры гражданской идентичности [составлено автором исследования]

Компонент	18–24 года (M, SD)	30–35 лет (M, SD)	t	p
Когнитивный компонент	3,21 (0,71)	3,68 (0,58)	-3,42	0,001
Эмоционально-ценностный компонент	3,49 (0,79)	3,97 (0,63)	-3,15	0,002
Поведенческий компонент	2,68 (0,84)	3,15 (0,72)	-2,79	0,006
Интенсивность использования соцсетей	4,32 (0,54)	3,41 (0,68)	6,88	<0,001

Полученные данные подтверждают гипотезу о возрастной динамике гражданской идентичности: младшая подгруппа (18–24 года) статистически значимо превосходит старшую подгруппу (30–35 лет) по интенсивности использования социальных сетей (t=6,88; p<0,001), при этом демонстрирует значимо более низкие показатели по всем трем содержательным компонентам гражданской идентичности - когнитивному, эмоционально-ценностному и поведенческому. Данная закономерность согласуется с положениями теоретического обзора о постепенном становлении устойчивой гражданской идентичности в процессе возрастного развития и накопления социального опыта.

Для дополнительной проверки медиаторной роли коммуникативно-сетевого компонента применен метод анализа опосредования (mediation analysis) по схеме Барона-Кенни с оценкой значимости индиректного эффекта посредством бутстрэп-процедуры (5000 итераций, 95% доверительный интервал).

Таблица 12
Проверка медиаторного эффекта коммуникативно-сетевого компонента [составлено автором исследования]

Путь	Коэффициент	SE	95% ДИ (нижняя–верхняя граница)	p
Прямой эффект: интенсивность медиапотребления → поведенческий компонент	0,18	0,08	0,03–0,34	0,021
Индиректный эффект через коммуникативно-сетевой компонент	0,26	0,06	0,15–0,39	<0,001
Общий эффект	0,44	0,09	0,27–0,61	<0,001

Результаты анализа опосредования подтверждают наличие частичной медиации: индиректный эффект интенсивности медиапотребления на поведенческий компонент через коммуникативно-сетевой компонент оказался статистически значимым (95% ДИ не включает ноль), а его величина (0,26) превышает величину прямого эффекта (0,18). Это подтверждает центральный теоретический тезис модели о том, что цифровая медиасреда воздействует на гражданскую активность преимущественно опосредованно - через формирование определенного паттерна сетевого взаимодействия, а не напрямую.

Обобщенные показатели соответствия модели эмпирическим данным, рассчитанные методом моделирования структурными уравнениями (SEM), представлены в сводной таблице.

Таблица 13
Итоговая оценка соответствия модели данным [составлено автором исследования]

Индекс соответствия	Значение	Пороговый критерий	Заключение
χ^2/df	1,84	<3,0	Соответствует
CFI (Comparative Fit Index)	0,94	>0,90	Соответствует
TLI (Tucker-Lewis Index)	0,92	>0,90	Соответствует
RMSEA	0,061	<0,08	Соответствует
SRMR	0,058	<0,08	Соответствует

Все рассчитанные индексы соответствия находятся в пределах рекомендуемых пороговых значений, что позволяет заключить о хорошем эмпирическом соответствии разработанной четырехкомпонентной модели формирования гражданской идентичности собранным данным [16, 17]. Таким образом, проведенное статистическое тестирование подтверждает как структурную валидность, так и прогностическую состоятельность предложенной модели, обосновывая ее пригодность для дальнейшего использования в исследовательских и практических целях в сфере диагностики и развития гражданской идентичности молодежи в условиях цифровой медиасреды.

Обсуждение результатов

Полученные эмпирические данные в целом подтверждают исходную теоретическую модель и позволяют содержательно интерпретировать выявленные закономерности в контексте современных представлений о гражданской социализации личности.

Установленная роль коммуникативно-сетевого компонента как медиатора между медиапрактиками и остальными составляющими гражданской идентичности согласуется с положениями медиакоммуникативных теорий о трансформирующем воздействии цифровой

среды на процессы социализации. Вместе с тем выявленная неоднородность влияния - положительная связь с когнитивным компонентом при одновременном риске снижения эмоционально-ценностной устойчивости - свидетельствует о двойственном, амбивалентном характере воздействия цифровых медиа на гражданскую идентичность, что дополняет и уточняет существующие теоретические представления, зачастую ограничивающиеся констатацией либо позитивного, либо негативного эффекта цифровизации.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности использования разработанной модели для диагностики уровня и структуры гражданской идентичности молодежи, а также для проектирования целевых программ гражданского и медиаобразования, учитывающих специфику различных типологических групп медиапотребления. В частности, для группы молодежи, ориентированной преимущественно на социальные сети, целесообразна разработка программ развития критического мышления и медиаграмотности, направленных на укрепление эмоционально-ценностного компонента гражданской идентичности без снижения уровня цифровой информированности [14].

Ограничения исследования связаны с относительно небольшим объемом эмпирической выборки и ее локальным характером, что определяет необходимость дальнейшей верификации модели на более широких и разнообразных выборках, включая различные регионы и социальные группы. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется лонгитюдное изучение динамики гражданской идентичности в условиях меняющейся цифровой медиасреды, а также сравнительный межстрановой анализ применимости предложенной модели.

Выводы

Проведенное исследование позволило разработать, операционализировать и эмпирически апробировать структурную модель формирования гражданской идентичности личности в условиях цифровой медиасреды, включающую когнитивный, эмоционально-ценностный, поведенческий и коммуникативно-сетевой компоненты. Эмпирическая проверка подтвердила структурную валидность модели и выявила значимые статистические связи между характеристиками медиапотребления молодежи и уровнем сформированности отдельных компонентов гражданской идентичности [13].

Установлено, что цифровая медиасреда оказывает неоднозначное воздействие на гражданскую идентичность: способствуя росту когнитивной осведомленности, она одновременно создает риски для устойчивости эмоционально-ценностных оснований гражданской самоидентификации при доминировании фрагментированного контента социальных сетей. Выявленная типологическая дифференциация медиапрактик молодежи открывает возможности для дифференцированного подхода к разработке мер гражданского и медиаобразования [15].

Разработанная модель обладает как теоретической, так и практической значимостью: она вносит вклад в развитие интегративных подходов к изучению гражданской идентичности в условиях цифровизации и может быть использована в качестве инструмента диагностики и проектирования мероприятий государственной молодежной политики, направленных на укрепление гражданской идентичности в цифровой информационной среде.

Литература

1. Горшков М. К. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты / М. К. Горшков, И. О. Тюрина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 720-739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739.

2. Горшков М. К. Социальные неравенства как вызов современной России //Вестник института социологии. – 2010. – Т. 1. – №. 1. – С. 24-47.

3. Гражданская идентичность как фактор просоциального поведения российской молодежи // Национальный психологический журнал. - 2026. - URL: https://npsyj.ru/articles/article/12687/ (дата обращения: 30.04.2026).

4. Гражданская идентичность современной молодежи в условиях цифровой среды / под ред. [авт. кол.] // Молодежная библиотека МИРЭА. - 2023. - URL: https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/4793 (дата обращения: 30.04.2026).

5. Гражданское образование молодежи в условиях информационного многообразия: концепции, модели, тенденции развития : монография / М. Н. Певзнер, Е. В. Иванов, П. А. Петряков [и др.] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО "Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого". – Великий Новгород : НГУ, 2021. – 206 с. : ил., табл. – ISBN 978-5-89896-740-6.

6. Дипфейки, дезинформация и аватары в политике / Р. Н. Измайлов [и др.] // Молодой ученый. - 2025. - URL: https://moluch.ru/archive/601/131501 (дата обращения: 30.04.2026).

7. Ежов Д. Н. Цифровые медиапрактики как инструмент формирования гражданской идентичности молодежи // Вопросы воспитания. - 2026. - № 1. - URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2026_n1/bppe_2026_n1_Ezhov.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

8. Зелетдинова, Э. А. Патриотизм в структуре гражданской идентичности современной России : монография / Э. А. Зелетдинова, В. В. Дьякова, О. Ю. Дьякова ; ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет». – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2020. – 115 с. : ил., табл. – ISBN 978-5-89154-702-5.

9. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социокультурный механизм саморегуляции жизнедеятельности // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. Белгород: ООО Эпицентр, 2021

10. Игонина Е. В. Потенциал цифровых технологий в формировании гражданской идентичности в молодежной среде / Е. В. Игонина, О. Н. Поваляева, О. А. Котлярова // Перспективы науки и образования. 2024. № 4 (70). С. 609-626. DOI: 10.32744/pse.2024.4.38.

11. Луков В. А. Формирование и реализация государственной молодежной политики в современной России : монография / В. А. Луков, С. В. Луков, Д. А. Тихомиров. – Москва : Ruscience, 2022. – 285 с. : табл. – ISBN 978-5-4365-9694-5.

12. Лысенко А. О. Применение технологий искусственного интеллекта в художественной сфере деятельности //Научный аспект. – 2023. – Т. 25. – №. 12. – С. 3064-3070.

13. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. - 1998. - № 2.- С. 43–53.

14. Манипулирование политическим сознанием молодежи средствами массовой коммуникации // КиберЛенинка. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-politicheskim-soznaniem-molodezhi-sredstvami-massovoy-kommunikatsii (дата обращения: 30.04.2026).

15. Масленникова В. Ш. Формирование социально-ориентированной личности специалиста в процессе профессиональной подготовки [Текст] / В. Ш. Масленникова. – Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2010. – 429 с

16. Маяцкая, О. Б. Сообщества деструктивных субкультур: профилактика вовлечения молодежи : учебное пособие / О. Б. Маяцкая, З. Ф. Абрарова, К. В. Фадеев ; Министерство науки и высшего образования РФ, Уфимский университет науки и технологий. – Уфа : УУНИТ, 2024. – 123 с. : ил. – (Приоритет 2030. Лидерами становятся). – ISBN 978-5-7477-6011-0.

A Model for the Formation of Civic Identity in the Digital Media Environment: Development, Operationalization, and Empirical Testing

Kvetnoy V.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The relevance of this study stems from the transformation of the mechanisms of civic socialization under the influence of digital media, which over the past decade have evolved from a secondary communication channel into a system-forming factor in shaping the political attitudes, value orientations, and civic consciousness of young people. Traditional institutions of civic socialization—family, school, and public organizations—are ceding some of their functions to digital platforms, social networks, and instant messaging apps, necessitating a rethinking of theoretical models of civic identity, taking into account the specifics of the new information environment. Existing approaches to the study of civic identity insufficiently account for the multi-layered influence of the digital media environment, including the cognitive, emotional, behavioral, and value-based components of individual identification with the civic community. The aim of this study is to develop, operationalize, and empirically test a model for the formation of civic identity in the digital media environment. This model reflects the interrelationship between media practices, channels of information exposure, and the structural components of youth civic identity. The study proposed a four-component structural model, including the cognitive, emotional-value, behavioral, and communicative-network components of civic identity. A toolkit for operationalizing the model's variables was developed and tested on a sample of young people aged 18–35. Statistically significant relationships were identified between the intensity and nature of digital media use

and the level of civic identity development. Differentiating factors determining the typology of media consumption and the corresponding trajectories of civic identification were identified. The results of the empirical testing confirmed the explanatory and predictive validity of the proposed model and allowed for the formulation of practical recommendations for state youth policy makers, educational organizations, and media institutions on improving the mechanisms for forming civic identity in the digital environment.
Keywords: civic identity, digital media environment, youth, civic socialization, media consumption, value orientations, political socialization, social networks, empirical model, digitalization.

References

1. Gorshkov, M. K. “Consolidation of Russian Society in the Face of Modern Challenges: Historical, Sociological, and Value-Ideological Contexts” / M. K. Gorshkov, I. O. Tyurina // Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2023. Vol. 23, No. 4. Pp. 720-739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739.
2. Gorshkov, M. K. “Social Inequalities as a Challenge to Modern Russia” // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2010. – Vol. 1. – No. 1. – Pp. 24-47.
3. Civic Identity as a Factor in Prosocial Behavior of Russian Youth // National Psychological Journal. - 2026. - URL: https://npsyj.ru/articles/article/12687/ (date of access: 30.04.2026).
4. Civic identity of modern youth in the digital environment / edited by [authors] // MIREA Youth Library. - 2023. - URL: https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/4793 (date of access: 30.04.2026).
5. Civic education of young people in the context of information diversity: concepts, models, development trends: monograph / M. N. Pevzner, E. V. Ivanov, P. A. Petryakov [et al.]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Yaroslav the Wise Novgorod State University. – Veliky Novgorod: NSU, 2021. – 206 p.: ill., tab. – ISBN 978-5-89896-740-6.
6. Deepfakes, disinformation, and avatars in politics / R. N. Izmailov [et al.] // Young scientist. - 2025. - URL: https://moluch.ru/archive/601/131501 (date of access: 30.04.2026).
7. Yezhov D. N. Digital media practices as a tool for shaping the civic identity of young people // Issues of education. - 2026. - No. 1. - URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2026_n1/bppe_2026_n1_Ezhov.pdf (date accessed: 30.04.2026).
8. Zeletdinova, E. A. Patriotism in the structure of civil identity of modern Russia: monograph / E. A. Zeletdinova, V. V. Dyakova, O. Yu. Dyakova; Astrakhan State Technical University. - Astrakhan: Publishing house of Astrakhan State Technical University, 2020. - 115 p.: ill., table. - ISBN 978-5-89154-702-5.
9. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Sociocultural mechanism of self-regulation of life activity // Self-regulation of life activity of young people: methodology and social practices: monograph / Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevsky, et al.; scientific ed. Yu. A. Zubok. Belgorod: OOO Epicenter, 2021
10. Igonina E. V. Potential of digital technologies in the formation of civic identity among young people / E. V. Igonina, O. N. Povalyaeva, O. A. Kotlyarova // Prospects of Science and Education. 2024. No. 4 (70). P. 609-626. DOI: 10.32744/pse.2024.4.38.
11. Lukov V. A. Formation and implementation of state youth policy in modern Russia: monograph / V. A. Lukov, S. V. Lukov, D. A. Tikhomirov. - Moscow: Ruscience, 2022. - 285 p.: table. - ISBN 978-5-4365-9694-5.
12. Lysenko A. O. Application of artificial intelligence technologies in the artistic sphere of activity // Scientific aspect. - 2023. - Vol. 25. - No. 12. - Pp. 3064-3070.
13. Malakhov V. S. Inconveniences with identity // Questions of philosophy. - 1998. - No. 2.- Pp. 43-53.
14. Manipulating the Political Consciousness of Young People by Mass Media // CyberLeninka. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-politicheskim-soznaniem-molodezhi-sredstvami-massovoy-kommunikatsii (accessed: 30.04.2026).
15. Maslennikova V. Sh. Formation of a Socially Oriented Personality of a Specialist in the Process of Professional Training [Text] / V. Sh. Maslennikova. - Kazan: Pechat-Service-XXI Century, 2010. - 429 p.
16. Mayatskaya, O. B. Communities of Destructive Subcultures: Prevention of Youth Involvement: a study guide / O. B. Mayatskaya, Z. F. Abrarova, K. V. Fadeev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ufa University of Science and Technology. – Ufa: UUNIT, 2024. – 123 p.: ill. – (Priority 2030. They become leaders). – ISBN 978-5-7477-6011-0.

Политика России в отношении стран Центральной Азии в работах российских ученых

Цветов Петр Юрьевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Дипломатическая академия МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. proviet99@mail.ru

В статье содержится аналитический обзор работ российских ученых, посвященных политики Российской Федерации в отношении государств Центральной Азии с момента обретения ими независимости и до 2026 г. За эти годы отечественная наука о политике России в Центральной Азии прошла путь от реактивных эссе к сложной междисциплинарной экспертизе. Она развивалась, реагируя на изменения в политическом ландшафте центральноазиатского региона и внешнеполитических приоритетов Кремля. Главный вывод работ последних лет — признание незыблемости жизненных интересов России в тесном сотрудничестве с республиками Центральной Азии и ограниченности российского влияния. Будущее направление исследований вероятно распространится на анализ сотрудничества в условиях санкционной политики Запада, возможного развития интеграционных процессов.
Ключевые слова: внешняя политика России, международные отношения в Центральной Азии, региональная безопасность, миграция в Россию, Б.Н. Ельцин, ОДКБ, антироссийские санкции, российское обществознание.

Введение

Распад Советского Союза в 1991 г. привел, как известно, к образованию новых независимых республик, в том числе на пространстве Центральной Азии. Ими стали Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан. С этого момента отношения с этими республиками стали объектом внешней политики Российской Федерации. На пресс-конференции 16 января 2019 г. министр иностранных дел С.В. Лавров так обосновал интересы России в Центральной Азии: «Для России Центральная Азия – зона исторически обусловленных интересов, важный партнер по привилегированному сотрудничеству в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах, а также в деле обеспечения общей безопасности государств Евразии с южного направления»[1].

Вскоре после образования независимых республик Центральной Азии они стали предметом исследования российских ученых, что привело со временем к появлению достаточно развитой области обществознания. Об этом говорит и такой факт как появление отдельных академических журналов «Россия и новые государства Евразии» (издается с 2008 г.) и «Евразийские исследования» (издается с 2024 г.). Рассмотрению наиболее значимых работ отечественных исследователей и посвящена данная статья.

Основная часть

Развитие научного направления «Центральноазиатские исследования» можно поделить на следующие периоды: 1992–1995 гг.; 1996–2000 гг.; 2001–2014 гг.; 2015–2020-е гг. Такое деление обусловлено прежде всего изменениями в мировой и региональной политике, а также в процессах внутри самой науки.

В первый период, появлявшиеся работы носили в основном реактивный характер. Они отражали состояния шока, который пережили все граждане на просторах СНГ. Поэтому это скорее были эссе на актуальные темы, чем глубокие исследования. Главные вопросы, которые ставили тогда ученые были: сохранится ли российское присутствие в Центральной Азии; какова судьба русскоязычного населения; к какому геополитическому полюсу может обратиться Центральная Азия.

Писались эти работы в основном специалистами по Ближнему и Среднему Востоку – арабистами, тюркологами. Большинство из них видели в происходящем всеобщую катастрофу, напрямую обвиняли российское руководство в небрежении в отношении республик Центральной Азии, бездействии на этом направлении. Российские ученые считали, что новые республики – в силу географического положения, общего прошлого - естественные партнеры новой России, а Центральная Азия должна быть приоритетным направлением внешней политики Кремля.

Пассивность на южном направлении российской дипломатии как правило объяснялось ориентацией на Запад А.В. Козырева, министра иностранных дел России в 1991-1996 гг. Тем не менее, следует отметить, что в основополагающих документах новой власти, таких как Концепция внешней политики Российской Федерации, в том числе издания 1993 г., отношение со странами СНГ считались приоритетным направлением. Кроме того, нельзя игнорировать тот факт, что в 1995 г. президент Б.Н. Ельцин утвердил такой документ как «Стратегический курс России с государствами-участниками СНГ» (в 2005 г. его немного подредактировали, но основные положения сохраняют силу и в наши дни).

Приход в январе 1986 г. на пост министра иностранных дел Е.М. Примакова с его идей многовекторности российской дипломатии и определенное накопление фактического материала привели в 1996-2000 гг. к расширению и углублению исследовательского поиска. В эти годы было опубликовано немало научных работ, предлагающих общую характеристику внешней политики России в Центральной Азии. Одним из основных направлений соответствующих исследований стало выявление интересов Москвы в изучаемом регионе и проведение генерализированного анализа соответствующего вектора ее дипломатии. В этом отношении показательна статья академика А.М. Васильева [2]. Крупный российский востоковед, известный своими работами по Африке и Аравии, обращал внимание на то, что отношения между Россией и странами Центральной Азии складываются в результате сочетания действий сил взаимного отталкивания и притяжения.

Среди негативных факторов он выделял нарастание в центральноазиатских республиках национализма и радикального ислама, неспособность России выступать донором для своих южных соседей, прозападный настрой ее тогдашнего руководства и его предвзятое отношение к центральноазиатским режимам как недемократичным. Среди факторов притяжения сторон А.М. Васильев называл сохранение экономической зависимости стран Центральной Азии от России, наличие между ними традиционных тесных связей в культурной и образовательной сферах. В статье также обращалось внимание на проблему обеспечения безопасности центральноазиатских республик. Как считает академик А.М. Васильев, самостоятельно без помощи России новым государствам это трудно сделать.

К сфере безопасности специально обратилась Д.Б. Малышева. В её статье изучался опыт участия России в урегулировании межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве. По мнению исследователя, благодаря продуманной и систематической работе с противоборствующими сторонами, Москве удалось создать ситуацию, при которой она может управлять данными конфликтами, извлекая из этого непосредственную выгоду. Д. Б. Малышева утверждала, что одной из главных задач России в Центральной Азии является создание системы коллективной безопасности, обеспечивающей внутреннюю стабильность в государствах региона [3].

Актуальному для всех периодов вопросу положения русского языка в центральноазиатских республиках посвятила свою статью. Я. Р. Стрельцова. Она отмечала, что в тех республиках, в которых русским языком в начале 1990-х гг. владела подавляющая часть населения, происходит его активное вытеснение из сфер государственной деятельности, экономики, науки, образования и культуры. Русскоязычное информационное пространство не получало должной поддержки Москвы и стремительно сокращалось. По мнению автора, сужение сферы применения русского языка в Центральной Азии должно было завершиться в начале 2000-х гг., когда государства региона сформируют свою политическую идентичность [4].

С периода 1996-2001 гг. начался выпуск первых учебных пособий для вузов по внешней политике России в Центральной Азии. Им стало небольшое издание за авторством преподавателя МГИМО(У) МИД Росси С.И. Лунева [5].

Начало американской военной операции в Афганистане после террористической атаки 11 сентября 2001 г. коренным образом изменили ситуацию в Центральной Азии. Вопросы безопасности России и её южных соседей стали как никогда актуальными, что проявилось в публикациях 2001-2014 гг. В 2000-е гг. наметились четкие тенденции по усилению российского влияния в регионе. Россия увеличила свое участие в транспортировке углеводородов, в развитие железных и шоссейных дорог, активизировало сотрудничество по линии ОДКБ, стала оказывать поддержку русскоязычным СМИ в азиатских республиках.

В 2007 г. вышла книга С.Г. Лузянина «Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2006 гг.)» [6], которая содержала анализ подходов Кремля в отношении стран Востока от Алжира на западе до Японии на востоке. Центральноазиатскому региону и Южному Кавказу отведена целая глава книги. Основываясь на послании Президента России Федеральному собранию 2006 г., С.Г. Лузянин отмечает приоритетность центральноазиатского вектора российской внешней политики, что связано «прежде всего с безопасностью южных границ России, которая последовательно возвращается в регион как на двустороннем уровне, так и в рамках набирающих силу коллективных проектов» [6, с.190]. По мнению автора это возвращение началось после 2006 г. Касаясь перспектив отношений с регионом, С.Г. Лузянин видит существенные возможности для укрепления позиций России — прежде всего за счёт экономического сотрудничества, военно-технического взаимодействия и диалога по вопросам региональной безопасности.

В этот же период выходит фундаментальная монография И.Д. Звягельской «Становление государств Центральной Азии» [7]. Несмотря на то, что значительная часть книги рассматривает преимущественно внутренние процессы становления независимых республик Центральной Азии с 1991 г. по 2009 г. (год выхода монографии), исторический подход позволяет автору обосновать общий вывод, что Центральная Азия должна по-прежнему оставаться в зоне российских интересов. В этой же монографии И.Д. Звягельская затрагивает тему «энергетической дипломатии», в частности, показано место «Газпрома» и «Росатома» в центральноазиатских проектах России.

Определенным обобщением взглядов российских ученых была так называемая тетрадь РСМД «Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители», увидевшая свет в 2013 г. [8]. В этом издании коллектив авторов под руководством академика В.В. Наумкина предпринял попытку определить реальное место Центральной Азии в шкале российских внешнеполитических приоритетов, проанализировать возможности России в Центральной Азии, выявить препятствии и риски мешающие реализации российской внешней политики. В издании была подчеркнута мысль о роли России как гаранта безопасности в центральноазиатском регионе. В этом ей должны помогать такие институты как ОДКБ и ШОС.

Анализ двусторонних отношений России со странами Центральной Азии провел С.Г. Лузянин в статье «Россия и Китай в Центральной Азии: конкуренция или сотрудничество?» [9]. Кроме богатой фактами картины двусторонних отношений автор затронул активно обсуждаемый вплоть до наших дней вопрос о соперничестве Китая и России на пространстве Центральной Азии. По этому поводу С.Г. Лузянин высказал следующее диалектическое заключение: «Для России развитие стратегических отношений с КНР в данном регионе обеспечивает как сегодняшние, так и завтрашние приоритеты и потребности кооперации… Россия для Китая на азиатских площадках – естественный союзник против гегемонизма и диктата одной страны» [9, с.24]. Под одной страной, очевидно, понимались США.

В этот период в МГИМО под редакцией А.Д. Богатурова вышло, вероятно, одно из наиболее развернутых учебных пособий по международным отношениям в Центральной Азии [10].

После 2014 г. заметно меняется политический ландшафт центральноазиатского региона. В 2015 г. создается Евразийский экономический союз (ЕАЭС), США уходят из Афганистана и к власти в этой стране приходят исламские радикалы (2021), в феврале 2022 г. Россия начинает Специальную военную операцию, которая радикально меняют отношения Кремля с Западом.

Обобщить опыт взаимодействия России и республик Центральной Азии решила И.Д. Звягельская. Её раздел в коллективной монографии «Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России» был посвящен именно этому вопросу [11] Автор анализирует роль России в Центральной Азии, в политической, социальной и экономической сферах. В исследовании отмечается, что несмотря на появление новых игроков, Россия по-прежнему сохраняет особую роль в регионе. Особый акцент эксперт делает на сферу безопасности и роли в ней России. И.Д. Звягельская считает, что «кроме России, некому взять на себя роль по защите расположенных здесь государств, в том числе развертывание военных контингентов» [11, с.399]. Москва по-прежнему остается главным партнером для центральноазиатских государств в сфере безопасности. По мнению исследователя, контроль над Центральной Азией способен укрепить позиций России в качестве одного из ведущих центров силы в трансформирующейся системе международных отношений.

Возможности российской политики в свете событий в Афганистане проанализировала Д.Б. Малышева [12]. Еще до вывода американских войск, она спрогнозировала появление новых угроз для республик Центральной Азии. В целом, считает этот автор, Москва определилась со своими международными приоритетами на центральноазиатском направлении, и ее действия здесь направлены на создание новой реальности, которая позволила бы минимизировать многие риски и угрозы. Россия может предложить центральноазиатским странам стратегию ответа на внутренние и внешние вызовы и риски, при том, что она сама кровно заинтересована в ликвидации в Центральной Азии потенциальной нестабильности, включающей и исламистскую угрозу. Разумной альтернативой может стать инициируемая Россией углубленная экономическая интеграция, которая будет способствовать, в числе прочего, сохранению светского характера политических систем государств региона.

Ситуацию в Центральной Азии после начала СВО проанализировал профессор Дипломатической академии МИД России С.С. Жильцов. В статье «Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств» [13] автор акцентирует внимание на усиление присутствия США и ЕС в Центральной Азии, попытках коллективного Запада добиться от стран

региона присоединения к антироссийским санкциям. В этих условиях для России особенно важно сохранить свои влиятельные позиции в регионе, сформировать «пояс» дружественных государств, заинтересованных в развитии экономических и политических отношений, добиться от центральноазиатских государств поставок, компенсирующих результаты антироссийских санкций.

Промежуточный итог развитию российско-центральноазиатских отношений после февраля 2022 г. подвела Д.Б. Малышева в статье «Перезагрузка стратегий внешних акторов в Центральной Азии после 2022 г.». [14]. По мнению ученого, «Россия несколько ослабила свое влияние в ЦА из-за украинского конфликта». Тем не менее Москва сохраняет в регионе роль крупнейшего торгового партнера, одного из основных инвесторов в экономику центральноазиатских республик, ключевого рынка труда для нескольких миллионов мигрантов. Остается за Россией и приоритет в сфере безопасности. Такая позиция достигается благодаря развертыванию Россией в ряде стран (Казахстан, Киргизия, Таджикистан) вооруженных сил, а также налаженному стратегическому партнерству в сфере обороны.

Российской политике в Центральной Азии посвящена глава в монографии Е.Г. Гарбузаровой «Центральная Азия в современных мирополитических процессах» [15]. Представляет интерес характеристика, данная автором политике России после образования в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС). По её мнению, с этого момента политика России в Центральной Азии приобрела последовательный характер. «Россия разработала модель геоэкономического доминирования на евразийском пространстве с целью укрепить контроль над стратегическими рынками и транспортно-коммуникационными коридорами» [15, 155].

Фундаментальное исследование на тему трудовой миграции из Центральной Азии в Россию опубликовал в 2016 г. член-корреспондент РАН С.В. Рязанцев [16]. В статье раскрыты факторы, «притягивающие» мигрантов в Россию. Это - объемный рынок труда, диверсифицированная экономика, потребность в рабочих руках во многих отраслях и регионах, более высокий, чем на родине мигрантов уровень заработной платы, лучшее качество жизни. При выборе направления миграции граждане центральноазиатских республик ориентируются на Россию, ещё и потому, что знание русского языка и понимание менталитета российского населения существенно повышает их шансы на трудоустройство. Автор делает диалектически сбалансированный вывод о плюсах и минусах иммиграции для России. С одной стороны, отмечает ученый, мигранты заполняют многие непрестижные ниши на российском рынке труда с тяжелыми условиями работы, на которые не всегда соглашаются местные жители. Благодаря трудовым мигрантам в России успешно развиваются целые направления экономики (например, строительная отрасль в крупных городах). С другой стороны, трудовая миграция имеет ряд негативных последствий для принимающей стороны: стимулирует рост теневой экономики, демпингует уровень заработной платы, формирует замкнутые этнические анклавы. В статье высказано предположение, что поток эмигрантов из Центральной Азии может переориентироваться с России на мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока и Южную Корею.

В 2025 г. преподавателями Дипломатической академии МИД России выпущено учебное пособие «Страны Центральной Азии в современной системе международных отношений», в которой одна из глав посвящена политике России в центральноазиатском регионе [17]. Она в сжатом виде обобщила результаты предшествующих исследований российских ученых.

Заключение

За 35 лет отечественная наука о политике России в Центральной Азии прошла путь от реактивных эссе к сложной междисциплинарной экспертизе. Она развивалась, реагируя на изменения в политическом ландшафте центральноазиатского региона и внешнеполитических приоритетов Кремля. Главный вывод работ последних лет — признание незыблемости жизненных интересов России в тесном взаимодействии с республиками Центральной Азии и ограниченности российского влияния. Будущее направление исследований, вероятно, распространится на анализ сотрудничества в условиях санкционной политики Запада, возможного развития интеграционных процессов. Ограничением для изучения центральноазиатских проблем по-прежнему остается редкое владение российскими экспертами языков народов Центральной Азии.

Литература

1. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году, Москва, 16 января 2019 года - Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1451497/(дата обращения 15.09.2026).
2. Васильев А. М. Россия и Центральная Азия // Азия и Африка сегодня, 1999, №4, С.2-5
3. Малышева Д. Б. Конфликты у южных рубежей России // Pro et Contra. 2000. № 3. С. 7–33
4. Стрельцова Я. Р. Проблемы русского языка и образования в российских диаспорах в новом зарубежье // Язык и этнический конфликт / Под ред. М. Б. Олкотт и И. Семенова. М., 2001. С. 86–98.
5. Лунев С. И. Независимые республики Центральной Азии и Россия: Учеб. пособие. М., 2001. – 54с.
6. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение на «Большой Восток» (2004-2006 гг.). М., АСТ Восток -Запад, 2007 – 447с.
7. Звягельская И. Д. Становление государств Центральной Азии: политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009 – 208 с.
8. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. РСМД, 2013, №10. М., Спецкнига, 2013, - 64 с.
9. Лузянин С.Г. Россия и Китай в Центральной Азии: конкуренция или сотрудничество? // Мир и политика, 2010, №2, с. 24-36.
10. Международные отношения в Центральной Азии. Учебное пособие. Ответ. редактор А.Д. Богатуров, М., Аспект Пресс, 2014, - 560 с.
11. Звягельская И. Д. Россия в Центральной Азии: ведущий игрок или один из многих? // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 393–408.
12. Малышева Д.Б. «Фактор-2014» для Центральной Азии и России// Международная жизнь,2014.-№2 с.25-43.
13. Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств// Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №1.- С.78-89.
14. Малышева Д.Б. Перезагрузка стратегий внешних акторов в Центральной Азии после 2022 г. // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 1.- С. 26–35.
15. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. М., Аспект Пресс, 2020, - 192 с.
16. Рязанцев С.В. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса. Текст: Электронный - URL: https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/ (Дата обращения 10.09.2026).
17. Матвеев О.В., Цветов П.Ю. Страны Центральной Азии в современной системе международных отношений». М; ФГБОУ ВО МГЛУ, ФГБОУ ВО Дипломатическая академия МИД РФ, 2025. — 100 с.

Russia's policy towards the countries of Central Asia in the works of Russian scholars

Tsvetov P.Yu.

Diplomatic Academy of MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Institute of China and Contemporary Asia RAS

The article provides an analytical review of the works of Russian scholars devoted to the policy of the Russian Federation towards the states of Central Asia from the moment they gained independence until 2025. Over these years, Russian scholarship on Russia's policy in Central Asia has evolved from reactive essays to complex interdisciplinary expertise. It has developed in response to changes in the political landscape of the Central Asian region and the Kremlin's foreign policy priorities. The main conclusion of the works published in recent years is the recognition of the inviolability of Russia's vital interests in close cooperation with the Central Asian republics and the limited nature of Russian influence. The future direction of research will likely extend to the analysis of cooperation under the conditions of Western sanctions policy and the possible development of integration processes.

Keywords: Russia's foreign policy, international relations in Central Asia, regional security, migration to Russia, B. N. Yeltzin, CSTO, anti-Russian sanctions, social studies in Russia.

References

1. Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a news conference on the results of Russian diplomacy in 2018 Moscow, January 16, 2019 – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1451497/(accessed: 10.08.2026).
2. Vasiliev A.M. Russia and Central Asia // Asia and Africa Today. 1999. No. Pp. 2–5.
3. Malysheva D. B. Conflicts along Russia's southern borders // Pro et Contra. 2000. No. 3. Pp. 7–33.

4. Streltsova Ya. R. Problems of the Russian language and education in Russian diasporas in the new foreign countries // Language and Ethnic Conflict / Edited by M. B. Olcott and I. Semenov. Moscow, 2001. Pp. 86–98.
5. Lunev S. I. Independent Republics of Central Asia and Russia: Textbook. Moscow, MGIMO, 2001. – 54 p.
6. Luzyanin S.G. Vladimir Putin's Eastern Policy. Return to the "Greater East" (2004–2006). Moscow, AST East-West, 2007 – 447 p.
7. Zvyagelskaya I. D. The Formation of the States of Central Asia: Political Processes. — Moscow: Aspect Press, 2009 — 208 p.
8. Russia's Interests in Central Asia: Content, Prospects, and Constraints. RIAC, 2013, No. 10. Moscow, Spetskniga, 2013, 64 pp.
9. Luzyanin S.G. Russia and China in Central Asia: Competition or Cooperation? // World and Politics, 2010, No. 2, pp. 24-36.
10. International Relations in Central Asia. Textbook. Editor A.D. Bogaturov, Moscow, Aspect Press, 2014, 560 p.
11. Zvyagelskaya I. D. Russia in Central Asia: a leading player or one of many? // New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia / edited by A. V. Lukin. – Moscow: International Relations, 2018. – Pp. 393–408.
12. Malysheva D.B. "Factor-2014" for Central Asia and Russia // Mezhdunarodnaya Zhizn — 2014, No. 2, pp. 25–43.
13. Zhiltsov S.S. Central Asia: the region's potential and new challenges for Central Asian states // RUDN Journal of Political Science. Series: Political Science. 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 78–89.
14. Malysheva D.B. Reloading the Strategies of External Actors in Central Asia after 2022 // Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. No. 1. Pp. 26–35.
15. Garbuzarova E.G. Central Asia in Modern World Political Processes. Moscow, Aspect Press, 2020, - 192 p.
16. Ryazantsev S.V. Labor Migration from Central Asia to Russia in the Context of the Economic Crisis. Text: Electronic – URL: https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/ (Date of access: 10.09.2026).
17. Matveev O.V., Tsvetov P.Yu. Central Asian Countries in the Modern System of International Relations. Moscow: MSLU, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2025. — 100 p.

Институты Конфуция как инструмент мягкой силы КНР в Центральной Азии

Чжу Юйтянь
аспирант, международные отношения, факультет истории-политической науки, Национальный исследовательский Томский государственный университет, IRzyt061@163.com,

Троицкий Евгений Флорентьевич
доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики исторического факультета, Томский государственный университет, eft@rambler.ru

В статье рассматривается деятельность Институтов Конфуция как одного из ключевых инструментов «мягкой силы» Китая в Центральной Азии. Исследование сосредоточено на анализе масштабов и динамики расширения сети данных институтов в регионе, а также на реакции российского экспертного и политического сообщества на усиление китайского культурно-образовательного присутствия. Отдельное внимание уделяется процессам «дерусификации», затрагивающим гуманитарное и образовательное пространство Центральной Азии, и их связи с институциональной экспансией Китая. Анализ показывает, что данная экспансия носит не случайный, а структурный характер и обусловлена долгосрочными геополитическими и стратегическими интересами КНР. В связи с этим ставится вопрос о необходимости выработки Россией комплексных мер по сохранению собственного гуманитарного, образовательного и культурного присутствия в регионе.
Ключевые слова: Институт Конфуция, Китай, мягкая сила, Центральная Азия, Россия.

Концепция «мягкой силы» была впервые выдвинута известным американским политологом Джозефом Сэмюэлем Наем-младшим, который определил её как способность добиваться желаемых результатов в международных отношениях не за счёт принуждения или материального стимулирования, а посредством культурной привлекательности, идеологической притягательности и институциональной ассимиляции [1]. С момента своего появления эта концепция заняла важное место в теоретическом арсенале исследований международных отношений, став одним из ключевых инструментов анализа внешнеполитических стратегий различных государств.

В последние годы китайская инициатива «Один пояс, один путь» всё чаще интерпретируется зарубежными исследователями как инструмент внешнеполитического влияния, направленный на расширение политического и экономического присутствия Китая через масштабные инфраструктурные инвестиции и льготные кредиты странам-участницам. Отмечается, что она превратилась в ключевой механизм реализации государственной стратегии КПК, что свидетельствует о восприятии данной инициативы не столько как платформы международного сотрудничества, сколько как инструмента стратегического влияния [2]. Внешнеполитический курс Китая традиционно ассоциируется с активным использованием как жёсткой, так и мягкой силы: если жёсткая сила проявляется в наращивании военного потенциала и экономическом давлении, то дипломатия «мягкой силы» нацелена на распространение китайской культуры, формирование положительного имиджа страны и расширение круга дружественных стран за счёт привлекательности, а не принуждения. Особое место здесь занимают институциональные механизмы культурного присутствия, среди которых ключевым инструментом выступает Институт Конфуция [3].

Основанный в 2004 году для продвижения китайского языка и культуры за рубежом, Институт Конфуция первоначально развивался традиционно в странах Европы и США, где его деятельность воспринималась в основном через призму образовательной инициативы. Однако с запуском инициативы «Один пояс, один путь» география проекта претерпела изменения: центры стали открываться в центральную Азию, причём особенно активное развитие они получили в Казахстане и Кыргызстане. Сегодня сеть институтов в наших странах изучает несколько критериев, включая сами институты и дочерние учреждения, которые значительно рассчитывают показатели многих европейских государств. Такая динамика неизбежно привлекала внимание, поскольку темпы и масштабы расширения в отношениях между странами оказываются несоизмеримыми с изначально заявленными сугубо формирующими государствами.

В международном дискурсе деятельность Институтов Конфуция нередко интерпретируется как один из ключевых элементов стратегии мягкой силы Пекина. Западные аналитики и политики неоднократно указывали на возможную связь между культурными центрами и внешнеполитическими приоритетами Китая, что вызывало споры о степени их автономности. Китайская сторона, в свою очередь, неизменно подчёркивает, что задача институтов — исключительно содействие межкультурному обмену и взаимопониманию. Однако с точки зрения российских академических кругов, стремительное расширение присутствия Институтов Конфуция в Центральной Азии выходит за рамки культурной дипломатии и носит ярко выраженный геополитический характер. Многие эксперты обращают внимание на синхронность открытия новых центров с ключевыми инфраструктурными проектами «Одного пояса, одного пути», что позволяет говорить о системном подходе Китая к укреплению своего влияния в регионе. С учётом исторически сложившегося доминирования России в образовательной и культурной сферах Центральной Азии закономерно возникает вопрос о том, не меняется ли под воздействием китайской политики привычная конфигурация партнёрских связей.

В данной работе используется комплексный исследовательский подход, основанный на сочетании качественных и количественных методов анализа, что позволяет обеспечить многоаспектность рассмотрения проблемы и перекрёстную верификацию получаемых данных. Количественная составляющая предполагает детальный анализ распределения институтов Конфуция в странах Централь-

ной Азии, включая их географическую локализацию, динамику открытия, институциональную базу функционирования, а также масштабы распространения китайского языка в регионе. Качественный компонент фокусируется на теоретической интерпретации концепции «мягкой силы» применительно к образовательной дипломатии, а также на критической оценке практической деятельности институтов Конфуция с точки зрения их целей, инструментария и восприятия региональными акторами. Это позволяет не только проанализировать механизмы культурного присутствия Китая, но и выявить характер реакции со стороны России, а также возможные направления её ответных шагов в контексте сохранения собственного культурно-образовательного влияния в регионе. В качестве дополнительного аналитического инструмента применяется сравнительный анализ, в рамках которого сопоставляются модели функционирования китайского и русского языков в Центральной Азии, включая институциональные формы поддержки, масштабы присутствия в образовательных системах стран региона, а также стратегии языкового продвижения, реализуемые Китаем и Россией.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные и ежегодные отчёты с официального сайта Института Конфуция, что позволяет проследить динамику роста сети этих учреждений в Центральной Азии. Дополнительно привлекаются материалы китайских, российских и центральноазиатских СМИ, включая официальные сообщения и аналитические публикации, что даёт возможность реконструировать дискурсивные рамки восприятия данной инициативы. Также проанализированы публикации китайских и российских исследователей по вопросам концептуализации «мягкой силы» в внешней политике КНР, продвижения китайского языка за рубежом и образовательного сотрудничества в Центральной Азии. В результате контент-анализа выявлено восприятие экспертными сообществами деятельности Институтов Конфуция и её влияния на сотрудничество стран региона с Россией [4, 5].

Китайское правительство надеется через проект Институтов Конфуция построить гармоничные внешние отношения, повысить привлекательность китайской культуры в Центральной Азии и укрепить политическое сотрудничество с другими странами [6, 7]. Эта точка зрения была подтверждена на шестом пленуме ЦК КПК семнадцатого созыва [8]. К концу 2014 года руководители партии и правительства, включая Си Цзиньпина, неоднократно посещали мероприятия Институтов Конфуция, подчёркивая необходимость их всестороннего развития, поскольку «укрепление мягкой силы является неотъемлемой частью достижения стратегических целей Китая».

Центральная Азия традиционно рассматривается как важнейшая часть русскоязычного мира, где исторически сложились устойчивые языковые и образовательные практики, опиравшиеся на русский язык как язык межнационального общения и академической коммуникации [9]. В отличие от прежней модели продвижения русского языка, осуществлявшейся преимущественно через двусторонние образовательные обмены и традиционные каналы культурной дипломатии, развитие китайского языка через сеть Институтов Конфуция демонстрирует как высокие темпы институционального расширения, так и глубину социокультурного укоренения. Китайская сторона использует специфические культурные символы и унифицированные образовательные стандарты, что обеспечивает системность языковой подготовки и формирует долгосрочную лояльность к китайскому культурному контексту. Продвижение китайского языка через систему Институтов Конфуция ощутимо воздействует на статус русского языка в Центральной Азии, особенно в условиях усиливающейся «дерусификации». Как отмечается в литературе, с начала 2000-х годов активизировалась образовательная политика Китая в регионе: в Узбекистане и Казахстане открываются Центры китайского языка, и знание китайского становится всё более популярным и престижным [10]. Эта динамика свидетельствует о том, что китайский язык начинает занимать нишу, ранее почти безраздельно принадлежавшую русскому как языку социального лифта и академической мобильности. Благодаря продвижению «Одного пояса, одного пути» и углублению китайско-казахстанского сотрудничества перспективы трудоустройства студентов, изучающих китайский, становятся всё более устойчивыми и диверсифицированными [11]. Спрос на специалистов со знанием китайского в логистике, торговле, энергетике и трансграничных инвестициях побуждает местных студентов отдавать ему приоритет перед другими иностранными языками. Вместе с тем китайский язык остаётся сложным и трудоёмким для освоения, что формирует естественный механизм селекции: высокий порог вхождения ограничивает приток обучающихся, но одновременно способствует отбору наиболее устойчивых к когнитивным нагрузкам. В результате за рамками учебной аудитории остаются лица, не соответствующие китайскому образу мышления, а в системе закрепляются профессионалы, прошедшие полный курс и усвоившие транслируемые через язык мыслительные схемы.

А более глубинное воздействие заключается в том, что организационно-педагогическая модель Институтов Конфуция постепенно меняет ожидания центральноазиатских обществ в отношении целей и форматов образовательного сотрудничества. В отличие от русского языка, опирающегося на межличностную коммуникацию и не всегда подкреплённого сопоставимыми ресурсами, Институты Конфуция предлагают системную учебную программу, унифицированные стандарты оценки и чёткие карьерные траектории. Это актуализирует необходимость переосмысления российских стратегий продвижения культуры и русского языка в Центральной Азии, поскольку прежние подходы оказываются недостаточно гибкими в конкурентной среде, где образовательная политика всё теснее увязывается с экономическими интересами и долгосрочным институциональным планированием.

Стратегическое расширение Институтов Конфуция в Центральной Азии — не только культурно-образовательный феномен, но и индикатор нарастающего экономического и политического присутствия Китая в регионе, оказывающего структурное давление на традиционное российское влияние. В научной литературе подчёркивается, что масштаб китайского культурного присутствия свидетельствует о переходе от разовых гуманитарных проектов к долгосрочной стратегии институционального закрепления. Российская сторона демонстрирует неоднозначное отношение к этому процессу: официальная Москва публично приветствует многовекторную дипломатию государств Центральной Азии, включая углубление сотрудничества с Китаем, однако в экспертном и политическом дискурсе прослеживается стратегическая озабоченность усилением китайского культурного влияния как потенциального вызова российским позициям. Такая двойственность отражает необходимость балансировать между поддержкой региональных партнёров и стремлением сохранить собственное доминирование в сферах безопасности, интеграции и культурного присутствия.

Эта обеспокоенность обусловлена двумя опасениями. Во-первых, в российском экспертном сообществе существует устойчивое опасение, что углубление связей между Центральной Азией и Китаем может ослабить позиции России как традиционно ведущего партнёра в регионе. С 2023 года, на фоне соперничества США и России, влияние Китая приобретает дополнительный вес [12, 13], а его институциональное присутствие воспринимается как фактор долгосрочной перестройки регионального баланса сил. Во-вторых, российские аналитики тревожатся по поводу снижения привлекательности ЕАЭС: Китай в рамках «Одного пояса, одного пути» и сопряжённых механизмов, включая Институты Конфуция, предлагает региону более комплексные и ресурсно обеспеченные форматы сотрудничества. Это определяет и отношение Москвы к расширению Институтов Конфуция в Центральной Азии.

Столкнувшись с расширением влияния Китая, Россия инициировала ответные меры: увеличение финансирования программ на русском языке, расширение сети его преподавания и партнёрство с местными образовательными учреждениями. Однако в сравнении с системной деятельностью Института Конфуция российские инициативы выглядят фрагментарными, а отсутствие единой стратегии снижает эффективность усилий в сфере «мягкой силы» [9]. Россия задействует и многосторонние механизмы: второй саммит «Центральная Азия – Россия» в Душанбе в октябре 2025 года был посвящён экономическому взаимодействию и проблемам безопасности, с акцентом на синергию в рамках СНГ. Тем не менее российские инициативы зачастую носят реактивный характер и уступают китайским по вовлечённости в экономику региона. В сфере образовательных обменов Россия расширила программы стипендий, однако ограниченные возможности трудоустройства выпускников снижают привлекательность российского образования.

Сеть Институтов Конфуция в Центральной Азии представляет собой тщательно разработанную модель применения «мягкой силы» китайским правительством [14, 15]. По сути, это стратегический инструмент Китая для расширения своего регионального влияния и формирования дружественной международной обстановки. Хотя влияние китайского языка в Центральной Азии значительно

уступает русскому или даже английскому, с точки зрения национальных интересов России этот механизм действительно представляет определенную угрозу традиционным позициям России в Центральной Азии.

Возвращаясь к исследовательскому вопросу, сформулированному в начале данной работы, и обобщая результаты анализа процессов глубокой экспансии институтов Конфуция в странах Центральной Азии, а также их долгосрочных социальных и гуманитарных последствий, можно с достаточной степенью уверенности заключить, что институты Конфуция представляют собой не просто элемент культурного обмена, а вполне реальный и стратегически значимый вызов сложившемуся статусу России в регионе. Данный вызов затрагивает прежде всего позиции России как ключевого — и на протяжении долгого времени безальтернативного — партнера центральноазиатских государств в сферах образования, языковой политики и академической мобильности [16]. При этом проблемная ситуация не ограничивается сугубо конкурентной динамикой в области преподавания русского и китайского языков; она проявляется также в более глубоких измерениях, а именно — в инновационных подходах Китая к выстраиванию межвузовского сотрудничества, в гибкости образовательных моделей, адаптированных к местным условиям, и в формировании устойчивых каналов воспроизводства прокитайски ориентированных элит. Указанные тенденции, взятые в совокупности, свидетельствуют о смене образовательной парадигмы в регионе, где традиционные инструменты российского гуманитарного присутствия сталкиваются с необходимостью адаптации к новым конкурентным условиям. В ответ на складывающуюся конфигурацию вызовов, требующих не столько конфронтационного противостояния, сколько тонкого и стратегически выверенного реагирования, Россия способна более эффективно отстаивать свои долгосрочные интересы в Центральной Азии, избегая при этом прямой конфронтации с китайскими образовательными и культурными инициативами. Такая стратегия предполагает, во-первых, целенаправленное повышение собственной культурной и образовательной привлекательности за счет обновления содержания образовательных программ, расширения стипендиальных возможностей и акцента на практико-ориентированных форматах подготовки кадров. Во-вторых, необходимы институциональные инновации в сфере сотрудничества, включая создание совместных научно-образовательных консорциумов, внедрение сетевых форм взаимодействия между университетами и более активное использование потенциала цифровых образовательных платформ. В-третьих, ключевым условием успеха становится усиление стратегической коммуникации, нацеленной на разъяснение ценностных основ российского подхода к гуманитарному сотрудничеству, а также формирование общего нарратива, способного консолидировать элиты и общественность стран региона вокруг идеи взаимовыгодного партнерства. Лишь сочетая эти направления в рамках последовательной и адаптивной политики, Россия имеет возможность не только сохранить, но и укрепить свои лидирующие позиции в центральноазиатском регионе, который переживает глубокую трансформацию под воздействием геополитической многополярности и растущей конкуренции внешних игроков за влияние в гуманитарной сфере.

Литература

1. Наумов А. О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 122–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika (дата обращения: 16.09.2026).
2. Омурова Ж. О., Лысенко Ю. А., Кылычев А. М. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» в культурной дипломатии Китая в Кыргызстане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 2. С. 226–239.
3. Simonov M. The Belt and Road Initiative and Partnership for Global Infrastructure and Investment: Comparison and current status // Asia and the Global Economy. 2025. Vol. 5, Issue 1. Article 100106. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.aglobe.2025.100106.
4. Габриелян Г. Р. Влияние политики «мягкой силы» на укрепление роли КНР в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 1. С. 63–69.
5. Цюй Ч. Институт Конфуция в Санкт-Петербурге как инструмент «мягкой силы» в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 2. С. 134–148.
6. Liu Cheng. A Review of Overseas Research on Confucius Institutes to Inform Future Development // Intercultural Communication Studies. 2011. Vol. XX, No. 1. P. 193–207. URL: https://media.sciltp.com/articles/sciltp/ics/2011/14ChengLiu.pdf (дата обращения: 16.09.2026).
7. Хисамутдинова Н. В., Ян Юе. Институт Конфуция в России как носитель мягкой силы китайской культуры // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12, № 3-1. С. 120–126.
8. Официальный сайт Института Конфуция. URL: https://ci.cn/ciday-news/f6620266-167b-4eb5-bc1d-3e19184c7ee5 (дата обращения: 16.09.2026).
9. Коммюнике шестого пленарного заседания 17-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая. URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/10/20/ARTI1319079088234716.shtml (дата обращения: 16.09.2026).
10. Старчак М. В. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать // Фонд «Русский мир». 16.02.2009. URL: https://russkiymir.ru/analytics/tables/news/119895/ (дата обращения: 16.09.2026).
11. Ли Динхуань. Исследование влияния сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии на обучение китайскому языку в регионе Центральной Азии // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 7-2. С. 243–252. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-soobschestva-edinoy-sudby-kitaya-i-tsentralnoy-azii-na-obuchenie-kitayskomu-yazyku-v-regione-tsentralnoy (дата обращения: 16.09.2026).
12. Лю Т., Чжан До. Строительство «мягкой силы» Китая на пространстве Центральной Азии: саммит «Китай — Центральная Азия» как стратегическая опора // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 311–316.
13. Гу Вэй. Стратегическая игра между США и Россией и новые тенденции в ситуации в Центральной Азии // Современный мир. 23.09.2025. Вып. 9. URL: https://iir.sass.org.cn/2025/0923/c444a580971/page.htm (дата обращения: 16.09.2026).
14. Албутова С. Е. Институты Конфуция как механизм реализации «мягкой силы» современного Китая на примере РФ // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 6 (75). С. 1103–1108.
15. Abbasova N. Russian expert says West attempts to meddle in South Caucasus via Armenia // Report. 22.07.2024. URL: https://report.az/en/region/russian-expert-says-west-attempts-to-meddle-in-south-caucasus-via-armenia (дата обращения: 16.09.2026).
16. Эпштейн В. А., Акчурина А. В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в странах Центральной Азии // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 21–41.

Confucius Institutes as an Instrument of the PRC's Soft Power in Central Asia

Zhu Yutian, Troitsky E.F.

National Research Tomsk State University

This article examines the activities of Confucius Institutes as a key instrument of China's "soft power" in Central Asia. The study focuses on analyzing the scale and dynamics of the network's expansion in the region, as well as the reaction of the Russian expert and political communities to the strengthening of China's cultural and educational presence. Particular attention is paid to the processes of "derussification" affecting the humanitarian and educational landscape of Central Asia and their link to China's institutional expansion. The analysis demonstrates that this expansion is structural rather than incidental, driven by the PRC's long-term geopolitical and strategic interests. Consequently, the article raises the question of the need for Russia to develop comprehensive measures to maintain its own humanitarian, educational, and cultural presence in the region.

Keywords: Confucius Institute, China, soft power, Central Asia, Russia.

References

1. Naumov A. O. Joseph Nye's "Soft Power" Concept in Foreign Academic Discourse: Interpretation and Critique // Public Administration. E-Journal. 2021. No. 89. P. 122–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika (accessed: 16.09.2026).
2. Omurova Zh. O., Lysenko Yu. A., Kylychev A. M. Confucius Institutes as a "Soft Power" Tool in China's Cultural Diplomacy in Kyrgyzstan // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations. 2023. Vol. 28, No. 2. P. 226–239.
3. Simonov M. The Belt and Road Initiative and Partnership for Global Infrastructure and Investment: Comparison and current status // Asia and the Global Economy. 2025. Vol. 5, Issue 1. Article 100106. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.aglobe.2025.100106.

4. Gabrielyan G. R. The Impact of "Soft Power" Policy on Strengthening the PRC's Role in Central Asian States // Post-Soviet Studies. 2021. Vol. 4, No. 1. P. 63–69.
5. Qu Ch. The Confucius Institute in St. Petersburg as a "Soft Power" Tool in the Context of the "Belt and Road" Initiative // Socio-Political Sciences. 2022. Vol. 12, No. 2. P. 134–148. 6. Liu Cheng. A Review of Overseas Research on Confucius Institutes to Inform Future Development // Intercultural Communication Studies. 2011. Vol. XX, No. 1. P. 193–207. URL: https://media.sciltp.com/articles/sciltp/ics/2011/14ChengLiu.pdf (accessed: 16.09.2026).
7. Khisamutdinova N. V., Yan Yue. The Confucius Institute in Russia as a Vehicle for the Soft Power of Chinese Culture // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12, No. 3-1. P. 120–126.
8. Official website of the Confucius Institute. URL: https://ci.cn/ciday-news/f6620266-167b-4eb5-bc1d-3e19184c7ee5 (accessed: 16.09.2026).
9. Communiqué of the Sixth Plenary Session of the 17th Central Committee of the Communist Party of China. URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/10/20/ARTI1319079088234716.shtml (accessed: 16.09.2026).
10. Starchak M. V. Russian-language education as a factor of Russian influence in Central Asia: what is happening and what needs to be done // Russkiy Mir Foundation. 16.02.2009. URL: https://russkiymir.ru/analytics/tables/news/119895/ (accessed: 16.09.2026).
11. Li Dinghuan. A Study on the Impact of the China-Central Asia Community with a Shared Future on Chinese Language Education in the Central Asian Region // Education Management: Theory and Practice. 2025. No. 7-2. Pp. 243–252. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-soobschestva-edinoy-sudby-kitaya-i-tsentralnoy-azii-na-obuchenie-kitayskomu-yazyku-v-regione-tsentralnoy (accessed: 16.09.2026).
12. Liu T., Zhang D. Building China's "Soft Power" in Central Asia: The China-Central Asia Summit as a Strategic Pillar // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 9. Pp. 311–316.
13. Gu Wei. The Strategic Game Between the USA and Russia and New Trends in the Situation in Central Asia // Modern World. 23.09.2025. Issue 9. URL: https://iir.sass.org.cn/2025/0923/c444a580971/page.htm (accessed: 16.09.2026).
14. Albutova S. E. Confucius Institutes as a Mechanism for Implementing Modern China's "Soft Power": The Case of the Russian Federation // Bulletin of Science. 2024. Vol. 1, No. 6 (75). Pp. 1103–1108.
15. Abbasova N. Russian expert says West attempts to meddle in South Caucasus via Armenia // Report. 22.07.2024. URL: https://report.az/en/region/russian-expert-says-west-attempts-to-meddle-in-south-caucasus-via-armenia (accessed: 16.09.2026).
16. Epshtein V. A., Akchurina A. V. Cultural Diplomacy as a "Soft Power" Instrument in the Russian Federation's Foreign Policy towards Central Asian Countries // World of Russian-Speaking Countries. 2023. No. 3 (17). P. 21–41.

Интеракционный капитал: основания общей теории международной политики в условиях соперничества

Безкади Фади
аспирант, кафедра политических наук, Уральский гуманитарный институт. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, fadibezkadi@gmail.com

Предметом статьи выступает объяснительный разрыв, общий для главных парадигм международных отношений. Ни распределение возможностей, ни распределение институтов, ни распределение идей не объясняют, почему одинаковые конфигурации силы и интересов производят в одних диадах регулируемое соперничество, а в других спираль эскалации. Они не объясняют и того, почему исходы противостояний систематически отклоняются от предсказаний баланса сил. Цель работы состоит в том, чтобы устранить этот разрыв введением недостающей переменной и построением вокруг неё общей теории. Методология включает аксиоматическую реконструкцию оснований дисциплины, формулировку законов и выводимых теорем, операционализацию центральной переменной и проверку теории на критическом случае, то есть на российско-американском взаимодействии в сирийском конфликте. В основание теории положена переменная нового типа, а именно интеракционный капитал. Он определяется как совместно производимый диадой запас взаимной читаемости, складывающийся из четырёх фондов, то есть признания, правил, каналов и прецедентов. Сформулированы четыре закона, а именно законы совместного производства, асимметрии темпов, конвертации и износа. Из законов выведены теоремы, объясняющие единым механизмом дилемму безопасности, условия успеха сдерживания, срыв в спираль, победы слабейших и автономию клиентов. Научная новизна состоит в том, что предложена теория, в которой главной дефицитной величиной мировой политики выступает не мощь и не легитимность, а читаемость, то есть способность соперников понимать действия друг друга в одном коде. Мощь конвертируется в результаты только через читаемость, и эффективность конвертации измерима. Теория операционализирована индексом интеракционного капитала и пятью опровержимыми предсказаниями. Область применения результатов охватывает теорию международных отношений, стратегический анализ, прогнозирование эскалационных рисков и дипломатическую практику. Основной вывод состоит в том, что международная политика есть в первую очередь экономика читаемости. Держава, накапливающая интеракционный капитал, побеждает державу, накапливающую только силу.

Ключевые слова: интеракционный капитал, читаемость, теория международных отношений, соперничество великих держав, сдерживание, эскалация, признание, конвертация мощи, российско-американские отношения.

Введение: три парадигмы и один общий пробел

Дисциплина международных отношений держится на трёх больших ответах. Реализм отвечает, что поведение государств задано распределением возможностей в анархической среде [1; 2]. Институционализм отвечает, что анархия смягчается институтами, снижающими издержки кооперации [3; 41]. Конструктивизм отвечает, что сама анархия есть то, что государства из неё делают, то есть продукт идей и идентичностей [4; 5]. Три ответа десятилетиями воюют между собой. Между тем у них есть общий пробел, и он важнее их разногласий. Ни одна из парадигм не объясняет двух устойчивых аномалий. Первую аномалию образует разброс режимов при равной структуре. Одинаковые конфигурации силы и интересов дают в одних диадах управляемое соперничество, в других неудержимую спираль [6; 7; 44; 45]. Количественная традиция изучения соперничества фиксирует этот разброс, но объясняет его свойствами диады, а не механизмом [44; 45]. Вторую аномалию образуют систематические отклонения исходов от баланса сил. Слабейшие стороны регулярно достигают целей, которых сильнейшие достичь не могут [8; 9]. Обе аномалии указывают в одну точку. Между структурой и исходом работает переменная, которую дисциплина использует всюду и не теоретизирует нигде. Настоящая статья называет эту переменную, кладёт её в основание аксиоматики, формулирует законы её движения, выводит теоремы, операционализирует измерение и подвергает теорию проверке на критическом случае. Переменная называется интеракционным капиталом. Системные основания такого построения обоснованы в отечественной теории международных отношений [46].

1. Отправная точка: чего не видят три парадигмы

Реализм знает, что сигналы и восприятие решают многое. Р. Джервис посвятил этому классический корпус [6; 10]. Но в реалистской архитектуре восприятие остаётся возмущением, то есть источником ошибок вокруг истинного баланса, а не самостоятельным запасом, который можно накапливать и терять. Институционализм знает, что правила удешевляют взаимодействие [3; 41]. Но он привязал правила к кодифицированным режимам и организациям [42; 47]. Поэтому он беспомощен там, где действуют правила без текста, то есть молчаливые границы допустимого, взаимные понимания соперников и некодифицированная грамматика кризиса [11; 12; 48]. Различение твёрдого и мягкого права приблизилось к проблеме, но осталось внутри логики кодификации [48]. Конструктивизм знает, что значения конституируют реальность [4; 13]. Но он растворил значения в широких культурах анархии, не дав аппарата для измерения того, насколько конкретная диада способна читать друг друга здесь и сейчас. Э. Карр указал на двойственность политики, то есть на силу и согласие, ещё при основании дисциплины [14]. Синтез реализма и конструктивизма объявлен возможным [15]. Однако объявление синтеза не означает его построения. Для построения нужна переменная, которая одновременно материальна по носителям, социальна по природе и измерима по проявлениям. Такая переменная есть.

2. Центральная переменная: интеракционный капитал

Интеракционный капитал диады есть совместно произведённый запас взаимной читаемости, то есть способности сторон понимать действия друг друга в одном коде и предвидеть прочтение собственных действий контрагентом. Понятие капитала здесь не метафора, а строгая аналогия. Речь идёт о запасе, который производится инвестициями, приносит отдачу, амортизируется и может быть разрушен. Философское основание даёт теория институциональных фактов. Социальная реальность строится статусными функциями, существующими лишь постольку, поскольку они коллективно признаны [16]. Социологическое основание даёт анализ символической власти. Способность заставить своё определение ситуации быть принятым есть особый ресурс, несводимый к принуждению [17]. Международно-политическое основание дано классиками английской школы. Сама великодержавность есть институт, то есть признанная позиция с правами и обязанностями, а не сумма возможностей [18]. Капитал складывается из четырёх фондов. Фонд признания составляют взаимно подтверждённые статусы сторон, то есть представления о том, кем они друг друга считают и какие роли друг

другу разрешают [19; 20; 49; 50]. Философская традиция теории признания задаёт нормативное основание этого фонда [51; 52], а коллективные исследования признания в мировой политике его эмпирические формы [53]. Фонд правил составляют общие мерила допустимого и критерии выигрыша, кодифицированные и молчаливые [11; 18; 48]. Фонд каналов составляет работающая инфраструктура связи, от договорных режимов до непубличных линий деконфликтации [21; 22; 54]. Фонд прецедентов составляет накопленная история взаимных прочтений, задающая, как будет истолковано следующее действие [10; 23]. Четыре фонда взаимно конвертируемы, но не взаимозаменимы. Богатый фонд каналов не спасает при пустом фонде признания, и наоборот. Все четыре фонда предполагают третью сторону. Читаемость производится не только для контрагента, но и перед аудиторией, чьё прочтение стороны учитывают. Социология конкуренции показала, что состязание конституируется присутствием третьего, то есть инстанции, распределяющей выигрыш [55]. Глобальная конкуренция конституируется воображаемой всемирной аудиторией, перед которой ведётся сравнение [56]. Присутствие третьего объясняет, почему инвестиции в код совершаются публично и почему их отзыв обходится дорого.

3. Аксиоматика

Теория покоится на четырёх аксиомах. Первая аксиома гласит, что анархия есть прежде всего коммуникативная среда и лишь затем распределение силы. Отсутствие верховной власти означает в первую очередь отсутствие гарантированного толкователя. Никто не обязан понимать государство так, как оно хочет быть понятым [4; 16]. Вторая аксиома гласит, что всякое международное действие двойственно. Оно одновременно ход и сообщение. Развёртывание войск меняет баланс и произносит фразу. Санкция наносит ущерб и формулирует определение ситуации [10; 24]. Третья аксиома гласит, что ценность сообщения задаётся кодом, которым ни одна из сторон не владеет единолично. Код есть совместное достояние диады. Его нельзя ни присвоить, ни навязать без встречного исполнения [16; 23]. Четвёртая аксиома гласит, что код есть запас, а не данность. Он производится практикой, амортизируется временем и разрушается действиями. Поэтому он подчиняется законам движения запасов. Отсюда следует определение предмета. Международная политика в условиях соперничества есть экономика читаемости, то есть производство, накопление, конвертация и разрушение интеракционного капитала при непрекращающемся конфликте интересов.

4. Четыре закона движения интеракционного капитала

Первый закон есть закон совместного производства. Интеракционный капитал производится только двусторонне. Односторонняя инвестиция, будь то заявление, жест или уступка, становится капиталом лишь при встречном исполнении. Без него она остаётся издержкой. Отсюда следует, что капитал диады не принадлежит ни одной из сторон и не отчуждаем в одностороннем порядке, но разрушаем в одностороннем. В этом состоит фундаментальная асимметрия собственности [16; 18]. Второй закон есть закон асимметрии темпов. Накопление капитала медленно, разрушение быстро. Накопление требует повторяющихся подтверждений, проверки временем и институционализации рутин [3; 23; 57]. Зависимость от пути, описанная институциональной теорией, задаёт формальный аналог этого закона [57; 58]. Разрушение достигается серией перформативных отказов и не требует ничего, кроме решения. Отсюда следует, что траектории деградации и восстановления диады не совпадают. Система, вернувшаяся к прежним материальным параметрам, не возвращается к прежнему режиму взаимодействия. Третий закон есть закон конвертации. Мощь конвертируется в политические результаты только через интеракционный капитал, и эффективность конвертации пропорциональна его запасу. Сигнал сдерживания, посланный при богатом коде, читается и работает. Тот же сигнал при бедном коде читается как агрессия и раскручивает спираль [6; 25]. Угроза, обещание, гарантия и уступка суть сообщения, и их действие ограничено сверху читаемостью. Отсюда следует центральный для всей теории вывод. Исход противостояния определяется произведением мощи на читаемость, а не мощью самой по себе. Четвёртый закон есть закон износа. Интенсивная эксплуатация пространства вблизи границ допустимого истощает капитал даже без крупных нарушений. Каждое малое неотвеченное зондирование становится прецедентом, сдвигающим фактический код при неизменном декларативном. Расхождение накапливается незаметно и обнаруживается скачком, в момент, когда стороны открывают, что живут по разным редакциям одного правила [10; 26; 58]. Механизм совпадает с институциональным наслоением, при котором содержательное изменение накапливается при формальной непрерывности [58]. Отсюда следует, что наибольшую угрозу капиталу составляет не кризис, а рутина. Запас, который не ревизуется, тает.

5. Теоремы: старые загадки в новом решении

Сила общей теории состоит в числе загадок, решаемых одним механизмом. Первая теорема касается дилеммы безопасности. Дилемма есть чтение при бедном капитале. Оборонительные меры неотличимы от наступательных не по природе вещей, а по бедности кода, в котором их читают [6; 27; 43]. Отсюда следует проверяемое уточнение классики. Острота дилеммы в диаде обратно пропорциональна интеракционному капиталу, а не техническим свойствам вооружений. Вторая теорема касается условий сдерживания. Сдерживание успешно выше порогового запаса капитала и контрпродуктивно ниже его. Спор моделей сдерживания и спирали [25; 28] разрешается указанием зоны применимости каждой. Они описывают одну диаду при разных уровнях запаса. Третья теорема касается побед слабейших. Сторона с меньшей мощью, но большей читаемостью может систематически переигрывать сильнейшую. По закону конвертации произведение малой силы на высокую читаемость превосходит произведение большой силы на читаемость нулевую [8; 9]. Публично заявленная максималистская цель, не подкреплённая исполнением, есть одностороннее сожжение собственного фонда прецедентов, то есть самоослабление без единого выстрела противника [10; 24]. Четвёртая теорема касается автономии клиентов. В соперничестве принципалов агент получает переговорную силу от конкуренции патронов за его лояльность. Управляемость агента падает с ростом соперничества [29; 30; 59]. Механизм описан классически. Угроза выхода и право голоса конвертируются в уступки патрона [59]. В терминах теории капитал патрон-клиентской пары обесценивается конкурирующим предложением кода. Пятая теорема касается невойны. Отсутствие войны между соперниками в зонах соприкосновения есть не остаточное состояние, а продукт непрерывных вложений в фонд каналов. Прекращение обслуживания возвращает диаде спиральную динамику [21; 22]. Пять теорем покрывают феномены, прежде требовавшие пяти несвязанных теорий. В этом и состоит претензия на общность.

6. Проверка на критическом случае: российско-американская диада в Сирии

Критический случай выбран по жёсткости условий. Это две ядерные державы, противоположные обязательства, общее пространство операций и минимальный уровень политического доверия [31; 32]. Все конкурирующие теории делают здесь ясные предсказания. Реализм предсказывает исход по балансу и ошибается. Слабейшая сторона достигла целей, сильнейшая нет [8; 33]. Институционализм предсказывает управляемость по плотности формальных режимов и ошибается. Формальные каналы гибли первыми, а устойчивым оказалось некодифицированное [22; 34; 61; 62]. Теория интеракционного капитала предсказывает наблюдённое. Российская сторона систематически инвестировала в четыре фонда. Она подтверждала статусные рамки контрагента, выстраивала молчаливые правила разграничения, поддерживала каналы деконфликтации и накапливала прецеденты исполненных обязательств, от химической сделки до режимов локализации инцидентов [35; 36; 60; 65]. Соответствующая модель урегулирования описана в литературе как силовой мир, где посредники селективно комбинируют право, силу и давление [60]. Американская сторона в тот же период расходовала фонды. Она декларировала неисполняемые границы [24] и размывала собственный фонд прецедентов вместе с читаемостью своих сигналов [10]. Исход соответствует закону конвертации. Меньшая мощь при большей читаемости переиграла большую мощь при читаемости подорванной. Работает и закон асимметрии темпов. Единожды сожжённые фонды не восстановились при последующих тактических потеплениях [23; 37; 63; 66]. Расхождение интерпретаций фиксируется и в анализе российско-американской дилеммы безопасности [64]. Работает и закон износа. Рост рисков концентрировался не в громких кризисах, а в полосах рутинного зондирования границ [26; 36]. Случай, максимально неблагоприятный для мягкой

переменной, оказался её сильнейшим свидетельством. Там, где сила должна была решать всё, решила читаемость.

7. Операционализация: индекс интеракционного капитала

Построение композитного индекса опирается на сложившуюся в дисциплине традицию. Классический прецедент даёт трёхмерное измерение легализации по обязательности, точности и делегированию, где качественное свойство международного порядка сведено к сопоставимой шкале [47]. Той же логике следуют количественные исследования миростроительства [70] и событийный анализ конфликтного поведения [71]. Интеракционный капитал диады операционализируется композитным индексом из четырёх субшкал. Субшкалу признания образуют номинации контрагента в стратегических документах, то есть определения его как соперника, конкурента, угрозы или ревизиониста, а также процедурные включения и исключения и ранговые подтверждения [19; 20; 67; 68]. Сетевые меры статуса, построенные на данных дипломатического представительства, дают инструмент для первой части субшкалы [67]. Реляционный подход, трактующий признание как свойство отношения, а не атрибут актора, задаёт её вторую часть [68]. Оценка статусного перформанса по критериям аудиторного отклика дополняет измерение третьей [69]. Субшкалу правил образует число действующих режимов с процедурами верификации, дополненное кодируемой экспертами плотностью молчаливых правил, восстанавливаемой из распределения неотвеченных действий [11; 26]. Субшкалу каналов образуют количество и активность работающих линий связи военных и дипломатических ведомств [21]. Субшкалу прецедентов образует доля исполненных публичных обязательств диады на скользящем окне [10; 71]. Свёртка субшкал даёт индекс, сопоставимый между диадами и во времени. Кодирование номинаций опирается на процедуры критического дискурс-анализа [72], а восстановление молчаливых правил из практики на анализ дипломатических практик [73]. Эффективность конвертации измеряется отношением достигнутых целей к ресурсным затратам стороны и сопоставляется с её вкладом в интеракционный капитал диады. Из теории следуют пять опровержимых предсказаний. Первое предсказание состоит в том, что режим взаимодействия диады предсказывается уровнем интеракционного капитала лучше, чем балансом возможностей. Устойчивое доминирование ресурсного предиктора опровергает теорию. Второе состоит в том, что эффективность конвертации мощи в результаты растёт с интеракционным капиталом при контроле ресурсов. Её нечувствительность к капиталу опровергает закон конвертации. Третье состоит в том, что время восстановления запаса после обвала систематически превышает время обвала. Симметричные циклы опровергают закон асимметрии темпов. Четвёртое состоит в том, что эскалационные всплески следуют за периодами максимального накопленного расхождения декларативного и фактического кодов, а не за периодами риторической конфронтации. Обратная последовательность опровергает закон износа. Пятое состоит в том, что некодифицированные компоненты капитала переживают политические кризисы устойчивее кодифицированных в диадах с симметрией уничтожения. Их одновременное отмирание опровергает следствие закона совместного производства. Пять предсказаний задают программу проверки на корпусе великодержавных диад, от холодной войны до американо-китайского соперничества [7; 38].

8. Место теории и ответы на возражения

Предвидим четыре возражения. Первое возражение гласит, что предлагаемая теория есть конструктивизм. Это не так. Конструктивизм утверждает, что идеи конституируют интересы. Предлагаемая теория этого не требует. Интересы могут быть заданы как угодно материально. Теория утверждает лишь, что реализация любых интересов ограничена сверху читаемостью, и вводит законы движения этого ограничителя. Реалист может принять теорию целиком, не отказавшись ни от анархии, ни от эгоизма государств [1; 15]. Второе возражение гласит, что читаемость есть доверие. Это не так. Доверие есть ожидание доброжелательности. Читаемость есть способность понимания. Диады холодной войны демонстрировали высокую читаемость при нулевом доверии, то есть противников без иллюзий, читающих друг друга безошибочно [23; 25; 74]. Литература о доверии сама различает доверие и предсказуемость, но не строит для второй самостоятельного аппарата [74]. Третье возражение гласит, что читаемость есть общее знание в смысле Т. Шеллинга. Различие проходит по трём пунктам. Общее знание есть состояние, интеракционный капитал есть запас с законами движения. Общее знание бинарно, капитал градуален и измерим. Общее знание не предполагает производства и износа, капитал предполагает и то и другое. Теория Шеллинга описывает, что стороны знают [39]. Предлагаемая теория описывает, как это знание производится, накапливается и разрушается. По той же причине она не совпадает с концепцией сообществ безопасности, где взаимопонимание выступает достигнутым состоянием, а не расходуемым запасом [40]. Четвёртое возражение гласит, что запас ненаблюдаем. Ответ дан индексом выше. Каждый фонд имеет наблюдаемые носители, то есть тексты, каналы, прецеденты и процедуры. Ненаблюдаемым капитал был, пока его не искали. Отношение к парадигмам определяется так. Теория интеракционного капитала не есть четвёртая парадигма рядом с тремя. Она есть недостающий слой под ними. Реализм описывает, что у держав есть. Институционализм описывает, что они построили. Конструктивизм описывает, что они думают. Предлагаемая теория описывает, что они способны друг другу сказать. Поскольку сказанное опосредует и силу, и институты, и идеи, слой читаемости логически первичен для объяснения исходов, при полной совместимости с достижениями всех трёх традиций [14; 15]. Сходную задачу совмещения структурного и интерпретативного анализа ставят сценарные модели российско-западных отношений [75; 76].

Заключение

Статья ввела в теорию международных отношений переменную нового типа и построила вокруг неё общую теорию. Интеракционный капитал, то есть совместно производимый запас взаимной читаемости из четырёх фондов, подчиняется четырём законам, а именно законам совместного производства, асимметрии темпов, конвертации и износа. Пять теорем показали, что дилемма безопасности, условия сдерживания, срыв в спираль, победы слабейших и автономия клиентов составляют не пять загадок, а пять проявлений одного механизма. Критический случай подтвердил главное уравнение теории. Исход соперничества задаётся произведением мощи на читаемость. Индекс и пять предсказаний открыли теорию для опровержения, что является единственной честной формой претензии на научность. Практическое следствие адресовано государственным деятелям и формулируется в одну строку. Читаемость есть стратегический актив первого ранга, и час, вложенный в код диады, может стоить дивизии. Исследовательская программа включает измерение интеракционного капитала на историческом корпусе диад, проверку пяти предсказаний и картирование фондов действующих соперничеств. Если программа выдержит проверку, дисциплина получит то, чего ей не хватало между структурой и исходом. Это экономика читаемости, то есть учение о единственном ресурсе, который соперники могут произвести только вместе и потерять поодиночке.

Литература

1. Waltz, K. N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. P. 102–128.
2. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York; London: W. W. Norton & Company, 2001. P. 1–35.
3. Haas, E. B. When Knowledge Is Power: Three Models of Change in International Organizations. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 77–82.
4. Wendt, A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, № 2. P. 391–425.
5. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 246–312.
6. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 58–113.
7. Smith, N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–14.
8. Phillips, C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London: Yale University Press, 2016.
9. Souleimanov, E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria // Middle East Policy. 2016. Vol. XXIII, № 2. pp. 108-118.
10. Jervis, R. The Logic of Images in International Relations. New York: Columbia University Press, 1989.
11. Bull, H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1977. P. 193–213.

12. Adamsky, D. Cross-Domain Coercion: The Current Russian Art of Strategy. Paris: Institut Français des Relations Internationales, 2015. P. 20.
13. Ringmar, E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West // Cooperation and Conflict. 2002. Vol. 37, № 2. P. 115–136.
14. Carr, E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan & Co., 1946. P. 69–100.
15. Barkin, S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. Vol. 5, № 3. P. 325–342.
16. Searle, J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 7–10.
17. Bourdieu, P. Language and Symbolic Power / ed. by J. B. Thompson. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 75, 249.
18. Paul, T. V., Larson, D. W., Wohlforth, W. C. Introduction // Status in World Politics / ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 7–17.
19. Larson, D. W., Shevchenko, A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. 2010. Vol. 34, iss. 4. P. 63–95.
20. Wohlforth, W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. 2009. Vol. 61, № 1. P. 28–57.
21. Иванов, С. М. Вмешательство иностранных государств в сирийский конфликт // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 7 (856). С. 17–23.
22. Notte, H. The United States, Russia, and Syria's Chemical Weapons: A Tale of Cooperation and Its Unravelling // The Nonproliferation Review. 2020. P. 1–16.
23. Leng, R. J. When Will They Ever Learn? Coercive Bargaining in Recurrent Crises // The Journal of Conflict Resolution. 1983. Vol. 27, № 3. P. 379–419.
24. Ball, J. Obama Issues Syria a 'Red Line' Warning on Chemical Weapons // The Washington Post. 2012. August 20.
25. Glaser, C. L. Political Consequences of Military Strategy: Expanding and Refining the Spiral and Deterrence Models // World Politics. 1992. Vol. 44, № 4. P. 497–538.
26. Leng, R. J. Crisis Learning Games // American Political Science Review. 1988. Vol. 82, № 1. P. 179–194.
27. Herz, J. H. Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities. Chicago: The University of Chicago Press, 1951.
28. Kydd, A. Game Theory and the Spiral Model // World Politics. 1997. Vol. 49, № 3. P. 371–400.
29. Snyder, G. H. Alliance Politics. Ithaca: Cornell University Press, 1997.
30. Sylvan, D., Majeski, S. U.S. Foreign Policy in Perspective: Clients, Enemies and Empire. New York: Routledge, 2009. P. 2.
31. Haass, R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87, № 3. P. 44–56.
32. Schweller, R. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, iss. 1. P. 145–163.
33. Plakoudas, S. Putin, Assad, and Geopolitics // Middle East Review of International Affairs. 2015. Vol. 19, № 3. P. 34–40.
34. Averre, D., Davies, L. Russia, Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: The Case of Syria // International Affairs. 2015. Vol. 91, № 4. P. 813–834.
35. United Nations. Security Council Requires Scheduled Destruction of Syria's Chemical Weapons, Unanimously Adopting Resolution 2118 (2013). New York: United Nations, Security Council, SC/11135. 2013. 27 September.
36. Zhou, Y. A Double-Edged Sword: Russia's Hybrid Warfare in Syria // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13, № 2. P. 246–261.
37. Souleimanov, E. A., Dzutsati, V. Russia's Syria War: A Strategic Trap? // Middle East Policy. 2018. Vol. XXV, № 2. P. 42–50.
38. Chan, S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. London: Routledge, 2008. P. 1–29.
39. Schelling, T. C. The Strategy of C onflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960. P. 53–80, 119–161.
40. Adler, E., Barnett, M. Security Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 29–65.
41. Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 49–64, 85–109.
42. Krasner, S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organization. 1982. Vol. 36, № 2. P. 185–205.
43. Booth, K., Wheeler, N. J. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 4–8, 83–130.
44. Diehl, P. F., Goertz, G. War and Peace in International Rivalry. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. P. 19–46.
45. Colaresi, M. P., Rasler, K., Thompson, W. R. Strategic Rivalries in World Politics: Position, Space and Conflict Escalation. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 3–25.
46. Цыганков, А. П. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 3–24.
47. Abbott, K. W., Keohane, R. O., Moravcsik, A., Slaughter, A.-M., Snidal, D. The Concept of Legalization // International Organization. 2000. Vol. 54, № 3. P. 401–419.
48. Abbott, K. W., Snidal, D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, № 3. P. 421–456.
49. Murray, M. The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 1–28.
50. Wolf, R. Respect and Disrespect in International Politics: The Significance of Status Recognition // International Theory. 2011. Vol. 3, № 1. P. 105–142.
51. Honneth, A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts / transl. by J. Anderson. Cambridge: The MIT Press, 1995. P. 124–127.
52. Lindemann, T. Causes of War: The Struggle for Recognition. Colchester: ECPR Press, 2010. P. 7–52.
53. Recognition in International Relations: Rethinking a Political Concept in a Global Context / ed. by C. Daase, C. Fehl, A. Geis, G. Kolliarakis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–21.
54. Keil, S., Arts, S. Strategic Spiral: Arms Control, U.S.-Russian Relations, and European Security. Washington: German Marshall Fund of the United States, 2020. (Policy Brief, № 3).
55. Simmel, G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 7. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2013. S. 224–226, 238.
56. Werron, T. Zur sozialen Konstruktion moderner Konkurrenzen: Das Publikum in der «Soziologie der Konkurrenz» // Georg Simmels große «Soziologie» / hrsg. von H. Tyrell, O. Rammstedt, I. Meyer. Bielefeld: transcript Verlag, 2011. S. 227–258.
57. Pierson, P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 17–53.
58. Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–37.
59. Hirschman, A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970. P. 21–43, 76–105.
60. Beaujouan, J. Power Peace: The Resolution of the Syrian Conflict in a Post-Liberal Era of Peacemaking // Journal of Intervention and Statebuilding. 2025. Vol. 19, № 3. P. 309–328.
61. Lundgren, M. Mediation in Syria: Initiatives, Strategies, and Obstacles, 2011–2016 // Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37, № 2. P. 273–288.
62. Hellmüller, S. A Trans-Scalar Approach to Peacebuilding and Transitional Justice // Cooperation and Conflict. 2022. Vol. 57, № 4. P. 448–466.
63. Sushentsov, A., Wohlforth, W. The Tragedy of US–Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists' Spiral // International Politics. 2020. Vol. 57, № 3. P. 427–450.
64. Ziegler, C. E. A Crisis of Diverging Perspectives: U.S.-Russian Relations and the Security Dilemma // Texas National Security Review. 2020. Vol. 4, iss. 1. P. 12–33.
65. Савичева, Е. М., Исраилов, А. Х., Кембель, О. В. Баланс сил на Ближнем Востоке // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ: монография / под ред. Д. А. Дегтерева, М. А. Никулина, М. С. Рамича. Москва: РУДН, 2021. С. 226–232.
66. Графов, Д. Б. Приостановка договора СНВ-3 в контексте теории сдерживания // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 1 (37). С. 25–39.

67. Renshon, J. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 1–32, 150–228.
68. Duque, M. G. Recognizing International Status: A Relational Approach // International Studies Quarterly. 2018. Vol. 62, № 3. P. 577–592.
69. Røren, P., Beaumont, P. Grading Greatness: Evaluating the Status Performance of the BRICS // Third World Quarterly. 2019. Vol. 40, № 3. P. 429–450.
70. Doyle, M. W., Sambanis, N. International Peacebuilding: A Theoretical and Quantitative Analysis // American Political Science Review. 2000. Vol. 94, № 4. P. 779–801.
71. Holsti, K. J. Resolving International Conflicts: A Taxonomy of Behavior and Some Figures on Procedures // Journal of Conflict Resolution. 1966. Vol. 10, № 3. P. 272–296.
72. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis and Critical Policy Studies // Critical Policy Studies. 2013. Vol. 7, № 2. P. 177–197.
73. Neumann, I. B. Returning Practice to the Linguistic Turn: The Case of Diplomacy // Millennium: Journal of International Studies. 2002. Vol. 31, № 3. P. 627–651.
74. Kydd, A. H. Trust and Mistrust in International Relations. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 3–27.
75. Казаринова, Д. Б. Холодная война и мир: «Россия против всех» и четыре мировых порядка Р. Саквы // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 177–184.
76. Sakwa, R. 'New Cold War' or Twenty Years' Crisis? Russia and International Politics // International Affairs. 2008. Vol. 84, № 2. P. 241–267.

Interactional Capital: Foundations of a General Theory of International Politics under Rivalry

Bezkadi Fadi
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

The subject of the article is an explanatory gap common to the major paradigms of international relations. Neither the distribution of capabilities, nor of institutions, nor of ideas explains why identical configurations of power and interest produce regulated rivalry in some dyads and an escalation spiral in others. Nor do they explain why the outcomes of confrontations systematically deviate from balance-of-power predictions. The aim of the work is to close this gap by introducing the missing variable and constructing a general theory around it. The methodology comprises an axiomatic reconstruction of the discipline's foundations, the formulation of laws and derivable theorems, the operationalisation of the central variable, and a test of the theory on a crucial case, namely Russian-American interaction in the Syrian conflict. The foundation of the theory is a variable of a new type, namely interactional capital. It is defined as a jointly produced dyadic stock of mutual legibility composed of four funds, that is, recognition, rules, channels and precedents. Four laws are formulated, namely joint production, asymmetry of tempo, conversion and wear. From these laws theorems are derived that explain by a single mechanism the security dilemma, the conditions of successful deterrence, the collapse into the spiral, the victories of the weaker side and the autonomy of clients. The scientific novelty lies in proposing a theory in which the principal scarce quantity of world politics is neither power nor legitimacy but legibility, that is, the capacity of rivals to understand each other's actions in a shared code. Power converts into outcomes only through legibility, and the efficiency of this conversion is measurable. The theory is operationalised by an index of interactional capital and five falsifiable predictions. The principal conclusion is that international politics is first of all an economy of legibility. A power that accumulates interactional capital defeats a power that accumulates only strength.

Keywords: interactional capital, legibility, international relations theory, great-power rivalry, deterrence, escalation, recognition, power conversion, Russian-American relations.

References

1. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, Addison-Wesley Publishing Company, 1979, pp. 102–128.
2. Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York, London, W. W. Norton & Company, 2001, pp. 1–35.
3. Haas E. B. When Knowledge Is Power: Three Models of Change in International Organizations. Berkeley, University of California Press, 1990, pp. 77–82.
4. Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. International Organization, 1992, vol. 46, no. 2, pp. 391–425.
5. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, pp. 246–312.
6. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, Princeton University Press, 1976, pp. 58–113.
7. Smith N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 1–14.
8. Phillips C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London, Yale University Press, 2016.
9. Souleimanov E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria. Middle East Policy, 2016, vol. XXIII, no. 2. pp. 108-118.
10. Jervis R. The Logic of Images in International Relations. New York, Columbia University Press, 1989.
11. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York, Columbia University Press, 1977, pp. 193–213.
12. Adamsky D. Cross-Domain Coercion: The Current Russian Art of Strategy. Paris, Institut Français des Relations Internationales, 2015, p. 20.
13. Ringmar E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West. Cooperation and Conflict, 2002, vol. 37, no. 2, pp. 115–136.
14. Carr E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London, Macmillan & Co., 1946, pp. 69–100.
15. Barkin S. Realist Constructivism. International Studies Review, 2003, vol. 5, no. 3, pp. 325–342.
16. Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 7–10.
17. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Ed. by J. B. Thompson. Cambridge, Polity Press, 1991, pp. 75, 249.
18. Paul T. V., Larson D. W., Wohlforth W. C. Introduction. In: Status in World Politics. Ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, pp. 7–17.
19. Larson D. W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. International Security, 2010, vol. 34, iss. 4, pp. 63–95.
20. Wohlforth W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War. World Politics, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 28–57.
21. Ivanov S. M. Vmeshatel'stvo inostrannykh gosudarstv v siriyskiy konflikt [The Intervention of Foreign States in the Syrian Conflict]. Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 2018, no. 7 (856), pp. 17–23. (in Russian)
22. Notte H. The United States, Russia, and Syria's Chemical Weapons: A Tale of Cooperation and Its Unravelling. The Nonproliferation Review, 2020, pp. 1–16.
23. Leng R. J. When Will They Ever Learn? Coercive Bargaining in Recurrent Crises. The Journal of Conflict Resolution, 1983, vol. 27, no. 3, pp. 379–419.
24. Ball J. Obama Issues Syria a 'Red Line' Warning on Chemical Weapons. The Washington Post, 2012, August 20.
25. Glaser C. L. Political Consequences of Military Strategy: Expanding and Refining the Spiral and Deterrence Models. World Politics, 1992, vol. 44, no. 4, pp. 497–538.
26. Leng R. J. Crisis Learning Games. American Political Science Review, 1988, vol. 82, no. 1, pp. 179–194.
27. Herz J. H. Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities. Chicago, The University of Chicago Press, 1951.
28. Kydd A. Game Theory and the Spiral Model. World Politics, 1997, vol. 49, no. 3, pp. 371–400.
29. Snyder G. H. Alliance Politics. Ithaca, Cornell University Press, 1997.
30. Sylvan D., Majeski S. U.S. Foreign Policy in Perspective: Clients, Enemies and Empire. New York, Routledge, 2009, p. 2.
31. Haass R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance. Foreign Affairs, 2008, vol. 87, no. 3, pp. 44–56.
32. Schweller R. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful. Cambridge Review of International Affairs, 2010, vol. 23, iss. 1, pp. 145–163.
33. Plakoudas S. Putin, Assad, and Geopolitics. Middle East Review of International Affairs, 2015, vol. 19, no. 3. P. 34–40.
34. Averre D., Davies L. Russia, Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: The Case of Syria. International Affairs, 2015, vol. 91, no. 4, pp. 813–834.
35. United Nations. Security Council Requires Scheduled Destruction of Syria's Chemical Weapons, Unanimously Adopting Resolution 2118 (2013). New York, United Nations, Security Council, SC/11135, 2013, 27 September.
36. Zhou Y. A Double-Edged Sword: Russia's Hybrid Warfare in Syria. Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 246–261.
37. Souleimanov E. A., Dzutsati V. Russia's Syria War: A Strategic Trap? Middle East Policy, 2018, vol. XXV, no. 2, pp. 42–50.
38. Chan S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. London, Routledge, 2008, pp. 1 –29.
39. Schelling T. C. The Strategy of Conflict. Cambridge, Harvard University Press, 1960, pp. 53–80, 119–161.
40. Adler E., Barnett M. Security Communities. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, pp. 29–65.
41. Keohane R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, Princeton University Press, 1984, pp. 49–64, 85–109.
42. Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. International Organization, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 185–205.
43. Booth K., Wheeler N. J. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 4–8, 83–130.
44. Diehl P. F., Goertz G. War and Peace in International Rivalry. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2000, pp. 19–46.
45. Colaresi M. P., Rasler K., Thompson W. R. Strategic Rivalries in World Politics: Position, Space and Conflict Escalation. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 3–25.
46. Tsygankov A. P. Sistemnyy podkhod v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [The Systemic Approach in International Relations Theory]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki, 2013, no. 5, pp. 3–24. (in Russian)
47. Abbott K. W., Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter A.-M., Snidal D. The Concept of Legalization. International Organization, 2000, vol. 54, no. 3, pp. 401–419.
48. Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance. International Organization, 2000, vol. 54, no. 3, pp. 421–456.
49. Murray M. The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers. Oxford, Oxford University Press, 2019, pp. 1–28.
50. Wolf R. Respect and Disrespect in International Politics: The Significance of Status Recognition. International Theory, 2011, vol. 3, no. 1, pp. 105–142.
51. Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Transl. by J. Anderson. Cambridge, The MIT Press, 1995, pp. 124–127.

Анализ военно-космической стратегии США постбиполярного периода 1990-х гг.

Петухов Андрей Сергеевич
аспирант, направление подготовки 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования», Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, sileld.taureldar@yandex.ru

Статья посвящена эволюции военно-космической стратегии США в 1990-е гг. – в период президентства Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона. Актуальность исследования определяется тем, что именно в это десятилетие были заложены инфраструктурные и доктринальные предпосылки, которые впоследствии позволили США перейти к более жёсткой логике в космосе. Внешне 1990-е выглядели как продолжение доктрины «убежища», однако за этой стабильностью скрывалась постепенная эрозия: коммерциализация космоса, начатая директивами Буша-старшего, объективно укрепляла базу, которая в дальнейшем могла быть использована в военных целях.
Цель работы – выявить, как менялось соотношение оборонительных и наступательных элементов в американской стратегии в космосе в 1990-е гг., и определить факторы, которые эти сдвиги определяли.
Методологическую основу составляют историко-генетический, проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы, а также анализ официальных документов США по космической политике (NSPD-1—NSPD-7, PDD-23, PDD-49, Национальная космическая политика 1996 г.) за 1989–2001 гг. Дополнительно привлекаются материалы Войны в Заливе 1990–1991 гг.
Результаты показывают, что в 1990-е гг. соотношение оборонительных и наступательных элементов оставалось в пользу оборонительных. Наступательные элементы присутствовали лишь в латентной форме – в виде инфраструктурных предпосылок, созданных коммерциализацией и продемонстрированных в Войне в Заливе. Смена стратегий, произошедшая в последующие десятилетия, не была неизбежной: она стала результатом совпадения технологических, перцептивных и политико-институциональных переменных, которых в 1990-е не было.
Ключевые слова: космическая стратегия США, доктрина «убежища», постбиполярный период, коммерциализация космоса, NSPD, Война в Заливе, военно-космическая инфраструктура.

Введение

Космос перестал быть вспомогательной средой для земных военных операций не в один день. Этот сдвиг растянулся на десятилетия, и 1990-е гг. занимают в нём особое место. Внешне это десятилетие выглядит как пауза: Холодная война закончилась, СССР распался, США остались единственной сверхдержавой, и космическая политика Вашингтона, казалось, утратила конфронтационный импульс. Но именно в эти годы были заложены инфраструктурные и доктринальные предпосылки, которые впоследствии позволили США перейти к более жёсткой логике в космосе. Настоящая работа посвящена анализу этого процесса.

Выбор хронологических рамок – 1989—2001 гг., период президентства Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона, – не случаен. Это время, когда американская космическая политика столкнулась с необходимостью переопределить себя после окончания биполярного противостояния. Доктрина «убежища», сформировавшаяся ещё в 1960-е, не была отменена – она лишь адаптировалась к новым условиям. Но адаптация оказалась двусмысленной: за кооперативной риторикой скрывалась постепенная эрозия [11, 21].

Актуальность исследования

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, космос стал пространством пересечения интересов ведущих держав: США, Китай и Россия наращивают орбитальные группировки, разрабатывают средства противодействия и конкурируют за доступ к орбитальным позициям и радиочастотному спектру. Растёт и число коммерческих акторов, чьи системы всё чаще используются в военных целях. В 1990-е гг. коммерциализация космоса была запущена как сугубо гражданский проект, но объективно создала базу для последующей милитаризации [8, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19].

Во-вторых, смена американских стратегий в космосе влияет на стратегическую стабильность. Если в 1990-е Вашингтон декларировал приверженность мирному использованию космоса, то к концу 2010-х риторика сменилась на язык сдерживания и доминирования. Период 1989–2001 гг. – время, когда закладывались предпосылки этой смены [11, 21].

В-третьих, в литературе 1990-е освещены неравномерно: есть работы по истории космической программы США [11], правовым вопросам [2], ядерному разоружению [3, 4, 5, 6], Войне в Заливе [9, 10, 17, 20]. Однако комплексного анализа эволюции американской военно-космической стратегии именно в 1990-е гг. с опорой на первичные документы пока недостаточно.

Наконец, тема имеет практическое значение: Россия — один из участников космического соперничества, и понимание логики американской стратегии необходимо для выработки собственной позиции.

Цель исследования – выявить, как менялось соотношение оборонительных и наступательных элементов в военно-космической стратегии США в 1989—2001 гг., и определить факторы, которые определяли эти сдвиги.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

Рассмотреть исторические предпосылки формирования американских военно-космических стратегий в биполярный период.

Проанализировать эволюцию стратегии в 1989–1993 гг. – период Буша-старшего, когда были изданы NSPD-1—NSPD-7, заложившие основу постбиполярной космической политики [8, 12, 13, 14, 15, 16, 18].

Исследовать период 1993—2001 гг. – президентство Клинтона, когда космическая политика характеризовалась коммерциализацией и сохранением американского доминирования [11, 21].

Определить факторы, определявшие эволюцию стратегии в 1990-е гг.

Оценить значение Войны в Заливе 1990—1991 гг. как первого случая масштабного применения космической инфраструктуры в военных целях [9, 10, 17, 20].

Основная **гипотеза исследования** состоит в следующем: в 1990-е гг. соотношение оборонительных и наступательных элементов в военно-космической стратегии США оставалось в пользу оборонительных. Наступательные элементы присутствовали лишь в латентной форме — в виде инфраструктурных предпосылок, созданных коммерциализацией и продемонстрированных в Войне в Заливе. Смена стратегий, произошедшая в последующие десятилетия, не была неизбеж-

ной: она стала результатом совпадения технологических, перцептивных и политико-институциональных переменных, которых в 1990-е не было.

Из этой гипотезы вытекают три частные.

Первая. Технологический детерминизм не работает: технологический потенциал США был высок, однако стратегия оставалась оборонительной [8, 18].

Вторая. Восприятие угроз само по себе недостаточно: после распада СССР угроза воспринималась как низкая, что скорее укрепляло кооперативную линию [3, 7].

Третья. Решающим фактором был политико-институциональный: администрации Буша-старшего и Клинтона сознательно выбрали курс на коммерциализацию и кооперацию [11, 14].

Дополнительно проверяется предположение, что Война в Заливе стала первым случаем, когда ценность космической инфраструктуры была продемонстрирована в масштабе, – но этот опыт не привёл к немедленной милитаризации космоса, поскольку политические условия для этого ещё не сложились [9, 10, 17, 20].

Обзор литературы

Литература по теме распадается на несколько слабо связанных блоков.

История космической политики США. Hays (2011) даёт обзор эволюции американской космической политики от первых спутников до конца 2000-х, но не ставит аналитических вопросов [11]. Vedda (2009) детально разбирает дистанционное зондирование, почти не касаясь военного аспекта [19].

Ядерное разоружение и ПРО. Левкин и Шацкая (2012), Татаринов (2014), Новиков и Медведков (2021) показывают контекст, в котором формировалась космическая политика 1990-х, но космос в их работах – производная от ядерной проблематики [4, 5, 6]. Кокошин (2010) касается российско-американских отношений, но его работа скорее публицистическая [3]. Antidze (2025) останавливается на 1980-х [7].

Правовые вопросы. Договор по космосу 1967 г. [2] и Договор о запрещении испытаний 1963 г. [1] фиксируют границы возможного: международное право не запрещает размещение обычных вооружений в космосе. Но право здесь – рамка, а не движущая сила: оно не объясняет выбор стратегий.

Доктрина «убежища». Ziegler (1998) – одна из немногих работ, прямо посвящённых концепции космоса как «убежища» [21]. Теоретическая рамка ограничена, но для понимания истоков доктрины работа полезна. Однако Ziegler останавливается на 1990-х, не рассматривая адаптацию доктрины после Холодной войны.

Война в Заливе. Dougherty (1992), Forsee (2025), Vergun (2021) и обзор Space Systems in the Persian Gulf War (1997) дают фактический материал о применении космической инфраструктуры [9, 10, 17, 20]. Но эти работы описательны и не ставят вопроса о том, как опыт повлиял на последующую эволюцию стратегии.

Первичные документы. NSPD-1—NSPD-7 [8, 12, 13, 14, 15, 16, 18] – основной источник по политике Буша-старшего. Их интерпретация требует теоретической рамки, которой в существующей литературе недостаточно.

Методы

Методологическую основу работы составляет совокупность общенаучных и специальных исторических и политологических методов.

Историко-генетический метод используется для реконструкции формирования и эволюции военно-космической стратегии США начиная с биполярного периода. Он позволяет проследить преемственность и разрывы в доктринальных установках, выявить, какие элементы были унаследованы от Холодной войны, а какие пересмотрены после 1991 г.

Проблемно-хронологический метод применяется для периодизации. В работе выделяются два периода: 1989—1993 гг. (Буш-старший) и 1993—2001 гг. (Клинтон). Критерий – не формальная смена администраций, а качественные сдвиги в доктринальных установках и институциональных решениях.

Историко-сравнительный метод используется для сопоставления двух периодов по трём переменным: характер воспринимаемой угрозы, соотношение оборонительных и наступательных элементов, роль коммерческого сектора. Это позволяет зафиксировать направленность эволюции.

Системный метод позволяет рассматривать космическую стратегию США как элемент более широкой системы международных отношений и стратегической стабильности.

Институциональный метод применяется для анализа институциональных решений, унаследованных от предыдущего периода (AFSPC, USSPACECOM), и их адаптации к новым условиям.

Метод анализа документов составляет основу эмпирической базы. Проанализированы официальные документы США за 1989–2001 гг.: NSPD-1 – NSPD-7, PDD-23, PDD-49, Национальная космическая политика 1996 г. Дополнительно привлекаются Договор 1963 г., Договор по космосу 1967 г., Договор по ПРО 1972 г.

Метод кейс-стади используется для анализа Войны в Заливе (1990—1991) как первого случая масштабного применения космической инфраструктуры в военных целях.

Результаты

Инерция биполярного периода.

Разработка первых военно-космических стратегий США ускорилась после запуска в 1957 г. советского «Спутника-1». Космическая гонка двух держав стала одним из измерений Холодной войны и была неразрывно связана с гонкой ядерных вооружений: ракетная технология, выводившая аппараты на орбиту, могла доставлять и ядерные боеприпасы. Первый этап соперничества начался при Эйзенхауэре и продолжился при Кеннеди. Эйзенхауэр провозгласил доктрину «массированного возмездия», предусматривавшую жёсткое сдерживание СССР. Использование космоса сводилось к сбору информации о расположении и состоянии ядерных вооружений противника: фоторазведка снижала неопределённость, уменьшала взаимные опасения и вероятность горячего противостояния [3, 7, 21].

При Кеннеди Карибский кризис заставил обе державы осознать реальность полномасштабного ядерного конфликта. Кризис стал рубежом между политикой активной ядерной угрозы и политикой разоружения, результатом чего стало подписание в 1963 г. Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой [1]. США перешли к доктрине космоса как «убежища»: космос декларировался как среда, свободная от размещения вооружений и открытая для мирного сотрудничества, а военная нагрузка ограничивалась поддержкой наземных войск. Эти намерения закрепил Договор по космосу 1967 г., запрещающий размещение ОМУ и военных баз в космосе и на небесных телах [2]. Период «разрядки» завершился подписанием ОСВ-1 (1972) и одновременно с ним – Договора по ПРО, ограничившего системы ПРО одним районом [4, 6].

При Рейгане доктрина «убежища» сменилась доктриной «воздушно-космических сил» (ВКС). Космическая инфраструктура США стала неотъемлемой частью жизни и одновременно источником уязвимости. Новая доктрина рассматривала космос как допустимое поле вооружённого противостояния. В 1982 г. было создано Космическое командование ВВС США (AFSPC), в 1985 г. – Объединённое космическое командование (USSPACECOM). Кульминацией стала «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), предусматривавшая развёртывание в космосе группировки спутников – как информационных (фоторазведка, раннее предупреждение), так и ударных, способных поражать ракеты противника кинетическими и инновационными средствами (лазеры, излучатели частиц, рельсотроны). СОИ спровоцировала новый виток эскалации: США вернулись к жёсткому сдерживанию, а СССР разработал план «асимметричного ответа» — массированной ракетной атаки, перегружающей ПРО [3, 7, 21].

Особенности и характерные черты военной стратегии США в космосе в период 1990—2000 гг.: президентство Джорджа Буша—ст. и Билла Клинтона

1990-е гг. ознаменовались крахом советского государственного проекта и распадом СССР. Победа США в Холодной войне и вовлечённость в дела постсоветских государств свели противостояние на нет, что отразилось в подписании СНВ-1, СНВ-2 и СНП, ограничивающих потенциалы США и СССР, позднее Российской Федерации [5]. Космос стал едва ли не единоличным измерением развития США: достигнутые на закате Холодной войны результаты военной инфраструктуры были применены в операциях «Щит пустыни» и «Буря в пустыне», получивших прозвище «первой космической войны». Предоставление чувствительной информации наземным и воздушным силам давало возможность наносить удары беспрецедентной точности, деморализуя противника и лишая его способности успешно воевать.

На 1990-е пришлись сроки двух президентов — Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона. Их военно-космическая политика харак-

теризуется стремлением сохранить и укрепить американское доминирование, достигнутое за годы Холодной войны, при расширенной коммерциализации космоса и привлечении частного сектора. При Буше-старшем значительная часть инициатив осуществлялась через Директивы по национальной космической политике (NSPD). Всего было издано 7 директив:

NSPD-1 (ноябрь 1989): закладывает фундамент понимания места США в космосе в постбиполярном мире. Декларирует трёх внутренних акторов — гражданский сектор, национальную безопасность и коммерческий сектор, а главной целью ставит лидерство в ключевых сферах [14].

NSPD-2 (сентябрь 1990): ставит целью создание свободного рынка для американской промышленности и закладывает краткосрочный и долгосрочный планы развития коммерческой космической инфраструктуры. Подтверждает принцип использования только американских ракетоносителей [8].

NSPD-3 (февраль 1991): поощряет коммерческое использование космических технологий для экономической выгоды. Делит коммерческий сектор на пять сфер — от спутниковой связи до общей инфраструктуры — и позиционирует его как главного инициатора освоения космоса [18].

NSPD-4 (июль 1991): объявляет гарантированный доступ к космосу основой национальной безопасности и гражданской космической деятельности. Стратегия включает четыре элемента: достаточность запусков, беспилотную систему запуска, экономическую эффективность и учёт частной инициативы [13].

NSPD-5 (февраль 1992): подчёркивает важность программы Landsat для национальной безопасности и коммерческой сферы. Правительство обязуется предоставлять результаты наблюдений в открытый доступ и поощрять частный сектор по модели Landsat [12].

NSPD-6 (март 1992): запускает Инициативу по исследованию космоса — развитие присутствия, возобновление полётов на Луну и подготовка марсианской миссии. НАСА назначается основным реализатором, а ведомства должны стимулировать частные инвестиции [16].

NSPD-7 (май 1992): позиционирует программу исследований глобальных изменений как ключевой компонент подхода США к мировому лидерству. Предполагает создание Системы наблюдения за глобальными изменениями космического базирования (SGCOS) с выводом группы экологических спутников [15].

В 1988–1999 гг. Космический центр НАСА в Стеннисе осуществлял Программу по наблюдениям Земли для коммерческих проектов (EOCAP), предоставляя техническую и финансовую поддержку для развития рыночных программ использования космоса [19].

Пришедший на смену Бушу-старшему Билл Клинтон (1993–2001) также активно развивал космическое присутствие США. В 1993 г. вице-президент Альберт Гор объявил о присоединении РФ к проекту МКС и к Режиму контроля за ракетной технологией, призванному ограничить распространение ракетоносителей, способных доставлять ОМУ. В 1994 г. Клинтон в Директиве о принятии президентского решения (PDD-23) задекларировал политику США в отношении доступа иностранных государств к средствам США по дистанционному зондированию Земли: поощрение программ, утверждающих лидерство США в коммерческой съёмке, при ограничении продажи изображений высокого разрешения рамками национальной безопасности. На практике США вместо этого выкупали изображения территорий, сложных с точки зрения международной напряжённости, например Афганистана. В 1996 г. Клинтон обнародовал новую политику в отношении GPS вместе с Национальной космической политикой: США продолжат предоставлять услуги GPS бесплатно, будут распространять и интегрировать систему по всему миру, а также снижать в течение десятилетия выборочную доступность. Она была упразднена в мае 2000 г., а в сентябре 2007 г. при Буше-младшем был заявлен отказ от её дальнейшего использования. Тогда же, в сентябре 1996 г., было опубликовано пояснение к PDD-49 «Национальная космическая политика», суть которого — сохранить доминирующую роль США в космосе и поддерживать сбалансированный подход во всех секторах. Политика Клинтона, таким образом, воспроизводила логику Эйзенхауэра: утверждать и расширять лидерство США в космосе [11].

Военные возможности космических аппаратов были продемонстрированы в Войне в Заливе 1990—1991 гг., состоявшей из операций «Щит пустыни» и «Буря в пустыне». Спутники не позволяли наносить удары напрямую из космоса, но решительно повышали эффективность наземных и воздушных сил коалиции: GPS обеспечивал ориентирование в пустыне и определение позиций иракской армии, наведение высокоточных боеприпасов подрывало боевой потенциал и моральный дух противника. Спутниковая связь обеспечивала от 50% до 84% переговоров войск коалиции, оперативная метеорология давала данные о погоде и движениях ветра и облаков [9]. Каждый пуск ракеты отслеживался спутниками, как это было с “Scud”, выпускавшимися по коалиции, Израилю и Саудовской Аравии и перехватывавшимися “Patriot” благодаря отлаженной межведомственной передаче информации [10, 20]. Важной стороной стало и картографирование: если до войны карты региона опирались на британский колониальный период и теряли актуальность, то в ходе войны регион был подробно картографирован спутниковыми средствами. Война в Заливе, прозванная «первой космической войной», стала водоразделом, показавшим ценность военной космической инфраструктуры и давшим понимание, что дальнейшие крупные войны будут опираться на спутниковые технологии [17].

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет вернуться к исходному вопросу: как менялось соотношение оборонительных и наступательных элементов в военно-космической стратегии США в 1990-е гг. и какие факторы определяли эти сдвиги. Материал, изложенный в предыдущих разделах, даёт основание для нескольких обобщений, которые стоит соотнести с существующей литературой.

Содержание периода: доминирование «убежища» при скрытой эрозии

Первое, что фиксирует анализ, – кажущаяся стабильность 1990-х. В доктринальном плане американская космическая политика этого десятилетия оставалась в значительной степени оборонительной и кооперативной. Национальная космическая политика 1996 г., PDD-23 (1994) и PDD-49 (1996) говорили о коммерциализации, международном сотрудничестве, открытости и доступе [11]. Доктрина «убежища», сформировавшаяся ещё в 1960-е, не была пересмотрена – она лишь адаптировалась к новым условиям [21].

Однако за этой стабильностью скрывалась эрозия. Директивы Буша-старшего – NSPD-1—NSPD-7 – заложили основу для расширения коммерческого сектора и его интеграции в решение задач национальной безопасности [8, 12, 13, 14, 15, 16, 18]. Это не было наступательной стратегией в строгом смысле, но это создавало предпосылки для последующего пересмотра роли космоса. Коммерциализация, заявленная как сугубо гражданский проект, объективно укрепляла инфраструктурную базу, которая в дальнейшем могла быть использована в военных целях [19].

Война в Заливе 1990—1991 гг. стала первым случаем, когда эта база была продемонстрирована в действии. Спутники GPS, связи, метеорологии и картографирования обеспечили коалиции преимущество, которое американские военные круги оценили как решающее [9, 10, 17, 20]. Именно тогда возникло понимание, что военная космическая инфраструктура – не вспомогательный инструмент, а самостоятельный фактор боевой эффективности. Но в 1990-е этот сдвиг ещё не был осознан как стратегический – он воспринимался скорее как техническое достижение.

Факторы: технология, угроза, политика

Второй вопрос – о факторах. Анализ показывает, что ни один из них в отдельности не объясняет эволюцию стратегии в 1990-е. Технологический детерминизм не работает: технологический потенциал США был высок, но стратегия оставалась оборонительной [8, 18]. Восприятие угрозы тоже не объясняет: после распада СССР угроза воспринималась как низкая, что скорее укрепляло кооперативную линию, чем подталкивало к наступательной [3, 7].

Более убедительным представляется сочетание трёх факторов. Первый – **технологический**: коммерциализация запусков, миниатюризация спутников, развитие GPS создали материальную основу для будущих изменений [8, 18]. Второй – **перцептивный**: война в Заливе продемонстрировала ценность космической инфраструктуры, но не привела к немедленной милитаризации космоса [9, 17]. Третий – **политико-институциональный**: администрации Буша-старшего и Клинтона сознательно выбрали курс на коммерциализацию и кооперацию, что было политическим решением, а не автоматическим следствием технологии или угрозы [11, 14].

Ни один из этих факторов не был достаточным для смены стратегии. В 1990-е они не совпали – и стратегия осталась оборонительной. Это подтверждает основную гипотезу работы: смена стратегий

происходит там и тогда, где и когда совпадают технологическая, перцептивная и политико-институциональная переменные.

Периодизация: 1990-е как самостоятельный этап

Третий вопрос – о месте 1990-х в общей эволюции. Из анализа следует, что 1990-е – не «подготовка» к последующему перелому и не «инерция» биполярного периода в чистом виде. Это самостоятельный этап, логика которого отличалась и от логики Холодной войны, и от логики 2000-х.

От биполярного периода 1990-е унаследовали доктрину «убежища» и институциональную структуру, созданную при Рейгане (AFSPC, USSPACECOM) [3, 7, 21]. Но содержание этой доктрины изменилось: если в 1960—1970-е «убежище» означало ограничение военной деятельности поддержкой наземных войск, то в 1990-е оно дополнилось коммерциализацией и интеграцией частного сектора. Это создало гибридную модель, которая внешне выглядела как продолжение прежнего курса, но внутренне готовила почву для будущего пересмотра [8, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19].

От 2000-х 1990-е отличаются отсутствием секьюритизации космоса. В 2000-е космос станет объектом открытого политического внимания, а в 1990-е он оставался в тени – и это тоже характеристика периода, а не его «недостаток».

Заключительное замечание

Возвращаясь к исходному вопросу: соотношение оборонительных и наступательных элементов в военно-космической стратегии США в 1990-е гг. оставалось преимущественно оборонительным. Наступательные элементы присутствовали лишь в латентной форме – в виде инфраструктурных предпосылок, созданных коммерциализацией и продемонстрированных в Войне в Заливе. Смена стратегий, произошедшая в последующие десятилетия, не была неизбежной – она стала результатом совпадения технологических, перцептивных и политико-институциональных переменных, которых в 1990-е не было. Это позволяет уточнить периодизацию: 1990-е – не «подготовка» к последующему перелому, а самостоятельный этап, логика которого отличалась от логики как предшествующего, так и последующего периодов [11, 21].

Литература

1. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия 1963. МЧС России. [Электронный ресурс.] URL: https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1237 (дата обращения: 07.09.2026).
2. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела : [принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 19 декабря 1966 г., подписан 27 января 1967 г.]. [Электронный ресурс.] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 07.09.2026).
3. Кокошин А.А. История и перспективы: проблемы про в российско-американских отношениях // Берегиня. 777. Сова. 2010. №5 (7). С. 63—66.
4. Левкин И.М., Шацкая В.И. Исторические предпосылки Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года // Управленческое консультирование. 2012. №1 (45). С. 68—76.
5. Новиков А.А., Медведков С.А. Международные обязательства в сфере ограничения ядерных вооружений // Военная мысль. 2021. №9. С. 6—17.
6. Татаринов И.Л. Фактор ПРО в формировании глобальной безопасности // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. №18 (140). С. 155—167
7. Antidze, M. (2025). From Truman to Reagan: The Evolution of U.S. Nuclear Policy in the Cold War Context. European Scientific Journal, ESJ, 21(29), 147. https://doi.org/10.19044/esj.2025.v21n29p147
8. Commercial Space Launch Policy. [Электронный ресурс.] URL: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd2.htm (дата обращения: 11.09.2026).
9. Dougherty W.A. Storm in Space // Proceedings. U.S. Naval Institute, 1992. [Электронный ресурс.] URL: https://www.usni.org/magazines/proceedings/1992/august/storm-space (дата обращения: 17.09.2026).
10. Forsee J.P. The Role of Military and Commercial Space in the Gulf War. Air Force Historical Research Agency. From the Stacks, 2025. [Электронный ресурс.] URL: https://afhrafromthestacks.wordpress.com/2025/09/08/commercial-space-in-gulf-war/ (дата обращения: 17.09.2026).
11. Hays P.L. Space and Security: A Reference Handbook / P. L. Hays. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, LLC, 2011. 289 p. (Contemporary World Issues). ISBN 978-1-59884-421-4.
12. Landsat Remote Sensing Strategy. [Электронный ресурс.] URL: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd5.htm (дата обращения: 11.09.2026).
13. National Space Launch Strategy. [Электронный ресурс.] URL: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd4.htm (дата обращения: 11.09.2026).
14. National Space Policy Directives and Executive Charter. [Электронный ресурс.] URL: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd1.htm (дата обращения: 11.09.2026).
15. Space-Based Global Change Observation. [Электронный ресурс.] URL: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd7.htm (дата обращения: 17.09.2026).
16. Space Exploration Initiative. [Электронный ресурс.] URL: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd6.htm (дата обращения: 17.09.2026).
17. Space Systems in the Persian Gulf War. SMC Historical Overview, 1997. [Электронный ресурс.] URL: https://www.globalsecurity.org/space/library/report/1997/smc_hist/SMCHOV15.HTM (дата обращения: 17.09.2026).
18. U.S. Commercial Space Policy Guidelines. [Электронный ресурс.] URL: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd3.htm (дата обращения: 11.09.2026).
19. Vedda J.A. U.S. National Security and Economic Interests in Remote Sensing: The Evolution of Civil and Commercial Policy: Contractor Report / J. A. Vedda; The Aerospace Corporation, Center for Space Policy & Strategy. Arlington, VA: The Aerospace Corporation, 2009. 37 p. (TOR-2009(3601)-8539). Prepared for: National Geospatial-Intelligence Agency, Sensor Assimilation Division. Contract No. FA8802-09-C-0001.
20. Vergun D. Space domain critical to combat operations since Desert Storm. U.S. Department of Defense, 2021. [Электронный ресурс.] URL: https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/2543941/space-domain-critical-to-combat-operations-since-desert-storm/ (дата обращения: 17.09.2026).
21. Ziegler D.W. Safe Heavens: Military Strategy and Space Sanctuary Thought : [Master's thesis] / D. W. Ziegler ; School of Advanced Airpower Studies, Air University. Maxwell Air Force Base, Alabama : Air University Press, 1998. 60 p.

Analysis of the US military space strategy in the post-bipolar period of the 1990s.

Petukhov A.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the evolution of U.S. military space strategy in the 1990s, during the presidencies of George H.W. Bush and Bill Clinton. The relevance of the study stems from the fact that it was in this decade that the infrastructural and doctrinal foundations were laid which later allowed the United States to move towards a tougher logic in space. On the surface, the 1990s looked like a continuation of the "sanctuary" doctrine, but behind this stability a gradual erosion was taking place: the commercialization of space, initiated by Bush Sr.'s directives, objectively strengthened the base that could later be used for military purposes.

The aim of the study is to identify how the balance between defensive and offensive elements in U.S. space strategy changed in the 1990s, and to determine the factors that drove these shifts.

The methodology combines the historical-genetic, problem-chronological and historical-comparative methods, together with an analysis of official U.S. space policy documents (NSPD-1—NSPD-7, PDD-23, PDD-49, the 1996 National Space Policy) for the period 1989–2001. Materials on the 1990–1991 Gulf War are also used.

The findings indicate that in the 1990s the balance between defensive and offensive elements remained in favour of the defensive. Offensive elements were present only in a latent form – as infrastructural prerequisites created by commercialization and demonstrated in the Gulf War. The shift in strategies that occurred in later decades was not inevitable: it resulted from the convergence of technological, perceptual and political-institutional variables that were absent in the 1990s.

Keywords: U.S. space strategy, sanctuary doctrine, post-bipolar period, commercialization of space, NSPD, Gulf War, military space infrastructure.

References

1. Dogovor o zapreshchenii ispytanii yadernogo oruzhiya 1963 [Treaty Banning Nuclear Weapon Tests in the Atmosphere, in Outer Space and Under Water, 1963]. MChS Rossii. Available at: https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1237 (accessed: 07.09.2026). (In Russ.)
2. Dogovor o printsipakh deyatel'nosti gosudarstv po issledovaniyu i ispol'zovaniyu kosmicheskogo prostranstva, vklyuchaya Lunu i drugie nebesnye tela [Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer

Space, including the Moon and Other Celestial Bodies]. Adopted by UN General Assembly Resolution 2222 (XXI), 19 December 1966, signed 27 January 1967. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (accessed: 07.09.2026). (In Russ.)
3. Kokoshin A.A. Istoriya i perspektivy: problemy pro v rossiisko-amerikanskikh otnosheniyakh [History and prospects: problems of missile defense in Russian-American relations]. Bereginya. 777. Sova, 2010, no. 5 (7), pp. 63—66. (In Russ.)
4. Levkin I.M., Shatskaya V.I. Istoricheskie predposylki Dogovora ob ogranichenii sistem protivoraketnoi oborony 1972 goda [Historical preconditions of the 1972 Anti-Ballistic Missile Treaty]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2012, no. 1 (45), pp. 68—76. (In Russ.)
5. Novikov A.A., Medvedkov S.A. Mezhdunarodnye obyazatel'stva v sfere ogranicheniya yadernykh vooruzhenii [International obligations in the field of nuclear arms limitation]. Voennaya mysl', 2021, no. 9, pp. 6—17. (In Russ.)
6. Tatarinov I.L. Faktor PRO v formirovanii global'noi bezopasnosti [The ABM factor in the formation of global security]. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014, no. 18 (140), pp. 155—167. (In Russ.)
7. Antidze M. From Truman to Reagan: The Evolution of U.S. Nuclear Policy in the Cold War Context. European Scientific Journal, ESJ, 2025, vol. 21, no. 29, 147. https://doi.org/10.19044/esj.2025.v21n29p147
8. Commercial Space Launch Policy. Available at: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd2.htm (accessed: 11.09.2026).
9. Dougherty W.A. Storm in Space. Proceedings. U.S. Naval Institute, 1992. Available at: https://www.usni.org/magazines/proceedings/1992/august/storm-space (accessed: 17.09.2026).
10. Forsee J.P. The Role of Military and Commercial Space in the Gulf War. Air Force Historical Research Agency. From the Stacks, 2025. Available at: https://afhrafromthestacks.wordpress.com/2025/09/08/commercial-space-in-gulf-war/ (accessed: 17.09.2026).
11. Hays P.L. Space and Security: A Reference Handbook. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, LLC, 2011. 289 p. (Contemporary World Issues). ISBN 978-1-59884-421-4.
12. Landsat Remote Sensing Strategy. Available at: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd5.htm (accessed: 11.09.2026).
13. National Space Launch Strategy. Available at: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd4.htm (accessed: 11.09.2026).
14. National Space Policy Directives and Executive Charter. Available at: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd1.htm (accessed: 11.09.2026).
15. Space-Based Global Change Observation. Available at: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd7.htm (accessed: 17.09.2026).
16. Space Exploration Initiative. Available at: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd6.htm (accessed: 17.09.2026).
17. Space Systems in the Persian Gulf War. SMC Historical Overview, 1997. Available at: https://www.globalsecurity.org/space/library/report/1997/smc_hist/SMCHOV15.HTM (accessed: 17.09.2026).
18. U.S. Commercial Space Policy Guidelines. Available at: https://spp.fas.org/military/docops/national/nspd3.htm (accessed: 11.09.2026).
19. Vedda J.A. U.S. National Security and Economic Interests in Remote Sensing: The Evolution of Civil and Commercial Policy. Contractor Report. The Aerospace Corporation, Center for Space Policy & Strategy. Arlington, VA: The Aerospace Corporation, 2009. 37 p. (TOR-2009(3601)-8539). Prepared for: National Geospatial-Intelligence Agency, Sensor Assimilation Division. Contract No. FA8802-09-C-0001.
20. Vergun D. Space Domain Critical to Combat Operations since Desert Storm. U.S. Department of Defense, 2021. Available at: https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/2543941/space-domain-critical-to-combat-operations-since-desert-storm/ (accessed: 17.09.2026).
21. Ziegler D.W. Safe Heavens: Military Strategy and Space Sanctuary Thought. Master's thesis. School of Advanced Airpower Studies, Air University. Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University Press, 1998. 60 p.

Палестино-израильский конфликт в повестке исламских государств

Ханани Артём Фаедович
аспирант, Пятигорский государственный университет, nextviox07@gmail.com

В статье рассматривается место палестино-израильского конфликта во внешнеполитической повестке исламских государств и Организации исламского сотрудничества (ОИС). Прослеживается институционализация палестинской темы в структурах ОИС, анализируется активность исламских государств на площадке ООН в 2023–2025 гг., а также дифференциация их позиций после 7 октября 2023 г. Особое внимание уделяется гуманитарному и финансовому измерению повестки: поддержке БАПОР, арабскому плану реконструкции сектора Газа и кампании по признанию Государства Палестина. В заключении формулируются выводы о возможностях и пределах влияния исламских государств на урегулирование конфликта.

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт, Организация исламского сотрудничества, ООН, сектор Газа, Аль-Кудс, БАПОР, признание Палестины, двухгосударственное решение.

Введение

Палестино-израильский конфликт занимает особое место во внешней политике исламских государств: вопрос Палестины и Аль-Кудса (Иерусалима) закреплён в Уставе Организации исламского сотрудничества, предусматривающем даже специальную должность помощника Генерального секретаря по делам Аль-Кудса и Палестины [1]. Для большинства из 57 государств-членов ОИС поддержка палестинского народа является не только вопросом региональной политики, но и элементом внутриполитической легитимности. Международно-правовую основу этой повестки составляют резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 181 (II) от 29 ноября 1947 г., предусматривавшая создание на территории Палестины двух государств [2], и резолюция Совета Безопасности ООН 242 от 22 ноября 1967 г., заложившая принцип «мир в обмен на территории» [3].

Эскалация, начавшаяся 7 октября 2023 г., превратила палестинскую тему из хронической в центральную для исламского мира: она доминировала на саммитах и министерских сессиях ОИС, определила линию голосований исламских государств в ООН и обострила внутренние различия между ними. Цель настоящей статьи — показать, как палестино-израильский конфликт структурирует повестку исламских государств, какие инструменты влияния они задействуют и где проходят пределы их возможностей.

Методы и материал исследования

Методологическую основу исследования составляют историко-генетический, институциональный и сравнительный методы. Историко-генетический метод применён при рассмотрении становления палестинской повестки в рамках ОИС с момента создания организации. Институциональный анализ использован при изучении уставных органов ОИС, её дочерних и специализированных структур, а также механизмов ООН. Сравнительный метод позволил сопоставить позиции ключевых государств-членов организации — Саудовской Аравии, Турции, Ирана, Индонезии и государств Персидского залива.

Материал исследования включает несколько групп источников. Первая группа — уставные и программные документы ОИС, итоговые коммюнике и резолюции исламских саммитов и Совета министров иностранных дел, включая документы саммита в Банжуле (2024 г.) и чрезвычайных сессий 2023–2025 гг. Вторая группа — официальные документы ООН и её структур: резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, консультативное заключение Международного Суда ООН, материалы БАПОР и сводки Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (ОСНА). Третья группа — официальные заявления государств-членов ОИС (Министерства иностранных дел Саудовской Аравии, Министерства торговли Турции, администрации президента Индонезии и др.). Наконец, привлечены аналитические исследования, посвящённые «Авраамовым соглашениям», региональной стратегии Ирана и эволюции позиции Саудовской Аравии.

1. Палестинский вопрос как институциональное ядро объединения исламских государств

Создание Организации исламской конференции (с 2011 г. — Организация исламского сотрудничества) в 1969 г. было непосредственной реакцией мусульманского мира на поджог мечети Аль-Акса в Иерусалиме 21 августа 1969 г.; таким образом, палестинская проблема составляет саму raison d'être организации [4]. Устав ОИС закрепляет центральность этой темы институционально: в Генеральном секретариате действует специальная должность помощника Генерального секретаря по делам Аль-Кудса и Палестины [1]. На протяжении десятилетий итоговые документы исламских саммитов неизменно определяют вопрос Палестины как «центральное дело мусульманской уммы»: эта формула зафиксирована, в частности, в итоговом коммюнике третьей чрезвычайной сессии Исламской саммит-конференции в Мекке (7–8 декабря 2005 г.), где прекращение израильской оккупации арабских и палестинских территорий, занятых с 1967 г., включая Восточный Иерусалим, названо жизненно важным требованием для всей мусульманской уммы [5].

Практическое наполнение повестки обеспечивают дочерние структуры ОИС. Комитет Аль-Кудс, действующий под председательством короля Марокко, и его исполнительный орган — агентство «Бейт Маль Аль-Кудс аш-Шариф», созданное в 1998 г., — финансируют проекты в сфере здравоохранения, образования и сохранения

культурного наследия Восточного Иерусалима [6]. Исполнение резолюций ОИС по палестинскому вопросу возложено также на подведомственные, присоединённые и специализированные институты организации, включая Исламский банк развития [7].

Эскалация 2023–2025 гг. придала этой институциональной машине новую интенсивность. 15-я сессия Исламской саммит-конференции (Банжул, Гамбия, 4–5 мая 2024 г.) приняла развёрнутую резолюцию по вопросу Палестины и Аль-Кудса, а также Банжульскую декларацию: главы государств и правительств ОИС потребовали немедленного и безоговорочного прекращения огня в секторе Газа, призвали государства-члены рассмотреть введение санкций против Израиля и остановку поставок ему вооружений, выступили за расширение международного признания Государства Палестина и поддержку его заявки на полноправное членство в ООН, а также за создание «исламской финансовой сети безопасности» в поддержку бюджета Палестины [7]. Показательно, что документы саммита были официально распространены в ООН как документы Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности (A/78/879–S/2024/382) — такова устоявшаяся практика «экспорта» повестки ОИС на площадку всемирной организации [7]. Чрезвычайная сессия Совета министров иностранных дел ОИС в Джидде 5 марта 2024 г. потребовала полного прекращения израильской агрессии и немедленной доставки гуманитарной помощи [8], а 20-я чрезвычайная сессия СМИД (март 2025 г.) прямо квалифицировала действия Израиля в Газе как геноцид и этнические чистки [9].

2. Повестка исламских государств на площадке ООН

Именно Организация Объединённых Наций остаётся главным инструментом продвижения палестинской повестки исламскими государствами. 25 марта 2024 г. Совет Безопасности впервые с начала войны принял резолюцию 2728, потребовавшую немедленного прекращения огня на месяц Рамадан, освобождения заложников и обеспечения гуманитарного доступа: документ, подготовленный десятью непостоянными членами Совета, получил 14 голосов «за» при воздержавшихся США [10]. 18 апреля 2024 г. США наложили вето на внесённый Алжиром от имени арабской группы проект резолюции Совета Безопасности о рекомендации принять Палестину в члены ООН [11]. Ответом стало решение 10-й чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи: 10 мая 2024 г. резолюцией ES-10/23, внесённой ОАЭ от имени арабской группы, Ассамблея подтвердила, что Государство Палестина отвечает критериям членства в ООН, рекомендовала Совету Безопасности благоприятно пересмотреть этот вопрос и расширила права Палестины как государства-наблюдателя; резолюцию поддержали 143 государства при 9 голосах против и 25 воздержавшихся [11].

Юридическое измерение повестки усилилось после консультативного заключения Международного Суда ООН от 19 июля 2024 г., признавшего незаконным продолжающееся присутствие Израиля на оккупированных палестинских территориях и обязавшего его прекратить это присутствие как можно скорее, а все государства — не признавать законной создавшуюся ситуацию и не оказывать содействия её поддержанию [12]. В сентябре 2024 г. Генеральная Ассамблея подтвердила заключение Суда и потребовала завершения присутствия Израиля в двенадцатимесячный срок [12]. Параллельно в Международном Суде рассматривается иск ЮАР против Израиля по Конвенции о предупреждении и наказании преступления геноцида [13]; Банжульская резолюция ОИС прямо приветствовала шаги государств, включая членов организации — Коморские Острова, Джибути и Бангладеш, — передавших ситуацию в Государстве Палестина в Международный уголовный суд [7].

Кульминацией дипломатической активности 2025 г. стала Международная конференция высокого уровня по мирному урегулированию палестинского вопроса и реализации двухгосударственного решения (Нью-Йорк, 28–30 июля 2025 г.), сопредседателями которой выступили Франция и Саудовская Аравия [14]. Итоговый документ конференции — Нью-Йоркская декларация — предусматривает немедленное прекращение огня, освобождение всех заложников, разоружение ХАМАС и его отстранение от управления сектором Газа, передачу управления всеми палестинскими территориями Палестинской администрации, а также нормализацию отношений между Израилем и арабскими государствами при коллективных гарантиях безопасности [14]. 12 сентября 2025 г. Генеральная Ассамблея одобрила декларацию 142 голосами «за» при 10 голосах против и 12 воздержавшихся; США и Израиль в работе конференции не участвовали и голосовали против [15]. На возобновлённой сессии конференции 22 сентября 2025 г. о признании Государства Палестина объявили ещё десять стран, включая Францию, Великобританию, Канаду и Австралию, — в общей сложности Палестину признают уже 157 государств [16].

3. Дифференциация позиций государств-членов ОИС после 7 октября 2023 года

Единая риторика исламской солидарности не отменяет существенных различий в выборе инструментов. Саудовская Аравия сделала ставку на дипломатическое лидерство: 7 февраля 2024 г. Министерство иностранных дел Королевства заявило, что Эр-Рияд не установит дипломатических отношений с Израилем без признания независимого палестинского государства в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме [17]. 18 сентября 2024 г. наследный принц Мухаммад бин Салман подтвердил эту позицию в ежегодном обращении к Совету шуры, заявив, что Королевство «не прекратит неустанной работы по созданию независимого палестинского государства» и не установит отношений с Израилем до достижения этой цели [18]. Эр-Рияд также возглавил министерскую контактную группу, учреждённую чрезвычайным совместным арабо-исламским саммитом в Эр-Рияде 11 ноября 2023 г. для выработки международных действий по прекращению войны и запуску мирного процесса [19].

Турция избрала путь экономического давления: 2 мая 2024 г. Министерство торговли страны распорядилось о полной приостановке экспорта и импорта в отношении Израиля — «до установления постоянного прекращения огня и бесперебойного допуска гуманитарной помощи в Газу», как заявил министр О. Болат; за месяц до этого Анкара ограничила экспорт в Израиль 54 категорий товаров [20]. Иран, напротив, сделал ставку на силовое сдерживание в рамках «оси сопротивления»: ещё на саммите в Эр-Рияде в ноябре 2023 г. Тегеран безуспешно предлагал ввести нефтяное эмбарго и санкции против Израиля [21], а его региональная стратегия традиционно строится на поддержке партнёрских движений и государств [22]. В июне 2025 г. противостояние Ирана и Израиля переросло в двенадцатидневную прямую войну, ставшую крупнейшим военным столкновением двух государств за всю историю их отношений [23].

Государства, подписавшие «Авраамовы соглашения» (ОАЭ, Бахрейн, Марокко, Судан), сохранили дипломатические отношения с Израилем, однако их публичная риторика заметно ужесточилась: нормализация, выведшая палестинский вопрос за скобки двусторонних договорённостей, оказалась уязвимой перед лицом войны в Газе [24]. Как отмечалось в исследованиях ещё на этапе заключения соглашений, их долгосрочная устойчивость зависит от того, будут ли они сопряжены с продвижением палестинского урегулирования [25]. Особый случай представляет Индонезия — крупнейшее мусульманское государство мира, не имеющее отношений с Израилем: выступая 23 сентября 2025 г. на возобновлённой сессии нью-йоркской конференции, президент Прабово Субианто заявил, что Индонезия немедленно признает Государство Израиль, как только Израиль признает независимость Палестины, и выразил готовность предоставить миротворческие силы [26].

Новым испытанием для исламской солидарности стал израильский удар по Дохе 9 сентября 2025 г., нанесённый по зданию, где делегация ХАМАС обсуждала очередное американское предложение о прекращении огня; в ответ Катар созвал 15 сентября 2025 г. чрезвычайный арабо-исламский саммит [27]. Возможности правительств исламских стран ограничены и общественным мнением: по опросу Вашингтонского института ближневосточной политики (август 2025 г.), 99% граждан Саудовской Аравии оценили установление нормальных отношений с Израилем как негативный шаг, тогда как в 2020 г. «Авраамовы соглашения» положительно оценивал 41% опрошенных саудовцев [28].

4. Гуманитарное и финансовое измерение: от резолюций к практическим инструментам

Гуманитарная цена войны беспрецедентна: по данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, к октябрю 2025 г. число погибших палестинцев в секторе Газа превысило 67 тыс. человек [29]. Ключевую роль в поддержании палестинских беженцев играет БАПОР; на фоне приостановки финансирования агентства со стороны США Банжульский саммит ОИС призвал международное сообщество продолжать поддержку БАПОР [7]. Арабские государ-

ства в 2024 г. перечислили агентству около 190 млн долл. — примерно 13% всего его финансирования, причём основную часть обеспечили Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ [30].

Предложение президента США Д. Трампа о переселении жителей сектора Газа, озвученное в феврале 2025 г., было единодушно отвергнуто исламским миром. Ответом стал чрезвычайный арабский саммит в Каире 4 марта 2025 г. («саммит Палестины»), принявший разработанный Египтом в координации с Государством Палестина и арабскими странами план раннего восстановления, реконструкции и развития сектора Газа на основе исследований Всемирного банка и Программы развития ООН; план, оцениваемый примерно в 53 млрд долл., рассчитан до 2030 г. и предусматривает сохранение палестинского населения на своей земле [31]. Каирское заявление призвало Совет Безопасности развернуть силы по поддержанию мира на Западном берегу и в секторе Газа и поручило министрам иностранных дел арабских государств продвигать план на международном уровне [31]. В юридической плоскости значимым событием стала выдача Международным уголовным судом 21 ноября 2024 г. ордеров на арест премьер-министра Б. Нетаньяху и министра обороны Й. Галанта по подозрению в военных преступлениях и преступлениях против человечности [32], — требование о привлечении к ответственности неизменно присутствует в резолюциях ОИС [7].

Заключение

Палестино-израильский конфликт представляет собой не просто региональное противостояние, но структурообразующий элемент коллективной идентичности и внешнеполитической повестки исламских государств. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, палестинская тема глубоко институционализирована: она закреплена в Уставе ОИС, обслуживается специальными структурами (Комитет Аль-Кудс, агентство «Бейт Маль Аль-Кудс аш-Шариф») и де-факто определяет содержание саммитов и министерских сессий организации. Эскалация 2023–2025 гг. усилила эту центральность, переведя повестку из декларативной плоскости в плоскость конкретных требований — прекращения огня, санкций, признания Государства Палестина.

Во-вторых, площадка ООН остаётся главным инструментом исламских государств: их инициативами обеспечены резолюции Генеральной Ассамблеи о статусе Палестины и об одобрении Нью-йоркской декларации, а также юридическая эскалация в Международном Суде. Дипломатические результаты налицо — Государство Палестина признают уже 157 членов международного сообщества, — однако они не конвертируются в изменение ситуации «на местности» из-за блокирующей позиции США в Совете Безопасности.

В-третьих, единство позиций исламских государств ограничено различием интересов и инструментов — от экономического бойкота Турции и военной конфронтации Ирана до сохраняющихся «Авраамовых соглашений» и условной готовности Индонезии к нормализации. Саудовской Аравии удалось конвертировать принципиальную позицию в дипломатическое лидерство, став соорганизатором нью-йоркского процесса по двухгосударственному решению.

В-четвёртых, наиболее реалистичным направлением практического влияния исламских государств выглядит гуманитарно-финансовое измерение: поддержка БАПОР и каирский план реконструкции формируют материальную основу будущего палестинского государства. Устойчивое урегулирование конфликта возможно лишь на основе двухгосударственного решения, и именно вокруг этой формулы в 2025 г. сложился беспрецедентно широкий международный консенсус при активном участии исламских государств.

Литература

1. Устав Организации исламского сотрудничества [Charter of the Organisation of Islamic Cooperation]. Джидда: OIC. URL: https://www.refworld.org/sites/default/files/2025-06/oic_charter-new-en.pdf (дата обращения: 01.09.2026).

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 181 (II) «Будущее правительство Палестины» от 29 ноября 1947 г. [United Nations General Assembly Resolution 181 (II) «Future Government of Palestine». 29 November 1947. UN Doc. A/RES/181(II)].

3. Резолюция Совета Безопасности ООН 242 от 22 ноября 1967 г. [United Nations Security Council Resolution 242. 22 November 1967. UN Doc. S/RES/242 (1967)].

4. An Introduction to the Organization of Islamic Cooperation // GlobaLex. NYU School of Law. URL: https://www.nyulawglobal.org/globalex/oic.html (дата обращения: 01.09.2026).

5. Organization of Islamic Cooperation. Final Communiqué of the Third Extraordinary Session of the Islamic Summit Conference «Meeting the Challenges of the 21st Century, Solidarity in Action». Makkah, 7–8 December 2005 // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-198798/ (дата обращения: 01.09.2026).

6. Bayt Mal Al-Quds Asharif Agency — the executive arm of the Al-Quds Committee of the Organisation of Islamic Cooperation. Official website. URL: https://www.bmaq.org/en/ (дата обращения: 01.09.2026).

7. Organization of Islamic Cooperation. Resolution No. 1/15-(PAL(IS)) on the Issue of Palestine and Al-Quds Ash-Sharif; The Banjul Declaration; Final Communiqué of the 15th Islamic Summit Conference (Banjul, 4–5 May 2024) // UN Doc. A/78/879–S/2024/382. URL: https://www.un.org/unispal/document/mauritania-oic-letter-10may24/ (дата обращения: 01.09.2026).

8. Organization of Islamic Cooperation. Resolution Adopted by the Extraordinary Session of the OIC Council of Foreign Ministers on the Continuing Israeli Aggression Against the Palestinian People. Jeddah, 5 March 2024. URL: https://www.oic-oci.org/en/news/4340 (дата обращения: 01.09.2026).

9. قرار الدورة الاستثنائية العشرين لمجلس وزراء خارجية منظمة التعاون الإسلامي بشأن العدوان الإسرائيلي المتواصل على الشعب الفلسطيني [Резолюция 20-й чрезвычайной сессии Совета министров иностранных дел ОИС о продолжающейся израильской агрессии против палестинского народа]. Джидда, 7 марта 2025 г. // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/oic-resolution-addressing-the-ongoing-israeli-aggression-against-the-palestinian-people-and-the-attempts-to-displace-them-from-their-land-non-un-document/ (дата обращения: 01.09.2026; на араб. яз.).

10. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2728 (2024) от 25 марта 2024 г.; Gaza: Security Council passes resolution demanding “an immediate ceasefire” during Ramadan // UN News. 25 March 2024. URL: https://news.un.org/en/story/2024/03/1147931 (дата обращения: 01.09.2026).

11. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция ES-10/23 «Приём новых членов в Организацию Объединённых Наций» от 10 мая 2024 г. (A/ES-10/L.30/Rev.1) // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/general-assembly-overwhelmingly-backs-membership-of-palestine-10may24/ (дата обращения: 01.09.2026).

12. International Court of Justice. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. Advisory Opinion of 19 July 2024 // International Legal Materials. Cambridge University Press. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/international-legal-materials/article/legal-consequences-arising-from-the-policies-and-practices-of-isr-in-the-occupied-palestinian-territory-including-east-jerusalem-advisory-opinion-icj/CA95E86EF0579C55D63B50D3B13D7EA0 (дата обращения: 01.09.2026).

13. International Court of Justice. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in the Gaza Strip (South Africa v. Israel). Application instituting proceedings, 29 December 2023. URL: https://www.icj-cij.org/case/192 (дата обращения: 01.09.2026).

14. The New York Declaration. High-level International Conference for the Peaceful Settlement of the Question of Palestine and the Implementation of the Two-State Solution. New York, 28–30 July 2025 // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/high-level-conference-two-state-solution-july2025/ (дата обращения: 01.09.2026).

15. General Assembly Endorses New York Declaration, Charting Path to Palestinian Statehood (GA/12707). 12 September 2025 // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/ga-meeting-coverage-12sep25/ (дата обращения: 01.09.2026).

16. Security Council Report. The Middle East, including the Palestinian Question // Monthly Forecast. October 2025. URL: https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2025-10/the-middle-east-including-the-palestinian-question-22.php (дата обращения: 01.09.2026).

17. وزارة الخارجية السعودية .بيان بشأن موقف المملكة من القضية الفلسطينية [Министерство иностранных дел Саудовской Аравии. Заявление о позиции Королевства по палестинскому вопросу]. Эр-Рияд, 7 февраля 2024 г. // Saudi Press Agency. URL: https://www.spa.gov.sa/w2042969 (дата обращения: 01.09.2026; на араб. яз.).

18. Saudi crown prince says no normalisation with Israel without Palestinian statehood // Middle East Eye. 19 September 2024. URL: https://www.middleeasteye.net/news/saudi-crown-prince-says-no-normalisation-israel-without-palestinian-statehood (дата обращения: 01.09.2026).

19. البيان الختامي للقمة العربية الإسلامية المشتركة غير العادية [Итоговое коммюнике чрезвычайного совместного арабо-исламского саммита]. Эр-Рияд, 11 ноября 2023 г. (на араб. яз.).

20. Turkey halts all trade with Israel over military actions in Gaza // NPR / Associated Press. 3 May 2024. URL: https://www.opb.org/article/2024/05/03/turkey-halts-all-trade-with-israel-over-military-actions-in-gaza/ (дата обращения: 01.09.2026).

21. Iran proposes oil embargo, sanctions against Israel at OIC meeting // Reuters. 11 November 2023. URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-proposes-oil-embargo-sanctions-against-israel-oic-meeting-2023-11-11/ (дата обращения: 01.09.2026).

22. International Crisis Group. Iran's Priorities in a Turbulent Middle East. Middle East Report N°184. Brussels, 13 April 2018. URL: https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iran/184-irans-priorities-turbulent-middle-east (дата обращения: 01.09.2026).

23. ACLED. Twelve Days That Shook the Region: Inside the Iran-Israel War. 4 July 2025. URL: https://acleddata.com/qa/qa-twelve-days-shook-region-inside-iran-israel-war (дата обращения: 01.09.2026).

24. Fakhro E. The Abraham Accords: The Gulf States, Israel, and the Limits of Normalization. New York: Columbia University Press, 2024 (London: Hurst Publishers).

25. Guzansky Y., Marshall Z.A. The Abraham Accords: Immediate Significance and Long-Term Implications // Israel Journal of Foreign Affairs. 2020. Vol. 14, No. 3. P. 379–389.

26. Remarks of the President of the Republic of Indonesia at the High-Level International Conference for the Peaceful Settlement of Palestine and the Implementation of the Two-State Solution. New York, 23 September 2025 // Cabinet Secretariat of the Republic of Indonesia. URL: https://setkab.go.id/en/remarks-of-the-president-of-the-republic-of-indonesia-at-the-high-level-international-conference-for-the-peaceful-settlement-of-palestine-and-the-implementation-of-the-two-state-solution-at-the-unite/ (дата обращения: 01.09.2026).

27. Катар проведет экстренный арабо-исламский саммит для обсуждения недавней израильской атаки // Синьхуа. 14.09.2025. URL: https://russian.news.cn/20250914/24c48173d2a04c5a9467e9f55251c61c/c.html (дата обращения: 01.09.2026).

28. Saudi Arabia's New Approach to Israel and the Normalization Process // INSS Insight No. 2103. Tel Aviv: Institute for National Security Studies, 23 February 2026. URL: https://www.inss.org.il/publication/saudi-israel-2026/ (дата обращения: 01.09.2026).

29. Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (OCHA). Humanitarian Situation Update #329: Gaza Strip. 9 October 2025. URL: https://www.ochaopt.org/content/humanitarian-situation-update-329-gaza-strip (дата обращения: 01.09.2026).

30. Pressure on UNRWA mounts as Arab countries slash donations // The New Arab. 8 September 2025. URL: https://www.newarab.com/news/pressure-unrwa-mounts-arab-countries-slash-donations (дата обращения: 01.09.2026).

31. Cairo Statement and Arab Plan Adopted at the League of Arab States Summit for Early Recovery, Reconstruction and Development in Gaza (Каир, 4 марта 2025 г.) // UN Doc. A/79/820–S/2025/151. 11 March 2025 // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/cairo-statement-and-arab-plan-adopted-at-the-league-of-arab-states-summit-for-early-recovery-reconstruction-and-development-in-gaza-letter-from-bahrain-a-79-820-s-2025-151/ (дата обращения: 01.09.2026).

32. International Criminal Court. Situation in the State of Palestine: ICC Pre-Trial Chamber I Rejects the State of Israel's Challenges to Jurisdiction and Issues Warrants of Arrest for Benjamin Netanyahu and Yoav Gallant. Press Release, 21 November 2024.

The palestinian-israeli conflict on the agenda of islamic states

Khanani A.F.
Pyatigorsk State University

The article examines the place of the Palestinian-Israeli conflict on the foreign policy agenda of Islamic states and the Organisation of Islamic Cooperation (OIC). It traces the institutionalization of the Palestinian question within OIC structures, analyses the activism of Islamic states at the United Nations in 2023–2025, and explores the differentiation of their positions after 7 October 2023. Particular attention is paid to the humanitarian and financial dimension of the agenda: support for UNRWA, the Arab plan for the reconstruction of the Gaza Strip, and the campaign for the recognition of the State of Palestine. The conclusion summarizes the opportunities and limits of Islamic states' influence on the settlement of the conflict.

Keywords: Palestinian-Israeli conflict, Organisation of Islamic Cooperation, United Nations, Gaza Strip, Al-Quds, UNRWA, recognition of Palestine, two-state solution.

References

1. Charter of the Organisation of Islamic Cooperation. Jeddah: OIC. URL: https://www.refworld.org/sites/default/files/2025-06/oic_charter-new-en.pdf (accessed: 01.09.2026).
2. United Nations General Assembly Resolution 181 (II) “Future Government of Palestine.” 29 November 1947. UN Doc. A/RES/181(II).
3. United Nations Security Council Resolution 242. 22 November 1967. UN Doc. S/RES/242 (1967).
4. An Introduction to the Organization of Islamic Cooperation // GlobaLex. NYU School of Law. URL: https://www.nyulawglobal.org/globalex/oic.html (accessed: 01.09.2026).
5. Organization of Islamic Cooperation. Final Communiqué of the Third Extraordinary Session of the Islamic Summit Conference “Meeting the Challenges of the 21st Century, Solidarity in Action.” Makkah, 7–8 December 2005 // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-198798/ (accessed: 01.09.2026).
6. Bayt Mal Al-Quds Asharif Agency — the executive arm of the Al-Quds Committee of the Organisation of Islamic Cooperation. Official website. URL: https://www.bmaq.org/en/ (accessed: 01.09.2026).
7. Organization of Islamic Cooperation. Resolution No. 1/15-(PAL(IS)) on the Issue of Palestine and Al-Quds Ash-Sharif; The Banjul Declaration; Final Communiqué of the 15th Islamic Summit Conference (Banjul, 4–5 May 2024) // UN Doc. A/78/879–S/2024/382. URL: https://www.un.org/unispal/document/mauritania-oic-letter-10may24/ (accessed: 01.09.2026).
8. Organization of Islamic Cooperation. Resolution Adopted by the Extraordinary Session of the OIC Council of Foreign Ministers on the Continuing Israeli Aggression Against the Palestinian People. Jeddah, 5 March 2024. URL: https://www.oic-oci.org/en/news/4340 (accessed: 01.09.2026).
9. Resolution of the 20th Extraordinary Session of the OIC Council of Foreign Ministers on the Continuing Israeli Aggression Against the Palestinian People. Jeddah, 7 March 2025 // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/oic-resolution-addressing-the-ongoing-israeli-aggression-against-the-palestinian-people-and-the-attempts-to-displace-them-from-their-land-non-un-document/ (accessed: 01.09.2026; in Arabic).
10. UN Security Council. Resolution 2728 (2024) of 25 March 2024; Gaza: Security Council passes resolution demanding “an immediate ceasefire” during Ramadan // UN News. 25 March 2024. URL: https://news.un.org/en/story/2024/03/1147931 (accessed: 01.09.2026).
11. UN General Assembly. Resolution ES-10/23 “Admission of new members to the United Nations” of 10 May 2024 (A/ES-10/L.30/Rev.1) // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/general-assembly-overwhelmingly-backs-membership-of-palestine-10may24/ (accessed: 01.09.2026).
12. International Court of Justice. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. Advisory Opinion of 19 July 2024 // International Legal Materials. Cambridge University Press. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/international-legal-materials/article/legal-consequences-arising-from-the-policies-and-practices-of-isr-in-the-occupied-palestinian-territory-including-east-jerusalem-advisory-opinion-icj/CA95E86EF0579C55D63B50D3B13D7EA0 (accessed: 01.09.2026).
13. International Court of Justice. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in the Gaza Strip (South Africa v. Israel). Application instituting proceedings, 29 December 2023. URL: https://www.icj-cij.org/case/192 (accessed: 01.09.2026).
14. The New York Declaration. High-level International Conference for the Peaceful Settlement of the Question of Palestine and the Implementation of the Two-State Solution. New York, 28–30 July 2025 // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/high-level-conference-two-state-solution-july2025/ (accessed: 01.09.2026).
15. General Assembly Endorses New York Declaration, Charting Path to Palestinian Statehood (GA/12707). 12 September 2025 // UNISPAL. URL: https://www.un.org/unispal/document/ga-meeting-coverage-12sep25/ (accessed: 01.09.2026).
16. Security Council Report. The Middle East, including the Palestinian Question // Monthly Forecast. October 2025. URL: https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2025-10/the-middle-east-including-the-palestinian-question-22.php (accessed: 01.09.2026).
17. Ministry of Foreign Affairs of Saudi Arabia. Statement on the Kingdom’s position regarding the Palestinian question. Riyadh, 7 February 2024 // Saudi Press Agency. URL: https://www.spa.gov.sa/w2042969 (accessed: 01.09.2026; in Arabic).

Эпистемический суверенитет как стратегия обоснования низкоуглеродного развития: российский подход к производству климатических знаний

Шальнев Андрей Николаевич
аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, Высшая школа социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, and.shalnev@gmail.com

Статья посвящена анализу стратегий обоснования развития низкоуглеродных источников энергии в Российской Федерации через призму конструирования эпистемического суверенитета — способности государства самостоятельно производить, верифицировать и интерпретировать климатические знания. На основе анализа официальных документов, институциональных решений и экспертных дискуссий 2022–2026 годов автор выделяет три взаимосвязанных направления формирования эпистемического суверенитета: (1) создание Единой национальной системы мониторинга климатически активных веществ, обеспечивающей независимые данные о выбросах и поглощениях; (2) разработку национальных методик оценки углеродного баланса, позволившую существенно уточнить (сократить) оценки нетто-выбросов России; (3) формирование институциональной инфраструктуры для международного признания российских климатических данных в рамках БРИКС и ШОС. Показано, что стратегия эпистемического суверенитета позволяет России переопределить климатическую повестку в категориях научной обоснованности и национальных интересов, однако порождает противоречие между стремлением к автономии знания и необходимостью его международной валидации.

Ключевые слова: низкоуглеродная энергетика, эпистемический суверенитет, климатическая политика России, система климатического мониторинга, производство знаний, углеродный баланс, методология оценки выбросов, международное признание.

Введение

Вопрос о том, кто и на каком основании производит знания о климатических изменениях, приобретает в современной политике фундаментальное значение. Данные о выбросах парниковых газов, методики их расчёта, модели климатических прогнозов — всё это не нейтральные научные конструкции, а инструменты, определяющие распределение ответственности, издержек и возможностей между странами в рамках глобального климатического режима.

Для России, экономика которой исторически ориентирована на экспорт углеводородов, проблема производства и интерпретации климатических знаний имеет особую остроту. Традиционная зависимость от западных климатических моделей и методик оценки выбросов создавала ситуацию эпистемической асимметрии: данные, на основе которых принимались решения о климатической политике, производились за пределами страны и могли не учитывать её специфику. Как отмечает академик РАН С.К. Гулёв, до недавнего времени Россия использовала преимущественно зарубежные климатические модели, что ограничивало возможности для выработки самостоятельной политики.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, 2022–2026 годы стали периодом интенсивного институционального строительства в сфере производства климатических знаний: создана Единая национальная система мониторинга климатически активных веществ, развёрнута сеть пунктов наблюдения, разработаны собственные климатические модели [4, 6]. Во-вторых, геополитическая конфронтация с Западом актуализировала задачу достижения «климатического суверенитета» — способности самостоятельно оценивать климатические риски и обосновывать политические решения. В-третьих, уточнение методологии расчёта углеродного баланса привело к существенному пересмотру оценок российских нетто-выбросов, что имеет принципиальное значение для международных переговоров и внутреннего планирования [7].

Работа предполагает применение концепции эпистемического суверенитета к анализу российской климатической политики. В отличие от преобладающих исследований, фокусирующихся на экономических или институциональных аспектах, в статье рассматривается производство климатических знаний как самостоятельную стратегию политического обоснования низкоуглеродного развития.

Цель статьи — выявить и проанализировать стратегии формирования эпистемического суверенитета России в климатической сфере, определить их логику, инструментарий и внутренние противоречия.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепции эпистемического суверенитета (С. Джасинтофф), политики знания (П. Хаас) и социальных исследований науки и технологий (Б. Латур). Эмпирическую базу образуют официальные документы, нормативно-правовые акты, научные публикации, экспертные оценки и аналитические материалы 2022–2026 годов.

Понятие эпистемического суверенитета (epistemic sovereignty) входит в научный оборот относительно недавно и фиксирует способность государства или иного политического субъекта самостоятельно производить, валидировать и интерпретировать знания, значимые для принятия политических решений. Как отмечает Ш. Джасинтофф, в условиях глобализации и интернационализации науки многие государства утратили контроль над производством знаний, критически важных для их развития, что создаёт ситуацию эпистемической зависимости.

Применительно к климатической политике эпистемический суверенитет означает способность страны:

самостоятельно собирать и обрабатывать данные о выбросах парниковых газов и климатических изменениях на своей территории;

разрабатывать собственные климатические модели и прогнозы, не полагаясь исключительно на зарубежные разработки;

участвовать в формировании международных стандартов измерения и верификации выбросов;

использовать произведённые знания для обоснования политических решений и международных переговоров.

Для России, как показывают исследования, задача достижения эпистемического суверенитета в климатической сфере была осознана относительно недавно и получила институциональное оформление после 2022 года [6, 7].

В традиции политической социологии знания, восходящей к работам П. Хааса, подчёркивается, что знание не просто отражает реальность, но и конструирует её в категориях, значимых для политического действия. Климатические данные — это не нейтральные цифры, а инструменты, которые могут использоваться для обоснования различных политических стратегий.

Как показывает анализ дискуссий вокруг уточнения российских оценок нетто-выбросов, изменение методологии расчёта может приводить к существенному пересмотру картины выбросов и, соответственно, к изменению политических выводов [7]. Академик РАН С.К. Гулёв в докладе на Общем собрании РАН в декабре 2025 года подчеркнул, что совокупные антропогенные нетто-выбросы России были уточнены от величины 1650 млн т CO2-экв. до 911 млн т CO2-экв., что представляет собой сокращение оценки на 46% .

Такое уточнение имеет принципиальное значение для международного позиционирования России: если ранее страна воспринималась как крупный эмитент, то новые данные позволяют говорить о существенно меньшем вкладе в глобальные выбросы и, соответственно, о меньшей ответственности за их сокращение.

Ключевое противоречие эпистемического суверенитета заключается в том, что произведённые национальными системами данные должны быть признаны международным сообществом для того, чтобы выполнять свои политические функции. Если российские данные о выбросах не будут признаны партнёрами по БРИКС или в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, то эпистемический суверенитет останется внутренним достижением, не конвертируемым в международный политический капитал.

Как отмечается в материалах Минэкономразвития, создаваемая система климатического мониторинга должна обеспечивать «получение достоверных, признаваемых международным сообществом данных об окружающей среде и климатических изменениях» [6]. Это требует не только развития национальных исследовательских мощностей, но и активного участия в международных научных сетях, гармонизации методик.

Таким образом, эпистемический суверенитет не означает автаркии в производстве знаний — напротив, он предполагает способность участвовать в глобальном производстве знания на равных, с собственной научной и методической базой.

Ключевым элементом стратегии эпистемического суверенитета России стало создание Единой национальной системы мониторинга климатически активных веществ. Инновационный проект был утверждён Правительством в 2022 году и реализуется в несколько этапов [4].

Как сообщается на официальном сайте Правительства России, создание этой системы рассматривается как одна из задач, необходимых для достижения национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика» [4]. Система должна обеспечить получение независимых климатических прогнозов и информации о причинах изменения климата. Научно обоснованные данные и экологический мониторинг станут основой для принятия управленческих решений в области ограничения выбросов парниковых газов и адаптации экономики к глобальным изменениям климата.

В январе 2026 года Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Мишустин подписал распоряжение об утверждении плана мероприятий для реализации второго этапа проекта, рассчитанного на 2026–2030 годы [4, 8, 9]. Этот этап направлен на завершение формирования научной, инфраструктурной и методической основы для новой системы, её апробацию и функционирование в полном объёме.

Как комментирует первый заместитель министра экономического развития Максим Колесников, «первый этап показал высокую значимость проекта. Ощутимый эффект мы увидели в Национальном кадастре парниковых газов при оценке выбросов и поглощений. Были созданы глобальная климатическая модель, региональная модель прогнозирования климата, сети мониторинга, инструменты оценки социально-экономических эффектов от изменения климата и декарбонизации» [6].

В рамках первого этапа проекта (2022–2025 годы) была заложена основа системы мониторинга, включающая разветвлённую сеть пунктов наблюдения [6, 9]:

более 260 пунктов наблюдения за поглощением парниковых газов;
83 пункта мониторинга опустынивания;
78 пунктов мониторинга многолетней мерзлоты;
30 пунктов адаптивного гидрологического мониторинга;
14 пунктов мониторинга Мирового океана.

Эта инфраструктура позволяет вести систематические наблюдения за ключевыми параметрами, определяющими углеродный баланс страны. Особое значение имеет мониторинг многолетней мерзлоты, поскольку таяние мерзлоты может приводить к высвобождению значительных объёмов парниковых газов и, соответственно, к изменению оценок нетто-выбросов.

Как отмечается в материалах Вестника ОНЗ РАН, над созданием системы работают ведущие академические институты, университеты и отраслевые НИИ, что обеспечивает высокий научный уровень разработок [7].

Важным институциональным нововведением стало создание в конце 2025 года в структуре Минэкономразвития специального управления по международному сотрудничеству в области изменения климата [6]. Как поясняется в комментариях министерства, это управление будет в том числе использовать данные системы для формирования позиции России на международной арене.

Такое институциональное решение отражает понимание того, что производство климатических знаний неразрывно связано с их политическим использованием. Данные, полученные национальной системой мониторинга, должны не просто существовать, но и активно применяться для обоснования российской позиции в международных переговорах, при подготовке национальных докладов, в дискуссиях о справедливом распределении бремени сокращения выбросов.

Кроме того, в рамках системы мониторинга предусмотрена работа нескольких научных консорциумов, задача которых — развитие глобальных климатических моделей, мониторинг ключевых районов Мирового океана и морей России, создание систем наземного и дистанционного учёта углеродных пулов, а также разработка сценариев оценки социально-экономических эффектов климатической политики [9].

Наиболее значимым результатом первого этапа создания системы климатического мониторинга стало существенное уточнение оценок нетто-выбросов парниковых газов в России. Как сообщил академик РАН С.К. Гулёв в докладе на Общем собрании членов РАН 9 декабря 2025 года, совокупные антропогенные нетто-выбросы России были пересмотрены с 1650 млн т CO2-экв. до 911 млн т CO2-экв. [7].

Среднее сокращение оценки нетто-выбросов за 2010–2021 годы составило 0,7 млрд т CO2-экв. (46%). Такое существенное изменение связано не с реальным сокращением выбросов, а с уточнением методологии расчёта и, в особенности, с более точным учётом поглотительной способности российских экосистем.

Как поясняется в материалах Вестника ОНЗ РАН, эти исследования позволяют разработать и совершенствовать отечественную инфраструктуру и технологии моделирования и мониторинга, что даёт возможность получить достоверные, глобально признаваемые данные об окружающей среде и климатических изменениях [7].

Ключевую роль в уточнении оценок сыграл более точный учёт поглотительной способности российских лесов и других экосистем. Россия обладает крупнейшими в мире лесными массивами, которые выполняют функцию естественного поглотителя углерода. Однако до недавнего времени оценки этого поглощения основывались на устаревших методиках и неполных данных.

Развёртывание сети мониторинга позволило получить более точные данные о фактическом поглощении углерода лесными экосистемами в различных регионах страны. Как отмечается в докладе члена-корреспондента РАН А.А. Романовской, уточнение оценок поглощения стало возможным благодаря созданию системы наземного и дистанционного учёта углеродных пулов.

Важно подчеркнуть, что эти уточнения имеют не только научное, но и политическое значение. Чем выше официально признанная поглотительная способность российских экосистем, тем ниже нетто-выбросы и, соответственно, тем меньшие обязательства по их сокращению могут быть наложены на Россию в рамках международных соглашений.

Как сообщил Максим Колесников, при подготовке заявления России по сокращению выбросов парниковых газов (ОНУВ), включающего целевой показатель выбросов на 2035 год, уже были использованы инструменты системы мониторинга [6]. Это означает, что новые данные

стали основой для формирования официальной позиции страны на международных переговорах.

Обновлённый национальный определённый вклад, представленный на COP30 в Бразилии в 2025 году, предусматривает сокращение выбросов к 2035 году до 65–67% от уровня 1990 года. Этот показатель, основанный на уточнённых данных о текущих выбросах и поглощениях, является более амбициозным, чем предыдущие обязательства, хотя и остаётся предметом дискуссий относительно методологии расчёта.

Принципиально важно, что теперь этот показатель обосновывается ссылками на собственные научные данные, а не на заимствованные оценки. Это существенно укрепляет позиции России в международных дискуссиях и позволяет аргументированно отстаивать свою точку зрения.

Параллельно с развитием системы климатического мониторинга Россия формирует институциональную инфраструктуру адаптации к климатическим изменениям. В конце 2025 года Минэкономразвития подготовило проект национального плана адаптации на период с 2026 по 2030 годы — третьего этапа адаптационного планирования [3].

Как сообщает издание EcoStandard.journal со ссылкой на первого заместителя министра экономического развития Максима Колесникова, адаптация к климатическим изменениям является ключевым направлением климатической политики России [3]. Министерство экономического развития разработало многоуровневую систему адаптационного планирования, включающую национальные, отраслевые и региональные программы, которые уже внедрили 81 регион.

В процессе подготовки плана третьего этапа были учтены предложения 35 регионов, 8 федеральных органов исполнительной власти и более 20 компаний из различных отраслей и научных организаций. Это свидетельствует о том, что адаптационное планирование становится действительно межведомственной и межуровневой задачей.

Первый заместитель генерального директора Центра стратегических разработок Татьяна Радченко отметила, что бизнес неоднократно указывал на необходимость стратегического планирования адаптации к климатическим изменениям [3]. План отражает глобальную цель по адаптации, утверждённую на климатической конференции COP30 в Бразилии в 2025 году. Эта цель включает 7 тематических направлений, которые могут быть интегрированы с отраслевыми планами адаптации в России.

Акцент на отраслевую адаптацию, по словам Радченко, обусловлен необходимостью улучшения координации усилий по конкретным направлениям. При этом региональная адаптация также будет развиваться через актуализацию региональных планов.

На XXIV Международном форуме «Экология большого города» в Санкт-Петербурге заместитель директора департамента конкуренции, энергоэффективности и экологии Минэкономразвития Анна Кузнецова подчеркнула важность сбора информации о вероятном ущербе для климатически уязвимых объектов в регионах России, чтобы сформировать целостную экологическую картину по стране [1]. По завершении этого этапа будут внедрены новые механизмы экономического стимулирования, направленные на снижение существующих климатических рисков.

Важной особенностью российской адаптационной стратегии является акцент на двойственной природе климатических изменений — они несут как риски, так и возможности. Официальный план адаптации, опубликованный на сайте правительства, признаёт, что «последствия изменения климата оказывают заметное и растущее влияние на социально-экономическое развитие, жизнь людей», и ставит задачу «снизить потери и использовать преимущества» [2].

Среди возможных позитивных эффектов называются снижение потребления энергии в холодных регионах, расширение сельскохозяйственных зон и улучшение возможностей для навигации в Северном Ледовитом океане; среди негативных последствий — риски для здоровья населения, угрозы для инфраструктуры в зоне вечной мерзлоты, распространение инфекций, нестабильность погодных условий [2].

План предусматривает как превентивные меры (строительство дамб, переход к более засухоустойчивым культурам), так и подготовку к кризисным ситуациям (экстренная вакцинация, эвакуация в случае катастроф). В числе 30 запланированных мер — оценка рисков снижения конкурентоспособности российской продукции в связи с новыми климатическими стандартами, а также подготовка новых учебных материалов для преподавания темы изменения климата в школах [2].

Ключевой вызов для стратегии эпистемического суверенитета России заключается в необходимости международного признания производимых данных. Как отмечается в материалах Минэкономразвития, создаваемая система должна обеспечивать «получение достоверных, международно признаваемых данных» [6]. В условиях геополитической конфронтации с Западом задача международного признания усложняется, но не становится неразрешимой. Россия делает ставку на признание своих данных партнёрами по БРИКС и ШОС, а также в рамках научного взаимодействия с нейтральными странами.

Важным направлением международной стратегии становится формирование альтернативных эпистемических сообществ в рамках БРИКС. На первом климатическом форуме БРИКС в Москве (август 2024 года) была продемонстрирована возможность интеграции российских данных в общую систему климатического взаимодействия объединения.

Инициированная Россией Платформа климатических исследований БРИКС призвана стать инструментом координации научных исследований и гармонизации методик оценки выбросов и поглощений. В перспективе это может привести к формированию общего «пула данных» БРИКС, признаваемого всеми участниками объединения.

Как отмечает эксперт Игорь Юшков, «мы должны создать некую коалицию стран, которые сами будут предлагать некую климатическую и экологическую повестку, а не играть по правилам европейцев». В сфере производства климатического знания эта задача означает создание альтернативных стандартов и методик, которые могли бы конкурировать с западными.

Создание специального управления по международному сотрудничеству в области изменения климата в структуре Минэкономразвития свидетельствует о том, что данные национальной системы мониторинга будут активно использоваться для формирования позиции России на международной арене [6].

Уточнённые оценки нетто-выбросов (911 млн т CO2-экв. вместо 1650 млн т) дают России весомый аргумент в дискуссиях о распределении бремени сокращения выбросов. Если страна производит существенно меньше выбросов, чем считалось ранее, то и требования к ней должны быть смягчены.

Кроме того, собственные данные о поглотительной способности экосистем позволяют России настаивать на более полном учёте этого фактора в международных соглашениях. Как неоднократно заявляли официальные лица, российские леса вносят значительный вклад в глобальную климатическую стабильность, и этот вклад должен быть признан международным сообществом.

Наиболее фундаментальное противоречие стратегии эпистемического суверенитета заключается в конфликте между стремлением к автономии производства знания и необходимостью его международного признания. Россия может создать самую совершенную национальную систему мониторинга, но если её данные не будут признаны партнёрами по БРИКС или в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, их политическая ценность останется невысокой.

Как показывает опыт уточнения российских оценок нетто-выбросов, даже значительное изменение цифр не гарантирует автоматического признания со стороны международного сообщества. Необходимы длительные процедуры верификации, соотнесения с данными других стран, участие в международных научных программах.

Второе противоречие связано с соотношением научной объективности и политической целесообразности. Уточнение оценок нетто-выбросов в сторону существенного сокращения (на 46%) объективно выгодно России в международных переговорах, что создаёт соблазн политически мотивированных корректировок методик.

Однако, как подчёркивают участники проекта, речь идёт именно о научном уточнении на основе более полных и точных данных, а не о политическом манипулировании. Академик РАН С.К. Гулёв и его коллеги настаивают на том, что новые оценки отражают реальную картину, полученную в результате развёртывания сети мониторинга и совершенствования методик [7].

Тем не менее, в условиях, когда научные данные становятся инструментом политической аргументации, грань между объективностью и целесообразностью может размываться.

Третья группа ограничений связана с институциональными факторами. Создание системы климатического мониторинга требует не только разовых вложений, но и устойчивого финансирования, подготовки кадров, поддержания инфраструктуры в рабочем состоянии. В условиях экономической нестабильности и приоритизации других задач (включая военные) существует риск недофинансирования или сворачивания программ.

Кроме того, эффективность системы зависит от координации между множеством участников — академическими институтами, университетами, отраслевыми НИИ, региональными властями. Обеспечение такой координации в российской институциональной среде всегда было сложной задачей.

Исходя из анализа текущего состояния и выявленных противоречий, можно выделить несколько сценариев развития эпистемической стратегии России в климатической сфере.

Сценарий эпистемической автаркии подразумевает дальнейшее развитие национальной системы мониторинга при относительном безразличии к международному признанию. Россия будет производить собственные данные и использовать их для внутреннего планирования, но не сможет конвертировать их в международный политический капитал. Этот сценарий чреват изоляцией и маргинализацией в глобальных климатических дискуссиях.

Эпистемическая интеграция, второй сценарий, предполагает активные усилия по гармонизации российских методик с международными стандартами и признанию данных партнёрами по БРИКС и ШОС. Этот сценарий требует значительных инвестиций в международное научное сотрудничество, участие в совместных проектах, развитие двусторонних и многосторонних научных программ.

Наконец, согласно сценарию эпистемического лидерства, России удастся не только создать собственную систему мониторинга, но и предложить её в качестве образца для других стран, стать центром формирования альтернативного эпистемического сообщества. Этот сценарий наиболее амбициозен и соответствует официальной риторике о многополярном мире, но требует исключительных научных и институциональных усилий.

Реализация того или иного сценария будет определяться несколькими ключевыми факторами:

Финансирование — устойчивость бюджетной поддержки системы мониторинга в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Кадровый потенциал — способность привлекать и удерживать высококвалифицированных исследователей, обеспечивать преемственность научных школ.

Международное сотрудничество — готовность к участию в международных научных программах, несмотря на геополитическую напряжённость.

Институциональная координация — эффективность взаимодействия между множеством участников системы.

Политическая воля — приоритетность климатической повестки в условиях конкуренции с другими задачами.

Анализ стратегии эпистемического суверенитета позволяет лучше понять специфику российской климатической политики в целом. В отличие от упрощённых интерпретаций, сводящих её к «имитационному лидерству» или «климатическому нигилизму», предложенный подход показывает, что Россия осуществляет системную работу по созданию собственной инфраструктуры производства климатического знания.

Эта работа имеет долгосрочный характер и может принести результаты, выходящие за рамки текущей политической конъюнктуры. Даже если в ближайшие годы климатическая повестка останется периферийной по сравнению с военно-мобилизационными задачами, создаваемая инфраструктура мониторинга и методологическая база сохранятся и могут быть использованы в будущем.

Как отмечает В. Лацис, «российская климатическая политика служит искажённым зеркалом, отражающим и усиливающим дисфункциональные черты глобального подхода к климатическому кризису». В сфере производства знания это означает, что Россия воспроизводит те же противоречия между научной объективностью и политической целесообразностью, которые характерны для глобальной климатической политики в целом.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов относительно стратегии эпистемического суверенитета как способа обоснования низкоуглеродного развития в современной российской политике.

Во-первых, создание Единой национальной системы мониторинга климатически активных веществ представляет собой масштабный институциональный проект, направленный на обеспечение России собственными данными о выбросах парниковых газов и климатических изменениях. Развёрнутая сеть пунктов наблюдения (более 260 объектов) и участие ведущих научных организаций создают основу для производства независимого климатического знания.

Во-вторых, уточнение методологии расчёта углеродного баланса привело к существенному пересмотру оценок российских нетто-выбросов — с 1650 млн т до 911 млн т CO2-экв. (сокращение на 46%). Это изменение имеет принципиальное значение для международного позиционирования России, позволяя аргументированно отстаивать меньший уровень ответственности за глобальные выбросы.

В-третьих, развитие адаптационного планирования (третья фаза национального плана адаптации на 2026–2030 годы) опирается на данные системы мониторинга и обеспечивает учёт климатических рисков в отраслевом и региональном разрезе. Двойственная интерпретация климатических изменений — как источника угроз и возможностей — позволяет легитимировать адаптационную повестку в категориях национальных интересов.

В-четвёртых, ключевым вызовом для стратегии эпистемического суверенитета остаётся необходимость международного признания производимых данных. Россия делает ставку на признание своих данных партнёрами по БРИКС и ШОС, а также на формирование альтернативных эпистемических сообществ в рамках этих объединений.

В-пятых, анализ выявляет внутренние противоречия эпистемической стратегии — между автономией производства знания и необходимостью его международной валидации, между научной объективностью и политической целесообразностью. Разрешение этих противоречий будет определять траекторию развития российской климатической политики в среднесрочной перспективе.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ эпистемических стратегий стран БРИКС, на изучение механизмов международного признания национальных климатических данных, а также на анализ того, как производство знания влияет на формирование климатической политики на национальном и глобальном уровнях.

Литература

1. Правительство России представит трехлетний план по адаптации к изменениям климата // russia24.pro. — 2026. — 15 февраля. — URL: https://ecology.russia24.pro/spb/399690852/

2. Moscow unveils plan to adapt economy to climate change // News of Bahrain. — 2026. — 15 February. — URL: https://www.newsofbahrain.com/business/60288.html

3. Минэкономразвития России подготовило первый пятилетний план по адаптации к климатическим изменениям // EcoStandard.journal. — 2025. — 22 декабря. — URL: https://journal.ecostandard.ru/news/minekonomrazvitiya-rossii-podgotovilo-pervyy-pyatiletniy-plan-po-adaptatsii-k-klimaticheskim-izmenen/

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 января 2026 года №9-р // Официальный сайт Правительства России. — 2026. — 14 января. — URL: http://government.ru/news/57536/

5. Минэкономразвития России разработало проект национального плана мероприятий третьего этапа адаптации к изменениям климата на период с 2026 г. по 2030 гг. // Global-climate-change.ru. — 2026. — 28 января. — URL: http://global-climate-change.ru/index.php/en/interviewandspeech/108-of-news-cat/13529-proekt-plana

6. Минэкономразвития: комментарии плана реализации второго этапа создания Российской системы климатического мониторинга // РИТМ углерода. — 2026. — 15 января. — URL: https://ritm-c.ru/news/minekonomrazvitiya-kommentarii-plana-realizaczii-vtorogo-etapa-sozdaniya-rossijskoj-sistemy-klimaticheskogo-monitoringa/

7. Правительство утвердило план мероприятий для реализации инновационного проекта по созданию национальной системы мониторинга климатически активных веществ в 2026–2030 годах // Вестник ОНЗ РАН. — 2026. — 15 января. — URL: https://onznews.wdcb.ru/jan26/pravitelstvo-utverdilo-plan-meropriyatij-dlya-realizatsii-innovatsionnogo-proekta-po-sozdaniyu-natsionalnoj-sistemy-monitoringa-klimaticheski-aktivnykh-veshchestv-v-2026-2030-godakh.html

8. Кабмин утвердил план развития климатической системы до 2030 года // Телеканал Санкт-Петербург. — 2026. — 15 января. — URL: https://tvspb.ru/news/2026/01/15/kabmin-utverdil-plan-razvitiya-klimaticheskoj-sistemy-do-2030-goda

9. Утвержден второй этап создания национальной системы климатического мониторинга // Ведомости. — 2026. — 15 января. — URL: https://www.vedomosti.ru/esg/climate/news/2026/01/15/1169615-utverzhden-vtoroi-etap-sozdaniya-natsionalnoi-sistemi-klimaticheskogo-monitoringa

10. Skak, M. Putin‘s Strategic Culture, Climate Crisis, and Power Transition: From Permafrost to 'Permawar' / M. Skak. — London: Routledge, 2026. — 208 p.

11. Tynkkynen, V. Russia's Non-Western Climate Coalition: Genuine Consensus or Just Hot Air? / V. Tynkkynen, M. Poberezhskaya, S. Tabaa. — Oslo: Fridtjof Nansen Institute, Climate Strategies Report, 2025. — 56 p.

12. Korppoo, A. Russian Climate Strategy: Imitating Leadership / A. Korppoo. — Oslo: Fridtjof Nansen Institute, Climate Strategies Report, 2023. — 48 p.

13. Jasanoff, S. The Ethics of Invention: Technology and the Human Future / S. Jasanoff. — New York: W.W. Norton & Company, 2016. — 320 p.

14. Haas, P. M. Epistemic Communities, Constructivism, and International Environmental Politics / P. M. Haas // Routledge Handbook of Global Environmental Politics. — London: Routledge, 2022. — P. 45–58.

15. Latour, B. Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime / B. Latour. — Cambridge: Polity Press, 2018. — 128 p.

16. Lacis, V. Russia‘s Climate Nihilism Is No Outlier / V. Lacis // Rosa-Luxemburg-Stiftung. — 2026. — 19 January. — URL: https://www.rosalux.de/en/news/id/54279/russias-climate-nihilism-is-no-outlier

17. Porfiriev, B. N. Decarbonization vs. Adaptation of the Economy to Climate Change within the Sustainable Development Strategy / B. N. Porfiriev // Studies on Russian Economic Development. — 2022. — Vol. 33. — P. 385–391.

18. Bashmakov, I. Russia's Movement towards Carbon Neutrality: Forks in the Roadmaps / I. Bashmakov, V. Papushkin, M. Dobrokhotova, T. Guseva // Материалы семинара ИМЭМО РАН. — 2026. — 17 января.

19. Heal, G. Economic Aspects of the Energy Transition / G. Heal // Environmental and Resource Economics. — 2022. — Vol. 83. — P. 5–21.

Epistemic sovereignty as a strategy for justifying low-carbon development: Russian approach to the generation of climate knowledge

Shalnev A.N.

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

The article is devoted to the analysis of strategies for substantiating the development of low—carbon energy sources in the Russian Federation through the prism of constructing epistemic sovereignty - the ability of the state to independently produce, verify and interpret climate knowledge. Based on the analysis of official documents, institutional decisions, and expert discussions in 2022-2026, the author identifies three interrelated areas of epistemic sovereignty formation: (1) the creation of a unified national monitoring system for climate-active substances that provides independent data on emissions and removals; (2) the development of national carbon balance assessment methodologies, which significantly clarified (reduced) net-estimated emissions from Russia; (3) the formation of an institutional infrastructure for the international recognition of Russian climate data within the framework of BRICS and SCO. It is shown that the strategy of epistemic sovereignty allows Russia to redefine the climate agenda in terms of scientific validity and national interests, but creates a contradiction between the desire for autonomy of knowledge and the need for its international validation.

Keywords: low-carbon energy, epistemic sovereignty, Russian climate policy, climate monitoring system, knowledge production, carbon balance, emission assessment methodology, international recognition.

References

1. Russian Government to Present Three-Year Climate Change Adaptation Plan // russia24.pro. — 2026. — February 15. — URL: https://ecology.russia24.pro/spb/399690852/
2. Moscow unveils plan to adapt economy to climate change // News of Bahrain. — 2026. — February 15. — URL: https://www.newsofbahrain.com/business/60288.html
3. Russia’s Ministry of Economic Development Prepares First Five-Year Climate Change Adaptation Plan // EcoStandard.journal. — 2025. — December 22. — URL: https://journal.ecostandard.ru/news/minekonomrazvitiya-rossii-podgotovilo-pervyy-pyatiletniy-plan-po-adaptatsii-k-klimaticheskim-izmenen/
4. Order of the Government of the Russian Federation No. 9-r dated January 14, 2026 // Official Website of the Russian Government. — 2026. — January 14. — URL: http://government.ru/news/57536/
5. Russia’s Ministry of Economic Development Develops Draft National Action Plan for the Third Stage of Climate Change Adaptation (2026–2030) // Global-climate-change.ru. — 2026. — January 28. — URL: http://global-climate-change.ru/index.php/en/interviewandspeech/108-of-news-cat/13529-proekt-plana
6. Ministry of Economic Development: Comments on the Implementation Plan for the Second Stage of Establishing the Russian Climate Monitoring System // RITM ugleroda. — 2026. — January 15. — URL: https://ritm-c.ru/news/minekonomrazvitiya-kommentarii-plana-realizaczii-vtorogo-etapa-sozdaniya-rossijskoj-sistemy-klimaticheskogo-monitoringa/
7. Government approves action plan for implementing the innovative project to create a national monitoring system for climate-active substances in 2026–2030 // Bulletin of the Earth Sciences Division of the Russian Academy of Sciences (Vestnik ONZ RAN). — 2026. — January 15. — URL: https://onznews.wdcb.ru/jan26/pravitelstvo-utverdilo-plan-meropriyatij-dlya-realizatsii-innovatsionnogo-proekta-po-sozdaniyu-natsionalnoj-sistemy-monitoringa-klimaticheski-aktivnykh-veshchestv-v-2026-2030-godakh.html
8. Cabinet approves development plan for climate monitoring system through 2030 // Saint Petersburg TV Channel. — 2026. — January 15. — URL: https://tvspb.ru/news/2026/01/15/kabmin-utverdil-plan-razvitiya-klimaticheskoj-sistemy-do-2030-goda
9. Second stage of creating national climate monitoring system approved // Vedomosti. — 2026. — January 15. — URL: https://www.vedomosti.ru/esg/climate/news/2026/01/15/1169615-utverzhden-vtoroi-etap-sozdaniya-natsionalnoi-sistemi-klimaticheskogo-monitoringa
10. Skak, M. Putin’s Strategic Culture, Climate Crisis, and Power Transition: From Permafrost to 'Permawar' / M. Skak. - London: Routledge, 2026. - 208 p.
11. Tynkkynen, V. Russia's Non-Western Climate Coalition: Genuine Consensus or Just Hot Air? / V. Tynkkynen, M. Poberezhskaya, S. Tabaa. — Oslo: Fridtjof Nansen Institute, Climate Strategies Report, 2025. — 56 p.
12. Korppoo, A. Russian Climate Strategy: Imitating Leadership / A. Korppoo. — Oslo: Fridtjof Nansen Institute, Climate Strategies Report, 2023. — 48 p.
13. Jasanoff, S. The Ethics of Invention: Technology and the Human Future / S. Jasanoff. — New York: W.W. Norton & Company, 2016. - 320 p.
14. Haas, P. M. Epistemic Communities, Constructivism, and International Environmental Politics / P. M. Haas // Routledge Handbook of Global Environmental Politics. - London: Routledge, 2022. - P. 45–58.
15. Latour, B. Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime / B. Latour. — Cambridge: Polity Press, 2018. — 128 p.
16. Lacis, V. Russia’s Climate Nihilism Is No Outlier / V. Lacis // Rosa-Luxemburg-Stiftung. — 2026. — 19 January. — URL: https://www.rosalux.de/en/news/id/54279/russias-climate-nihilism-is-no-outlier
17. Porfiriev, B. N. Decarbonization vs. Adaptation of the Economy to Climate Change within the Sustainable Development Strategy / B. N. Porfiriev // Studies on Russian Economic Development. — 2022. — Vol. 33. - P. 385–391.
18. Bashmakov, I. Russia's Movement towards Carbon Neutrality: Forks in the Roadmaps / I. Bashmakov, V. Papushkin, M. Dobrokhotova, T. Guseva // Materials of the seminar of IMEMO RAS. — 2026. — January 17.
19. Heal, G. Economic Aspects of the Energy Transition / G. Heal // Environmental and Resource Economics. — 2022. — Vol. 83. - P. 5–21.

История становления и развития государственного регулирования ценообразования в России

Машкин Николай Афанасьевич
доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, РЭУ имени Г. В. Плеханова, Mashkin.N.A@mail.ru,

Щербаков Виктор Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Scherbakov.va@rea.ru

Статья посвящена истории становления и развития государственного регулирования ценообразования в дореволюционном периоде и периоде построения социалистического общества. Авторы отмечают, что в дореволюционном периоде в России регулирование цен не было системным. Доминировал принцип свободного рыночного ценообразования, но государство оставляло за собой право точечно вмешиваться в сложившуюся негативную ситуацию. Много уделено внимания государственному регулированию цен в период новой экономической политики (НЭП), а также во времена административно – командного управления экономикой.
Методологическую основу данного научного исследования представляют следующие методы: исторический, диалектический, статистический, формально – юридический и др.
Авторы работы приходят к выводу, что значительные перепады цен негативно сказываются на состоянии экономической системы страны и требуют постоянного государственного контроля и управления для стабильного развития общества и государства.
Ключевые слова: Государство, ценообразование, цена, государственное регулирование, новая экономическая политика, декрет, постановление, товары, услуги, кооперация, циркуляр, таксы, налоги, деньги, пуд, русская система мер.

Историю становления и развития государственного регулирования ценообразования в России условно можно разделить на три периода: дореволюционный (до 1917 г.); советский (с 1917 г. по 1990 г.); современный (с 1990 г. по настоящее время).

Дореволюционный период

История ценообразования берёт свое начало с того момента, когда люди стали прибегать к натуральному обмену – обмену одного товара на другой. В то время цена одного товара выражалась в определённом количестве другого товара.

На различных этапах истории в качестве денег выступали разные товары. В Древней Руси роль денег выполняли скот, меха. Так, в летописи «Русская Правда» о « кунах» (мех куницы) говорится о металлических деньгах сохранивших название меховых денег.

Металлическое обращение начинается с использования слитков, которые оценивались по весу. Чеканные металлические деньги появляются ещё при князе Владимире. После падения Киевского государства обращение металлических денег и чеканка их на какой-то период сокращается. Чеканка монет начинается только в XIV в. при князе Ивана III.

Одним из наиболее ранних зафиксированных опытов государственного вмешательства в ценообразование в России стал Указ царя Бориса Годунова в 1601 г. В это время в результате неурожая в стране начался голод. Появились скупщики зерна, которые захватили в свои руки обращение хлеба на рынках и путём сговора искусственно поднимали цены на хлеб. Указ Годунова запретил скупку зерна и установил предельные цены на его обязательную продажу пытаясь предотвратить спекуляцию и обеспечить население продовольствием. Указ также предусматривал наказание за спекуляцию.

Этот акт хоть и не привёл к полному решению проблемы, но заложил прецедент государственного контроля над жизненно важными товарами.

В XVII в. правительство страны разными методами и способами пыталось контролировать экономическую ситуацию в стране. Так, в 1646 г. был введён соляный налог – по две гривны с пуда соли. В результате удвоилась рыночная цена соли. Введение соляного налога вызвало в июне 1648 г. в Москве народное восстание получившее название «Соляной бунт».

В 1654 г. правительство приняло решение выпускать вместо серебряных монет медные деньги. При этом был установлен принудительный курс: одна копейка должна была приниматься за серебряную того же веса. Иными словами, курс медной монеты в 100 раз превышал её реальную стоимость. Однако несмотря на принятые меры, реальная стоимость медных денег падала, а цены на товары завышались. Так, в Новгороде в 1662 г. за серебряный рубль давали 19 медных рублей. Повышение цен, естественно, крайне отрицательно сказалось на положении широких слоёв населения. Накопившее возмущение в народе вылилось в восстание (1662 г.), получившее название «Медный бунт». Правительство вынуждено было отказаться от медных денег, и с 1667 г. стало выпускать только серебряные деньги.

В период правления Петра I Россия столкнулась с более сложными ценовыми вызовами, связанными с различными реформами. Для финансирования регулярной армии, строительства флота, модернизации страны, ведение многочисленных войн необходимо постоянно искать источники обложения.

Для этих целей эксплуатируется монополия на соль, табак, дёготь, щетина, сало и т. д. Вводятся новые сборы: гербовый, драгунский, на постройку судов, а также увеличивается таможенная пошлина на импорт до 40 %., поднимается подушный оклад. В результате общий сбор налогов увеличился с 1.8 млн. руб. до 4.8 млн. руб.

Был налажен механический выпуск медных монет. Однако снижение монетной стопы, то есть уменьшение количества драгоценного металла (в данном случае меди) в монетах при сохранении их номинальной стоимости, привело их к обесценению. Это масштабное обесценивание медных денег способствовало росту цен и развитию фальшивомонетничества, что стало одним из первых уроков о потенциально - негативных последствий государственного вмешательства в денежное обращение, и как следствие, в ценообразование.

Ввиду климатической и природной специфики в стране часто возникает продовольственная проблема, так как появляется много лиц по старости или п увечью не способных существовать без посторонней помощи. Для исправления ситуации Пётр I прибегнул к жёстким распределительным мерам. 16 февраля 1723 г. вышел Указ «Об описи, в случае голода у всяких чинов излишнего хлеба, для раздачи оного неимущим в долг». Указ предписывал в местностях, которым угрожает массовый голод, провести ревизию всех хлебных запасов, выявить хозяйства, в которых имеются излишки хлеба. Эти излишки подлежало «раздавать посторонним неимущим крестьянам, которые хлеба не имеют, на семена, и на нужное пропитание до нового хлеба» взаймы по распискам.

Кроме того, для пополнения хлебных запасов страны, резко сократившихся в неурожайном 1723 г., было решено вдвое снизить ввозные пошлины на хлеб, поставляемый из-за границы.

В 1724 г. Пётр I намеривался создать специальное государственное учреждение для сбора сведений об урожайности и ценах на продовольствие в разных районах страны. Однако эта идея не была реализована, постоянный государственный контроль за продовольственным снабжением населения не сформировался [21].

Екатерина II продолжила политику государственного контроля за состоянием продовольственной проблемы, заложенную в ряде указов Петра I. Указ от 20 августа 1762 г. «О заведении хлебных магазинов во всех городах и о запрещении купцам выписывать парчи и кружева» содержал распоряжение императрицы: «хлебные магазины завести во всех городах, дабы всегда цена хлеба в моих руках была».

Принципы частичного государственного регулирования цен на важнейшие продукты питания содержались в Указе от 3 сентября 1762 г. «О не возвышении цены в Москве на съестные и прочие жизненные припасы». В нём отмечалось, что «привозной в Москву хлеб цена перед прежним завышена». В связи с этим государственным органам предписывалось следить за деятельностью подрядчиков, торговцев городских лавок с тем, чтобы не допустить дальнейший рост цен на сено, овёс и «всякую провизию» [21].

Также при правлении Екатерины II в 1763 г. был запрещён свободный обмен медных денег на серебряные, чтобы не провоцировать развитие инфляции. В это время был учреждён Государственный банк и впервые налажен выпуск бумажных денег – ассигнаций. Введено государственное регулирование цен на соль, которая являлась одним из жизненно важных в стране товаров. Сенат законодательно установил цену на соль в размере 30 копеек за пуд (вместо 50 копеек) и 10 копеек за пуд в регионах массовой засолки рыбы.

Во второй половине XIX в. продолжается корректировка государственного регулирования ценообразования, в частности, в 1868 г. введён новый таможенный тариф, в результате чего по сравнению с 1841 г. импортные пошлины снизились более чем в 10 раз, а по некоторым импорта – даже в 20 – 40 раз. По словам М. Покровского «таможенные тарифы 1857 – 1868 гг. были самыми льготными, какими пользовалась Россия в 19 столетии.

В 1887 г. отменена подушная подать, введён квартирный налог, началось усиленное расширение и повышение косвенного обложения. Одним из главных источников государственных поступлений в то время являлись косвенные налоги (новые налоги на керосин, спички). Поднятие акциза питейного, сахарного, табачного носило почти исключительно фискальный характер [17].

В целом за период 1893 – 1902 гг. налоговое бремя выросло почти на половину. Была успешно проведена денежная реформа, в результате которой в стране произошёл переход от серебренного рубля, введённого ещё реформой 1839 – 1843 гг., к золотому в 1895 – 1897 гг.

Роль серебра в денежном обращении России сводилась к вспомогательному средству обращения. Государство присваивала себе исключительное право чеканки серебряных монет. Такое положение было зафиксировано Указом от 1898 г. «Об основании обращении серебряной монеты». На привозимое из-за границы серебро вводилась таможенная пошлина в размере 3 рубля с фунта. Это не позволяло производить подделку серебряных монет и обеспечивало дополнительный доход в казну [2].

В начале XX в. в России возрос уровень концентрации промышленности и возникли монополии, которые стали оказывать большое влияние на ценообразование. В конце первого десятилетия XX в. в стране уже не было ни одной отрасли промышленности или транспорта, в которых не действовали бы монополии, синдикаты. И повсюду они стремились овладеть рынком и установить монопольно высокие цены.

В это время государство стало регулярно вводить таксы – законодательно закреплённые максимальные цены на определённые товары и услуги. Круг был узким, но чётким: на лекарственные вещества; на печёный хлеб и мясо (решение принимало городское общественное управление, но с утверждения губернатора); на перевозку грузов по железной дороге.

При этом такса не запрещала продавцу снижать цену в пользу покупателя. Нарушением считалось только то, что шло в ущерб покупателю. Государство вводило таксы, когда «резко выступал общественный интерес». Например, чтобы не допустить чрезмерного взлёта цен на жизненно важные продукты или услуги, когда продавцы могли бы злоупотреблять положением.

Вскоре после вступления в Первую мировую войну Россия столкнулась с серьёзными продовольственными трудностями. Угроза голода большого количества населения потребовала введения государственного регулирования цен на продукты питания, а также создания государственной системы регулирования снабжения ими население и армию.

При закупке для армии государство установило твёрдые цены на хлеб. В случае отказа продавцов сдать хлеб по твёрдым ценам применялась реквизиция с понижением твёрдых цен на определённый процент.

Однако эти меры оказались недостаточными, и власти начали вводить регулирование распределения и потребления продуктов питания. Конечным результатом этого явилась карточная система: каждый гражданин имел право получить определённую норму распределяемого продукта.

В это время начинает широко применяться практика местных такс. Мотивом её развития на местах является: с одной стороны, мотив объективно – экономический – это рост дороговизны, особенно в городах; с другой стороны – административное давление сверху.

Так, циркуляром Министерства внутренних дел от 31 июля 1914 г. губернаторам было предложено «озаботиться издание в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости, и использовать всю полноту принадлежащей им власти для борьбы со спекуляцией, нередко развивающейся на почве общественных бедствий».

Установление такс затрагивает интересы потребителей, с одной стороны, и продавцов – с другой. Поэтому важно, насколько таксирующие органы отражают в силу своего состава интересы той и другой группы населения.

Таким образом, в дореволюционный период России государственное регулирование ценообразования не было системным. Доминировал принцип свободного рыночного ценообразования, но государство оставляло за собой право точечно вмешиваться, когда возникала острая общественная потребность защитить людей или ключевые отрасли.

Советский период

Советский период следует разделить на два этапа: первый этап с 1917 г. по 1940 г.; второй – с 1940 г. по 1990г.

Первый этап. Историю государственного регулирования ценообразования советского периода целесообразно начать с 1917 г. В 1917 г. произошла Февральская буржуазно – демократическая революция в результате этого было образовано Временное правительство, которое сразу столкнулось с проблемой наступления в стране голода.

После свержения Временного правительства и установления Советской власти в стране начался новый этап в истории ценообразования.

Вспыхнувшая во второй половине 1918 г. гражданская война потребовала свёртывания существовавших рыночных отношений и расширения натуральных форм распределения продуктов

В 1917 – 1918 гг. были введены твёрдые цены на монополизированные товары и начата работа по формированию государственных органов регулирования цен. Декретом ВЦИК и Совнаркома в декабре 1917 г. был учреждён Высший Совет Народного Хозяйства РСФСР (ВСНХ РСФСР) – общеэкономический руководящий орган, к компетенции которого было также установление предельных цен. Для решения вопросов ценообразования в июне 1918 г. при отделе снабжения и нормировки ВСНХ РСФСР создаётся специальный подотдел твёрдых цен, а позже Комиссия цен при ВСНХ РСФСР.

В результате их работы были определены две главные государственные задачи в сфере ценообразования: формирование единого

центра, координирующего вопросы ценообразования на всей территории страны, и создание единой методологии расчёта цен.

Для решения указанных задач 18 июля 1918 г. на заседании президиума ВСНХ РСФСР было принято решение образовать Комитет твёрдых цен при ВСНХ РСФСР.

Первым нормативным правовым актом, положившим начало государственного установления цен, был Декрет Совнаркома от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» [10 – С. 31].

В 1921 г. была провозглашена новая экономическая политика (НЭП), в основе которой лежали замена продразвёрстки продналогом, предоставление крестьянам право продавать излишки производимых ими продуктов. Переход к НЭП означал развитие товарно – денежных отношений.

Декрет СНК 5 августа 1921 г. утвердил положение «О комитете цен», на который возлагалось установление оптовых и розничных цен на все товары, отпускаемые государственными учреждениями и предприятиями друг другу, кооперации и населению.

Затем была предпринята попытка организации торговли, для чего СНК принял Положение от 9 мая 1922 г. «О комиссии по внутренней торговле». Каких – либо реальных полномочий Комиссия не получила, на неё возлагались лишь технические функции. Но уже 6 декабря 1922 г. ей было предоставлено право устанавливать список товаров, на которые без разрешения Комиссии повышение цен не допускалось. Таким образом правительство вновь попыталось управлять ценами вышедших на рынок государственных предприятий. С этого времени влияние государства на внутреннем рынке постепенно увеличивалось. Сначала 1923 г. и до проведения денежной реформы СТО ежемесячно принимал постановления, которыми устанавливались средние цены ржи, овса и пшеницы для расчётов с государственными предприятиями за отпускаемое им продовольствие из государственного фонда.

На начальном этапе НЭП в основу расчётов между государственными предприятиями были положены рыночные цены. Активных попыток непосредственного вмешательства в их ценообразования со стороны государства ещё не предпринималось. Но уже в апреля 1923 г. обвал хлебных цен заставил СТО принять «Положение об особой полномочной комиссии по восстановлению и развитию торговли хлебом». Но, Комиссия не получила никаких реальных полномочий, а потому повлиять на конъектуру хлебного рынка не могла [14 – С. 23].

В 1923 г. в стране произошёл кризис сбыта, известный как кризис «ножницы цен». Промышленность резко подняла цены на свои товары, в то время как цены на хлеб оставались низкими. Крестьянам стало не выгодно продавать зерно, они стали сокращать поставки, что грозило срывом снабжения городов.

Кризис показал общую неготовность государственного аппарата к работе в новых условиях и неспособность регулирующих органов проводить взвешенную ценовую политику. Государство вынуждено было вмешаться: директивно снизить отпускные цены государственных предприятий, осудить монопольные практики и установить предельные надбавки в государственной и кооперативной торговли. К апрелю 1924 г. «ножницы удалось сократить».

Изначально, в условиях НЭП розничные цены на большинство товаров определялись не только государственными органами, но и самой торговой сетью, с учётом отдельных ценообразующих факторов. Лишь на небольшую группу товаров, таких как папиросы, табак, спички, туалетное мыло, ученические тетради, электролампы действовали так называемые «этикетные цены» - твёрдые розничные цены, непосредственно установленные правительством. Это был период относительной гибкости, который, однако, быстро подошёл к концу с усилением плановых начал в экономике.

К концу 1925 г. Наркомторг получил право директивно устанавливать государственные закупочные цены на хлеб в хлебопроизводящих районах, полностью перейдя к административному управлению рынком. Это стало началом сворачивания НЭП и перехода к командно – административной системе.

После проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства, окончании НЭП, в стране была создана система установления государственных цен на все товары и услуги. По существу, свободные рыночные цены действовали только на колхозных рынках, где колхозники могли продавать продукты, полученные в качестве натуральной оплаты по трудодням в колхозах или произведённые в своих подсобных хозяйствах. На этих рынках могли также реализовывать свою продукцию колхозы. В стране в основном действовали следующие цены:

1.установленные государством заготовительные (закупочные) цены, по которым колхозы сдавали свою продукцию государству; оптовые государственные цены на промышленные товары;

2.розничные цены, также устанавливаемые государством на промышленные и сельскохозяйственные товары.

Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 11. 10. 1931 г. № 848 был учреждён «Комитет цен при Совете Труда и Обороны» (в 1932 г. реорганизован в «Комитет товарных фондов и регулирования торговлей»).

В этот период большое внимание уделялось контрою за ценами. В ноябре 1931 г. Комитет цен при СТО принял постановление о регистрации розничных цен, в соответствии с которым органы учёта должны были вести регистрацию розничных цен кооперативной торговли на селе и в городе, цен частного рынка, а также в общественном питании. Регистрация розничных цен позволила Комитету цен владеть информацией об уровнях и системе цен, и тем самым реализовывать ценовую политику государства [10 – С. 33).

Следует отметить, что политика государства, сформулированная ещё в 1929 г. заключалась в стабилизации цен на сельскохозяйственные продукты и последовательном снижении цен на промышленные товары в интересах населения. Эта политика нашла своё отражение в конкретных действиях. Так, в период с 1933 г. по 1937 г. было осуществлено снижение цен на такие продукты, как хлеб, рис, мясо, молоко, картофель, животное и растительное масло, кондитерские изделия.

Параллельно с розничными ценами в торговле в 1936 – 1940 гг. проводилась реформа оптовых цен в промышленности. В результате этих мер к 1940 г. рентабельность в тяжёлой промышленности была восстановлена, а число предприятий, дотируемых из бюджета, значительно сократилось.

Второй этап. К началу Великой отечественной войны в СССР уже функционировала единая система твёрдых государственных оптовых, розничных и заготовительных цен. Эта система оказалась жизненно важной для обеспечения устойчивости советской экономики в период военных испытаний. Жёсткий контроль над ценами предотвратил быструю инфляцию, которая могла бы подорвать снабжение армии и население.

После окончания войны, в условиях разрушенной экономики, ценовая политика претерпела новые изменения. После отмены карточной системы в декабре 1947 г. в СССР начался период выравнивания пайковых и коммерческих цен сопровождавшиеся ежегодным снижением цен. Этот процесс включал переход к единым снижениям государственным розничным ценам на все товары массового потребления.

В период 1947 г. по 1954 г. было проведено восемь снижений. В результате такой политики к 1 апрелю 1954 г. цены были ниже уровня четвёртого квартала 1947 г. на 57 %. Для продовольственных товаров снижение составило 62 %, для непродовольственных – 47 %.

8 февраля 1947 г. была образована «Комиссия зарплаты и цен при Бюро Советов министров СССР», в функции которой входили вопросы заработной платы и установление цен на товары массового потребления. При этом рассмотрении и утверждении оптовых цен на промышленную продукцию и товары народного потребления осуществлялось Госпланом СССР, а розничных – Министерством торговли СССР. В 1958 г. создаётся Государственный комитет цен при Совете Министров СССР. Два года спустя, 9 июля 1960 г. постановлением Совета Министров РСФСР учреждено Бюро цен.

Таким образом, в этот период сложился хозяйственный ценовой механизм, при котором полномочия государственных органов по установлению цен были рассредоточены, система управление ценами оказалась чрезмерно громоздкой с нечётким распределением функций, отсутствовал единый методологический и административный центр руководства установлением цен и контроля за их применением.

Хозяйственные отношения этого периода строились на основе административных предписаний. Самостоятельность хозяйствующих субъектов в определении цен не допускалась. Диктовка цен сверху становилась причиной экономически необоснованного снижения или повышения рентабельности предприятий. Росли затраты на производство продукции, увеличивался объём государственных дотаций [10 – С. 34].

Начало новых реформ положило Постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров от 04. 10 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства».

К началу 1960-х годов страну привело к череде экономических реформ, каждая из которых по – своему пыталась воздействовать на систему ценообразования.

Одной из наиболее значимых попыток модернизации советской экономики стала экономическая реформа 1965 г., известная как «Косыгинская». Её главной целью было повышение роли экономических методов управления и хозяйственной самостоятельности предприятий, что должно было вдохнуть новую жизнь в систему.

Меры, проводимые этой реформой, были направлены на то, чтобы усилить принцип хозрасчёта, дать предприятиям стимулы к получению прибыли и более эффективному использованию ресурсов. Процесс перехода промышленности на новую систему хозрасчёта был завершён к концу восьмой пятилетки (1966 – 1970 гг.). В первые годы реформа дала определённые позитивные результаты, выразившиеся в росте объёма производства и повышении эффективности.

Однако, несмотря на частичные успехи, реформа не смогла полностью преодолеть системные недостатки плановой экономики, включая жёсткость, ценообразование, которое по-прежнему не отражала реальных рыночных условий, что и стало причиной её ограниченности.

Начиная с 1970-х годов плановое ценообразование преобразовалось в самостоятельную отрасль независимую от Госплана. Именно в те годы советская система формирования цен обрела свою окончательную форму и почти не изменилась до развала СССР. Государственный Комитет цен при Госплане трансформировался в Государственный комитет Совета Министров СССР, функции и задачи которого были определены в Положении, утверждённом Постановлением Совета Министров СССР от 14. 06. 1971 г. [12 – С. 52].

В советской экономике цены на товары первой необходимости отличались стабильностью. Государство субсидировало как производителя, так и потребителя, поддерживая для него достаточно низкий уровень цен на эти товары.

Однако сформированный в СССР дотационный механизм усиливал инфляционные тенденции. Дефицит финансовых ресурсов для датирования провоцировал удорожание продукции, что приводило либо к убыточности совхозов и предприятий, либо к дальнейшему росту дотаций.

К середине 1980-х годов стало очевидно, что половинчатые реформы не принесли желаемого результата, и советская экономика оказалась в глубоком кризисе. Это привело к началу масштабных преобразований, известных как «Перестройка», в рамках которой особое внимание уделялось радикальной реформе ценообразования.

Перестройка экономики СССР столкнулась с рядом острых проблем: нефтяной кризис, инфляция и дисбаланс в экономической структуре.

Ключевым документом стало Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 17. 07. 1987 г. № 820 «Об основных направлениях перестройки системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма».

Документ подвергал жёсткой критике функционирующую систему ценообразования, признавал, что цены в СССР «выполняли в основном учётно – расчётные функции, не создавая условий для улучшения хозяйственного механизма, повышения эффективности производства и ресурсосбережения».

Для выхода из сложившейся ситуации предлагались меры, направленные на обеспечение стабильности и гибкости в установлении цен на продукцию и услуги при одновременном усилении централизованных начал в управлении всем процессом ценообразования.

Вышедший в 1988 г. Закон «О кооперации в СССР» позволял кооперативам самостоятельно, на договорных началах вести свою работу. Торговая и посредническая деятельность была оптимальным вариантом для многих кооперативов, так как она давала возможности в рамках острого дефицита реализовать потребности в сверхприбылях.

Цены в коммерческих магазинах формировались с учётом спроса и предложения. При этом цены на товары в таких магазинах практически никем не контролировались, так как ещё не было нормативных документов, которые позволяли бы поставить жёсткие ограничения по ценам в этой сфере. Монополизм новых фирм и большие доходы дискредитировали кооператоров в глазах населения.

С 1990 г. коммерческой торговлей стало заниматься государство, открыв специализированные магазины для продажи по коммерческим ценам отдельных видов высококачественных товаров отечественного и иностранного производства. На особо дефицитные товары импортного производства была организована аукционная продажа.

До 1991 г. правительство предпочитало вводить незначительные и уже запоздалые нововведения в области ценообразования опираясь при этом на старый строй государственного социализма [12 – С. 53].

Однако последствие этих реформ оказались неоднозначными и во многом негативными: товарный дефицит, повышение розничных цен и замораживание вкладов, влияние «чёрного рынка» и коррупции.

Таким образом, следует отметить, что необходимость государственного регулирование ценообразования продиктовано экономическими причинами. Временные успехи ценовой политики на первоначальном этапе НЭП в итоге подрывали функционирование народного хозяйства. Ввиду этого разразившийся в стране кризис послужил толчком к свёртыванию НЭП. Реформы ценообразования в период «Перестройки», задуманные как способ оживления экономики, на практике привели к усилению инфляционных процессов, углублению товарного дефицита и подрыву доверия населения, что стало одним из факторов дестабилизации и последующего краха СССР.

Литература

1. Алексеев А. А. Государственное регулирование ценообразования в современных условиях //Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022 Том 12. № 10А. С. 603 – 611.

2. Бондаренко О. А. Создание «Системы Витте» и её влияние на модернизацию экономики Российской империи //История и археология: материалы VI Междунар. Науч. Конф. Казань. Молодой учёный. 2018. С. 1 – 12.

3. Врабие Т. В., Полякова О. В. Правовые аспекты государственного регулирования ценообразования в условиях рыночной экономики //Вестник науки. 1919. № 7 (16) Т. 4.

4. Витте С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849 – 1894) //Книгоиздательство «Слово». 1923. С. 183.

5. Гафарова Г. Р. Правовое регулирование ценообразования в системе правового государства //Правовое государство: теория и практика. 2013. №2 (32).

6. Гужов М. В. Основные этапы развития законодательства в сфере ценообразования в Российской Федерации //Вестник науки. 2026. № 5 (98). Т. 3. С. 373 – 379.

7. Груничев А. С. Цикличность вопросов ценообразования регулируемых услуг //Вестник университета. 2024. 3 (85 – 94).

8. Груничев А. С. Исторический аспект развития органов тарифного регулирования в России //Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 314 – 317.

9. Елагина А. С. Правовое регулирование цен на продовольствие // Крымский научный вестник 1916. № 6. (12).

10. Зайкова С. Н. Историко – правовые аспекты развития законодательства и организационно – правовых форм управления в сфере регулирование цен (тарифов) в Российской Федерации //Система ценностей современного общества 2010. С. 31 – 35.

11. Зайкова С. Н. Государственное регулирование цен (тарифов) в Российской Федерации: административно – правовой аспект: учебное пособие /М. ИНФРА – М. 2021. 247 с.

12. Киселев А. А. Начало преодоления кризиса ценообразования в Карелии в 1970 – 1980-х годах //Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 3. (156). С. 51 – 54.

13. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции //Наука. М. 1991.

14. Кузин В. Н. Ценовая политика 1920 г. как фактор разрушения крестьянского хозяйства //Наука. Общество. Государство. 1922. Т. 10. № 1 С. 21 – 33.

15. Лев М. Ю. Государственное управление процессом ценообразования и его оценка в аспекте национальной безопасности //Экономическая безопасность 2022. Т. 5. № 4. С. 1163 – 1184.

16. Люкшин А. М., Маркарова Д. В. Анализ методов государственного регулирования тарифов на услуги для населения в России //Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 137 – 140.

17. Покровский М. Русская история с древнейших времён /М. 1911. Т. 5. С. 289.

18. Постановление Правительства РФ от 07. 03. 1995. № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования //СЗ РФ. 13. 03. 1995 № 11. Ст. 997.

19. Постановление Правительства РФ от 27. 06. 2013. № 543 «Положение о государственном контроле (надзора) в области регулируемых цен (тарифов) //СЗ РФ 08. 07. 2013. № 27. Ст. 3602.

20. Русскова В. С. Государственная политика регулирования ценообразования на продовольственном рынке //Контентус. 2021. № 12. С. 34 – 41.

21. Симонова С. С. Правовое регулирование продовольственной проблемы в дореволюционной России //Концепт. 2014. Т. 20. С. 1521 – 1525.

The history of the formation and development of state regulation of pricing in Russia
Mashkin N.A., Shcherbakov V.A.
Plekhanov Russian University of Economics
This article examines the history of the formation and development of state regulation of pricing in the pre-revolutionary period and the period of building a socialist society. The authors note that price regulation in Russia during the pre-revolutionary period was not systemic. The principle of free market pricing prevailed, but the state reserved the right to intervene selectively in the emerging negative situation. Considerable attention is given to state regulation of prices during the New Economic Policy (NEP) period, as well as during the period of administrative-command management of the economy.

The methodological basis of this scientific study is based on the following methods: historical, dialectical, statistical, formal-legal, and others.

The authors conclude that significant price fluctuations negatively impact the state of the country's economic system and require constant government oversight and management to ensure the stable development of society and the state.
Keywords: The state, pricing, the price, government regulation, New Economic Policy, the decree, the regulation, goods, services, cooperation, circular, fees, taxes, money, pood, the russian system of measures.

References
1. Alekseev A. A. State regulation of pricing in modern conditions // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2022. Vol. 12, No. 10A. P. 603–611.
2. Bondarenko O. A. Creation of the "Witte System" and its impact on the modernization of the Russian Empire's economy // History and Archaeology: Proceedings of the VI International Scientific Conference. Kazan: Molodoy Ucheny. 2018. P. 1–12.
3. Vrabie T. V., Polyakova O. V. Legal aspects of state regulation of pricing in a market economy // Vestnik Nauki. 2019. No. 7 (16), Vol. 4.
4. Witte S. Yu. Memoirs. Childhood. The Reigns of Alexander II and Alexander III (1849–1894) // Slovo Publishing House. 1923. P. 183.
5. Gafarova G. R. Legal regulation of pricing within the rule-of-law state system // The Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2013. No. 2 (32).
6. Guzhov M. V. Key stages in the development of pricing legislation in the Russian Federation // Vestnik Nauki. 2026. No. 5 (98), Vol. 3. P. 373–379.
7. Grunichev A. S. Cyclical nature of pricing issues for regulated services // Vestnik Universiteta. 2024. No. 3 (85–94). 8. Grunichev A. S. Historical aspect of the development of tariff regulation bodies in Russia // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. No. 1. P. 314–317.
9. Elagina A. S. Legal regulation of food prices // Crimean Scientific Bulletin. 1916. No. 6 (12).
10. Zaikova S. N. Historical and legal aspects of the development of legislation and organizational-legal forms of management in the sphere of price (tariff) regulation in the Russian Federation // The Value System of Modern Society. 2010. P. 31–35.
11. Zaikova S. N. State regulation of prices (tariffs) in the Russian Federation: administrative-legal aspect: a study guide / Moscow: INFRA-M. 2021. 247 p.
12. Kiselev A. A. The beginning of overcoming the pricing crisis in Karelia in the 1970s–1980s // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. 2016. No. 3 (156). P. 51–54.
13. Kondratyev N. D. The grain market and its regulation during the war and revolution // Nauka. Moscow. 1991.
14. Kuzin V. N. Price policy of 1920 as a factor in the destruction of peasant farming // Science. Society. State. 1922. Vol. 10. No. 1. P. 21–33.
15. Lev M. Yu. State management of the pricing process and its assessment from the perspective of national security // Economic Security. 2022. Vol. 5. No. 4. P. 1163–1184.
16. Lyukshin A. M., Markarova D. V. Analysis of methods for state regulation of tariffs for services provided to the population in Russia // Audit Vedomosti. 2025. No. 1. P. 137–140.
17. Pokrovsky M. Russian History from Ancient Times / Moscow, 1911. Vol. 5. P. 289.
18. Decree of the Government of the Russian Federation No. 239 dated March 7, 1995, "On Measures to Streamline State Regulation..." // Collected Legislation of the Russian Federation. March 13, 1995. No. 11. Art. 997.
19. Decree of the Government of the Russian Federation No. 543 dated June 27, 2013, "Regulation on State Control (Supervision) in the Sphere of Regulated Prices (Tariffs)..." // Collected Legislation of the Russian Federation. July 8, 2013. No. 27. Art. 3602.
20. Russkova V. S. State policy on pricing regulation in the food market // Kontentus. 2021. No. 12. P. 34–41.
21. Simonova S. S. Legal regulation of the food issue in pre-revolutionary Russia // Koncept. 2014. T. 20. P. 1521 – 1525.

Общественные идеалы в контексте публично-правовых отношений

Антонов Владислав Федорович
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 5592606@bk.ru

Представленная статья посвящена практическому воплощению общественных идеалов в сложившуюся систему законодательного регулирования. Указанные представления используются для разработки взаимосвязанной системы законодательных актов, направленных на правовую охрану декларируемых ценностей. Под влиянием культивирования определенных ценностей разрабатываются исходные принципы общественного взаимодействия, закрепляемые на уровне важнейших нормативно-правовых актов. Любые общественные преобразования предполагают предварительное согласование внешних параметров выстраиваемой системы общественных коммуникаций. Обращается внимание на то, что общественный идеал оказывает влияние на эмоционально-волевую сферу граждан, непосредственно участвующих в общественных преобразованиях. Исторический опыт показывает, что большинство идеалов вырабатывается под влиянием эволюционных механизмов национальной культуры, экономики и государственно-правовых отношений. Данные установки оказывают значительное влияние на общество и его основополагающие институты.

Ключевые слова: общественные идеалы, законодательство, правотворчество, правовое регулирование, государственная власть, ценности, общественная мораль, правосознание.

Современное правотворчество осуществляется под влиянием множества социальных факторов, отражающих те общественные настроения, которые свойственны социальной общности. При разработке законов и иных нормативно-правовых актов учитываются традиции, обычаи и прочие правила привычного поведения, свойственные преобладающему большинству граждан. Немаловажное значение имеет и тот тип общественного устройства, под влиянием которого сформировались представления о сущности и назначении государственной власти.

Обобщение результатов нормотворческой деятельности законодательных органов государственной власти показывает, что разработка текущего законодательства осуществляется под влиянием общественных идеалов и ценностей, закрепляющихся на уровне Конституции и некоторых иных нормативно-правовых актов. В последнее время деятельность государственных структур направлена на создание функциональной системы ценностных регуляторов, обеспечивающих последовательное исполнение законодательных предписаний.

Общественные идеалы отражают особенности социальных преобразований, осуществляющихся в конкретный исторический период. По общепризнанному мнению, право определяет новые пути развития общества исходя из специфики национальной культуры. Сообразно культуре и ее потребностям человек, общество создают идеалы, которым должно соответствовать право данного общества на данном этапе его исторического развития. Право по существу своему обусловлено спецификой культуры, неразрывно связано с базовыми для каждой исторической эпохи культурными ценностями, идеалами, знаниями, господствующим типом мировоззрения [1, С. 211].

Исторический опыт показывает, что общественные идеалы вырабатываются в рамках религиозных, общественных или социально-этических учений, оказывающих непосредственное влияние на законотворческую деятельность в целом. Так, например, система римского права воплощала идеалы римской гражданской общины (civitas), законодательные акты средневековья исходили из идеалов раннего христианства, в основу великой французской революции ложились гуманистические идеалы эпохи возрождения и пр.

Западные правовые системы исходят из идеала свободной личности, активно взаимодействующей с представителями государственно-властных структур. В частности, учредительные документы ЕС разрабатывались с учетом принципа верховенства прав и свобод личности человека, определяющего специфику нормотворческой деятельности данной организации. Разработчики учредительных документов ЕС руководствовались идеей создания единого культурного пространства, производного от культурного, религиозного и гуманистического наследия Европы, на основе которого сформировались универсальные ценности — уважение человеческого достоинства, неприкосновенные и неотчуждаемые права человеческой личности, свобода, демократия, равенство и правовое государство [3].

В настоящее время большинство международных документов придерживается принципов устойчивого развития, основывающихся на идее создания устойчивых и жизнеспособных сообществ, направленных на удовлетворение преобладающих потребностей людей посредством рационального использования природных ресурсов. Указанные принципы непременно учитываются при разработке законодательных актов, обеспечивающих наиболее оптимальные формы взаимодействия граждан с государственными органами власти.

На конституционном уровне общественные идеалы закрепляются посредством использования декларативных норм, исходящих из национальной культуры, морали и традиционных представлений о справедливости. Большинство современных конституций обращается к наиболее значимым историческим периодам, в рамках которых были обозначены приоритетные задачи и цели государственного развития.

Так например, согласно Конституции Португальской Республики 1974 года португальская революция восстановила основные права и свободы португальцев. В преамбуле Конституции отмечается, что освобождение Португалии от диктатуры, угнетения и колониализма представляло собой революционное преобразование и явилось началом исторического поворота в жизни португальского общества [4].

В соответствии с Конституцией Венесуэлы важнейшими задачами государства является защита и развитие личности, уважение ее достоинства, демократическое осуществление воли народа, построение справедливого и миролюбивого государства, обеспечение процветания и благосостояния народа, гарантии осуществления основных прав

и свобод, закрепленных в Конституции. В преамбуле Конституции указывается на то, что народ Венесуэлы в осуществление своей власти, обращаясь к идеалам Симона Боливара, руководствовался памятью о героизме и самопожертвовании латиноамериканских народов в борьбе за свободу и независимость родины [5].

Из преамбулы Конституции Российской Федерации следует, что ее разработчики руководствовались идеей утверждения прав и свобод человека, сохранением исторически сложившегося государственного единства, почитанием памяти предков, передавших нынешнему поколению любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, стремлением обеспечить благополучие и процветание России и пр.

Правотворческая деятельность отражает не только потребности и интересы граждан, но и те исторические и культурные традиции, которые свойственны определённому социуму. Законотворческий процесс основывается на необходимости выявления и фиксации базовых ценностей общества, обеспечивающих поддержание необходимого уровня общественной морали и нравственности.

По мнению современных исследователей общество должно быть убеждено в том, что законотворческий процесс в конечном итоге определяется не своекорыстными интересами количественно ограниченных, но влиятельных социальных групп, не факторами исключительно политического, идеологического или вовсе случайного характера, но общей логикой утверждения правового идеала [1, С. 211].

Указанные представления основываются на том, что любая правотворческая деятельность осуществляется исходя из общественных приоритетов и традиционных ценностей общества. По-сути на законодателя возлагается функция выявления преобладающих тенденций государственно-правового развития исходя из культурно-исторических особенностей конкетного общества. На этой основе выстраивается иерархия законоораняемых интересов, позволяющая обеспечить согласованность отдельного интереса с наиболее значимыми объектами правовой охраны.

Современное законодательство идет по пути конкретизации (детализации) духовно-нравственных ценностей, обеспечивающих функционирование отдельных сегментов российского общества [6]. В данных условиях разрабатываемая система законодательных запретов, стимулов и ограничений согласовывается с общими направлениями государственной политики, направленной на преодоление негативных тенденций, препятствующих достижению целей социально-экономического развития.

В последнее время общественные идеалы закрепляются на уровне подзаконных нормативно-правых актов, регламентирующих сферу культуры, образования и воспитания. Так, например, правовое регулирование образовательной сферы осуществляется с учетом традиционных духовно-нравственных ценностей, исходя из приоритета жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитания взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования и пр. [7].

Общественные идеалы осуществляют конструктивно-преобразовательные функции, заключающиеся в констатации возможности достижения намеченных целей посредством целенаправленного воздействия на определенную сферу общественных коммуникаций. Поступательное развитие общества предполагает обозначение стратегических задач, реализация которых может быть осуществлена в ближайшей перспективе.

Общественные идеалы участвуют в выработке общих смыслов социального развития, способствуют поиску наиболее оптимальных путей развития общества и его основополагающих институтов. В результате этого появляется социокультурная среда, позволяющая определить качественную характеристику всех осуществляемых преобразований. В современных условиях общественные идеалы устанавливают образцы предпочтительного поведения, которые являются ориентиром для правоприменительных органов.

Любые общественные преобразования предполагают предварительное согласование внешних параметров выстраиваемой системы социальных связей. Большинство социально-экономических реформ осуществляется под влиянием систематизированных представлений о приоритетных направлениях государственной политики в целом. Указанные процессы сопровождаются целенаправленной корректировкой проводимых преобразований исходя из их соответствия прогнозируемому результату.

Общественные идеалы оказывают упорядочивающее воздействие на сложившуюся систему общественных коммуникаций. Указанные установки способствуют консолидации общества, снимают социальную напряженность, создают условия для разрешения тех конфликтных ситуаций, которые возникают по поводу взаимодействия граждан с иными участниками рассматриваемых отношений.

Современное правотворчество основывается на культивировании обычаев, традиций, социокультурных установок, определяющих основополагающие принципы функционирования общества на конкретном этапе социально-экономического развития. Данные представления направлены на формирование мотивационных механизмов, обеспечивающих реализацию предписаний и требований действующей системы нормативных актов.

Большинство законодательных актов применяется в контексте декларативных предписаний, способствующих мобилизации духовных и нравственных сил, обеспечивающих исполнение соответствующих требований законодательства. В данном случае законодатель опирается на устойчивую систему традиционных ценностей, вырабатываемых в ходе адаптации общества к изменяющимся социально-экономическим реалиям.

Общественный идеал оказывает влияние на эмоционально-волевую сферу граждан, непосредственно участвующих в общественных преобразованиях. Данное свойство проявляется в возможности распространения определённого мировоззрения на различные социальные группы. На этой основе осуществляется воплощение стремлений, идей и ценностей, обеспечивающих последовательную трансформацию социума.

В современных исследованиях справедливо отмечается, что специфика социального идеала зависит от особенностей порождающего его культурного идеала. Данная закономерность обуславливается тем, что социальный идеал – синтетическая идеалообразующая конструкция, которая включает в себя чувственный эталон, рожденный в культурной системе, схему действия как специфическое социальное отношение и программу экстраполяции на область взаимодействия мира и человека [2, С. 76].

Общественный идеал является неотъемлемой частью индивидуального правосознания. У человека, находящегося под влиянием того или иного идеала, появляется стремление к преодолению тех объективных препятствий, которые возникают на пути к его достижению. Подобные установки формируются под влиянием взаимодействия личности с локализованными группами, придерживающимися определенной парадигмы ценностей.

Наиболее значимые идеалы воплощаются в соответствующих принципах отраслевого законодательства, осуществляющих регулятивные функции. Так, например, идеал свободного предпринимательства реализуется посредством применения норм гражданского законодательства, принцип социального партнёрства проявляется в нормах трудового законодательства и пр. Подобная практика позволяет оказывать комплексное воздействие на определённую совокупность общественных отношений, подвергаемых нормативной регламентации.

Под влиянием общественного идеала разрабатывается соответствующая система законодательных запретов и правил поведения, обеспечиваемых мерами государственного принуждения. Стоит отметить, что разработка правовых запретов осуществляется на основании выявления взаимосвязанных факторов и обстоятельств, препятствующих практическому воплощению той нормативно-ценностной парадигмы, которая закрепляется на уровне Конституции и соответствующей системы законодательных предписаний.

Отправление правосудия в конституционно-правовом смысле предполагает обращение к руководящим идеям, нормам и принципам, воплощающимся в конкретных нормативных актах. Любое судебное решение предполагает выявление всех заявленных притязаний и требований заинтересованного субъекта с последующей их соотносимостью с традиционными (базовыми) ценностями общества.

Общественные идеалы порождают механизмы социального контроля, осуществляемого со стороны государственно-властных органов. В большинстве современных правопорядках правоохранительная функция государства реализуется посредством применения мер принудительного воздействия к лицам, противодействующим практическому воплощению декларируемых ценностей в отдельных сферах законодательного регулирования.

Таким образом в условиях современного демократического государства общественные идеалы обеспечивают согласования интересов отдельных участников правового взаимодействия. На уровне правоприменительной практики легитимность совершаемых действий определяется с учетом их соотносимости с теми ценностными установками, которые используются при разработке того или иного нормативно-правового акта.

Литература

1. Треушников И.А., Ивашевский С.Л. Правовой идеал и качество отечественного законотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 210-212.
2. Тарасова М. В., Кудашов В. И. Диалектика взаимодействия культурных и социальных идеалов // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2 (24). С. 70-77.
3. Договор о Европейском Союзе // https://eulaw.ru/treaties/teu/
4. Конституция Португальской Республики 1974 года// https://worldconstitutions.ru/?p=141&ysclid=mufkne7jay162066339.
5. Конституция Боливарской Республики Венесуэла. Принята на референдуме 15 декабря 1999 г. Последняя редакция 15 февраля 2009 года // https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruGGKWsHf4QePlOZwtOGMenS6F_3zebHoCtSmTL9f0fZlLe1Q4YMTXqSUv_74G2P9GAuDBeDdh7gG2BZ2YjE-jzdBdFOa0puW40g68dUj-x97NLkAgKnvw9TFvlvfO_zf3Q%3D%3D%3Fsign%3D0g7X_qp-5YbuheNkCrRqQuin4iaXsJSkPDuq3-lp95Q%3D&name=venesuehla_1999_ru.doc&nosw=1.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 (ред. от 04.03.2026) "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей".// СПС «КонсультантПлюс», 2026.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

Social ideals in the context of public law relations

Antonov V.F.

Plekhanov Russian University of Economics

This article examines the practical implementation of societal ideals within the established system of legislative regulation. These ideals inform the development of an interconnected system of legislative acts designed to provide legal protection for the values in question. The cultivation of specific values shapes the fundamental principles of social interaction, which are subsequently enshrined in key regulatory legal acts. Any societal transformation requires the preliminary alignment of the external parameters of the social communication system being constructed. The article highlights the influence of societal ideals on the emotional and volitional spheres of the citizens directly involved in these transformations. Historical experience demonstrates that most ideals emerge through the evolutionary processes of national culture, the economy, and state-legal relations. Such orientations exert a significant influence on society and its fundamental institutions.

Keywords: societal ideals, legislation, law-making, legal regulation, state power, values, public morality, legal consciousness.

References

1. Treushnikov I.A., Ivashevskij S.L. Pravovoj ideal i kachestvo otechestvennogo zakonotvorchestva // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013. № 22. S. 210-212.
2. Tarasova M. V., Kudashov V. I. Dialektika vzaimodejstviya kul'turnyh i social'nyh idealov // Idei i idealy. 2015. T. 2. № 2 (24). S. 70-77.
3. Dogovor o Evropejskom Soyuze // https://eulaw.ru/treaties/teu/
4. Konstituciya Portugal'skoj Respubliki 1974 goda// https://worldconstitutions.ru/?p=141&ysclid=mufkne7jay162066339
5. Konstituciya Bolivarskoj Respubliki Venesuehla. Prinyata na referendume 15 dekabrya 1999 g. Poslednyaya redakciya 15 fevralya 2009 goda // https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruGGKWsHf4QePlOZwtOGMenS6F_3zebHoCtSmTL9f0fZlLe1Q4YMTXqSUv_74G2P9GAuDBeDdh7gG2BZ2YjE-jzdBdFOa0puW40g68dUj-x97NLkAgKnvw9TFvlvfO_zf3Q%3D%3D%3Fsign%3D0g7X_qp-5YbuheNkCrRqQuin4iaXsJSkPDuq3-lp95Q%3D&name=venesuehla_1999_ru.doc&nosw=1.
6. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 N 809 (red. ot 04.03.2026) "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej".// SPS «Konsul'tantPlyus», 2026.
7. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 31.07.2025) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2025) // SPS «Konsul'tantPlyus», 2026.

Инфраструктурные кредиты и долговая устойчивость регионов: административно-правовые механизмы контроля и ответственности

Власова Елена Львовна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России, vlasovael1963@gmail.com

Инфраструктурные кредиты представляют собой относительно новый инструмент государственной поддержки субъектов Российской Федерации, введенный в рамках реализации национальных проектов и стратегии пространственного развития. Поэтому в условиях трансформации механизмов государственной поддержки особую значимость приобретает проблема балансирования между стимулированием экономического роста регионов и поддержанием их долговой устойчивости. В статье исследуется понятийный аппарат, выявляются особенности правового статуса инфраструктурных кредитов как инструмента бюджетной политики, а также систематизируются основные угрозы долговой безопасности регионов. Автором обосновывается необходимость совершенствования административно-правового регулирования инфраструктурного кредитования. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании механизмов государственного регулирования инфраструктурного кредитования, повышении эффективности бюджетного контроля и формировании более устойчивой системы финансовой ответственности субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: инфраструктурные кредиты, долговая устойчивость субъектов РФ, административный контроль, казначейское сопровождение, риск-ориентированный подход, бюджетные средства, административная ответственность, разграничение полномочий, финансово-бюджетная сфера, целевое использование средств.

Инфраструктурные кредиты выступают значимым инструментом государственной региональной политики, обеспечивающим реализацию капиталоёмких проектов в транспортной, коммунальной и социальной сферах при одновременном формировании существенных обязательств бюджетов субъектов Российской Федерации.

В соответствии с Правилами, утверждёнными Постановлением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1189, инфраструктурные бюджетные кредиты представляют собой бюджетные кредиты из федерального бюджета, предоставляемые субъектам РФ для финансового обеспечения инфраструктурных проектов.

В настоящее время в рамках федерального проекта «Инфраструктурное меню» действуют три вида целевых кредитных инструментов, последовательно пришедших на смену друг другу: инфраструктурные бюджетные кредиты (далее – ИБК), специальные казначейские кредиты (далее – СКК) и казначейские инфраструктурные кредиты (далее – КИК) [2].

С 2025 года основным инструментом стали казначейские инфраструктурные кредиты, общий запланированный объём которых на 2025-2030 годы составляет 1 трлн рублей (250 млрд рублей в 2025 году, далее – порядка 150 млрд рублей ежегодно); по итогам 2025 года 84 региона получили КИК на сумму 249,9 млрд рублей [4]. На 2026 год планируется предоставление КИК в объёме около 150 млрд рублей.

Значимость этих инструментов для субъектов РФ определяется не только объёмами финансирования, но и тем обстоятельством, что инфраструктурные кредиты стали встраиваться в механизм целевой финансовой поддержки регионов, традиционно осуществлявшейся через межбюджетные трансферты. Как отмечают исследователи, происходит консолидация среднесрочных бюджетных кредитов и целевых межбюджетных трансфертов, направляемых на финансирование одних и тех же расходных обязательств [3], при этом, ряд авторов рассматривают данные кредиты как частичную замену традиционных формфинансовой поддержки регионов [24], тогда как другие указывают, что кредиты и трансферты не являются взаимозаменяемыми инструментами, поскольку условия их предоставления и критерии распределения между субъектами РФ имеют принципиально разный правовой характер [5].

Если общий объём межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов Российской Федерации (дотаций, субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов), утверждённый на 2026 год, составляет 3 644,6 млрд рублей [23], то инфраструктурные кредиты, будучи возвратным инструментом, обеспечивают дополнительное финансирование целевых проектов на условиях, которые выгодно отличаются от коммерческих заимствований: ставка 3% годовых, срок до 15 лет. При этом, если регион не достигает установленных показателей реализации проекта, ставка увеличивается до 6% годовых. Таким образом, государство переходит от безвозмездной финансовой помощи к целевым кредитам, по которым сохранение льготных условий прямо зависит от достижения регионами запланированных результатов. Это, в свою очередь, предопределяет необходимость усиленного административного контроля за целевым использованием кредитных средств и своевременным выполнением проектов, что особенно остро стало проявляться в 2026 году. Обусловлено это тем, что рост объёмов инфраструктурного кредитования напрямую сопряжён с повышением бюджетных рисков субъектов РФ: увеличение доли ИБК, КИК и СКК в структуре регионального долга требует более жёстких механизмов обеспечения возвратности средств и контроля за достижением результатов.

Анализ показывает, что в 2026 году произошло увеличение доли инфраструктурных кредитов в структуре государственного долга субъектов РФ. В этой связи, Постановлением Правительства РФ от 27.07.2026 № 940 [19] были введены обязательный контроль и дисциплинарная ответственность должностных лиц за нарушение обязательств по КИК. Кроме того Федеральное казначейство выделило инфраструктурные кредиты в отдельные зоны риск-ориентированного контроля, Счётная палата РФ запланировала специальный аудит эффективности использования ИБК в коммунальной сфере

[11], а Минфин России, в свою очередь, расширил казначейский мониторинг [17].

Правовой режим инфраструктурных кредитов основывается на положениях Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) и актах Правительства РФ, определяющих порядок предоставления ИБК, КИК и СКК. Существенное значение имеют и методические рекомендации Минэкономразвития России по мониторингу и оценке государственных программ, в которых формализуются подходы к оценке результативности проектов, финансируемых за счёт бюджетных кредитов [20]. При этом, долговая устойчивость субъектов оценивается в соответствии с правилами, утверждёнными Постановлением Правительства РФ от 04.03.2020 № 227 [18], на основе статьи 107.1 БК РФ. Правила предусматривают расчёт четырёх показателей: К1 – отношение объёма государственного долга к доходам бюджета без учёта безвозмездных поступлений; К2 – доля расходов на обслуживание долга в расходах бюджета; К3 – годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию долга к доходам и дотациям; К4 – доля краткосрочных обязательств в общем объёме долга. По значениям К1-К3 субъекты распределяются на три группы: высокого, среднего и низкого уровня долговой устойчивости, что напрямую влияет на возможность привлечения новых заимствований, в том числе инфраструктурных кредитов, и интенсивность контрольных мероприятий со стороны Минфина России.

Таким образом, оценка долговой устойчивости выполняет двойную функцию: с одной стороны, она определяет доступ региона к льготному финансированию инфраструктурных проектов, а с другой – формирует правовые основания для дифференциации режима контроля. Как справедливо отмечают исследователи, «поддержание бюджетной дисциплины в регионах потребует дальнейшего развития сферы регулирования и контроля региональных финансов, в том числе за счёт механизмов бюджетных правил на региональном уровне» [1].

Административно-правовые механизмы контроля за использованием инфраструктурных кредитов реализуются комплексом органов, полномочия которых разграничены в зависимости от вида контроля и стадии реализации проекта. Федеральное казначейство [15] осуществляет текущий контроль посредством казначейского сопровождения, санкционирования расходов и ведения учёта в системе «Электронный бюджет» [16], что обеспечивает прослеживаемость средств и соответствие расходов утверждённым целям. Правовую основу внешнего государственного аудита составляют положения Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации» [22], в соответствии с которыми Счётная палата РФ и контрольно-счётные органы субъектов проводят проверки законности и результативности использования бюджетных средств. Применение риск-ориентированного подхода закреплено в Федеральном законе от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и реализуется через формирование «Карты рисков Федерального казначейства в финансово-бюджетной сфере», позволяющей концентрировать контрольные усилия на наиболее уязвимых направлениях, включая завышение начальной максимальной цены контракта (далее – НМЦК), отклонения от плановых сроков и показателей.

Привлечение должностных лиц к административной ответственности сопряжено с рядом проблемных аспектов: необходимостью достоверного установления целевого характера произведённых расходов, документального подтверждения достижения утверждённых показателей результативности, а также корректного разграничения ответственности между различными уровнями публичной власти. Основным составом, применяемым при нарушениях такого рода, выступает ст. 15.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ): нецелевое использование бюджетных средств, устанавливающая административную ответственность должностных лиц за расходование средств на цели, не соответствующие условиям предоставления кредита или сводной бюджетной росписи.

Практика контрольных органов и судебная практика Верховного Суда РФ подчёркивают важность документального подтверждения целевого характера произведённых расходов. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) [9], утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025 (п. 49), рассмотрено дело по Постановлению Верховного Суда РФ от 24.04.2025 № 39-АД25-1-К1 [13], в котором суд указал, что при выявлении нескольких эпизодов нецелевого использования бюджетных средств в рамках одного контрольного мероприятия наказание назначается как за одно правонарушение (ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ). Ранее в Постановлении Верховного Суда РФ от 02.10.2023 № 4-АД23-21-К1 [12] было подтверждено, что состав правонарушения по ст. 15.14 КоАП РФ возникает в момент совершения платёжно-расчётной операции, а последующее исполнение обязательств контрагентом не устраняет признаков нецелевого использования.

Вместе с тем применительно к инфраструктурным кредитам отдельные вопросы квалификации нарушений остаются дискуссионными. Во-первых, неясно, подпадает ли недостижение регионами утверждённых показателей результативности проекта (контрольных точек) при формально целевом расходовании средств под состав ст. 15.14 КоАП РФ, либо такое нарушение представляет собой неэффективное использование, за которое КоАП РФ не устанавливает административной ответственности.

С одной стороны, контрольные органы квалифицируют недостижение показателей как нарушение условий предоставления бюджетного кредита по ч. 2 ст. 15.15.2 КоАП РФ. Показательно дело № 30-2-231/2022 директора Департамента финансов Ярославской области, привлечённого к административной ответственности за невыполнение обязательств по ограничению доли государственного долга и реализации плана оздоровления государственных финансов, установленных соглашением о реструктуризации задолженности по бюджетным кредитам. Должностное лицо оспаривало квалификацию, указывая, что нарушение условий реструктуризации не образует состава по ст. 15.15.2 КоАП РФ, однако суд отклонил этот довод, подтвердив, что обеспечение соблюдения условий бюджетных кредитов входит в должностные обязанности руководителя финансового органа [21].

С другой стороны, исследователи [6] указывают, что при формально целевом расходовании средств недостижение результатов представляет собой неэффективное использование, за которое КоАП РФ не устанавливает административной ответственности, что превращает принцип эффективности в декларативное положение. Отсутствие самостоятельного состава ответственности за недостижение показателей результативности создаёт правовую неопределённость.

Часть 2 ст. 15.15.2 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение заемщиком условий предоставления бюджетного кредита «за исключением случаев, предусмотренных статьёй 15.14». Однако на практике неясно, что считать нецелевым использованием (ст. 15.14), а что – нарушением условий кредита (ст. 15.15.2). Если средства КИК направлены на объект, не предусмотренный проектом, – это ст. 15.14. Если же средства направлены на нужный объект, но сроки сдачи нарушены или показатели результативности не достигнуты – это ст. 15.15.2. Однако ни в одном из этих составов не учитывается промежуточный случай: средства потрачены на предусмотренные цели, но фактический результат существенно ниже запланированного, что не позволяет списать задолженность. Минфин России в 2019 году внёс законопроект № 573902-7, который состоял из двух частей – изменения в БК РФ и изменения в КоАП РФ. БК-часть была принята (ФЗ от 26.07.2019 № 199-ФЗ), а КоАП-часть (предлагавшая ввести ст. 15.15.3.1 – «недостижение целей, показателей и результатов федерального проекта в части мероприятий, реализуемых в субъекте» с санкцией в виде штрафа от 20 до 50 тыс. рублей [8], однако соответствующие изменения не были приняты. Представляется, что пробел в правовом регулировании должен быть устранён путём дополнения ч. 2 ст. 15.15.2 КоАП РФ квалифицирующим признаком, прямо охватывающим недостижение показателей результативности, установленных соглашением о предоставлении инфраструктурного кредита. Это позволит, во-первых, отделить нецелевое использование средств (ст. 15.14) от неисполнения результативных обязательств (ст. 15.15.2), а во-вторых, создать правовую основу для применения санкций, соразмерных характеру нарушения: при нецелевом расходовании – повышенный штраф и дисквалификация, при недостижении показателей – штраф, но без дисквалификации, учитывая, что неисполнение может быть обусловлено объективными факторами (рост стоимости материалов, задержки поставок). Одновременно в Постановлении № 48 (Правила КИК) целесообразно закрепить исчерпывающий перечень обстоятельств, освобождающих от повышения ставки с 3% до 6%, чтобы обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Во-вторых, не определён надлежащий субъект правонарушения: в условиях, когда средства КИК проходят через несколько уровней бюджетного процесса (федеральный центр – орган исполнительной власти субъекта – получатель средств), правоприменительная практика возлагает ответственность на конечного подписанта платёжного документа, а не на должностных лиц вышестоящего уровня, доведших лимиты, что создаёт риски уклонения от ответственности при ошибках на этапе распределения средств [12]. Как показывает анализ правоприменительной практики органов Федерального казначейства, споры о надлежащем субъекте связаны с трудностями доказывания круга должностных полномочий привлекаемых лиц, причём причиной отмены постановлений часто становится недоказанность признаков субъекта правонарушения. Конституционный Суд РФ в Определении от 08.04.2004 № 137-О указал, что субъект РФ вправе определить орган, осуществляющий юрисдикционные полномочия, но не может самостоятельно устанавливать составы административной ответственности за бюджетные нарушения. В условиях многоуровневой системы распределения КИК это создаёт ситуацию, при которой ответственность несёт подписант платёжного документа на нижнем уровне, а не должностное лицо, принявшее решение о распределении средств на верхнем уровне.

В-третьих, в практике органов Федерального казначейства широко используется понятие «неправомерное использование бюджетных средств», которое не закреплено в Бюджетном кодексе РФ и КоАП РФ и тем самым создаёт правовую неопределённость. В БК РФ нормативно урегулировано лишь понятие «нецелевого использования» (ст. 306.4 БК РФ), тогда как термин «неправомерное» применяется в контрольных актах как обобщающий, охватывая разные виды отклонений от требований бюджетного законодательства. Это порождает риски расширительного толкования состава ст. 15.14 КоАП РФ и смешения нецелевого и неэффективного использования средств.

Позиция Конституционного Суда РФ по этому вопросу однозначна: административная ответственность возможна только за составы, прямо предусмотренные КоАП РФ, а расширительное толкование терминов недопустимо [10]. Суд подчёркивает необходимость правовой определённости: использование в актах контрольных органов понятий, не закреплённых в КоАП РФ, само по себе не может служить основанием для привлечения к ответственности без доказательства конкретного состава правонарушения. Аналогичный подход прослеживается и в более ранней практике КС РФ, где подчёркивалась недопустимость установления субъектами РФ собственных составов ответственности и расширения федеральных составов.

Верховный Суд РФ последовательно разграничивает нецелевое и неэффективное использование бюджетных средств. Так, в Постановлений от 10.10.2025 указано, что нарушение сроков реализации проекта и недостижение плановых показателей не образуют состава ст. 15.14 КоАП РФ, если направление средств соответствовало целям, установленным соглашением и бюджетной росписью [14]. Аналогично, в Постановлении от 02.10.2023 подчеркивается, что ключевым признаком нецелевого использования является именно направление средств на цели, не соответствующие правовому основанию их предоставления, а не эффективность исполнения [12].

И. Г. Львова отмечает, что «применение термина «неправомерное» без чёткой привязки к ст. 306.4 БК РФ ведёт к правовой неопределённости и риску квалификации неэффективного использования как нецелевого» [7, с. 83]. О. В. Соколова подтверждает данный тезис, указывая на то, что в практике Казначейства термин нередко используется как родовой, однако для целей КоАП РФ он должен быть переведён на язык конкретных составов. Это позволит исключить расширительное толкование ст. 15.14 КоАП РФ и обеспечить правовую определённость при квалификации правонарушений.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что инфраструктурные кредиты стали ключевым инструментом региональной политики государства, трансформируя механизм финансовой поддержки субъектов Российской Федерации. Их внедрение ознаменовало переход от преимущественно дотационной модели, где регионы выступали пассивными получателями средств, к модели проектного софинансирования, предполагающей активную роль субъектов в определении приоритетов развития.

Вместе с тем реализация этого механизма не проходит без сложностей. Во-первых, сохраняется неопределённость в квалификации нарушений. Так, действующее законодательство не даёт чёткого критерия, отделяющего «нецелевое использование» (ст. 15.14 КоАП РФ) от «недостижения показателей результативности» (что чаще относят к нарушению условий кредита по ч. 2 ст. 15.15.2 КоАП РФ). Во-вторых, в правоприменении сохраняется проблема определения надлежащего субъекта ответственности в многоуровневой системе распределения средств. В-третьих, использование в актах контрольных органов термина «неправомерное использование» без его закрепления в БК РФ или КоАП РФ создаёт риски расширительного толкования данного понятия.

В качестве направления для дальнейшего совершенствования правового регулирования предлагается детализировать в законодательстве критерии разграничения видов нарушений, закрепить в подзаконных актах исчерпывающий перечень обстоятельств, освобождающих от повышения ставки при недостижении показателей, а также уточнить методики оценки долговой устойчивости с учётом специфики инфраструктурных проектов.

Литература

1. Аблаев Э.Ю., Волков Р.Г. Государственный долг регионов России: бюджетные кредиты как фактор устойчивости // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 6 (207). – С. 168-186. – DOI: 10.47711/0868-6351-207-168-186

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – 3 авг. – № 31. – Ст. 3823.

3. Васюнина М.Л. Бюджетные кредиты как инструмент обеспечения устойчивости региональных бюджетов для успешной реализации национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16. – № 6. – С. 18-27.

4. Итоговый доклад об основных результатах деятельности Министерства финансов Российской Федерации в 2025 году и задачах органов финансовой системы Российской Федерации на 2026 год [Электронный ресурс] // Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/om/focal_advisory/college/2026?id_57=316717-proekt_itogovogo_doklada_k_rasshirennomu_zasedaniyu_kollegii_2026_goda&ysclid=mtjzg46f25521966430 (дата обращения: 02.09.2026).

5. Климанов В.В., Тимушев Е.Н. Инфраструктурные бюджетные кредиты: объёмы межрегионального распределения и возможные детерминанты // Регионалистика. – 2025. – Т. 12. – № 3. – С. 5-19. – DOI: 10.14530/reg.2025.3.5

6. Кутырев Ю.А. Бюджетный контроль за эффективным использованием бюджетных средств // Европейский научный журнал. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 48ECVN222.

7. Львова И.Г. К вопросу об ответственности за неэффективное расходование бюджетных средств // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 83-88. – DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-3-83-88

8. О мерах ответственности за нарушение условий соглашений, а также обязательств по достижению целей, показателей и результатов региональных и федеральных проектов: презентация Минфина России [Электронный ресурс] // Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт. – 2019 г. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/07/main/008.pdf?ysclid=mtla72bc74164100259 (дата обращения: 03.09.2026).

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/35269?ysclid=mtufvkgin4610929767 (дата обращения: 03.09.2026).

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2026 № 10-П [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202603020001?ysclid=mtug9bimyu884655438 (дата обращения: 03.09.2026).

11. Основные направления деятельности Счётной палаты Российской Федерации на 2025-2027 годы [Электронный ресурс] // Счётная палата Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/%D0%9E%D0%9D%D0%94-2025-2027.pdf?ysclid=mtl6qoac4d459955938 (дата обращения: 03.09.2026).

12. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2023 № 4-АД23-21-К1 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02102023-n-4-ad23-21-k1/ (дата обращения: 03.09.2026).

13. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от

24.04.2025 № 39-АД25-1-К1 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24042025-n-39-ad25-1-k1/?ysclid=mtuh49gxsh878929738 (дата обращения: 03.09.2026).

14. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2025 № 47-АД25-13-К6 [Электронный ресурс]. – URL: https://deloprava.ru/wp-content/uploads/2025/12/postanovlenie-verhovnogo-suda-rf-ot-10.10.2025-n-47-ad25-13-k6.pdf?ysclid=mtug1ezp2r21154300 (дата обращения: 03.09.2026).

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 703 «О Федеральном казначействе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – 6 дек. – № 49. – Ст. 4908.

16. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2015 № 658 «О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201507090011 (дата обращения: 03.09.2026).

17. Постановление Правительства РФ от 27.02.2020 № 208 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Планирование проверок, ревизий и обследований» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202002280008 (дата обращения: 03.09.2026).

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 04.03.2020 № 227 «Об утверждении Правил проведения оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003050007 (дата обращения: 03.09.2026).

19. Постановление Правительства РФ от 27.07.2026 № 940 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 25 января 2025 г. № 48» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607270027 (дата обращения: 03.09.2026).

20. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.12.2024 № 813 «Об утверждении методических рекомендаций по мониторингу государственных программ Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития России. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_23_dekabrya_2024_g_813.html?ysclid=mtu9jpdnqo931096728 (дата обращения: 03.09.2026).

21. Решение судьи Ленинского районного суда г. Ярославля от 18.04.2022 по делу № 30-2-231/2022 [Электронный ресурс] // СудАкт.ру: правовая система. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/hIoYyXnv9uW5/ (дата обращения: 03.09.2026).

22. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 8 апр. – № 14. – Ст. 1649.

23. Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511280088 (дата обращения: 03.09.2026).

24. Цику С.Ю. Трансформация механизма списания бюджетных кредитов субъектам Российской Федерации и её последствия // Финансы и управление. – 2026. – № 1. – С. 90-106. – DOI: 10.25136/2409-7802.2026.1.73199

Infrastructure loans and debt stability of regions: administrative and legal mechanisms of control and responsibility

Vlasova E.Lv.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Infrastructure loans are a relatively new instrument of state support for the constituent entities of the Russian Federation, introduced as part of the implementation of national projects and the spatial development strategy. Therefore, as state support mechanisms are being transformed, the issue of balancing the stimulation of regional economic growth and maintaining their debt sustainability is particularly important. This article explores the conceptual framework, identifies the specifics of the legal status of infrastructure loans as a budget policy instrument, and systematizes the main threats to regional debt security. The author substantiates the need to improve the administrative and legal regulation of infrastructure lending. The results obtained can be used to improve mechanisms for the state regulation of infrastructure lending, enhance the effectiveness of budgetary oversight, and establish a more robust system of financial accountability for the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: infrastructure loans, debt sustainability of constituent entities of the Russian Federation, administrative control, treasury support, risk-based approach, budgetary funds, administrative responsibility, delineation of powers, financial and budgetary sphere, targeted use of funds.

References

1. Ablaev E.Yu., Volkov R.G. Public Debt of Russian Regions: Budget Loans as a Factor of Sustainability // Studies on Russian Economic Development. – 2024. – No. 6 (207). – P. 168-186. – DOI: 10.47711/0868-6351-207-168-186
2. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated July 31, 1998 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – Aug. 3. – No. 31. – Art. 3823.
3. Vasyunina M.L. Budget Loans as a Tool for Ensuring the Sustainability of Regional Budgets for the Successful Implementation of National Projects // Economics, Taxes & Law. – 2023. – Vol. 16. – No. 6. – P. 18-27.
4. Final Report on the Main Results of the Activities of the Ministry of Finance of the Russian Federation in 2025 and the Tasks of the Financial System Bodies of the Russian Federation for 2026 [Electronic resource] // Ministry of Finance of the Russian Federation: official website. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/om/focal_advisory/college/2026?id_57=316717-proekt_itogovogo_doklada_k_rasshirennomu_zasedaniyu_kollegii_2026_goda&ysclid=mtjzg46f25521966430 (accessed: 02.09.2026).
5. Klimanov V.V., Timushev E.N. Infrastructure Budget Loans: Volumes of Interregional Allocation and Possible Determinants // Regionalistics. – 2025. – Vol. 12. – No. 3. – P. 5–19. – DOI: 10.14530/reg.2025.3.5
6. Kutyrev Yu.A. Budgetary control over the efficient use of budget funds // European Scientific Journal. – 2022. – Vol. 14. – No. 4. – P. 48ECVN222.
7. Lvova I.G. On the issue of liability for the inefficient expenditure of budget funds // Bulletin of the Omsk Law Academy. – 2017. – Vol. 14. – No. 3. – P. 83–88. – DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-3-83-88
8. On liability measures for violating the terms of agreements, as well as obligations to achieve the goals, indicators, and results of regional and federal projects: presentation by the Ministry of Finance of Russia [Electronic resource] // Ministry of Finance of the Russian Federation: official website. – 2019. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/07/main/008.pdf?ysclid=mtla72bc74164100259 (accessed: 03.09.2026).
9. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2025) [Electronic resource] // Supreme Court of the Russian Federation: official website. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/35269?ysclid=mtufvkgin4610929767 (accessed: 03.09.2026). 10. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 10-P dated February 27, 2026 [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202603020001?ysclid=mtug9bimyu884655438 (accessed: September 3, 2026).
11. Main Directions of Activity of the Accounts Chamber of the Russian Federation for 2025–2027 [Electronic resource] // Accounts Chamber of the Russian Federation: official website. – URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/%D0%9E%D0%9D%D0%94-2025-2027.pdf?ysclid=mtl6qoac4d459955938 (accessed: September 3, 2026).
12. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4-AD23-21-K1 dated October 2, 2023 [Electronic resource] // Garant Legal Reference System. – URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02102023-n-4-ad23-21-k1/ (accessed: September 3, 2026).
13. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 39-AD25-1-K1 dated April 24, 2025 [Electronic resource] // Garant Legal Reference System. – URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24042025-n-39-ad25-1-k1/?ysclid=mtuh49gxsh878929738 (accessed: 03.09.2026).
14. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 47 AD25 13 K6 dated October 10, 2025 [Electronic resource]. – URL: https://deloprava.ru/wp-content/uploads/2025/12/postanovlenie-verhovnogo-suda-rf-ot-10.10.2025-n-47-ad25-13-k6.pdf?ysclid=mtug1ezp2r21154300 (accessed: 03.09.2026).
15. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 703 dated December 1, 2004, "On the Federal Treasury" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2004. – Dec. 6. – No. 49. – Art. 4908.
16. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 658 dated June 30, 2015, "On the State Integrated Information System for Public Finance Management 'Electronic Budget'" [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201507090011 (accessed: 03.09.2026). 17. Decree of the Government of the Russian Federation No. 208 dated February 27, 2020, "On Approval of the Federal Standard for Internal State (Municipal) Financial Control 'Planning of Inspections, Audits, and Assessments'" [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202002280008 (accessed: September 3, 2026).

Анализ законодательства и нормативных актов, регламентирующих электронный документооборот в сфере дорожного строительства

Галкин Павел Сергеевич
аспирант, кафедра «Автомобильные дороги и мосты», Пермский национальный исследовательский политехнический университет; главный специалист отдела реконструкции и строительства, Пермского филиала Государственной компании «Российские автомобильные дороги», galkin.pavel.serg@yandex.ru,

Бургонутдинов Альберт Масугутович
профессор, доцент, доктор технических наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, burgonutdinov.albert@yandex.ru

Дорожное строительство является сложным процессом строительства дорожных объектов, в котором важное значение имеет высокая точность и качество на всех этапах проекта. Оптимизация процессов возможна за счёт внедрения электронного документооборота, однако, пробелы в законодательстве не позволяют в полной мере обеспечивать прозрачность и безопасность создания, хранения, обработки и передачи документов в электронном виде как между предприятием сферы дорожного строительства и органами власти, так и между субъектами проекта. *Цель работы* заключается в оценке аспектов современного законодательства в сфере дорожного строительства и электронного документооборота. *Задачами работы* являются: анализ нормативно-правовой базы, регулирующей внедрение и осуществление электронного документооборота, выявление проблем внедрения электронного документооборота, разработка предложений в области нормативного регулирования электронного документооборота. Объектом исследования выступает нормативно правовое регулирование электронного документооборота в РФ. Предмет исследования – процесс организации электронного документооборота на основе требований к формированию и ведению документации в электронном виде в сфере дорожного строительства.
Результаты. Нормативное регулирование электронного документооборота в процессе развития и несовершенно, что определяет риски недостижения задач цифровой трансформации строительной отрасли в целом. Внедрение электронного документооборота в сфере дорожного строительства нуждается в поддержке со стороны государства для эффективной реализации проектов и комплексного подхода, включающего нормативное регулирование, стандартизацию программных средств, методическую поддержку ведения электронного документооборота.
Выводы. Нормативно правовое регулирование в сфере электронного документооборота должно носить комплексный характер и быть направлено на обеспечение: координации и согласованности всех участников процесса, автоматизации процессов, взаимодействия с органами власти, поставщиками и заказчиками, информационной безопасности.
Ключевые слова: электронный документооборот, юридическая значимость, ЭЦП, дорожное строительство, качество проектных работ.

Введение

Дорожное строительство (ДС), как сложный процесс строительства дорожных объектов, требует высокой точности и качества на всех этапах от подготовительных работ до обслуживания и ремонта. Низкое качество строительных работ может быть обусловлено недостаточностью контроля со стороны заказчика и надзорных органов за качеством выполняемых работ и их соответствием нормативным документам и техническим условиям.

Решение задач контроля процесса строительства на всех этапах может быть более эффективным за счёт использования современных технологий и систем управления и передачи данных.

В этой связи актуален переход от традиционного документооборота к электронному документообороту (ЭДО), поскольку он позволяет ускорить обмен документами, исключить дублирование функций по их обработке, автоматизировать создание и заполнение дорожно-строительной документации (ДСД), улучшить безопасность данных и контроль выполнения работ.

Однако при всех положительных сторонах ЭДО ДСП сталкиваются с несовершенством законодательства, что сказывается на подготовке ДСД, прозрачности процессов, сроках реализации проектов и, в конечном счёте, качестве дорожных работ.

Работа с электронными документами является реалиями цифровой экономики, а объективный характер темпов перехода на электронный документооборот объясняется усложнением процессов управления проектами и привлечением большого количества контрагентов: субподрядчиков, поставщиков, государственных учреждений и контролирующих органов [1].

В этой связи возрастает роль юридической значимости электронных документов и ЭДО как процесса автоматизации работы с документами хозяйствующих субъектов, который в России не закреплён единым федеральным законом, что может влиять на внедрение ЭДО в ДСП.

Рассматривая тенденции развития ЭДО, исследователи акцентируют внимание на том, что современное законодательство и нормативные акты, устанавливающие правила конвертации электронных документов, не только закрепляют правила хранения и создания электронных бумажных копий, но и сохранения юридической ценности электронных документов при конвертации, что позволяет создать для ДСП комфортные условия для электронного взаимодействия между органами государственной власти и организацией [2].

Однако вопросы контроля перевода документов на бумажном носителе в электронный формат внутри ДСП и проверки соответствия такого процесса государственному регулированию законодательно закреплены недостаточно, что может снижать положительный эффект ЭДО.

В частности, ряд исследователей выделяют проблемные аспекты внедрения и распространения ЭДО, такие как организационные изменения, обуславливающие конкуренцию между сотрудниками за доступ к информационным ресурсам, невозможность перевода на ЭДО отдельных служб, отсутствие единой правовой процедуры внедрения ЭДО с учётом специфики сферы деятельности. Можно отметить, что специфика сферы деятельности, наряду с использованием различных информационных технологий для хранения, обработки и передачи электронного документа, может оказывать непосредственное влияние на обмен документами и данными между всеми участниками проектов в ДС. Например, узкоспециализированные документы в системе ЭДО должны соответствовать определённым требованиям соответствующих нормативно-правовых актов, действующих в секторе [3-4].

Следовательно, нормативное регулирование ЭДО должно обеспечивать переход от общего к частному, то есть, общие положения, правила и требования по обеспечению ЭДО должны служить основой для разработки нормативных актов, касающихся непосредственно ДС, с учётом правил и обычаев, устоявшихся в секторе. Однако, возникают такие проблемы ДС, как отсутствие стандартизации бизнес-процессов и возможности их автоматизации, несмотря на существующее нормативное регулирование ЭДО, возрастающую значимость информационных технологий [5].

Распространение информационных технологий требует от ДСП модернизации всех структурных элементов системы взаимодействия в процессе исполнения инвестиционных проектов в сфере ДС,

однако, существующие пробелы в нормативно-правовой базе не позволяют в полной мере оценить воздействие ЭДО и в целом информационных потоков на сферу ДС, влияние ЭДО на эффективность и качество ДС работ.

Рассматривая аспекты государственного регулирования строительной отрасли РФ, исследователи отмечают, что строительная индустрия, охватывающая промышленную, коммерческую, жилую сферы и инфраструктуру нуждается, на современном этапе в глубокой трансформации и развитии, а также в оптимизации направлений взаимодействия органов власти и строительной компании. Строительство, как низкоцифровизированная отрасль, нуждается в преобразовании модели развития для достижения результативности, в том числе на основе внедрения процессов автоматизации и расширения возможностей информационных технологий [6].

Переход исполнительной документации в цифровую форму снижает ошибки, ускоряет согласования и обеспечивает отслеживание, но сталкивается с рисками фальсификаций без ЭЦП; рекомендуются стандарты Минстроя № 281/пр от 2023 г. [7].

Современные исследования демонстрируют, что ЭДО интегрируется в менеджмент стройорганизаций как инструмент автоматизации рабочего процесса и снижения бумажного потока [8]. Ключевыми проблемами остаются отсутствие унифицированных платформ, недостаточный уровень цифровой грамотности специалистов и пробелы в 44-ФЗ [9].

В этой связи, представляется необходимым стандартизация интеграции процессов ЭДО и цифровизации в ДС, развитие государственного регулирования строительной отрасли через аспекты цифрового формата, стимулирующего создание благоприятных факторов для развития отрасли.

Ожидания ДСП в отношении ЭДО затрагивают такие аспекты как качество ДС работ, экономическую устойчивость и оптимизацию взаимоотношений с государственными органами. Нормативно-правовая база регулирования ЭДО в России призвана стимулировать переход от обычного автоматического составления, хранения и передачи документов к более сложному процессу автоматизации документооборота, позволяющего снизить административные барьеры и сократить время строительства.

Целью работы является оценка аспектов современного законодательства в сфере ДС, направленного на повышение юридической значимости документов в электронной форме, путём решения следующих задач: анализ современного состояния нормативно-правовой базы, регулирующей внедрение и осуществление ЭДО в строительной отрасли, выявление проблем ЭДО при осуществлении взаимодействия ДС предприятий с субъектами ДС проектов, разработка предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования ЭДО.

Материалы и методы

Исследование проведено с использованием теоретико-аналитического подхода и сравнительного правового анализа нормативно-правовой базы ЭДО в дорожно-строительной отрасли. Материалами послужили 14 научных публикаций, официальные документы (ФЗ-44, ФЗ-152, постановления Минстроя России №281/пр от 2023 г., национальные проекты «Цифровая экономика» и «Безопасные качественные дороги») и отраслевые стандарты.

Применены системный анализ нормативных актов для выявления пробелов в регулировании ЭЦП и интеграции систем, контент-анализ ключевых источников по цифровизации строительства с акцентом на риски безопасности и эффективности, а также SWOT-анализ текущего законодательства. Этапы работы включали сбор и обобщение НПА и литературы, идентификацию проблем унификации платформ и сертификации ПО и разработку предложений по совершенствованию правового поля. Эмпирические и полевые исследования не проводились.

Результаты и обсуждение

Нормативно правовое регулирование ДС должно быть направлено на обеспечение координации и согласованности всех участников процесса, эффективного обмена информацией, тем самым позволяя создать внутреннюю и внешнюю информационную среду, позволяющую повысить качество ДС [7].

Строительная отрасль, в частности сфера ДС, характеризуется разнообразием и количеством оформляемых документов, которые: в период своего жизненного цикла могут проходит несколько этапов исправлений и дополнений, что повышает риск накопления неточностей и ошибок, создаются и накапливаются в различных подразделениях ДСП, что затрудняет принятие оперативных решений в рамках проекта и получение разрешения на строительство и реконструкцию автомобильных дорог.

Оптимизация ЭДО согласуется с целями менеджмента качества, такими как упорядочение информационных потоков, сокращение сроков выполнения этапов проекта, ориентация на повышение эффективности финансовой и экономической деятельности [8].

ЭДО выстраивается на ДСП путём использования специальных электронных систем учёта и соответствующего программного обеспечения, с предоставлением ответственным работникам электронно-цифровой подписи (ЭЦП) для идентификации, подписи электронных документов, предназначенных для хранения, редактирования и передачи субъектам проекта и в органы государственной власти.

Отношения между участниками электронного взаимодействия регулируются Федеральным законом от 08 апреля 2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи», которым установлены основные принципы: возможность использования ЭЦП любого вида, осуществление передачи ЭД путём использования любой информационной технологии и технических средств на усмотрение участника электронного взаимодействия, признание юридической силы документа подписанного ЭЦП. Признание юридической силы означает, что документ в электронной форме, подписанный ЭЦП, признается равнозначным документу на бумажном носителе, а следовательно, открывает возможности для ДСП оптимизировать информационные потоки в рамках проекта, вплоть до подписания актов приёмки работ на заключительном этапе проекта.

Однако необходимость дублирования ЭД в бумажном виде остаётся проблемой для многих субъектов проекта, поскольку разнообразие информационных технологий и отсутствие унификации систем ЭДО могут приводить к несовместимости решений разных контрагентов и невозможности оперативного обмена электронными документами.

Для ДСП важным является автоматизация обработки бумажных документов, снижение затрат на взаимодействие с органами власти, поставщиками и заказчиками и ускорение бизнес-процессов. В этой связи, организация ЭДО, в части формирования первичных учётных документов со стороны сотрудников ДСП, при отпуске и перемещения материальных ценностей, вводе в эксплуатацию основных средств является одной из первостепенных задач [9].

Наличие ЭЦП для совершения операций в учёте, особенно для ДСП, ведущих свою деятельность в отдалённых районах, позволяет исключить дополнительные затраты и простои, а положения Федерального закона от 06 декабря 2011 №402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» закрепляет положения о возможности передачи в электронном виде с ЭЦП годовой бухгалтерской (финансовой) отчётности в налоговый орган по месту нахождения экономического субъекта.

Тем не менее переход от традиционного документооборота к ЭДО связан с затратами на приобретение электронных подписей и сертификатов, дополнительного программного обеспечения и его интеграцию с действующей учётной системой. Кроме того, переход может сопровождаться недоверием руководства ДСП к юридической значимости ЭД и информационной безопасности при передаче данных.

Ведение ЭД требует технических стандартов, которые обеспечивают надёжное хранение и защиту данных при их передаче через сети общего пользования [10].

Наличие ЭЦП подтверждает подлинность передаваемых документов, однако не гарантирует полной информационной безопасности: системы ЭДО могут подвергаться взлому и несанкционированной утечке данных.

Опираясь на положения Федерального закона от 27 июля 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» важно подчеркнуть, что обеспечение защиты информации ДСП и соблюдение конфиденциальности является важнейшими при осуществлении ЭДО.

Государственное регулирование отношений в сфере защиты информации заключается в установлении требований ответственности за нарушение законодательства, а также требования к защите информации в государственных информационных системах, что с одной стороны повышает уровень защищённости ЭДО при взаимодействии с органами власти, но не упорядочивает и не защищает информационные потоки как между субъектами проекта, так и внутри ДСП при хранении и обработке ЭД [11].

Переход на отечественное программное обеспечение в направлении ЭДО, в рамках импортозамещения, также не исключает риски потери данных, что приводит к ещё большим затратам ДСП на внедрение дополнительных систем защиты информации. Кроме того, человеческий фактор, недостаток в квалифицированных сотрудниках, отсутствие закреплённого на локальном уровне требования соблюдения нормативно-правовых требований может также приводить к низкому уровню эффективности работы с системами ЭДО.

Для ДСП ЭДО может быть компонентом в системе управления рисками, позволяющим осуществлять заблаговременные закупки, политику поддержки сотрудников и использовать более эффективно ресурсы, что положительно сказывается на сроках и бюджете ДС проекта. Разработка и внедрение нормативно-правовых актов в регулирующие стратегии управления рисками при реализации инвестиционных проектов в сфере ДС на основе внедрения ЭДО может обеспечить соблюдение ДСП установленных правил и требований, свести к минимуму задержки согласования исполнительной документации с органами власти [12].

Эффективная коммуникация в рамках реализации строительного проекта зависит от установленной системы управления документами и информацией, что ставит ЭДО в ранг новой тенденции, позволяющей бесперебойно управлять документами и коммуникацией, обрабатывать входящую и исходящую документацию, связанную с проектом. Однако, при всех положительных сторонах внедрения ЭДО, определяющим фактором становиться высокие финансовые издержки на внедрение ЭДО [13].

Отсутствие ЭДО при осуществлении проектов в сфере ДС может снижать эффективность реализации проектных работ, уровень прозрачности процессов и взаимодействия между контрагентами.

Техническое оснащение проектов и ЭДО становятся неотъемлемой частью процессов на всем жизненном цикле проекта, но требует устранения препятствий и устранения пробелов в мониторинге, оценке правоприменения [14].

Строительная отрасль играет важнейшую роль в экономическом развитии государства, что требует соответствующей нормативно-правовой базы для укрепления взаимосвязи между внутренним контролем закупок и администрированием контрактов на закупки, особенно в государственном секторе. Отсутствие необходимых положений в нормативных актах является сдерживающим фактором эффективности управления рисками при осуществлении строительных проектов [15].

Нормативно-правовые акты в сфере ЭДО можно разделить на две группы: общего действия (ГК РФ, содержащий положения, регулирующие договорные и иные правоотношения в сфере ЭДО) и специальные законы, затрагивающие отдельные аспекты организации и функционирования систем ЭДО и сферы их применения.

Особый интерес представляет Приказ Минстроя России от 16.05.2023 № 344/пр «Об утверждении состава и порядка ведения исполнительной документации при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства». Документ устанавливает требования к составу и ведению исполнительной документации, в том числе в электронном виде, однако не определяет форматы файлов, требования к метаданным, порядок фиксации изменений и версий, правила резервного копирования и защиты истории правок. Приказ также не учитывает в полной мере специфику дорожного строительства и интеграцию с ГИС дорожного хозяйства.

Соотнесём требования и положения законодательства в сфере ЭДО, непосредственно с деятельностью ДСП, выделим плюсы и пробелы в законодательстве (табл 1).

Таблица 1
Анализ преимуществ и недостатков нормативного регулирования в области электронного документооборота

Направления нормативного регулирования	Плюсы ЭДО	Пробелы в законодательстве
ЭДО (хранение, перемещение, создание ЭД)	Сокращение затрат на подготовку, обмен, сканирование и хранение ЭД	Отсутствие стандартизации в области ПО, высокие затраты на ПО
Ведение бухгалтерской (финансовой) отчётности	Контроль в реальном времени, возможность составления первичных учётных документов, отправка в ФНС отчётности в электронном виде	Трудности со стороны сотрудников в формировании электронной отчётности, низкий уровень безопасности при передаче данных в контролирующие органы
Безопасность	Высокий уровень безопасности систем ЭД в органах власти	Низкий уровень информационной безопасности внутри ДСП, вероятность потери данных, вызванная сбоями в информационных системах
Взаимодействие с контрагентами	Быстрый обмен информацией и технической документации между контрагентами в рамках проекта	Нежелание многих контрагентов переходить на ЭДО, несовместимость систем ЭДО субъектов проекта.
Взаимодействие с органами власти	Непрерывность процесса, быстрая отправка и согласование исполнительной документации	Рост ошибок и дублирования ЭД, отказы от принятия документов в электронном виде по техническим причинам
ЭЦП	Юридическая значимость ЭД, обеспечение целостности данных, контроль в реальном времени	Ограничение срока действия, передача третьему лицу

Существующие аспекты современного законодательства области ЭДО показывают, что процесс нормативного регулирования ЭДО находится в процессе развития и не в полной мере регулирует все аспекты работы ЭДО в ДС. Переход на ЭДО ДСП является необходимым и неизбежным процессом в строительной отрасли России, но требует изменений и дополнений в сфере нормативно-правого регулирования.

Согласно Распоряжению Правительства от 27 декабря 2021 №3883-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года» определена задача перехода на исключительно электронный обмен информацией между участниками строительной отрасли. При этом сохраняются риски роста затрат из-за отсутствия единых стандартов данных и снижения темпов перехода вследствие отсутствия методологии и низкого уровня цифровой зрелости участников.

Принятие ГОСТ Р 70108-2025 стало шагом к созданию единой системы управления исполнительной документацией в электронном формате. Вместе с тем положения стандарта не применимы к сфере дорожного строительства, поэтому ЭДО в ДС регулируется отдельными правовыми актами, не всегда соответствующими отраслевой специфике.

Современные тенденции выдвигают ЭДО на ведущую роль, следовательно, внедрение и распространение ЭДО нуждается в поддержке со стороны государства для обеспечения эффективной реализации ДС проектов.

В этой связи, представляется необходимым:

разработка и принятие федерального закона о ЭДО в сфере строительства;

разработка методических рекомендаций по организации ЭДО в сфере ДС, с учётом специфики ведения деятельности, технической документации и особенностей ведения инвестиционных проектов;

стандартизация программного обеспечения в сфере ЭДО в сфере ДС, позволяющего осуществлять интеграцию с другими системами ЭДО представленными на рынке;

ужесточение контроля над информационной безопасностью систем ЭДО в органах власти;

формирование единых критериев создания ЭД непосредственно в сфере ДС;

разработка методических рекомендаций по созданию модели гарантированно защищённой системы обработки информации на локальном уровне ДСП;

нормативное закрепление возможности выдачи и использования ЭЦП для внутренних нужд ДСП;

проработка вопроса о способах придания юридической значимости ЭД.

Вывод о необходимости принятия отдельного федерального закона, регулирующего порядок ЭДО, согласуется с позицией А.Ю. Платко и Н.Г. Суровцевой, которые отмечают фрагментарный характер правового регулирования. В отличие от авторов, предлагающих систематизировать действующее законодательство, мы считаем необходимым принятие специального закона, учитывающего специфику ЭДО именно в сфере дорожного строительства.

По итогам анализа действующей практики применения законодательства было выдвинуто предложение о разработке методических рекомендаций по организации ЭДО в строительной сфере. Данный вывод коррелирует с результатами, полученными такими авторами, как Н.Л. Бреус и И.И. Овчинников с соавторами. Изучив опыт внедрения платформы MStroy в практику управления строительной

компанией, авторы отмечают высокую эффективность применения ЭДО и одновременно обращают внимание на необходимость дополнительного обучения персонала и обобщения опыта успешных пилотных проектов [8]. Вместе с тем практика перехода к ЭДО в сфере дорожного строительства существенно отличается от опыта строительных компаний в целом, послужившего предметом исследования указанных авторов. Это обусловлено такими особенностями дорожного строительства, как значительная продолжительность проектов и сложная система взаимодействия с государственными органами. Указанные факторы предъявляют особые требования к документации и определяют специфику содержания предлагаемых к разработке методических рекомендаций. Предложения по совершенствованию ЭДО в сфере ДС носят комплексный характер, что позволит сделать шаг к оптимизации деятельности в сфере ДС, повышению качества выполняемых работ, повысить уровень контроля и управления на всех этапах проекта в сфере ДС. ЭДО должно представлять собой единое и безопасное информационное пространство, объединяющее субъектов ДС проекта, связывающее ДСП с контролирующими органами на основе разработанной ДСП модели ЭДО по созданию, хранению оперативному обмену и согласованию технической документации.

Заключение

Нормативно–правовое регулирование в сфере электронного документооборота должно быть направлено на обеспечение координации и согласованности всех участников процесса, эффективного обмена информацией.

Организация и оптимизация электронного документооборота согласуется с целями менеджмента качества, поскольку позволяет предприятию в сфере дорожного строительства автоматизировать внутренние процессы, эффективно взаимодействовать с органами власти, поставщиками и заказчиками.

Актуальными вопросами для предприятий становиться обеспечение информационной безопасности при ведении электронного документооборота.

Существующие пробелы в законодательстве, регулирующем порядок ведения электронного документооборота, сдерживают эффективность управления рисками в строительных проектах и могут становиться причиной снижения качества дорожно-строительных работ.

Совершенствование ведения электронного документооборота в сфере дорожного строительства должно носить комплексный характер поскольку включает несколько аспектов: нормативное регулирование, стандартизация программного обеспечения, методическая поддержка.

Электронный документооборот в сфере дорожного строительства призван создать единое и безопасное информационное пространство, объединяющее субъектов проекта, связывающее предприятие с контролирующими органами, что требует совершенствования законодательства, разработки и принятия изменений в нормативно-правовых актах в Российской Федерации.

Литература

1. Платко А. Ю., Суровцева Н. Г. Проблемы документирования в электронном виде юридически значимых действий при ведении экономической деятельности // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 6. С. 1757-1772. [Platko A. Yu., Surovtseva N. G. Problems of electronic documentation of legally significant actions in the course of economic activity // Economy, Entrepreneurship and Law. 2020. Vol. 10, No. 6. Pp. 1757-1772.]

2. Жутяева С. А., Лысова Т. А. Тенденции развития электронного документооборота: перспективы, проблемы, возможности // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 12. С. 963–970. [Zhutyaeva S. A., Lysova T. A. Trends in the Development of Electronic Document Management: Prospects, Problems, Opportunities // Economy and Management. 2021. Vol. 27. No. 12. Pp. 963–970.]

3. Чиняков, О.Е. Электронный документооборот: свойства и проблемы // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2023. № 1(20). С. 43-50. [Chinyakov, O.E. Electronic Document Management: Properties and Problems // Humanitarian and Political-Legal Studies. 2023. No. 1(20). Pp. 43-50.]

4. Конявский В. А., Гадасин В. А.Основы понимания феномена электронного обмена информацией / Под редакцией А.П. Леонова, С.В. Конявской. Минск: Беллитфонд, 2004. 327 с. [Konyavsky V. A., Gadasin V. A. Basics of Understanding the Phenomenon of Electronic Information Exchange / Edited by A. P. Leonov, S. V. Konyavskaya. Minsk: Bellitfond, 2004. 327 p.]

5. Шарипов Р. Ш., Исавнин А. Г. Влияние цифровой экономики на развитие дорожно-строительной отрасли // Kant. 2019. № 2(31). С. 392-397. [Sharipov R. Sh., Isavnin A. G. The Impact of the Digital Economy on the Development of the Road Construction Industry // Kant. 2019. No. 2 (31). P. 392-397.]

6. Ольшанская М. В. Государственное регулирование строительной отрасли в России // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 2(67). С. 194-199. [Olshanskaya M. V. State Regulation of the Construction Industry in Russia // Business. Education. Law. 2024. No. 2 (67). P. 194-199.]

7. Артеменко Д.В., Хитров В. В. Актуальность ведения исполнительной документации в цифровом виде // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 3. [Artemenko D. V., Khitrov V. V. Relevance of Maintaining Executive Documentation in Digital Form // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15, No. 3.]

8. Бреус Н. Л., Овчинников И. И., Хитров В. В. Строительство без бумаги: практика перехода на электронный документооборот и управление на примере платформы MStroy // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № 6 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stroitelstvo-bez-bumagi-praktika-perehoda-na-elektronnyy-dokumentooborot-i-upravlenie-na-primere-platformy-mstroy [Breus N. L., Ovchinnikov I. I., Khitrov V. V. Paperless Construction: The Practice of Transitioning to Electronic Document Management and Control Using the MStroy Platform as an Example // Eurasian Science Bulletin. 2025. Vol. 17, No. 6.]

9. Пономарева П. А., Синенко С. А. Рационализация систем документооборота при управлении строительной организации // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № 4. URL: https://esi.todav/PDF/69SAVN425.pdf. For citation: Ponomareva P.A., Sinenko S.A. Streamlining document management systems in the management of a construction organization. The Eurasian Scientific Journal [Ponomareva P. A., Sinenko S. A. Rationalization of Document Management Systems in Construction Organization Management // Eurasian Science Bulletin. — 2025. — Vol. 17, No. 4.]

10.Даниленко А.Ю. Безопасность систем электронного документооборота: технология защиты электронных документов. М.:Ленанд, 2024. 248 с. [Danilenko A.Yu. Security of electronic document management systems: technology for protecting electronic documents. Moscow: Lenand, 2024. 248 p.]

10. Галкин П.С., Бургонутдинов А. М. Нормативно-технические и правовые основания ведения исполнительной документации в электронном виде на территории РФ // Модернизация и научные исследования в транспортном комплексе. 2024. Т. 1. С. 127-130. [Galkin P.S., Burgonutdinov A. M. Regulatory, technical and legal grounds for maintaining executive documentation in electronic form on the territory of the Russian Federation // Modernization and scientific research in the transport complex. 2024. Vol. 1. P. 127-130].

12. Agumba G. O., Gudda P., Mwaura S. Resource risk management strategies and road construction project delivery in Kenya // EPRA International Journal of Economics Business and Management Studies. 2025. URL:https://doi:10.36713/epra23604.

13. Ahmad, H., Al-Suleiman (Obaidat), T., Elhour, A. Investigation of Electronic Document Management Applications in the Construction Projects: Case Study in Jordan // Collaboration and Integration in Construction, Engineering, Management and Technology. 2021. P. 593-599.

14. Nabwire S., Okaka W.T. Road Construction Project Management Issues in Uganda // Kyambogo University. 2024. URL:https://doi:10.13140/RG.2.2.35702.72000.

15. Mwaiseje S., Panga F. P., Mchopa A., Nkuhi M. Procurement contract risks management and the performance of force account construction projects in Tanzania: does the regulatory framework matter? 2024. URL:https://doi.org/10.1108/SAMAMJ-07-2024-0036

Aspects of modern legislation and analysis of regulations governing electronic document management in the field of road construction

Galkin P.S., Burgonutdinov A.M.

Perm National Research Polytechnic University, Perm branch of the State Company "Russian Highways"

Road construction is a complex process of building road facilities, in which high accuracy and quality at all stages of the project are of great importance. Optimization of processes is possible through the introduction of electronic document management, however, gaps in the legislation do not allow to fully ensure transparency and security of creation, storage, processing and transfer of documents in electronic

form both between the enterprise in the field of road construction and authorities, and between the subjects of the project. The purpose of the work is to consider aspects of modern legislation in the field of road construction and electronic document management. The objectives of the work are: analysis of the regulatory framework governing the introduction and implementation of electronic document management, identification of problems in the implementation of electronic document management, development of proposals in the field of regulatory regulation of electronic document management.

Results. The regulatory framework for electronic document management is in the process of development and is imperfect, which determines the risks of failure to achieve the objectives of digital transformation of the construction industry as a whole. The introduction of electronic document management in the field of road construction requires support from the state for the effective implementation of projects and an integrated approach, including regulatory framework, standardization of software, and methodological support for maintaining electronic document management.

Conclusions. Regulatory framework in the field of electronic document management should be comprehensive and aimed at ensuring: coordination and consistency of all participants in the process, automation of processes, interaction with authorities, suppliers and customers, information security.

Keywords: electronic document management, legal significance, digital signature, road construction, quality of design work.

References

1. Platko A. Yu., Surovtseva N. G. Problems of electronic documentation of legally significant actions in the course of economic activity // Economy, Entrepreneurship and Law. 2020. Vol. 10, No. 6. pp. 1757-1772.
2. Zhutyaeva S. A., Lysova T. A. Trends in the development of electronic document management: prospects, problems, opportunities // Economy and Management. 2021. Vol. 27. No. 12. pp. 963-970. [Zhutyaeva S. A., Lysova T. A. Trends in the Development of Electronic Document Management: Prospects, Problems, Opportunities // Economy and Management. 2021. Vol. 27. No. 12. Pp. 963–970.]
3. Chinyakov, O.E. Electronic Document Management: Properties and Problems // Humanitarian and Political-Legal Studies. 2023. No. 1(20). Pp. 43–50. [Chinyakov, O.E. Electronic Document Management: Properties and Problems // Humanitarian and Political-Legal Studies. 2023. No. 1(20). Pp. 43–50.]
4. Konyavsky V. A., Gadasin V. A. Basics of Understanding the Phenomenon of Electronic Information Exchange / Edited by A.P. Leonov, S.V. Konyavskaya. Minsk: Bellitfond, 2004. 327 p. [Konyavsky V. A., Gadasin V. A. Basics of Understanding the Phenomenon of Electronic Information Exchange / Edited by A. P. Leonov, S. V. Konyavskaya. Minsk: Bellitfond, 2004. 327 p.]
5. Sharipov R. Sh., Isavnin A. G. The Impact of the Digital Economy on the Development of the Road Construction Industry // Kant. 2019. No. 2 (31). P. 392-397. [Sharipov R. Sh., Isavnin A. G. The Impact of the Digital Economy on the Development of the Road Construction Industry // Kant. 2019. No. 2 (31). P. 392-397.]
6. Olshanskaya M. V. State regulation of the construction industry in Russia // Business. Education. Law. 2024. No. 2(67). P. 194-199. [Olshanskaya M. V. State Regulation of the Construction Industry in Russia // Business. Education. Law. 2024. No. 2 (67). P. 194-199.]
7. Artemenko D. V., Khitrov V. V. Relevance of Maintaining Executive Documentation in Digital Form // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15, No. 3.]
8. Breus N. L., Ovchinnikov I. I., Khitrov V. V. Paperless Construction: The Practice of Transitioning to Electronic Document Management and Control Using the MStroy Platform as an Example // Eurasian Science Bulletin. 2025. Vol. 17, No. 6 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stroitelstvo-bez-bumagi-praktika-perehoda-na-elektronnyy-dokumentooborot-i-upravlenie-na-primere-platformy-mstroy [Breus N. L., Ovchinnikov I. I., Khitrov V. V. Paperless Construction: The Practice of Transitioning to Electronic Document Management and Control Using the MStroy Platform as an Example // Eurasian Science Bulletin. 2025. Vol. 17, No. 6.]
9. Ponomareva P. A., Sinenko S. A. Rationalization of document management systems in the management of a construction organization // Bulletin of Eurasian Science. 2025. Vol. 17, No. 4. URL: https://esi.todav/PDF/69SAVN425.pdf. For citation: Ponomareva P.A., Sinenko S.A. Streamlining document management systems in the management of a construction organization. The Eurasian Scientific Journal [Ponomareva P. A., Sinenko S. A. Rationalization of Document Management Systems in Construction Organization Management // Eurasian Science Bulletin. - 2025. - Vol. 17, No. 4.]
10. Danilenko A.Yu. Security of electronic document management systems: technology for protecting electronic documents. Moscow: Lenand, 2024. 248 p. [Danilenko A.Yu. Security of electronic document management systems: technologies for protecting electronic documents. Moscow: Lenand, 2024. 248 p.]
11. Galkin P.S., Burgonutdinov A.M. Regulatory, technical, and legal grounds for maintaining executive documentation in electronic form on the territory of the Russian Federation // Modernization and scientific research in the transport complex. 2024. Vol. 1. P. 127-130. 12. Agumba G. O., Gudda P., Mwaura S. Resource risk management strategies and road construction project delivery in Kenya // EPRA International Journal of Economics Business and Management Studies. 2025. URL: https://doi:10.36713/epra23604.
13. Ahmad, H., Al-Suleiman (Obaidat), T., Elhour, A. Investigation of Elec-tronic Document Management Applications in the Construction Projects: Case Study in Jordan // Collaboration and Integration in Construction, Engineering, Management and Technology. 2021. P. 593-599.
14. Nabwire S., Okaka W.T. Road Construction Project Management Issues in Uganda // Kyambogo University. 2024. URL: https://doi:10.13140/RG.2.2.35702.72000.
15. Mwaiseje S., Panga F. P., Mchopa A., Nkuhi M. Procurement

Разрешительная система как основа административно-правовых режимов

Керамова Саида Назировна
Старший преподаватель, кафедра административного, финансового и таможенного права, Дагестанский государственный университет, saida14@yandex.ru,

Муртазалиев Магомед Алиевич
магистрант, кафедра административного, финансового и таможенного права, Дагестанский государственный университет, murtazaliev@dgu.ru

В доктрине административного права разрешительный порядок и административно-правовой режим изучаются преимущественно раздельно, а соотношение двух категорий на уровне действующего нормативного массива не измерялось. Работа направлена на то, чтобы установить, как разрешительные режимы федерального уровня распределены по объекту допуска и по отраслевым административно-правовым режимам. Материалом послужили все 173 действующие позиции перечня разрешительных режимов из приложения № 3 к постановлению Правительства РФ от 12.03.2022 № 353, его первоначальная редакция из 168 позиций и 54 вида лицензируемой деятельности по ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 99-ФЗ в редакциях на 19.09.2026. Позиции закодированы по объекту допуска (лицо, отдельное действие, вещь или объект) и по 13 отраслям; рассчитаны доли с интервалами Уилсона, индекс Херфиндаля–Хиршмана, эффективное число отраслей, V Крамера с перестановочным тестом; кодирование повторено вслепую. Лишь 28,9 % позиций перечня допускают лицо, остальные 71,1 % – действие или объект; к лицензированию в узком смысле относятся три позиции. Позиции охватывают 13 отраслей при эффективном числе 8,4. Тип допуска связан с отраслью (V = 0,45): в природопользовании на разрешения конкретного действия приходится 26 позиций из 29, в здравоохранении преобладает допуск продукции, в транспорте – допуск перевозчиков и персонала. Среди лицензируемых видов деятельности доля режима общественного порядка и безопасности равна 22,2 %. Каппа согласия двух кодировок равна 0,92 по объекту допуска и 0,99 по отрасли. Разрешительная система служит основой административно-правовых режимов как набор отраслевых типов допуска, из которых лицензирование видов деятельности составляет одну ветвь. Отсюда вытекает предложение различать в общем законе о разрешительной деятельности процедурные правила для трёх типов допуска.

Ключевые слова: разрешительная система, разрешительный режим, административно-правовой режим, лицензирование, объект допуска, перечень разрешительных режимов.

Введение

Разрешительный порядок означает, что определённое действие, деятельность или использование объекта становится правомерным только после индивидуального решения уполномоченного органа. С.М. Зырянов и Д. Варгова объясняют распространённость такого метода регулирования его превентивной функцией и указывают, что с внедрением реестровой модели юридические формы разрешений становятся всё менее различимыми [6]. Н.В. Субанова подчёркивает широкое практическое распространение разрешительной системы и сложность механизма контролирующих органов, воздействующего на невластных субъектов [14]. Для лицензирования как наиболее изученной формы разрешительной деятельности центральной проблемой называется баланс превентивных и контрольных механизмов [13], а лицензионно-разрешительное производство в сфере образования рассматривается как исходное начало государственного управления этой сферой [12].

Параллельно развивается учение об административно-правовых режимах. Правовой режим связывается с установлением в отрасли обязательных требований и особого порядка регулирования [5]; административно-правовые отношения рассматриваются как элемент механизма правового регулирования, специфичный для разных сфер управления [9]. Вместе с тем в законодательстве отсутствует единое понятие особых правовых режимов, а в литературе нет их единой классификации [8]; при анализе конкретных сфер, например миграционных отношений, фиксируются пробелы регулирования, возникающие в условиях действия административно-правовых режимов [7]. Льготные режимы описываются через облегчение правового положения субъектов [11], а экспериментальные правовые режимы – через специальные условия регулирования, отступающие от общих требований [1]. Во всех этих подходах разрешительный элемент упоминается как составная часть режима, но соотношение двух категорий на уровне действующего нормативного массива не измерялось.

Практическая сторона вопроса связана с реформой контрольно-надзорной и разрешительной деятельности. Опросы предпринимателей, проведённые в 2017, 2020 и 2021 гг., не показали изменения общего восприятия бизнесом реализуемости законодательных требований, а 44,8 % опрошенных указали на рост издержек, связанных с государственным регулированием [15]. Предлагается принять федеральный закон об основах разрешительной деятельности [10]; дискуссия о субъектах лицензионно-разрешительной деятельности продолжена и в свете конституционного понятия публичной власти [4]. Для такой кодификации необходимо знать, как разрешительные режимы распределены по отраслям и что в них допускается.

Вопрос исследования состоит в том, как распределены разрешительные режимы федерального уровня, нормативно перечисленные в приложении № 3 к постановлению Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 и в ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», по объекту допуска и по отраслевым административно-правовым режимам и насколько концентрирована эта совокупность. Проверялась гипотеза о том, что разрешительная система не сводится к допуску лиц к виду деятельности, а распределена по многим отраслевым режимам без доминирующей отрасли, причём в каждой отрасли преобладает собственный тип допуска.

Материалы и методы исследования

Материалом служат два нормативных перечня в редакциях, действующих на 19.09.2026 (дата проверки по информационно-правовой системе ГАРАНТ). Первый перечень – приложение № 3 «Перечень разрешительных режимов» к постановлению Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации», принятому в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 08.03.2022 № 46-ФЗ; последнее изменение приложения № 3 внесено 12.06.2025. Он содержит 178 пунктов, из которых пункты 56, 61, 95, 96 исключены с 28.12.2024, пункт 166 исключён с 26.01.2023, так что действующий массив составляет 173 позиции. Для сравнения извлечена первоначальная редакция приложения от 12.03.2022 (168 позиций). Второй перечень

– ч. 1 ст. 12 Закона о лицензировании, содержащая 60 пунктов с учётом пункта 9.1; из них пункты 13, 22, 23, 35, 38 и 41 утратили силу, действующих видов лицензируемой деятельности 54.

Единица анализа – позиция перечня. Тексты позиций извлечены из сохранённых страниц ГАРАНТ программой без ручной правки; каждой позиции присвоен идентификатор с локатором пункта, и все 173 текста сверены повторным независимым разбором исходного файла. Формально-юридический анализ применён к п. 4 постановления № 353 и к ст. 2, 3 и 12 Закона о лицензировании, чтобы установить, какие режимы охватывает каждый перечень и каким легальным понятием разрешения он оперирует.

Каждая позиция приложения № 3 закодирована по двум основаниям. Объект допуска имеет три взаимоисключающих значения: допуск лица (аттестация, аккредитация, лицензирование вида деятельности, допуск перевозчика, внесение сведений о лице в реестр, выдача лицу удостоверения, свидетельства, патента или разрешения на работу); допуск отдельного действия (ввоз, вывоз, транзит, движение транспортного средства по маршруту, выброс, сброс, добыча, использование ресурса, проведение работ или исследований, строительство, согласование плана или проекта); допуск вещи или объекта (государственная регистрация и учёт продукции, сооружений, судов, утверждение типа, ввод в эксплуатацию, декларации безопасности объекта, заключения о соответствии производства). Признаки допуска лица проверялись первыми, затем признаки действия, а остальные позиции относились к допуску объекта. Отраслевой режим кодировался по охраняемому благу в 13 категориях: транспорт; природопользование и охрана окружающей среды; здравоохранение и обращение лекарственных средств; промышленная, энергетическая и пожарная безопасность; строительство и земля; ветеринария и фитосанитария; связь и средства массовой информации; культура и культурное наследие; труд, миграция и образование; оборот алкогольной и табачной продукции; интеллектуальная собственность; общественный порядок и безопасность; прочие хозяйственные режимы. Правила кодирования записаны до кодирования. Для 54 видов лицензируемой деятельности объект допуска определяется легальным понятием лицензии (п. 2 ст. 3 Закона о лицензировании) как допуск лица, поэтому кодировалась только отрасль. Трансграничность позиции определялась по словоформам «ввоз», «вывоз», «экспорт», «импорт», «транзит», «международн-», «таможенн-», «иностранн-»; в узком варианте учитывались только первые пять, обозначающие перемещение через границу.

Доли рассчитаны с 95-процентными интервалами Уилсона. Концентрация по отраслям измерена индексом Херфиндаля–Хиршмана (сумма квадратов долей) и эффективным числом отраслей, равным обратной величине индекса. Связь объекта допуска с отраслью оценена критерием хи-квадрат и коэффициентом V Крамера на 137 позициях семи отраслей, в каждой из которых не менее 10 позиций; значимость определена перестановочным тестом из 10 000 перестановок с фиксированным начальным числом генератора, поскольку в 10 из 21 ячейки ожидаемые частоты меньше пяти. Устойчивость проверена повторным кодированием 174 позиций вслепую по тем же правилам с расчётом каппы Коэна; исключением пяти позиций учётно-реестрового характера без решения о допуске; пересчётом по первоначальной редакции перечня, для которой дополнительно закодированы пять впоследствии исключённых позиций. Расчёт выполнен сценарием на Python; повторный запуск воспроизводит все значения без расхождений.

Результаты и обсуждение

Пункт 4 постановления Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 в редакции постановления Правительства РФ от 29.12.2025 № 2202 устанавливает, что в отношении разрешительных режимов по перечню приложения № 3, лицензирования видов деятельности по ч. 1 ст. 12 Закона о лицензировании и иных видов разрешений федеральные органы исполнительной власти в 2022–2026 гг. вправе сократить сроки предоставления разрешения (подпункт «а»), допустить декларирование соответствия обязательным требованиям (подпункт «г»), перенести оценку соответствия на период после предоставления разрешения (подпункт «е») и разрешить деятельность без переоформления разрешения (подпункт «и»). Тем самым Правительство рассматривает разнородные разрешения – лицензии, аттестаты, регистрационные записи, согласования – как единый класс, к которому применим общий набор процедурных мер. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ определяет лицензию узко – как специальное разрешение юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю на конкретный вид деятельности, подтверждаемое записью в реестре лицензий (п. 2 ст. 3), и допускает лицензирование лишь тогда, когда регулирование не может осуществляться иными методами (ч. 3 ст. 2). Приложение № 3 охватывает разрешительные режимы вне ч. 1 ст. 12, и его состав показывает, из чего складывается разрешительная система за пределами лицензирования видов деятельности.

Из 173 действующих позиций приложения № 3 допуск лица предусматривают 50 позиций, или 28,9 % (95-процентный интервал 22,7–36,1 %). Допуск отдельного действия предусматривают 63 позиции (36,4 %), допуск вещи или объекта – 60 позиций (34,7 %). Следовательно, 71,1 % позиций (интервал 63,9–77,3 %) делают правомерным не статус лица, а конкретную операцию или правовое состояние объекта. Лицензирование в собственном смысле представлено в перечне тремя позициями – лицензированием пользования недрами (пункт 39), производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (пункт 67), производства и оборота табачной и никотинсодержащей продукции (пункт 175). Все остальные позиции оформлены регистрацией, аттестацией, аккредитацией, согласованием, заключением или разрешением на действие.

Позиции приложения № 3 распределены по всем 13 отраслевым режимам. Наибольшее число относится к транспорту (32 позиции), здравоохранению и обращению лекарственных средств (30) и природопользованию (29); вместе эти три отрасли дают 52,6 % перечня. Индекс Херфиндаля–Хиршмана равен 0,119, эффективное число отраслей – 8,4. Разрешительная система на уровне этого перечня не сосредоточена в одном отраслевом режиме, а распределена по нескольким крупным и ряду малых режимов: интеллектуальная собственность представлена пятью позициями, общественный порядок и безопасность – двумя.

Тип допуска связан с отраслью. На 137 позициях семи отраслей с численностью не менее 10 значение хи-квадрат составляет 55,6, V Крамера – 0,45, перестановочная вероятность получить такую или большую связь при независимости признаков – менее 0,001. В природопользовании 26 из 29 позиций являются разрешениями на действие, например выдача разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов (пункт 15), на вредное физическое воздействие на атмосферный воздух (пункт 60), на временные выбросы и сбросы загрязняющих веществ (пункты 140, 141); допуск лица в этой отрасли не встречается ни разу. В здравоохранении 17 из 30 позиций допускают объект, прежде всего путём государственной регистрации лекарственных препаратов для медицинского применения (пункты 27, 139), медицинских изделий и их серий (пункты 29, 169, 170) и предельных отпускных цен (пункты 59, 171). В транспорте наиболее частый тип – допуск лица (14 из 32), в том числе допуск российских перевозчиков к международным автомобильным перевозкам (пункт 23), допуск перевозчиков к международным воздушным перевозкам (пункт 79), аттестация лиц, обеспечивающих безопасность судоходства, полётов и движения (пункт 157). Средневзвешенная доля модального типа допуска внутри отрасли составляет 56,9 % против 46,2 %, ожидаемых при случайном распределении того же набора типов по тем же отраслям.

Связь не сводится к природопользованию, где признаки допуска действия (выброс, сброс, добыча) совпадают с формулировками самих позиций. Без этой отрасли на 108 позициях шести отраслей V Крамера равен 0,29 при перестановочной вероятности 0,039. Остаточная связь образована противопоставлением здравоохранения, где преобладает допуск объекта, и транспорта и прочих хозяйственных режимов, где преобладает допуск лица (в прочих хозяйственных режимах – 6 из 10 позиций, в том числе внесение сведений о туроператоре в единый федеральный реестр, пункт 38, и о некоммерческой организации в государственный реестр саморегулируемых организаций, пункт 57).

Сопоставление с ч. 1 ст. 12 Закона о лицензировании показывает различие двух ветвей разрешительной системы. Из 54 действующих видов лицензируемой деятельности 12 (22,2 %) относятся к общественному порядку и безопасности (шифровальные и специальные технические средства, оружие и вооружение, частная охранная и детективная деятельность); в приложении № 3 на эту отрасль приходится 1,2 % позиций. Индекс концентрации лицензируемых видов выше – 0,159 при эффективном числе 6,3 отрасли. Отрасли

строительства, оборота алкогольной и табачной продукции и интеллектуальной собственности представлены только в приложении № 3. Объединённый массив из 227 позиций охватывает все 13 отраслей при индексе 0,112 и эффективном числе 8,9; доля допуска лица в нём равна 45,8 % и определяется прежде всего тем, что каждая лицензия по легальному определению допускает лицо.

Трансграничная составляющая выделена отдельно. Словоформы широкого правила встречаются в 31 позиции (17,9 %), узкого правила, обозначающего перемещение через границу, – в 23 позициях (13,3 %), и 20 из них закодированы как допуск действия: ввоз конкретной партии лекарственных средств (пункт 52), вывоз культурных ценностей (пункт 86), экспорт и импорт осетровых видов рыб (пункт 128). Три позиции широкого правила связаны не с перемещением товаров, а с иностранными участниками, – это патенты и разрешения на работу иностранным гражданам (пункты 159, 160) и разрешение судам под иностранным флагом на перевозки в каботаже (пункт 127).

Состав перечня менялся. В первоначальной редакции 168 позиций крупнейшей отраслью было природопользование (34 позиции), индекс концентрации составлял 0,129, доля допуска лица – 27,4 %. Все пять исключённых позиций относились к природопользованию и являлись разрешениями на действие – это утверждение нормативов образования отходов и лимитов на их размещение (пункт 56), утверждение нормативов допустимых выбросов и сбросов (пункт 61), разрешения на сбросы и выбросы загрязняющих веществ (пункты 95, 96) и разрешение на добычу охотничьих ресурсов (пункт 166). Из десяти добавленных позиций (пункты 169–178) восемь относятся к здравоохранению и к обороту алкогольной и табачной продукции, по типу допуска это четыре позиции допуска лица, пять – допуска объекта и одна – допуска действия. Доля допуска лица в обеих редакциях осталась ниже трети, эффективное число отраслей – выше семи.

Результаты устойчивы к способу кодирования. Повторное слепое кодирование совпало с основным по объекту допуска в 94,8 % позиций (каппа Коэна 0,92) и по отрасли в 98,9 % (каппа 0,99). По второй кодировке доля допуска лица составляет 28,3 %, индекс концентрации – 0,117, V Крамера – 0,39. Расхождения сосредоточены на разрешениях на использование природного ресурса и на регистрации сделок с ним (государственная регистрация договоров водопользования, пункт 22; утверждение сертификата на улов, пункт 33; лицензирование пользования недрами, пункт 39; разрешение на оборот диких животных, занесённых в Красную книгу Российской Федерации, пункт 126). В этих позициях одна и та же запись одновременно допускает лицо к пользованию, определяет объём пользования и закрепляет правовое состояние ресурса. После исключения пяти учётно-реестровых позиций (государственный учёт объектов негативного воздействия, пономерной учёт подвижного состава, ведение двух реестров, регистрация и учёт гидротехнических сооружений) доля допуска лица в оставшихся 168 позициях равна 29,8 %, индекс концентрации – 0,119.

Полученная структура уточняет доктринальные характеристики разрешительной системы. Тезис о том, что реестровая модель стирает грани между видами разрешений [6], подтверждается на уровне юридической формы: регистрационная запись используется и для допуска лица (пункты 38, 57, 172, 173), и для допуска объекта (пункты 27, 29, 99). Однако граница, которую форма стирает, сохраняется на уровне объекта допуска, и объект допуска связан с отраслевым режимом. Разрешительная система выступает основой административно-правовых режимов в том смысле, что каждый крупный отраслевой режим строится вокруг характерного для него типа допуска: природопользование – вокруг разрешения конкретного воздействия на ресурс, здравоохранение – вокруг допуска продукции в оборот, транспорт – вокруг допуска перевозчиков и персонала. Наблюдение согласуется с выводом о широком распространении разрешительной системы [14] и с оценкой лицензирования как разрешительной формы, требующей баланса превентивных и контрольных механизмов [13]; измеренные данные добавляют к этому, что лицензирование видов деятельности составляет лишь одну из трёх ветвей допуска, а наибольшая доля лицензируемых видов приходится на режим общественного порядка и безопасности. Отраслевые исследования санитарно-эпидемиологических отношений [3] и государственного контроля в сфере природопользования [2] описывают методы регулирования отдельных сфер; по данным перечня эти сферы различаются не только набором методов, но и объектом разрешительного решения.

Из этого вытекает предложение de lege ferenda для обсуждаемого закона об основах разрешительной деятельности [10] и для процедурных мер, аналогичных пункту 4 постановления № 353. Единые правила о сроках, продлении и оценке соответствия целесообразно дифференцировать по объекту допуска. Для допуска действия предмет решения ограничен объёмом, сроком или партией, и продление срока для него означает новое решение о том же действии, тогда как регистрация объекта удостоверяет его длящееся правовое состояние; для допуска объекта ключевое значение имеет переоформление при изменении характеристик продукции; для допуска лица – подтверждение компетентности. Классификация по объекту допуска проверяема на нормативном тексте, в настоящем исследовании она применена ко всем 173 позициям перечня с согласием двух кодировок 0,92.

Заключение

На материале всех 173 действующих позиций правительственного перечня, к которым применяются особенности разрешительной деятельности по постановлению № 353, и 54 видов лицензируемой деятельности по ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ измерена структура разрешительной системы Российской Федерации в редакциях на 19.09.2026. Разрешительная система вне лицензирования видов деятельности в основном допускает не лиц, а отдельные действия и объекты: такой допуск предусматривают 71,1 % позиций перечня, а лицензирование в собственном смысле представлено тремя позициями.

Разрешительные режимы распределены по 13 отраслевым административно-правовым режимам без доминирующей отрасли; эффективное число отраслей равно 8,4 для перечня и 8,9 для объединённого массива из 227 позиций. Тип допуска связан с отраслью (V Крамера 0,45): природопользование строится на разрешениях конкретного воздействия на ресурс, здравоохранение – на допуске продукции в оборот, транспорт – на допуске перевозчиков и персонала, а среди лицензируемых видов деятельности наибольшая доля (22,2 %) приходится на режим общественного порядка и безопасности. Результаты сохраняются при независимом повторном кодировании, исключении учётных позиций и по первоначальной редакции перечня. Для закона об основах разрешительной деятельности из этого следует, что процедурные правила о сроках разрешений, их продлении и подтверждении соответствия следует строить раздельно для допуска лица, объекта и действия.

Литература

1. Арташина И.А., Дудина В.Ю., Жулькова Ю.Н. Экспериментальный правовой режим в обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 5. С. 237-246. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-237-246

2. Шелудько А.С. Административно-правовой механизм государственного контроля в сфере несостоятельности (банкротства) организаций-природопользователей в условиях обеспечения экологической безопасности // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5. № 2. С. 144-155.

3. Голобородько Ю.С. Развитие административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений: правовая диагностика (региональный аспект) // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48. № 4. С. 735-744. DOI: 10.52575/2712-746x-2023-48-4-735-744

4. Джамирзе Б.Ю. Лицензионно-разрешительная деятельность в свете новых конституционных положений о публичной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3. С. 193-200. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3550

5. Зуева И.Б. К вопросу определения понятия «правовой режим» // Экономика и право. 2021. № 9. С. 94-97. DOI: 10.37882/2223-2974.2021.09.08

6. Зырянов С.М., Варгова Д. Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 74-90. DOI: 10.12737/jrl.2022.118

7. Кувырченкова Т.В. Миграция в условиях действия административно правовых режимов: проблемы правового регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 81-87. DOI: 10.26456/vtpravo/2025.4.081

8. Кувырченкова Т.В., Черевко В.В. К вопросу об особых административно-правовых режимах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 73-84. DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.073

9. Куракин А.В. Специфика административно-правовых отношений // Современное право. 2023. № 1. С. 37-42. DOI: 10.25799/ni.2023.33.35.006

10. Куракин А.В., Солошенко Л.А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования разрешительной деятельности // Современное право. 2022. № 4. С. 70-75. DOI: 10.25799/ni.2022.16.50.010

11. Подольский А.В. Цели льготных правовых режимов // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 2. С. 330-335. DOI: 10.18413/2712-746x-2020-45-2-330-335

12. Рукавишников С.М. Понятие лицензирования образовательной деятельности в сфере высшего образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3. С. 200-203. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/3/200-203

13. Стандзонь Л.В. Способы обеспечения законности в лицензионной системе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 5. С. 167-176. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.141.5.167-176

14. Субанова Н.В. Проблемы обеспечения законности в сфере функционирования разрешительной системы // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 60-77. DOI: 10.12737/jrl.2022.062

15. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Реформа госконтроля и «регуляторная гильотина»: что получилось с позиции бизнеса? // ЭКО. 2021. Т. 51. № 7. С. 151-170. DOI: 10.30680/eco0131-7652-2021-7-151-170

The permit system as the basis of administrative legal regimes

Keramova S.N., Murtazaliev M.A.
Dagestan State University

Russian administrative law treats the permit procedure and the administrative legal regime largely as separate categories, and their relationship has not been measured on the legislation in force. The study establishes how federal permit regimes are distributed by the object of admission and across sectoral regimes. The material covers all 173 current entries of the list of permit regimes in Annex 3 to Government Resolution No. 353 of 12 March 2022, its original 168-entry version, and the 54 licensed activities under Article 12(1) of Federal Law No. 99-FZ, as in force on 19 September 2026. Entries were coded by the object of admission (a person, a specific action, or a thing or facility) and by 13 sectors; shares with Wilson intervals, the Herfindahl–Hirschman index, the effective number of sectors and Cramér's V with a permutation test were computed, and the coding was repeated blind. Only 28.9% of the entries admit a person, while 71.1% admit an action or an object, and licensing in the strict sense accounts for three entries. The entries span 13 sectors with an effective number of 8.4. The type of admission depends on the sector (V = 0.45): 26 of the 29 environmental entries authorise a specific action, health care relies on market admission of products, and transport on admission of carriers and personnel. Inter-coder kappa was 0.92 for the object and 0.99 for the sector. The permit system underlies administrative legal regimes as a set of sector-specific types of admission, of which the licensing of activities is one branch; a framework law on permitting should set procedural rules separately for each type.

Keywords: permit system, permit regime, administrative legal regime, licensing, object of admission, list of permit regimes.

References

1. Artashina I.A., Dudina V.Yu., Zhulkova Yu.N. Experimental legal regime in ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation // International Law Journal. 2026. Vol. 9. No. 5. Pp. 237-246. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-237-246

2. Sheludko A.S. Administrative legal mechanism of state control over the insolvency (bankruptcy) of nature management organisations in the context of ensuring environmental safety // Environmental Management Issues. 2026. Vol. 5. No. 2. Pp. 144-155.

3. Goloborodko Yu.S. Development of administrative legal methods for regulating sanitary and epidemiological relations: a legal diagnosis (regional aspect) // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2023. Vol. 48. No. 4. Pp. 735-744. DOI: 10.52575/2712-746x-2023-48-4-735-744

4. Dzhamirze B.Yu. Licensing and permitting activity in the light of the new constitutional provisions on public authority // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2021. No. 3. Pp. 193-200. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3550

5. Zueva I.B. On defining the concept of a legal regime // Economics and Law. 2021. No. 9. Pp. 94-97. DOI: 10.37882/2223-2974.2021.09.08

6. Zyryanov S.M., Vargova D. Permissive method of regulating entrepreneurial activity // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 11. Pp. 74-90. DOI: 10.12737/jrl.2022.118

7. Kuvyrchenkova T.V. Migration under administrative legal regimes: problems of legal regulation // Herald of Tver State University. Series: Law. 2025. No. 4 (84). Pp. 81-87. DOI: 10.26456/vtpravo/2025.4.081

8. Kuvyrchenkova T.V., Cherevko V.V. On special administrative legal regimes // Herald of Tver State University. Series: Law. 2024. No. 4 (80). Pp. 73-84. DOI: 10.26456/vtpravo/2024.4.073

9. Kurakin A.V. Specific features of administrative legal relations // Modern Law. 2023. No. 1. Pp. 37-42. DOI: 10.25799/ni.2023.33.35.006

10. Kurakin A.V., Soloshenko L.A. On improving the legal regulation of permitting activity // Modern Law. 2022. No. 4. Pp. 70-75. DOI: 10.25799/ni.2022.16.50.010

11. Podolsky A.V. The purposes of preferential legal regimes // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2020. Vol. 45. No. 2. Pp. 330-335. DOI: 10.18413/2712-746x-2020-45-2-330-335

12. Rukavishnikov S.M. The concept of licensing educational activity in higher education // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 3. Pp. 200-203. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/3/200-203

13. Standzon L.V. Ways to ensure legality in the licensing system // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2026. No. 5. Pp. 167-176. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.141.5.167-176

14. Subanova N.V. Problems of ensuring legality in the functioning of the permission system // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 6. Pp. 60-77. DOI: 10.12737/jrl.2022.062

15. Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Reform of state control and the "regulatory guillotine": what has been achieved from the business perspective? // ECO. 2021. Vol. 51. No. 7. Pp. 151-170. DOI: 10.30680/eco0131-7652-2021-7-151-170

Уставы общероссийских объединений профсоюзов в системе источников трудового права: теория и практика

Козырева Татьяна Анатольевна
аспирант, кафедра трудового права, Академия труда и социальных отношений, Главный специалист ФНПР Департамента по взаимодействию с органами власти, aokozyreva@mail.ru

В статье исследуется правовая природа и значение уставов общероссийских объединений профсоюзов как источников российского трудового права. Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления места корпоративных актов профсоюзных объединений в системе источников трудового права, а также практическими потребностями правоприменения в сфере социального партнерства. На основе анализа положений Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», Трудового кодекса РФ и Устава Общероссийского союза «Федерация Независимых Профсоюзов России» (ФНПР) обосновывается вывод о двойственной правовой природе уставов общероссийских объединений профсоюзов. С одной стороны, они являются учредительными документами общественных объединений, с другой — выполняют регулятивную функцию в отношениях между объединением и его членскими организациями, а также в рамках самого профсоюзного объединения. Особое внимание уделяется анализу соотношения устава ФНПР с уставами членских организаций, а также последствиям Постановления Конституционного Суда РФ от 27 октября 2020 г. № 44-П и Федерального закона от 11 июня 2021 г. № 171-ФЗ, изменивших правовое регулирование в данной сфере. В статье также рассматриваются вопросы юридической силы уставов общероссийских объединений профсоюзов, их место в иерархии источников трудового права и практические аспекты применения уставных положений. Делается вывод о необходимости признания уставов общероссийских объединений профсоюзов в качестве самостоятельных источников трудового права корпоративного характера, обладающих регулятивным потенциалом в отношении членских организаций и их органов.

Ключевые слова: устав профсоюзов, источники трудового права, Федерация Независимых Профсоюзов России, общероссийское объединение профсоюзов, корпоративное регулирование, социальное партнерство, правовая природа устава, международная организация труда, Конвенция.

Введение

В системе источников российского трудового права традиционно выделяются законы, подзаконные нормативные правовые акты, коллективные договоры и соглашения, локальные нормативные акты. Однако вопрос о месте уставов профсоюзов и их объединений в этой системе до настоящего времени остается дискуссионным. Уставы профессиональных союзов, будучи учредительными документами общественных объединений, вместе с тем выполняют регулятивную функцию, определяя правовой статус профсоюзных организаций, их органов, порядок взаимодействия между различными уровнями профсоюзной структуры.

Особый интерес в этом контексте представляют уставы общероссийских объединений профсоюзов, которые, в отличие от уставов первичных профсоюзных организаций, оказывают воздействие на правовое положение широкого круга субъектов — членских организаций, их органов и членов профсоюзов. Крупнейшим общероссийским объединением профсоюзов в Российской Федерации является Федерация Независимых Профсоюзов России (ФНПР), объединяющая 122 членские организации, в том числе 86 территориальных объединений организаций профсоюзов, 36 отраслевых профсоюзов, объединяющих 18,6 млн членов профсоюза с учетом 6 профсоюзов, сотрудничающих с ФНПР на основе соглашений.

Цель настоящей статьи — исследовать правовую природу и регулятивное значение уставов общероссийских объединений профсоюзов как источников трудового права на примере Устава ФНПР. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: проанализировать нормативно-правовую основу разработки и утверждения уставов профсоюзных объединений; определить место устава общероссийского объединения профсоюзов в системе источников трудового права; исследовать соотношение устава ФНПР с уставами членских организаций; выявить особенности правового регулирования, обусловленные решениями Конституционного Суда РФ и изменениями законодательства.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и частно-научных методов познания. В работе использованы диалектический метод, позволивший рассмотреть правовую природу уставов общероссийских объединений профсоюзов в развитии и взаимосвязи с иными правовыми явлениями; формально-юридический метод, примененный при анализе нормативных правовых актов и положений Устава ФНПР; сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления правового регулирования уставов профсоюзных объединений до и после внесения изменений в законодательство; системно-структурный метод, позволивший определить место уставов в иерархии источников трудового права.

Нормативную базу исследования составили: Конституция Российской Федерации [1], Трудовой кодекс РФ [2], Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [3], Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности"» [5], Постановление Конституционного Суда РФ от 27 октября 2020 г. № 44-П [6], а также Устав Общероссийского союза «Федерация Независимых Профсоюзов России» [8] в редакциях различных лет.

Эмпирическую основу работы составили материалы официального сайта ФНПР, постановления съездов и иных органов ФНПР, разъяснения Генерального Совета ФНПР по вопросам применения уставных положений.

Результаты

1. Нормативно-правовая основа разработки и утверждения уставов объединений профсоюзов

В соответствии со ст. 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [3] профсоюзы и их объединения (ассоциации) самостоятельно разрабатывают и утверждают свои уставы, структуру, образуют профсоюзные органы и определяют их компетенцию. Устав объединения (ассоциации) профсоюзов должен предусматривать наименование, цели и

задачи, категории и профессиональные группы объединяемых граждан, условия и порядок образования, принятия в члены и выхода из него, права и обязанности, территорию деятельности, организационную структуру, порядок образования и компетенцию органов, порядок внесения изменений в устав, источники образования имущества, местонахождение органа, порядок реорганизации и ликвидации.

Устав ФНПР был принят Учредительным съездом профсоюзов РСФСР 23 марта 1990 г. За время существования Федерации в Устав неоднократно вносились изменения и дополнения: в 1990, 1993, 1996, 2001, 2005, 2006, 2013, 2015, 2019, 2020, 2024 гг. Действующая редакция Устава ФНПР утверждена в соответствии с постановлением XIII (внеочередного) съезда ФНПР от 29 октября 2024 г. [8] .

Устав ФНПР определяет, что Федерация действует в соответствии с Конституцией Российской Федерации [1], общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ, Федеральным законом «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [3], иными законодательными актами РФ и настоящим Уставом [8].

2. Правовой статус ФНПР согласно Уставу

Устав ФНПР закрепляет, что Федерация является некоммерческой корпоративной организацией, общероссийским общественным объединением, представляющим собой объединение юридических лиц в организационно-правовой форме союза. В соответствии со ст. 1 Устава ФНПР образована на добровольной основе общероссийскими профсоюзами, территориальными объединениями организаций профсоюзов, а также межрегиональными профсоюзами работников отраслей, не представленных в Федерации общероссийскими профсоюзами.

Федерация является самостоятельным юридическим лицом, свободно осуществляет экономическую деятельность своей волей и в своем интересе, от своего имени вступает в гражданские правоотношения.

Согласно ст. 2 Устава [8], Федерация создана в целях объединения и координации действий членских организаций по представительству и защите социально-трудовых и гражданских прав, производственных, профессиональных, экономических и социальных интересов членов профсоюзов. В ст. 3 Устава закреплены принципы деятельности Федерации: свобода, независимость, справедливость, солидарность, добровольность, демократия и самоуправление, гласность, законность.

3. Регулятивная функция устава ФНПР в отношении членских организаций

Ст. 6 Устава ФНПР [8] определяет, что членскими организациями Федерации могут быть признающие и выполняющие настоящий Устав и уплачивающие членские взносы общероссийские и межрегиональные профсоюзы, а также территориальные объединения организаций профсоюзов.

Важной особенностью Устава ФНПР является закрепление обязанности членских организаций выполнять решения органов Федерации. В редакции Устава, утвержденной постановлением XI (внеочередного) съезда ФНПР от 24 декабря 2020 г. [9], закреплено, что членские организации обязаны выполнять решения коллегиальных органов Федерации. В случаях неоднократного нарушения Устава руководителем членской организации, выразившегося в неисполнении решений коллегиальных органов Федерации, решается вопрос об исключении руководителя из профсоюза.

4. Соотношение устава ФНПР и уставов членских организаций

До 2021 г. п. 1 ст. 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [3] содержал императивное предписание о том, что уставы первичных профсоюзных организаций, иных профсоюзных организаций, входящих в структуру общероссийских, межрегиональных профсоюзов, не должны противоречить уставам соответствующих профсоюзов.

Однако Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 октября 2020 г. № 44-П [6] указанная норма была признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она обязывала территориальное объединение организаций профсоюзов, являющееся одновременно учредителем и членом общероссийского объединения профсоюзов, обеспечить соответствие положений своего устава положениям устава учрежденного им общероссийского объединения профсоюзов. Конституционный Суд указал, что данное регулирование допускает необоснованное вмешательство государства в деятельность профсоюзов и не согласующееся с конституционно значимыми целями ограничение права на объединение.

В связи с правовой позицией Конституционного Суда указанная норма была исключена, и Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 171-ФЗ [5] установлено, что уставы общероссийских, межрегиональных объединений (ассоциаций) профсоюзов могут содержать положения о непротиворечии их уставам положений уставов территориальных, межрегиональных объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов, входящих в состав соответствующих объединений. Таким образом, императивное требование было заменено диспозитивной нормой, предоставляющей объединениям профсоюзов право самостоятельно определять необходимость такого требования в своих уставах.

Устав ФНПР в действующей редакции содержит указание на то, что членскими организациями ФНПР могут быть организации признающие и выполняющие настоящий Устав, а уставы членских организаций должны соответствовать целям и задачам ФНПР, что свидетельствует о сохранении определенного уровня нормативного воздействия устава объединения на уставы членских организаций, но уже в рамках корпоративного, а не государственно-властного регулирования.

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет выделить несколько ключевых аспектов, требующих теоретического осмысления.

1. Правовая природа уставов общероссийских объединений профсоюзов

В доктрине трудового права отсутствует единообразный подход к определению правовой природы уставов профсоюзных объединений. Ряд авторов рассматривают их исключительно как учредительные документы общественных объединений, не обладающие свойствами нормативных правовых актов. Так, И.О. Снигирева отмечала, что устав профсоюза «не может рассматриваться в качестве источника права в строгом смысле этого слова, поскольку его юридическая сила ограничена рамками внутрисоюзных отношений» [12, с.56]. Аналогичной позиции придерживается Ю.П. Орловский, который не включает уставы профсоюзов в систему источников трудового права, рассматривая их как документы, определяющие главным образом внутриорганизационные отношения [15]. Другие исследователи, напротив, признают за уставами профсоюзных объединений регулятивный потенциал. В частности, А.М. Лушников и М.В. Лушникова относят уставы общероссийских объединений профсоюзов к числу корпоративных источников трудового права, обладающих обязательной силой для членских организаций [16].

Представляется, что устав общероссийского объединения профсоюзов обладает двойственной правовой природой. С одной стороны, в соответствии со ст. 7 Федерального закона «О профессиональных союзах…» [3] устав является учредительным документом, определяющим правовой статус объединения как юридического лица. С другой стороны, устав ФНПР выполняет регулятивную функцию в отношениях между Федерацией и ее членскими организациями, устанавливая обязательные для них правила поведения. Так, ст. 6 Устава ФНПР определяет условия членства в Федерации, ст. 3 закрепляет принципы деятельности, а обязанность выполнения решений органов Федерации обеспечивает единство организационных основ деятельности Федерации и ее членских организаций.

2. Место уставов общероссийских объединений профсоюзов в системе источников трудового права

Вопрос о месте уставов профсоюзных объединений в иерархии источников трудового права является дискуссионным. Поскольку уставы не являются нормативными правовыми актами в строгом смысле этого слова (они не принимаются государственными органами и не проходят официальное опубликование в установленном порядке), их традиционно не включают в систему источников трудового права.

Однако с учетом регулятивного воздействия уставов на широкий круг субъектов — членские организации, их органы, членов профсоюзов — представляется обоснованным рассматривать их в качестве источников трудового права особого рода, а именно корпоративных источников. В подтверждение этого тезиса можно указать на то, что согласно ст. 3 Устава ФНПР [8] Федерация действует в соответствии

с Конституцией РФ [1], федеральными законами и настоящим Уставом, что свидетельствует о признании уставом самого себя в качестве акта, определяющего правовые основы деятельности.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 октября 2020 г. № 44-П [6] признал недопустимым государственное вмешательство в уставную автономию профсоюзов, что косвенно подтверждает их право на самостоятельное регулирование внутрикорпоративных отношений. Это позволяет говорить о признании на конституционном уровне регулятивного потенциала уставов профсоюзных объединений.

3. Проблема соотношения устава общероссийского объединения профсоюзов и уставов членских организаций

До внесения изменений в законодательство в 2021 г. существовало императивное требование о соответствии уставов членских организаций уставу объединения. После Постановления Конституционного Суда РФ № 44-П и принятия Федерального закона № 171-ФЗ [5] данное требование утратило императивный характер.

Устав ФНПР в действующей редакции содержит положение о том, что уставы членских организаций должны соответствовать целям и задачам ФНПР. Таким образом, Федерация сохраняет возможность оказывать влияние на содержание уставов членских организаций, но уже не в силу государственно-властного предписания, а в рамках корпоративных механизмов — через условие членства в Федерации.

Представляется, что такой подход более соответствует принципу независимости профсоюзов, закрепленному в ст. 3 Устава ФНПР [8], и конституционному праву на объединение.

4. Практические аспекты применения устава ФНПР

Устав ФНПР активно применяется в практической деятельности профсоюзных органов. Так, Постановлением VIII (внеочередного) съезда ФНПР от 29 октября 2013 года, были утверждены изменения, где в отдельной главе устава, описываются единые правила работы для всех территориальных профсоюзных объединений. Фактически эта глава представляет собой типовой устав территориального объединения организаций профсоюзов, который включен целиком в Устав ФНПР [8].

Постановлением Исполнительного комитета ФНПР от 19 февраля 2014 г. № 1-3 членским организациям предписывалось привести свои уставы и иные правовые акты в соответствие с Уставом ФНПР [11]. Генеральным Советом ФНПР давались разъяснения по вопросам применения отдельных положений Устава, в частности, Постановление Генерального Совета от 26 октября 2016 г. № 5-7 «О пункте 1 ст. 33 Устава ФНПР» [10], а также разъяснения пунктов 10.3 и 24 статьи 33 Главы V Устава ФНПР.

Устав ФНПР также определяет порядок создания и деятельности органов Федерации, включая правовую инспекцию труда профсоюзов, которая действует на основании Положения, утвержденного коллегиальным исполнительным органом членской организации ФНПР.

Судебная практика по вопросам уставов общероссийских объединений профсоюзов

Формирование правовых подходов к регулированию уставных отношений в профсоюзной сфере в значительной степени обусловлено судебной практикой, ключевым событием в которой стало рассмотрение Конституционным Судом РФ дела Федерации профсоюзов Новгородской области (далее — ФПНО).

ФПНО, являясь одновременно учредителем и членом Общероссийского союза «Федерация Независимых Профсоюзов России» (ФНПР), столкнулась с требованием прокуратуры о приведении своего устава в соответствие с уставом ФНПР. Центральный районный суд города Новосибирска решением от 26 сентября 2018 года по делу № 2-2714/2018 обязал ФПНО устранить противоречия между ее уставом и уставом ФНПР. Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 13 декабря 2018 года решение нижестоящего суда было оставлено без изменения. Суды двух инстанций исходили из императивного требования пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» о соответствии уставов членских организаций уставу объединения, а также из того, что неисполнение данного требования нарушает права ФНПР как вышестоящей организации.

Судебное разбирательство явилось следствием того, что органами ФПНО были проигнорированы постановления Исполкома ФНПР от 19 февраля 2014 года [11] и от 9 февраля 2016 года о приведении уставов в соответствие с Уставом ФНПР.

ФПНО обратилась в Конституционный Суд РФ, полагая, что оспариваемая норма федерального закона ограничивает право профсоюзных объединений на самостоятельную разработку и утверждение своего устава. Конституционный Суд РФ признал положение пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» не соответствующим Конституции РФ, указав, что установление законодательных предписаний должно осуществляться с соблюдением принципа профсоюзной автономии, предполагающего независимость профессиональных союзов и их объединений от органов государственной власти и их самостоятельность в регулировании внутрикорпоративных отношений [6].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 октября 2020 г. № 44-П отмечено, что закрепление требования о соответствии уставов в федеральном законе означает необоснованное вмешательство государства в деятельность профсоюзов и их объединений. При этом Суд подчеркнул, что утрата юридической силы неконституционной нормы сама по себе не отменяет действия положений устава ФНПР, которые члены федерации обязаны соблюдать в силу добровольного членства. Также Конституционный Суд РФ прямо сослался на Конвенцию МОТ № 87 [7], указав, что право на объединение включает право вырабатывать свои уставы и административные регламенты, свободно выбирать своих представителей.

Во исполнение правовой позиции Конституционного Суда РФ императивное предписание о приведении уставов членских организаций профсоюзов в соответствие с уставом профсоюзного объединения было исключено из законодательства. Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 171-ФЗ установлено, что уставы общероссийских, межрегиональных объединений (ассоциаций) профсоюзов могут содержать положения о непротиворечии их уставам положений уставов территориальных, межрегиональных объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов [5]. Таким образом, императивное требование закона было заменено диспозитивной нормой, предоставляющей объединениям профсоюзов право самостоятельно определять необходимость такого требования в своих уставах

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Уставы общероссийских объединений профсоюзов обладают двойственной правовой природой: являясь учредительными документами общественных объединений, они вместе с тем выполняют регулятивную функцию в отношениях между объединением и его членскими организациями, а также в рамках самого объединения.

2. Устав ФНПР [8] закрепляет правовой статус Федерации как некоммерческой корпоративной организации — общероссийского объединения профсоюзов, определяет ее цели, задачи, принципы деятельности, структуру и компетенцию органов, условия членства, права и обязанности членских организаций.

3. Регулятивное воздействие устава ФНПР на членские организации проявляется через закрепление обязанности признавать и выполнять Устав, уплачивать членские взносы, выполнять решения органов Федерации. Неисполнение уставных требований влечет ответственность вплоть до исключения из профсоюза.

4. Изменение законодательства в 2020-2021 гг. (Постановление Конституционного Суда РФ № 44-П [6] и Федеральный закон № 171-ФЗ [5]) трансформировало соотношение устава общероссийского объединения профсоюзов и уставов членских организаций: императивное требование о соответствии заменено диспозитивной нормой, предоставляющей объединениям право самостоятельно определять необходимость такого требования. Устав ФНПР сохранил положение о соответствии уставов членских организаций целям и задачам Федерации.

5. Уставы общероссийских объединений профсоюзов заслуживают признания в качестве самостоятельных источников трудового права корпоративного характера. Данный вывод подтверждается не только регулятивным потенциалом уставов, но и признанием на уровне Конституционного Суда РФ права профсоюзов самостоятельно определять нормативные правовые нормы в рамках своих уставов.

6. Сравнительный анализ с международными стандартами (МОТ) позволяет выделить следующие: что российское законодательство в части права профсоюзов на самостоятельную разработку уставов в целом соответствует Конвенции МОТ № 87 [7].

Такое императивное требование, установленное государством, о соответствии уставов членских организаций уставу объединения, содержавшееся в федеральном законе до 2021 года, ограничивало автономию профсоюзов, что не соответствует духу ст. 3 Конвенции № 87, хотя формально Конвенция не запрещает государству устанавливать общие требования к уставам

После внесения изменений в законодательство в 2021 году вопрос о соответствии уставов перешёл в плоскость корпоративного регулирования — закрепления такого требования в уставе самого объединения, что соответствует принципу автономии профсоюзов, признанному Конвенцией.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на анализ практики применения уставных положений в деятельности профсоюзных органов, на изучение соотношения уставов общероссийских объединений профсоюзов с коллективными договорами и соглашениями, а также на выработку критериев отграничения уставных норм от норм законодательных и подзаконных актов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416. – Текст : непосредственный.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ : (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3. – Текст : непосредственный.
3. Федеральный закон "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности" от 12.01.1996 N 10-ФЗ (последняя редакция). Ст. 148. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 07.08.2026). – Текст : электронный.
4. Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ : (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930. – Текст : непосредственный.
5. О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» : федер. закон от 11 июня 2021 г. № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 24. – Ст. 4205. – Текст : непосредственный.
6. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с жалобой Новосибирского областного союза организаций профсоюзов «Федерация профсоюзов Новосибирской области» : постановление Конституционного Суда РФ от 27 октября 2020 г. № 44-П // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 44. – Ст. 7062. – Текст : непосредственный.
7. Конвенция № 87 Международной организации труда «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию» : принята в г. Сан-Франциско 9 июля 1948 г. : ратифицирована СССР 10 августа 1956 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1956. – № 18. – Ст. 390. – Текст : непосредственный.
8. Устав Общероссийского союза «Федерация Независимых Профсоюзов России» : принят Учредительным съездом профсоюзов РСФСР 23 марта 1990 г. : (ред. от 29 октября 2024 г.). – URL: https://fnpr.ru (дата обращения: 07.08.2026). – Текст : электронный.
9. О внесении изменений в Устав Общероссийского союза «Федерация Независимых Профсоюзов России» : постановление XI (внеочередного) съезда Общероссийского союза «Федерация Независимых Профсоюзов России» от 24 декабря 2020 г. – URL: https://dokipedia.ru (дата обращения: 07.08.2026). – Текст : электронный.
10. О пункте 1 ст. 33 Устава ФНПР : постановление Генерального Совета Федерации независимых профсоюзов РФ от 26 октября 2016 г. № 5-7 // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 07.08.2026). – Текст : электронный.
11. О реализации членскими организациями ФНПР решений VIII (внеочередного) съезда ФНПР, постановлений Генерального Совета ФНПР от 11.12.2013 в части приведения их Уставов и иных правовых актов в соответствие с Уставом ФНПР и Основными положениями устава общероссийского, межрегионального профсоюза : постановление Исполнительного комитета Федерации Независимых Профсоюзов России от 19 февраля 2014 г. № 1-3 // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 07.08.2026). – Текст : электронный.
12. Снигирева И. О. Профсоюзы и трудовое право / И. О. Снигирева. – Москва : Юридическая литература, 1983. – 176 с. – Текст : непосредственный.
13. Снигирева И. О. Правовое положение российских профсоюзов в сфере труда: история и современность : монография / И. О. Снигирева. – Москва : Проспект, 2021. – 256 с. – Текст : непосредственный.
14. Смирнов О. В. Советское трудовое право : учебное пособие / О. В. Смирнов. – Москва : Профиздат, 1991. – 412 с. – Текст : непосредственный.
15. Орловский Ю. П. Трудовое право России : учебник / Ю. П. Орловский. – Москва : Инфра-М. – Издания разных лет. – Текст : непосредственный.
16. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права : в 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – Москва : Проспект, 2003. – Текст : непосредственный.
17. Проблемы правового регулирования деятельности профсоюзных организаций // Экономика, политика, право. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 131–139. – Текст : непосредственный
18. Постановление Исполнительного комитета Федерации Независимых Профсоюзов России от 19 мая 2026 г. № 26-05 // Официальный сайт Федерации Независимых Профсоюзов России. – URL: https://fnpr.ru (дата обращения: 07.08.2026). – Текст : электронный.

Charters of all-russian trade union associations in the system of sources of labor law: theory and practice

Kozyreva T.A.

Academy of Labor and Social Relations

The article examines the legal nature and significance of charters of all-Russian associations of trade unions as sources of Russian labor law. The relevance of the topic is due to the need for theoretical understanding of the place of corporate acts of trade union associations in the system of sources of labor law, as well as the practical needs of law enforcement in the sphere of social partnership. Based on the analysis of the provisions of the Federal Law "On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity", the Labor Code of the Russian Federation and the Charter of the All-Russian Union "Federation of Independent Trade Unions of Russia" (FNPR), the author substantiates the conclusion about the dual legal nature of charters of all-Russian associations of trade unions. On the one hand, they are constituent documents of public associations; on the other, they perform a regulatory function in relations between the association and its member organizations, as well as within the trade union association itself. Special attention is paid to the analysis of the relationship between the FNPR Charter and the charters of member organizations, as well as the consequences of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 27, 2020 No. 44-P and Federal Law No. 171-FZ of June 11, 2021, which changed the legal regulation in this area. The article also examines the legal force of charters of all-Russian associations of trade unions, their place in the hierarchy of sources of labor law and practical aspects of the application of charter provisions. The conclusion is made about the need to recognize the charters of all-Russian associations of trade unions as independent sources of labor law of a corporate nature, possessing regulatory potential in relation to member organizations and their bodies.

Keywords: trade union charter, sources of labor law, Federation of Independent Trade Unions of Russia, all-Russian association of trade unions, corporate regulation, social partnership, legal nature of the charter, International Labour Organization, Convention.

References

1. Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on December 12, 1993 : (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 5, 2014, No. 11-FKZ of July 21, 2014, No. 1-FKZ of March 14, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 11. – Art. 1416. – Text : direct.
2. Labor Code of the Russian Federation : Federal Law No. 197-FZ of December 30, 2001 : (as amended of December 29, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part I). – Art. 3. – Text : direct.
3. Federal Law No. 10-FZ of January 12, 1996, "On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity" (latest revision). Art. 148. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (accessed: August 7, 2026). – Text: electronic.
4. On Public Associations : Federal Law No. 82-FZ of May 19, 1995 : (as amended of December 25, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 21. – Art. 1930. – Text : direct.
5. On Amendments to Article 7 of the Federal Law "On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity" : Federal Law No. 171-FZ of June 11, 2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 24. – Art. 4205. – Text : direct.

Трансформация института обстоятельств непреодолимой силы в российском частном праве: квалификация атак беспилотных летательных аппаратов в коммерческом обороте (2025–июль 2026 гг.)

Кукреш Яна Олеговна
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Вятский государственный университет, yana.kukresh@mail.ru,

Котельникова Евгения Александровна
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Вятский государственный университет, ea_shakleina@vyatsu.ru

В статье исследуется эволюция доктрины и судебной практики применения положений пункта 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в контексте нарастания угроз объектам гражданской инфраструктуры посредством беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) в 2025- июль 2026 годах. Исследуется коллизия между классической цивилистической концепцией форс-мажора как экстраординарного события и объективной угрозой БПЛА в коммерческом обороте. Особое внимание автор уделил анализу изменений в стандартных условиях (офертах) крупнейших операторов электронной коммерции 2025-2026 годах. Рассмотрено развитие правовых позиций Торгово-промышленной палаты РФ (далее — ТПП) в регулировании данного вопроса. Автором предложено законодательное регулирование данной проблемы.

Ключевые слова: обстоятельства непреодолимой силы, атака БПЛА, маркетплейсы, ТПП РФ, освобождение от ответственности.

В п.3 ст. 401 ГК РФ закреплён институт обстоятельств непреодолимой силы.[1] Фактически он распределял риски чрезвычайного характера, невозможные вследствие непреодолимой силы. В начале 2026 года гражданское право столкнулось с ранее неизвестной проблемой, которая начала масштабироваться. Ежедневные атаки БПЛА на промышленные предприятия, логистические узлы и склады маркетплейсов, а также на гражданские объекты, поставили перед судами задачу. Суды должны разрешить спор: последствия атаки БПЛА – это форс-мажор, или это новая правовая конструкция?

Обращаясь к ст. 401 ГК РФ, мы можем увидеть, чтобы то или иное обстоятельство стало юридически «непреодолимой силой», то оно должно соответствовать двум критериям. Первый - носить чрезвычайных характер**.** Согласно Пленума Верховного суда РФ, требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. [2]

Если говорить о начале специальной военной операции (далее – СВО), то падение БПЛА на какой-либо объект признавалось чрезвычайным обстоятельством. В 2026 году ситуация поменялась. Согласно ежедневным отчётам за сутки над территорией Российской Федерации сбивается от 250 до 500 БПЛА.[3] В связи с этим суды ряда приграничных субъектов начали отказывать в признании форс-мажором повреждения. Мотивировка судов сводится к тому, что при должной осмотрительности предприниматель обязан был застраховать риск или перенести мощности вглубь страны.[4]

Второй - быть непредотвратимой**.** Фактически, это объективная невозможность любого участника гражданского оборота, осуществляющего аналогичную деятельность, избежать наступления данного обстоятельства или его последствий. В нашем случае, непредотвратимость касается не самого события, например, атаки БПЛА, а именно его последствий для исполнения конкретного обязательства. Если должник мог предотвратить убытки, но не сделал этого из-за экономии ресурсов, признак непредотвратимости отсутствует.

Примером служит судебная практика второй половины 2025 года, когда поставщик томографов просрочил поставку на полгода. Причиной послужило то, что завод-изготовитель был уничтожен цунами. Поставщик представил сертификат о форс-мажоре от местной палаты. Покупатель требовал взыскать крупную неустойку, ссылаясь на то, что поставщик должен был застраховать риск срыва поставок или иметь альтернативных поставщиков комплектующих. Суд кассационной инстанции признал обстоятельство непредотвратимым, так как разрушение завода произошло мгновенно.[5]

Переходя от теоретических критериев к практике, необходимо отметить, что несмотря на положения гражданского кодекса РФ, выдача заключения об обстоятельствах непреодолимой силы остается прерогативой региональных палат ТПП. Однако их подход стал значительно строже. В информационном письме от 29 июля 2026 года (№ ПР/0621) ТПП указала, что перебои с поставками сырья у контрагента должника вследствие атаки БПЛА не являются форс-мажором для самого должника. [6]

Прямая взаимосвязь между позицией ТПП и реакцией рынка проявилась незамедлительно. Осознавая невозможность верификации каждого сбоя, крупнейшие российские маркетплейсы инициировали комплексную проверку условий использования платформ. В ноябре 2025 года в раздел «Ответственность сторон» была добавлена расширительная дефиниция форс-мажора, а именно указывающая на акты незаконного вмешательства в транспортную инфраструктуру. Юридическая значимость этого изменения заключается в использовании механизма договора присоединения (ст. 428 ГК РФ).[7] Бизнес-сообщество через частноправовые инструменты заполнило законодательную лакуну. Теперь продавец априорно освобождается от штрафных санкций площадки при наличии официального бюллетеня силовых ведомств о закрытии неба над регионом дислокации склада.

Практическое применение внесённых изменений произошло в июле 2026 года. За 11 дней до интенсификации огневых воздействий на склады Wildberries (оферты №98 от 07.07.2026), оператор внедрил подпункт 6 пункта 11.3.4.1, эксплицитно относящий к обстоятельствам непреодолимой силы, последствия применения вооружений и БПЛА.[8] Однако попытка ретроспективного обоснования сталкивается с проблемой скрытой предсказуемости. Во-первых, санкционный статус компании был формализован Украиной ещё в 2021 году, что свидетельствует о осведомленности субъекта. Во-вторых, системный характер кампании позволил эвакуировать активы после первого удара 18 июля, чего менеджмент Wildberries не реализовал.

Несмотря на расширение договорных формулировок, окончательное решение о наличии обстоятельств непреодолимой силы принимает Верховный Суд РФ в п. 8 Постановления Пленума № 7 подтвердил, что сертификат ТПП является доказательством, но не обладает преюдициальной силой.

Показательным является дело, рассмотренное Арбитражным судом Центрального округа в 2024 году. Индивидуальный предприниматель – поставщик, заключил договор поставки в марте 2022 года. Впоследствии он заявил о невозможности надлежащего исполнения принятых на себя обязательств. В обоснование своей позиции он сослался на возникновение обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора), указав, что складские комплексы его контрагентов-производителей оказались локализованы в зоне проведения активных боевых действий вблизи государственной границы. На этом основании истец инициировал процедуру расторжения договора.

Суд отказал в удовлетворении требований. Деятельность субъектов предпринимательства в условиях изменившейся внешнеполитической конъюнктуры квалифицируется судами как стандартное коммерческое бремя. Освобождение от ответственности за допущенную просрочку возможно лишь при предоставлении надлежащих доказательств полной блокировки всех доступных маршрутов доставки и принятия поставщиком всех разумных мер по минимизации убытков, чего в данном конкретном случае продемонстрировано не было[9]

По мнению автора анализ практики Арбитражного суда Центрального округа показывает, что суды окончательно перестали считать военные риски чем-то необычным для бизнеса. Автор погалает, что суд справедливо отказал поставщику в расторжении договора, так как работа с контрагентами вблизи зоны боевых действий после марта 2022 года — это обычное коммерческое бремя предпринимателя. Поставщик обязан доказать полную блокировку всех дорог и подтвердить, что он сделал все возможное для спасения товара или поиска других путей доставки, чего сделано не было.

Так же примером, подтверждающим тезисы о повышенном стандарте доказывания осмотрительности, является судебная практика ОАО «РЖД». ОАО «РЖД» допустило просрочку доставки порожних вагонов в Курской области, мотивировав задержку систематическими сигналами «Ракетная опасность» и наличием сертификата ТПП. Суды трех инстанций отказали в применении ст. 401 ГК РФ. Основаниями стали: Первое – отсутствие надлежащего уведомления федерального органа исполнительной власти в порядке РФ о временном прекращении перевозок. Второе –непредставление первичных актов, подтверждающих остановку грузовых операций при объявлении воздушной тревоги. Третье- принятие груза к перевозке после введения режима ЧС в регионе.[10]

Данная судебная практика иллюстрирует фундаментальный сдвиг парадигмы, описанный в статье. Если маркетплейсы решают проблему через диспозитивное регулирование — расширение оферт и автоматическое признание уведомлений силовых ведомств (как показано на примере Wildberries), то субъекты естественных монополий сталкиваются с барьером

Трансформация института обстоятельств непреодолимой силы под влиянием атак БПЛА движется по пути перехода от публично-правовой верификации (сертификат ТПП) к диспозитивному регулированию (договорные условия площадок) и повышенному стандарту доказывания осмотрительности.

Для минимизации правовых рисков участникам коммерческого оборота автор рекомендует:

Исключать из договоров ссылки на абстрактные «военные действия», заменяя их детальным перечнем угроз (падение обломков, работа РЭБ, попадание осколков).

Включать условие о взаимном признании уведомлений МЧС и Минтранса достаточным основанием для приостановки сроков исполнения обязательств.

При формировании годовой бухгалтерской отчетности раскрывать факт нахождения производственных активов в зоне регулярного огневого поражения как существенное условное обязательство.

А также, в качестве законодательной инициативы, автор предлагает внести новую редакцию ст. 401.1 ГК РФ «Предпринимательский риск в условиях специальной военной операции или вооруженного конфликта»: «Если деятельность должника связана с эксплуатацией объектов критической инфраструктуры, ответственность наступает независимо от вины, если иное не предусмотрено специальным законом. Обстоятельства внешнего деструктивного воздействия освобождают от ответственности лишь при доказательстве своевременного уведомления контрагентов и активации протоколов о непрерывности бизнеса».

По мнению автора, институт непреодолимой силы остается экстраординарным, но вводится стандарт поведения профессионального участника оборота.

Дальнейшее развитие законодательства видится в закреплении презумпции чрезвычайности подобных инцидентов для определенных географических зон, чтобы сместить бремя доказывания с пострадавшего кредитора на экономически сильного должника.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : [ред. от 08.08.2024 ; с изм. от 31.10.2024] // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 48. — Ст. 4168.

2. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. — 2016. — № 5. — П. 8.

3. БПЛА Россия [Электронный ресурс] : интернет-портал / учредитель: ООО «БПЛАРУССИЯ». — Электрон. дан. — Москва, 2024– . — URL: https://bplarussia.ru (дата обращения: 25.08.2026).

4. Решение Арбитражного суда Московской области от 03.06.2024 года по делу № А41-1037/24 [Электронный ресурс]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b330c905-46d2-40eb-be08-244262900838/323fe653-70e6-458f-accd-9fc87887e557/A41-1037-2024_20240603_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.08.2026).

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 сентября 2025 г. № Ф05-14520/2025 по делу № А40-257201/2024 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 18.08.2026).

6. Об отдельных вопросах свидетельствования обстоятельств непреодолимой силы : письмо Торгово-промышленной палаты РФ от 29 июля 2026 г. № ПР/0621 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: https://biznesinalogi.ru/acts/document/56498 (дата обращения: 25.08.2026).

7. Wildberries и форс-мажор в оферте [Электронный ресурс] // Закон.ру : блог-платформа. — URL: https://zakon.ru/blog/2026/7/21/wildberries_i_fors-mazhor_v_oferte (дата обращения: 25.08.2026).

8. Атака БПЛА на склады Wildberries: юридический разбор компенсаций для продавцов [Электронный ресурс] // Закон.ру : блог-платформа. — URL: https://zakon.ru/blog/2026/7/19/ataka_bpla_na_sklady_wildberries_yuridicheskij_razbor_kompensacij_dlya_prodavcov (дата обращения: 25.08.2026).

9. Правовая навигация [Электронный ресурс] : правовая система. — URL: https://www.law.ru/npd/doc/docid/92156385/modid/98 (дата обращения: 25.08.2026).

10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2025 № 09АП-37484/25 по делу №А40-82553/2025 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]: справочно-правовая система. — URL: https://base.garant.ru/66660968 (дата обращения: 25.08.2026).

Transformation of the Institute of Force Majeure in Russian Private Law: Qualification of Unmanned Aerial Vehicle Attacks in Commercial Circulation (2025–July 2026)

Kukresh Ya.O., Kotelnikova E.A.
Vyatka State University

This article examines the evolution of doctrine and judicial practice regarding the application of the provisions of paragraph 3 of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code) in the context of increasing threats to civilian infrastructure from unmanned aerial vehicles (UAVs) in 2025-2026. The article explores the conflict between the classical civil law concept of force majeure as an extraordinary event and the objective threat posed by UAVs in commercial transactions. The author focuses on changes in the standard terms (offers) of the largest e-commerce operators in 2025-2026. The development of the legal positions of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CCI) in regulating this issue is considered. The author proposes legislative regulation of this problem.

Keywords: force majeure, UAV attack, marketplaces, CCI of the Russian Federation, exemption from liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ dated November 30, 1994: [as amended on August 8, 2024; as amended on October 31, 2024] // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 48. — Art. 4168.
2. On the application by courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation. — 2016. — No. 5. — P. 8. 3. UAV Russia [Electronic resource]: online portal / founder: LLC “UAVRUSSIA”. — Electronic data. — Moscow, 2024–. — URL: https://bplarussia.ru (accessed: 25.08.2026).
4. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 03.06.2024 in case No. A41-1037/24 [Electronic resource]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b330c905-46d2-40eb-be08-244262900838/323fe653-70e6-458f-accd-9fc87887e557/A41-1037-2024_20240603_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of appeal: 08/25/2026).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated September 15, 2025 No. F05-14520/2025 in case No. A40-257201/2024 // File of arbitration cases. — URL: https://kad.arbitr.ru (date of application: 08/18/2026).
6. On certain issues of evidence of force majeure circumstances: Letter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated July 29, 2026 No. PR/0621 // Official Internet portal of Legal Information. — URL: https://biznesinalogi.ru/acts/document/56498 (accessed: 25.08.2026).
7. Wildberries and force majeure in the offer [Electronic resource] // Zakon.ru: blog platform. — URL: https://zakon.ru/blog/2026/7/21/wildberries_i_fors-mazhor_v_oferte (accessed: 25.08.2026).
8. UAV attack on Wildberries warehouses: a legal analysis of compensation for sellers [Electronic resource] // Zakon.ru: blog platform. — URL: https://zakon.ru/blog/2026/7/19/ataka_bpla_na_sklady_wildberries_yuridicheskij_razbor_kompensacij_dlya_prodavcov (accessed: 25.08.2026).
9. Legal navigation [Electronic resource]: legal system. — URL: https://www.law.ru/npd/doc/docid/92156385/modid/98 (accessed: 25.08.2026).
10. Resolution of the Ninth Arbitration Appeal Court dated 03.10.2025 No. 09AP-37484/25 in case No. A40-82553/2025 // SPS “Garant” [Electronic resource]: reference and legal system. — URL: https://base.garant.ru/66660968 (accessed: 25.08.2026).

К вопросу о критериях относимости доказательств при определении вреда, причиненного почвам

Патиев Илья Михайлович
Генеральный директор ООО «Руссправо»; аспирант кафедры экологического и природоресурсного права, Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s2022102@edu.msal.ru

В статье исследуется распределение бремени доказывания при возмещении вреда почвам. Обосновывается ограничение предмета доказывания нарушением состояния почвенного профиля, а не «деградацией экосистемы».
Анализируется двойственность судебной практики после Постановления КС РФ № 27-П: сохраняя традиционный подход (достаточно факта загрязнения), ряд судов начинает требовать от истца доказательства массовой гибели биоценоза.
Авторы настаивают на переложении бремени доказывания на ответчика: сам факт загрязнения почвенного профиля является достаточным основанием для вывода о вреде, а опровержение этого (отсутствие вреда или его нейтрализация естественными процессами) должно доказываться причинителем вреда.
Ключевые слова: почва, экологический деликт, бремя доказывания, стандарт доказывания, относимость доказательств, презумпция экологической опасности, возмещение вреда.

1. Разграничение объектов охраны: проблема соотношения почвы и экологической системы

При разрешении споров о загрязнении земель нефтепродуктами или отходами суды пресекают попытки ответчика подменить предмет спора. Типичной тактикой защиты становится предоставление заключений об отсутствии падежа животных или сохранении видового разнообразия растений на участке.

С формально-правовой точки зрения такой подход несостоятелен. В соответствии со ст. 1 ФЗ № 7-ФЗ [1], почва квалифицируется как самостоятельный компонент природной среды, тогда как экологическая система определяется законом через взаимодействие компонентов. Арбитражный суд Дальневосточного округа в Постановлении от 17 июля 2025 г. № Ф03-2070/2025 по делу № А73-8310/2024[3] поддержал данную правовую позицию. Как следует из мотивировочной части акта (стр. 6), предметом доказывания является вред конкретному компоненту природы. Вопрос же о состоянии сопряженных биологических ресурсов исключен судом из предмета исследования по данному иску.

Аналогичный подход применяется судами при защите водных объектов. Как разъяснил суд в деле № А73-8310/2024, предоставление истцом доказательств, позволяющих установить наличие и величину показателей, включенных в формулу расчета (в данном случае — Методика № 238), исчерпывает его процессуальную обязанность.

Одновременно с этим, в отношении объектов охраны окружающей среды не применяется такая правовая категория как «реальный ущерб» в классическом понимании гражданского права. Позиция ответчика о необходимости доказывания истцом фактической гибели биоценоза или снижения урожайности культур не основана на нормах эколого-правовой ответственности. Правовая природа возмещения вреда компонентам природы предполагает фиксацию нарушения нормативов состояния самого ресурса, а не оценку экономических потерь пользователя земли.

Доктринально этот вопрос глубоко проработан. Как отмечают Г. В. Выпханова и Н. Г. Жаворонкова [7], законодательство должно обеспечивать создание комплексной системы, исключающей смешение частных нарушений с публичным интересом. И. А. Игнатьева [8] указывает, что концепция экологических потерь прочно вошла в практику именно потому, что денежная компенсация выполняет здесь превентивную функцию, а классик отечественной эколого-правовой науки В. В.Петров [[9] выделял невосполнимые потери, увязывая их учёт с приоритетом экологических интересов над экономическими.

2. Влияние Постановления КС РФ № 27-П на стандарт доказывания вреда

Определённую сложность в распределении бремени доказывания внесло Постановление Конституционного Суда РФ № 27-П от 30 мая 2023 года [2]. Указав на недопустимость формального применения методик без учёта реальности ущерба, высшая инстанция фактически дала повод ответчикам требовать проведения дополнительных экспертиз биоценозов.

В настоящее время в судебной практике отсутствует единый подход к разрешению этого вопроса. С одной стороны, сохраняется традиционный взгляд, согласно которому сам факт нарушения правил обращения с опасными веществами свидетельствует о вреде почве как минерально-органическому телу. С другой стороны, ряд судов первой инстанции, ссылаясь на позицию КС РФ, начинает трактовать отсутствие данных о массовой гибели флоры и фауны как свидетельство отсутствия «реального экологического вреда».

Вместе с тем следует четко разграничить позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении № 27-П. Данный акт не возлагал на истца обязанность расширять доказательственную базу. Позиция КС РФ сводится к тому, что при расчете компенсации (включая возможное её снижение) суд обязан учитывать реальный характер ущерба, а не ограничиваться формальным применением расчетных таблиц.

Подобный подход к распределению бремени доказывания прямо противоречит фундаментальному принципу экологического права — презумпции экологической опасности. Исходя из этого

принципа, именно хозяйствующий субъект обязан обосновать отсутствие вреда или его меньший размер, если он оспаривает выводы надзорного органа.

Методика № 238[6] служит инструментом для перевода факта порчи почвенного профиля в денежный эквивалент на основе площади загрязнения и степени снижения качества земель. Следовательно, предмет доказывания по данной категории дел ограничивается фиксацией нарушения нормативов состояния самой почвы. Требование же подтвердить ущерб смежным объектам (например, водным биоресурсам) либо доказать масштабную деградацию всей экосистемы является избыточным и выходит за рамки установленной компетенции суда в данном споре.

Сложившаяся неопределенность породила два противоположных подхода в судебной практике при толковании позиции Конституционного Суда РФ.

В ряде случаев суды первой инстанции действительно возлагают на истца бремя доказывания «масштабного экологического вреда», фактически расширяя предмет спора. Однако сложился и иной подход: часть судов сохраняет прежнюю практику, считая достаточным подтверждение самого факта превышения нормативов и расчет суммы по Методике № 238. При этом во втором случае суд принимает во внимание доводы ответчика о наличии смягчающих обстоятельств (например, добровольной локализации разлива), что позволяет снизить итоговую сумму иска без расширения доказательственной базы.

Иллюстрацией данной проблемы служит дело № А47-14485/2021[4]. Управление Росприроднадзора рассчитало сумму компенсации по Методике № 238, исходя из площади разлива нефтепродуктов, и предъявило соответствующее требование. В ответ сторона защиты заявила ходатайство о проведении дополнительных экспертиз для оспаривания площади загрязнения и степени повреждения биоценоза.

Тем не менее, суды первой и апелляционной инстанций отклонили данное ходатайство. Свою позицию они мотивировали тем, что фиксация превышения нормативов в пробах грунта сама по себе является достаточным основанием для расчета ущерба без проведения дополнительных биологических исследований.

Необходимость использования утвержденных методик и такс при расчете ущерба продиктована спецификой самого вреда. Поскольку точное определение характера, степени и размера негативных последствий для объекта окружающей среды (включая загрязнение почвы отходами) зачастую технически невозможно, законодатель возложил бремя компенсации на правонарушителя по фиксированным формулам.

Сами методики носят условный характер. Это обусловлено двумя факторами: во-первых, приоритетом особой охраны природных компонентов, а во-вторых — объективной неопределенностью последствий воздействия, которая не позволяет математически точно исчислить биологические потери в моменте.

3. Проблема относимости доказательств мониторинга смежных компонентов

Типичной линией защиты становится предоставление отчетов о мониторинге смежных компонентов: качества подземных вод или состояния посевов. Однако такой подход методологически неверен. Формула Методики № 238 направлена на восстановление почвенного покрова как минерально-органического тела, поэтому показатели урожайности или чистоты воды описывают состояние иных объектов охраны и не могут подменять собой анализ грунта.

Несмотря на это, суды первой инстанции зачастую ошибочно признают такие отчеты допустимыми доказательствами. В частности, они полагают, что наличие всходов пшеницы исключает токсичное поражение гумусового горизонта. Хотя Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ ранее подчеркивала автономность природных компонентов в своих определениях, данная правовая неопределенность сохраняется именно на уровне нижестоящих судов.

Стоит отметить, что данные о сборе урожая характеризуют лишь текущую эффективность фитоценоза и качество агротехнических мероприятий ответчика. Они никак не отражают физико-химическое состояние самого грунта (содержание нефтепродуктов, тяжелых металлов или изменение кислотности).

Именно поэтому доктрина и судебная практика едины во мнении: для подтверждения факта порчи почв необходимо опираться исключительно на результаты химического анализа проб, предусмотренные Методикой № 238.

Эта правовая позиция подтверждает необходимость разграничения понятий «плодородие земель сельскохозяйственного назначения» и «состояние почвы как компонента природной среды». Наличие всходов растений может свидетельствовать об отсутствии острой фито токсичности в моменте, однако оно не отменяет факта загрязнения тяжелыми металлами или нефтепродуктами, которое влечет долгосрочную деградацию свойств почвенного горизонта и потребует затрат на восстановление согласно п. 5 или п. 10 Методики № 238.

Именно для устранения подобной неопределенности при оценке экспертных заключений целесообразно использовать следующий чек—лист вопросов целесообразно использовать следующие вопросы для оценки относимости экспертных данных:

характеризует ли показатель состояние непосредственно почвы (её химический состав, структуру, содержание гумуса, ПДК загрязняющих веществ) или иного природного компонента (воды, биоценоза, растительности)?

позволяет ли показатель напрямую подтвердить или опровергнуть факт деградации почвенного профиля?

соответствует ли методика измерения целям установления вреда именно почве, а не смежным объектам?

Такой подход позволит судам более системно оценивать доказательства и избегать подмены предмета доказывания. Для отраслевой практики это особенно важно: автономность компонентов природной среды — не просто теоретический тезис, а рабочий критерий, который должен определять и предмет доказывания, и относимость экспертных заключений, и пределы применения расчётных методик.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы относительно распределения бремени доказывания. Предметом иска о вреде почвам является нарушение нормативов состояния конкретного компонента – почвенного профиля, в связи с чем вопрос о влиянии данного загрязнения на ландшафтные характеристики или биоту сопредельных территорий представляется выходящим за пределы заявленного требования, и доказывание «деградации экосистемы» не может быть обязательным элементом состава экологического деликта в отношении почвы. Постановление КС РФ № 27-П не отменяет действие расчётных методик, а лишь требует от ответчика обоснования необходимости снижения суммы: с учётом объективного характера Методики № 238 бремя доказывания обстоятельств, исключающих вредоносность нарушения либо свидетельствующих о меньшем размере реального вреда, должно быть возложено на причинителя вреда, тогда как истец ограничивается фиксацией состава правонарушения и расчётом по утверждённой методике, что согласуется с презумпцией экологической опасности и компенсационным характером возмещения, поскольку методика фиксирует вред компоненту, а ответчик вправе доказывать смягчающие обстоятельства.

Для согласования подходов к учету затрат необходимо разграничивать оперативные расходы на ликвидацию последствий аварии и суммы возмещения накопленного вреда. Автоматический зачет первых в счет второго нарушает логику экологического деликта, поскольку прекращение нарушения не тождественно восстановлению нарушенного состояния. Разделение этих категорий важно, как для правоприменения, так и для доктрины: ликвидация предотвращает дальнейший вред, а возмещение компенсирует уже наступившие потери

Таким образом, ссылки ответчиков на необходимость подтверждения «деградации экосистемы» эксплуатируют сохраняющуюся в отдельных судах неопределённость, и закрепление критериев автономности объекта охраны наряду с внедрением стандартизированного подхода к оценке относимости доказательств позволит обеспечить единообразие практики и защитить эффективность применения Методики № 238.

Литература

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7—ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 № 27-П // http://publication.pravo.gov.ru.

3. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.07.2025 № Ф03-2070/2025 по делу № А73-8310/2024 // СПС КонсультантПлюс.

4. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 10 октября 2022 года по делу № А47-14485/2021 // https://kad.arbitr.ru.

5. Приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» (ред. от 18.11.2021) // Российская газета. – № 211. – 21.09.2010.

6. Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Источник: Правовое обеспечение экологической безопасности населения и территорий: учебное пособие / отв. ред. Ю. Г. Шпаковский, Н. О. Ведышева, О. А. Зиновьева. — Москва : Проспект, 2022. — 168 с.

7. Игнатьева И.А. Экологическое право России: Учебник для вузов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024.

8. Петров В. В. Экологическое право России: Учебник. – М.: БЕК, 1955.

To the question of criteria for the relevance of evidence in determining damage to soils

Patiev Il.M.

LLC “Russpravo”, O.E. Kutafin Moscow State University (MSAL)

The article examines the distribution of the burden of proof in soil damage compensation. The limitation of the subject of evidence by violation of the state of the soil profile, and not by "ecosystem degradation," is justified.

The duality of judicial practice after the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 27-P is analyzed: while maintaining the traditional approach (the fact of pollution is enough), a number of courts begin to require the plaintiff to prove the mass death of biocenosis.

The authors insist on shifting the burden of proof to the defendant: the very fact of contamination of the soil profile is a sufficient basis for the conclusion about the harm, and the refutation of this (the absence of harm or its neutralization by natural processes) must be proved by the causer of harm.

Keywords: soil; environmental tort; the burden of proof; standard of proof; the relevance of evidence; presumption of environmental hazard; compensation for harm.

References

1. Federal Law No. 7-FZ dated January 10, 2002, “On Environmental Protection” // SZ RF. – 2002. – No. 2. – Art. 133.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 27-P dated May 30, 2023 // http://publication.pravo.gov.ru.
3. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated July 18, 2025, No. F03-2070/2025, in case No. A73-8310/2024 // SPS Konsultant.
4. Decision of the Arbitration Court of the Orenburg Region dated October 10, 2022, in case No. A47-14485/2021 // https://kad.arbitr.ru.
5. Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated July 8, 2010, No. 238 “On Approval of the Methodology for Calculating the Amount of Harm Caused to Soils as an Object of Environmental Protection” (as amended on November 18, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. – No. 211. – September 21, 2010.
6. Vykhvanova G. V., Zhavoronkova N. G. Source: Legal Support for Environmental Safety of the Population and Territories: a textbook / ed. by Yu. G. Shpakovsky, N. O. Vedysheva, O. A. Zinovieva. — Moscow: Prospekt, 2022. — 168 p.
7. Ignatieva I.A. Environmental Law of Russia: A Textbook for Universities. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2024.
8. Petrov V.V. Environmental Law of Russia: A Textbook. — Moscow: BEK, 1955.

Правовые особенности возмещения экологического вреда, причиненного органами публичной власти

Патиев Илья Михайлович
Генеральный директор ООО «Руссправо»; аспирант кафедры экологического и природоресурсного права, Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s2022102@edu.msal.ru

В статье исследуется правовая проблема возмещения экологического вреда, причиненного действиями (бездействием) органов публичной власти. Автор анализирует парадоксальную ситуацию «совпадения должника и кредитора», когда вред наносится бюджетной системе органом, распоряжающимся этими средствами. На основе анализа актуальной судебной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ доказывается несостоятельность формального применения ст. 413 ГК РФ для отказа в исках Росприроднадзора о взыскании ущерба с муниципальных образований.
Обосновывается вывод о том, что средства по искам о возмещении вреда имеют строго целевой характер согласно ст. 78.2 ФЗ-7 от 10.01.2002 № 7-ФЗ, а отсутствие у органов местного самоуправления утвержденных проектов восстановительных работ не должно блокировать взыскание денежных средств в пользу государства. Предлагается закрепить охрану почв как переданное государственное полномочие с обязательным целевым финансированием из федерального бюджета путем внесения изменений в действующее законодательство.
Также аргументируется необходимость внедрения института специального экологического депозитного счета для предотвращения нецелевого расходования компенсационных выплат и перехода к оценке утраченной экологической функции почвы вместо рыночной стоимости перемещаемого грунта при расчете размера ущерба.
Ключевые слова: Экологический вред, возмещение вреда окружающей среде, органы публичной власти, деликтная ответственность, специальный экологический счет, охрана почв, целевое финансирование, Постановление Пленума ВС РФ № 49, Постановление КС РФ № 27-П.

1. Взыскание вреда, причиненного органами публичной власти

Взыскание вреда, нанесенного государственными и муниципальными органами (далее – органами публичной власти), является крайне сложной и актуальной юридической проблемой. Особую остроту этот вопрос приобретает в ситуациях, когда субъект, обязанный возместить ущерб, одновременно является тем, кто его взыскивает, при совпадении кредитора и должника — парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, имеющая глубокие юридические и практические корни.

Парадокс заключается в том, что государственное и муниципальное управление земельными ресурсами – «одно из основных направлений деятельности государства в сфере использования и охраны земельных ресурсов, реализуемое в правотворческой, правоисполнительной и правоохранительной формах» Х [11], призванное обеспечивать их рациональное использование и охрану, само может выступать источником вреда.

Юридические лица публичного характера не обладают правомочием инициирования регрессных требований относительно возмещения экологического ущерба в собственный адрес. Это базируется на ряде юридических аспектов:

— согласно ст. 15 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ), убытки возникают вследствие неправомерных деяний иного лица;

— имущественные ценности органов власти входят в состав единого комплекса государственной собственности;

— предъявление иска органом публичной власти самому себе нарушает принципы рациональности отправления правосудия;

— статья 10 Бюджетного кодекса РФ [2] (далее – БК РФ) регламентирует порядок осуществления финансовых операций исключительно на основе предварительно утвержденных планов расходов.

Специфика деликта публичной власти в корне отличается от ответственности бюджетных учреждений. Если вред причинен в ходе реализации властно-распорядительных полномочий, ответственность наступает по ст. 1069 ГК РФ. Когда орган местного самоуправления является обычным землепользователем, применяются правила ст. 1064 ГК РФ.

То обстоятельство, что финансирование деятельности местной администрации осуществляется из того же бюджета, суды квалифицировали как достаточное для отказа в иске о возмещении вреда в денежной форме по смыслу ст. 413 ГК РФ. Следует отметить, что суды при этом не устанавливали обстоятельства дела, не рассматривали вопросы наличия доказательства экологического ущерба.

2. Эволюция судебной практики и позиция высших судов

Ввиду интеграции ОМСУ в единую систему публичной власти диссертант полагает необходимым закрепить охрану почв не как абстрактный вопрос местного значения, а как отдельное переданное государственное полномочие. Для этого предлагается дополнить главу 4 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ [4] статьей, регламентирующей порядок наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями Российской Федерации в сфере охраны почв с обязательным целевым финансированием из федерального бюджета, что исключит применение судами ст. 413 ГК РФ о совпадении должника и кредитора.

При этом, судами не принималось во внимание, что в силу пункта 18 Постановления Пленума ВС РФ № 49 [5] и пункта 2 статьи 78 Федерального закона № 7-ФЗ[3] возможность подачи Росприроднадзором иска в возмещении вреда «в натуре» обусловлена наличием проекта восстановительных работ.

Факт отсутствия такого проекта у органов публичной власти (как муниципальных образований, так и субъектов Российской Федерации) фактически лишал Росприроднадзор, фактически лишал Росприроднадзор возможности предъявления иска в натуральной форме, а суды использовали этот пробел для полного отказа в иске о денежном возмещении. Это в целом исключало любую возможность компенсации вреда, причиненного вследствие действий (бездействия) органа местной администрации.

По мнению ученых [12], при возмещении вреда окружающей среде действуют специальные эколого-правовые правила. До принятия Постановления Пленума ВС РФ № 49 (далее – Постановление 49) судебная практика колебалась: в частности, в Определении ВС

РФ от 1 июня 2016 г. по делу № 40–183357/2014[8] денежное обязательство было признано прекращенным. В то же время Арбитражный суд Северо-Кавказского округа постановлением от 29 июня 2022 г. по делу № 32–15948/2020[7] занял иную позицию и удовлетворил иск о возмещении вреда, поскольку факт причинения ущерба почвам нашел свое подтверждение в материалах дела. Исходя из этого, Южное межрегиональное управление направило кассационные представления в Верховный Суд РФ по делам № А32-53521/2021[9] и № А32-52065/2021[10].

В итоге Верховный Суд РФ рассмотрел обе жалобы в судебном заседании, по результатам которого согласился с доводами Росприроднадзора. Позиция высшей инстанции сводится к тому, что законодатель, устанавливая факт совпадения кредитора и должника (истца и ответчика), исходил из невозможности восстановления нарушенного права при таком субъектном составе правоотношений.

Следовательно, сам законодатель закрепил факт совпадения истца и ответчика в одном лице как правовое основание для прекращения соответствующего обязательства. Такой подход обусловлен объективной невозможностью исполнения реституции при тождестве субъектов спора. Именно эта юридическая невозможность восстановления права легла в основу мотивировочной части оспариваемых судебных решений.

Между тем правоприменители проигнорировали ограничительный характер положений статьи 413 ГК РФ. Согласно её смыслу, прекращение обязательства совпадением должника и кредитора возможно лишь в том случае, если иное прямо не предусмотрено законом или не вытекает из существа правоотношения. При этом сама природа обязательств по возмещению экологического вреда указывает на обратное.

Важнейшей характеристикой данных платежей выступает их строго целевой режим, закрепленный императивными нормами ст. 78.2 Федерального закона № 7-ФЗ (в ред. от 30.12.2021 № 446-ФЗ). Это означает, что средства поступают в доходную часть бюджетов субъектов и муниципалитетов исключительно для финансирования выявления, оценки или ликвидации накопленного экологического ущерба, а также иных мероприятий по защите природы.

Пункт 5 данной статьи особо подчеркивает: эти средства не могут быть использованы на цели, не предусмотренные законом. С учетом позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ целью ответственности является восстановление нарушенного состояния. Следовательно, денежное возмещение со стороны органа местного самоуправления юридически достижимо и будет обеспечено благодаря целевому назначению средств.

Кроме того, суды не приняли во внимание, что Росприроднадзор был лишен возможности предъявления иска «в натуре». Согласно пункту 18 Постановления Пленума ВС РФ № 49, возможность возложения обязанности по восстановлению окружающей среды напрямую зависит от наличия утвержденного проекта восстановительных работ. Факт отсутствия такого проекта у администрации фактически исключал для надзорного ведомства любой способ возмещения вреда, кроме денежного.

Значимым шагом в эволюции судебной практики стало Постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 года № 27-П [6]. КС РФ пришел к выводу, что обязанность муниципальных властей по ликвидации несанкционированных свалок конституционно допустима только при условии наличия механизма финансирования этой деятельности за счет вышестоящих бюджетов. Анализ практики после вынесения этого акта показывает отход судов от формального применения ст. 413 ГК РФ. Акцент сместился на доказательство факта бездействия органов власти.

Разрешение указанных коллизий невозможно без обращения к системе природоохранных нормативов. Именно количественные показатели состояния компонентов среды выступают объективным критерием, позволяющим суду преодолеть субъективную оценку виновности.

Сущность экологического нормирования состоит в установлении показателей выбросов, сбросов и отходов, при которых негативное воздействие будет сведено к минимуму (ст. 19 ФЗ № 7-ФЗ). Однако ключевой изъян текущей модели — разрыв между фискальной функцией платежей и восстановительной функцией возмещения вреда.

Применительно к охране почв возникает фундаментальная правовая коллизия. Гигиенические нормативы разработаны детально, однако специализированные экологические нормативы, отражающие способность почвы к самовосстановлению, практически отсутствуют. Действующая система ориентирована на валовые показатели химического вещества и не предусматривает механизмов расчета невосполнимых экологических потерь. На практике Росприроднадзор вынужден доказывать суду отрицательный факт — принципиальную невозможность возвращения почве её экосистемных функций.

Выходом видится разработка дифференцированной системы нормативов качества почв для земель сельскохозяйственного назначения: порог снижения гумуса и изменения кислотности (pH); для городских почв: показатели токсичности и утраты способности к самоочищению; для земель лесного фонда: критерии сохранности лесной подстилки.

Следует отметить, что суды не принимают во внимание, что из-за отсутствия у ответчика проекта восстановительных работ Росприроднадзор лишен возможности заявить иск о возмещении вреда «в натуре». Согласно пункту 18 Постановления Пленума ВС РФ № 49, возможность возложения на причинителя обязанности по восстановлению окружающей среды напрямую зависит от наличия надлежащим образом разработанного и утвержденного проекта таких работ.

Ситуацию осложняет отсутствие утвержденной нормативной базы, регламентирующей требования к составу, содержанию и порядку согласования таких проектов. В результате при разрешении вопроса о возмещении вреда в натуральной форме суды нередко прибегают к механическому применению правил о рекультивации земель, предназначенных для техногенного вмешательства.

Между тем правовая природа этих обязательств принципиально различна: обязанность осуществить рекультивацию возникает в связи с производственной деятельностью недропользователя или застройщика, тогда как обязательства по возмещению экологического вреда имеют деликтный характер. Они возникают вследствие действий (бездействия), не связанных напрямую с законным процессом осуществления природопользования, что требует разработки самостоятельного процессуального механизма подготовки соответствующих проектных документов.

3. Предложения автора

Анализ правового регулирования возмещения экологического вреда, причиненного органам публичной власти, позволяет предложить следующие меры:

— Разработка и принятие самостоятельного Федерального закона «О почвах», который консолидирует разрозненные требования к охране земель. В рамках данного закона предлагается учредить ***Государственный реестр биологического состояния почв.*** Данный реестр станет информационно-аналитической системой мониторинга показателей гумуса, кислотности (pH) и токсичности. Предлагаемый Реестр биологического состояния почв не подменяет собой ЕГРН и не вторгается в сферу регулирования гражданского права о вещных правах. Он фиксирует экологическое состояние природного компонента, то есть совокупность биологических и химических свойств плодородного слоя, которые не являются статичными характеристиками вещи. Почва здесь рассматривается не как объект права частной или государственной собственности, а как общенациональное достояние и активный природный ресурс.

Аналогично Государственному лесному реестру (ст. 93.1 ЛК РФ) и Водному реестру, учет качественного состояния природного компонента является обязательным элементом публичного управления. Отсутствие такого кадастра для почв сейчас лишь подчеркивает лакуны правового регулирования охраны земель, которые диссертант предлагает восполнить.

— Имплементация в статью 78.2 Федерального закона № 7-ФЗ института «специального экологического депозитного счета». Механизм предполагает зачисление взысканных с органов публичной власти средств не в доходную часть общего бюджета соответствующего уровня, а на обособленный счет Федерального казначейства. Расходование средств с такого счета должно допускаться исключительно по решению специальной межведомственной комиссии и только на конкретные восстановительные работы в отношении пострадавшего участка, что полностью исключает смешивание компенсационных выплат с общими бюджетными ассигнованиями.

— Закрепление в императивной форме исключительных случаев, когда возмещение вреда должно осуществляться исключительно в натуре (совпадение должника и кредитора, наличие у органа публичной власти технических возможностей, причинение вреда на особо охраняемых территориях).

— Переход от оценки стоимости перемещаемого грунта к оценке утраченной экологической функции (биопродуцирующей способности), что потребует привлечения междисциплинарных экспертиз.

— Разработка нормативной базы, регулирующей требования к составу, содержанию и порядку утверждения проектов восстановительных работ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 12. — Ст. 1200.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П // Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.06.2022 № Ф08-3230/2022 по делу № А32-15948/2020 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.06.2016 № 305-ЭС15-18795 по делу № А40-183357/2014 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.04.2023 № 308-ЭС22-27164 по делу № А32-53521/2021.
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.06.2022 № Ф08-5500/2022 по делу № А32-15948/2020.
11. Земельное право: учебное пособие / Н. П. Воронина, И. С. Онищенко; — Вологда. 2023. С. 133.
12. Жаворонкова, Н.Г. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного окружающей среде и отдельным природным ресурсам : монография / Жаворонкова Н.Г. — Москва : Проспект, 2020. — 144 с.

legal features of compensation for ecological damage caused by public Authorities

Patiev Il.M.

LLC “Russpravo”, O.E. Kutafin Moscow State University (MSAL)

The article examines the legal issue of compensation for environmental damage caused by the actions (or inaction) of public authorities. The author analyzes the paradoxical situation of the “coincidence of the debtor and the creditor,” when damage is caused to the budget system by the body that manages these funds. Based on an analysis of the current judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, it is demonstrated that the formal application of Article 413 of the Civil Code of the Russian Federation for rejecting Rosprirodnadzor’s claims for compensation of damage against municipal entities is untenable.

Keywords: Environmental damage, compensation for environmental damage, public authorities, tort liability, special environmental account, soil protection, targeted financing, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49, Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 27-P.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. The Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998, No. 145-FZ (as amended on December 28, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1998. — No. 31. — Art. 3823.
3. Federal Law No. 7-FZ dated January 10, 2002, “On Environmental Protection” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 2. – Art. 133.
4. Federal Law No. 33-FZ dated March 20, 2025, “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 12. – Art. 1200.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017, No. 49 “On Certain Issues of Applying the Legislation on Compensation for Harm Caused to the Environment” // Access mode: SPS “ConsultantPlus”.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 30, 2023, No. 27-P // Access mode: http://publication.pravo.gov.ru.
7. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated June 29, 2022, No. F08-3230/2022, in case No. A32-15948/2020 // Access mode: SPS “ConsultantPlus”.
8. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/01/2016 No. 305-ES15-18795 in case No. A40-183357/2014 // Available at: SPS "ConsultantPlus".
9. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/20/2023 No. 308-ES22-27164 in case No. A32-53521/2021
10. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 06/29/2022 No. F08-5500/2022 in case No. A32-15948/2020.
11. Land Law: a study guide / N. P. Voronina, I. S. Onishchenko; — Vologda. 2023. P. 133.
12. Zhavoronkova, N. G. Legal Regulation of Compensation for Damage Caused to the Environment and Individual Natural Resources: a Monograph / Zhavoronkova N. G. — Moscow: Prospect, 2020. — 144 p.

Эволюция правоприменительной практики антимонопольных органов: от пресечения нарушений к административному формализму

Плешивцев Андрей Валентинович
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономическая теория и государственное управление», Амурский государственный университет

В статье анализируется эволюция правоприменительной практики антимонопольных органов в сфере технологического присоединения к электрическим сетям. На основе эмпирического кейса и анализа законодательных изменений (ФЗ № 250-ФЗ от 13.07.2015) доказывается, что переход от квалификации нарушений по ст. 10 Закона о защите конкуренции к административной ответственности по ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ привел к снижению социальной эффективности государственного контроля. Антимонопольные органы утратили полномочия по выдаче предписаний об устранении нарушений, что вынуждает граждан восстанавливать свои права исключительно в судебном порядке, даже после подтверждения факта нарушения. Предлагаются изменения в законодательство и внедрение в систему KPI государственных служащих показателя «восстановление нарушенных прав граждан» как критерия эффективности контрольно-надзорной деятельности.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, технологическое присоединение, ФАС России, административная ответственность, ст. 9.21 КоАП РФ, эффективность государственного управления, контрольно-надзорная деятельность, защита прав потребителей, монополистическая деятельность, правоприменительная практика.

Введение

В условиях реформы контрольно-надзорной деятельности и перехода к риск-ориентированному подходу органов государственной исполнительной власти, в данном случае, Федеральной антимонопольной службы России, остается нерешенной проблема реального восстановления прав граждан и юридических лиц, нарушенных вследствие злоупотребления хозяйствующими субъектами своим доминирующим положением. Упрощение административных процедур антимонопольным органам путем предоставления им права возбуждать административное производство сразу после выявления нарушения антимонопольного законодательства энергоснабжающими организациями, минуя стадию возбуждения и рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства [5], снизило бюрократическую нагрузку на контрольно-надзорные органы. С другой стороны, данное «упрощение» лишило права антимонопольных органов выдавать предписания, направленные на восстановление нарушенных прав физических и юридических лиц, привело к утрате антимонопольными органами одной из основных функций – пресечение монополистической деятельности [9].

В конечном итоге, это привело к усилению противоречия между «красивой» формальной отчетностью контрольно-надзорных органов (количество проверок, сумма штрафов) и фактической эффективностью их работы для конкретного заявителя и реализации антимонопольной политики в целом [13; 20].

В результате, пострадавшие от произвола монополий граждане и юридические лица лишены возможности восстановления нарушенных прав на досудебном уровне и вынуждены их отстаивать в судебном порядке, что вызывает усиление социальной напряженности в связи с вынужденным обращением граждан в суды для защиты прав, нарушение которых уже было подтверждено уполномоченным государственным органом [8].

Степень научной разработанности проблемы

Проблематика технологического присоединения к электрическим сетям и её правовое регулирование привлекает внимание исследователей в рамках различных научных направлений – от цивилистики до теории государственного управления. В научной литературе сложилось несколько ключевых направлений изучения данной проблематики.

Первое направление посвящено исследованию правовой природы договора технологического присоединения. В работах О.О. Мельникова анализируются особенности правоотношений, возникающих при технологическом присоединении, и их место в системе гражданско-правовых обязательств [24]. М.Т. Хамидуллин предлагает новый взгляд на правовую природу данного договора, рассматривая его как сложный юридический состав, сочетающий элементы публичного и частного права [31]. Е. Крассов исследует правовой характер заявки и технических условий как ключевых элементов договорной конструкции [22]. А.В. Воробьев акцентирует внимание на проблемах подтверждения факта технологического присоединения при заключении договоров энергоснабжения [19]. Вопросы подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим сетям в целом рассматриваются в работе С.В. Куровского, Д.А. Мишина и К.В. Осипова [23].

Второе направление исследований связано с анализом правоприменительной практики и административной ответственности за нарушения правил технологического присоединения. К.С. Семенович рассматривает вопросы выбора заявителем категории надежности электроснабжения как элемента договора ТП [28]. А.А. Бородавко в своих работах проводит системный анализ судебной практики по договорам технологического присоединения, включая споры о признании права собственности на объекты, возводимые при исполнении таких договоров [14; 15]. Д.О. Телегина исследует практику привлечения юридических лиц к административной ответственности по ст. 9.21 КоАП РФ, выявляя проблемные аспекты квалификации данного правонарушения [29]. С.В. Веревкин акцентирует внимание на сложностях, возникающих при квалификации правонарушений по ч. 2 ст. 9.21 КоАП РФ [17]. Проблемам административной

ответственности за злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке посвящена работа К.А. Власова [18]. Вопросы реализации принципа недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий в электроэнергетике рассматривает К.В. Москвин [25].

Третье направление охватывает вопросы государственного регулирования и антимонопольного контроля в электроэнергетике. А.О. Белоплотов в своих работах исследует публично-правовые основы обеспечения объектов капитального строительства инженерными сетями, включая сравнительно-правовой анализ технологического присоединения в условиях Евразийского экономического союза [12; 13]. Д.А. Васильев рассматривает государственное тарифное и антимонопольное регулирование электроэнергетического комплекса с институциональных позиций [16]. В.В. Громов анализирует внедрение антимонопольного комплаенса в энергетике как инструмента предупреждения нарушений [21]. А.Д. Хайруллина и И.Р. Шагвалиев рассматривают антимонопольный комплаенс как систему предупреждения нарушений при оказании услуг по технологическому присоединению [30]. Механизмы антимонопольного регулирования в электроэнергетике и основания для привлечения к ответственности исследует Н.Ч. Сапаров [27]. Трансформация антимонопольной политики и полномочий ФАС России на различных исторических этапах анализируется в работе И.В. Гагариной и И.В. Князевой [20]. Правовое обеспечение газификации как смежной сферы технологического присоединения рассматривается в работе В.В. Романовой, И.В. Миронова и Н.В. Якиро [26].

Четвертое направление, представляющее особый интерес в контексте настоящего исследования, связано с оценкой эффективности государственного регулирования и его социальных последствий. Институциональный анализ эффективности государственного регулирования в целом представлен в работах В.Л. Тамбовцева, однако применительно к сфере технологического присоединения и деятельности антимонопольных органов данная проблематика остается недостаточно разработанной.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что проблема разрыва между административным наказанием и реальным восстановлением нарушенных прав граждан в досудебном порядке не получила должного осмысления с позиций государственного и муниципального управления, а также оценки социальной эффективности контрольно-надзорной деятельности. В имеющихся исследованиях, как правило, акцент делается либо на гражданско-правовой природе договора технологического присоединения, либо на процессуальных аспектах привлечения к административной ответственности. Вне поля зрения остается вопрос о том, насколько эффективно действующий механизм административного преследования выполняет функцию защиты прав граждан как конечную цель государственного контроля.

Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел. Новизна работы заключается в комплексном анализе эволюции правоприменительной практики антимонопольных органов в сфере технологического присоединения, оценке её социальной эффективности на основе конкретного эмпирического кейса и разработке предложений по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности, ориентированных не на формальные показатели отчетности, а на реальное восстановление нарушенных прав граждан.

Цель исследования:

Доказать, что действующий механизм привлечения к административной ответственности по ст. 9.21 КоАП РФ обладает низкой социальной эффективностью в сфере технологического присоединения, и предложить механизмы его совершенствования.

Задачи исследования:

1. Проанализировать эволюцию полномочий ФАС России в сфере технологического присоединения.
2. На основе эмпирического кейса продемонстрировать разрыв между «административным наказанием» и «восстановлением прав».
3. Оценить социальную эффективность действующего механизма.
4. Сформулировать предложения по изменению нормативно-правового регулирования и внедрению новых KPI для контрольно-надзорных органов.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили: кейс-стади: конкретное дело о технологическом присоединении гаража в г. Благовещенске (заявка в энерго- снабжающую организацию, переписка с ООО «АКС», решение УФАС от 08.07.2026). Данный кейс уникален тем, что автор исследования сам является потерпевшей стороной. Это позволяет получить глубокое инсайдерское знание проблемы.

Также в эмпирическую основу вошли обзоры судебной практики по ст. 9.21 КоАП РФ за 2025–2026 гг.

Методологию исследования составили: институциональный анализ (исследование формальных и неформальных правил, регулирующих деятельность ФАС и сетевых организаций); сравнительно-правовой метод: (сравнение периода до 2015 г. (применение ст. 10 Закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции») и после 2015 г. (ст. 9.21 КоАП РФ); метод анализа документов: (изучение решений УФАС, судебных актов, внутренних разъяснений ФАС); социологические методы (анализ открытых данных о результатах деятельности ФАС, включая «отчеты о результативности» контрольно-надзорной деятельности).

Результаты и обсуждение

До 2015 года нарушение порядка технологического присоединения к электрическим сетям квалифицировалось как злоупотребление доминирующим положением в соответствии со ст. 10 ФЗ-135 «О защите конкуренции». При выявлении нарушения возбуждалось дело, шло его рассмотрение с последующим решением и выдачей предписания об устранении нарушения (в нашем случае энергоснабжающая организация обязывалась заключить договор технологического присоединения к электрическим сетям). А потом, на основе решения и предписания возбуждалось административное производство по (ст. 14.31 КоАП). В итоге нарушенные права физических и юридических лиц восстанавливались в досудебном порядке. ФАС России реально выполняла функцию пресечения монополистической деятельности.

После 2015 года федеральным законом № 250-ФЗ от 13.07.2015 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в КоАП РФ была введена специальная статья 9.21, устанавливающая административную ответственность за нарушение субъектом естественной монополии порядка технологического присоединения к электрическим сетям, а также, за нарушение правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии. Разъяснение № 7 Президиума ФАС закрепило, что нарушения правил ТП подлежат квалификации по ч. 1 ст. 9.21 КоАП, а не по ст. 14.31 КоАП, устанавливающую административную ответственность за злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке. Таким образом, антимонопольные органы утратили полномочия по выдаче предписаний об устранении нарушения правил технологического присоединения, поскольку КоАП не предусматривает такого полномочия.

В итоге ФАС России и территориальные органы возбуждают административные дела и налагают штрафы, но не могут обязать сетевую организацию заключить договор.

Эмпирический кейс: дело о технологическом присоединении объекта недвижимости к электрическим сетям

Фактические обстоятельства дела

В качестве эмпирического материала в настоящем исследовании рассматривается дело о технологическом присоединении гаража (г. Благовещенск, Амурская область). Гражданин П., являющийся собственником указанного объекта, 27.04.2026 обратился в сетевую организацию ООО «АКС» с заявкой на технологическое присоединение мощностью 5 кВт. Сетевая организация уведомила заявителя о принятии заявки в работу и обязалась выставить счет в течение 10 рабочих дней, однако вместо счета направила требование о проведении общего собрания собственников всех гаражных боксов для получения согласия на присоединение и решения о реконструкции ВРУ.

Заявителем была направлена досудебная претензия с требованием выставить счет и заключить договор. Сетевая организация перенесла срок ответа на неопределенный срок, ссылаясь на запрос архивной информации в администрацию города. Впоследствии АКС уведомила заявителя о прекращении переписки, ссылаясь на Федеральный закон № 59-ФЗ, который регулирует отношения граждан с государственными органами и не применяется к коммерческим организациям.

По результатам рассмотрения жалобы заявителя Амурским УФАС России принято решение (от 08.07.2026) об отказе в возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства (в связи с отсутствием признаков нарушения ст. 10 Закона № 135-ФЗ) и возбуждении дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ. При этом антимонопольный орган указал на отсутствие полномочий по выдаче предписания об устранении нарушения. Заявка заявителя впоследствии была аннулирована сетевой организацией.

Данный случай иллюстрирует ключевую проблему: государственный орган подтвердил факт нарушения, но не смог восстановить права заявителя в досудебном порядке. Административное наказание (штраф) не повлекло за собой устранения нарушения. Пострадавшая сторона оказалась перед необходимостью судебной защиты, несмотря на наличие подтверждённого факта нарушения со стороны сетевой организации.

Анализ социальной эффективности действующего механизма контрольно-надзорной деятельности антимонопольных органов

Что получил заявитель: Факт административного наказания ООО «АКС», но не получил электричество.

Что получило государство: Отчет о возбужденном деле и сумме штрафа (в случае его уплаты). Однако цель защиты прав гражданина достигнута не была.

Вывод о провале государственного регулирования: Текущие KPI антимонопольных органов (количество дел, сумма штрафов) не учитывают главный результат – восстановление нарушенных прав граждан. В терминах институциональной теории – имеет место подмена «результата» (outcome) «отчетным показателем» (output).

Заключение

Проведенное исследование, основанное на анализе нормативно-правовых актов, правоприменительной практики и уникальном эмпирическом кейсе, позволяет сформулировать следующие основные выводы и предложения.

Выводы

Принятие Федерального закона № 250-ФЗ [8] и переход к квалификации нарушений порядка технологического присоединения исключительно по ст. 9.21 КоАП РФ [2] привели к снижению социальной эффективности антимонопольного контроля. Если до 2015 года механизм правоприменения предусматривал последовательное прохождение стадий: выявление нарушения → возбуждение дела по ст. 10 Закона № 135-ФЗ [5] → выдача предписания об устранении нарушения → возбуждение административного производства по ст. 14.31 КоАП [2], то после реформы антимонопольные органы утратили возможность выдачи предписаний в рамках административного производства по ст. 9.21 КоАП РФ.

Антимонопольные органы утратили инструмент досудебного восстановления прав граждан в данной сфере – выдачу предписаний об устранении нарушения [9]. Как показал эмпирический кейс, даже после подтверждения факта нарушения со стороны сетевой организации, права заявителя не были восстановлены. УФАС возбудило административное дело, но не имело полномочий обязать ООО «АКС» заключить договор технологического присоединения.

Сетевым организациям экономически выгодно уплачивать штрафы (включенные в тарифы) и продолжать нарушать права потребителей, поскольку реального принуждения к исполнению обязательств в административном порядке нет. В рассмотренном кейсе заявка заявителя была аннулирована ООО «АКС» уже после возбуждения административного производства, что подтверждает отсутствие действенных механизмов пресечения нарушений.

Пострадавшие граждане и юридические лица от произвола монополий в сфере техприсоединения вынуждены восстанавливать свои нарушенные права только в судах, что, с одной стороны, существенно увеличивает нагрузку на последние и снижает качество их работы. С другой стороны, в обществе падает доверие к органам государственной исполнительной власти [13; 20].

Предложения по изменению нормативно-правового регулирования и внедрению новых KPI для контрольно-надзорных органов:

Внести изменения в нормативные правовые акты:

а) Дополнить ч. 1 ст. 9.21 КоАП РФ [2] указанием на возможность выдачи антимонопольным органом предписания об устранении нарушения (по аналогии с процедурой, предусмотренной ст. 23 КоАП для некоторых составов).

б) Наделить антимонопольный орган правом выдавать предписания в сфере технологического присоединения вне рамок антимонопольного дела – по аналогии со ст. 18.1 Закона № 135-ФЗ [5], предусматривающей выдачу предписаний в сфере строительства, или в рамках ст. 39.1 Закона № 135-ФЗ [5] (предупреждение о прекращении действий, содержащих признаки нарушения).

Ввести для государственных органов KPI: «восстановление нарушенных прав граждан в досудебном порядке».

Предложить включить в государственное задание ФАС России показатель: «Доля обращений граждан, по которым нарушенные права восстановлены в досудебном порядке без обращения в суд». Это сместит фокус контроля с наказания на реальную помощь гражданам и будет стимулировать сотрудников антимонопольных органов добиваться не просто штрафа, а фактического устранения нарушения.

Предлагаемые изменения будут способствовать:

- восстановлению доверия граждан к органам государственной власти;
- повышению реальной, а не формальной эффективности контрольно-надзорной деятельности;
- снижению нагрузки на судебную систему;
- реализации конституционного принципа защиты прав и свобод человека и гражданина [1].

Литература

1. Белоплотов А.О. Регулирование технологического присоединения в условиях Евразийского экономического союза: сравнительно-правовой анализ // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 233-247. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-tehnologicheskogo-prisoedineniya-v-usloviyah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-sravnitelno-pravovoy-analiz. EDN: QBBFXH

2. Бородавко А.А. Анализ судебной практики по делам о признании права собственности на объекты, возводимые при исполнении договора технологического присоединения // Правовой энергетический форум. 2025. Т. 11. № 2. С. 97-105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-priznanii-prava-sobstvennosti-na-obekty-vozvodimye-pri-ispolnenii-dogovora-tehnologicheskogo. DOI: 10.61525/S231243500035533-4 EDN: VGABCU

3. Бородавко А.А. Правоприменительная практика по договору технологического присоединения к электрическим сетям // Правовой энергетический форум. 2024. Т. 10. № 2. С. 80-87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravoprimenitelnaya-praktika-po-dogovoru-tehnologicheskogo-prisoedineniya-k-elektricheskim-setyam. DOI: 10.61525/S231243500031376-1 EDN: QEGCKT

4. Васильев Д.А. Государственное тарифное и антимонопольное регулирование электроэнергетического комплекса: институциональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97. С. 85-97. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-tarifnoe-i-antimonopolnoe-regulirovanie-elektroenergeticheskogo-kompleksa-institutsionalnyy-aspekt. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-85-97 EDN: RJKMVO

5. Власов К.А. Административная ответственность за злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 79-91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-zloupotreblenie-dominiruyuschim-polozheniem-na-tovarnom-rynke-1. EDN: GXTXJS

6. Воробьев А.В. Подтверждения технологического присоединения энергопринимающих устройств при заключении договоров энергоснабжения // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 10А. С. 194-203. URL: http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2025-10/c1-vorobev.pdf. DOI: 10.34670/AR.2025.50.10.023 EDN: RDCPWB

7. Крассов Е. Правовой характер заявки и технических условий по договору о технологическом присоединении в электроэнергетике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 81-106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-harakter-zayavki-i-tehnicheskih-usloviy-po-dogovoru-o-tehnologicheskom-prisoedinenii-v-

elektroenergetike. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.81.106 EDN: FCNSBG

8. Куровский С.В., Мишин Д.А., Осипов К.В. Правовое регулирование подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям // Закон и власть. 2025. № 7. С. 141-146. URL: https://zakonivlast.ru/upload/iblock/b9c/p33u9p1mfxthlku0tqafytkmr6cjy07f/%E2%84%967%202025%20%D0%97%D0%B8%D0%92.pdf#page=141. EDN: ACQAVA

9. Мельников О.О. Отношения по технологическому присоединению к электрическим сетям и их правовое регулирование в Российской Федерации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 3. С. 208-229. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-po-tehnologicheskomu-prisoedineniyu-k-elektricheskim-setyam-i-ih-pravovoe-regulirovanie-v-rossiyskoy-federatsii. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-melnikov EDN: BJFBKK

10. Москвин К.В. Принцип обеспечения недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий в электроэнергетике: вопросы реализации в правовом регулировании доступа к электрическим сетям // Правовой энергетический форум. 2025. Т. 11. № 3. С. 95-106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-obespecheniya-nediskriminatsionnogo-dostupa-k-uslugam-subektov-estestvennyh-monopoliy-v-elektroenergetike-voprosy. DOI: 10.61525/S231243500036340-2 EDN: WJKPLV

11. Романова В.В., Миронов И.В., Якиро Н.В. Правовое обеспечение газификации: тенденции нормативно-правового регулирования и результаты правоприменения // Правовой энергетический форум. - 2026. - Т. 12. - № 1. - С. 10-22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-gazifikatsii-tendentsii-normativno-pravovogo-regulirovaniya-i-rezultaty-pravoprimeneniya. DOI: 10.61525/S231243500038146-8 EDN: MNMGGL

12. Сапаров Н.Ч. Механизмы антимонопольного регулирования в электроэнергетике - основания для привлечения к ответственности // Вестник Центра права имени В.А. Мусина. - 2026. - Т. 12. - № 1. - С. 104-113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-antimonopolnogo-regulirovaniya-v-elektroenergetike-osnovaniya-dlya-privlecheniya-k-otvetstvennosti. DOI: 10.61525/S0038173-0 EDN: QUYOZO

13. Семенович К.С. Технологическое присоединение к электрическим сетям: выбор заявителем категории надежности электроснабжения // Ленинградский юридический журнал. - 2016. - № 1 (43). - С. 128-134. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskoe-prisoedinenie-k-elektricheskim-setyam-vybor-zayavitelem-kategorii-nadezhnosti-elektrosnabzheniya. EDN: VVZYZN

14. Телегина Д.О. Практика привлечения юридических лиц к административной ответственности по статье 9.21 КоАП РФ // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 8. - С. 520-535. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-privlecheniya-yuridicheskih-lits-k-administrativnoy-otvetstvennosti-po-statie-9-21-koap-rf. EDN: YNFBHA

15. Хамидуллин М.Т. Правовая природа договора технологического присоединения: новый взгляд на проблему // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2020. - № 5 (224). - С. 98-105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-dogovora-tehnologicheskogo-prisoedineniya-novyy-vzglyad-na-problemu-1. EDN: QXPMXD

Evolution of antimonopoly authorities' law enforcement practice: from suppression of violations to administrative formalism

Pleshivtsev A.V.
Amur State University

The article analyzes the evolution of law enforcement practices of antimonopoly authorities in the sphere of technological connection to electric grids. Based on an empirical case study and analysis of legislative amendments (Federal Law No. 250-FZ of July 13, 2015), it is proved that the transition from qualification of violations under Article 10 of the Competition Protection Law to administrative liability under Part 1 of Article 9.21 of the Administrative Code of the Russian Federation has led to a decrease in the social effectiveness of state control. Antimonopoly authorities have lost their powers to issue orders to eliminate violations, which forces citizens to restore their rights exclusively in court, even after the fact of the violation has been confirmed. Amendments to legislation are proposed, as well as the introduction of the indicator "restoration of violated rights of citizens" into the KPI system of civil servants as a criterion for the effectiveness of control and supervisory activities.

Keywords: antimonopoly regulation, technological connection, Federal Antimonopoly Service of Russia, administrative liability, Article 9.21 of the Administrative Code of the Russian Federation, public administration effectiveness, control and supervisory activities, consumer protection, monopolistic activities, law enforcement practice.

References

1. Beloplotov A.O. Regulation of technological connection in the conditions of the Eurasian Economic Union: comparative legal analysis // Issues of Russian justice. 2024. No. 30. pp. 233-247. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-tehnologicheskogo-prisoedineniya-v-usloviyah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-sravnitelno-pravovoy-analiz. EDN: QBBFXH
2. Borodavko A.A. Analysis of judicial practice in cases of recognition of ownership rights to facilities erected during the execution of a technological connection agreement // Legal Energy Forum. 2025. Vol. 11. No. 2. pp. 97-105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-priznanii-prava-sobstvennosti-na-obekty-vozvodimye-pri-ispolnenii-dogovora-tehnologicheskogo. DOI: 10.61525/S231243500035533-4 EDN: VGABCU
3. Borodavko A.A. Law enforcement practice under the contract of technological connection to electric networks // Legal Energy Forum. 2024. Vol. 10. No. 2. pp. 80-87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravoprimenitelnaya-praktika-po-dogovoru-tehnologicheskogo-prisoedineniya-k-elektricheskim-setyam. DOI: 10.61525/S231243500031376-1 EDN: QEGCKT
4. Vasiliev D.A. State tariff and antimonopoly regulation of the electric power industry: an institutional aspect // Public administration. Electronic bulletin. 2023. No. 97. pp. 85-97. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-tarifnoe-i-antimonopolnoe-regulirovanie-elektroenergeticheskogo-kompleksa-institutsionalnyy-aspekt. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-85-97 EDN: RJKMVO
5. Vlasov K.A. Administrative responsibility for abuse of a dominant position in the commodity market // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (115). pp. 79-91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-zloupotreblenie-dominiruyuschim-polozheniem-na-tovarnom-rynke-1 . EDN: GXTXJS
6. Vorobyov A.V. Confirmation of technological connection of energy receiving devices at the conclusion of energy supply contracts // Issues of Russian and international law. 2025. Vol. 15. No. 10A. pp. 194-203. URL: http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2025-10/c1-vorobev.pdf . DOI: 10.34670/AR.2025.50.10.023 EDN: RDCPWB
7. Krassov E. The legal nature of the application and technical conditions under the agreement on technological connection in the electric power industry // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 3. pp. 81-106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-harakter-zayavki-i-tehnicheskih-usloviy-po-dogovoru-o-tehnologicheskom-prisoedinenii-v-elektroenergetike. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.81.106 EDN: FCNSBG
8. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Osipov K.V. Legal regulation of connection of capital construction facilities to engineering and technical communications. 2025. No. 7. pp. 141-146. URL: https://zakonivlast.ru/upload/iblock/b9c/p33u9p1mfxthlku0tqafytkmr6cjy07f/%E2%84%967%202025%20%D0%97%D0%B8%D0%92.pdf#page=141 . EDN: ACQAVA
9. Melnikov O.O. Relations on technological connection to electric grids and their legal regulation in the Russian Federation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19. № 3. pp. 208-229. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-po-tehnologicheskomu-prisoedineniyu-k-elektricheskim-setyam-i-ih-pravovoe-regulirovanie-v-rossiyskoy-federatsii. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-melnikov EDN: BJFBKK
10. Moskvin K.V. The principle of ensuring non-discriminatory access to services of subjects of natural monopolies in the electric power industry: issues of implementation in the legal regulation of access to electric networks // Legal Energy Forum. 2025. Vol. 11. No. 3. pp. 95-106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-obespecheniya-nediskriminatsionnogo-dostupa-k-uslugam-subektov-estestvennyh-monopoliy-v-elektroenergetike-voprosy. DOI: 10.61525/S231243500036340-2 EDN: WJKPLV
11. Romanova V.V., Mironov I.V., Yakiro N.V. Legal support for gasification: trends in regulatory regulation and the results of law enforcement // Legal Energy Forum. - 2026. - Vol. 12. - No. 1. - pp. 10-22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-gazifikatsii-tendentsii-normativno-pravovogo-regulirovaniya-i-rezultaty-pravoprimeneniya . DOI: 10.61525/S231243500038146-8 EDN: MNMGGL
12. Saparov N.Ch. Mechanisms of antimonopoly regulation in the electric power industry - grounds for prosecution // Bulletin of the V.A. Musin Center of Law. - 2026. - Vol. 12. - No. 1. - pp. 104-113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-antimonopolnogo-regulirovaniya-v-elektroenergetike-osnovaniya-dlya-privlecheniya-k-otvetstvennosti . DOI: 10.61525/S0038173-0 EDN: QUYOZO
13. Semenovich K.S. Technological connection to electric networks: the applicant's choice of the category of reliability of power supply // Leningrad Law Journal. - 2016. - № 1 (43). - Pp. 128-134. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskoe-prisoedinenie-k-elektricheskim-setyam-vybor-zayavitelem-kategorii-nadezhnosti-elektrosnabzheniya . EDN: VVZYZN
14. Telegina D.O. The practice of bringing legal entities to administrative responsibility under Article 9.21 of the Administrative Code of the Russian Federation // Issues of Russian justice. - 2020. - No. 8. - pp. 520-535. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-privlecheniya-yuridicheskih-lits-k-administrativnoy-otvetstvennosti-po-statie-9-21-koap-rf . EDN: YNFBHA

Проблемы осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства при приёме в гражданство Российской Федерации

Постнова Маргарита Витальевна
аспирант, кафедра организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), margosa998@gmail.com

Прокурорский надзор за исполнением законодательства при приёме иностранных граждан, лиц без гражданства в гражданство Российской Федерации исследован применительно к правовому основанию приобретения статуса, процедуре рассмотрения заявления, законности итогового решения. Цель работы состояла в систематизации проблем надзорной деятельности по основным этапам приёма с учётом дифференциации оснований, развития межведомственного информационного взаимодействия после принятия Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ. Анализ научных публикаций, сравнительный, классификационный методы, обобщение использованы для изучения современных подходов к регулированию гражданства, миграционному контролю, прокурорскому надзору. Выявленные проблемы сгруппированы по их правовой природе и соотнесены со стадиями формирования решения о гражданстве, что стало основой стадийно-рисковой модели прокурорской оценки. Полученная модель связывает характер возможного нарушения с соответствующим этапом процедуры, результаты могут применяться при подготовке прокурорских проверок, систематизации выявленных нарушений, разработке методических материалов.

Ключевые слова: прокурорский надзор, гражданство Российской Федерации, приём в гражданство, миграционное законодательство, иностранный гражданин, лицо без гражданства, межведомственное взаимодействие, цифровизация надзора, законность приобретения гражданства.

Введение

Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» закрепил систему приобретения российского гражданства, в которой содержание процедуры определяется правовой категорией заявителя, основанием обращения, компетенцией органа. Статьи 15–17 регулируют общий порядок приёма, специальные основания, исключительный порядок, Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утверждённое Указом Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 889, конкретизирует процедуру подачи заявления, проверки сведений, принятия решения. Каждому основанию соответствует собственный состав юридически значимых обстоятельств, поэтому прокурорская оценка начинается с установления применённой нормы, подтверждающих её условий материалов.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 12 апреля 2024 г. № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» связывает оценку законности приобретения гражданства с деятельностью органов внутренних дел, информационным обеспечением процедуры, межведомственным взаимодействием. Юридический результат формируется посредством последовательного рассмотрения заявления, проверки обстоятельств, использования сведений государственных ресурсов, что придаёт прокурорской проверке комплексный характер.

Цель исследования состоит в выявлении, систематизации проблем прокурорского надзора за исполнением законодательства при приёме в гражданство Российской Федерации. Её достижение предполагает установление элементов правового регулирования, определяющих предмет прокурорской проверки, классификацию основных проблем надзорной оценки, разработку модели их соотнесения со стадиями процедуры.

Научная новизна заключается в рассмотрении проблем надзора через юридические операции, формирующие решение о гражданстве. Нормативно-квалификационные, доказательственные, компетенционные, информационные, правозащитные аспекты объединены в стадийно-рисковую модель, отражающую связь между этапом рассмотрения заявления, характером возможного нарушения.

Материалы и методы

Материал исследования образуют современные публикации по вопросам гражданства, миграционного контроля, прокурорского надзора. Е.А. Анисимова, А.А. Деревнина [1] исследовали изменения, закреплённые Федеральным законом № 138-ФЗ, уделив внимание основаниям приобретения гражданства, распределению полномочий. Н.А. Бувака, М.Д. Потапова [2] рассмотрели развитие института гражданства в связи с изменением публично-правового статуса личности. Р.Б. Булатов, Т.Р. Булатов [3] раскрыли роль прокуратуры в обеспечении прав иностранных граждан. О.В. Воронина [4] исследовала изменение порядка приёма после принятия Федерального закона № 138-ФЗ. О.В. Катаева [5] рассмотрела модернизацию публично-правового регулирования гражданства, включая специальные основания приобретения статуса. О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко [6] систематизировали основные материальные, процедурные новеллы. А.С. Лизунов, А.Е. Крошилин [7] исследовали федеральный государственный контроль в миграционной сфере. А.А. Мишунина, М.А. Телятников [8] рассмотрели цифровизацию прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства. Л.А. Нудненко [9] выявила тенденции изменения оснований приобретения гражданства. Ю.В. Паукова [10] исследовала миграционный контроль применительно к иностранным гражданам, лицам без гражданства. Нормативную основу составили Федеральный закон № 138-ФЗ, Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 273.

Анализ научных публикаций использовался для определения основных подходов к регулированию гражданства, прокурорскому надзору, миграционному контролю. Сравнение позволило установить различия между этими подходами, классификация применялась для группировки надзорных проблем, обобщение использовалось при построении стадийно-рисковой модели.

Результаты

Приём в гражданство Российской Федерации включает определение основания обращения, проверку предусмотренных им условий, принятие решения компетентным органом. Изменения законодательства затронули основания приобретения, распределение полномочий, требования к заявителям [1, 4, 6, 9], поэтому правовая квалификация конкретного обращения образует исходный элемент прокурорской проверки.

Статья 15 Федерального закона № 138-ФЗ закрепляет общий порядок приёма, статья 16 регулирует отдельные категории заявителей, статья 17 устанавливает исключительный порядок. О.В. Воронина рассматривает реформу через изменение условий приёма [4], О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко связывают её с материальными, процедурными новеллами [6], Л.А. Нудненко исследует преобразование системы оснований приобретения гражданства [9], О.В. Катаева раскрывает специфику специальных механизмов приобретения статуса [5]. Для прокурорской оценки существенна связь правовой категории заявителя с применённым основанием, фактическими обстоятельствами дела.

Нормативно-квалификационная проблема возникает при выборе нормы, определяющей порядок рассмотрения конкретного заявления, поскольку правовое основание задаёт объём требований, состав подтверждающих материалов. Проверка строится через соотнесение категории заявителя с основанием приёма, предусмотренных им условий с фактическими материалами производства. Юридическое значение документа определяется обстоятельством, для подтверждения которого он представлен.

Документальная составляющая процедуры зависит от основания обращения, поскольку Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации предусматривает различный состав подтверждающих материалов. Работы Е.А. Анисимовой, А.А. Деревниной [1], О.В. Ворониной [4], О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко [6] связывают новое регулирование с изменением условий приобретения гражданства, порядка их подтверждения. Прокурорская оценка охватывает достаточность материалов для установления требуемого законом обстоятельства, соблюдение порядка их получения, использования.

Компетенция субъекта, разрешающего заявление, определяет правомерность принятого решения. Федеральный закон № 138-ФЗ распределяет соответствующие полномочия между Президентом Российской Федерации, органами внутренних дел, органами, осуществляющими полномочия в сфере международных отношений. Изменение компетенции исследовано Е.А. Анисимовой, А.А. Деревниной [1], процессуальная сторона соответствующих преобразований представлена в работах О.В. Ворониной [4], О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко [6]. Для прокурорской проверки значение имеет соответствие совершённого действия полномочиям конкретного субъекта, установленной процедуре.

Статья 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определяет предмет надзора через исполнение законов соответствующими органами, должностными лицами, законность издаваемых ими правовых актов. В производстве по вопросам гражданства прокурор оценивает действия публичного органа, реализующего предоставленную законом компетенцию. Р.Б. Булатов, Т.Р. Булатов связывают деятельность с обеспечением законности, защитой прав иностранных граждан [3], А.С. Лизунов, А.Е. Крошилин исследуют федеральный государственный контроль в миграционной сфере [7], Ю.В. Паукова раскрывает механизмы миграционного контроля [10]. Указанные подходы позволяют связать предмет прокурорской проверки с исполнением закона органом, принимающим участие в разрешении вопроса о гражданстве.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 273 конкретизирует данное направление через оценку законности приобретения российского гражданства, деятельности органов внутренних дел, качества информационного взаимодействия. Проверка охватывает формирование решения от определения основания приёма до оценки правомерности действий должностных лиц, содержания принятого акта.

Федеральный государственный контроль в сфере миграции, прокурорский надзор выполняют самостоятельные юридические функции. А.С. Лизунов, А.Е. Крошилин исследуют административные полномочия, процедуры контрольной деятельности [7], Ю.В. Паукова рассматривает соблюдение миграционного законодательства иностранными гражданами [10]. Р.Б. Булатов, Т.Р. Булатов раскрывают прокурорскую деятельность через обеспечение законности в отношениях лица с публичной властью [3], А.А. Мишунина, М.А. Телятников связывают её развитие с цифровыми технологиями [8]. Прокурорская проверка в производстве по вопросам гражданства ориентирована на исполнение закона публичным органом, осуществляющим соответствующие полномочия.

Правозащитная составляющая надзора связана с юридическим значением решения о приёме для статуса заявителя. Н.А. Бувака, М.Д. Потапова исследуют гражданство через развитие публично-правового положения личности [2], Р.Б. Булатов, Т.Р. Булатов связывают прокурорскую деятельность с обеспечением прав иностранных граждан [3], О.В. Катаева рассматривает гражданство как элемент публично-правового статуса [5]. Прокурорская оценка в этой части охватывает соответствие применённого режима правовой категории заявителя, соблюдение установленной процедуры, обоснованность принятого решения.

Информационное обеспечение приобретает юридическое значение вследствие использования государственных информационных ресурсов при проверке обстоятельств заявления. А.А. Мишунина, М.А. Телятников связывают цифровизацию надзора с развитием информационного взаимодействия [8], Ю.В. Паукова рассматривает автоматизацию миграционного контроля [10], А.С. Лизунов, А.Е. Крошилин исследуют организацию соответствующей контрольной деятельности [7]. Прокурорская проверка охватывает полноту сведений, их актуальность, связь с юридическим фактом, подлежащим установлению.

Информационный элемент целесообразно оценивать через его функцию в конкретном производстве, начиная с определения юридически значимого обстоятельства, заканчивая установлением источника использованных данных, их роли при принятии решения.

Проблемы прокурорского надзора объединяются в пять направлений, охватывающих правовую квалификацию основания, достаточность подтверждающих материалов, компетенцию органа, информационное обеспечение, соблюдение гарантий заявителя, распределение соединяет положения исследований законодательства о гражданстве [1, 4, 5, 6, 9], прокурорского надзора, миграционного контроля [3, 7, 8, 10], публично-правового статуса личности [2].

Соотнесение этих направлений со стадиями рассмотрения заявления образует стадийно-рисковую модель прокурорской проверки. Определение основания связано преимущественно с квалификационным риском, установление фактических обстоятельств требует оценки доказательственного, информационного обеспечения, принятие решения предполагает проверку компетенции органа, соблюдения процедуры. Правозащитный аспект охватывает весь процесс рассмотрения заявления, позволяя оценить влияние выявленного нарушения на положение конкретного лица.

Практическое применение модели строится от нормы, регулирующей основание приёма, к материалам производства, которыми подтверждаются предусмотренные ею обстоятельства. После установления фактической основы оцениваются полномочия субъекта, соблюдение процедуры, юридическое оформление результата.

Обсуждение

Современные исследования процедуры приёма распределены между работами о гражданстве, миграционном контроле, прокурорском надзоре. Публикации по Федеральному закону № 138-ФЗ раскрывают основания приобретения, требования к заявителям, компетенцию органов, а исследования прокурорской деятельности сосредоточены на обеспечении законности, защите прав иностранных граждан. Вопросы надзора непосредственно за процедурой приёма формируются на пересечении этих направлений через оценку административных действий органа, применяющего законодательство о гражданстве.

Так, например, в своей работе О.В. Воронина рассматривает преобразование порядка приёма, Л.А. Нудненко связывает его с развитием системы оснований приобретения гражданства, а О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко включают соответствующие изменения в комплекс новелл Федерального закона № 138-ФЗ. Совокупность этих подходов позволяет проследить движение от выбора основания приобретения к его применению в конкретном производстве, что имеет непосредственное значение для прокурорской квалификации рассматриваемого решения.

Работы Р.Б. Булатова, Т.Р. Булатова, А.С. Лизунова, А.Е. Крошилина, Ю.В. Пауковой позволяют разграничить миграционный контроль, прокурорский надзор по объекту оценки. Контрольная деятельность связана с соблюдением требований миграционного законодательства участниками регулируемых отношений, прокурорская

проверка обращена к исполнению закона публичными органами. В производстве по вопросам гражданства прокурор оценивает правомерность административных действий, использованных материалов, принятого решения.

Достаточность сведений заявителя определяется их связью с конкретным нормативным требованием. Уполномоченный орган устанавливает юридически значимые обстоятельства, использует документы, сведения информационных ресурсов, а прокурорская оценка охватывает основание действий, качество сформированных материалов, их значение для разрешения заявления, так, предмет проверки сохраняет связь с деятельностью публичного органа на каждой стадии производства.

Цифровизация изменяет способы получения сведений, используемых при разрешении вопроса о гражданстве, А.А. Мишунина, М.А. Телятников связывают развитие прокурорского надзора с расширением информационных возможностей, в то же время Ю.В. Паукова рассматривает автоматизацию миграционного контроля, то есть для надзорной проверки значение приобретает связь цифрового источника с конкретным юридическим обстоятельством, повлиявшим на принятое решение.

Правозащитное содержание надзора определяется применением установленной процедуры к конкретному заявителю. Его правовая категория задаёт условия приёма, поэтому точность юридической квалификации влияет на объём предъявляемых требований, последующее разрешение заявления. Проверка соблюдения процедуры в данном случае одновременно характеризует законность деятельности органа, степень обеспечения установленных правовых гарантий.

Выделенные направления образуют взаимосвязанную систему, поскольку квалификация основания определяет круг устанавливаемых обстоятельств, доказательственные материалы формируют фактическую основу решения, информационные ресурсы обеспечивают получение части сведений, компетенция характеризует полномочия субъекта. Правозащитная оценка охватывает применение всей этой последовательности к конкретному заявлению.

Стадийно-рисковая модель связывает каждый тип проблемы с операцией, в которой соответствующий риск проявляется наиболее отчётливо. Проверка последовательно движется от нормы к юридическому факту, который подтверждает его материалам, действиям компетентного органа или же принятому решению.

Итак, специальная методика прокурорского надзора непосредственно за приёмом в гражданство разработана в научной литературе фрагментарно, так, например, исследования подробно раскрывают реформу института гражданства, миграционный контроль, защиту прав иностранных граждан, цифровизацию надзорной деятельности, а будущая разработка проблемы может быть связана с апробацией стадийно-рисковой модели на материалах прокурорских проверок, актах реагирования, материалах правоприменительной практики.

Изменение законодательства влияет на категории заявителей, содержание отдельных процедур, информационное взаимодействие и пр., поэтому прикладные элементы модели требуют актуализации по мере изменения нормативной базы. Её основой остаётся последовательность, связывающая правовое основание, юридически значимое обстоятельство, подтверждающий материал, компетенцию органа, итоговое решение.

Заключение

Предмет прокурорской проверки при приёме в гражданство определяется применимой нормой Федерального закона № 138-ФЗ, правовой категорией заявителя, материалами конкретного производства, а дифференциация оснований требует установления применимого режима, последующего соотнесения предусмотренных им условий с фактической основой принятого решения.

Основные проблемы надзорной деятельности связаны с квалификацией основания приёма, достаточностью подтверждающих материалов, компетенцией органа, качеством информационного обеспечения, соблюдением правовых гарантий заявителя.

Стадийно-рисковая модель позволяет строить прокурорскую проверку от правового основания к подтверждающим обстоятельствам, затем к действиям компетентного органа, юридическому результату. Модель применима при подготовке проверок, установлении источника нарушения, систематизации прокурорской практики, разработке методических рекомендаций.

Литература

1. Анисимова Е. А., Деревнина А. А. Новый федеральный закон о гражданстве РФ: работа над ошибками? // Образование и право. 2024. № 3. С. 406–414. DOI 10.24412/2076-1503-2024-3-406-414.
2. Бувака Н. А., Потапова М. Д. Современные предпосылки исследования института гражданства Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 11 (239). С. 64–66. DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_64.
3. Булатов Р. Б., Булатов Т. Р. Роль органов прокуратуры в защите прав иностранных граждан в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 61–64. DOI 10.24412/2073-3305-2024-1-61-64.
4. Воронина О. В. Анализ изменений правового регулирования приема в гражданство Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 3. С. 52–57. DOI 10.26163/GIEF.2024.35.39.007.
5. Катаева О. В. Модернизация публично-правового регулирования института гражданства Российской Федерации в современных геополитических условиях // Административное право и процесс. 2024. № 1. С. 36–39. DOI 10.18572/2071-1166-2024-1-36-39.
6. Ковтун О. А., Терещенко Н. Д. Основные новеллы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2023 года // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 109–114. DOI 10.23672/SAE.2024.4.4.017.
7. Лизунов А. С., Крошилин А. Е. Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции: правовое регулирование и практика реализации // Административное право и процесс. 2026. № 4. С. 41–45. DOI 10.18572/2071-1166-2026-4-41-45.
8. Мишунина А. А., Телятников М. А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства Российской Федерации в сфере миграции в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 7. С. 37–40. DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-37-40.
9. Нудненко Л. А. Тенденции правовой регламентации оснований приобретения гражданства в России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 31–39. DOI 10.18572/1812-3767-2023-8-31-39.
10. Паукова Ю. В. Некоторые аспекты контроля (надзора) в сфере миграции, осуществляемого в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 59–62. DOI 10.18572/2071-1166-2025-4-59-62.

Problems of Prosecutorial Supervision over Compliance with Legislation on Admission to Citizenship of the Russian Federation

Postnova M.V.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafi-na (MSAL)

This study examines prosecutorial oversight regarding compliance with legislation on the admission of foreign nationals and stateless persons to Russian citizenship, focusing on the legal grounds for acquiring this status, the application review procedure, and the lawfulness of the final decision. The objective was to systematize issues related to oversight activities across the key stages of the admission process, taking into account the differentiation of legal grounds and the evolution of interagency information sharing following the enactment of Federal Law No. 138-FZ of April 28, 2023. The study employed an analysis of scholarly publications, comparative and classification methods, and generalization to explore contemporary approaches to citizenship regulation, migration control, and prosecutorial oversight. The identified issues were categorized by their legal nature and mapped to the stages of the citizenship decision-making process, forming the basis for a stage- and risk-oriented model of prosecutorial assessment. This model links the nature of potential violations to specific procedural stages; the findings can be applied in preparing for prosecutorial inspections, systematizing identified violations, and developing methodological guidelines.

Keywords: prosecutorial supervision, citizenship of the Russian Federation, admission to citizenship, migration legislation, foreign national, stateless person, interagency cooperation, digitalization of supervision, legality of citizenship acquisition.

References

1. Anisimova E. A., Derevnina A. A. Novyi federal'nyi zakon o grazhdanstve RF: rabota nad oshibkami? [The New Federal Law on Citizenship of the Russian Federation: Revising Previous Approaches?]. Obrazovanie i pravo, 2024, no. 3, pp. 406–414. DOI 10.24412/2076-1503-2024-3-406-414. (In Russ.).
2. Buvaka N. A., Potapova M. D. Sovremennye predposylki issledovaniia instituta grazhdanstva Rossiiskoi Federatsii [Contemporary Prerequisites for Studying the Institution of Citizenship of the Russian Federation]. Agrarnoe i zemel'noe pravo, 2024, no. 11 (239), pp. 64–66. DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_64. (In Russ.).
3. Bulatov R. B., Bulatov T. R. Rol' organov prokuratury v zashchite prav inostrannykh grazhdan v Rossii [The Role of Prosecutorial Authorities in Protecting the Rights of Foreign Nationals in Russia]. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry, 2024, no. 1, pp. 61–64. DOI 10.24412/2073-3305-2024-1-61-64. (In Russ.).
4. Voronina O. V. Analiz izmenenii pravovogo regulirovaniia priema v grazhdanstvo Rossiiskoi Federatsii [Analysis of Changes in the Legal Regulation of Admission to Citizenship of the Russian Federation]. Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovanii, 2024, no. 3, pp. 52–57. DOI 10.26163/GIEF.2024.35.39.007. (In Russ.).

5. Kataeva O. V. Modernizatsiia publichno-pravovogo regulirovaniia instituta grazhdanstva Rossiiskoi Federatsii v sovremennykh geopoliticheskikh usloviiakh [Modernization of Public Law Regulation of the Institution of Citizenship of the Russian Federation under Contemporary Geopolitical Conditions]. Administrativnoe pravo i protsess, 2024, no. 1, pp. 36–39. DOI 10.18572/2071-1166-2024-1-36-39. (In Russ.).
6. Kovtun O. A., Tereshchenko N. D. Osnovnye novelly Federal'nogo zakona «O grazhdanstve Rossiiskoi Federatsii» 2023 goda [Key Innovations of the 2023 Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation"]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, 2024, no. 4, pp. 109–114. DOI 10.23672/SAE.2024.4.4.017. (In Russ.).
7. Lizunov A. S., Kroshilin A. E. Federal'nyi gosudarstvennyi kontrol' (nadzor) v sfere migratsii: pravovoe regulirovanie i praktika realizatsii [Federal State Control and Supervision in the Field of Migration: Legal Regulation and Implementation Practice]. Administrativnoe pravo i protsess, 2026, no. 4, pp. 41–45. DOI 10.18572/2071-1166-2026-4-41-45. (In Russ.).
8. Mishunina A. A., Teliatnikov M. A. Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii v sfere migratsii v usloviiakh tsifrovizatsii [Prosecutorial Supervision over Compliance with Russian Migration Legislation in the Context of Digitalization]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, 2025, no. 7, pp. 37–40. DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-37-40. (In Russ.).
9. Nudnenko L. A. Tendentsii pravovoi reglamentatsii osnovanii priobreteniia grazhdanstva v Rossii [Trends in the Legal Regulation of Grounds for Acquiring Citizenship in Russia]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, 2023, no. 8, pp. 31–39. DOI 10.18572/1812-3767-2023-8-31-39. (In Russ.).
10. Paukova Yu. V. Nekotorye aspekty kontrolia (nadzora) v sfere migratsii, osushchestvliaemogo v otnoshenii inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva [Selected Aspects of Migration Control and Supervision over Foreign Nationals and Stateless Persons]. Administrativnoe pravo i protsess, 2025, no. 4, pp. 59–62. DOI 10.18572/2071-1166-2025-4-59-62. (In Russ.).

Региональные доклады о состоянии и об охране окружающей среды в системе обеспечения природоохранных технологий

Устьянцева Ольга Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ovust@mail.ru

На примере государственных докладов о состоянии и об охране окружающей среды в одиннадцати субъектах Российской Федерации проведен анализ закрепления правового статуса и применения единой методики их подготовки. Выявленные несоответствия указывают на необходимость законодательного совершенствования в части уточнения полномочий субъектов Российской Федерации по подготовке государственных докладов о состоянии и об охране окружающей среды в регионах в целях принятия эффективных управленческих решений природоохранными технологиями по сохранению экосистем и обеспечения населения достоверной экологической информацией.

Ключевые слова: государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды, белый медведь, биологическое разнообразие, экологическая информация.

Повышенное внимание граждан к вопросам экологического благополучия и сохранения природной среды актуализируют проблемы развития информационной сферы, обеспечения доступа к достоверной экологической информации, соблюдения принципа охраны окружающей среды, выраженного в абз. 20 ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон) [1]. Значимым источником экологической информации выступает государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды, подготавливаемый ежегодно на основе Закона и Постановления Правительства Российской Федерации от 24.09.2012 г. № 966 «О подготовке и распространении ежегодного государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды» [2]. Практическая ценность доклада о состоянии и об охране окружающей среды определена правовыми установками, ориентирующими правоприменителя опираться на документированный систематизированный свод аналитической информации о состоянии окружающей среды при разработке специальных экологических программ, документов стратегического планирования различного уровня, определении размера вероятного вреда при авариях на гидротехнических сооружениях, а также при анализе органами прокуратуры сведений о состоянии законности [3]. По оценке специалистов «регулярно публикуемые доклады о состоянии и об охране окружающей среды помогают своевременно и адекватно оценивать результативность проводимой в данном направлении политики, определять достаточность имеющейся информации для такой оценки» [4, с. 12].

В соответствии с абз. 11, 13 ст. 5 Закона к полномочиям Российской Федерации отнесено установление порядка подготовки и распространения ежегодного государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды (далее – доклад РФ), а также его подготовка. К полномочиям субъектов Российской Федерации отнесено участие в обеспечении населения информацией о состоянии окружающей среды на территории субъекта Российской Федерации согласно абз. 16 ст. 6 Закона, которое осуществляется субъектами Российской Федерации по-разному: посредством предоставления экологической информации в форме ответов на индивидуальные и коллективные обращения граждан, сообщений в СМИ по вопросам охраны окружающей среды, публикации статистических данных по охране окружающей среды и природопользованию, организации общественных обсуждений, подготовки и публикации региональных докладов в области экологии (далее – региональный доклад). Следует отметить, что название региональных докладов не регламентировано Законом, однако Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2021 г. № 2314 «Об утверждении Правил размещения и обновления федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или уполномоченными ими организациями информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или с помощью государственных и муниципальных информационных систем, в том числе содержания информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) и формы ее размещения» [5] закреплена необходимость размещения на официальных сайтах субъектов Российской Федерации именно государственных докладов о состоянии и об охране окружающей среды в субъектах Российской Федерации.

В 2010 году Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации поручил главам субъектов Федерации предоставлять ежегодные доклады об экологии в целях обеспечения населения регионов страны полной и достоверной экологической информацией. Отметим, что ранее полномочие по организации подготовки ежегодного государственного доклада о состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации было отнесено к компетенции Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды (далее – Госкомэкологии России), а подготовка ежегодного доклада о состоянии окружающей природной среды в субъекте Российской Федерации возлагалась на территориальные органы Госкомэкологии России. В ходе реформы системы государственного управления Гос-

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

комэкологии России был упразднен, а его функции переданы Министерству природных ресурсов Российской Федерации, таким образом, функции территориальных органов Госкомэкологии России, включая подготовку ежегодного доклада о состоянии окружающей природной среды в субъекте Российской Федерации, оказались вне федерального регулирования. Сегодня правовой основой подготовки докладов в регионах выступают различные источники, такие как Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (2012 г.), закрепляющие информационную открытость по вопросам охраны окружающей среды; Перечень поручений Президента Российской Федерации от 6 декабря 2010 г. предусматривающий включение в перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации показателей качества окружающей среды; Закон, устанавливающий необходимость обеспечения населения информацией о состоянии окружающей среды; Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», определяющий участие в обеспечении населения информацией о состоянии окружающей среды на территории субъекта Российской Федерации.

Другим проблемным моментом выступает содержательное наполнение региональных докладов, не всегда соответствующее методическим рекомендациям по подготовке ежегодного доклада о состоянии и об охране окружающей среды в субъекте Российской Федерации. Указанные рекомендации разработаны Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации в целях соблюдения единого подхода к структуре и содержанию региональных докладов не содержат обязательных требований, распространяющихся на наименование и состав сведений регионального доклада, порядок его подготовки и утверждения.

Исследуя правовые аспекты сложной для нашей страны проблемы конфликтов человека и диких животных, в том числе занесенных в Красную книгу Российской Федерации и красные книги субъектов Российской Федерации, следует отметить отсутствие единого методического подхода к содержанию региональных докладов и проблемы сопоставимости данных с докладом РФ. Так, в докладе РФ за 2024 год раскрывается проведенная работа по предотвращению и разрешению конфликтных ситуаций между человеком и тигром за период с 2019 по 2024 годы. «Управлением по охране объектов животного мира и ООПТ Приморского края в ареале амурского тигра отловлены и помещены в центры реабилитации 33 особи амурского тигра». [6, с. 184]. В докладе об экологической ситуации в Приморском крае в 2024 году представлен отдельный параграф «Конфликтные ситуации и реабилитационные мероприятия по диким животным», в котором проанализированы зарегистрированные конфликты не только с амурским тигром, но и другими дикими животными. «За 2024 год Министерством лесного хозяйства, охраны окружающей среды, животного мира и природных ресурсов Приморского края, зарегистрировано 679 сообщений о «конфликтных ситуациях» между дикими животными и человеком. … 380 случаев связанны с амурским тигром» [7, с. 95]. Упоминая о конфликтах человека и тигра в Приморском крае, доклад РФ за 2024 год не информирует о конфликтах в других субъектах Российской Федерации, находящихся в современном ареале амурского тигра. Вместе с тем, в государственном докладе Хабаровского края за 2024 год приведен один случай конфликтной ситуации с тигром [8, с. 115], но в целом данные по конфликтам с дикими животными в региональном докладе не представлены, хотя на официальном сайте Управления охотничьего хозяйства Правительства Хабаровского края еженедельно размещается информация «Конфликтные ситуации с участием диких животных на территории Хабаровского края», в том числе информация о зарегистрированных конфликтах человека и тигра. В докладах Амурской области и Еврейской автономной области о конфликтах человека и диких животных не упоминается, однако по данным отчета АНО «Центр «Амурский тигр» в 2024 году отмечались случаи конфликтов человека и хищника: в Амурской области произошло 6 конфликтных ситуаций, в Еврейской автономной области – 9 [9, с. 66]. В докладе РФ за 2024 год упоминается о существовании конфликтов человека и белого медведя на территории Арктической зоны Российской Федерации, однако конкретных данных не приводится. В государственном докладе о состоянии окружающей среды в Республике Саха (Якутия) и докладе об экологической ситуации в Чукотском автономном округе за 2024 год сведения о конфликтах также отсутствуют, хотя по информации СМИ в 2024 году конфликты человека и белого медведя происходили на территории указанных субъектов Российской Федерации.

По-нашему мнению, доклад РФ и региональные доклады как значимые инструменты в распространении экологической информации должны способствовать достижению цели государственной политики в области экологического развития и обеспечивать население достоверной информацией, объективно раскрывать действительность, содержать оценку экологической обстановки в Российской Федерации и ее субъектах, определять перспективы решения имеющихся экологических проблем, улучшать условия жизни населения, выявлять приоритетные направления в природоохранной деятельности и совершенствовании природоохранных технологий для сохранения биоразнообразия и минимизации конфликтов между человеком и диким животным. Раздел регионального доклада о конфликтах человека и диких животных будет полезным не только жителям ареала амурского тигра и белого медведя, но и потенциальным участникам программ Дальневосточный и Арктический гектар, развития трудовой мобильности. В этой связи обратимся к региональным докладам Дальневосточного федерального округа в целях рассмотрения правового обеспечения, и выявления унифицированного подхода, с учетом федеральных рекомендаций, при их подготовке. В *Республике Бурятия* обеспечение населения достоверной информацией о состоянии окружающей среды осуществляется, в том числе, посредством подготовки и распространения ежегодного доклада о состоянии и охране окружающей среды в Республике Бурятия Министерством природных ресурсов и экологии Республики Бурятия. Порядок подготовки регионального доклада отсутствует, однако определены дополнительные сведения, включаемые в него в обязательном порядке, например, о мероприятиях по регулированию выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в периоды неблагоприятных метеорологических условий на территории республики [10].

В *Республике Саха (Якутия)* ежегодный государственный доклад о состоянии окружающей среды в Республике Саха (Якутия) является источником информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) [11]. Кроме того, наряду с названным выше региональным докладом, следует отметить опубликование на официальном сайте Министерства экологии, природопользования и лесного хозяйства Республики Саха (Якутия) доклада об экологической ситуации в Республике Саха (Якутия). Помимо заметной разницы в объеме докладов, во введении к государственному докладу о состоянии окружающей среды содержится указание на его официальный характер, что, подтверждается полномочием профильного ведомства по его подготовке и ежегодному выпуску. Подготовка докладов основана на ст. 6 Закона, предусматривающей участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды в обеспечении населения информацией о состоянии окружающей среды на территории субъекта Российской Федерации, однако целью подготовки государственного доклада о состоянии и охране окружающей среды является реализация прав граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, а доклад об экологической ситуации предназначен для обеспечения публичной власти и населения обобщенной и систематизированной информацией об экологической ситуации на территории республики. *Забайкальский край.* В 2011 году в ежегодном Послании губернатора Забайкальского края к Законодательному Собранию Забайкальского края были обозначены ориентиры в области экологии и улучшения экологических условий жизни забайкальцев, в том числе о предоставлении докладов об экологии в регионе. Вместе с тем, до настоящего времени отсутствует утвержденный порядок ведения доклада в регионе, в положении о профильном ведомстве среди полномочий в области охраны окружающей среды воспроизведена общая формулировка абз. 16 ст. 6 Закона – участие в обеспечении населения информацией о состоянии окружающей среды на территории Забайкальского края [12], статус регионального доклада об экологической ситуации в регионе не закреплен, хотя региональный доклад публикуется ежегодно на официальном сайте регионального министерства. В некоторых субъектах Российской Федерации законодатель отказался от установления статуса регионального доклада и ограничился закреплением полномочий по подготовке региональных докладов. Так, в *Приморском крае* подготовка доклада об экологической ситуации в Приморском крае к публикации и размещению в

сети Интернет отнесена к компетенции Министерства лесного хозяйства, охраны окружающей среды, животного мира и природных ресурсов Приморского края [13]. В *Сахалинской области* обеспечение подготовки и распространения ежегодного доклада об экологической ситуации и об охране окружающей среды Сахалинской области возложено на министерство экологии и устойчивого развития Сахалинской области [14]. В *Камчатском* крае несмотря на размещение на официальном сайте Министерства природных ресурсов и экологии Камчатского края доклада о состоянии окружающей среды в Камчатском крае, в нормативных правовых актах края отсутствует упоминание о статусе регионального доклада и порядке его подготовки, хотя отдельным документом возложена обязанность по участию краевого ведомства в докладе РФ [15]. В *Хабаровском крае* региональный доклад ежегодно готовится и публикуется на официальном сайте профильного ведомства без закрепления соответствующих полномочий за органами исполнительной власти в крае [16]. Аналогичная ситуация сложилась в *Магаданской области* и *Амурской области*. *Еврейскую автономную область* отличает позитивный опыт по формированию и развитию законодательной базы в области подготовки региональных докладов. Отдельным документом определен порядок подготовки ежегодного доклада о состоянии и об охране окружающей среды в Еврейской автономной области, включая срок подготовки, органы исполнительной власти, ответственные за подготовку и одобрение регионального доклада правительством. Отметим, что в структуре регионального доклада предусмотрен раздел «Экологические проблемы Еврейской автономной области», отражающий особенности субъекта Российской Федерации [17]. В *Чукотском автономном округе* подготовка и представление регионального доклада закреплено за профильным ведомством, предоставление регионального доклада отнесено к полномочиям высшего должностного лица округа [18].

Проведенное исследование региональных докладов одиннадцати субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, позволяет сформулировать следующие выводы: 1) Подготовка и размещение ежегодного регионального доклада на официальном сайте исполнительного органа государственной власти осуществляется во всех субъектах Российской Федерации, составляющих Дальневосточный федеральный округ; 2) Региональные доклады имеют разные наименования: государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды, государственный доклад об охране окружающей среды и экологической ситуации, государственный доклад об охране окружающей среды, доклад о состоянии окружающей среды, доклад об экологической ситуации; 3) В Республике Саха (Якутия) ежегодно подготавливаются государственный доклад о состоянии окружающей среды и доклад об экологической ситуации, которые отличаются целевыми ориентирами его подготовки, издания и распространения; 4) Нормативные правовые акты, закрепляющие статус и структуру регионального доклада, уполномоченные на его ведение органы исполнительной власти, порядок его разработки и утверждения, требования к срокам предоставления действуют не во всех рассмотренных субъектах Российской Федерации. С учетом полученных выводов можно предположить, что отсутствие закрепленного статуса регионального доклада как официального документа в Законе позволяет субъектам Российской Федерации формально подходить к их подготовке; по-нашему мнению необходимо внести в Закон изменения в части установления в ст. 6 полномочия по подготовке, ведению и утверждению регионального доклада в целях обеспечения населения достоверной экологической информацией, укрепления экологической культуры и организации эффективных природоохранных технологий по защите биоразнообразия.

Литература

1.Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2025. № 31. Ст. 4658.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.09.2012 г. № 966 «О подготовке и распространении ежегодного государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2012. № 40. Ст. 5448; 2026. № 23. Ст. 2984.

3. Ермаченко С.В. Экологический паспорт поднадзорной территории как один из способов обобщения сведений о состоянии законности // Законность. 2024. № 12. С. 12-16.

4. Фоменко Г.А., Фоменко М.А. Интеграция публичных экологических докладов в управление территориями – М.: Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации / Центр экологической политики России, 2013. – 186 с.

5. «Об утверждении Правил размещения и обновления федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или уполномоченными ими организациями информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или с помощью государственных и муниципальных информационных систем, в том числе содержания информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) и формы ее размещения» // СЗ РФ. 2021. № 52 (Ч. I). Ст. 9151; 2024. № 12. Ст. 1629.

6. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. – М.: Минприроды России; ФГБУ «ВНИИ Экология», 2025. – 721 с.

7. Доклад об экологической ситуации в Приморском крае в 2024 году. Владивосток, 2024. – 230 с.

8. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Хабаровского края в 2024 году. Хабаровск, 2025. – 304 с.

9. Отчет о деятельности АНО «Центр «Амурский тигр» за 2024 год. АНО «Центр «Амурский тигр». 2025. – 93 с. [Сайт]. URL: https://amur-tiger.ru/uploads/files/tigerreport2024_005243600174919644O.pdf (дата обращения 30.06.2026).

10. Приказ Минприроды Республики Бурятия от 09 апреля 2007 г. № 41-ПР «Об утверждении Порядка проведения работ по регулированию выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в периоды неблагоприятных метеорологических условий в городских и иных поселениях Республики Бурятия» // Бурятия от 07.06.2007, № 101; Официальный Интернет-портал Правительства Республики Бурятия www.egov-buryatia.ru, 14.04.2021.

11. Экологический кодекс Республики Саха (Якутия) от 23 марта 2023г. 2609-З № 1129-VI (принят ГС (Ил Тумэн) РС(Я) 28 февраля 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 24.03.2023, 16.05.2025.

12. Постановление Правительства Забайкальского края от 27 декабря 2016 г. № 503 «Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Забайкальского края» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 30.12.2016; 20.05.2026.

13. Постановление Правительства Приморского края от 08 ноября 2023 г. № 767-пп «Об утверждении Положения о министерстве лесного хозяйства, охраны окружающей среды, животного мира и природных ресурсов Приморского края» // Приморская газета от 14.11.2023, № 89 (2129); 28.04.2026, № 31 (2371).

14. Постановление Правительства Сахалинской области от 08 декабря 2020 г. № 566 «Об утверждении Положения о министерстве экологии и устойчивого развития Сахалинской области» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru/, 09.12.2020; 23.04.2026.

15. Постановление Правительства Камчатского края от 11 апреля 2008 г. № 108-П «Об уполномоченном исполнительном органе государственной власти Камчатского края по подготовке материалов к ежегодному государственному докладу о состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации» // Официальные Ведомости. 2008. № 58, 59.

16. Постановление Правительства Хабаровского края от 26 марта 2019 г. № 106-пр «Об утверждении Положения о министерстве природных ресурсов Хабаровского края» // Собрание законодательства Хабаровского края. 2019. № 3 (Т. 2); Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края http://laws.khv.gov.ru, 02.04.2026.

17. Постановление правительства Еврейской автономной области от 17 апреля 2020 г. № 110-пп «О Порядке подготовки ежегодного доклада о состоянии и об охране окружающей среды в Еврейской автономной области» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 21.04.2020; 29.06.2021.

18. Устав Чукотского автономного округа от 28 ноября 1997 г. № 26-ОЗ // Ведомости от 19.12.1997, № 5; 06.03.2026, № 8 (1257).

Regional reports on the state and protection of the environment in the environmental technology support system

Ustyantseva O.V.
Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Using the example of state reports on the state and protection of the environment in eleven subjects of the Russian Federation, an analysis of the consolidation of the legal status and the application of a unified methodology for their preparation is carried out. The revealed inconsistencies indicate the need for legislative improvement in terms of clarifying the powers of the subjects of the Russian Federation to prepare state reports on the state and protection of the environment in the regions in order to make effective management decisions using environmental technologies to preserve ecosystems and provide the population with reliable environmental information.

Keywords: state report on the state and protection of the environment, biological diversity, environmental information.

References

1. Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 "On Environmental Protection" // SZ RF. 2002. No. 2. Art. 133; 2025. No. 31. Art. 4658.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of 09/24/2012 No. 966 "On the preparation and dissemination of the annual state report on the state and protection of the environment" // NW RF. 2012. № 40. Art. 5448; 2026. № 23. Art. 2984.
3. Ermachenko S.V. Ecological passport of the supervised territory as one of the ways to summarize information about the state of legality // Legality. 2024. No. 12. pp. 12-16.
4. Fomenko G.A., Fomenko M.A. Integration of public environmental reports into territorial management, Moscow: Institute for Sustainable Development of the Public Chamber of the Russian Federation / Center for Environmental Policy of Russia, 2013– 186 p.
5. "On Approval of the Rules for Posting and Updating Information on the State of the Environment (Environmental Information) on Official Websites on the Internet information and Telecommunications network or using state and Municipal information systems by federal Executive Authorities, Executive Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation, local self-government Bodies or Organizations Authorized by Them", including " the content of information on the state of the environment (environmental information) and the form of its placement" // Federal Law of the Russian Federation. 2021. № 52 (Part I). Art. 9151; 2024. No. 12. Art. 1629.
6. On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2024. State Report. Moscow: Ministry of Natural Resources of Russia; Federal State Budgetary Institution "VNII Ekologiya", 2025. – 721 p.
7. Report on the environmental situation in Primorsky Krai in 2024. Vladivostok, 2024. – 230 p.
8. State report on the state and environmental protection of the Khabarovsk Territory in 2024. Khabarovsk, 2025. – 304 p.
9. Report on the activities of "Amur Tiger Center" for 2024". ANO "Amur Tiger Center"....."..... 2025. 93 p. [Website]. URL: https://amur-tiger.ru/uploads/files/tigerreport2024_0052436001749196440.pdf (accessed 30.06.2026).
10. Order of the Ministry of Natural Resources of the Republic of Buryatia dated April 09, 2007 No. 41-PR "On Approval of the Procedure for Regulating Emissions of pollutants into the atmospheric air during periods of adverse meteorological conditions in urban and other settlements of the Republic of Buryatia" // Buryatia dated 06/07/2007, No. 101; Official Internet Portal of the Government of the Republic of Buryatia www.egov-buryatia.ru , 04/14/2021.
11. Environmental Code of the Republic of Sakha (Yakutia) dated March 23, 2023. 2609-Z No. 1129-VI (adopted by GS (Il Tumen) RS (Ya) on February 28, 2023) // Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru , 03/24/2023, 05/16/2025.
12. Decree of the Government of the Trans-Baikal Territory dated December 27 2016 No. 503 "On Approval of the Regulations on the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Trans-Baikal Territory" // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 12/30/2016; 05/20/2026.
13. Resolution of the Government of Primorsky Krai dated November 08, 2023 No. 767-pp "On Approval of the Regulations on the Ministry of Forestry, Environmental Protection, Wildlife and Natural Resources of Primorsky Krai" // Primorskaya Gazeta ot 14.11.2023, № 89 (2129); 28.04.2026, № 31 (2371).
14. Resolution Government of the Sakhalin Region No. 566 dated December 08, 2020 "On Approval of the Regulations on the Ministry of Ecology and Sustainable Development of the Sakhalin Region" // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru /, 09.12.2020; 23.04.2026.
15. Resolution of the Government of the Kamchatka Territory dated April 11, 2008 No. 108-P "On the authorized executive body of the Kamchatka Territory for the preparation of materials for the annual State report on the state of the Environment in the Russian Federation" // Official Gazette. 2008. № 58, 59.
16. Resolution of the Government of the Khabarovsk Territory dated March 26, 2019 No. 106-pr "On approval of the Regulations on the Ministry of Natural Resources of the Khabarovsk Territory" // Collection of Legislation of the Khabarovsk Territory. 2019. No. 3 (vol. 2); The official Internet portal of regulatory legal acts of the Khabarovsk Territory http://laws.khv.gov.ru , 04/02/2026.
17. Resolution of the Government of the Jewish Autonomous Region dated April 17, 2020 No. 110-pp "On the Procedure for preparing the annual report on the state and protection of the environment in the Jewish Autonomous Region" // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 04/21/2020; 06/29/2021.
18. Charter of the Chukotka Autonomous Okrug dated November 28, 1997 no. 26-OZ // Statements from 19.12.1997, № 5; 06.03.2026, № 8 (1257).

Юридическая ответственность частных охранных организаций в условиях реформы законодательства: административно-правовой, гражданско-правовой и уголовно-правовой аспекты

Ризатдинов Карим Альбертович
магистрант, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, rizatdinov.k@yandex.ru,

Федорова Елена Леонидовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, lenleon25@yandex.ru

Актуальность исследования обусловлена фундаментальным обновлением законодательного регулирования частной охранной деятельности, осуществленным Федеральным законом от 30.11.2024 № 427-ФЗ, который вступает в силу с 1 сентября 2026 года и заменяет нормативную базу, существовавшую с 1992 года. Расширение перечня охранных услуг и повышение требований к деятельности частных охранных организаций обостряют проблему рассогласованности механизмов административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности с новой материально-правовой моделью регулирования отрасли.
Ключевые слова: частная охранная деятельность, национальная безопасность, административная ответственность, гражданско-правовая ответственность, уголовная ответственность, ст. 238 УК РФ, Федеральный закон № 427-ФЗ.

Введение

Частная охранная деятельность в Российской Федерации ведет свое начало с 90-х годов прошлого столетия и развивалась в рамках Закона Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». За прошедшие десятилетия не только изменилась не только сама суть оказываемых услуг, но и восприятие граждан указанной деятельности.

Принятие Федерального закона от 30.11.2024 № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» (далее - Федеральный закон №427-ФЗ), на наш взгляд, абсолютно логичным решением со стороны законодателя. Устаревшие подходы к пониманию сути и возложении новых направлений на частные охранные организации требовало принятия отдельного нормативно-правового акта, который конкретизировал специфику оказываемых услуг. Как отмечают некоторые исследователи и с ними нельзя не согласиться, «с момента вступления в законную силу Федерального закона № 427-ФЗ начнется новый этап институционального развития частной охранной деятельности» [9].

В пояснительной записке к законопроекту № 1055639-8, принятому в первом чтении и направленному на гармонизацию переходных положений, прямо указывается на необходимость «снижения регуляторной нагрузки на бизнес за счёт обеспечения плавного перехода к новым требованиям» [4].

Особую актуальность в контексте реформы приобретает вопрос об уголовной ответственности частной охранников за ненадлежащее оказание охранных услуг. Статья 238 УК РФ, предусматривающая ответственность за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей [1], все чаще применяется к должностным лицам частных охранных организаций. Как свидетельствует судебная практика, нарушения требований к охране объектов образования и иных социально значимых объектов создают реальную угрозу жизни и здоровью граждан, что влечет уголовно-правовую квалификацию деяний [6][8]. Вместе с тем, как обоснованно отмечают исследователи, «если на начальном этапе существования частной охраны регулятор при изменениях нормативно-правовой базы был сосредоточен на контроле деятельности частной охранной организации (далее - ЧОО), то постепенно, с ростом доверия к ним, стали расширяться и права частного охранника» [2]. Однако расширение прав и ужесточение требований к деятельности ЧОО должны быть сбалансированы адекватными механизмами ответственности, включая уголовно-правовые. Таким образом, актуальность выбранной темы исследования не вызывает сомнений, поскольку принятие базового закона требует пересмотра подходов к пониманию мер юридической ответственности, применяемых к указанным субъектам.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа юридической ответственности ЧОО в контексте принятия Федерального закона №427-ФЗ, а также мер, направленных на их совершенствование.

Материалы и методы

В качестве эмпирического фундамента работы выступают нормы Федерального закона № 427-ФЗ, а также положения законопроекта № 1055639-8, закрепившего корректировки в переходный период. В исследовании проанализированы регуляторные механизмы ГК РФ, КоАП РФ и УК РФ вместе со сформировавшейся правоприменительной практикой по ст. 238 УК РФ применительно к субъектам руководящего состава ЧОО. Исследовательский инструментарий объединяет общенаучные приемы (деконструкцию и обобщение, системное моделирование) и специализированную юридическую методологию: догматический (формально-юридический) анализ, сравнительное правоведение и юридическую прогностику. Применение системного принципа дало возможность изучить функциональные связи между видами юридической ответственности и новеллами материальных требований к частной охранной деятельности. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления действующих норм смежных кодексов с новеллами ФЗ-427, а также

для соотнесения новой модели регулирования с ранее действовавшим Законом РФ от 11.03.1992 № 2487-1. Метод правового прогнозирования использован при обосновании предложений по совершенствованию законодательства.

Результаты. 1. Системные новеллы Федерального закона № 427-ФЗ как фактор трансформации правового статуса ЧОО

Федеральный закон № 427-ФЗ вносит ряд принципиальных изменений, формирующих новую модель регулирования частной охранной деятельности.

Сравнительный анализ ФЗ-427 с ранее действовавшим Законом РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» показывает, что реформа носит не косметический, а системный характер. Прежде всего, Закон 1992 года регулировал детективную и охранную деятельность в рамках единого акта, смешивая режимы двух различных видов деятельности; ФЗ-427, напротив, выделяет частную охранную деятельность в самостоятельный предмет регулирования, что позволяет учесть ее отраслевую специфику при построении санкций. Кроме того, Закон 1992 года не содержал легальных определений большинства используемых понятий, что порождало правовую неопределенность при квалификации нарушений; ФЗ-427 устраняет данный пробел, вводя развернутый понятийный аппарат.

Сравнительный анализ законодательства 1992 года и норм ФЗ-427 демонстрирует кардинальную смену подходов к правовому регулированию. Если прежняя нормативная модель содержала жестко ограниченный перечень услуг — исключавший использование БПЛА, то новый Закон принципиально меняет субъектные границы. Различаются и подходы к взаимодействию с государством: в Законе 1992 года помощь правоохранителям оставалась факультативной, тогда как ФЗ-427 превращает её в безусловную обязанность, подкрепленную угрозой юридических санкций. Разница заметна и в процедурных аспектах - локальные порядки лицензирования сменились единым пятилетним сроком действия лицензии, актуальным для всей территории РФ. Подобная эволюция означает не просто расширение дееспособности ЧОО, а усложнение самой природы регулируемых отношений, что требует пересмотра нормативной базы ответственности.

Серьезной модернизации подверглась понятийная система. Введение новых дефиниций («охранная услуга», «мобильная группа охраны», «технические средства охраны» и «телохранитель») сформировало четкий понятийный каркас правового поля [3]. При этом выделение в законе понятия «телохранитель» приобретает особое значение: оно впервые дифференцирует специализированный правовой статус личных охранников, отграничивая их от рядового персонала и задавая самостоятельные критерии юридической ответственности.

Параллельно расширен функционал частных охранных организаций. Законодатель уполномочил ЧОО привлекать беспилотную авиацию, задействовать сотрудников в пожаротушении и аварийно-спасательной деятельности на нештатных началах, осуществлять работу в сфере патриотического воспитания и, при соблюдении специального допуска, оперировать сведениями, составляющими гостайну [3]. Расширение функционала неизбежно повышает риски причинения вреда, что в свою очередь диктует необходимость усиления мер государственного контроля и юридической ответственности.

Качественно иные требования предъявляются и к обороту оружия. Действующий порядок, закрепленный в релевантном постановлении Правительства РФ, детально регламентирует номенклатуру, количественные лимиты, а также правила учета, ношения и хранения служебного оружия и спецсредств. Отныне основной массив служебного арсенала ограничен отечественными моделями нарезного короткоствольного, гладкоствольного оружия и оружия ограниченного поражения. Изменение технического регламента напрямую отразилось на лицензионных требованиях: к категории грубых нарушения лицензионного режима законодатель относит любое отклонение от установленных правил обращения с оружием и спецсредствами при оказании услуг [3].

Значительным шагом стало нормативное закрепление обязанности ЧОО содействовать правоохранительной системе.

Охранные структуры обязаны немедленно информировать органы о правонарушениях, принимать участие в антитеррористической защищенности, передавать задержанных граждан сотрудникам полиции и предоставлять видеоматериалы по запросу компетентных органов [3][4]. Фактически ЧОО перестают быть просто коммерческими исполнителями, интегрируясь в общую архитектонику обеспечения публичного порядка, что требует коррелирующих изменений в институте ответственности.

Наконец, установление жестких ограничений на участие иностранных граждан и юридических лиц в составе ЧОО напрямую вытекает из установок Стратегии национальной безопасности [3].

2. Административная ответственность ЧОО: дисбаланс между новыми требованиями и действующими санкциями

Действующая редакция КоАП РФ не учитывает расширение видов деятельности и усложнение требований к ЧОО, введенных ФЗ-427. Ответственность за нарушения лицензионных требований (ч. 3 и ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ) по-прежнему предусматривает штрафы от 30 до 50 тысяч рублей для юридических лиц, независимо от масштабов деятельности и категории охраняемого объекта. В то же время новый закон вводит лицензирование сроком на пять лет с действием на всей территории Российской Федерации, что требует более строгого контроля за соблюдением лицензионных требований на протяжении всего срока действия лицензии.

Причина указанного дисбаланса заключается в том, что действующие составы КоАП РФ, прежде всего статья 14.1, сформулированы предельно абстрактно и ориентированы на универсальную модель лицензируемой деятельности, не учитывающую отраслевую специфику новых полномочий ЧОО. Так, КоАП РФ не содержит самостоятельного состава, дифференцирующего ответственность за нарушения при эксплуатации БПЛА: их использование с превышением заявленных в лицензии целей квалифицируется по общей норме ч. 3 ст. 14.1 КоАП РФ наравне с формальными нарушениями документооборота, что не отражает реальной степени общественной опасности содеянного.

Кроме того, не указан порядок привлечения к ответственности за нарушения порядка допуска ЧОО к аварийно-спасательным работам.

Введение мобильных групп ЧОО должно предусматривать также и специальные меры ответственности в случае ненадлежащей работы, например при нарушении нормативов времени реагирования.

Таким образом, стоит отметить, что отсутствие дифференциального подхода при привлечении к ответственности напрямую не соответствует смыслу принципа соразмерности, предусмотренного в ст. 3.1. КоАП РФ.

Согласно экспертным оценкам, частные охранные организации в настоящее время защищают десятки тысяч социальных учреждений (включая образовательные и медицинские организации), большинство из которых подпадает под жесткие нормативные требования антитеррористической защищенности [2]. Тем не менее действующий законодательный подход к административной ответственности за подобные нарушения остаётся унифицированным, не учитывая особую степень угрозы общественным интересам.Представляется, что такой подход вступает в противоречие с принципом соразмерности ответственности и не создает достаточных стимулов для соблюдения новых требований.

3. Уголовная ответственность по ст. 238 УК РФ за ненадлежащее оказание охранных услуг

Статья 238 УК РФ предусматривает ответственность за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей [1][2][5]. По смыслу закона, уголовная ответственность наступает при условии, что опасность работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной [1]. О реальной опасности услуг может свидетельствовать, в частности, наличие недостатков в их оказании, которые при обычных условиях могли повлечь смерть или причинение тяжкого вреда здоровью человека [1]. Субъектом данного преступления может являться руководитель организации, осуществляющий деятельность, не соответствующую требованиям законодательства, а также иное лицо, фактически осуществляющее выполнение работ, оказание услуг [1].

Анализ судебной практики последних лет свидетельствует о формировании устойчивой тенденции применения ст. 238 УК РФ к должностным лицам частных охранных организаций.

В судебной практике показателен приговор в отношении начальника охраны ООО ЧОП «Кобра» (г. Новый Уренгой). В октябре 2024 года халатное исполнение должностным лицом обязанностей по обеспечению контрольно-пропускного режима в здании школы привело к тому, что ученик беспрепятственно пронес пневматическое оружие и ранил другого несовершеннолетнего. Вынося обвинительный вердикт по ч. 1 ст. 238 УК РФ, суд назначил виновному наказание в виде одного года принудительных работ [5].

Аналогичное дело рассмотрено в ХМАО, где охранница гимназии, не проверив рюкзак школьника и беспрепятственно пропустив его с оружием (топор, нож, пневматический пистолет), была признана виновной по ч. 1 ст. 238 УК РФ с назначением наказания в виде шести месяцев ограничения свободы [7]. Суд установил, что охранница не приняла мер к пресечению преступления и не уведомила правоохранительные органы, создав непосредственную угрозу для жизни и здоровья учеников [7].

Данные примеры демонстрируют, что ключевым условием привлечения к уголовной ответственности является реальная угроза жизни и здоровью граждан, а не абстрактное нарушение требований. При этом ответственность наступает не за нарушение как таковое, а за создание опасности вследствие такого нарушения. Как следует из официальных разъяснений, «необходимым условием наступления уголовной ответственности является совершение этих деяний в целях сбыта (для товаров), либо в рамках выполнения работ, оказания услуг» [1]. Для охранной деятельности таким условием является оказание услуги в рамках заключенного договора.

4. Влияние ФЗ-427 на квалификацию деяний по ст. 238 УК РФ

Принятие Федерального закона № 427-ФЗ имеет непосредственное значение для уголовно-правовой квалификации деяний должностных лиц ЧОО.

Во-первых, новый закон устанавливает более четкие и детализированные требования к порядку оказания охранных услуг, обороту оружия и специальных средств, квалификации персонала [3]. Это означает, что бланкетные признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, становятся более конкретными. Если ранее суды могли ссылаться на общие требования охраны труда и антитеррористической защищенности, то с вступлением в силу Федерального закона № 427-ФЗ появится возможность прямой отсылки к нарушению конкретных положений закона.

Во-вторых, новый закон расширяет перечень видов охранных услуг, что увеличивает сферу потенциального применения ст. 238 УК РФ. В частности, участие в аварийно-спасательных работах, работа с гостайной сопряжены с повышенными рисками, а их ненадлежащее выполнение может создавать реальную угрозу не только жизни и здоровью, но и безопасности государства.

В-третьих, новый закон закрепляет обязанность ЧОО содействовать правоохранительным органам, включая информирование о преступлениях. Неисполнение этой обязанности в условиях реальной угрозы может рассматриваться как элемент объективной стороны ст. 238 УК РФ, поскольку свидетельствует о создании опасности [3].

Показательно, что новеллы ФЗ-427 соотносятся с конкретными элементами объективной стороны ст. 238 УК РФ. Дифференциация правового статуса телохранителя означает, что ненадлежащее исполнение им обязанностей, повлекшее угрозу жизни и здоровью охраняемого лица, может квалифицироваться с учетом повышенных требований к его подготовке, установленных законом: несоответствие услуги данным требованиям само по себе способно свидетельствовать о наличии объективной стороны состава. Институт мобильной группы охраны, для которой законом устанавливаются нормативы реагирования, создает самостоятельное основание для вменения бездействия, выразившегося в несвоевременном прибытии на объект.

5. Научная новизна исследования

Принципиальное отличие проведенного изыскания заключается в межотраслевом осмыслении институтов административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности ЧОО. В работе эти механизмы впервые проанализированы не фрагментарно, а в виде единой системы правового реагирования на новеллы отраслевого регулирования по ФЗ-427. Настоящая статья восполняет пробел в научной литературе, где реформа частной охранной деятельности рассматривалась обобщенно: автор системно прослеживает, как конкретные институциональные изменения (введение статуса телохранителя, регламентация мобильных групп, задействование БПЛА и публичная обязанность содействия силовикам) меняют признаки объективной стороны состава по ст. 238 УК РФ.

Научная ценность работы определяется и авторским подходом к квалификации ненадлежащих охранных услуг с учетом их вероятностной специфики. В исследовании доказано, что классическая конструкция ст. 238 УК РФ, замкнутая на прямой причинно-следственной связи «дефект услуги — наступивший вред», недостаточно адаптирована к охранному сектору, где основной результат деятельности заключается в поддержании состояния защищенности и отсутствии инцидентов во времени. Кроме того, к новым научным результатам относится обоснование необходимой дифференциации административных взысканий, применяемым к рассматриваемым субъектам.

6. Основы практической значимости и перспективы применения

Предложенные рекомендации могут применяться ЧОО при подготовке мер, направленных на эффективное применением норм Федерального закона от 30.11.2024 № 427-ФЗ. Кроме того, целесообразно в будущем проверить должностные инструкции, регламенты взаимодействия с правоохранительными органами, порядок допуска к БПЛА и работы со сведениями, составляющими государственную тайну.

Предложения по дифференциации административной ответственности могут учитываться Росгвардией при подготовке методических рекомендаций, судами — при оценке нарушений законодательства о частной охранной деятельности.

Результаты исследования также могут использоваться при подготовке разъяснений Верховного Суда РФ по применению ст. 238 УК РФ, доработке законопроекта № 1055639-8 в части переходных положений.

В целях устранения выявленных законодательных коллизий предлагается дополнить КоАП РФ статьей 14.1.4 «Нарушение требований законодательства о частной охранной деятельности, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или охраняемых законом интересов общества и государства» и установить следующие санкции:

для юридических лиц — штраф от 100 000 до 500 000 рублей;

при использовании служебного оружия либо совершении нарушения на объектах высокой категории риска — штраф от 300 000 до 700 000 рублей с возможностью административного приостановления деятельности до 90 суток.

Административное приостановление деятельности следует применять при повторном совершении однородного правонарушения в течение года либо при нарушении требований на объектах критической инфраструктуры и объектах, подлежащих обязательной антитеррористической защищённости. Такой порядок соответствует принципу соразмерности административного наказания, закреплённому в ст. 3.1 КоАП РФ.

2. Внести изменения в статью 19.4 КоАП РФ, установив повышенную ответственность за воспрепятствование проведению проверок Росгвардией в сфере оборота оружия и специальных средств, с санкцией в виде штрафа до 200 000 рублей для должностных лиц.

Совершенствование Гражданского кодекса РФ:

3. Внести изменения в статью 401 ГК РФ, установив, что для ЧОО, оказывающих услуги с использованием оружия и специальных средств, обстоятельства непреодолимой силы не освобождают от ответственности, если они были вызваны недостатками системы охраны, не соответствующей требованиям ФЗ-427 и подзаконных актов, во взаимосвязи со ст. 1064 ГК РФ, устанавливающей общие основания деликтной ответственности.

4. Рекомендовать Пленуму Верховного Суда РФ дать разъяснения о применении правила о «презумпции вины» ЧОО при наступлении вреда на охраняемом объекте, если ЧОО не докажет, что действовало в соответствии с требованиями законодательства и должностными инструкциями, что согласуется с научной позицией о необходимости распределения бремени доказывания в пользу потерпевшего применительно к деятельности, сопряженной с повышенной опасностью [9].

Совершенствование Уголовного кодекса РФ и практики его применения:

5. Дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения ст. 238 УК РФ специальными разъяснениями об особенностях квалификации ненадлежащего оказания охранных услуг. Рекомендовать судам исходить из того, что нарушение требований ФЗ-427 и подзаконных актов к охране объектов образования, здравоохранения, транспортной и энергетической инфраструктуры, сопряженное с угрозой причинения вреда, образует объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. При этом сам факт нарушения устанавливает презумпцию реальной опасности, если иное не будет доказано стороной защиты.

6. Рассмотреть возможность введения специального состава преступления — оказание охранных услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238^1 УК РФ). Необходимость введения самостоятельного состава обусловлена вероятностным характером охранных услуг: в отличие от материальных товаров и большинства работ, результат оказания охранной услуги проявляется не в фиксированном материальном объекте, а в отсутствии наступления вредных последствий в течение неопределенного периода времени, что затрудняет применение общей конструкции ст. 238 УК РФ, ориентированной на непосредственную причинно-следственную связь между конкретным недостатком услуги и наступившим вредом. Специальный состав позволил бы связать уголовную ответственность непосредственно с фактом несоблюдения императивных требований ФЗ-427 к организации охраны, то есть с созданием абстрактной опасности, не дожидаясь наступления конкретного вреда, что соответствует превентивной функции уголовного закона применительно к деятельности, сопряженной с оборотом оружия и допуском к объектам повышенной опасности.

Учет переходных положений законопроекта № 1055639-8:

7. Обратить внимание на важность учета переходных положений, установленных законопроектом № 1055639-8, который принят в первом чтении. Законопроект предоставляет ЧОО годичный срок с даты вступления базового закона в силу для приведения своей деятельности в соответствие с обновлёнными требованиями, а также продлевает срок действия личных карточек частных охранников, выданных до вступления в силу нового закона [4]. Это создает временной разрыв, в течение которого ответственность должна применяться с учетом переходного режима. В этот период целесообразно установить «период адаптации», в течение которого применение строгих санкций за нарушения, связанные с неготовностью к новым требованиям, должно быть ограничено, за исключением случаев, создающих непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан.

Реализация предложенных изменений невозможна без организационного взаимодействия правоприменительных органов. В этой связи представляется необходимым наладить совместную работу Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии), осуществляющей лицензионный контроль за деятельностью ЧОО, и судов общей юрисдикции в части формирования единообразной практики оценки соответствия деятельности ЧОО требованиям ФЗ-427 при рассмотрении дел о привлечении к административной и уголовной ответственности. Целесообразно также предусмотреть механизм обязательного направления Росгвардией в суд материалов проверок, подтверждающих систематический характер нарушений, что позволит повысить обоснованность судебных решений о применении наиболее строгих мер ответственности.

Рекомендации по синхронизации КоАП РФ, ГК РФ и УК РФ с новыми требованиями к частной охранной деятельности позволят укрепить законность и обеспечить безопасность на охраняемых объектах.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Принятие Федерального закона № 427-ФЗ от 30.11.2024 знаменует новый этап развития института частной охранной деятельности в России, заменив устаревшее регулирование 1992 года на современную правовую модель, учитывающую технологические изменения, новые виды угроз и возросший уровень доверия к частным охранным структурам.

2. Вместе с тем юридическая конструкция административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности остается несинхронизированной с новыми материальными требованиями. Действующие составы административных правонарушений не учитывают степень общественной опасности деяний в зависимости от новых параметров деятельности ЧОО, гражданско-правовой механизм доказывания не адаптирован к специфике охранных услуг, носящих вероятностный характер, а уголовно-правовая квалификация нуждается в дополнительных разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

3. Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию применения ст. 238 УК РФ к должностным лицам ЧОО за нарушения требований безопасности на социально значимых объектах. ФЗ-427, ужесточая и конкретизируя требования к охранной деятельности, создает дополнительные основания для такой квалификации, однако требует выработки единообразных подходов применительно к охранным услугам.

4. Переходные положения, закрепленные законопроектом № 1055639-8, направлены на сглаживание правоприменительных рисков, связанных с введением обновлённого регулирования, и предоставляют участникам рынка необходимый временной ресурс для адаптации к новым требованиям [4].

5. Внесение предложенных изменений в КоАП РФ, ГК РФ и разъяснение практики применения ст. 238 УК РФ позволит: синхронизировать материальные и процессуальные нормы; создать экономические стимулы для ЧОО инвестировать в качество услуг; повысить уровень защищенности критической инфраструктуры, что прямо коррелирует с целями Стратегии национальной безопасности; создать эффективный механизм уголовно-правовой защиты жизни и здоровья граждан на охраняемых объектах.

Значимость сформулированных предложений выходит за рамки отраслевого регулирования частной охранной деятельности и непосредственно соотносится с целями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, отнесшей защищенность критически важных и потенциально опасных объектов, а также объектов социальной инфраструктуры к числу стратегических национальных приоритетов. Поскольку ЧОО фактически обеспечивают охрану значительной части объектов образования, здравоохранения и топливно-энергетического комплекса, эффективность механизмов их ответственности напрямую влияет на достижение указанных приоритетов. Таким образом, нормы об административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности ЧОО необходимо привести в соответствие с требованиями Федерального закона от 30.11.2024 № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности». Это обеспечит единый подход к ответственности за нарушения в сфере частной охранной деятельности.

Предложенные изменения направлены на повышение законности деятельности ЧОО и усиление ответственности при охране объектов, имеющих значение для безопасности государства.

Дальнейшее исследование целесообразно сосредоточить на анализе правоприменительной практики после вступления закона в силу, применении переходных положений законопроекта № 1055639-8, расчете страховых сумм с учетом категории охраняемых объектов и формировании единообразной судебной практики по ст. 238 УК РФ.

Литература

1. Разъяснение прокуратуры: Ответственность за производство, хранение, перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности [Электронный ресурс] // Западно-Сибирская транспортная прокуратура. — 28.06.2024.

2. В ТПП РФ обсудили проблемные вопросы правоприменительной практики в сфере частной охранной деятельности [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. — Режим доступа: https://org.tpprf.ru/of/kom-Bez/post-release/6485542/.

3. О частной охранной деятельности: Федеральный закон от 30.11.2024 № 427-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 49. — Ст. 7418.

4. Переход к новой модели регулирования частной охранной деятельности [Электронный ресурс] // Ассоциация юристов России. — Режим доступа: https://alrf.ru/articles/perekhod-k-novoy-modeli-regulirovaniya-chastnoy-okhrannoy-deyatelnosti.

5. В Новом Уренгое за оказание услуг не отвечающим требованиям безопасности осужден начальник частной охранной организации [Электронный ресурс] // Прокуратура Ямало-Ненецкого автономного округа. — 22.08.2025.

6. Российская Федерация. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

7. Пенсионерку-охранницу, пропустившую в школу подростка с оружием, осудили в ХМАО [Электронный ресурс] // Рамблер/новости. — 25.03.2026.

8. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации / О.Н. Садиков. — М.: Статут, 2020. — 224 с.

9. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» (постатейный). — М.: Юстицинформ, 2025.

Legal liability of private security organizations under legislative reform: administrative, civil and criminal law aspects

Rizatdinov K.A., Fedorova E.L.

I. N. Ulyanov Chuvash State University

The relevance of the study is determined by the fundamental reform of the legal regulation of private security activity introduced by Federal Law No. 427-FZ of 30 November 2024, which enters into force on 1 September 2026 and replaces the regulatory framework in place since 1992. The expansion of the list of security services and the tightening of requirements for private security organizations sharpen the problem of misalignment between the mechanisms of administrative, civil and criminal liability and the new substantive regulatory model of the industry.

Keywords: private security activity, national security, administrative liability, civil liability, criminal liability, Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, Federal Law No. 427-FZ.

References

1. Prosecutor's Office Explanation: Responsibility for the production, storage, transportation for sale or sale of goods and products, performance of works or provision of services that do not meet the requirements of safety of life or health [Explanation of the Responsibility for the Production, Storage, Transportation for Sale or Sale of Goods and Products, Performance of Works or Provision of Services that Do Not Meet the Requirements of Safety of Life or Health]. Western Siberian Transport Prosecutor's Office. 28.06.2024. (In Russ.).
2. TPP RF discussed problematic issues of law enforcement practice in the field of private security activities [TPP RF Discussed Problematic Issues of Law Enforcement Practice in the Field of Private Security Activities]. Russian Chamber of Commerce and Industry. (In Russ.). Available at: https://org.tpprf.ru/of/kom-Bez/post-release/6485542/ (accessed 19.08.2026).
3. Federal Law of 30 November 2024 No. 427-FZ «On Private Security Activities» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 49. Art. 7418.
4. Transition to a new model of regulation of private security activities [Transition to a New Model of Regulation of Private Security Activities]. Association of Lawyers of Russia. (In Russ.). Available at: https://alrf.ru/articles/perekhod-k-novoy-modeli-regulirovaniya-chastnoy-okhrannoy-deyatelnosti (accessed 19.08.2026).
5. In Novy Uren'goi convicted the head of a private security organization for providing services not meeting safety requirements [In Novy Uren'goi Convicted the Head of a Private Security Organization for Providing Services Not Meeting Safety Requirements]. Prosecutor's Office of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. 22.08.2025. (In Russ.).
6. Russian Federation. Criminal Code of the Russian Federation dated 13 June 1996 No. 63-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
7. Pensioner-guard who let a schoolboy with a weapon into the school was sentenced in KhMAO [Pensioner-Guard Who Let a Schoolboy with a Weapon into the School Was Sentenced in KhMAO]. Rambler/News. 25.03.2026. (In Russ.).
8. Sadikov O.N. Ubytki v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii [Losses in Civil Law of the Russian Federation]. M.: Statut, 2020. 224 p.
9. Borisov A.N. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 30 noyabrya 2024 g. No. 427-FZ «O chastnoy okhrannoy deyatel'nosti» (postateynyy) [Commentary on the Federal Law of 30 November 2024 No. 427-FZ «On Private Security Activities» (Article-by-Article)]. M.: Yustitsinform, 2025.

Импортозамещение цифровых технологий в судебной системе Российской Федерации: проблемы правового регулирования

Хрулёва Ольга Дмитриевна
к.т.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, x-o-d@mail.ru

Статья посвящена исследованию правового регулирования импортозамещения цифровых технологий в судебной системе Российской Федерации. Анализируется система нормативных правовых актов, регулирующих цифровизацию судебной деятельности, использование российского программного обеспечения, обеспечение технологической независимости и безопасности информационной инфраструктуры. Особое внимание уделяется взаимодействию различных правовых режимов применительно к судебной системе. Обосновывается вывод о том, что действующее законодательство не формирует самостоятельного комплексного правового режима импортозамещения непосредственно в судебной системе, вследствие чего соответствующее регулирование складывается из норм различных отраслей законодательства. Выявляются проблемы соотношения формального правового статуса российского программного обеспечения и его фактической технологической независимости, а также особенности применения требований законодательства о безопасности критической информационной инфраструктуры к информационным системам судебной власти. Обосновывается необходимость установления специальных требований к программному обеспечению, используемому при осуществлении правосудия, обеспечения технологической совместимости и информационной безопасности, нормативного регулирования перехода на отечественные технологические решения и обеспечения непрерывности судебной деятельности. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования импортозамещения цифровых технологий в судебной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: импортозамещение, технологическая независимость, судебная система, российское программное обеспечение, ГАС «Правосудие», критическая информационная инфраструктура, информационная безопасность.

Современное развитие судебной системы Российской Федерации непосредственно связано с использованием цифровых технологий. Цифровая трансформация правосудия включает не только внедрение информационных технологий, но и организационно-правовые решения, материально-техническое обеспечение судебной деятельности и формирование соответствующей информационной инфраструктуры [1]. Электронная форма подачи процессуальных документов, автоматизация судебного делопроизводства, информационное взаимодействие судов с участниками судопроизводства и развитие государственных информационных систем свидетельствуют о постепенном переходе к цифровой модели организации судебной деятельности.

В научной литературе цифровизация судебной деятельности рассматривается как комплексный процесс, затрагивающий организацию судопроизводства, судебное делопроизводство и судебное администрирование. И.А. Алешкова, обобщая исследования и практику применения цифровых технологий в судебной деятельности [2], обращает внимание на то, что электронное правосудие развивается одновременно в нескольких направлениях и оказывает влияние на различные стороны функционирования судебной системы. Поэтому, считают О.А. Степанов, Д.А. Печегин и М.О. Дьяконова, независимо от формы и возможных программных решений, человек должен оказываться в центре внимания правоприменителя с обеспечением справедливости и безопасности в судебном процессе [3].

Современные исследования также связывают цифровизацию судебной деятельности не только с расширением возможностей использования информационных технологий, но и с возникновением новых рисков. В частности, И.Е. Певцова и Т.А. Литовченко анализируют цифровизацию судебной деятельности через призму ее основных этапов, рисков и тенденций дальнейшего развития, что позволяет рассматривать технологическую инфраструктуру как один из значимых факторов обеспечения устойчивого функционирования судебной системы [4].

Развитие цифрового судопроизводства обусловливает возрастающую зависимость судебной системы от программного обеспечения, информационных систем и иной технологической инфраструктуры. Использование зарубежных программных решений создаёт риски прекращения технической поддержки, ограничения доступа к обновлениям, изменения условий использования программных продуктов и возникновения зависимости от иностранных поставщиков.

Однако применительно к судебной системе она не может сводится исключительно к замене иностранного программного обеспечения отечественными аналогами. Для судов имеют значение также совместимость программных решений с существующей инфраструктурой, надежность, информационная безопасность, возможность сопровождения и способность обеспечить непрерывность судебной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена особенностями действующего правового регулирования. В Российской Федерации отсутствует единый нормативный правовой акт, комплексно регулирующий импортозамещение непосредственно в судебной системе. Соответствующие отношения регулируются совокупностью норм законодательства о цифровизации судопроизводства, информации и информационных технологиях, российском программном обеспечении, технологической политике и критической информационной инфраструктуре.

Целью настоящего исследования является анализ системы правового регулирования импортозамещения в судопроизводстве Российской Федерации и выявление основных проблем его применения.

Рассмотрим правовое регулирование цифровизации судопроизводства как основу формирования судебной информационной инфраструктуры. Дело в том, что развитие цифровых технологий в судебной системе первоначально было связано с совершенствованием процессуальной формы и расширением возможностей использования электронных документов. Важным этапом развития соответствующего регулирования стало принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»,

создавшего правовые предпосылки для более широкого использования электронных документов и информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов.

При этом законодательство о цифровизации судопроизводства непосредственно не устанавливает требований к технологическому происхождению используемого программного обеспечения. Его основная функция заключается в регулировании формы осуществления судебной деятельности, а не в определении того, какие технологические решения должны использоваться. Поэтому цифровизацию судопроизводства необходимо разграничивать с технологическим импортозамещением.

Современные исследования цифровой трансформации правосудия также свидетельствуют о том, что правовое регулирование цифровых технологий в судебной сфере развивается неравномерно. С. С. Вашурина обращает внимание на то, что процессуальное законодательство предусматривает отдельные формы дистанционного обращения в суд и участия в судебном разбирательстве, однако правовое регулирование применения новых цифровых технологий не всегда является комплексным и достаточным [1]. Это позволяет сделать вывод о наличии более общей проблемы: развитие технологической инфраструктуры судебной системы опережает формирование специальных правовых механизмов ее регулирования [5]. Вопросы технологического происхождения и независимости используемого программного обеспечения также относятся к числу направлений, требующих дальнейшей правовой конкретизации. Так, вопросы использования ПО с открытым исходным кодом (Open Source) в судебной системе также создают правовую неопределенность статуса такого программного обеспечения [6].

Таким образом, правовое регулирование технологического импортозамещения формируется не в рамках одного специального акта, а посредством взаимодействия нескольких самостоятельных правовых режимов.

Одним из основных элементов государственной политики импортозамещения является формирование правового режима российского программного обеспечения. Использование российских программных продуктов связано с системой государственной поддержки отечественных разработчиков и ограничением зависимости государственного сектора от иностранных программных решений. Н.В. Мелащенко и В.Б. Наумов, ограничительные механизмы должны сочетаться с мерами стимулирования участников рынка [7].

Важную роль в действующей системе играет Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных. Включение программного продукта в соответствующий реестр имеет юридическое значение, поскольку подтверждает его соответствие установленным законодательством требованиям к российскому программному обеспечению. Однако наличие такого статуса само по себе не свидетельствует о полной технологической независимости продукта.

Современное программное обеспечение может зависеть от операционных систем, систем управления базами данных, программных библиотек, средств виртуализации и иных компонентов технологического происхождения. В результате возникает принципиально важное для настоящего исследования различие между юридическим статусом российского программного обеспечения и фактической технологической независимостью информационной системы.

Следовательно, включение программного обеспечения в российский реестр является важным элементом правового регулирования импортозамещения, но не может рассматриваться как единственный критерий достижения технологической независимости. Применительно к судебной системе необходимо оценивать не только происхождение программного продукта, но и способность связанной с ним инфраструктуры устойчиво функционировать независимо от критически значимых иностранных технологий.

Импортозамещение в данном случае выступает частью более широкой государственной политики обеспечения технологического суверенитета. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» свидетельствует о развитии комплексного подхода к вопросам технологического развития государства.

В юридической науке технологический суверенитет также рассматривается как самостоятельное направление государственной и правовой политики, требующее дальнейшего совершенствования правовых механизмов обеспечения [8; 9]. Для судебной системы это означает, что конечной целью импортозамещения должна быть не формальная замена иностранных продуктов, а способность самостоятельно обеспечивать: создание → развитие → сопровождение → устойчивое функционирование технологически значимых систем.

В этой связи представляется целесообразным разграничивать:

формальное импортозамещение, предполагающее юридическую замену иностранного программного продукта российским;

фактическую технологическую независимость, предполагающую отсутствие критической зависимости от иностранных технологий.

Для судебной системы приоритетным результатом должно выступать достижение второго состояния.

Следующим вопросом рассмотрим – правовой режим критической информационной инфраструктуры (КИИ) и его применение к судебной системе. Особое значение для обеспечения технологической безопасности государства имеет Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который устанавливает специальный правовой режим для объектов критической информационной инфраструктуры и предусматривает особые требования, направленные на обеспечение их безопасности. Кроме того, вопросы технологической независимости значимых объектов критической информационной инфраструктуры получили развитие в Указе Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Применительно к судебной системе, однако, нельзя автоматически относить всю совокупность информационных систем судебной власти к значимым объектам КИИ. Сам факт использования информационной системы в деятельности суда не означает автоматического применения специального режима КИИ. Для этого необходимо учитывать правовой статус конкретного объекта и предусмотренные законодательством процедуры.

Вместе с тем отдельные информационные системы судебной власти имеют существенное значение для организации судебной деятельности и обеспечения доступа к правосудию. В связи с этим требуется более четкое определение правового статуса отдельных элементов судебной информационной инфраструктуры и особенностей применения к ним требований законодательства о КИИ.

Таким образом, правовой режим КИИ является самостоятельным элементом регулирования технологической независимости, но его применение к судебной системе требует специального юридического анализа.

Центральной проблемой правового регулирования импортозамещения судебной информационной инфраструктуры является отсутствие специального комплексного правового режима импортозамещения, предназначенного исключительно для судебной системы.

В настоящее время соответствующие требования формируются путем взаимодействия нескольких правовых блоков:

законодательства о судебной деятельности;

процессуального законодательства;

законодательства об информации и информационных технологиях;

законодательства о российском программном обеспечении;

законодательства о технологической политике;

законодательства о критической информационной инфраструктуре;

законодательства об информационной безопасности.

Каждый из этих блоков регулирует отдельную сторону соответствующих отношений, однако их совокупность не всегда образует единый механизм.

Процессуальное законодательство определяет возможность использования электронной формы взаимодействия с судом, но не устанавливает требований к происхождению технологической инфраструктуры. Законодательство о российском программном обеспечении определяет критерии признания продукта российским, но не учитывает в полной мере специфику осуществления правосудия. Законодательство о КИИ устанавливает специальные требования к отдельным объектам, но не распространяется автоматически на всю информационную инфраструктуру судебной системы.

В результате возникает фрагментарность правового регулирования, при которой технологические вопросы судебной деятельности регулируются посредством нескольких самостоятельных правовых режимов [1; 7].

Особую актуальность указанные проблемы приобретают в связи с современными направлениями модернизации информационной инфраструктуры судебной системы. В июне 2026 г. Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации была обозначена необходимость создания на базе ГАС «Правосудие» единой централизованной импортонезависимой платформы, основанной на принципах «единого окна» и облачных технологий. В качестве основных направлений развития также определены: обеспечение совместимости и непрерывного информационного взаимодействия между элементами судебной системы, формирование единого информационного пространства, консолидация данных в централизованном хранилище и внедрение технологий искусственного интеллекта [10].

Необходимость модернизации связана, в частности, с тем, что существующая ГАС «Правосудие» создавалась с использованием зарубежных программно-технических решений, часть которых в настоящее время не поддерживается и не развивается на территории Российской Федерации. Следовательно, переход к новой технологической архитектуре имеет непосредственное отношение к проблеме импортозамещения.

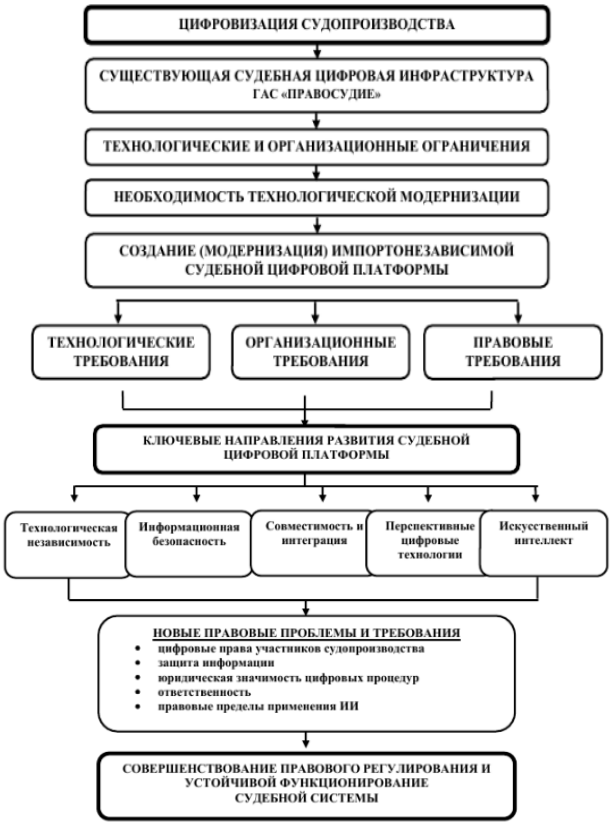
При этом создание импортонезависимой платформы представляет собой не только техническую, но и правовую задачу. Необходимо определить требования к используемым технологиям, совместимости и безопасности программных решений, миграции и хранению данных, а также допустимым пределам применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности.

Современный этап цифровой трансформации судебной системы свидетельствует о переходе от отдельных мер по замещению иностранного программного обеспечения к формированию новой технологической архитектуры электронного правосудия. В этих условиях правовое регулирование должно охватывать не только происхождение программного обеспечения, но и требования к цифровым платформам, информационной безопасности, хранению и обработке данных, совместимости систем и непрерывности судебной деятельности.

Взаимосвязь указанных процессов может быть изображена следующим образом (рис.). Представленная модель показывает, что импортозамещение программного обеспечения не следует рассматривать исключительно как замену отдельных зарубежных программных продуктов отечественными аналогами. Современная технологическая трансформация предполагает формирование импортонезависимой судебной цифровой платформы, обеспечивающей технологическую совместимость, информационную безопасность, сохранность данных и непрерывность функционирования судебной системы.

На этой основе могут быть выделены следующие ключевые проблемы правового регулирования:

Рис. Механизм развития и правового регулирования импортонезависимой цифровой инфраструктуры судебной системы Российской Федерации

1. Отсутствие специального комплексного правового режима. Импортозамещение в судебной системе регулируется совокупностью норм различных отраслей законодательства, не объединённых специальным механизмом.

2. Несоответствие формального статуса российского ПО критерию фактической технологической независимости.

Российское происхождение программного продукта не исключает зависимости от иностранных компонентов, что требует дальнейшего развития критериев технологической независимости [9].

3. Неопределенность статуса отдельных элементов судебной информационной инфраструктуры в системе КИИ.

Необходим дифференцированный подход, основанный на правовом статусе конкретных информационных систем и значимости последствий нарушения их функционирования.

4. Недостаточная правовая регламентация совместимости и непрерывности функционирования.

При переходе на отечественные технологические решения необходимо обеспечить совместимость информационных систем, сохранение и перенос данных, тестирование программного обеспечения, резервное копирование и возможность аварийного восстановления.

Выявленные проблемы позволяют сформулировать следующие направления совершенствования законодательства.

Во-первых, целесообразно сформировать специальную систему требований к программному обеспечению, используемому для обеспечения осуществления правосудия. Такие требования должны учитывать не только юридический статус программного продукта как российского, но и степень его фактической технологической независимости.

Во-вторых, необходимо нормативно закрепить требования к совместимости программных продуктов с информационной инфраструктурой судебной системы.

В-третьих, следует разработать правовой механизм безопасного перехода судебных информационных систем с иностранных программных решений на отечественные. Он должен предусматривать предварительное тестирование, сохранение и перенос данных, возможность восстановления работоспособности системы и минимизацию риска нарушения судебной деятельности.

В-четвертых, целесообразно развивать риск-ориентированный подход, при котором требования к программному обеспечению и инфраструктуре зависят от значения конкретной информационной системы и возможных последствий нарушения ее функционирования.

В-пятых, необходимо обеспечить согласованность требований законодательства о российском программном обеспечении, технологической политике, информационной безопасности и критической информационной инфраструктуре применительно к судебной системе.

При этом эффективность правового регулирования должна оцениваться не только по наличию формальных ограничений на использование иностранных технологий, но и по способности соответствующей системы обеспечить технологическую независимость и устойчивость функционирования информационной инфраструктуры [9].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что правовое регулирование импортозамещения цифровых технологий в судебной системе Российской Федерации носит комплексный и межотраслевой характер. В настоящее время отсутствует единый нормативный правовой акт, специально регулирующий технологическое импортозамещение в судебной системе.

Соответствующий механизм формируется посредством взаимодействия законодательства о цифровизации судебной деятельности, российском программном обеспечении, технологической политике, информационной безопасности и критической информационной инфраструктуре. Такая модель обеспечивает регулирование отдельных аспектов технологической трансформации, но одновременно обусловливает фрагментарность правового регулирования.

Особое значение имеет разграничение формального импортозамещения и фактической технологической независимости. Наличие у программного продукта статуса российского не исключает зависимости от иностранных операционных систем, баз данных, библиотек и иных критически значимых компонентов. Поэтому применительно к судебной системе оценка эффективности импортозамещения должна учитывать не только юридическое происхождение программного обеспечения, но и способность информационной инфраструктуры функционировать независимо от критически значимых иностранных технологий.

Применение законодательства о КИИ также требует дифференцированного подхода: информационные системы судебной власти не могут автоматически рассматриваться как значимые объекты КИИ без установления соответствующего правового статуса. Одновременно особое значение отдельных элементов судебной информационной инфраструктуры требует дальнейшей нормативной конкретизации требований к их технологической безопасности.

Современная модернизация ГАС «Правосудие» и переход к формированию импортонезависимой цифровой платформы свидетельствуют о переходе от локального замещения отдельных программных продуктов к более масштабной технологической трансформации судебной системы. Это требует совершенствования правового регулирования вопросов технологической независимости, совместимости, информационной безопасности, миграции и хранения данных, а также обеспечения непрерывности судебной деятельности.

Таким образом, основным направлением развития законодательства должно стать формирование целостного правового механизма технологического импортозамещения в судебной системе, ориентированного не только на формальную замену иностранных программных продуктов, но и на достижение фактической технологической независимости, совместимости и устойчивости судебной информационной инфраструктуры.

Именно способность обеспечить устойчивое функционирование судебной информационной инфраструктуры независимо от критически значимых иностранных технологических решений должна рассматриваться в качестве одного из основных критериев эффективности правового регулирования импортозамещения цифровых технологий в судебной системе Российской Федерации.

Литература

1. Вашурина С. С. Цифровая трансформация правосудия в России: конституционно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 10. С. 39–49. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.039-049. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-pravosudiya-v-rossii-konstitutsionno-pravovye-aspekty (дата обращения 30.08.26).

2. Алешкова И.А. Цифровизация и судебная деятельность: (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 3. С. 76–88. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.03.07.

3. Степанов О.А. К вопросу о цифровизации судебной деятельности [Электронный ресурс] / О.А. Степанов, Д.А. Печегин, М.О. Дьякова // Право. Журнал Высшей школы экономики, спецвыпуск 2021. № 5. С. 4-23. СПС Гарант. URL: https://internet.garant.ru/#/document/77169213/paragraph/1/doclist/744/2/0/0:5 (зарегистрированным пользователям) (дата обращения 30.08.26).

4. Певцова И.Е., Литовченко Т.А. Цифровизация судебной деятельности: основные этапы, риски, тенденции развития // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 62–69. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.62-69.

5. Сангаджиев Б. В. Цифровизация судебной деятельности в России // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 6. С. 62–68. https:// doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-6-62-68. URL: https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2025/6/VestnRPA_2025_6-s05.pdf (дата обращения 28.08.2026).

6. Суворов Н.И. Open-source software в законодательстве Российской Федерации // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Международной конференции молодых учёных. В 3-х томах. Том 2. Москва, 15-16 апреля 2022. С. 294-295. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48864282 (дата обращения 29.08.2026).

7. Мелащенко Н.В., Наумов В.Б. Подходы к правовому регулированию импортозамещения в сфере информационных технологий в США, КНР, ЕС и России // Инновации. 2015. № 6 (200). С.54-60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-pravovomu-regulirovaniyu-importozamescheniya-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy-v-ssha-knr-es-i-rossii?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 28.08.2026).

8. Кученин Е.С. Развитие правового обеспечения импортозамещения // IP: теория и практика. 2024. № 4 (8). С. 3–14. URL: https://iptp.rgiis.ru/index.php/IPTP/ru/article/view/155. (дата обращения 28.08.2026).

9. Аничкин Е.С. Правовое обеспечение технологического суверенитета России: современное состояние и резервы совершенствования // Российско-Азиатский правовой журнал. 2024. № 2. С. 12–16. DOI: 10.14258/ralj(2024)2.3. URL: https://ralj.ru/article/view/%282024%292.3. (дата обращения 28.08.2026).

10. ИТ-перестройка в судебной системе: На смену ГАС «Правосудие» планируют создать импортонезависимую платформу с ИИ. [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «TAdviser». ГАС Правосудие: 2026. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:ГАС_Правосудие?clckid=90b4c315&ysclid=mtlnxna44g14242627 (дата обращения 28.08.2026).

Import substitution of digital technologies in the judicial system of the russian federation: legal regulation issues

Khrulyova O.D.

Crimean Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

The article examines the legal regulation of import substitution of digital technologies in the judicial system of the Russian Federation. The study analyzes the system of regulatory legal acts governing the digitalization of judicial activities, the use of Russian software, technological independence, and the security of information infrastructure. Particular attention is paid to the interaction of different legal regimes applicable to the judicial system. The article substantiates the conclusion that the current legislation does not establish an independent comprehensive legal regime for import substitution specifically within the judicial system; therefore, the relevant regulation is formed through the interaction of legal provisions belonging to different branches of legislation. The study identifies problems arising from the relationship between the formal legal status of Russian software and its actual technological independence, as well as specific aspects of applying the legislation on the security of critical information infrastructure to judicial information systems. The article substantiates the need to establish specific requirements for software used in the administration of justice, ensure technological compatibility and information security, provide legal regulation for the transition to domestic technological solutions, and ensure the continuity of judicial activities. Directions for improving the legal regulation of import substitution of digital technologies in the judicial system of the Russian Federation are proposed.

Keywords: import substitution, technological independence, judicial system, Russian software, GAS “Justice”, critical information infrastructure, information security.

References

1. Vashurina S. S. Digital transformation of justice in Russia: constitutional and legal aspects // Current problems of Russian law. 2025. T. 20. No. 10. pp. 39-49. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.039-049. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-pravosudiya-v-rossii-konstitutsionno-pravovye-aspekty (accessed 30.08.26).
2. Aleshkova I.A. Digitalization and judicial activity: (review) // Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. 2022. No. 3. Pp. 76–88. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.03.07.
3. Stepanov O.A. On the issue of digitalization of judicial activities [Electronic resource] / O.A. Stepanov, D.A. Pechegin, M.O. Dyakova // Right. Journal of the Higher School of Economics, special issue 2021. No. 5. Pp. 4-23. SPS Garant. URL: https://internet.garant.ru/#/document/77169213/paragraph/1/doclist/744/2/0/0:5 (for registered users) (accessed 30.08.26).

4. Pevtsova I.E., Litovchenko T.A. Digitalization of judicial activities: main stages, risks, development trends // Russian Justice. 2026. No. 2. Pp. 62–69. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.62-69.
5. Sangadzhiev B. V. Digitalization of judicial activity in Russia // Bulletin of the Russian Law Academy. 2025. No. 6. pp. 62-68. https:// doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-6-62-68 . URL: https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2025/6/VestnRPA_2025_6-s05.pdf (accessed 28.08.2026).
6. Suvorov N.I. Open-source software in the legislation of the Russian Federation // Traditions and innovations in the system of modern Russian law: materials of the 21st International Conference of Young Scientists. In 3 volumes. Volume 2. Moscow, April 15-16, 2022. Pp. 294-295. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48864282 (accessed on 29.08.2026).
7. Melashchenko N.V., Naumov V.B. Approaches to the legal regulation of import substitution in the field of information technology in the USA, China, the EU and Russia // Innovations. 2015. No. 6 (200). Pp. 54–60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-pravovomu-regulirovaniyu-importozamescheniya-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy-v-ssha-knr-es-i-rossii?utm_source=chatgpt.com (accessed on 28.08.2026).
8. Kuchenin E.S. Development of Legal Support for Import Substitution // IP: Theory and Practice. 2024. No. 4 (8). Pp. 3–14. URL: https://iptp.rgiis.ru/index.php/IPTP/ru/article/view/155. (accessed on 28.08.2026).
9. Anichkin E.S. Legal Support for Russia's Technological Sovereignty: Current State and Opportunities for Improvement // Russian-Asian Legal Journal. 2024. No. 2. Pp. 12–16. DOI: 10.14258/ralj(2024)2.3. URL: https://ralj.ru/article/view/%282024%292.3. (accessed 28.08.2026).
10. IT restructuring in the judicial system: They plan to replace the GAS "Pravosudie" with an import-independent platform featuring AI. [Electronic resource] // TAdviser website. GAS Pravosudie: 2026. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Product:GAS_Justice?clckid=90b4c315&ysclid=mtlnxna44g14242627 (date of inquiry: 28.08.2026).

Материально-правовые дефекты волеизъявления и процессуальные барьеры доказывания при оспаривании решений общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах

Бестужев Александр Кириллович
Частнопрактикующий юрист, магистр, РАНХиГС при Президенте РФ, a.bestoujev.@gmail.com

В статье исследуется комплекс цивилистических и процессуальных проблем, сопряженных с выявлением и доказыванием дефектов волеизъявления участников общего собрания собственников помещений в многоквартирных домах при очно-заочной и заочной формах голосования. На основе анализа положений глав 9.1 Гражданского кодекса РФ и 6 Жилищного кодекса РФ, а также репрезентативного массива определений кассационных судов общей юрисдикции раскрывается типовая механика фальсификации решений на стадиях созыва, очного обсуждения и сбора письменных решений. Особое внимание уделено процессуальным стандартам доказывания непричастности собственников к голосованию в контексте действия презумпции подлинности рукописной подписи и распределения бремени доказывания по правилам ст. 56 ГПК РФ. Рассматриваются проблемы проведения судебных почерковедческих экспертиз ввиду большой стоимости этих экспертиз, а также в условиях утраты подлинников документов и применения положений о сроках исковой давности (п. 5 ст. 181.4 ГК РФ, ч. 6 ст. 46 ЖК РФ) во взаимосвязи с предварительными уголовно-процессуальными проверками. По результатам исследования сформулированы предложения de lege ferenda, направленные на выравнивание процессуального баланса сторон и модернизацию механизма фиксации воли сособственников общего имущества.
Ключевые слова: общее собрание собственников, многоквартирный дом, общее имущество, дефекты волеизъявления, фальсификация решений, кворум, бремя доказывания, почерковедческая экспертиза, исковая давность, ничтожность решений собрания.

1. Введение

Институт общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме (далее — ОСС), нормативно закрепленный в главе 6 Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ), выступает базовой формой гражданско-правового сообщества, посредством которой реализуется воля участников общей долевой собственности в отношении принадлежащего им общего имущества. В силу ч. 1 ст. 44 ЖК РФ общее собрание собственников признается высшим органом управления многоквартирным домом. Решения, принимаемые на ОСС, распространяют обязательную юридическую силу на всех правообладателей жилых и нежилых помещений в здании, включая лиц, голосовавших против либо воздержавшихся от голосования (ч. 5 ст. 46 ЖК РФ) [1, с. 18].

В соответствии с новеллой, введенной Федеральным законом от 29.06.2015 № 176-ФЗ в часть 1 статьи 46 ЖК РФ, решения и протоколы общего собрания признаны официальными документами, удостоверяющими факты, влекущие возникновение, изменение или прекращение юридических прав и обязанностей. Однако наделение актов собрания публично-правовым статусом не снизило остроты системного кризиса в сфере управления жилищным фондом. Распространение недобросовестных корпоративных практик со стороны управляющих организаций, направленных на удержание или захват лицензионного контроля над домами, установление невыгодных для собственников тарифов и неконтролируемое распоряжение общими ресурсами, привело к лавинообразному росту судебных споров, сопряженных с фальсификацией воли участников гражданско-правового сообщества [2, с. 48].

Актуальность цивилистического исследования данных правоотношений обусловлена разрывом между материально-правовыми гарантиями прав собственников и реальными процессуальными механизмами их судебной защиты [3, с. 115]. Добросовестный собственник, сталкиваясь с использованием фиктивного протокола собрания, оказывается в положении стороны, обремененной чрезмерными стандартами опровержения ложных сведений, преодолеть которые в рамках классической процессуальной парадигмы состязательности крайне затруднительно.

2. Механизм деформации волеизъявления: манипуляции стадиями очно-заочного голосования

Положения статей 44.1, 47 и 48 ЖК РФ предусматривают возможность проведения собрания в очной, заочной и смешанной (очно-заочной) формах. Правоприменительная статистика свидетельствует, что подавляющее большинство случаев злоупотреблений концентрируется в рамках очно-заочной модели, сочетающей непосредственное обсуждение повестки дня и последующую передачу письменных бланков решений в установленный срок. Данная форма объективно превратилась в институциональную ширму для легализации сфальсифицированных результатов.

Анатомия искажения воли участников сообщества включает три системных дефекта:

Фиктивность очного этапа и дефекты инициации

В подавляющем большинстве судебных процессов по оспариванию протоколов ОСС судами первой и апелляционной инстанций констатируется факт непроведения очной части голосования. Требования ч. 4 ст. 45 ЖК РФ о заблаговременном (не менее чем за 10 дней) уведомлении каждого правообладателя помещения о созыве собрания заказным письмом или под роспись грубо игнорируются. Уведомления либо вовсе не изготавливаются, либо вывешиваются в подъездах задним числом с фиксацией фиктивными актами.

Более того, деформация воли нередко закладывается на уровне номинального статуса инициатора собрания. В судебной практике зафиксированы множественные прецеденты, когда граждане, указанные в протоколах в качестве инициаторов, председателей собрания или членов счетной комиссии, дают в суде показания о том, что собрание не созывали, процедуру голосования не организовывали и протоколы не подписывали.

Так, при рассмотрении апелляционным судом спора о признании недействительным протокола ОСС по выбору управляющей организации было бесспорно установлено, что гражданин, указанный в протоколе инициатором и председателем собрания, скончался за пять месяцев до даты его формального проведения (Апелляционное определение Московского областного суда от 11.11.2024 по делу № 33-40208/2024). По аналогичному основанию — подделка подписи секретаря и члена счетной комиссии при признании номинальным инициатором факта единоличного проставления подписей за отсутствующих лиц — собрание было признано недействительным ввиду отсутствия письменного протокола, оформленного уполномоченными собранием лицами (Апелляционное определение Тульского областного суда от 18.12.2024 по делу № 33-3966/2024).

Манипуляция кворумом и площадями на стадии заочного голосования

Материальное основание недействительности любого решения собрания в силу п. 2 ст. 181.5 ГК РФ и ч. 3 ст. 45 ЖК РФ составляет отсутствие необходимого кворума. При очно-заочном голосовании подсчет голосов пропорционален доле собственника в праве общей собственности на общее имущество, производной от общей площади принадлежащего ему помещения (ч. 3 ст. 48, ч. 1 ст. 37 ЖК РФ).

Стремясь преодолеть пятидесятипроцентный порог (или двухтретье квалифицированное большинство по вопросам распоряжения общим имуществом в соответствии с ч. 1 ст. 46 ЖК РФ), организаторы прибегают к следующим приемам:

1) Включение в расчет голосов нетитульных владельцев. Заполнение бюллетеней осуществляется лицами, фактически проживающими в помещениях (арендаторами, нанимателями, членами семей), без подтверждения надлежащих полномочий, оформленных нотариальной доверенностью (ст. 185 ГК РФ, ч. 2 ст. 48 ЖК РФ). В ряде споров к голосованию незаконно привлекаются представители образовательных учреждений или юридических лиц в отсутствие доверенностей с правом участия в корпоративном управлении жилищным фондом.

2) Учет всей площади помещения при волеизъявлении одного сособственника. В объектах, находящихся в совместной или общей долевой собственности, при подаче бюллетеня одним правообладателем управляющая организация необоснованно засчитывает 100% голосов от площади квартиры, игнорируя отсутствие решений остальных участников долевой собственности.

3) Искусственное удвоение бланков и искажение кадастровых данных. В практике встречаются факты прямого включения задвоенных бланков голосования по одним и тем же помещениям, а также произвольного завышения площадей нежилых помещений (коммерческих пристроек, подземных паркингов) на сотни и тысячи квадратных метров. Так, в определении Псковского областного суда от 25.11.2025 по делу № 33-1123/2025 судом при пересчете кворума было выявлено не только голосование неуполномоченных лиц, но и умышленное задвоение десятков бюллетеней, принадлежащих крупной строительной компании, а также необоснованное завышение площади нежилых помещений коммерческой организации на 1580,8 кв. м, что повлекло разрушение кворума и признание решения ничтожным.

Манипуляции правовым режимом нежилых помещений

Особую категорию составляют споры, в которых фальсификация протоколов используется для легитимации отчуждения или присоединения мест общего пользования (коридоров, холлов, технических чердаков, колясочных) к частным нежилым помещениям (творческим мастерским, офисам).

Поскольку в силу ч. 3 ст. 36 и ч. 2 ст. 40 ЖК РФ уменьшение размера общего имущества в МКД возможно исключительно при получении согласия ста процентов собственников всех помещений в доме, организаторы подделывают протоколы с фиктивной стопроцентной явкой и единогласным одобрением.

Суды квалифицируют подобные акты как ничтожные сделки, нарушающие закон и посягающие на права третьих лиц (ст. 168 ГК РФ), однако в процессуальном плане восстановление прав жильцов осложняется фактом фактического владения захваченными помещениями ответчиками на протяжении многих лет, что ставит под вопрос допустимость негаторных требований (Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.02.2025 по делу № 33-1248/2025).

3. Процессуальные стандарты доказывания непричастности собственников и презумпция подлинности подписи

Центральным узлом правоприменительной проблематики при оспаривании фиктивных собраний выступает распределение бремени доказывания. В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений.

Недостаточность свидетельских показаний и опросов в полиции

В судебной практике сформировался устойчивый подход: простое устное заявление собственника в судебном заседании о том, что он «не принимал участия в собрании», «бюллетень не подписывал» либо «не заполнял графы голосования», само по себе не освобождает суд от необходимости установления материального факта принадлежности подписи.

Более того, как следует из актов кассационных инстанций, критическому сомнению подвергаются даже письменные заявления граждан, направленные в адрес надзорных ведомств (органов государственного жилищного надзора, прокуратуры), а также протоколы допросов и объяснения, данные собственниками в рамках доследственных проверок по линии МВД.

Показательным является правоприменительный подход, продемонстрированный Шестым кассационным судом общей юрисдикции в определении от 23.01.2024 по делу № 88-1487/2024. Истец оспаривал ОСС о смене управляющей компании, ссылаясь на возбужденное уголовное дело по ч. 1 ст. 327 УК РФ и протоколы допросов жильцов, отрицавших подписание решений.

Судебная коллегия кассационного суда согласилась с выводами нижестоящих инстанций о том, что объяснения собственников и материалы уголовного дела не имеют преюдициального значения для гражданского спора, пока вина конкретных лиц не доказана вступившим в законную силу приговором суда. Сходным образом Белгородский областной суд (дело № 33-5219/2024) отменил решение районного суда об исключении голосов собственников, подчеркнув: «Собственники помещений, оспаривая принадлежность подписей в бюллетенях, доказательств в обоснование правовой позиции не представили... Исходя из презумпции подлинности подписи, утверждение истцов о неподписании оспариваемых решений допустимыми доказательствами не подтверждено. Факт подачи заявлений в орган ГЖН подлинность подписи не опровергает».

Бремя финансирования и специфика назначения судебных экспертиз

Исходя из презумпции подлинности рукописной подписи, единственным допустимым и достаточным доказательством порока воли конкретного участника собрания суды признают заключение судебной почерковедческой экспертизы (ст. 79–86 ГПК РФ). Это порождает для добросовестных собственников непреодолимый финансовый тупик.

Для признания собрания несостоявшимся (не имевшим кворума) истцам требуется оспорить не один-два голоса, а решения десятков, иногда сотен собственников. Стоимость комплексной почерковедческой экспертизы одного бланка в экспертных учреждениях составляет значительную сумму; умноженная на число оспариваемых бюллетеней, совокупная стоимость экспертизы исчисляется сотнями тысяч рублей. Возложение этой финансовой обязанности на одного истца (обычно пенсионера или инициативного гражданина) в порядке ч. 1 ст. 96 ГПК РФ фактически блокирует судебную защиту. В случае же отказа истца от внесения средств на депозитный счет суда экспертиза не проводится, а оспариваемый бланк считается действительным и подлежит включению в расчет кворума (ст. 79 ГПК РФ).

Исследование копий при утрате подлинников документов

В силу ч. 1 ст. 71 ГПК РФ письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии. Подлинные документы обязательны, когда дело невозможно разрешить без оригиналов или когда представлены противоречащие друг другу копии. В ситуации с фиктивными ОСС недобросовестные управляющие компании систематически используют процессуальный прием «утраты подлинников».

Судебная практика демонстрирует поразительную лояльность к отсутствию оригиналов бюллетеней. В определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 по делу № 88-17775/2023 суд первой инстанции признал собрание ничтожным именно в связи с утратой оригиналов бюллетеней (переданных из ГЖИ в полицию и там «исчезнувших»). Однако суд апелляционной

инстанции отменил данное решение, а кассационный суд поддержал апелляцию, указав: «Отсутствие впоследствии в материале проверки КУСП оригинала протокола общего собрания не может быть поставлено в вину ответчикам, не подтверждает доводы истца об отсутствии письменной формы протокола и отсутствии кворума. Наличие кворума проверено на основании представленных копий бюллетеней».

Аналогичную позицию Шестой КСОЮ занял в определении от 02.12.2025 по делу № 88-21147/2025, оставив в силе отказ собственнику в иске: суды указали, что непредставление ответчиком подлинника протокола ОСС при наличии копии, заверенной самой управляющей организацией, не влечет вывода о ничтожности решения собрания.

Более того, утрата подлинников делает невозможным проведение качественной почерковедческой экспертизы, поскольку методики судебно-почерковедческих исследований по электрофотографическим копиям бланков (особенно низкого разрешения, выгруженных из ГИС ЖКХ) в большинстве случаев влекут категорический отказ экспертов от дачи заключения либо формулирование выводов в вероятностной форме.

4. Сроки исковой давности как пресекательный барьер и автономность уголовного процесса

В соответствии с п. 5 ст. 181.4 ГК РФ решение собрания может быть оспорено в суде в течение шести месяцев со дня, когда лицо, права которого нарушены принятием решения, узнало или должно было узнать об этом, но не позднее чем в течение двух лет со дня, когда сведения о принятом решении стали общедоступными. Специальный шестимесячный срок закреплен и в ч. 6 ст. 46 ЖК РФ.

Согласно п. 112 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 срок исковой давности для признания ничтожного решения собрания недействительным исчисляется по аналогии с правилами, установленными п. 5 ст. 181.4 ГК РФ. Это означает, что даже в случае фундаментального порока собрания — полного отсутствия кворума (ст. 181.5 ГК РФ) — истечение шести месяцев служит самостоятельным основанием для отказа в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ).

Сложившаяся модель применения исковой давности ставит добросовестных собственников в крайне невыгодное положение:

Проблема общедоступности информации

Суды широко толкуют презумпцию осведомленности собственников. В силу разъяснений п. 111 Постановления Пленума ВС РФ № 25 размещение протокола ОСС на досках объявлений, на официальном портале ГИС ЖКХ или появление в едином платежном документе (ЕПД) новой строки начислений признаются юридическим моментом, когда лицо «должно было узнать» о решении.

Так, Липецкий областной суд в апелляционном определении от 10.07.2024 по делу № 33-2124/2024 отменил решение суда первой инстанции и отказал прокурору, действовавшему в интересах социально незащищенных граждан (инвалидов), именно по мотиву пропуска шестимесячного срока. Суд подчеркнул: поскольку платежные квитанции с повышенным тарифом начали поступать с декабря 2021 года, собственники считаются извещенными с указанной даты, а обращение прокурора в суд спустя более полутора лет (в октябре 2023 г.) исключает судебную защиту независимо от выявленных фактов фальсификации. Сходным образом Московский областной суд по иску об оспаривании начислений за общедомовые нужды применил шестимесячный срок давности, отсчитав его от даты выгрузки скана протокола в ГИС ЖКХ (Определение от 25.11.2024 по делу № 33-42044/2024).

Разобщенность гражданского и уголовного судопроизводства

Ключевая ошибка собственников заключается в правовой надежде на институты публичной власти. Обнаружив поддельные протоколы, граждане направляют коллективные заявления в территориальные отделы полиции о совершении преступления по ст. 327 УК РФ и добросовестно ожидают процессуального решения.

Однако процессуальные проверки по сообщениям о преступлениях (ст. 144–145 УПК РФ) длятся месяцами и годами. Когда граждане, не дождавшись приговора, обращаются в суд с гражданским иском, ответчики заявляют о пропуске исковой давности.

Позиция вышестоящих судов в этом вопросе непреклонна. Пятый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 01.09.2025 по делу № 88-6721/2025 отменил судебные акты нижестоящих инстанций, которые признали возбуждение уголовного дела по ст. 327 УК РФ уважительной причиной для неприменения срока давности. Кассационная инстанция категорично указала: «Суды первой и апелляционной инстанций сослались на то, что возбуждение уголовного дела позволяло заинтересованным лицам правомерно ожидать результатов расследования... Между тем суд кассационной инстанции обращает внимание на то, что начало течения срока исковой давности не может зависеть от расследования уголовного дела».

Аналогичный правовой барьер подтверждается определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.05.2024 по делу № 88-10570/2024. Граждане просили пересмотреть вступившее в силу решение об отказе в признании ОСС недействительным по вновь открывшимся обстоятельствам, указав, что после вынесения решения органом дознания было возбуждено уголовное дело по факту подделки протокола ОСС. Кассационный суд отклонил доводы, разъяснив, что сам по себе факт возбуждения уголовного дела по признакам ст. 327 УК РФ не относится к вновь открывшимся обстоятельствам по смыслу п. 1 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ в отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора суда.

5. Конкуренция исков и последствия признания решений недействительными

Сложным материально-правовым вопросом является соотношение иска об оспаривании решения ОСС и смежных требований собственников о защите нарушенных имущественных прав:

Иски об оспаривании начислений за ЖКУ в отсутствие прямого иска к ОСС

Если собственник заявляет иск о признании незаконными начислений платы за дополнительные услуги (например, видеонаблюдение, запирающие устройства), ссылаясь на фиктивность протокола собрания, но не предъявляет прямого требования о признании самого решения собрания недействительным (ничтожным), суды отказывают в защите права.

Как сформулировал Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 02.12.2025 по делу № 88-21147/2025: до тех пор, пока решение ОСС об утверждении тарифа не признано недействительным в отдельном установленном законом порядке, управляющая компания производит начисления правомерно, а доводы истца о неподписании им протокола и об отказе суда в назначении почерковедческой экспертизы правового значения не имеют.

Проблема защиты прав при последующем признании договора управления недействительным

В практике распространен сценарий: решение ОСС о выборе управляющей компании признается судом недействительным (ничтожным), однако собственники продолжают получать квитанции от этой компании.

В апелляционном определении Московского областного суда от 02.12.2024 по делу № 33-37071/2024 суд разрешил спор, где протокол избрания УК был аннулирован судом, а в отношении руководства возбуждено уголовное дело. Несмотря на это, суд отказал собственнику в перерасчете платы за жилищные услуги, сославшись на ч. 3 ст. 200 ЖК РФ: управляющая организация обязана надлежаще содержать общее имущество до момента фактического выбора новой компании или назначения временной УК органом местного самоуправления [4, с. 210].

Таким образом, даже установленная фиктивность волеизъявления не освобождает потребителей от обязанности оплачивать фактически оказанные услуги нелегитимной организации, что существенно снижает экономический эффект судебной победы жителей.

Иски о демонтаже конструкций и приведении общего имущества в прежнее состояние

Когда сфальсифицированные решения используются третьими лицами для монтажа оборудования на общем имуществе (вендинговых водоматов, вышек сотовой связи, входных групп коммерческих помещений), удовлетворение виндикационных и негаторных исков собственников (ст. 301, 304 ГК РФ) жестко детерминировано предварительным успешным оспариванием решения ОСС [5, с. 122].

Так, по делу об установке вендингового аппарата КФХ «Экодар» на фасаде дома (дело № 33-1123/2025) суд, установив отсутствие кворума (вместо необходимых 2/3 голосов набрано менее 35%), признал протокол ОСС недействительным и, руководствуясь ч. 7 ст. 181.4 ГК РФ о недействительности решения с момента принятия, обязал коммерческую организацию отключить аппарат от инженерных сетей дома, демонтировать его и восстановить поврежденный фасад. Анало-

гичным образом Московский городской суд признал сфальсифицированные протоколы основанием для отзыва Мосжилинспекцией разрешений на перепланировку и обязал собственника коммерческого помещения заложить незаконно пробитый вход и восстановить несущий фасад МКД (Апелляционное определение от 11.09.2025 по делу № 33-16232/2025).

6. Заключение

Проведенное исследование материально-правовых и процессуальных аспектов оспаривания решений общих собраний собственников свидетельствует о формировании выраженного дисбаланса в структуре судебного доказывания. В настоящее время строго формальный подход к распределению бремени доказывания (ст. 56 ГПК РФ) и абсолютизация презумпции подлинности подписи входят в противоречие с базовыми началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 и ст. 10 Гражданского кодекса РФ — принципами добросовестности участников гражданских правоотношений и недопустимости извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения.

В контексте действующего правового регулирования преодоление выявленных коллизий видится не столько в кардинальной трансформации законодательства, сколько в качественной эволюции стандартов судебного толкования и правоприменения:

1. Дифференциация доказательственного стандарта при уклонении от представления подлинников. В условиях, когда сторона спора, ответственная за хранение документации собрания либо инициировавшая внесение изменений в реестр лицензий, ссылается на утрату оригиналов бюллетеней, судам надлежит критически оценивать допустимость доказательств (ч. 2 ст. 71 ГПК РФ). При невозможности проведения почерковедческой экспертизы по копиям документов правомерным представляется возложение негативных процессуальных последствий такой утраты на управляющую организацию в рамках применения положений ч. 1 ст. 68 ГПК РФ, освобождая истцов от обязанности опровергать содержание документов, объективная проверка которых заблокирована не по их вине.

2. Оценка совокупности косвенных доказательств порока воли. Практика абсолютизации экспертного заключения как единственного допустимого средства подтверждения дефекта волеизъявления требует смягчения. В случаях, когда собственник лично заявляет в судебном заседании о неучастии в голосовании, а материалы дела содержат системные свидетельства порочности процедуры (например, непроведение очной части собрания, признание номинальным председателем факта подписания протокола за иных лиц, грубые расхождения в кадастровых площадях помещений), такие обстоятельства в силу ст. 67 ГПК РФ должны оцениваться судом в их неразрывной совокупности. Взаимная согласованность косвенных доказательств способна служить достаточным основанием для вывода об отсутствии кворума без возложения на добросовестных граждан непосильного бремени финансирования десятков дорогостоящих экспертиз.

3. Разрешение конкуренции сроков давности через категорию злоупотребления правом. При разрешении вопроса о пропуске шестимесячного срока исковой давности (ч. 6 ст. 46 ЖК РФ, п. 5 ст. 181.4 ГК РФ) судам целесообразно шире применять компенсаторный потенциал ст. 10 ГК РФ. Если управляющая организация или инициаторы собрания умышленно создавали препятствия для своевременного ознакомления граждан с результатами голосования (неразмещение протоколов в общедоступных местах, передача в надзорные органы неполных или нечитаемых комплектов документов), заявление такой стороны о применении исковой давности не должно подлежать защите как направленное на легализацию заведомо недобросовестного поведения.

Таким образом, смещение фокуса судебной оценки от узкого формализма к исследованию реального существа правоотношений позволит судам обеспечить действительную защиту конституционных прав собственности, предотвратить использование института общих собраний в качестве инструмента корпоративного захвата жилищного фонда и восстановить баланс процессуальных возможностей участников спора в рамках существующего правового поля.

Литература

1. Анисимов, А. П. Ограничение права частной собственности путем установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов / А. П. Анисимов, Е. С. Болтанова // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 141–152. – DOI: 10.12737/jrl.2020.048.

2. Бердиус, М. А. Сервитут: проблемы невостребованности / М. А. Бердиус, К. Н. Кириенко // Эпомен. – 2020. – № 42. – С. 40–48.

3. Болтанова, Е. С. Публичный сервитут в целях строительства сооружений: вопросы конституционных прав граждан и обеспечения баланса интересов / Е. С. Болтанова // Закон. – 2019. – № 2. – С. 45–55.

4. Волков, Г. А. Земельные сервитуты: развитие и проблемы гарантий прав / Г. А. Волков // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 219–236. – DOI: 10.26907/2541-7738.2019.1.219-236.

5. Завьялов, А. А. «Публичные» сервитуты / А. А. Завьялов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 9 (216). – С. 92–99.

6. Краснова, Т. С. Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве : монография / Т. С. Краснова. – Москва : М-Логос, 2019. – 255 с.

7. Краснова, Т. С. Публичный сервитут для размещения линейного объекта: комментарий к новеллам Земельного кодекса РФ / Т. С. Краснова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 3. – С. 124–144.

8. Краснова, Т. С. Установление сервитута для размещения линейного объекта федерального или регионального значения / Т. С. Краснова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 172–200. – DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.172.200.

9. Мохов, А. Ю. Институт публичного земельного сервитута в контексте теории рефлективного действия права / А. Ю. Мохов, С. П. Малышкин // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 3. – С. 208–212. – DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-3-208-212.

10. Новая жизнь публичных сервитутов / А. А. Иванов, М. В. Бочаров, Е. А. Суханов, А. А. Завьялов, А. О. Рыбалов, Г. В. Землякова [и др.] // Закон. – 2018. – № 10. – С. 17–37.

11. Синицын, С. А. Частные и публичные сервитуты в российском и зарубежном праве / С. А. Синицын // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 26–45. – DOI: 10.17323/2072-8166.2018.2.26.45.

12. Ушакова, А. П. Публичный сервитут для размещения отдельных видов объектов: к дискуссии о наличии публичного интереса / А. П. Ушакова // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 3. – С. 67–78. – DOI: 10.21639/2313-6715.2021.3.7.

Substantive defects of will and procedural barriers of proof in challenging decisions of general meetings of premises owners in apartment buildings

Bestuzhev A.K.
RANEPA under the President of the Russian Federation

The article examines a complex of civil and procedural problems associated with identifying and proving defects of intention among participants in general meetings of apartment building premises owners under in-person-absentee and absentee voting formats. Based on the analysis of Chapter 9.1 of the Civil Code of the Russian Federation and Chapter 6 of the Housing Code of the Russian Federation, as well as a representative array of rulings from cassation courts of general jurisdiction, typical mechanics of decision falsification at the stages of convocation, in-person discussion, and collection of written ballots are revealed. Special attention is paid to procedural standards of proving owners' non-involvement in voting within the context of the presumption of handwritten signature authenticity and the distribution of the burden of proof under Article 56 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The challenges of conducting forensic handwriting examinations due to their prohibitive costs, loss of original records, and the application of statutes of limitations (paragraph 5, Article 181.4 of the Civil Code; part 6, Article 46 of the Housing Code) in conjunction with pre-investigation criminal checks are thoroughly addressed. Proposals de lege ferenda aimed at leveling the procedural balance of the parties and modernizing the mechanism for recording the will of co-owners of common property are formulated.

Keywords: general meeting of owners, apartment building, common property, defects of will, falsification of decisions, quorum, burden of proof, forensic handwriting examination, statute of limitations, nullity of meeting decisions.

References

1. Anisimov, A.P. and Boltanova, E.S. (2020) 'Limitation of Private Property Rights by Establishing Public Land Easements: Finding a Balance of Interests', Journal of Russian Law, (4), pp. 141–152 (in Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2020.048.
2. Berdius, M.A. and Kiriyenko, K.N. (2020) 'Easement: problems of non-demand', Epomen Scientific Journal, (42), pp. 40–48.
3. Boltanova, E.S. (2019) 'Public Easement for the Construction of Structures: Issues of Constitutional Rights of Citizens and Ensuring a Balance of Interests', Zakon, (2), pp. 45–55 (in Russ.).
4. Ivanov, A., Bocharov, M., Sukhanov, E., Zavyalov, A., Rybalov, A., Zemlyakova, G., Povetkina, E., Tserkovnikov, M., Zharkova, O., Nekrestyanov, D. and Bevzenko, R. (2018) 'The New Life of Public Easements', Zakon, (10), pp. 17–37 (in Russ.).
5. Krasnova, T.S. (2019) Autonomy of Will and Its Restriction in Easement Law. Moscow: M-Logos Publ., 255 p. (in Russ.).
6. Krasnova, T.S. (2019) 'Public Easement for Infrastructure Lines: Commentary on the Amendments of the Land Code of Russia', Herald of Commercial Justice of Russia, (3), pp. 124–144 (in Russ.).

Проценты на денежные средства по счетам эскроу в долевом строительстве: проблема баланса интересов и направления совершенствования законодательства

Васильев Алексей Юрьевич
магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, makbp2007@mail.ru

В статье исследуется специальный правовой режим денежных средств, размещаемых участниками долевого строительства на счетах эскроу, с акцентом на установленный частью 5 статьи 15.5 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» запрет начисления процентов. Обосновывается, что достигнутый механизмом эскроу высокий уровень защиты основной суммы вложений не устраняет проблему экономических потерь дольщика, возникающих вследствие длительного лишения ликвидности и снижения реальной стоимости денежных средств. Показано, что блокирование средств на счете эскроу не тождественно хранению индивидуально определенного имущества: речь идет о безналичных денежных средствах, права на которые до наступления условий раскрытия счета принадлежат депоненту, тогда как банк получает экономически значимый эффект от наличия эскроу-балансов в модели проектного финансирования. Рассматриваются аргументы в пользу и против обязательного начисления процентов, включая риск удорожания банковского кредитования застройщиков и возможного переноса расходов на цену жилья. Предлагается заменить абсолютный законодательный запрет моделью обязательной ненулевой доходности: ставка определяется договором, но не может быть ниже минимальной ставки по счетам эскроу, устанавливаемой Банком России на основе публичных рыночных индикаторов. Начисленные проценты должны принадлежать исключительно депоненту, не включаться в цену договора участия в долевом строительстве и перечисляться на отдельный счет.

Ключевые слова: счет эскроу, долевое строительство, дольщик, депонент, уполномоченный банк, проектное финансирование, проценты, безналичные денежные средства, защита прав потребителей, совершенствование законодательства.

Введение

Переход российского жилищного строительства к проектному финансированию с обязательным использованием счетов эскроу стал одной из наиболее существенных реформ частноправового регулирования рынка новостроек за последние годы. Ее социальный результат очевиден: денежные средства участника долевого строительства больше не поступают застройщику до наступления предусмотренных законом условий, а риск утраты уплаченной цены вследствие нецелевого расходования средств застройщиком существенно снижен. По данным Банка России, на 1 июля 2026 года участниками долевого строительства было размещено на счетах эскроу около 7,5 трлн руб., а количество таких счетов превысило один миллион. Следовательно, вопрос о правовом режиме денежных средств на эскроу-счетах давно вышел за пределы частной банковской услуги и приобрел системное значение для рынка жилья и имущественного положения миллионов граждан.

Вместе с тем усиление защиты основной суммы вложений не означает, что интерес дольщика защищен исчерпывающе. Часть 5 статьи 15.5 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон № 214-ФЗ) устанавливает императивное правило: проценты на сумму денежных средств, находящихся на счете эскроу, не начисляются. Одновременно этой же нормой предусмотрено, что вознаграждение уполномоченному банку как эскроу-агенту не выплачивается. Таким образом, законодатель сконструировал счет эскроу как формально безвозмездный для сторон расчетно-обеспечительный инструмент, однако экономические последствия такого решения распределены между участниками модели неравномерно.

Проблема особенно заметна при длительном строительном цикле. Дольщик перечисляет значительную денежную сумму в начале или на ранней стадии строительства и в течение месяцев либо нескольких лет не может использовать ее по своему усмотрению. При нормальном завершении проекта его правовой результат состоит в получении объекта недвижимости, однако в период депонирования владелец средств лишен возможности разместить их во вклад, использовать для иных инвестиций либо направить на досрочное погашение собственных долговых обязательств. При прекращении договора участия в долевом строительстве участнику возвращается номинально внесенная сумма, но не компенсируется временная стоимость денег. На эту проблему обращалось внимание в литературе, где отсутствие индексации и процентной доходности оценивается как незавершенность системы защиты инвестиционных интересов граждан [5; 6].

Научная разработанность института счета эскроу связана прежде всего с исследованиями его правовой природы, соотношения с договором банковского счета, условным депонированием, аккредитивом и иными обеспечительными конструкциями [1–4]. В более поздних работах акцент смещается к эффективности проектного финансирования, особенностям блокирования средств и балансу интересов банка, застройщика и участника строительства [8–13]. При этом вопрос о процентах чаще рассматривается либо как частный недостаток действующей модели, либо через призму законопроекта 2019 года. Настоящее исследование исходит из необходимости повторной постановки вопроса уже на основе накопленного опыта функционирования проектного финансирования и значительного роста объема средств на эскроу-счетах.

Цель статьи состоит в обосновании такой модели начисления процентов по счетам эскроу, которая одновременно усиливает имущественную защиту дольщика и не разрушает экономическую конструкцию проектного финансирования. Для достижения цели необходимо: определить место запрета процентов в системе норм о банковском счете; показать отличие правового блокирования безналичных денежных средств от хранения индивидуально определенной вещи; выявить экономическую ценность эскроу-балансов для уполномоченного банка; систематизировать аргументы против начисле-

ния процентов; оценить недостатки ранее предлагавшихся законодательных решений; сформулировать конкретную редакцию поправок к статье 15.5 Закона № 214-ФЗ. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы, а также элементы правового и экономического анализа.

Счет эскроу как инструмент защиты дольщика и специальный вид банковского счета

Согласно пункту 1 статьи 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) по договору счета эскроу банк открывает специальный счет для учета и блокирования денежных средств, полученных от депонента, в целях их передачи бенефициару при возникновении предусмотренных договором оснований. Принципиально важно, что права на денежные средства до наступления таких оснований принадлежат депоненту, а после их наступления – бенефициару. Для долевого строительства указанная общая конструкция конкретизируется статьями 15.4 и 15.5 Закона № 214-ФЗ: участник перечисляет цену договора на счет в уполномоченном банке, а раскрытие счета связывается с предусмотренными законом юридическими фактами, подтверждающими завершение строительства.

Правовая литература справедливо подчеркивает двойственную природу рассматриваемой конструкции. С одной стороны, это разновидность банковского счета, к которой применяются общие положения главы 45 ГК РФ постольку, поскольку специальными нормами не установлено иное. С другой стороны, счет эскроу выполняет выраженную обеспечительную функцию: банк не просто проводит платежи по распоряжению клиента, а блокирует средства до наступления заранее определенного условия [1; 4]. Именно обеспечительная цель объясняет ограничения по операциям и невозможность свободного распоряжения средствами депонентом и бенефициаром.

Однако обеспечительный характер не превращает счет эскроу в аналог банковской ячейки или договора хранения наличных денежных знаков. На счете учитываются безналичные денежные средства. Они не индивидуализируются по номерам банкнот и не сохраняются в виде той же физической совокупности вещей, которая была передана банку. Юридическое «блокирование» означает прежде всего запрет или ограничение распоряжения соответствующей суммой со стороны участников счета до наступления установленного условия. В исследованиях особенностей учета и блокирования средств по счету эскроу справедливо отмечается, что содержание блокирования раскрывается через специальный режим операций по счету, а не через физическое обособление имущества [8].

Из этого следует важное для предмета статьи разграничение. Утверждение о том, что права на средства принадлежат депоненту, не равнозначно утверждению о хранении банком индивидуально определенной вещи. Равным образом тезис об экономической полезности эскроу-балансов для банка не требует признания за банком права собственности на конкретные «деньги дольщика». В банковской модели необходимо различать частноправовую принадлежность требования к банку, ограничения по распоряжению счетом и экономическое значение соответствующего пассива для кредитной организации. Именно смешение этих уровней часто делает дискуссию о процентах чрезмерно категоричной.

Общее правило статьи 852 ГК РФ исходит из того, что, если иное не предусмотрено договором банковского счета, банк уплачивает проценты за пользование денежными средствами, находящимися на счете клиента. Применительно к счету эскроу это правило теоретически могло бы действовать в силу пункта 4 статьи 860.7 ГК РФ, отсылающего к общим положениям о банковском счете. Вместе с тем в сфере долевого строительства законодатель сделал специальное исключение: часть 5 статьи 15.5 Закона № 214-ФЗ прямо запрещает начисление процентов. Поэтому речь идет не о пробеле, а о сознательно установленном специальном режиме, который вытесняет общее диспозитивное правило статьи 852 ГК РФ.

На раннем этапе развития института в литературе высказывались различные позиции относительно применимости статьи 852 ГК РФ и возможности процентов по счету эскроу [6]. После закрепления специального запрета для расчетов по договорам участия в долевом строительстве основной научный вопрос должен быть поставлен иначе: сохраняются ли достаточные публично значимые причины для абсолютного нулевого режима либо накопленный опыт позволяет перейти к более сбалансированной модели. Такой подход важен и методологически: предметом исследования становится не толкование действующей нормы вопреки ее буквальному содержанию, а оценка качества самой нормы и целесообразности ее изменения.

Экономическая ценность средств на счетах эскроу и проблема временной стоимости денег

Аргумент в пользу процентов не должен основываться на бытовом представлении, будто банк «кладет деньги дольщика в оборот» в том же смысле, в каком заемщик получает конкретную переданную ему сумму наличными. Для правового анализа достаточно установить более осторожный и проверяемый тезис: крупные и устойчивые остатки на счетах эскроу имеют для банка экономическое значение в общей модели проектного финансирования. Банк России прямо указывает, что стоимость кредитования застройщика связана с объемом денежных средств, размещенных на счетах эскроу, и снижается по мере наполнения таких счетов. Следовательно, нулевой доход депонента сосуществует с экономическим эффектом, который баланс эскроу создает внутри отношений банка и застройщика.

Экономические исследования проектного финансирования также показывают, что поступления на счета эскроу входят в расчет общей доходности банковского участия в проекте и влияют на параметры проектного кредита [10]. Современные работы по эффективности проектного финансирования отмечают дифференциацию стоимости кредитования в зависимости от степени покрытия проектного кредита средствами на счетах эскроу [12; 13]. Из этого нельзя автоматически вывести обязанность банка выплачивать дольщику весь получаемый экономический эффект: банк принимает кредитный риск застройщика, несет расходы по сопровождению проекта, соблюдению нормативов и инфраструктуре счета. Но столь же трудно обосновать противоположный крайний вывод, согласно которому экономическая ценность длительно размещенного остатка должна полностью исключаться из баланса интересов с депонентом.

Для гражданина денежные средства на счете эскроу имеют альтернативную стоимость. Пока сумма заблокирована, участник не может использовать ее для получения безрискового либо низкорискового дохода. Если приобретение финансируется за счет ипотечного кредита, проблема становится еще более очевидной: заемщик фактически платит проценты своему кредитору за привлеченные деньги, тогда как денежная сумма, направленная на оплату строящегося жилья, не приносит ему дохода в течение всего периода депонирования. Это не означает, что ипотечные проценты должны компенсироваться банком-эскроу-агентом; однако указанная асимметрия показывает, что нулевой режим нельзя описывать как экономически нейтральный для дольщика.

При расторжении договора или невозможности завершения проекта участник получает обратно номинальную сумму. В условиях инфляции и роста стоимости жилья возврат первоначальной суммы может не позволить приобрести сопоставимый объект. Е.Б. Макушина прямо связывает отсутствие индексации средств на эскроу-счетах с неполнотой защиты инвестиционных прав граждан и предлагает пересмотреть прежний отказ от процентной компенсации [5]. Подобный вывод сохраняет актуальность и после стабилизации механизма эскроу: чем дольше период блокирования, тем значительнее разрыв между номинальной сохранностью денежных средств и сохранностью их покупательной способности.

При этом требование процентов следует отличать от требования полной компенсации инфляции. Индексация имеет целью сохранение реальной стоимости обязательства, а процентная доходность – распределение экономической выгоды от временного использования денежного ресурса или его нахождения в банковской системе. Для счета эскроу возможна смешанная логика: установленная законом минимальная ставка одновременно частично компенсирует временную стоимость денег и признает экономическое значение остатка для банка, не превращая счет в классический вклад и не гарантируя дольщику рыночную доходность долгосрочного депозита.

Аргументы в пользу обязательного начисления процентов

Первый аргумент связан с принципом эквивалентности имущественного положения сторон. Защитная функция счета эскроу реализуется за счет ограничения участника в распоряжении значительной денежной суммой. Такое ограничение установлено законом и является необходимым элементом защиты самого дольщика, однако оно не должно автоматически означать безвозмездное лишение его экономической ценности денег на весь срок строительства.

Когда блокирование продолжается длительное время, отсутствие любой доходности начинает выходить за пределы технического способа расчетов и превращается в самостоятельное имущественное последствие.

Второй аргумент вытекает из системного места счета эскроу среди банковских счетов. Статья 852 ГК РФ закрепляет общую презумпцию возможности процентов за пользование банком денежными средствами клиента. Специальный запрет в Законе № 214-ФЗ допустим, но он нуждается в самостоятельном материальном оправдании. Первоначально такое оправдание связывалось с необходимостью быстро сформировать работающую модель проектного финансирования без дополнительных расходов банков. По мере зрелости системы и многомиллионного объема эскроу-балансов абсолютный запрет уже не должен восприниматься как неизменная характеристика института.

Третий аргумент состоит в необходимости симметрии между экономическими эффектами проектного финансирования. Чем больше поступления на счета эскроу, тем устойчивее финансовая модель проекта и тем ниже может быть стоимость кредитования застройщика. Данная связь признается и Банком России. Следовательно, денежные средства дольщиков не являются экономически «мертвым» элементом системы. Они повышают качество кредитной конструкции и уменьшают отдельные риски банка. Справедливое регулирование может предусматривать распределение части этой выгоды в пользу лица, чьи денежные средства создали соответствующий остаток.

Четвертый аргумент имеет потребительско-правовую направленность. Для большинства граждан договор участия в долевом строительстве связан с удовлетворением личной жилищной потребности и является одной из крупнейших сделок в жизни. Защита дольщика не должна сводиться к предотвращению полной утраты денежных средств. Современное понимание защиты имущественных интересов включает прозрачность финансовых условий, предотвращение необоснованного перераспределения экономических выгод и учет длительности ограничения денежных прав. В этом смысле начисление умеренных процентов является развитием, а не отрицанием защитной функции эскроу.

Пятый аргумент – стимулирование конкуренции уполномоченных банков. При полном законодательном запрете процентная составляющая исключена из банковской конкуренции: дольщик не может выбирать банк по этому параметру, а застройщик и банк определяют инфраструктуру проекта без учета доходности для депонента. Если закон установит обязательный минимальный уровень, но позволит банкам предлагать более высокую ставку, появится дополнительный параметр качества банковского продукта. Для предотвращения фиктивной конкуренции минимальная ставка должна быть императивной и не сводиться к символическому значению, определяемому исключительно типовой формой договора.

Аргументы против процентов и пределы реформы

Основной контраргумент был сформулирован еще при обсуждении законопроекта № 844913-7, внесенного в Государственную Думу в 2019 году. Проект предлагал ежемесячно начислять дольщику доход по средневзвешенной процентной ставке и зачислять его на отдельный счет до востребования. Правительство Российской Федерации и профильный комитет не поддержали инициативу, указывая на риск роста стоимости проектного кредитования застройщиков и последующего увеличения цены жилья. Этот аргумент нельзя игнорировать: обязательные процентные выплаты действительно становятся расходом банковской модели и при прочих равных могут быть перенесены на заемщика-застройщика.

Однако наличие риска переноса издержек не доказывает оптимальность нулевой ставки. Во-первых, стоимость проектного кредитования формируется из множества факторов, включая кредитный риск, степень наполнения эскроу, стоимость фондирования, параметры проекта и конкуренцию банков. Во-вторых, нулевой режим также распределяет издержки – только целиком на дольщика в форме утраченной доходности и инфляционного обесценения. Задача законодателя состоит не в устранении любых расходов из системы, а в их разумном распределении с учетом назначения института.

Второй контраргумент заключается в том, что счет эскроу не является вкладом и его основная функция – обеспечение исполнения основного обязательства, а не извлечение дохода. С этим следует согласиться. Именно поэтому ставка по счету эскроу не должна автоматически приравниваться к ставкам по срочным банковским вкладам. Депонент не принимает на себя обычную модель инвестиционного выбора и не должен получать максимальную рыночную доходность. Но функциональное отличие от вклада не исключает само начисление процентов: общие правила банковского счета допускают процентный элемент и вне договора банковского вклада.

Третий контраргумент – расходы банка на ведение счетов и инфраструктуру проектного финансирования при отсутствии прямого вознаграждения эскроу-агенту. Действительно, часть 5 статьи 15.5 Закона № 214-ФЗ запрещает выплату банку вознаграждения по такому счету. Поэтому законодательная реформа не должна сочетать высокую обязательную доходность для дольщика с сохранением всей остальной модели неизменной. Минимальная ставка должна быть умеренной и рассчитываться на основе рыночных индикаторов, а не устанавливаться политически привлекательным, но экономически произвольным процентом.

Четвертый контраргумент связан со сложностью распределения процентов при ипотечном финансировании, уступке прав по договору, использовании материнского капитала, прекращении договора и переходе прав к новому участнику. Эти вопросы разрешимы посредством четкого определения принадлежности процентного дохода. Наиболее последовательным является правило, по которому начисленные проценты принадлежат текущему депоненту как владельцу прав по договору счета эскроу и не входят в депонируемую сумму, предназначенную для застройщика. При переходе прав по договору участия в долевом строительстве уже начисленные и выплаченные проценты остаются у прежнего депонента, а последующее начисление осуществляется в пользу нового владельца счета с момента перехода прав.

Наконец, нельзя допустить, чтобы процентный механизм стимулировал искусственное затягивание раскрытия счета либо превращал дольщика в лицо, заинтересованное в продлении строительства. Поэтому ставка по эскроу должна быть ниже типичной доходности срочного вклада сопоставимого срока, а ее экономический смысл должен заключаться в частичной компенсации временной стоимости денег, а не в инвестиционной премии за длительность строительства.

Почему прежний законопроект о средневзвешенной ставке требует переработки

Инициатива 2019 года имела важное достоинство: она впервые институционализировала идею, что нулевой доход по счету эскроу не является единственно возможным законодательным решением. Предложение о зачислении процентов на отдельный счет также было концептуально верным, поскольку отделяло доход дольщика от суммы, предназначенной для последующей передачи застройщику. Вместе с тем проект оставлял без ответа несколько ключевых вопросов, что облегчало его критику.

Во-первых, термин «средневзвешенная процентная ставка» не содержал в самом законопроекте достаточно определенной методики. Не было ясно, о какой группе банковских продуктов идет речь, за какой период рассчитывается показатель, какие сроки вкладов учитываются и какой орган отвечает за официальное значение ставки. Для нормы, устанавливающей массовое денежное обязательство банков, такая неопределенность существенна.

Во-вторых, проект предлагал общую поправку к статье 860.7 ГК РФ, тогда как экономические и социальные предпосылки начисления процентов наиболее очевидны именно в обязательной системе счетов эскроу по Закону № 214-ФЗ. Универсальное распространение одинакового правила на все гражданско-правовые случаи использования счета эскроу могло бы создать избыточную жесткость для коммерческих сделок, где стороны способны самостоятельно согласовать распределение расходов и доходов. Более точным является специальное регулирование долевого строительства с сохранением диспозитивности в иных сферах.

В-третьих, прежняя инициатива недостаточно учитывала взаимосвязь процентной ставки по счету эскроу с экономикой проектного кредита. В современных условиях эта взаимосвязь стала более прозрачной: исследования 2023–2025 годов и официальные материалы Банка России демонстрируют, что наполнение эскроу влияет на стоимость проектного финансирования [10; 12; 13]. Следовательно, новый проект должен предусматривать не максимизацию доходности дольщика, а регулируемый минимальный уровень, рассчитанный с учетом устойчивости банковской модели.

В-четвертых, прежнее предложение не содержало переходного периода. Для действующих кредитных договоров с застройщиками внезапное появление обязанности выплачивать проценты по миллионам счетов могло бы существенно изменить финансовую модель уже запущенных проектов. Поэтому новая норма должна применяться к договорам участия в долевом строительстве, государственная регистрация которых осуществлена после заранее установленной даты, либо вводиться поэтапно.

Предлагаемая модель законодательного регулирования

Оптимальным представляется отказ от абсолютного запрета процентов при одновременном сохранении специального характера счета эскроу. Основное изменение целесообразно внести непосредственно в часть 5 статьи 15.5 Закона № 214-ФЗ, поскольку именно эта норма сегодня формулирует запрет и применяется к массовому механизму расчетов в долевом строительстве. Общая статья 860.7 ГК РФ может быть сохранена без изменения: она уже допускает применение общих положений о банковском счете, а специальный закон вправе устанавливать особенности для конкретной сферы.

Предлагаемая редакция части 5 статьи 15.5 Закона № 214-ФЗ может быть сформулирована следующим образом: «5. На сумму денежных средств, находящихся на счете эскроу, уполномоченный банк начисляет проценты в пользу депонента. Процентная ставка определяется договором счета эскроу и не может быть ниже минимальной ставки по счетам эскроу, устанавливаемой Банком России ежеквартально на основании публичных показателей стоимости привлечения денежных средств физических лиц и уровня ключевой ставки Банка России. Начисленные проценты не входят в цену договора участия в долевом строительстве, не увеличивают депонируемую сумму, подлежащую перечислению застройщику, и перечисляются на иной банковский счет депонента не реже одного раза в квартал, а также при прекращении договора счета эскроу. Вознаграждение уполномоченному банку, являющемуся эскроу-агентом по счету эскроу, не выплачивается».

В такой конструкции принципиальны четыре элемента. Первый – императивная ненулевая доходность. Если оставить вопрос полностью на усмотрение договора, типовые банковские условия могут фактически воспроизвести нулевой режим. Второй – установление минимального значения Банком России, а не непосредственно в законе. Денежно-кредитные условия изменяются существенно быстрее законодательства, поэтому жесткая ставка в процентах годовых быстро потеряет экономическую адекватность. Третий – отдельное зачисление процентов депоненту. В противном случае проценты, присоединенные к остатку эскроу, могут технически увеличить сумму, перечисляемую застройщику, что противоречило бы назначению реформы. Четвертый – сохранение запрета на прямое вознаграждение банка по счету, чтобы новая плата не была немедленно нейтрализована встречной комиссией с дольщика.

Для расчета минимальной ставки Банку России целесообразно предоставить федеральным законом полномочие утвердить методику, основанную на сочетании двух ориентиров: средневзвешенной ставки по рублевым вкладам физических лиц на срок до одного года и ключевой ставки. Конкретное соотношение должно определяться после оценки регуляторного воздействия. В качестве нормативного принципа можно закрепить, что минимальная ставка по счету эскроу должна обеспечивать частичную, а не полную компенсацию альтернативной доходности депонента. Это позволит избежать превращения эскроу в конкурент срочных вкладов и одновременно исключит символические ставки.

Дополнительно часть 5 статьи 15.5 Закона № 214-ФЗ следует дополнить новой частью 5.1 об информационной прозрачности: уполномоченный банк обязан до заключения договора сообщить депоненту размер действующей ставки, порядок ее изменения, периодичность начисления и пример расчета дохода исходя из предполагаемого срока депонирования. Такая обязанность особенно важна для ипотечных заемщиков, которые должны видеть одновременно стоимость привлеченных ими средств и доходность денежных средств, заблокированных на эскроу.

Следует урегулировать и последствия задержки строительства. По заявлению участника срок условного депонирования может быть продлен в случаях, предусмотренных Законом № 214-ФЗ. Проценты в этот период должны продолжать начисляться по общим правилам. Более того, при превышении первоначально заявленного срока строительства по причинам, относящимся к риску застройщика, экономическое значение процентной компенсации возрастает. Законодатель мог бы рассмотреть повышающий коэффициент к минимальной ставке после истечения первоначального срока депонирования, однако на первом этапе реформы разумнее сохранить единое правило, чтобы не усложнять банковские расчеты.

Для договоров, оплаченных с использованием ипотечного кредита, проценты должны начисляться в пользу депонента независимо от источника денежных средств. Иное решение необоснованно поставило бы заемщика в худшее положение по сравнению с лицом, использующим собственные накопления. Вместе с тем договором банковского счета может быть предусмотрено право депонента направлять получаемый доход на досрочное погашение ипотечного кредита. Такое направление должно быть добровольным и не менять принадлежность процентов.

Переходные положения целесообразно построить по принципу перспективного действия: новая редакция применяется к договорам участия в долевом строительстве, представленным на государственную регистрацию после истечения шести месяцев со дня официального опубликования закона. Полугодовой период позволит банкам пересчитать параметры новых проектных кредитов, обновить типовые договоры и информационные системы, а застройщикам – учесть изменение в финансовых моделях будущих проектов. Для уже открытых счетов сохранение прежнего режима предотвратит ретроспективное перераспределение согласованных рисков.

Оценка возможных последствий предлагаемой реформы

Для дольщика основным эффектом станет переход от номинальной защиты денежных средств к частичной защите их временной стоимости. Даже умеренный процент имеет значение при многомиллионной цене квартиры и длительном сроке строительства. При этом доход не должен рассматриваться как самостоятельная инвестиционная цель: его функция состоит в компенсации части экономических потерь, обусловленных обязательным для гражданина способом расчета.

Для банков реформа означает появление дополнительной стоимости обслуживания эскроу-балансов. Однако ее влияние не следует оценивать изолированно. Уполномоченный банк одновременно получает проектного заемщика, расчетную инфраструктуру проекта, поток ипотечных клиентов и экономический эффект от наполнения счетов эскроу. Современные исследования показывают высокую интеграцию эскроу-балансов в общую модель доходности проектного финансирования [10; 12]. Поэтому вопрос должен решаться через калибровку минимальной ставки, а не через сохранение абсолютного нуля.

Для застройщика потенциальным негативным последствием является повышение стоимости проектного кредита. Этот риск реален, но его масштаб зависит от конкуренции банков, структуры покрытия и регуляторной методики. Если минимальная ставка будет установлена умеренно и применяться только к новым проектам, рынок сможет включить ее в финансовое планирование без шокового пересмотра действующих кредитов. Кроме того, прозрачная процентная модель способна повысить общественную приемлемость проектного финансирования и доверие покупателей к новостройкам, что имеет собственную экономическую ценность.

Для государства новая модель означает дальнейшее развитие концепции защиты прав участников долевого строительства. Реформа 2018–2019 годов решала прежде всего проблему утраты основной суммы из-за банкротства или недобросовестности застройщика. На следующем этапе логично перейти к качеству имущественной защиты: учитывать продолжительность блокирования средств, их реальную стоимость и распределение экономической выгоды внутри трехсторонней модели. Такой подход соответствует общей тенденции постепенного совершенствования эскроу-механизма, включая обсуждение поэтапного раскрытия и расширение применения счетов эскроу в жилищном строительстве [11–13].

Заключение

Счета эскроу доказали эффективность как институт защиты участников долевого строительства от одного из наиболее опасных рисков – утраты денежных средств до получения объекта недвижимости. Однако успешность базового защитного механизма не должна препятствовать дальнейшему развитию его правового режима. При многолетнем блокировании значительных сумм сохранение только номинальной величины денежных средств не означает полного сохранения имущественного интереса гражданина.

Действующая часть 5 статьи 15.5 Закона № 214-ФЗ устанавливает абсолютный запрет начисления процентов. Системно этот запрет является специальным исключением из общих правил о банковском счете. Его сохранение возможно лишь при наличии убедительного баланса публичных и частных интересов. Накопленный опыт проектного финансирования показывает, что эскроу-балансы обладают экономической значимостью для банковской модели: их объем влияет на риск и стоимость кредитования застройщика. Одновременно дольщик лишен ликвидности и несет потери временной стоимости денег. Такая асимметрия является достаточным основанием для пересмотра нулевого режима.

Вместе с тем прямое распространение на счета эскроу полной рыночной доходности вкладов было бы чрезмерным и способно увеличить стоимость проектного финансирования. Поэтому оптимальным является промежуточное решение: обязательная ненулевая ставка, определяемая договором, но ограниченная снизу минимальным значением, устанавливаемым Банком России по прозрачной методике. Проценты должны принадлежать исключительно депоненту, перечисляться на отдельный счет и не участвовать в расчетах с застройщиком.

Предлагаемая модель позволяет сохранить обеспечительную природу счета эскроу и одновременно устранить его наиболее очевидный имущественный дисбаланс. В таком виде процентный механизм перестает быть попыткой превратить эскроу в банковский вклад и становится элементом справедливого распределения экономических последствий обязательного способа расчетов. Именно в этом направлении, по мнению автора, целесообразно развивать законодательство о защите прав участников долевого строительства.

Литература

1. Крохина Ю.А. Дискуссионные вопросы правовой природы договора счета эскроу // Банковское право. 2021. № 4. С. 7–16.
2. Кувшинова В.С. Новеллы в ГК РФ: договор счета эскроу и договор эскроу // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1–3. С. 111–114.
3. Дельцова Н.В., Чертыковцев Ю.В. Сфера применения договора счета эскроу // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4–3. С. 189–191.
4. Петухова М.Р. Обязательственно-обеспечительная природа договора счета эскроу // Закон и право. 2022. № 2. С. 109–111.
5. Макушина Е.Б. Правовое закрепление мер защиты инвестиционных прав физических лиц в долевом строительстве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). С. 19–24.
6. Крицкая А.И. Проблема начисления процентов по договору счета эскроу // Приоритеты мировой науки: новые подходы и актуальные исследования: сборник научных трудов по материалам XXIX Международной научно-практической конференции. Анапа, 2022. С. 87–91.
7. Горбунова А.А. Договор счёта эскроу // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4. № 6. С. 3460–3469.
8. Есенеев Э.Р. Особенности учета и блокирование денежных средств по договору счета эскроу // Вестник Евразийской науки. 2023. Т. 15. № S1.
9. Мишланова М.Ю., Дубовая В.А. Система счетов эскроу в условиях проектного финансирования жилищного строительства // Жилищные стратегии. 2023. Т. 10. № 3. С. 299–316.
10. Кулаков Н.Ю., Бласет Кастро А.Н. Доходность проектного финансирования с использованием счетов эскроу для банка // Хроноэкономика. 2023. С. 262–265.
11. Кожинова М.Ю. Поэтапное раскрытие счетов эскроу (анализ опыта Польши) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 307–309.
12. Устинова Л.Н., Мухаметзянова Д.Д., Авдеев Р.А. Эффективность проектного финансирования с эскроу-счетами в жилищном строительстве // Жилищные стратегии. 2025. Т. 12. № 3. С. 333–350.
13. Авагян Г.Л., Бычкова Н.П. Правовые и экономические аспекты проектного финансирования жилищного строительства с использованием счетов эскроу: анализ опыта и перспектив развития // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 1 (57). С. 448–461.

Interest on funds held in escrow accounts in shared-equity construction: balancing the parties' interests and directions for legislative reform

Vasilyev A.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the special legal regime for funds placed by participants in shared construction projects in escrow accounts, with a focus on the prohibition of interest accrual established by Part 5 of Article 15.5 of Federal Law No. 214-FZ dated December 30, 2004, "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." Although escrow accounts substantially reduce the risk of losing the principal amount paid for housing under construction, the depositor remains deprived of liquidity for a long period and bears the economic consequences of the declining real value of money. The paper argues that blocking funds in an escrow account should not be equated with safekeeping individually identified property. Escrow involves non-cash money, while the depositor retains the rights to the funds until the statutory conditions for release arise. At the same time, escrow balances have measurable economic significance within the bank project-financing model. The article evaluates arguments for and against mandatory interest, including the risk of higher financing costs for developers and their possible transfer to housing prices. It proposes replacing the absolute prohibition with a mandatory non-zero return: the contractual rate should not be lower than a minimum escrow rate determined by the Bank of Russia using transparent market indicators. Accrued interest should belong solely to the depositor, be excluded from the contract price, and be credited to a separate account.

Keywords: escrow account, shared-equity construction, depositor, authorized bank, project financing, interest, non-cash money, protection of participants in shared construction, legislative reform.

References

1. Krokhina Yu. A. Controversial Issues of the Legal Nature of the Escrow Account Agreement // Banking Law. 2021. No. 4. pp. 7–16.
2. Kuvshinova V. S. Novels in the Civil Code of the Russian Federation: Escrow Account Agreement and Escrow Agreement // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2021. No. 1–3. pp. 111–114.
3. Deltsova N. V., Chertykovtsev Yu. V. Scope of the Escrow Account Agreement // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2021. No. 4–3. pp. 189–191.
4. Petukhova M. R. Obligatory and Security Nature of the Escrow Account Agreement // Law and Right. 2022. No. 2. Pp. 109–111.
5. Makushina E.B. Legal consolidation of measures to protect the investment rights of individuals in shared construction // Theoretical and applied jurisprudence. 2022. No. 4 (14). Pp. 19–24.
6. Kritskaya A.I. The problem of calculating interest under an escrow account agreement // Priorities of world science: new approaches and relevant research: a collection of scientific papers based on the materials of the XXIX International scientific and practical conference. Anapa, 2022. Pp. 87–91.
7. Gorbunova A.A. Escrow account agreement // Stolypin Bulletin. 2022. Vol. 4. No. 6. Pp. 3460–3469.
8. Eseneev E.R. Features of accounting and blocking of funds under the escrow account agreement // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. No. S1.
9. Mishlanova M.Yu., Dubovaya V.A. The system of escrow accounts in the context of project financing of housing construction // Housing Strategies. 2023. Vol. 10. No. 3. pp. 299–316.
10. Kulakov N.Yu., Blaset Castro A.N. Profitability of project financing using escrow accounts for a bank // Chronoeconomics. 2023. pp. 262–265.
11. Kozhinova M.Yu. Phased disclosure of escrow accounts (analysis of the Polish experience) // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 10 (238). P. 307–309.
12. Ustinova L.N., Mukhametzyanova D.D., Avdeev R.A. Efficiency of Project Financing with Escrow Accounts in Housing Construction // Housing Strategies. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 333–350.
13. Avagyan G.L., Bychkova N.P. Legal and Economic Aspects of Project Financing of Housing Construction Using Escrow Accounts: Analysis of Experience and Development Prospects // Natural Sciences and Humanities Studies. 2025. No. 1 (57). P. 448–461.

Функциональный подход к определению пределов автономии воли супругов в имущественных отношениях

Володин Матвей Юрьевич
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, sci.mavo@icloud.com

Введение. Расширение договорных возможностей супругов в регулировании имущественных отношений обусловливает необходимость определения допустимых пределов их автономии воли. В семейно-правовой доктрине соответствующие пределы преимущественно рассматриваются через отдельные законодательные ограничения и правоприменительные механизмы, что не позволяет представить их как взаимосвязанную систему. Цель исследования состоит в разработке модели, позволяющей систематизировать правовые механизмы определения пределов автономии воли супругов в имущественных отношениях. **Методы.** Исследование основано на применении формально-юридического, системно-структурного и сравнительно-правового методов. Формально-юридический метод использован для анализа норм семейного и гражданского законодательства и практики Верховного Суда Российской Федерации, системно-структурный метод был использован для определения критериев разграничения и взаимосвязи уровней предлагаемой модели, а сравнительно-правовой для сопоставления российского регулирования с отдельными механизмами регулирования имущественных отношений супругов в праве Германии и Франции. **Результаты.** Обоснована функциональная модель определения пределов автономии воли супругов, включающая конституционно-ценностный, внутренний семейно-правовой, внешний социально-экономический и функционально-процедурный уровни. Установлено, что указанные уровни разграничиваются по характеру и направленности правового воздействия на автономию воли супругов. Предложено разграничивать статический и динамический способы определения соответствующих пределов, когда при статическом способе юридически значимый факт прямо соотносится с установленным правовым последствием, тогда как динамический способ предполагает конкретизацию предела с учетом совокупности обстоятельств конкретного правоотношения. Сделан вывод о возможности использования предложенной модели для последовательного определения и конкретизации пределов автономии воли супругов при разрешении имущественных споров.

Ключевые слова: семейное право, автономия воли, имущественные отношения супругов, брачный договор, законный режим имущества супругов, договорный режим имущества супругов.

Введение

Несмотря на то, что в цивилистической науке большое внимание уделяется автономии воли и ее отдельным аспектам, в науке семейного права отсутствует единое и полное понимание концептуальной модели, по которой можно было бы системно оценивать допустимые пределы ограничения автономии воли именно супругов в их имущественных правоотношениях. Цель исследования состоит в разработке концептуальной модели определения пределов автономии воли супругов в имущественных отношениях. Для достижения указанной цели необходимо определить критерий систематизации правовых механизмов, воздействующих на автономию воли супругов, установить содержание и взаимосвязь уровней предлагаемой модели, определить способы конкретизации соответствующих пределов, а также сопоставить полученную модель с отдельными зарубежными подходами к регулированию имущественных отношений супругов.

В отечественной цивилистике фундамент понимания диспозитивного начала и автономии воли супругов был заложен М. В. Антокольской, которая определяет расширение договорных возможностей супругов как важный вектор развития семейного законодательства [1, с. 156].

Правовая позиция О. Ю. Косовой относительно автономии воли и договорного регулирования отличается обоснованным скепсисом к диспозитивности [2, с. 112].

А. М. Нечаева критикует попытки отнесения семейных отношений к гражданско-правовым отношениям. Государство дает супругам свободу выбора, например, заключить брачный договор, но устанавливает правила [3, с. 242].

Методы

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод использован при анализе норм семейного и гражданского законодательства и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. Системно-структурный метод применен для определения критериев разграничения и взаимосвязи уровней предлагаемой модели, а сравнительно-правовой для сопоставления российского регулирования с отдельными механизмами регулирования имущественных отношений супругов в праве Германии и Франции. При подготовке рукописи использовалась большая языковая модель ChatGPT, принадлежащая компании OpenAI, в качестве вспомогательного инструмента для структурирования отдельных положений исследования, стилистического редактирования текста, проверки орфографии и пунктуации, совершенствования формулировок, а также помощи в переводе текста иностранных источников с языков, которыми автор не владеет. Полученный с использованием искусственного интеллекта текст подвергался авторской перепроверке и переработке. Отбор источников, их анализ, интерпретация нормативного материала и судебной практики, а также формулирование результатов и выводов исследования осуществлялись автором самостоятельно.

Результаты

Анализ отечественной цивилистической доктрины показывает, что проблема ограничений автономии воли супругов традиционно осмысляется через анализ отдельных законодательных запретов и оценочных категорий. Исследователями подробно описана императивная часть семейного права, однако такие категории как крайне неблагоприятное положение, зачастую исследуются как изолированные конструкции, не имеющие единой связи. В результате в литературе сохраняется фрагментарный подход, при котором статические ограничения оторваны от динамической практики судебного контроля. Предлагаемая модель призвана преодолеть данный доктринальный разрыв.

Предлагаемая модель может быть представлена в виде пирамиды, отражающей последовательность определения пределов автономии воли супругов. Движение от основания к вершине модели означает переход от наиболее общих ограничений, применимых независимо от обстоятельств, к ограничениям, действие которых

обусловлено особенностями конкретного правоотношения. На первом уровне устанавливается соответствие волеизъявления супругов основополагающим принципам права; на втором определяются установленные законодательством императивные пределы такого волеизъявления; на третьем устанавливается наличие и значение прав и законных интересов третьих лиц, затрагиваемых его реализацией; на четвертом оцениваются правовые последствия реализации автономии воли с учетом обстоятельств конкретного дела. Таким образом, уровни модели применяются последовательно, однако необходимость обращения к каждому последующему уровню определяется содержанием конкретного имущественного правоотношения. Графическое представление предлагаемой модели приведено на Рисунке 1.

Рисунок 1. Графическое представление многоуровневой модели ограничения воли супругов

В первую очередь, архитектура представленной модели строится на двух координатах. Ширина блоков по оси абсцисс (по горизонтали) отражает собой фундаментальность и охват правовых отношений. По вертикальной направленности на оси ординат блоки отражают степень конкретизации при применении к конкретному правоотношению.

Конституционно-ценностный уровень представляет собой первоначальный уровень определения пределов автономии воли супругов. Его содержание образуют конституционные принципы и основанные на них начала семейного законодательства, которые определяют общие ограничения автономии воли супругов. Указанные начала задают исходные правовые принципы, которым должна соответствовать реализация супругами предоставленной им автономии воли. Тем самым конституционно-ценностный уровень определяет исходные принципы, в пределах которых такое регулирование осуществляется.

Последующий, внутренний семейно-правовой уровень объединяет установленные законодательством пределы реализации автономии воли супругов в имущественных отношениях. В отличие от конституционно-ценностного уровня, на нем устанавливаются конкретные законодательные предписания, определяющие допустимое содержание и способы реализации автономии воли супругов. Так, согласно п. 3 ст. 42 СК РФ брачный договор не может содержать условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Данное ограничение действует независимо от наличия взаимного и свободно выраженного согласия супругов на включение соответствующего условия в брачный договор [4, с. 49–50]. Таким образом, в рамках предлагаемой модели нормы отраслевого законодательства объединяются на данном уровне по двум критериям. Во-первых, по их обязательности и невозможности устранения соглашением супругов. Во-вторых, по направленности регулирования на имущественные отношения между супругами.

В рамках внутреннего семейно-правового уровня автономия воли супругов подчинена нормативным границам, например, возникновения законного режима имущества по ст. 10 и ст. 34 СК РФ. Как иллюстрирует Определение Верховного Суда № 18-КГ24-353-К4 от 4 февраля 2025 г., воля сторон на совместное проживание и ведение быта после официального расторжения брака не способна продлить действие режима совместной собственности. Значение данного примера для предлагаемой модели состоит в демонстрации предела автономии воли на внутреннем семейно-правовом уровне, когда фактическое поведение сторон и наличие направленной на продолжение совместной жизни воли сами по себе не способны распространить режим имущества супругов на отношения, возникающие после прекращения зарегистрированного брака.

Третий, внешний социально-экономический уровень охватывает ограничения автономии воли супругов, возникающие в случаях, когда реализация ими имущественных прав и обязанностей выходит за пределы имущественных отношений между супругами и затрагивает права и законные интересы третьих лиц. Критерием выделения данного уровня выступает направленность ограничивающего воздействия, а именно случаи, когда автономия воли супругов соотносится с правами и законными интересами третьих лиц. На этом уровне, к примеру, находятся интересы кредиторов по отношению к одному или обоим супругам, корпоративные отношения, последствия несостоятельности [5, с. 88]. В условиях того, как супруги выступают активными участниками гражданских правоотношений, выступают должниками и кредиторами, участвуют в управлении корпоративными структурами, законодательство содержит в себе нормы, которые регулируют такие отношения и, соответственно, ограничивают автономию их воли по отношению к третьим лицам [6, с. 102]. Внешний социально-экономический уровень охватывает случаи, когда реализация автономии воли супругов приобретает самостоятельное юридическое значение в иных правоотношениях.

На внешнем социально-экономическом уровне модель ограничивает возможности супругов по одностороннему изменению объема обязательств перед третьими лицами [7, с. 87]. Определение Верховного Суда по делу № 10-КГ24-1-К6 от 17 декабря 2024 г. демонстрирует, что воля одного из супругов на вступление в обязательство не связывает второго супруга. Для перехода этого обязательства в совместное для супругов воля одного супруга должна быть подкреплена доказательствами реального расходования средств на нужды семьи, что защищает интересы неосведомленного супруга и устойчивость гражданского оборота.

Последним уровнем выступает функционально-процедурный, отражающий реализацию и конкретизацию автономии воли супругов в рамках юридических процедур применительно к обстоятельствам конкретного имущественного правоотношения. Иными словами, критерием выделения данного уровня является возникновение юридической процедуры, посредством которой волеизъявление супругов оформляется, проверяется, реализуется либо, при наличии спора, замещается правоприменительным решением. Такое разграничение позволяет отделить нормативное основание ограничения автономии воли от механизма его реализации. На данном уровне у супругов также появляется право заключения отдельных брачных соглашений, которые дополнительно могут создавать диспозитивные ограничения, что делает данный уровень еще более неустойчивым и вариативным [8, с. 94].

Тем не менее, разграничение уровней предлагаемой модели осуществляется по функциональному критерию, то есть в зависимости от характера и направленности воздействия соответствующего правового механизма на автономию воли супругов. Конституционно-ценностный уровень определяет исходные принципы и общие пределы реализации автономии воли; внутренний семейно-правовой уровень охватывает конкретные нормативные ограничения, непосредственно регулирующие имущественные отношения между супругами; внешний социально-экономический уровень отражает ограничения, обусловленные выходом реализации автономии супругов за пределы их внутренних отношений и необходимостью учета прав и законных интересов третьих лиц; функционально-процедурный уровень характеризует механизм реализации и конкретизации установленных пределов в рамках конкретной юридической процедуры, включая их индивидуализацию при правоприменении. При этом уровни модели не представляют собой взаимоисключающие группы правовых норм. Одно имущественное правоотношение может последовательно затрагивать несколько уровней, поскольку каждый из них отражает самостоятельный аспект пределов автономии воли.

Наравне с этим, сравнительно-правовой анализ зарубежного правового регулирования позволяет рассматривать ограничения автономии воли супругов в качестве универсального правового механизма, присущего континентальной правовой традиции. Рассматривая законодательство и правоприменение Федеративной Республики Германия и Французской Республики, можно увидеть, что в зарубежных странах существуют уникальные правовые институты, которые находят отражение в предлагаемой многоуровневой модели.

В германском праве, в отличие от российского права и других континентальных систем, законный режим имущества супругов

Zugewinngemeinschaft по умолчанию подразумевает, что на протяжении брака имущество супругов не становится общим и каждый супруг остается единственным собственником приобретаемого им имущества, которое записано на его имя. При расторжении брака задействуется институт Zugewinnausgleich, что означает выравнивание прироста имущества [9, с. 125–126]. Если режим Zugewinngemeinschaft не подходит супругам, они вправе изменить его через брачный договор и заменить его на другие режимы имущества, к примеру, Gütertrennung, то есть полная раздельность имущества, или Gütergemeinschaft, то есть полная общность.

В германском праве наиболее ярким выражением выступает режим полной раздельности имущества Gütertrennung. Посредством брачного договора супруги вправе полностью исключить действие законного режима имущества супругов в приросте имущества (Zugewinngemeinschaft), сохранив обособленность принадлежащего им имущества как в период брака, так и при его расторжении. Вместе с тем судебный контроль ограничивает проявления свободы договора через механизм судебного контроля содержания соглашений. В случаях, когда установление режима раздельности вызвано использованием одним из супругов своего доминирующего экономического или социального положения, а условия договора ставят второго супруга в явно неблагоприятное положение, такое волеизъявление признается недействительным в силу нарушения принципа добрых нравов по § 138 Германского гражданского уложения. В рамках предлагаемой модели данный подход иллюстрирует сдерживающее воздействие на функционально-процедурном уровне, гарантирующего защиту слабой стороны вопреки формально выраженной воле.

Доктор Ансгар Беккерфордерзандфорт и Карина Клённе в своей статье рассматривают еще один аспект правоприменения [10, с. 169]. Они отмечают, что главная проблема возникает, когда у обязанного супруга нет достаточных денежных средств для выплаты компенсации, и выравнивание происходит натуральным имуществом, а не денежным эквивалентом.

Рассмотренный узкоспециализированный институт представляет интерес для предлагаемой модели как пример выхода последствий реализации автономии воли супругов за пределы их внутренних имущественных отношений. Тем самым Güterstandsschaukel иллюстрирует значение выделяемого в предлагаемой модели внешнего социально-экономического уровня, так как реализация автономии воли супругов может одновременно приобретать самостоятельное юридическое значение в иных правоотношениях.

Самобытная правовая конструкция представлена и во французском гражданском праве в форме режима участия в приросте имущества, так называемый régime de participation aux acquêts по ст. 1569–1581 Гражданского кодекса Франции. Данный режим функционирует в двухфазном режиме, когда во время брака имущество каждого супруга, приобретенное им, принадлежит ему на праве личной собственности, что предоставляет каждому из супругов самостоятельность распоряжения собственным имуществом и снимает с них обязанность получать согласие второго супруга. Сумма, на которую увеличилась стоимость имущества каждого из супругов за время брака, сопоставляется, а возникшая разница подлежит равному распределению. В научно-доктринальном исследовании нотариуса Николя Дюшана внимание обращено на последствия чрезмерного сближения режима участия в приросте имущества с режимом общности [11, с. 4]. Н. Дюшан обращает внимание на широкую свободу брачных соглашений и возможность изменения супругами размера участия в приросте имущества. Следовательно, установленное законом равное участие не следует рассматривать как неизменное ограничение автономии воли супругов. Однако, рассмотренная доктринальная дискуссия показывает, что установленная законом модель имущественного режима сама по себе не должна быть пределом автономии воли супругов.

Следует отдельно сказать о механизме срабатывания многоуровневой модели, а именно рассмотреть механизм определения пределов автономии воли. В зависимости от изменяющихся обстоятельств конкретного правоотношения можно выделить статический и динамический способы определения таких пределов. Статический способ предполагает, что предел автономии воли следует из заранее установленного предписания и для определения его содержания не требуется учет фактических обстоятельств. Например, требование о нотариальном удостоверении брачного договора действует в силу прямого указания закона и не зависит от имущественного положения супругов или иных обстоятельств.

Динамический способ, напротив, предполагает, что предел автономии воли определяется с учетом фактических обстоятельств соответствующего правоотношения и может изменяться вместе с ним. При таком механизме фактические обстоятельства сами по себе не являются ограничителями автономии воли. Динамический характер может проявляться, в частности, при применении оценочных правовых категорий, содержание которых конкретизируется правоприменителем к обстоятельствам отдельного дела.

Разграничение статического и динамического способов определения пределов автономии воли имеет прикладное значение для правоприменения. Правоприменительная задача в этом случае заключается в установлении юридически значимого факта и применении непосредственно связанного с ним правового последствия.

При динамическом способе одного установления факта недостаточно для определения конкретного предела автономии воли. Например, при разрешении вопроса о том, ставят ли условия брачного договора одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, значение может иметь не сколько формальное содержание соответствующих условий, а сколько их имущественные последствия для супругов, устанавливаемые и оцениваемые судом по отношению к конкретному делу [12, с. 70]. Таким образом, различие между статическим и динамическим способами состоит в степени индивидуализации правовой оценки. Оба способа могут применяться в рамках одного имущественного спора, когда первоначально суд устанавливает юридические факты и применимые к ним нормы, а при необходимости обращается к оценочным категориям и индивидуализирует их содержание с учетом обстоятельств правоотношения.

В результате в судебной практике образуются тенденции, которые демонстрируют переход от приверженности статическому способу определения пределов автономии воли к более динамической модели. Так, Ю.И. Фроловская отмечает, что в правовых позициях Верховного Суда РФ с 2020 г. прослеживается усиление внимания к установлению действительного источника средств, за счет которых было приобретено спорное имущество, наряду с традиционно учитываемым моментом времени его приобретения [13, с. 19]. Однако такая тенденция сама по себе не свидетельствует о переходе от статического к динамическому способу определения пределов автономии воли.

Обсуждение

Многоуровневые модели уже представлены в цивилистической доктрине. Так, М. Ф. Казанцевым предложена многоуровневая классификация условий гражданско-правового договора по объему свободы сторон в их определении. Автор разграничивает свободу сторон в определении состава договорных условий и свободу в определении их содержания, последовательно подразделяя условия на обязательные, дозволенные и недопустимые, а также на предопределенные и непредопределенные [14, с. 431–437]. В отличие от указанного подхода, предлагаемая модель характеризует не объем сохраняющейся у субъектов свободы, а функциональную направленность правового воздействия на автономию воли супругов. А. Г. Карапетов и А. И. Савельев при исследовании пределов свободы договора разграничивают предварительный и последующий контроль договорной свободы. Первый предполагает установление законодательством заранее определенных пределов согласования договорных условий, тогда как второй связан с последующей правовой оценкой уже согласованных условий [15, с. 5–19]. Данный подход разграничивает механизмы ограничения договорной свободы по способу и моменту времени осуществления контроля, в то время как предлагаемая модель основана на ином, функциональном, критерии, отражающем характер и направленность правового воздействия на автономию воли супругов. Можно увидеть, что предлагаемая модель отличается от указанных подходов критерием построения. Ее уровни, в отличие от других многоуровневых классификаций, определяются характером и направленностью правового воздействия на автономию воли супругов для определения ее пределов.

Заключение

Таким образом, автономия воли супругов в имущественных отношениях не является абсолютной и реализуется в пределах,

определяемых системой взаимосвязанных правовых механизмов. Предложенная многоуровневая модель позволяет систематизировать такие пределы в зависимости от характера и направленности их воздействия на имущественные отношения супругов. Выделенные уровни модели не образуют новой иерархии правовых норм и не являются взаимоисключающими. Дополнительным элементом модели выступает разграничение статического и динамического способов определения пределов автономии воли. При статическом способе установленный юридически значимый факт соотносится с заранее определенным правовым последствием, тогда как динамический способ предполагает индивидуализацию правовой оценки посредством учета совокупности юридически значимых обстоятельств и применения оценочных правовых категорий. Прикладное значение предлагаемой модели состоит в системном рассмотрении различных правовых механизмов определения пределов автономии воли супругов в их взаимосвязи. В отличие от фрагментарного рассмотрения отдельных законодательных ограничений, предлагаемая модель позволяет рассматривать определение пределов автономии воли как последовательный процесс, включающий установление основополагающих правовых принципов, определение нормативных пределов внутренних имущественных отношений супругов, учет прав и законных интересов третьих лиц и реализацию соответствующих пределов в рамках процедур и правоприменения.

Литература

1. Антокольская М. В. Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2002. – 336 с.
2. Косова О. Ю. Семейное право : учебник / О. Ю. Косова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 559 с.
3. Нечаева А. М. Особенности воздействия законодательства на институт семьи / А. М. Нечаева // Актуальные проблемы государства и права / отв. ред. А. Г. Лисицын-Светланов. – Москва : ИГП РАН, 2009. – С. 240–250.
4. Цвиль Ю. А. Признание брачного договора недействительным по причине крайне неблагоприятного положения одного из супругов / Ю. А. Цвиль, Б. И. Ермишин // Интернаука. – 2025. – № 25-3(389). – С. 49–50.
5. Кецко Е. В. Некоторые вопросы реализации гарантий прав кредиторов при заключении, изменении и расторжении брачного договора // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2014. — № 9 (131). — С. 86–91.
6. Потапова Н. В. Брачный договор: информационное обеспечение интересов кредиторов и иных третьих лиц // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». — 2013. — № 3. — С. 101–104.
7. Шершень Т. В. Брачный договор и гарантии прав кредитора супруга-должника // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2007. — № 8 (13). — С. 86–90.
8. Кудрявцева Л. В., Утов Д. А. Актуальные проблемы договорного режима имущества супругов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2024. — № 4. — С. 92–96.
9. Lüderitz, A. Familienrecht : Ein Studienbuch / A. Lüderitz. — 27. Aufl. — München : C.H. Beck, 2004. — 489 s.
10. Beckervordersandfort, M. Chancen und Risiken des gegenständlichen Zugewinnausgleichs im Rahmen der Güterstandsschaukel / M. Beckervordersandfort, A. Klönne // Zeitschrift für das gesamte Erbrecht (ErbR). – 2024. – Heft 2. – S. 175–182.
11. Duchange, N. Qu'est-ce donc que participer aux acquêts? / N. Duchange. — Text : unmediated // La Semaine Juridique — Notariale et Immobilière. — 2021. — № 37. — P. 1–12.
12. Темникова Н. А. Признание брачного договора недействительным в связи с тем, что его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2022. — Т. 19, № 4. — С. 68–75.
13. Фроловская Ю. И. Современные тенденции судебной практики по установлению правового режима имущества супругов / Ю. И. Фроловская // Семейное и жилищное право. – 2026. – № 1. – С. 18–20.
14. Казанцев М. Ф. Классификация условий гражданско-правового договора по объему свободы сторон в их определении // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2010. — Вып. 10. — С. 427–444.
15. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. — М. : Статут, 2012. — 451, [1] с.

A functional approach to determining the limits of spouses' autonomy of will in property relations

Volodin M.Y.
Saint-Petersburg State University of Economics

Introduction. The expansion of spouses' contractual opportunities in regulating property relations necessitates defining the permissible limits of their autonomy of will. In family law doctrine, such limits are predominantly examined through individual statutory restrictions and law-enforcement mechanisms, which prevents them from being conceptualized as an interconnected system. The purpose of this study is to develop a model that systematizes the legal mechanisms for determining the limits of spouses' autonomy of will in property relations. **Methods.** The study employs formal legal, systemic-structural, and comparative legal methods. The formal legal method was used to analyze the provisions of family and civil legislation and the case law of the Supreme Court of the Russian Federation; the systemic-structural method was applied to identify the criteria for distinguishing and interrelating the levels of the proposed model; and the comparative legal method was used to compare Russian regulation with selected mechanisms governing spouses' property relations under German and French law**. Results.** A functional model for determining the limits of spouses' autonomy of will is substantiated, comprising the constitutional-value, internal family-law, external socio-economic, and functional-procedural levels. It is established that these levels are distinguished according to the nature and direction of the legal impact on spouses' autonomy of will. A distinction is proposed between static and dynamic methods for determining the relevant limits: under the static method, a legally significant fact is directly correlated with a predetermined legal consequence, whereas the dynamic method involves specifying the applicable limit in light of the totality of circumstances of a particular legal relationship. It is concluded that the proposed model may be used for the consistent determination and specification of the limits of spouses' autonomy of will in resolving property disputes.

Keywords: family law, autonomy of will, spouses' property relations, marriage contract, statutory matrimonial property regime, contractual matrimonial property regime.

References

1. Antokol'skaya M. V. Semejnoe pravo : uchebnik / M. V. Antokol'skaya. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Yurist", 2002. 336 s.
2. Kosova O. Yu. Semejnoe pravo : uchebnik / O. Yu. Kosova. 2-e izd., pererab. i dop. Irkutsk : Irkutskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury RF, 2016. 559 s.
3. Nechaeva A. M. Osobennosti vozdejstviya zakonodatel'stva na institut sem'i / A. M. Nechaeva // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / otv. red. A. G. Lisicyn-Svetlanov. Moskva : IGP RAN, 2009. S. 240–250.
4. Cvil' Yu. A. Priznanie brachnogo dogovora nedejstvitel'nym po prichine krajne neblagopriyatnogo polozheniya odnogo iz suprugov / Yu. A. Cvil', B. I. Ermishin // Internauka. 2025. No 25-3(389). S. 49–50.
5. Kecko E. V. Nekotorye voprosy realizacii garantij prav kreditorov pri zaklyuchenii, izmenenii i rastorzhenii brachnogo dogovora // Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». 2014. No 9 (131). S. 86–91.
6. Potapova N. V. Brachnyj dogovor: informacionnoe obespechenie interesov kreditorov i inyh tret'ih lic // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2013. No 3. S. 101–104.
7. Shershen' T. V. Brachnyj dogovor i garantii prav kreditora supruga-dolzhnika // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2007. No 8 (13). S. 86–90.
8. Kudryavceva L. V., Utov D. A. Aktual'nye problemy dogovornogo rezhima imushchestva suprugov // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. No 4. S. 92–96.
9. Lüderitz, A. Familienrecht : Ein Studienbuch / A. Lüderitz. — 27. Aufl. — München : C.H. Beck, 2004. — 489 s.
10. Beckervordersandfort, M. Chancen und Risiken des gegenständlichen Zugewinnausgleichs im Rahmen der Güterstandsschaukel / M. Beckervordersandfort, A. Klönne // Zeitschrift für das gesamte Erbrecht (ErbR). – 2024. – Heft 2. – S. 175–182.
11. Duchange, N. Qu'est-ce donc que participer aux acquêts? / N. Duchange. — Text : unmediated // La Semaine Juridique — Notariale et Immobilière. — 2021. — No 37. — P. 1–12.
12. Temnikova N. A. Priznanie brachnogo dogovora nedejstvitel'nym v svyazi s tem, chto ego usloviya stavyat odnogo iz suprugov v krajne neblagopriyatnoe polozhenie // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2022. T. 19, No 4. S. 68–75.
13. Frolovskaya Yu. I. Sovremennye tendencii sudebnoj praktiki po ustanovleniyu pravovogo rezhima imushchestva suprugov / Yu. I. Frolovskaya // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2026. No 1. S. 18–20.
14. Kazancev M. F. Klassifikaciya uslovij grazhdansko-pravovogo dogovora po ob"emu svobody storon v ih opredelenii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. Vyp. 10. S. 427–444.

К вопросу о правовом регулировании альтернативного индивидуального учета тепловой энергии

Воробьев Андрей Васильевич
аспирант, Институт аспирантура и докторантура, Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), info@450040.ru

В статье рассматриваются отдельные проблемы правового регулирования учета тепловой энергии в нежилых помещениях многоквартирных домов, в которых по конструктивным особенностям внутридомовой системы отопления отсутствует техническая возможность установки индивидуальных приборов учета. Обосновывается необходимость формирования правового механизма альтернативного индивидуального учета тепловой энергии, основанного на использовании распределителей тепла, датчиков температуры и иных технических средств, позволяющих определить объем тепловой энергии, относимый к конкретному помещению. Исследуется соотношение индивидуального приборного учета и предлагаемой модели альтернативного учета, выявляются существующие правовые ограничения ее применения. Делается вывод о том, что альтернативный индивидуальный учет тепловой энергии в настоящее время не имеет завершенной технической реализации и требует дальнейшей научной разработки методов определения фактического объема теплопотребления и его использования при коммерческих расчетах. Предлагаются направления совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: теплоснабжение, тепловая энергия, учет тепловой энергии, индивидуальный прибор учета, альтернативный индивидуальный учет, распределитель тепла, нежилое помещение, многоквартирный дом, вертикальная разводка, коммерческий учет, энергосбережение, энергетическое право.

Одной из актуальных проблем правового регулирования теплоснабжения нежилых помещений в многоквартирных домах является обеспечение возможности индивидуального учета потребляемой тепловой энергии. Особую сложность представляет ситуация, при которой конструктивные особенности внутридомовой системы отопления не позволяют установить в отдельном нежилом помещении индивидуальный прибор учета тепловой энергии. Такая ситуация обусловлена совокупностью технических особенностей организации внутридомовой системы отопления, которые могут препятствовать как индивидуализации теплопотребления отдельного помещения, так и его непосредственному подключению к тепловой сети.

Возникновение указанной проблемы обусловлено прежде всего конструктивными особенностями существующих систем отопления, а также особенностями распределения тепловой энергии внутри многоквартирного дома. В зависимости от схемы организации внутридомовых инженерных систем возникают различные технические и связанные с ними правовые препятствия для индивидуализации теплопотребления.

Во-первых, техническая возможность подключения напрямую к магистральным сетям может быть ограничена конструктивными особенностями внутридомовых инженерных систем, где индивидуальный ввод через общедомовые трубы создаёт риск нарушения режима работы всего дома.

Во-вторых, даже при наличии отдельного договора собственник не освобождается от участия в расходах на содержание общего имущества дома, включая внутридомовые тепловые сети, стояки и элементы запорно-регулирующей арматуры, что приводит к двойной финансовой нагрузке и формированию конфликтных ситуаций.

В-третьих, отсутствует единый подход к учёту и перераспределению общедомовых расходов между собственниками, заключившими прямые договоры, и остальными участниками коллективной системы, что создаёт правовую неопределённость и повышает риск судебных споров.

В техническом плане для решения данной ситуации представляется правильным формирование новой системной модели организации теплоснабжения нежилых помещений как в МКД так и в нежилых зданиях с обязательным требованием по проектированию и строительству системы отопления исключительно с горизонтальной разводкой, при этом теплопотребляющие установки (радиаторы, стояки и т.п.), относящиеся к общему имуществу объектов недвижимости, должны иметь свой отдельный тепловой ввод, который должен быть оборудования прибором учета.

При этом в настоящее время одной из ключевых проблем правового регулирования теплоснабжения нежилых помещений в многоквартирных домах является отсутствие возможности использования в отдельных случаях индивидуальных приборов учёта тепловой энергии. Проблема носит одновременно технический, экономический и правовой характер и непосредственно влияет на реализацию прав собственников помещений, их участие в прямых договорах с ресурсоснабжающими организациями, а также на справедливость распределения расходов на отопление.

Техническая невозможность установки приборов учёта тепловой энергии возникает в первую очередь из-за конструктивных особенностей многоквартирного дома. В ряде зданий внутридомовые сети отопления проложены таким образом, что индивидуальные ветви к нежилым помещениям объединены с системой отопления других помещений и общедомовыми инженерными коммуникациями. В таких случаях установка отдельного прибора учета на вводе в помещение не обеспечивает корректного измерения объёма потреблённой тепловой энергии, поскольку часть ресурса расходуется на отопление общедомовых помещений, циркуляцию теплоносителя и компенсацию теплопотерь в инженерных сетях. Любая попытка монтажа индивидуального прибора без переработки внутридомовой схемы приводит к искажению данных, нарушению гидравлического баланса системы и потенциальным техническим авариям.

Правовая неопределённость возникает в связи с тем, что нормы Правил РФ № 354 и Правил № 808 предусматривают обязанность потребителей оплачивать фактическое потребление тепловой энергии на основе приборов учёта, а при их отсутствии — расчёт произ-

водится по нормативам (для помещений в МКД) [1, 2]. Для собственников нежилых помещений это создаёт ситуацию, когда использование помещения носит коммерческий характер, потребление тепла значительно превышает нормативы, а возможности индивидуального учёта нет. В результате собственники оплачивают как нормативное потребление, так и пропорциональную долю общедомовых расходов, что может приводить к дисбалансу между фактическими затратами на отопление и начисляемыми платежами.

Ситуация усугубляется ограничениями по модернизации и реконструкции внутридомовых инженерных систем. Проектные решения и конструктивные особенности нежилого здания или многоквартирного дома часто не позволяют без существенного вмешательства в общедомовые сети установить отдельные узлы учёта, а согласование таких изменений требует участия всех собственников дома, проведения инженерных экспертиз и внесения изменений в общедомовую инфраструктуру. На практике это делает техническую возможность установки индивидуальных приборов учёта для нежилых помещений крайне ограниченной, особенно в старых домах с централизованным отоплением и вертикальной разводкой системы отопления.

Отсутствие возможности индивидуального учёта тепловой энергии имеет не только экономические последствия, но и правовые. Собственники нежилых помещений формально остаются субъектами права на заключение прямого договора с теплоснабжающей организацией, однако реализация этого права в части установления способа определения объекта тепловой энергии фактически блокируется конструктивными ограничениями. В сочетании с обязанностью участвовать в общедомовых расходах данная ситуация создаёт конфликт между правом собственности и экономической обоснованностью начислений, повышая риск юридических споров и затрудняя применение справедливого распределения расходов на отопление.

При этом как подчёркивал Верховный Суд РФ одним из принципов законодательства в сфере энергоснабжения является приоритет учетного способа подсчета ресурсов над расчетным, поэтому наличие введенного в установленном порядке в эксплуатацию сертифицированного и поверенного прибора учета энергии предполагает необходимость исчисления ее количества по показаниям такого прибора учета [3].

Согласно частям 1, 2 и 7 статьи 13 Федерального закона № 261-ФЗ производимые, передаваемые и потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета, при этом расчеты за энергетические ресурсы должны осуществляться на основании определенных с их помощью количественных показателей. В отношении многоквартирных домов законодатель дополнительно устанавливает требование об оснащении домов, вводимых в эксплуатацию с 1 января 2012 года после строительства и реконструкции, индивидуальными приборами учета используемой тепловой энергии [4].

Приказом Минстроя России от 28.08.2020 N 485/пр утверждены критерии наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного), коллективного (общедомового) приборов учета (далее - Критерии) [5].

В пункте 3 Критериев предусмотрено, что техническая возможность установки в помещении многоквартирного дома, за исключением многоквартирного дома, указанного в пункте 5 настоящего документа, индивидуального, общего (квартирного) прибора учета тепловой энергии отсутствует, если по проектным характеристикам многоквартирный дом имеет вертикальную разводку внутридомовых инженерных систем отопления.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2013 N АКПИ13-540 отказано в признании недействующим пункта 3 ранее действующих (аналогичных вышеуказанным) Критериев [6]. Судом подтверждено, что в случае, если по проектным характеристикам отсутствует возможность установки в доме индивидуальных приборов учета используемой тепловой энергии, то при вертикальной разводке внутридомовой инженерной системы отопления не исключена возможность установки распределителей затрат на отопление. Индивидуальные приборы учета тепловой энергии и распределители затрат на отопление являются различными техническими устройствами как по принципу их действия, так и по способу установки [7].

В этой связи в судебной практике суды отказывают предпринимателям (потребителям тепловой энергии) в установке в своих нежилых помещениях индивидуальных приборов учета при наличии вертикальной разводки системы отопления.

Так Арбитражный суд Западно-Сибирского округа от 19.07.2021 по делу N А03-10423/2020 указал, что довод предпринимателя о неправомерном применении судами положений Приказов N 627 и N 485/пр с учетом пункта 7 статьи 13 Закона об энергосбережении был рассмотрен судами и обоснованно отклонен в ввиду установления обстоятельств того, что через нежилое помещение, принадлежащее предпринимателю, проходят стояки системы отопления жилого дома, узел учета потребителя учитывает не все тепловые потоки, проходящие через нежилое помещение, в помещении предпринимателя отсутствует техническая возможность установки прибора учета тепловой энергии. Суд указал, что истцом не представлены доказательства, свидетельствующие о соответствии показаний установленного им ИПУ количеству фактически поставленной в помещение тепловой энергии, возможности учета объема ресурса с помощью ИПУ без проведения мероприятий по реконструкции либо проведения капитального ремонта внутридомовых сетей [8].

По мнению автора в закон о теплоснабжении [9] следует ввести такое понятие «альтернативный индивидуальный учет тепловой энергии», т.е. систему учета, основанная на использовании распределителей тепла, датчиков температуры и иных средств, обеспечивающих определение доли тепловой энергии, потребленной конкретным помещением.

При этом необходимо учитывать, что концепция альтернативного индивидуального учета тепловой энергии в настоящее время не получила полноценной технической реализации. Использование распределителей тепла, датчиков температуры и иных средств само по себе еще не образует завершенной системы коммерческого учета, поскольку требует разработки научно обоснованного метода определения фактического количества тепловой энергии, потребленного конкретным помещением, и его последующего пересчета в расчетные единицы.

Следовательно, предлагаемая автором конструкция предполагает не только изменение действующего правового регулирования, но и проведение дальнейших научно-технических исследований, направленных на разработку принципов, методики и алгоритмов альтернативного индивидуального учета тепловой энергии. В настоящее время такая система может рассматриваться именно как перспективное направление научно-технической разработки, реализация которого потребует формирования новых подходов к измерению, расчету и юридическому признанию результатов учета.

В этой связи после разработки и нормативного утверждения соответствующей технической и расчетной методики в Правилах № 354 целесообразно предусмотреть возможность применения средств альтернативного индивидуального учета тепловой энергии собственниками нежилых помещений в многоквартирных домах с вертикальной разводкой системы отопления при отсутствии технической возможности установки индивидуального прибора учета.

Вместе с этим также следует конкретизировать правовые понятия «вертикальная разводка внутридомовой инженерной системы отопления» и «горизонтальная разводка внутридомовой инженерной системы отопления» и ввести такие термины на законодательном уровне.

При этом в целях эффективного и рационального использования тепловой энергии целесообразно признать обязательной установку распределителей тепла в нежилых помещениях с вертикальной разводкой с использованием их в качестве легальных (коммерческих) приборов учета тепловой энергии, на основании показаний которых будут производится расчеты с теплоснабжающей организацией, с одновременной разработкой методики перерасчета показаний распределителей в реальные гигакалории. Вместе с этим необходимо снять ограничения о необходимости наличия распределителей в более 50 процентов общей площади всех жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме в целях их использования и применения.

Иной правовой подход ставит в неравное положение отдельных собственников нежилых помещений, которые заключили договор теплоснабжения и согласовали в дальнейшем установку и порядок оплаты на основании показаний распределителей.

По состоянию на 14.09.2026 автор настоящего исследования отмечает, что Правительство Российской Федерации внесло на рассмотрение Государственной Думы проект федерального закона «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» [10]. Законопроект направлен на устранение правовых коллизий в части требований к оснащению индивидуальными приборами учёта тепловой энергии многоквартирных домов с вертикальной разводкой системы отопления.

Законопроектом предлагается исключить из части 7 статьи 13 Федерального закона № 261-ФЗ формулировку, устанавливающую обязанность дополнительного оснащения индивидуальными приборами учёта тепловой энергии многоквартирных домов, вводимых в эксплуатацию с 1 января 2012 года.

По мнению авторов законодательной инициативы это позволит снять противоречие между требованиями к домам, введённым в эксплуатацию после строительства/реконструкции, и домам после капитального ремонта, позволит обеспечить гибкий подход к учёту тепла (подтверждение возможности использования в домах с вертикальной разводкой альтернативных средств измерения, которые позволяют определять объём потреблённой тепловой энергии и применять эти данные при расчётах платы за отопление), обеспечить сохранение курса на энергоэффективность (предлагаемые изменения не снижают требований к энергосбережению, но делают регулирование более практико-ориентированным) и сохранить положительный социально-экономический эффект (упрощение правоприменения выгодно как потребителям коммунальных услуг, так и управляющим компаниям и ресурсоснабжающим организациям).

Однако из анализа проектируемой нормы вышеуказанного законопроекта видно, что данное изменение не позволит достичь цели, поставленной в проекте закона (пояснительной записке), так как обязывает после осуществления строительства, реконструкции и капитального ремонта устанавливать в многоквартирных домах, вводимых в эксплуатацию с 1 января 2012, индивидуальные приборы учета тепловой энергии только при наличии технической возможности их установки, что ухудшает положение потребителей. При этом действующая редакция части 7 статьи 13 Федерального закона № 261-ФЗ требует установки индивидуальных приборов учета тепловой энергии вне зависимости от наличия технической возможности их установки во всех случаях (строительство, реконструкция), кроме капитального ремонта.

По мнению автора, для достижения цели, поставленной в предлагаемой редакции законопроекте следует исключить фразу «при наличии технической возможности их установки» в части 7 статьи 13 Федерального закона № 261-ФЗ, что позволит распространить обязательное требование об установке индивидуальных приборов учета тепловой энергии в том числе и при проведении капитального ремонта МКД.

Таким образом, альтернативный индивидуальный учет тепловой энергии следует рассматривать как перспективную правовую и научно-техническую конструкцию, направленную на обеспечение индивидуализации теплопотребления нежилого помещения в случаях, когда установка индивидуального прибора учета технически невозможна. Вместе с тем на современном этапе данная концепция не имеет завершенной технической реализации и не может быть сведена к простому использованию отдельных распределителей тепла или датчиков температуры. Ее практическое внедрение требует разработки новых научных подходов к определению фактического объема теплопотребления, формированию соответствующей методики расчетов и обеспечению достоверности получаемых результатов.

В связи с этим дальнейшее развитие альтернативного индивидуального учета должно осуществляться на стыке юридической и технической науки, а его нормативное закрепление основываться на предварительно разработанной и апробированной технической модели, позволяющей преобразовывать результаты измерений в юридически значимые показатели коммерческого учета тепловой энергии. Именно это определяет необходимость дальнейших междисциплинарных исследований и разработки соответствующего нормативного и технического инструментария.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 N 354 (ред. от 19.12.2025) "О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов" // "Собрание законодательства РФ", 30.05.2011, N 22, ст. 3168
2. Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 N 808 (ред. от 31.03.2025) "Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 20.08.2012, N 34, ст. 4734
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.02.2018 N 305-ЭС17-14967 по делу N А40-151898/2016 // СПС «Консультант Плюс»
4. Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Парламентская газета", N 63, 27.11-03.12.2009
5. Приказ Минстроя России от 28.08.2020 N 485/пр "Об утверждении критериев наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного), коллективного (общедомового) приборов учета, а также формы акта обследования на предмет установления наличия (отсутствия) технической возможности установки таких приборов учета и порядка ее заполнения" // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 15.09.2020
6. Решение Верховного Суда РФ от 24.06.2013 N АКПИ13-540 <Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 3 критериев наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного), коллективного (общедомового) приборов учета, утв. Приказом Минрегиона России от 29.12.2011 N 627> // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 2, февраль, 2014.
7. Приказ Минрегиона России от 29.12.2011 N 627 "Об утверждении критериев наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного), коллективного (общедомового) приборов учета, а также формы акта обследования на предмет установления наличия (отсутствия) технической возможности установки таких приборов учета и порядка ее заполнения" // "Российская газета", N 109, 16.05.2012
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.07.2021 N Ф04-3344/2021 по делу N А03-10423/2020 // СПС «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 27.07.2010 N 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) "О теплоснабжении" // "Российская газета", N 168, 30.07.2010
10. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 1212352-8 О внесении изменения в статью 13 Федерального закона "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1212352-8 (дата обращения 14.09.2026)

On the Legal Regulation of Alternative Individual Thermal Energy Metering

Vorobyev A.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines certain legal issues related to thermal energy metering in non-residential premises of apartment buildings where the design characteristics of the internal heating system make the installation of individual thermal energy meters technically impossible. The author substantiates the need to develop a legal framework for alternative individual thermal energy metering based on heat cost allocators, temperature sensors and other technical means capable of determining the amount of thermal energy attributable to a particular premises. The article considers the relationship between conventional metering and the proposed alternative approach and identifies the existing legal limitations on its application. It is concluded that alternative individual thermal energy metering has not yet achieved full technical implementation and requires further scientific development of methods for determining the actual amount of heat consumed and using the resulting data for commercial settlements. The author proposes directions for improving the legal regulation in this field.

Keywords: heat supply, thermal energy, thermal energy metering, individual metering device, alternative individual thermal energy metering, heat cost allocator, non-residential premises, apartment building, vertical heating distribution, commercial metering, energy saving, energy law.

References

1. RF Government Resolution of 06.05.2011 N 354 (as amended on 19.12.2025) "On the Provision of Public Utilities to Owners and Users of Premises in Apartment Buildings and Residential Buildings" // "Collection of Russian Federation Legislation", 30.05.2011, N 22, Art. 3168
2. RF Government Resolution of 08.08.2012 N 808 (as amended on 31.03.2025) "On the Organization of Heat Supply in the Russian Federation and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // "Collection of Russian Federation Legislation", 20.08.2012, N 34, Art. 4734
3. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.02.2018 No. 305-ES17-14967 in case No. A40-151898/2016 // SPS "Consultant Plus"
4. Federal Law dated 23.11.2009 No. 261-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Energy Saving and on Improving Energy Efficiency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Parliamentary Newspaper", No. 63, 27.11-03.12.2009
5. Order of the Ministry of Construction of Russia dated 28.08.2020 No. 485/pr "On approval of the criteria for the presence (absence) of the technical possibility of installing individual, common (apartment), collective (common house) metering devices, as well

as the form of the inspection report to establish the presence (absence) of the technical feasibility of installing such metering devices and the procedure for filling it out" // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 15.09.2020
6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.06.2013 N AKPI13-540 <On refusal to satisfy the application for recognition as invalid of paragraph 3 of the criteria for the presence (absence) of the technical feasibility of installing individual, common (apartment), collective (common house) metering devices, approved. By order of the Ministry of Regional Development of Russia dated 29.12.2011 N 627> // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", N 2, February, 2014.
7. Order of the Ministry of Regional Development of Russia dated 29.12.2011 N 627 "On approval of the criteria for the presence (absence) of the technical feasibility of installing individual, general (apartment), collective (house) metering devices, as well as the form of the inspection report for establishing the presence (absence) of the technical feasibility of installing such metering devices and the procedure for filling it out" // "Rossiyskaya Gazeta", N 109, 16.05.2012
8. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 19.07.2021 N F04-3344/2021 in case N A03-10423/2020 // SPS "Consultant Plus".
9. Federal Law of July 27, 2010, No. 190-FZ (as amended on March 23, 2026) "On Heat Supply" // Rossiyskaya Gazeta, No. 168, July 30, 2010
10. Legislative Support System. Bill No. 1212352-8 On Amending Article 13 of the Federal Law "On Energy Saving and Improving Energy Efficiency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation". // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1212352-8 (accessed on September 14, 2026)

Защита от навязанных услуг и автоматических списаний: анализ новелл законодательства и правовые перспективы

Грачева Оксана Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент, Приволжский филиал Университета правосудия им. В.М. Лебедева, oxanamelnikova@yandex.ru,

Киселева Ксения Александровна
кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России, aksinya.verner@list.ru

В статье исследуются актуальные изменения гражданского и потребительского законодательства Российской Федерации, направленные на противодействие навязыванию дополнительных услуг и несанкционированным автоматическим списаниям денежных средств. На основе анализа новейших законопроектов, одобренных Государственной Думой РФ, судебной практики Верховного Суда РФ, разъяснений Банка России и научных трудов в области гражданского права выявляется проблема фрагментарности правового регулирования и сохранения дисбаланса в отношениях между потребителями и исполнителями услуг. Рассматриваются положения Федерального закона от 07.04.2025 № 69-ФЗ, запрещающего обусловливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных и требующего отдельного согласия потребителя на дополнительные платные услуги, а также Федерального закона № 376-ФЗ, направленного на решение проблемы «забытых подписок» в цифровой среде. Авторами обосновывается необходимость рассмотрения данных явлений как системного правового института, требующего унификации понятийного аппарата и процессуальных механизмов. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу подходов к регулированию навязанных услуг в государствах-членах ЕАЭС, а также проблемам правоприменения, возникающим при разграничении «периода охлаждения» и отказа от навязанных услуг. В качестве путей решения предложены меры по гармонизации законодательства, внедрению презумпции отсутствия согласия, усилению ответственности финансовых организаций и совершенствованию механизмов судебной защиты. Делается вывод о том, что точечные поправки не решают проблему системно и для эффективной защиты необходим переход к целостному правовому режиму распоряжения денежными средствами, основанному на активном, а не пассивном согласии потребителя.

Ключевые слова: защита прав потребителей, навязанные услуги, автоматические списания, рекуррентные платежи, согласие заемщика, недобросовестные практики, период охлаждения, гражданско-правовая ответственность, ЕАЭС.

Введение

Стремительное расширение цифрового сегмента экономики, сопровождающееся тотальной интеграцией онлайн-платформ в повседневную практику, породило принципиально новые модели взаимодействия между потребителями и поставщиками услуг. Автоматизация расчётов и распространение подписочных форматов, безусловно, упрощают доступ к товарам и услугам, однако одновременно создают качественно иные угрозы для имущественных интересов граждан – угрозы, которые не укладываются в традиционные представления о договорном праве и требуют переосмысления устоявшихся доктринальных подходов. Проблема навязанных услуг и несанкционированных автоматических списаний приобрела в последние годы характер системного вызова для правопорядка [1].

Как справедливо отмечает А.Н. Левушкин, «в условиях цифровизации гражданского оборота классические принципы договорного права требуют переосмысления, особенно в части формирования воли стороны при присоединении к договору» [2, с. 45]. Граждане всё чаще сталкиваются с ситуациями, когда приобретение одного товара или услуги автоматически влечёт включение в чек дополнительных позиций, а денежные средства списываются за якобы продлённую подписку без явно выраженного согласия владельца счёта [3, с. 133].

Проблема носит межотраслевой характер, находясь на стыке договорного права, банковского законодательства и законодательства о защите прав потребителей. Государственная Дума РФ в 2024–2025 годах активизировала работу в этом направлении, одобрив ряд резонансных законопроектов. Однако, несмотря на очевидный прогресс, сохраняется разрыв между законодательной новеллой и эффективностью её применения. Как отмечается в научной литературе, анализ отечественного законодательства и судебной практики свидетельствует о том, что отношение потребителей к отдельным видам услуг как к навязанным связано с ограниченным информированием о существе сделки и отсутствием эффективных механизмов последующей защиты [4].

Целью данной статьи является комплексный анализ новых законодательных мер по защите от навязывания услуг и автоматических списаний, выявление скрытых проблем правоприменения, сравнительно-правовой анализ подходов государств-членов ЕАЭС и выработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию механизмов защиты прав потребителей.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс методов научного познания. Посредством формально-юридического метода были проанализированы тексты законопроектов и нормы Гражданского кодекса РФ, Закона «О защите прав потребителей», Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», а также разъяснительные акты Банка России и Роспотребнадзора. Метод системного анализа позволил рассмотреть навязывание услуг и автоматические списания как элементы единой системы недобросовестных практик [5, с. 176]. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления предлагаемых мер с существующими механизмами судебной защиты в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая анализ права Союза в части определения признаков недопустимых барьеров и ограничений.

Кроме того, применялся метод правового моделирования для прогнозирования эффективности предлагаемых изменений и разработки путей решения проблем.

Результаты и обсуждение

Анализ законодательных инициатив, судебной практики и научных источников позволяет выделить два ключевых направления правового регулирования, а также выявить ряд проблем их практической реализации.

С 1 сентября 2025 года в России действует Федеральный закон от 07.04.2025 № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»». Нормативный правовой акт прямо запрещает продавцам (исполнителям) обусловливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров. Ключевой новеллой является требование о

получении отдельного письменного согласия потребителя на оказание ему дополнительных услуг за плату. При этом закон прямо запрещает проставлять автоматические отметки о согласии потребителя или выражать за потребителя согласие в ином виде. До подписания такого согласия потребителю должна быть предоставлена полная информация о стоимости и содержании услуги. Важно отметить, что за отказ от дополнительной услуги продавец не вправе повышать цену основного договора.

Актуальность принятия данного закона подтверждается устойчивым ростом нарушений в этой сфере. Так, Роспотребнадзор фиксирует увеличение количества жалоб от жильцов многоквартирных домов на включение в платежные документы услуг, не относящихся к содержанию и ремонту общего имущества. Например, управляющие организации и провайдеры нередко включают в квитанции оплату кабельного телевидения без заключения договора и получения согласия собственников. Известны случаи, когда плату за телевидение выставляли даже жильцам, у которых телевизор отсутствует в квартире.

Широкое распространение получила практика навязывания услуг при онлайн-покупках, в частности при оформлении авиабилетов. Многие сайты используют предустановленную автоматическую «галочку» о согласии потребителя на заключение договора добровольного страхования. Судебная практика исходит из того, что такое автоматическое, заранее проставленное за потребителя согласие не может считаться осознанным выражением желания заключить договор, поскольку потребитель не совершает активных действий по принятию оферты, а вынужден совершать действия по отказу от услуги. Регуляторами на уровне разъяснений были определены критерии «навязанности»: навязыванием может считаться проставление автоматического согласия потребителя (см. информационное письмо Банка России № ИН-02-59/39, Роспотребнадзора №02/6207-2022-23 от 23 марта 2022 года), а также указаны способы навязывания в ч. 2.1 статьи 14.8 КоАП РФ.

За указанные нарушения предусмотрена серьезная административная ответственность. В декабре 2025 года были приняты поправки в КоАП РФ, существенно увеличивающие размеры штрафов за навязывание дополнительных услуг. В настоящее время штрафы составляют: для должностных лиц и индивидуальных предпринимателей – от 50 до 150 тысяч рублей, для юридических лиц – от 200 до 500 тысяч рублей. Законодатель исходит из того, что прежние штрафы (до 40 тысяч рублей) зачастую не покрывали выгоду от продажи навязанных услуг, тогда как новые санкции призваны сделать невыгодным само нарушение закона.

Особое значение в данном контексте имеет правовая позиция Верховного Суда РФ, изложенная в определении от 23 июля 2024 г. № 11-КГ24-9-К6. Суд указал, что проставление банком в тексте кредитного договора типографским или иным способом отметки о согласии заемщика на оказание ему дополнительных услуг ставит последнего в заранее невыгодное положение, нарушает его права как потребителя и свидетельствует о недействительности такого согласия. Данная позиция последовательно поддерживается и в кассационной практике.

В.В. Кванина и М.Н. Локтева, исследуя проблему навязывания страховых услуг при кредитовании, приходят к выводу, что «наибольшую сложность представляет доказывание самого факта навязывания, поскольку формально согласие потребителя получено, однако реальная возможность влиять на условия договора отсутствовала» [6, с. 98].

Ряд законодательных инициатив касается проблемы «молчаливого» продления подписок. Согласно одобренным нормам, для автоматического списания средств за онлайн-подписки необходимо либо периодическое подтверждение согласия потребителем, либо четкое уведомление о предстоящем списании с возможностью отказа от него в разумный срок. Кроме того, внедряется механизм, упрощающий отказ от таких подписок (так называемый «период охлаждения») [7].

Как отмечает А. Бычков, «проблема автоматических списаний усугубляется тем, что потребители зачастую не отслеживают движение средств по счетам, а когда обнаруживают списания, сталкиваются с бюрократическими сложностями при возврате денег» [8, с. 37].

Важной вехой в эволюции защиты потребителей от неавторизованных списаний стало вступление в силу с 1 марта 2026 г. Федерального закона № 376-ФЗ, модифицирующего ст. 16.1 Закона «О защите прав потребителей». Данная новелла направлена на разрешение проблемы «забытых подписок» в цифровой среде (видеосервисы, музыкальные стриминги и др.), когда по истечении оплаченного периода или бесплатного доступа исполнители списывают средства с карт потребителей зачастую без явно выраженного согласия последних, при отсутствии надлежащего уведомления и наличии препятствий для отказа от услуги.

Содержательно закон вводит императивный запрет для исполнителя использовать ранее переданные потребителем банковские реквизиты для последующих списаний, если заявлен отказ от такого использования. Речь идет об оплате услуг в рамках абонентского договора, заключаемого в сети «Интернет». Корреспондирующей обязанностью исполнителя является обеспечение приема отказа, в том числе в электронной форме, что позволяет потребителю оперативно реализовать свое волеизъявление без бюрократических процедур.

В научном контексте принятие Закона № 376-ФЗ знаменует смену законодательного вектора: от требования надлежащего информирования о предстоящем платеже – к безусловному приоритету волеизъявления потребителя об отказе, который должен иметь немедленный юридический и фактический эффект. Данная мера, преодолевающая конструкцию «пассивного согласия» как основания пролонгации договора, существенно укрепляет гарантии имущественных прав граждан в цифровой экономике и может рассматриваться как «lex specialis» по отношению к общим нормам об абонентском договоре.

Особую категорию представляют навязанные услуги в кредитных договорах (страхование, смс-информирование, услуги помощи на дорогах). Законодатель ужесточает требования к форме согласия заемщика, фактически требуя, чтобы оно было явным, а не «проставленным в чек-боксе по умолчанию». Л.Г. Ефимова и И.Е. Михеева подчеркивают: «недобросовестное поведение банков по навязыванию услуг страхования при потребительском кредитовании стало настолько массовым явлением, что потребовало вмешательства не только законодателя, но и мегарегулятора» [9, с. 95].

Судебная практика демонстрирует последовательную защиту прав потребителей в данной сфере. Так, Ленинский районный суд г. Оренбурга удовлетворил требования потребителя о возврате 120 000 рублей, списанных за навязанную услугу помощи на дорогах при покупке автомобиля, признав, что согласие на услугу было включено в типовую форму договора и не могло быть выражено иным образом.

Проведенный анализ позволяет выявить важную проблему правоприменения, связанную с разграничением двух различных механизмов защиты: отказа от навязанных услуг и «периода охлаждения». Как разъяснил Банк России, эти механизмы срабатывают различно и действуют параллельно.

Основополагающим моментом в установлении различий следует считать факт согласия клиента на получение услуги при оформлении договора. Если такого согласия не было, то с 1 сентября 2025 года такой договор может быть расторгнут с возвратом всех уплаченных средств клиенту в течение 3-х дней (пункт 3.1 статьи 16 закона РФ «О защите прав потребителей»). При этом в спорных ситуациях закон возлагает на продавца обязанность доказать наличие согласия потребителя на оказание ему дополнительных услуг.

Иначе действует «период охлаждения», во время которого даже тот потребитель, который согласие на услугу при заключении договора давал, но быстро передумал ее получать, может досрочно расторгнуть договор без финансовых потерь. В этом случае срок и порядок возврата денежных средств определяется нормативным актом Банка России: по общему правилу (указание ЦБ от 20 ноября 2015 года № 3854-У) возврат страховой премии осуществляется в течение 10 рабочих дней. При этом по некоторым видам добровольного страхования установлены специальные условия: по страхованию жизни и здоровья заемщиков – 7 рабочих дней, по долевому страхованию жизни – 15 рабочих дней.

Таким образом, законодатель создал два параллельных механизма защиты, выбор которых зависит от наличия или отсутствия добровольного согласия потребителя. Однако, как отмечают эксперты, на практике возникают сложности с квалификацией конкретных ситуаций, особенно когда речь идет о формально полученном, но фактически навязанном согласии.

В рамках сравнительно-правового анализа представляется важным рассмотреть подходы к регулированию навязанных услуг в государствах-членах Евразийского экономического союза. В контексте евразийской интеграции особое значение приобретает гармонизация

национальных законодательств и выработка единых подходов к защите прав потребителей.

В Республике Казахстан действует Закон «О защите прав потребителей», который также запрещает обусловливать приобретение одних товаров обязательным приобретением других. Примечательно, что казахстанское законодательство предусматривает право потребителя на отказ от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг) в любое время при условии оплаты фактически понесенных расходов. Применительно к финансовым услугам в Казахстане также действует механизм «периода охлаждения» по страховым услугам, однако сроки возврата страховых премий могут варьироваться.

В Республике Беларусь Указом Президента № 138 от 19 марта 2021 года установлены дополнительные требования к порядку заключения договоров страхования, включая обязательное информирование страхователя о праве на отказ от договора добровольного страхования в течение 14 дней.

Анализ права ЕАЭС свидетельствует о необходимости продолжения гармонизации национальных законодательств, а также мониторинга вносимых изменений формирующейся правоприменительной практики. Отмечается необходимость развития права Союза в части определения признаков недопустимых барьеров и ограничений, а также выработки и регламентации механизмов по их снятию.

Несмотря на кажущуюся полноту регулирования, анализ новелл позволяет выявить фундаментальную научно-правовую проблему: фрагментарность защиты и отсутствие единого критерия «автоматизма воли». Законодатель точечно исправляет нарушения в банковской сфере, в сфере подписок или розничной торговли, но не формирует общего института, который бы защищал имущественную сферу гражданина от любых форм «умолчания» и «пассивного согласия».

Г.Ф. Ручкина справедливо указывает: «современные проблемы банковского кредитования требуют комплексного подхода к решению вопросов противодействия мошенническим схемам завладения денежными средствами граждан, включая и те, что основаны на формально законных, но недобросовестных действиях» [10, с. 19].

Главный проблемный вопрос звучит следующим образом: «Как правовыми средствами преодолеть инерцию потребителя и трансформировать принцип "молчание – знак согласия" (qui tacet consentire videtur) в отношение, где любое списание средств возможно исключительно на основании активных и осознанных действий плательщика?»

Предлагаемые законодателем «отдельные согласия» не всегда работают на практике, так как остаются в поле контроля продавца, который может маскировать их под стандартные условия сделки. А.В. Мертвищев, исследуя проблему взаимосвязанных договоров, отмечает: «Недобросовестные продавцы научились обходить запреты путем разделения единой услуги на несколько договоров, каждый из которых формально заключается с отдельного согласия, но по сути представляет собой ту же навязанную конструкцию» [11, с. 47].

Банк России также признает, что технологии навязывания услуг продавцами на финансовом рынке усложняются. Помимо известных предустановленных «галочек», встречаются примеры «обратных отказов», скрытых согласий и других негативных практик. Регулятор фиксирует «новую вариативность» таких нарушений.

Дополнительную сложность создают ситуации привязки навязанных услуг к скидке на основной товар. Например, автосалоны предоставляют скидку на автомобиль при условии приобретения услуг партнеров. Если потребитель отказывается от них впоследствии, продавец требует доплатить стоимость предоставленной скидки. Позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу неоднозначна: такое поведение может быть признано недобросовестным в зависимости от обстоятельств, но устойчивой судебной практики пока не сформировалось.

В связи с этим полагаем необходимым предложить следующие пути решения, выходящие за рамки текущих точечных поправок.

Ввести в Гражданский кодекс РФ или Закон «О защите прав потребителей» легальное определение понятий «навязанная услуга» и «автоматическое списание (рекуррентный платеж)». Авторская формулировка: «Навязанная услуга – услуга, включенная в договор без явно выраженного активного и осознанного волеизъявления потребителя, в том числе посредством предустановленных отметок, автоматического согласия или включения в типовые условия сделки, когда у потребителя отсутствовала реальная возможность влиять на содержание договора». «Автоматическое списание (рекуррентный платеж) – списание денежных средств со счета потребителя, инициированное получателем средств на основании заранее данного акцепта, при котором последующее подтверждение каждой операции не требуется». Это позволит применять единые стандарты защиты вне зависимости от сферы (кредитование, связь, ЖКХ, интернет-торговля). Как справедливо отмечает Н.В. Сафронов, «отсутствие единого понятийного аппарата порождает разночтения в правоприменительной практике и позволяет недобросовестным участникам рынка избегать ответственности» [12, с. 25].

В сфере автоматических пролонгаций и дополнительных услуг следует законодательно закрепить принцип: «Любое бездействие потребителя (отсутствие ответа) не может расцениваться как согласие на списание средств, если иное прямо не предусмотрено отдельным письменным договором, подписанным сторонами собственноручно». Это перенесет бремя доказывания наличия согласия исключительно на исполнителя услуги, что согласуется с общей логикой совершенствования инструментов государственного регулирования маркетплейсов и иных цифровых площадок [13].

Необходимо упростить процедуру возврата незначительных сумм, списанных автоматически (до 50 тыс. руб.), через механизм судебного приказа, но с заявительным порядком со стороны потребителя на основе выписки по счету, без предоставления договора. Процессуальная детализация: заявление подается мировому судье по месту жительства потребителя с приложением выписки по счету, подтверждающей факт списания, и письменного отказа исполнителя в добровольном возврате средств. Банки должны быть обязаны предоставлять суду информацию о получателе средств в течение 3 дней. Это создаст риск массовых исков для недобросовестных компаний и сделает бизнес-модель, основанную на «забывчивости» клиента, нерентабельной [14].

В случаях, когда техническая возможность автоматических списаний была подключена банком без проверки наличия явного согласия клиента, банк должен нести солидарную ответственность с получателем средств. Это заставит финансовые учреждения модернизировать свои интерфейсы и процедуры подтверждения операций [15, с. 392].

Целесообразно законодательно закрепить право потребителя отказаться от навязанной услуги в течение 14 дней с момента первого списания без объяснения причин, даже если услуга была частично оказана. При этом важно четко разграничить данный механизм с трехдневным сроком возврата за навязанные услуги, предусмотренным пунктом 3.1 статьи 16 Закона «О защите прав потребителей», установив, что указанный срок применяется только в случаях, когда факт отсутствия согласия очевиден и не требует доказывания.

В развитие позиции Банка России о недопустимости новых вариативных практик навязывания предлагается дополнить статью 16 Закона «О защите прав потребителей» прямым запретом на использование конструкций, при которых потребитель вынужден совершать активные действия для отказа от услуги («opt-out»), если такие действия сопряжены с необоснованными сложностями (необходимость телефонного звонка, личного визита, направления почтового отправления и т.п.).

Заключение

Новейшие изменения российского законодательства, безусловно, направлены в сторону усиления защиты «слабой стороны» – потребителя. Запрет на навязывание услуг и усложнение процедуры автоматических списаний являются важными шагами в формировании цивилизованного цифрового рынка. Судебная практика демонстрирует последовательную ориентацию на защиту прав потребителей, признавая недействительными согласия, полученные без предоставления полной и достоверной информации. По данным Банка России, общее количество жалоб на страховщиков в I полугодии 2025 года снизилось на 47% к уровню первой половины прошлого года, что свидетельствует об эффективности принятых мер.

Однако, как показывает анализ, точечные поправки не решают проблему системно. Потребитель по-прежнему остается в положении «слабого» не только экономически, но и процессуально. Особую тревогу вызывает появление новых, более изощренных способов обхода законодательных запретов, включая конструкции «обратных отказов» и скрытых согласий. Для эффективной защиты необхо-

димо переходить от запрета конкретных злоупотреблений к формированию целостного правового режима распоряжения денежными средствами, где приоритет отдается активному, а не пассивному согласию.

Предложенные в статье пути решения – унификация понятий, презумпция несогласия, упрощенный судебный порядок и солидарная ответственность банков, запрет на скрытые согласия – способны создать баланс интересов и минимизировать количество споров, связанных с невозвратом денег за навязанные услуги. Дальнейшие научные исследования в этой области должны быть направлены на разработку критериев добросовестности при использовании цифровых форм согласия, совершенствование механизмов досудебного урегулирования споров, а также гармонизацию подходов к защите прав потребителей в рамках Евразийского экономического союза.

Литература

1. Смолин С.В. Навязанная сделка как разновидность мошенничества // Законность. 2015. № 2.
2. Левушкин А.Н., Надысева Э.Х. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 320 с.
3. Некрасова Т.Н. Анализ инструментов противодействия недобросовестным практикам на рынке финансовых услуг // Известия СПбГЭУ. 2020. № 4 (124). С. 131-134.
4. Шашкова А.Н. Некоторые вопросы реализации потребителем права на необходимую и достоверную информацию об услугах в сфере кредитования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63).
5. Некрасова Т.Н. Недобросовестные практики на рынке финансовых услуг: понятие и инструменты противодействия // Сборник научных трудов 59-й Национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов с международным участием Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Ярославль: Канцлер, 2019. С. 174-178.
6. Кванина В.В., Локтева М.Н. Об отдельных вопросах навязывания страховых услуг при заключении кредитного договора: закон и практика // Вектор юридической науки. 2022. № 7. С. 95-102.
7. Огорелкова Н.В. «Период охлаждения» в страховании: расширение сферы применения // Омские научные чтения – 2020: материалы Четвертой Всероссийской научной конференции, Омск, 30 ноября – 05 декабря 2020 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 2016-2121.
8. Бычков А. Как борются с навязыванием потребителям дополнительных услуг // Юридический справочник руководителя. 2024. № 2. С. 34-41.
9. Ефимова Л.Г., Михеева И.Е. Недобросовестное поведение банков по навязыванию услуг страхования при потребительском кредитовании // Хозяйство и право. 2020. № 4 (519). С. 92-100.
10. Ручкина Г.Ф. Современные проблемы банковского кредитования: комплексный подход к решению вопросов противодействия мошенническим схемам завладения денежными средствами граждан // Предпринимательское право. 2025. № 2. С. 15-22.
11. Мертвищев А.В. Опасные связи: взаимосвязанные договоры в российском законодательстве и судебной практике // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 8. С. 45-52.
12. Сафронов Н.В. Отдельные вопросы правового регулирования защиты конкуренции на рынке страховых услуг // Конкурентное право. 2024. № 1. С. 23-28.
13. Хубиев И.Д. Направления совершенствования инструментов государственного регулирования маркетплейсов в интересах малого и среднего бизнеса в России // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5, № 2. С. 55-63.
14. Панфилов А.К. Законодательное противодействие навязыванию дополнительных услуг потребителям в России: проблемы и пути решения // Российская государственность: история и современность: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 24 октября 2025 года. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2025. С. 74-76.
15. Ашхотова Л.А. Юридические лица в гражданском праве. Солидарная ответственность юридических лиц // Право и управление. 2023. № 12. С. 391-394.

Protection against imposed services and automatic written-offs: analysis of legislation innovations and legal prospects

Gracheva O.S., Kiseleva K.A.

Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhniy Novgorod), Nizhniy Novgorod academy of the MIR

This article examines recent changes to Russian civil and consumer legislation aimed at combating the imposition of additional services and unauthorized automatic debits. Based on an analysis of the latest draft laws approved by the State Duma of the Russian Federation, the case law of the Supreme Court of the Russian Federation, clarifications from the Bank of Russia, and scholarly works in the field of civil law, the problem of fragmented legal regulation and the persistent imbalance in the relationship between consumers and service providers is identified. The provisions of Federal Law No. 69-FZ of 07.04.2025, which prohibits making the purchase of some goods (works, services) conditional on the mandatory purchase of others and requires the consumer's separate consent to additional paid services, as well as Federal Law No. 376-FZ, aimed at solving the problem of "forgotten subscriptions" in the digital environment, are examined. The author substantiates the need to consider these phenomena as a systemic legal institution requiring the unification of conceptual frameworks and procedural mechanisms. Particular attention is given to a comparative legal analysis of approaches to regulating impositions in EAEU member states, as well as to the enforcement issues arising when distinguishing between the "cooling-off period" and the refusal of impositions. Solutions proposed include measures to harmonize legislation, introduce a presumption of lack of consent, strengthen the liability of financial institutions, and improve judicial protection mechanisms. It is concluded that piecemeal amendments do not solve the problem systemically, and effective protection requires a transition to a holistic legal regime for the disposal of funds based on the active rather than passive consent of the consumer.

Keywords: consumer protection, forced services, automatic charges, recurring payments, borrower consent, unfair practices, cooling-off period, civil liability, EAEU.

References

1. Smolin S.V. Imposed transaction as a type of fraud // Zakonnost'. 2015. No. 2.
2. Levushkin A.N., Nadyseva E.Kh. Current problems of the effectiveness of private law: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2022. 320 p.
3. Nekrasova T.N. Analysis of tools for countering unfair practices in the financial services market // Izvestiya of Saint Petersburg State University of Economics. 2020. No. 4 (124). Pp. 131-134.
4. Shashkova A.N. Some issues of the consumer's exercise of the right to necessary and reliable information about lending services // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (63).
5. Nekrasova T.N. Unfair practices in the financial services market: concept and countermeasures // Collection of scientific papers of the 59th National scientific and practical conference of students, master's students and postgraduates with international participation of the Yaroslavl Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation: in 2 vols. Vol. 1. Yaroslavl: Kantsler, 2019. Pp. 174-178.
6. Kvanina V.V., Lokteva M.N. On certain issues of imposing insurance services when concluding a loan agreement: law and practice // Vector of Legal Science. 2022. No. 7. Pp. 95-102.
7. Ogorelkova N.V. "Cooling-off period" in insurance: expansion of the scope of application // Omsk Scientific Readings – 2020: proceedings of the Fourth All-Russian scientific conference, Omsk, November 30 – December 5, 2020. Omsk: Dostoevsky Omsk State University, 2020. Pp. 2016-2121.
8. Bychkov A. How imposing additional services on consumers is combated // Legal Handbook of the Manager. 2024. No. 2. Pp. 34-41.
9. Efimova L.G., Mikheeva I.E. Unfair conduct of banks in imposing insurance services in consumer lending // Economy and Law. 2020. No. 4 (519). Pp. 92-100.
10. Ruchkina G.F. Modern problems of bank lending: an integrated approach to countering fraudulent schemes of misappropriating citizens' funds // Entrepreneurial Law. 2025. No. 2. Pp. 15-22.
11. Mertvishchev A.V. Dangerous liaisons: interrelated contracts in Russian legislation and judicial practice // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 8. Pp. 45-52.
12. Safronov N.V. Certain issues of legal regulation of competition protection in the insurance services market // Competition Law. 2024. No. 1. Pp. 23-28.
13. Khubiev I.D. Directions for improving the instruments of state regulation of marketplaces in the interests of small and medium-sized businesses in Russia // Problems of Nature Management. 2026. Vol. 5, No. 2. Pp. 55-63.
14. Panfilov A.K. Legislative counteraction to imposing additional services on consumers in Russia: problems and solutions // Russian statehood: history and modernity: proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference, Abakan, October 24, 2025. Abakan: Katanov Khakass State University, 2025. Pp. 74-76.
15. Ashkhotova L.A. Legal entities in civil law. Joint and several liability of legal entities // Law and Management. 2023. No. 12. Pp. 391-394.

Многокритериальная классификация имущества как объекта обращения взыскания: теоретическое и практическое значение

Груздев Илья Максимович
аспирант, кафедра экологического, трудового права и гражданского процесса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, kkafedra983@gmail.com

Статья посвящена разработке многокритериальной классификации имущества как объекта обращения взыскания в исполнительном производстве. Автор исходит из того, что многообразие видов имущества, различающихся по правовой природе, оборотоспособности, ликвидности и правовому режиму, требует системного, а не разрозненного классификационного подхода. На основе анализа законодательства об исполнительном производстве, гражданского законодательства и судебной практики предложена классификация по восьми самостоятельным критериям: оборотоспособности, статусу должника, характеру прав должника на имущество, степени ликвидности, виду имущества, возможности самостоятельной реализации должником, способу реализации и наличию обременений. Показано, что традиционные классификации, разработанные применительно к общегражданскому обороту, не учитывают специфику принудительного исполнения и не охватывают новые объекты — цифровые активы. Сделан вывод о том, что предложенная классификация имеет не только теоретическое, но и непосредственное правоприменительное значение для выбора порядка и способа обращения взыскания.

Ключевые слова: обращение взыскания, исполнительное производство, классификация имущества, оборотоспособность, ликвидность имущества, исполнительский иммунитет, цифровые активы, доля в общей собственности, судебный пристав-исполнитель.

Введение

Институт обращения взыскания на имущество должника предполагает необходимость научно обоснованной классификации объектов, на которые может быть обращено принудительное изъятие. Определение состава имущества должника, на которое может быть обращено взыскание, и его квалификация по видам является одной из основных задач судебного пристава-исполнителя на стадии принудительного исполнения [1]. Многообразие видов имущества, различающихся по своей правовой природе, оборотоспособности, ликвидности и правовому режиму, обусловливает необходимость разработки многокритериальной классификации, имеющей как теоретическое, так и прикладное значение.

Актуальность темы обусловлена тем, что действующее законодательство об исполнительном производстве оперирует понятием «имущество» без раскрытия его классификационной структуры, а доктрина ограничивается, как правило, единичными классификационными основаниями (движимое/недвижимое, ликвидное/неликвидное), не образующими целостной системы. Между тем именно от вида имущества зависят порядок его ареста, оценки, реализации и очередность обращения взыскания, что делает разработку системной классификации не только теоретически значимой, но и практически востребованной задачей.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы юридического познания — формально-юридический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования. Эмпирическую базу составили положения Гражданского кодекса РФ, Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…», а также материалы судебной и арбитражной практики.

Обзор литературы

Вопросы оборотоспособности и классификации объектов гражданских прав традиционно разрабатывались в науке гражданского права. М.А. Рожкова, анализируя категорию оборотоспособности с опорой на классическое римское право, предложила собственную классификацию объектов гражданских прав по критерию их оборотоспособности и обозначила практические проблемы применения этого института в законотворческой деятельности [10]. А. Головизнин рассматривает оборотоспособность как один из системообразующих признаков объекта гражданских прав, подчеркивая недостаточность легального регулирования данного института [2]. Б.Б. Инжиева анализирует категорию «гражданский оборот» в современном законодательстве [3] и специфику оборотоспособности отдельных объектов, в частности земельных участков [4]. С.В. Секушин исследует истоки ограничений оборота недвижимого имущества применительно к специфическим субъектам [5].

Применительно непосредственно к сфере принудительного исполнения В.С. Мизинова обосновывает необходимость дифференцированного правового режима обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество в зависимости от статуса кредитора (залоговый/незалоговый) [7], а Т.С. Андриянова обобщает практические аспекты обращения взыскания на имущество должника на современном этапе [6]. Отдельного анализа заслуживает вопрос о включении в объект обращения взыскания новых, нетрадиционных активов: Т.П. Шишмарева и Е.Е. Енькова обосновывают имущественную природу цифровых активов и необходимость их учета при формировании конкурсной массы независимо от полноты законодательного регулирования отдельных их видов [8]. Вопросы пределов исполнительского иммунитета, тесно связанные с классификацией имущества по статусу должника, рассматриваются С.С. Гриценко [9].

Вместе с тем комплексной, многокритериальной классификации имущества как объекта именно принудительного исполнения, объединяющей выявленные в литературе частные классификационные основания в единую систему и учитывающей цифровые

активы как самостоятельный объект взыскания, в доктрине до настоящего времени предложено не было. Это определяет научную задачу настоящей статьи.

Результаты

Анализ законодательства об исполнительном производстве и правоприменительной практики позволяет обосновать классификацию имущества как объекта обращения взыскания по восьми самостоятельным критериям.

1. Классификация по оборотоспособности. В соответствии со ст. 129 ГК РФ объекты гражданских прав подразделяются на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота [10]. Данная классификация имеет прямое нормативное закрепление в ч. 4 ст. 69 Закона об исполнительном производстве: взыскание обращается на имущество, принадлежащее должнику на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, за исключением имущества, изъятого из оборота, и имущества, на которое в соответствии с федеральным законом не может быть обращено взыскание. Имущество, ограниченное в обороте (например, земли сельскохозяйственного назначения), может быть объектом взыскания лишь с соблюдением специальных правил, установленных отраслевым законодательством [2; 4].

2. Классификация по статусу должника. Выделяется имущество граждан-должников и имущество юридических лиц-должников. Данное основание имеет определяющее значение для объема исполнительского иммунитета: имущество граждан-должников пользуется особым правовым режимом, характеризующимся наличием исполнительского иммунитета — установленного законом перечня имущества, на которое не может быть обращено взыскание (ст. 446 ГПК РФ) [9]. Имущество юридических лиц такого иммунитета лишено, однако подчинено собственным ограничениям (например, в отношении предмета лизинга или неделимого фонда сельскохозяйственного кооператива).

3. Классификация по характеру прав должника на имущество. По данному основанию выделяются: имущество, принадлежащее на праве собственности; имущество, принадлежащее на праве хозяйственного ведения или оперативного управления; имущественные права (дебиторская задолженность, право требования по исполнительному документу, исключительные права); доля в общей (совместной или долевой) собственности. Обращение взыскания на каждую из этих категорий имеет собственную процедурную специфику, установленную ст. 75, 94–95 Закона об исполнительном производстве.

4. Классификация по степени ликвидности. Выделяются высоколиквидное имущество (денежные средства, ценные бумаги, ходовые транспортные средства), среднеликвидное (недвижимость, оборудование, дебиторская задолженность) и низколиквидное имущество (узкоспециализированное оборудование, неприносящие дохода нематериальные активы). Данный критерий определяет очередность обращения взыскания и объективно необходимые сроки реализации имущества [7].

5. Классификация по виду имущества. В зависимости от объекта гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) выделяются денежные средства, движимое имущество, недвижимое имущество и — как самостоятельная, ранее не учитывавшаяся доктриной категория — цифровые активы (цифровая валюта, цифровые финансовые активы, цифровые права). Признание цифровой валюты имуществом для целей исполнительного производства (ч. 4 ст. 68 Закона об исполнительном производстве) не сопровождалось выработкой специального механизма обращения на нее взыскания, что делает выделение данной категории не только теоретически, но и практически необходимым [8].

6. Классификация по возможности самостоятельной реализации должником. В соответствии с ч. 4 ст. 87 Закона об исполнительном производстве должник вправе ходатайствовать о самостоятельной реализации имущества стоимостью до 30 000 рублей, что образует отдельную классификационную группу, отличную от имущества, подлежащего принудительной реализации.

7. Классификация по способу реализации. Закон об исполнительном производстве (ст. 87) дифференцирует реализацию на торгах в форме аукциона (для недвижимости, ценных бумаг, вещей стоимостью свыше 500 000 рублей), реализацию на комиссионных началах, самостоятельную реализацию должником и оставление имущества за взыскателем.

8. Классификация по наличию обременений. Выделяется имущество, свободное от обременений; находящееся в залоге (ст. 78 Закона об исполнительном производстве, ст. 349–350 ГК РФ); находящееся под арестом; обремененное правами третьих лиц (аренда, сервитут, рента) [6; 7].

Обсуждение

Практическое значение предложенной классификации состоит в том, что она позволяет судебному приставу-исполнителю и суду системно определять применимый правовой режим для конкретного объекта взыскания, не ограничиваясь единичным классификационным основанием. В частности, сочетание критериев вида имущества и степени ликвидности определяет очередность обращения взыскания; сочетание критериев статуса должника и характера обременения — объем исполнительского иммунитета; критерий стоимости и способа реализации — процедуру торгов.

Особого внимания заслуживает выделение цифровых активов в качестве самостоятельного вида имущества. Как показывает анализ зарубежного опыта, включение цифровых активов в общую систему объектов права возможно двумя альтернативными путями: либо через введение самостоятельной правовой категории (по модели британского Property (Digital Assets etc) Act 2025, который прямо закрепил цифровые активы в качестве нового вида личного имущества, не сводимого к «вещам во владении» и «вещам в действии»), либо через встраивание отдельных видов цифровых активов (в первую очередь обеспеченных стейблкоинов) в традиционные категории оборотных финансовых инструментов (по модели американского GENIUS Act 2025 года, установившего требования к резервированию и лицензированию эмитентов). Российское законодательство пока ограничилось констатацией имущественной природы цифровой валюты (ч. 4 ст. 68 Закона об исполнительном производстве) без встраивания ее в предложенную систему критериев, что порождает практическую неопределенность при выборе способа ареста и реализации таких активов [8].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что традиционные, разрозненные классификационные основания (движимое/недвижимое, ликвидное/неликвидное), выработанные преимущественно применительно к общегражданскому обороту, недостаточны для целей принудительного исполнения. Предложенная многокритериальная классификация, объединяющая восемь самостоятельных оснований — оборотоспособность, статус должника, характер прав на имущество, степень ликвидности, вид имущества, возможность самостоятельной реализации, способ реализации и наличие обременений, — образует целостную систему, имеющую непосредственное правоприменительное значение для выбора порядка и способа обращения взыскания. Ее дальнейшее развитие связано с необходимостью законодательного закрепления особенностей ареста, оценки и реализации цифровых активов как самостоятельного вида имущества.

Литература

1. Исполнительное производство: учебник / К.Л. Брановицкий, Д.В. Бурачевский, В.В. Долганичев [и др.]; под общ. ред. В.В. Яркова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 558 с.

2. Головизнин А. Оборотоспособность объектов гражданских прав // Право и экономика. 2018. № 4. С. 21–26.

3. Инжиева Б.Б. Категория «гражданский оборот» в современном гражданском законодательстве и цивилистической науке // Современное право. 2022. № 3. С. 59-64.

4. Инжиева Б.Б. Земельный участок как объект гражданского оборота: вопросы теории и практики // Юрист. 2022. № 5. С. 47-53

5. Секушин С.В. Об истоках ограничений в обороте недвижимого имущества и «неполном» праве собственности ОАО «РЖД» // Хозяйство и право. 2023. № 9. С. 45-48.

6. Андриянова Т.С. Особенности обращения взыскания на имущество должника: от норм закона до практической реализации // Молодой ученый. 2026. № 4 (607). С. 226–227.

7. Мизинова В.С. Особенности обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. 2014. Вып. 4. С. 220–227.

8. Шишмарева Т.П., Енькова Е.Е. Цифровые активы как объекты взыскания в процедурах банкротства // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 6. С. 1078–1087.

9. Гриценко С.С. К вопросу о пределах действия исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья // Право и экономика. 2022. № 6. С. 31-36.

10. Рожкова М.А. Оборотоспособность объектов гражданских прав // Закон. 2009. № 3. С. 212-218.

Multi-criteria classification of property as an object of foreclosure: theoretical and practical significance

Gruzdev Il.M.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to developing a multi-criteria classification of property as an object of foreclosure in enforcement proceedings. The author proceeds from the premise that the diversity of property types — differing in legal nature, negotiability, liquidity and legal regime — requires a systemic rather than fragmented classification approach. Based on an analysis of enforcement legislation, civil legislation and case law, a classification is proposed according to eight independent criteria: negotiability, debtor status, the nature of the debtor's rights to the property, the degree of liquidity, the type of property, the possibility of independent sale by the debtor, the method of sale, and the presence of encumbrances. It is shown that traditional classifications developed for general civil turnover do not account for the specifics of compulsory enforcement and do not cover new objects — digital assets. It is concluded that the proposed classification has not only theoretical but also direct practical significance for choosing the procedure and method of foreclosure.

Keywords: foreclosure, enforcement proceedings, classification of property, negotiability, liquidity of property, execution immunity, digital assets, share in common property, bailiff.

References

1. Enforcement proceedings: textbook / K.L. Branovitsky, D.V. Burachevsky, V.V. Dolganichev [et al.]; ed. by V.V. Yarkov. 2nd ed. Moscow: Statut, 2023. 558 p.
2. Goloviznin A. Negotiability of objects of civil rights // Law and Economics. 2018. No. 4. Pp. 21–26.
3. Inzhieva B.B. The category of "civil turnover" in modern civil legislation and civil law science // Modern Law. 2022. No. 3. Pp. C. 59-64.
4. Inzhieva B.B. A land plot as an object of civil turnover: issues of theory and practice // Jurist. 2022. No. 5. Pp. 47-53.
5. Sekushin S.V. On the origins of restrictions on the turnover of real estate and the "incomplete" ownership right of JSC "Russian Railways" // Economy and Law. 2023. No. 9. Pp. 45-48.
6. Andriyanova T.S. Features of foreclosure on the debtor's property: from statutory norms to practical implementation // Young Scientist. 2026. No. 4 (607). Pp. 226–227.
7. Mizinova V.S. Features of foreclosure on mortgaged real estate // Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 14. Law. 2014. Is. 4. Pp. 220–227.
8. Shishmareva T.P., Enkova E.E. Digital assets as objects of foreclosure in bankruptcy procedures // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2024. Vol. 17. No. 6. Pp. 1078–1087.
9. Gritsenko S.S. On the limits of execution immunity in respect of the sole dwelling // Law and Economics. 2022. No. 6. Pp. 31-36.
10. Rozhkova M.A. Negotiability of objects of civil rights // Zakon. 2009. No. 3. Pp. 212-218.

Правопреемство позиции в корпоративном договоре при отчуждении доли: доктрина ограниченного правопреемства

Дубровский Иван Александрович
аспирант, Академия труда и социальных отношений, mrsimla33@gmail.com

Статья 67.2 ГК РФ не определяет, переходит ли позиция стороны корпоративного договора к приобретателю доли: п. 8 сохраняет договор лишь между оставшимися сторонами, а п. 5 исключает обязанности для третьих лиц. Оба известных решения неприемлемы: строгая относительность позволяет выйти из договора продажей доли подконтрольному лицу, а следование обязательств за долей навязывает приобретателю условия, содержание которых от него скрыто. Мера связанности приобретателя выводится из ступенчатой публичности корпоративного договора, установленной законом. Материалом служат нормы ГК РФ, законов об ООО и об АО, Закона о государственной регистрации юридических лиц, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ, а также нормы права Делавэра, Франции и Германии о действии ограничений против приобретателя; применены формально-юридический анализ, логико-дедуктивный вывод из принципов относительности обязательства и гласности обременений, сравнительно-правовой метод и проверка правила на граничных случаях. Обоснована доктрина ограниченного правопреемства: осведомлённый приобретатель связан известными ему договорными ограничениями как участник оборота, хотя обязанности из договора к нему не переходят, а полноправной стороной он становится только через присоединение, механизм которого образуют ст. 392.3 и абз. 2 п. 2 ст. 391 ГК РФ. При наследовании доли критерий осведомлённости уступает место существу обязательства, при реорганизации участника договорная позиция следует за долей к его правопреемнику, а покупатель доли на публичных торгах презюмируется знающим об ограничениях, внесённых в ЕГРЮЛ. Обнаружено расхождение стандартов осведомлённости в ГК РФ и Законе об АО. Предложено дополнить ст. 67.2 ГК РФ правилом о переходе договорных ограничений к осведомлённому приобретателю, об обязанности отчуждателя раскрыть ему содержание договора и о праве остальных сторон понуждать уклоняющегося приобретателя к присоединению.

Ключевые слова: корпоративный договор, отчуждение доли, правопреемство, противопоставимость, добросовестность, присоединение к договору, информационная асимметрия.

Введение

Статья 67.2 ГК РФ предоставила участникам хозяйственных обществ широкую свободу в определении содержания корпоративного договора, однако судьбу договорной позиции при отчуждении доли регулирует лишь отчасти. Пункт 8 ст. 67.2 ГК РФ устанавливает, что прекращение права одной из сторон на долю не влечёт прекращения договора в отношении остальных его сторон, если иное не предусмотрено договором; норма решает вопрос о сохранении договора между оставшимися участниками и ничего не говорит о положении приобретателя. Принцип относительности закреплён прямо: корпоративный договор не создаёт обязанностей для лиц, не участвующих в нём в качестве сторон (п. 5 ст. 67.2 ГК РФ с отсылкой к ст. 308 ГК РФ), а акционерное соглашение обязательно только для его сторон (п. 4 ст. 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», далее также Закон об АО). Приобретатель доли между тем отличается от обычного третьего лица. Он занимает в корпорации место выбывшей стороны, и вопрос о том, наследует ли он вместе с долей договорную позицию последней, при обеих названных нормах остаётся открытым.

Практическая цена пробела определяется двумя зеркальными ситуациями. Продажа доли подконтрольному лицу позволяет стороне освободиться от неудобных договорённостей вместе со статусом участника, хотя актив остаётся под прежним контролем; приобретатель, купивший долю без сведений о договоре, может, напротив, столкнуться с требованием исполнять обязательства, содержание которых от него было скрыто. Для отношений с иностранным элементом та же неустойчивость обязательственных позиций усиливается правовыми рисками кредиторов, возникающими при банкротстве должника, имеющего обязательства перед иностранными контрагентами [11]. Распространённая доктринальная позиция исходит из того, что лицо, утратившее долю, выбывает из договора, а лицо, приобретшее её, в договор само по себе не входит [2]. Такое решение последовательно, но ставит прочность договора в зависимость от постоянства состава его сторон.

Вопрос исследования формулируется так: в какой мере и на каком основании позиция стороны корпоративного договора переходит к приобретателю доли, если закон молчит, а два крайних решения (строгая относительность и следование договора за долей) приводят к неприемлемым последствиям. Задача состоит в том, чтобы вывести меру связанности приобретателя из объёма публичности, который закон придал корпоративному договору, и проверить полученное правило на граничных случаях: продаже доли подконтрольному лицу, наследовании доли, реорганизации участника и продаже доли с публичных торгов.

Материалы и методы исследования

Материал исследования образуют нормы ГК РФ о корпоративном договоре (ст. 67.2), об относительности обязательства (ст. 308), о переводе долга и передаче договора (ст. 391, 392.3), о моменте заключения договора для третьих лиц (п. 3 ст. 433), о сохранении договора аренды при смене собственника (ст. 617), о составе наследства и наследовании доли (ст. 1112, 1176) и о правопреемстве при реорганизации (ст. 58); положения п. 3 ст. 8 и п. 8, 9 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее также Закон об ООО), ст. 32.1 Закона об АО, подп. «л.1» и «л.2» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее также Закон № 129-ФЗ). Все акты изучены в редакциях, действующих на 16 сентября 2026 г. Разъяснения высших судов привлечены в части, относящейся к действию договора против третьих лиц и к перемене стороны договора: п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49, п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 и п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73. Сравнительный материал ограничен тремя нормами, которые прямо связывают действие ограничения против приобретателя с его осведомлённостью или с публичностью ограничения: § 202(a) Общего закона о корпорациях штата Делавэр, ст. 1123 Французского гражданского кодекса в редакции ордонанса от

10.02.2016 № 2016-131 и § 15 (5) Закона ФРГ об обществах с ограниченной ответственностью.

Единицей анализа служит правоотношение между приобретателем доли и остальными сторонами корпоративного договора, а предметом проверки выступает нормативное условие, при котором условия договора могут быть противопоставлены приобретателю. Применены формально-юридический анализ перечисленных норм, логико-дедуктивный вывод из принципа относительности обязательства и принципа гласности обременений, сравнительно-правовой метод в объёме названных зарубежных норм и проверка выведенного правила на четырёх граничных случаях. Последовательность операций такова. Сначала реконструируются посылки двух конкурирующих решений и устанавливается, какое нормативное условие делает каждое из них неприемлемым; затем из норм о публичности корпоративного договора выводится критерий противопоставимости его условий приобретателю; далее критерий применяется к ситуациям сингулярного и универсального правопреемства, а случаи, в которых он отказывает, служат проверкой границ конструкции. Доктринальные положения привлекаются как посылки и контрпозиции; предметом операций остаются нормы, понятия и отношения между ними.

Результаты и обсуждение

Первое решение исходит из обязательственной природы корпоративного договора. В доктрине корпоративный договор относят к предпринимательским договорам, порождающим обязательственные, а не корпоративные отношения [3]. Он упорядочивает осуществление корпоративных прав, но сам корпоративного эффекта не создаёт, и отсылка п. 5 ст. 67.2 ГК РФ к ст. 308 ГК РФ прочитывается как подтверждение того, что договор связывает только подписавших его лиц. Пункт 3 ст. 308 ГК РФ устанавливает, что обязательство не создаёт обязанностей для третьих лиц, и допускает возникновение у них лишь прав. Тот же вывод следует из разграничения договора между участниками и договора участников с третьим лицом по п. 9 ст. 67.2 ГК РФ. Первый порождает организационное отношение, второй порождает обязательственное, а третье лицо приобретает права из такого договора только собственным участием в нём [12], [13]. Вопрос о круге возможных сторон, включая членов органов управления, обсуждается отдельно [7], но и он предполагает, что статус стороны приобретается участием в договоре. Немецкий правопорядок допускает винкуляцию долей уставом (§ 15 (5) GmbHG), и такое ограничение действует против любого приобретателя, тогда как соглашение участников вне устава связывает только его стороны; в сравнительной литературе соглашение акционеров описывается как инструмент частного упорядочения, содержание которого ограничено лишь императивными нормами и который затрагивает интересы третьих лиц, не связывая их [14]. Логика первого решения последовательна, но обесценивает институт. Договор прочен ровно настолько, насколько прочен состав его сторон, и обходится продажей доли подконтрольному лицу.

Второе решение мыслимо по образцу п. 1 ст. 617 ГК РФ, который устанавливает, что переход права собственности на сданное в аренду имущество не является основанием для изменения или расторжения договора аренды. Обязательства из корпоративного договора рассматривались бы тогда как обременение доли, следующее за ней к любому приобретателю. Устойчивость договора такая модель обеспечивала бы, однако она несовместима с тремя нормативными положениями. Доля обременялась бы здесь не правом третьего лица, как при залоге, а чужими обязанностями; такое следование обязанностей за объектом закон допускает лишь в прямо предусмотренных случаях, каким для аренды служит ст. 617 ГК РФ, а для доли аналогичной нормы нет. Правовой режим сделок с долями в ООО раскрывается через статус сторон, порядок совершения сделки и последствия её нарушения [4], и переход обязательственных позиций отчуждателя в этот режим не входит. Далее, ст. 392.3 ГК РФ подчиняет передачу договора правилам об уступке требования и о переводе долга, а п. 2 ст. 391 ГК РФ признаёт перевод долга без согласия кредитора ничтожным; само согласие кредитора квалифицируется как согласие третьего лица на совершение сделки [9]. Позиция в корпоративном договоре всегда включает обязанности, поэтому её автоматический переход исключён. Наконец, п. 4 ст. 67.2 ГК РФ предусматривает, что содержание корпоративного договора непубличного общества конфиденциально и раскрытию подлежит только факт его заключения; требовать от приобретателя соблюдения условий, которых он не мог узнать при любой осмотрительности, значит вменять ему невозможное.

Показательно, что и в аренде, служащей образцом для этой модели, следование договора за вещью поставлено в зависимость от его гласности. Согласно п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 к отношениям пользователя по незарегистрированному договору аренды и приобретателя недвижимой вещи п. 1 ст. 617 ГК РФ не применяется. Общее правило п. 3 ст. 433 ГК РФ закрепляет тот же принцип: подлежащий регистрации договор считается для третьих лиц заключённым с момента его регистрации.

Выбор между относительностью и следованием оказывается ложной развилкой, если учесть объём публичности договора. Частное право устойчиво связывает действие обременений против третьих лиц с их гласностью. Скрытое обременение третьим лицам не противопоставляется, публичное противопоставляется. Разъяснение п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 доводит эту связь до критерия осведомлённости, поскольку незарегистрированный договор не влечёт юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении. Публичность корпоративного договора ступенчата. Общество уведомляется о факте заключения договора (п. 4 ст. 67.2 ГК РФ, п. 3 ст. 8 Закона об ООО, п. 4.1 ст. 32.1 Закона об АО); в ЕГРЮЛ вносятся сведения о наличии договора, определяющего объём правомочий участников непропорционально размерам их долей, и договора, предусматривающего ограничения и условия отчуждения долей (подп. «л.1», «л.2» п. 1 ст. 5 Закона № 129-ФЗ); публичное общество раскрывает уведомления о приобретении по соглашению права определять голосование сверх пороговых значений (п. 5, 5.1 ст. 32.1 Закона об АО). Содержание договора непубличного общества при этом остаётся закрытым.

Усечённой публичности должна отвечать усечённая противопоставимость, и зачаток такого подхода в законе уже есть. Абзац третий п. 6 ст. 67.2 ГК РФ допускает признание недействительной сделки, совершённой стороной в нарушение корпоративного договора, если другая сторона сделки знала или должна была знать об установленных договором ограничениях. Законодатель сам поставил эффект договора против третьего лица в зависимость от осведомлённости последнего; эту логику осталось довести до положения приобретателя доли. Вопрос о действии договора против лиц, не являющихся его сторонами, ставится в литературе и применительно к самой корпорации, условия договора которой могут связывать менеджмент в отношении конкретного управленческого решения [1]. Предлагаемая конструкция оставляет этот вопрос в стороне и относится к положению приобретателя доли.

Доктрина ограниченного правопреемства состоит в следующем. Позиция стороны корпоративного договора переходит к приобретателю доли в меру его осведомлённости о содержании договора, причём переход распадается на два различных эффекта. Первый эффект – противопоставимость – возникает в силу самого знания. Приобретатель, которому содержание договора раскрыто или который должен был выяснить его при должной осмотрительности, не вправе ссылаться на необязательность для него чужих договорённостей. Голосование вопреки раскрытым ему ограничениям и сделки в обход таких ограничений образуют извлечение преимущества из недобросовестного поведения, запрещённое п. 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, а к сделкам приобретателя по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) применим абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ, установленный для контрагентов стороны договора. Пункт 5 ст. 67.2 ГК РФ этому не препятствует. Осведомлённый приобретатель не становится должником по чужому договору и не принимает на себя ни одной его обязанности; его связывает обращённый к любому участнику оборота запрет извлекать выгоду из собственной недобросовестности. Стандарт осведомлённости заимствуется при этом не из вещного права, где для защиты приобретателя достаточно отсутствия сомнений в правовом основании приобретения [6], а из самого п. 6 ст. 67.2 ГК РФ. В рамках предлагаемой конструкции приобретатель должен был знать об ограничениях, если сведения о них внесены в ЕГРЮЛ либо факт заключения договора был ему сообщён и он мог запросить его содержание. Для акционерного соглашения п. 4 ст. 32.1 Закона об АО формулирует стандарт строже, требуя, чтобы контрагент знал или заведомо должен был знать об ограничениях; это расхождение нуждается в устранении, поскольку объём должной осмотрительности

приобретателя определяется доступностью сведений о договоре, одинаковой для обществ обеих форм.

Второй эффект, полное правопреемство позиции вместе с активными правами из договора, наступает только через присоединение приобретателя к договору. Механизм присоединения даёт ст. 392.3 ГК РФ, подчиняющая передачу договора правилам об уступке требования и переводе долга; по разъяснению п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 к вступившему в договор третьему лицу переходит комплекс прав и обязанностей по договору в целом. Согласие остальных сторон на замену стороны может быть дано заранее. По абз. 2 п. 2 ст. 391 ГК РФ при предварительном согласии кредитора перевод считается состоявшимся с получением кредитором уведомления о переводе. Корпоративный договор, содержащий предварительное согласие всех сторон на переход позиции к любому приобретателю доли вместе с обязанностью отчуждателя обеспечить присоединение, приобретает свойства открытого многостороннего договора; в доктрине многосторонних договоров предложено различать закрытые и открытые договоры [10], и договор с таким согласием относится ко вторым. Присоединение оформляется соглашением отчуждателя и приобретателя о передаче позиции с уведомлением остальных сторон, а в договорной практике для этого служит оговорка о присоединении (deed of adherence), которая относится к тем зарубежным договорным механизмам, перспективы имплементации которых обсуждаются в отечественной литературе [8]. Различие двух эффектов принципиально. Противопоставимость лишает осведомлённого приобретателя возможности действовать вопреки известным ему ограничениям и оставляет его вне круга кредиторов по договору. Присоединение делает его полноправной стороной с правами и обязанностями.

Такую меру связанности знают и другие правопорядки. По § 202(a) Общего закона о корпорациях штата Делавэр ограничение оборота ценных бумаг, не отражённое заметным образом на сертификате акций, недействительно против любого лица, кроме того, кто фактически знал об ограничении. Французский законодатель при реформе обязательственного права предоставил бенефициару преференциального пакта (pacte de préférence) иск о недействительности договора или о замещении им третьего лица, если третье лицо знало о существовании пакта и о намерении бенефициара им воспользоваться (ст. 1123 ФГК). Немецкое разграничение уставной винкуляции, действующей против всех, и обязательственной оговорки, связывающей только стороны, держится на том же принципе: устав публичен, соглашение – нет. Ту же логику показывает польское регулирование, где ограничение оборота долей (lock-up) закрепляется в учредительном документе общества [15], то есть в акте, обязательном для каждого участника, включая приобретателя доли. Во всех названных правопорядках мера действия ограничения против приобретателя определяется гласностью ограничения либо фактическим знанием о нём, то есть тем критерием, который в российском праве заложен в абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ.

Пределы предложенной меры проступают в граничных случаях. При продаже доли подконтрольному лицу критерий осведомлённости работает без изъятий. Осведомлённость подконтрольного лица о содержании договора презюмируется через контролирующего его отчуждателя, поэтому ограничения договора ему противопоставимы, а обход договора сменой формального владельца не достигает цели. Осведомлённость годится как критерий там, где доля переходит по сделке, и отказывает при универсальном правопреемстве, поскольку наследник принимает наследственную массу целиком, включая долги, о которых не знал. Фильтром при наследовании доли служит не знание, а существо обязательства: по абз. 2 ст. 1112 ГК РФ в состав наследства не входят права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя. По предлагаемому здесь толкованию обязанности голосовать согласованно, построенные на взаимном доверии участников, относятся к таким обязанностям и с долей не переходят; обязанности имущественного содержания (продать или приобрести долю по определённой цене при наступлении обстоятельств) личной связи лишены и входят в наследство вместе с долей (абз. 1 ст. 1112, п. 1 ст. 1176 ГК РФ). Там, где устав требует согласия остальных участников на переход доли к наследнику (п. 8 ст. 21 Закона об ООО), вопрос о договорной позиции снимается вместе с отказом в согласии. Реорганизация участника подчинена началу универсального правопреемства иначе, чем наследование. Права и обязанности реорганизованного юридического лица переходят к правопреемнику (п. 1, 2 ст. 58 ГК РФ), а обязанности юридического лица по общему правилу к неразрывно связанным с личностью отнести нельзя, поэтому договорная позиция переходит вместе с долей, если корпоративный договор такой переход прямо не исключает. На публичных торгах при обращении взыскания на долю и при её продаже в процедуре банкротства осведомлённость, напротив, действует в чистом виде. Если сведения об ограничениях отчуждения внесены в ЕГРЮЛ, покупатель презюмируется знающим об их существовании и несёт бремя запросить содержание договора, скрытые же от него условия ему не противопоставимы; сам переход прав и обязанностей участника по доле, проданной с публичных торгов, закон связывает с согласием участников (п. 9 ст. 21 Закона об ООО).

Договорная профилактика полезна, но не самодостаточна. Оговорки о прекращении договора при отчуждении доли, обязанность продавца обеспечить присоединение приобретателя и временные соразмерные ограничения распоряжения долями, допустимость которых признаётся в доктрине [5], защищают договор лишь опосредованно. Санкции за нарушение обязанности обеспечить присоединение разделяют общий для корпоративного договора дефицит принудительности. Явно несоразмерную неустойку суд вправе уменьшить (ст. 333 ГК РФ), а размер убытков от несостоявшегося присоединения зависит от гипотетического хода голосований и потому трудно доказуем. Договорные оговорки охраняют право на неустойку, а сохранение самой договорной позиции при смене участника требует нормы о противопоставимости её условий осведомлённому приобретателю.

Заключение

Изложенное решение – не компромисс между двумя крайностями, а следствие того объёма гласности, которым закон наделил корпоративный договор. De lege lata мера связанности приобретателя доли выводима из абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ, принципа добросовестности и ст. 392.3 ГК РФ. Приобретатель, знавший или обязанный знать о договорных ограничениях, связан ими как участник оборота, но не как должник; полноправной стороной он становится через присоединение с заранее данного согласия остальных участников договора. При наследовании доли место осведомлённости занимает существо обязательства, реорганизация участника переносит позицию на правопреемника в силу универсального правопреемства, а покупатель доли на публичных торгах считается осведомлённым об ограничениях, внесённых в ЕГРЮЛ.

De lege ferenda заслуживает обсуждения дополнение ст. 67.2 ГК РФ правилом о судьбе договора при отчуждении доли: переход к осведомлённому приобретателю договорных ограничений, обязанность отчуждателя ознакомить приобретателя с содержанием договора на условиях конфиденциальности, право остальных сторон понуждать к присоединению осведомлённого приобретателя, который от него уклоняется, и единый для обществ обеих форм стандарт осведомлённости. Устойчивость договора к смене состава участников и есть тот элемент минимальной исполнимости, который придаст широте его дозволенного содержания реальную опору.

Литература

1. Богусевич С.И. О возможности противопоставления корпорации корпоративного договора ее участников // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 2. С. 121-136. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.121-136

2. Гутенева А.В. Торговый и корпоративный договоры: проблемы соотношения и тенденции применения в деловой практике // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 102-109. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.102-109

3. Ситдикова Л.Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 3. С. 2-7. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-3-2-7

4. Босык О.И. Понятие правового режима сделок участников общества с ограниченной ответственностью, влекущих переход доли в уставном капитале // Юрист. 2025. № 8. С. 12-20. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-8-12-20

5. Мельник Д.Э. Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ // Юридический мир. 2026. № 2. С. 32-35. DOI: 10.18572/1811-1475-2026-2-32-35

6. Мальбин Д.А. Спорные вопросы знания добросовестного приобретателя о неуправомоченности отчуждателя // Юридический мир. 2023. № 1. С. 39-42. DOI: 10.18572/1811-1475-2023-1-39-42

7. Могилевский С.Д., Крылов В.Г. Члены органов управления хозяйственных обществ как участники корпоративного договора // Гражданское право. 2026. № 4. С. 2-4. DOI: 10.18572/2070-2140-2026-4-2-4

8. Кудрявцева О.В. Перспективы имплементации в российское законодательство механизмов договорной правовой защиты из зарубежных правопорядков // Хозяйство и право. 2026. № 6. С. 90-98. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-6-90-98

9. Поваров Ю.С. Вопросы формы и государственной регистрации перевода долга (в аспекте предметных границ действия принципа следования) // Российский судья. 2025. № 10. С. 3-8. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-10-3-8

10. Ибадова Л.Т. Многосторонние договоры в российском гражданском праве: проблемы теории и практики // Lex russica. 2026. Т. 79. № 3. С. 66-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.066-076

11. Поляков М.А., Лаврентьев С.А. Правовые риски кредиторов при банкротстве организаций, ведущих внешнеэкономическую деятельность в области природопользования и имеющих обязательства перед иностранными контрагентами // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5. № 2. С. 132-143.

12. Васильченко Д.Д. Договор об осуществлении прав участников общества, заключаемый с третьими лицами в гражданском праве Российской Федерации // Юридические исследования. 2017. № 3. С. 52-60. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.3.22154

13. Перепелкин В.М. Правовые проблемы заключения квазикорпоративных договоров с третьими лицами // Теория и практика общественного развития. 2025. № 9. С. 205-210. DOI: 10.24158/tipor.2025.9.25

14. Braut Filipović M. How can shareholders' agreements shape corporate governance and directors' liability? // InterEULawEast. 2022. Vol. 9. No. 2. Pp. 193-222. DOI: 10.22598/iele.2022.9.2.7

15. Moniczewski K. The Lock-Up Clause in a Polish Limited Liability Company: A Legal and Economic Analysis in the Context of Private Equity and Venture Capital Investments // Journal for Perspectives of Economic Political and Social Integration. 2025. Vol. 31. No. 1. Pp. 189-209. DOI: 10.18290/pepsi-2025-0007

Succession to a party's position under a corporate agreement upon transfer of a share: the doctrine of limited succession

Dubrovsky I.A.

Academy of Labour and Social Relations

Article 67.2 of the Russian Civil Code does not say whether a party's position under a corporate agreement passes to the transferee of a share: paragraph 8 preserves the agreement among the remaining parties, paragraph 5 denies duties for non-parties. Strict privity lets a party escape the agreement by selling the share to a controlled entity; automatic transfer of obligations binds the buyer to confidential terms. The transferee's degree of boundness is derived here from the graduated publicity the statute gives to the agreement. The material comprises Russian statutory rules on corporate agreements, share transfers, contract transfer and succession, guidance of the higher courts, and Delaware, French and German provisions on restrictions binding a transferee; the methods are formal legal analysis, deduction from the principles of privity and publicity of encumbrances, comparative analysis and a test against borderline cases. Under the doctrine of limited succession a transferee who knew or should have known the agreement's contents cannot act contrary to its restrictions, though no obligation passes to him; full succession requires accession under the rules on contract transfer with the other parties' advance consent. On inheritance the knowledge test yields to the nature of the obligation, on a member's reorganization the position follows the share, and an auction buyer is presumed to know restrictions recorded in the state register. The knowledge standards of the Civil Code and the Joint-Stock Companies Law diverge. A statutory supplement is proposed: restrictions pass to an informed transferee, the transferor must disclose the agreement under confidentiality, and the other parties may compel an evasive informed transferee to accede.

Keywords: corporate agreement, share transfer, succession, opposability, good faith, deed of adherence, information asymmetry.

References

1. Bogusevich S.I. On the Possibility of Opposing a Corporate Agreement of Its Participants to the Corporation // Actual Problems of Russian Law. 2026. Vol. 21. No. 2. Pp. 121-136. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.121-136
2. Guteneva A.V. Trade and Corporate Agreements: Problems of Correlation and Trends in Their Application in Business Practice // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 1. Pp. 102-109. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.102-109
3. Sitdikova L.B. Corporate Agreement as a Method of Exercising the Rights of Participants in Corporate Relations // Jurist. 2024. No. 3. Pp. 2-7. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-3-2-7
4. Bosyk O.I. The Concept of the Legal Regime of Transactions by Participants of a Limited Liability Company Entailing the Transfer of a Share in the Charter Capital // Jurist. 2025. No. 8. Pp. 12-20. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-8-12-20
5. Melnik D.E. Corporate Agreement as a Means of Limiting Corporate Rights of Participants in Business Associations // Legal World. 2026. No. 2. Pp. 32-35. DOI: 10.18572/1811-1475-2026-2-32-35
6. Malbin D.A. Controversial Issues of a Bona Fide Purchaser's Knowledge of the Transferor's Lack of Authority // Legal World. 2023. No. 1. Pp. 39-42. DOI: 10.18572/1811-1475-2023-1-39-42
7. Mogilevskiy S.D., Krylov V.G. Members of Management Bodies of Commercial Entities as Participants in Corporate Agreements // Civil Law. 2026. No. 4. Pp. 2-4. DOI: 10.18572/2070-2140-2026-4-2-4
8. Kudryavtseva O.V. Prospects for Implementing Contractual Legal Protection Mechanisms from Foreign Legal Orders into Russian Legislation // Economy and Law. 2026. No. 6. Pp. 90-98. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-6-90-98
9. Povarov Yu.S. Questions of Form and State Registration of Debt Transfer (in the Aspect of the Subject-Matter Boundaries of the Principle of Following) // Russian Judge. 2025. No. 10. Pp. 3-8. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-10-3-8
10. Ibadova L.T. Multilateral Agreements in Russian Civil Law: Problems of Theory and Practice // Lex russica. 2026. Vol. 79. No. 3. Pp. 66-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.066-076
11. Polyakov M.A., Lavrentev S.A. Legal Risks of Creditors in the Bankruptcy of Organizations Engaged in Foreign Economic Activity in the Field of Environmental Management and Having Obligations to Foreign Counterparties // Environmental Management Issues. 2026. Vol. 5. No. 2. Pp. 132-143.
12. Vasilchenko D.D. Agreement on the Exercise of Participants' Rights Concluded with Third Parties in the Civil Law of the Russian Federation // Legal Studies. 2017. No. 3. Pp. 52-60. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.3.22154
13. Perepelkin V.M. Legal Problems of Concluding Quasi-Corporate Agreements with Third Parties // Theory and Practice of Social Development. 2025. No. 9. Pp. 205-210. DOI: 10.24158/tipor.2025.9.25
14. Braut Filipović M. How can shareholders' agreements shape corporate governance and directors' liability? // InterEULawEast. 2022. Vol. 9. No. 2. Pp. 193-222. DOI: 10.22598/iele.2022.9.2.7
15. Moniczewski K. The Lock-Up Clause in a Polish Limited Liability Company: A Legal and Economic Analysis in the Context of Private Equity and Venture Capital Investments // Journal for Perspectives of Economic Political and Social Integration. 2025. Vol. 31. No. 1. Pp. 189-209. DOI: 10.18290/pepsi-2025-0007

Проблемы злоупотреблением процессуальными правами участниками процесса в арбитражном суде первой инстанции

Кириллова Мария Евгеньевна
магистр, Юридический факультет имени М.М. Сперанского, ИПиНБ РАНХиГС, mkirillova-24-01@ranepa.ru

В статье исследуются проблемы недобросовестного использования процессуальных прав участниками арбитражного судопроизводства на стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции. Анализируются правовые и организационные трудности выявления злоупотреблений, рассматриваются типичные формы недобросовестного поведения, включая затягивание процесса, манипуляции с доказательствами и предоставление ложных сведений. Особое внимание уделяется недостаткам нормативного регулирования и правоприменительной практики. Автором предлагаются конкретные меры по совершенствованию процессуального законодательства и повышению эффективности судебного контроля за добросовестностью участников процесса.
Ключевые слова: арбитражный процесс, злоупотребление правом, суд первой инстанции, процессуальная добросовестность, доказательства, эстоппель, бремя доказывания, судебная практика.

Введение

Арбитражное судопроизводство традиционно строится на принципах состязательности и равноправия сторон. Эти фундаментальные начала предполагают, что каждый участник процесса использует предоставленные ему законом права для защиты собственных интересов, не нарушая при этом прав других лиц и не создавая препятствий для отправления правосудия. Однако на практике нередко встречаются случаи, когда процессуальные инструменты применяются не по назначению – для затягивания разбирательства, сокрытия значимой информации или введения суда в заблуждение.

Проблема приобретает особую остроту в суде первой инстанции, поскольку именно здесь формируется доказательственная база и принимается решение по существу спора. Недобросовестное поведение на этом этапе способно свести на нет все усилия противоположной стороны и существенно подорвать авторитет судебной власти.

Законодатель, закрепляя в части 2 статьи 41 АПК РФ обязанность добросовестно пользоваться процессуальными правами, не даёт чётких критериев, позволяющих отличить допустимую процессуальную активность от злоупотребления. Это порождает правовую неопределённость и возлагает на суды бремя самостоятельной квалификации поведения участников процесса[18].

Настоящая статья ставит своей целью систематизировать основные формы процессуальных злоупотреблений, выявить недостатки существующего правового регулирования.

Понятие и признаки злоупотребления процессуальными правами

Отсутствие легального определения злоупотребления процессуальными правами в АПК РФ является одной из главных проблем, затрудняющих единообразное применение законодательства. В отличие от материального права, где статья 10 ГК РФ содержит достаточно развёрнутую характеристику злоупотребления, процессуальный закон ограничивается лишь указанием на неблагоприятные последствия[1].

В доктрине сложилось понимание злоупотребления процессуальным правом как умышленного недобросовестного действия, внешне соответствующего формальным требованиям закона, но совершаемого с целью, противоречащей задачам судопроизводства. Такой подход акцентирует внимание на двух ключевых аспектах: объективном (действие формально правомерно) и субъективном (цель действия противоположна назначению права).

Судебная практика выработала критерий «очевидного отклонения» от стандартов добросовестного поведения. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, суд вправе признать поведение стороны недобросовестным по собственной инициативе, если недобросовестность явно усматривается из обстоятельств дела[2]. Это позволяет судам пресекать наиболее грубые нарушения даже при отсутствии заявления другой стороны.

Вместе с тем в научной литературе обращается внимание на то, что субъективный критерий (умысел) крайне сложно доказуем, а объективный (несоответствие назначению права) оставляет широкий простор для судейского усмотрения. Представляется, что оптимальным является сочетание обоих подходов с акцентом на объективную сторону: злоупотребление налицо, если поведение участника процесса объективно не соответствует тому, что можно было бы ожидать от добросовестного лица в аналогичной ситуации.

В юридической науке разграничиваются несколько подходов к злоупотреблению правом в целом. Субъективная концепция (П.В. Шумов)[22] связывает злоупотребление с умыслом причинить вред: лицо использует право с единственной целью – нанести ущерб другому участнику отношений. Объективная концепция акцентирует внимание на объективном отклонении поведения от стандарта добросовестного участника процесса. Комментарий к АПК РФ под редакцией В.В. Яркова фиксирует, что злоупотребление в процессе должно быть связано либо с намерением причинить вред другому лицу без цели получить для себя выгоду, либо с использованием права вопреки его назначению[17].

Недопустимость злоупотребления правом в судебных спорах была отражена в фундаментальном Пленуме Верховного суда РФ. Так, в пункте 1 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 №

25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения[2].

Верховный Суд РФ и ВАС РФ неоднократно подчеркивали, что даже если лицо формально действовало в рамках закона (предоставленных полномочий), суд может квалифицировать те или иные действия как злоупотребление правом. В Определении Верховного суда РФ от 26.10.2015 № 304-ЭС15-5139 указано, что «формальное соблюдение требований законодательства не является достаточным основанием для вывода о том, что в действиях лица отсутствует злоупотребление правом»[10]. В Определении Верховного суда РФ от 09.12.2014 по делу № 305-ЭС14-3435 отмечено: «для обеспечения баланса прав сторон суд может не принять доводы лица, злоупотребившего правом, обосновывающего соответствие своих действий по осуществлению принадлежащего ему права формальным требованиям законодательства»[9]. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 21.05.2013 № 17388/12 по делу № А60-49183/2011 содержит аналогичную позицию[8].

Основные формы злоупотребления процессуальными правами в суде первой инстанции

Судебная практика выработала ряд типичных форм злоупотребления процессуальными правами. Каждая из этих форм имеет свои особенности и требует специфических способов противодействия.

Наиболее частым проявлением недобросовестности является сознательное затягивание процесса. Спектр используемых приёмов крайне широк: от систематической неявки в судебные заседания до подачи многочисленных ходатайств, не имеющих под собой реальных оснований.

В практике арбитражных судов наиболее распространены следующие способы злоупотребления с целью затягивания судебного процесса:

неоднократная неявка надлежаще извещённых сторон (Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.04.2021 № Ф02-1021/2021 по делу № А33-30517/2018);

регулярная подача ходатайств, направленных на затягивание производства по делу, например об отложении судебного заседания в отсутствие уважительных причин (Апелляционное определение Апелляционной коллегии ВС РФ от 15.11.2018 № АПЛ18-15Д);

подача заведомо необоснованных ходатайств (о привлечении третьих лиц, которые не имеют никакого отношения к спору; о запросе документов, которые не могут быть направлены либо которых нет в природе; о назначении экспертизы при отсутствии по делу вопросов, требующих профессиональных компетенций);

заявление ходатайства о проведении примирительных процедур либо выражение согласия с проведением таких процедур без цели примирения (п. 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе»).

Особого внимания заслуживает практика подачи встречных исков на поздних стадиях процесса. В одном из дел Арбитражный суд Кировской области квалифицировал действия ответчика как злоупотребление, поскольку встречный иск был подан спустя несколько месяцев после принятия первоначального иска, незадолго до вынесения решения[24]. Такой подход представляется обоснованным: встречный иск, предъявляемый без разумных причин на финальной стадии разбирательства, объективно направлен на срыв судебного заседания.

Не менее показательным является механизм затягивания вступления решения в силу через подачу апелляционной жалобы с нарушениями требований к оплате государственной пошлины. Оставляя такую жалобу без движения, суд предоставляет заявителю дополнительное время, фактически отсрочивая момент вступления решения в законную силу.

Противодействие таким злоупотреблениям затруднено отсутствием в законе чётких критериев для отказа в удовлетворении ходатайств. Суды вынуждены каждый раз оценивать добросовестность заявителя, что неизбежно влечёт субъективизм.

Несвоевременное раскрытие доказательств – ещё один распространённый приём недобросовестных участников процесса. Часть 3 статьи 65 АПК РФ устанавливает обязанность сторон заблаговременно знакомить друг друга с представляемыми доказательствами. Однако за нарушение этой обязанности закон не предусматривает существенных санкций.

Более того, в соответствии с позицией Высшего Арбитражного Суда РФ, суд обязан исследовать любые доказательства, представленные сторонами, даже если они были раскрыты с нарушением установленного порядка[5]. Это фактически лишает правило о заблаговременном раскрытии какого-либо сдерживающего значения.

На практике сторона, утаивающая ключевое доказательство до последнего момента, получает тактическое преимущество: оппонент лишается возможности подготовить мотивированные возражения. Суд, в свою очередь, оказывается перед выбором: отложить рассмотрение дела или исследовать доказательство без должной проверки. И тот, и другой вариант негативно сказывается на качестве правосудия.

Предоставление ложных сведений. Особую опасность представляет практика предоставления суду ложных объяснений. В отличие от свидетелей и экспертов, предупреждаемых об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, стороны и их представители не несут никакой ответственности за устную или письменную ложь.

Согласно части 1 статьи 41 АПК РФ, лица, участвующие в деле, имеют право заявлять ходатайства, делать заявления, давать объяснения арбитражному суду. Согласно части 1 статьи 81 АПК РФ, лицо, участвующее в деле, представляет арбитражному суду свои объяснения об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для дела, в письменной или устной форме. При этом данные объяснения являются доказательствами по делу, на основании в том числе которых принимается решение по делу — часть 2 статьи 64 АПК РФ[1].

Нужно сразу оговориться, что за дачу ложного заключения или дачу ложных показаний эксперт и свидетель соответственно несут уголовную ответственность, о чём они предупреждаются арбитражным судом и дают подписку (часть 5 статьи 55, часть 4 статьи 56 АПК РФ). Однако за дачу ложных письменных и особенно устных пояснений суду стороны по делу и третьи лица не несут абсолютно никакой ответственности, что крайне негативно влияет на судопроизводство в целом и подрывает авторитет судебной власти.

Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 46 предусматривает, что сообщение заведомо ложных сведений может повлечь отнесение судебных расходов на недобросовестную сторону или оставление иска без рассмотрения[4]. Однако данные меры являются скорее декларативными: судебные расходы редко покрывают реальные потери добросовестного участника, а оставление иска без рассмотрения не всегда возможно в силу процессуальных ограничений.

В судебной практике сформировался устойчивый подход, согласно которому квалификация процессуального поведения в качестве злоупотребления правом предполагает последовательное решение двух задач: первоочередной задачей выступает нейтрализация положительного результата, извлечённого субъектом из соответствующего поведения. Лишь затем становится возможным применение к нарушителю мер юридической ответственности. Подобная логика обусловлена тем, что злоупотребление правом относится к категории правонарушений, а потому реакция правопорядка должна быть направлена прежде всего на устранение противоправного эффекта, а не на карательное воздействие как таковое. Данный подход получил закрепление в актах высших судебных инстанций: Верховный Суд Российской Федерации, а ранее Высший Арбитражный Суд Российской Федерации неоднократно указывали, что непосредственной целью санкции статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации является не наказание лица, злоупотребившего правом, а защита прав лица, потерпевшего от такого злоупотребления, что наиболее отчётливо выражено в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 127 «Об обзоре практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса РФ»[6].

В этой связи следует упомянуть о применении принципа «эстоппель». Согласно сложившейся судебной практике, принцип эстоппель применяется, если непоследовательное поведение стороны является недобросовестным, то есть противоречит её предшествующим действиям и заявлениям.

В 2025 году Верховный Суд РФ существенно уточнил применение эстоппеля. В Определении от 13.11.2025 № 305-ЭС20-13365 указано, что в АПК РФ выражен принцип эстоппеля: сторона лишается права ссылаться на обстоятельства, которые не были исследованы нижестоящими судами, поскольку без уважительных причин не приводились этой стороной в обоснование своей позиции[16].

Кроме того, Определением ВС РФ от 14.02.2025 № 303-ЭС22-15014 введён новый стандарт: теперь ссылаться на эстоппель может только добросовестное лицо. Суд проверяет добросовестность всех участников конфликта. Если заявитель сам действовал недобросовестно, в применении эстоппеля будет отказано[14].

Возможность применения правила «эстоппель» в арбитражном процессе была неоднократно подтверждена Высшим Арбитражным Судом РФ (Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7; от 24.06.2014 № 1332/14 по делу № А65-30438/2012) и воспринята в практике Верховного Суда РФ. Практика применения «эстоппеля» запрещает стороне противоречивое поведение, лишая её права ссылаться на обстоятельства, которые были отвергнуты или противоречат предыдущим действиям или заявлениям[7].

Эстоппель – это оспоримая презумпция. Изменение тактики не всегда является злоупотреблением и может быть обусловлено объективными причинами. Однако с учётом новых разъяснений ВС РФ (2025 год) ужесточены требования к добросовестности заявителя: для применения эстоппеля необходимо доказать собственную добросовестность и разумность полагания на действия другой стороны.

Помимо этого, обращается внимание на то, что недостоверность объяснений сторон должна влечь не только негативные последствия в виде аннулирования процесса, но и порождать персональную ответственность таких участников процесса. Подобная логика обусловлена недопустимостью обмана суда, поскольку любое решение, основанное на лжи, не является правосудным и противоречит принципу верховенства права. Приведённый подход предполагает, что при доказанности факта представления ложных сведений со стороны участников процесса такое решение подлежит отмене.

Проблема распределения бремени доказывания

Согласно части 2 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ, обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права. При этом согласно статье 133 АПК РФ задачами подготовки дела к судебному разбирательству являются определение характера спорного правоотношения и подлежащего применению законодательства, обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела.

То есть суд определяет предмет доказывания, а стороны обязаны доказывать обстоятельства, на которых они обосновывают свои требования или возражения. Но в данном случае имеет место недостаточная конкретика действий арбитражного суда. На стадии предварительного заседания определение юридически значимых обстоятельств должно осуществляться судами, однако в законе и разъяснениях Верховного Суда РФ отсутствует указание, как именно и в какой форме должны быть определены данные действия арбитражным судом.

Данная проблема является значимой и на сегодняшний день не решённой. В связи с этим представляется необходимым дополнить положения статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ следующим пунктом: «В целях объективного рассмотрения дела и недопущения недобросовестных действий участников процесса суд с учётом обстоятельств конкретного дела вправе перенести предусмотренное законом бремя доказывания на сторону, по закону бремя доказывания не несущую».

Также путём исправления ситуации могло бы явиться указание в законе на необходимость внесения в определение суда и протокол судебного заседания конкретного порядка действий, необходимых для определения обстоятельств, на основании которых рассматривается дело.

В судебной практике выделяют следующие стандарты доказывания: обычный (баланс вероятностей или разумная степень достоверности), пониженный (минимально необходимая степень достоверности), повышенный (ясные и убедительные доказательства), наиболее высокий (достоверность за пределами разумных сомнений). Однако в АПК РФ эти стандарты не закреплены, что порождает правовую неопределённость.

В п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» указано, что ч. 2 ст. 9, ч. 1 ст. 65, ч. 1 ст. 156 АПК РФ предусматривают, что каждое лицо, участвующее в деле, несёт риск непредставления доказательств[3].

Вместе с тем часто сторона не хочет и не планирует ничего доказывать, считая, что это должен делать процессуальный «оппонент», и суды, к сожалению, иногда воспринимают такое положение дел как нормальное. ВС РФ в Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2017 г. № 305-ЭС17-14948 по делу № А40-148669/2016 указал, что если сторона по делу в обоснование своих доводов приводит доказательства, но противоположная сторона, оспаривая эти доказательства, контрдоказательств не приводит в обоснование своих возражений, возложение на оппонента дополнительного бремени опровержения не подтверждённой документально позиции процессуального оппонента будет противоречить состязательному характеру судопроизводства (статьи 8 и 9 АПК РФ)[11]. Однако часто суды не придают должного значения указанному разъяснению.

Зеленина А.Ю. обращает внимание на то, что анализ практики применения ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ демонстрирует устойчивую тенденцию, при которой в мотивировочной части судебных решений рассматриваемая норма используется преимущественно формально. Как правило, ей предшествует развёрнутый анализ доказательств, осуществляемый в соответствии с ч. 1 ст. 65 АПК РФ, которая закрепляет обязанность каждого лица доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих доводов и возражений. Подобное формальное применение ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ фактически равнозначно её игнорированию, поскольку такая ссылка не несёт ни смысловой, ни доказательственной нагрузки[19].

Интерес представляет и статья А.Г. Карапетова «Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование», в которой приводятся убедительные аргументы в пользу целесообразности использования механизма перераспределения бремени доказывания между сторонами. К сожалению, на практике нередко возникают ситуации, когда бремя доказывания распределяется неправильно, что может быть исправлено посредством внесения изменений в положения статьи 65 АПК РФ.

Доказывание отрицательных фактов

Понятие отрицательного факта, несмотря на его повсеместное присутствие в предмете доказывания, не получило закрепления в Арбитражном процессуальном кодексе РФ. В доктрине под отрицательным фактом наиболее часто понимается отсутствие чего-либо, несовершение каких-либо актов, невыполнение обязательств.

Приведённое определение не охватывает будущих отрицательных фактов, с наступлением которых закон связывает определённые правовые последствия. В качестве примера можно привести невозможность (отсутствие возможности) исполнения будущего судебного акта при требовании о принятии обеспечительных мер (часть 2 статьи 90 АПК РФ), а также невозможность (отсутствие возможности) восстановления платежеспособности должника в результате обращения взыскания залогодержателем на предмет залога (абзац 5 пункта 2 статьи 18.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Доказывание отрицательного факта нередко оказывается невозможным. Вместе с тем процессуальные кодексы не содержат специальных указаний ни о доказывании отрицательного факта в арбитражном или гражданском процессе, ни о невозможности такого доказывания (часть 1 статьи 65 АПК РФ, часть 1 статьи 56 ГПК РФ). Прямого правила, согласно которому отрицательный факт не подлежит доказыванию, ни в АПК, ни в ГПК не содержится. Однако при отсутствии прямого законодательного запрета участник спора не может быть обязан к доказыванию отсутствия.

Позиция о том, что отрицательные факты не доказываются, получила отражение в разъяснении Верховного суда РФ: «... на конкурсного кредитора налагалось бы бремя доказывания отрицательного факта, что недопустимо с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения» (п. 32 обзора судебной практики ВС РФ, № 3, утв. Президиумом ВС 12.07.2017)[12].

Аналогичное правило о недопустимости возложения бремени доказывания отрицательных фактов Верховный суд РФ подчеркнул также в определениях от 19.04.2023 № 305-ЭС22-26720 № А40-

242836/2020; от 29.10.2018 № 308-ЭС18-9470 № А32-42517/2015; от 28.02.2018 № 308-ЭС17-12100 № А32-1593/2016[13].

Вопрос о том, является ли конкретный факт отрицательным, требует отдельного уточнения в каждом случае. Так, недоказанность возражений по иску управляющего не свидетельствовала о том, что суд установил наличие отрицательного факта, имеющего материально-правовое значение (Определение ВС РФ от 13.02.2025 № А40-237648/2018 № 305-ЭС21-926)[14].

Тем не менее, работа в данном направлении ведётся, и можно ожидать устранения данной проблемы путём изменений в правоприменительной практике. Представляется целесообразным закрепить в АПК РФ правило о том, что отрицательные факты не подлежат доказыванию, с отсылкой к сложившейся судебной практике Верховного Суда РФ.

Ответственность за злоупотребление процессуальными правами

Злоупотребление процессуальными правами может повлечь предусмотренные законом последствия. В силу статьи 119 АПК РФ судебные штрафы налагаются арбитражным судом в случаях, предусмотренных АПК РФ. Максимальный размер судебного штрафа для граждан не может превышать 5 тыс. рублей, для должностных лиц – 30 тыс. рублей, для организаций – 100 тыс. рублей. Величина судебного штрафа за злоупотребление процессуальными правами устанавливается арбитражным судом в пределах, предусмотренных кодексом[1].

В юридической науке существует подход к систематизации санкций за злоупотребление процессуальными правами. Так, исследователи П.В. Шумов и Д.С. Карлин подразделяют их на две категории. Первую образуют меры имущественного воздействия, включающие возложение судебных издержек на недобросовестную сторону и наложение судебного штрафа. Вторую категорию представляют меры неимущественного воздействия, основной из которых является отказ суда в удовлетворении соответствующего ходатайства или совершении иного процессуального действия.

Как отмечает подборка судебных решений за 2024 год по статье 111 АПК РФ, вопрос о возложении неблагоприятных последствий на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, отнесён к усмотрению арбитражного суда. При этом законодатель не установил специальных критериев для отнесения того или иного поведения участника арбитражного процесса к злоупотреблению процессуальными правами[19].

Однако даже такое «наказание» видится не вполне достаточным, поскольку в большинстве случаев судебные расходы или штраф не являются чем-то существенным и тем более критичным для коммерческой организации. Для эффективной борьбы со злоупотреблениями в арбитражном процессе необходимо усилить ответственность недобросовестных участников. Данная мера может быть выражена в законодательном закреплении перечня санкций в рамках специальной статьи АПК РФ. Целесообразно распространить действие нормы части 5 статьи 159 АПК РФ на иные деяния, сделав её применимой не только к подаче ходатайств.

В научной литературе и судебной практике обращается внимание на то, что истец, допускающий злоупотребление правами, должен сталкиваться с финансовыми последствиями таких действий. К числу подобных последствий относится, в частности, возложение на него обязанности по погашению судебных издержек, а также возможность применения денежного штрафа. При этом предполагается, что стороны осознают: в случае установления факта злоупотребления правами пострадавшая сторона вправе обратиться с требованием о взыскании компенсации за фактическую потерю времени. Основанием для такого обращения выступает установленная судом недобросовестность в поведении стороны, заявившей неосновательный иск.

Выводы

Проведённое исследование позволяет констатировать, что проблема злоупотребления процессуальными правами в арбитражном суде первой инстанции сохраняет свою остроту и не имеет удовлетворительного решения в рамках существующего правового регулирования. Основные сложности связаны с отсутствием легального определения злоупотребления, неопределённостью критериев недобросовестности и неэффективностью существующих мер ответственности. Судебная практика, несмотря на отдельные прогрессивные решения, остаётся противоречивой и не формирует единых подходов к квалификации недобросовестного поведения.

Решение проблемы требует комплексного подхода, сочетающего законодательные изменения и систематизацию судебной практики. Только такой подход позволит создать условия, при которых недобросовестное поведение перестанет быть экономически выгодным, а правосудие станет более доступным и эффективным. Однако на сегодняшний день злоупотребление процессуальными правами остаётся именно проблемой, которая не решается ни законодательно, ни путём правоприменительной практики, несмотря на внимание со стороны ведущих авторов-процессуалистов.

Практически основная сложность состоит в неопределённости критериев недобросовестности. Судебная практика уже движется к комплексной оценке поведения сторон, однако решение проблемы вряд ли возможно без внесения существенных изменений в положения процессуального законодательства. Суды последовательно вырабатывают критерии злоупотребления: несоответствие действия его процессуальному назначению, системность, причинение ущерба. Вопрос о законодательном закреплении этих критериев остаётся дискуссионным, однако ориентирующее разъяснение Пленума Верховного Суда РФ представляется более эффективным, чем законодательная дефиниция, поскольку позволит обеспечить гибкость без роста правовой неопределённости.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025). – Текст : электронный // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – Текст : электронный // Бюллетень Верховного Суда РФ.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции». – Текст : электронный // Бюллетень Верховного Суда РФ.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции». – Текст : электронный // Бюллетень Верховного Суда РФ.

5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82 (ред. от 01.07.2014) «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса РФ».

6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации». – Текст : электронный // Вестник ВАС РФ.

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 09.09.2026).

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.05.2013 № 17388/12 по делу № А60-49183/2011. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 09.09.2026).

9. Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2014 по делу № 305-ЭС14-3435. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 09.09.2026).

10. Определение Верховного Суда РФ от 26.10.2015 № 304-ЭС15-5139. – Текст : электронный – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/wBOZy03DkWIS/ (дата обращения: 09.09.2026).

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.02.2017 N 305-ЭС17-14948 по делу N А40-148669/2016. – Текст : электронный – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05022017-n-305-es17-14948-po-delu-n-a40-1486692016/?ysclid=mucmut58ob882173237 (дата обращения: 09.09.2026).

12. "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2017)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) (ред. от 29.04.2026).

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2023 N 305-ЭС22-26720 по делу N А40-242836/2020. – Текст : электронный. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-

ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19042023-n-305-es22-26720-po-delu-n-a40-2428362020/?ysclid=mucmwcdtov86290162 (дата обращения: 09.09.2026).

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2025 N 305-ЭС21-926(7) по делу N А40-237648/2018. – Текст : электронный. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13022025-n-305-es21-9267-po-delu-n-a40-2376482018/?ysclid=mucmxg8slg214976221 (дата обращения: 09.09.2026).

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2025 N 303-ЭС22-15014 по делу N А24-5930/2020. – Текст : электронный – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14022025-n-303-es22-15014-po-delu-n-a24-59302020/?ysclid=mucmybbco1524182865 (дата обращения: 09.09.2026).

16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2025 N 305-ЭС20-13365(5,6,7) по делу N А41-14157/2017. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03102025-n-305-es20-13365567-po-delu-n-a41-141572017/?ysclid=mucmz63nvl763375915 (дата обращения: 09.09.2026).

17. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. – 4-е изд. – Москва : Статут, 2020. – 1071 с.

18. Подборка судебных решений за 2024 год: Статья 111 «Отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами» АПК РФ. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 09.09.2026).

19. Решение Арбитражного суда Кировской области от 25.03.2022 по делу № А28-7615/2021. – Текст : электронный // Арбитражный суд Кировской области. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/z0pegoneheZl/?ysclid=mucn1qp62r807319620 (дата обращения: 09.09.2026).

Problems of abuse of procedural rights by participants in proceedings in the court of first instance

Kirillova M.E.
IPiNB RANEPA

The article examines the problems of abuse of procedural rights by participants in arbitration proceedings at the stage of trial in the court of first instance. The author analyzes legal and organizational difficulties in identifying abuses, examines typical forms of unfair behavior, including delaying the process, manipulating evidence and providing false information. Special attention is paid to the shortcomings of regulatory regulation and law enforcement practice. The author proposes specific measures to improve procedural legislation and increase the effectiveness of judicial control over the good faith of participants in the process.

Keywords: arbitration process, abuse of right, court of first instance, procedural good faith, evidence, estoppel, burden of proof, judicial practice.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025). – Electronic version // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Article 3012.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". – Electronic version // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2020, No. 13 "On the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in the Consideration of Cases in the Arbitration Court of Cassation". – Text: electronic // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2021 No. 46 "On the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation When Considering Cases in the Court of First Instance." – Text: electronic // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.
5. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 13.08.2004 No. 82 (as amended on 01.07.2014) "On Certain Issues of Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation".
6. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 25.11.2008 No. 127 "Review of the Practice of Application of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation by Arbitration Courts." – Text: electronic // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.
7. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 22, 2011, No. 13903/10 in case No. A60-62482/2009-C7. – Electronic text // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru (accessed: September 9, 2026).
8. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated May 21, 2013, No. 17388/12 in case No. A60-49183/2011. – Electronic text // SPS "Consultant-Plus". – URL: https://www.consultant.ru (accessed: September 9, 2026).
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.12.2014 in case No. 305-ES14-3435. – Text: electronic // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru (date of access: 09.09.2026).
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.10.2015 No. 304-ES15-5139. – Text: electronic – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/wBOZy03DkWlS/ (date of access: 09.09.2026).
11. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.02.2017 No. 305-ES17-14948 in case No. A40-148669/2016. – Text: electronic –
URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05022017-n-305-es17-14948-po-delu-n-a40-1486692016/?ysclid=mucmut58ob882173237 (date of access: 09.09.2026).
12. "Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2017)" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 12, 2017) (as amended on April 29, 2026).
13. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 19, 2023 No. 305-ES22-26720 in case No. A40-242836/2020. – Text: electronic. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19042023-n-305-es22-26720-po-delu-n-a40-2428362020/?ysclid=mucmwcdtov86290162 (accessed: 09.09.2026).
14. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.02.2025 No. 305-ES21-926(7) in case No. A40-237648/2018. – Text: electronic. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13022025-n-305-es21-9267-po-delu-n-a40-2376482018/?ysclid=mucmxg8slg214976221 (accessed: 09.09.2026).
15. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.02.2025 No. 303-ES22-15014 in case No. A24-5930/2020. – Text: electronic – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14022025-n-303-es22-15014-po-delu-n-a24-59302020/?ysclid=mucmybbco1524182865 (date of access: 09.09.2026).
16. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.10.2025 N 305-ES20-13365(5.6.7) in case N A41-14157/2017. – Text: electronic // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03102025-n-305-es20-13365567-po-delu-n-a41-141572017/?ysclid=mucmz63nvl763375915 (accessed: 09.09.2026).
17. Commentary on the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (article by article) / edited by V. V. Yarkov. – 4th ed. – Moscow: Statut, 2020. – 1071 p.
18. Selection of court decisions for 2024: Article 111 "Allocation of Court Costs to a Person Abusing Their Procedural Rights" of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. - Text: electronic // SPS "ConsultantPlus". - URL: https://www.consultant.ru (date of access: 09.09.2026).
19. Decision of the Arbitration Court of the Kirov Region dated 25.03.2022 in case No. A28-7615/2021. - Text: electronic // Arbitration Court of the Kirov Region. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/z0pegoneheZl/?ysclid=mucn1qp62r807319620 (date of access: 09.09.2026).

Риски использования товарных знаков для защиты наименований результатов селекции в области растениеводства

Ложкин Владислав Алексеевич
патентный поверенный РФ № 2740, заместитель генерального директора, ООО «Патентное Бюро Ложкиной», LozhkinV.A@ya.ru

Статья посвящается рассмотрению правовых рисков использования товарных знаков для охраны наименований результатов селекции в области растениеводства. В настоящей статье рассматривается соотношение правовой природы и функций товарного знака и наименования результата селекции. Особое внимание в статье уделено причинам и перспективам использования товарных знаков для охраны наименований результатов селекции.
Ключевые слова: интеллектуальная собственность; наименование результата селекции; товарный знак; селекционное достижение; наименование селекционного достижения.

Развитие аграрно-промышленного комплекса является одной из важнейших задач российской экономики. Современный период развития селекции в области растениеводства характеризуется повышением интереса в использовании новых сортов растений, особенно сельскохозяйственных растений национальной селекции. По данным Министерства сельского хозяйства Российской Федерации в 2025 году три четверти заявок на государственные сортоиспытания приходятся на отечественные селекционные достижения. Вместе с тем увеличение числа новых результатов селекции неизбежно ставит перед законодателем задачи по обеспечению эффективного правового регулирования соответствующих отношений.

Одной из проблем, с которой столкнулись селекционные компании, является недостаточная эффективность механизма защиты прав на наименования результатов селекции. Необходимо отметить, что особо важную роль наименование результата селекции играет на любительском рынке семян. Профессиональные участники рынка имеют возможность истребовать у партнеров необходимую документацию и сведения для подтверждения качества семян и их соответствия заявленному сорту, тогда как потребители на любительском рынке объективно лишены такой возможности. В этих условиях основным маркером потребительского выбора становится наименование результата селекции.

На сегодняшний день механизм защиты наименования результата селекции в рамках института селекционных достижений имеет ряд недостатков. Положения ст. 1446 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), с одной стороны, направлены как на защиту селекционного достижения, так и на защиту его наименования. С другой стороны, в законодательстве отсутствует четкое разделение способов защиты селекционного достижения и наименования селекционного достижения. В результате защита наименования селекционного достижения становится неразрывно связана с защитой самого селекционного достижения, которая, в свою очередь, нередко требует специальных исследований. Наименования сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, допущенных к использованию, в отличие от наименований селекционных достижений, в настоящее время вообще не имеют гражданского-правовой охраны.

Названный недостаток приводит к существенному снижению контроля за оригинальными семенами со стороны селекционной компании – производителя данных семян. Низкий уровень контроля за оригинальной продукцией на любительском рынке становится фактором повышения интереса недобросовестных участников рынка воспользоваться существующими недостатком. В качестве меры противодействия распространению контрафактных семян селекционные компании ищут более эффективные способы защиты своих интересов.

В целях решения сложившейся проблемы многие селекционные компании российского рынка стали регистрировать наименования результатов селекции в качестве товарных знаков. Действительно, институт товарных знаков достаточно подробно разработан в доктрине, а его правовые механизмы хорошо известны и понятны большинству предпринимателей и судам. Однако, удобное на первый взгляд решение без должного научного осмысления может в перспективе повлечь больше вреда, чем принести пользы.

В целях проведения научного анализа проблематики в первую очередь представляется необходимым сопоставить функции наименования результата селекции, в частности наименования селекционного достижения, и товарного знака.

Одной из основных функций товарного знака, как следует из ст. 1477 ГК РФ, является индивидуализирующая функция. Многие ученые также рассматривают ее как одну из основных функций товарного знака. Так, задачей товарного знака является обеспечение возможности отличить в гражданском обороте товары одних производителей от однородных товаров других производителей.

В отношении функций наименования селекционного достижения в доктрине на сегодняшний день не сложилось единого мнения. Например, профессор Гаврилов Э.П. полагал, что наименование селекционного достижения следует рассматривать исключительно с точки зрения его идентификационной функции, а требования к наименованию селекционного достижения, закрепленные в ст. 1419

ГК РФ, подлежат устранению. К аналогичным выводам пришла Летова Е.А. в своем диссертационном исследовании. В то же время правовед Оноприенко О.Ф. в своем диссертационном исследовании обосновывала, что основные функции и задачи наименования селекционного достижения крайне близки к функциям и задачам товарного знака. Автор также полагает, что одной из основных функций наименования селекционного достижения является индивидуализирующая функция. При этом объектом индивидуализации выступает конкретный сорт растения.

Комплексный анализ положения ст. 1483 ГК РФ и ст. 1419 ГК РФ позволяет утверждать, что данные нормы содержат весьма близкие положения, направленные на недопустимость регистрации обозначения, не обладающего различительной способностью, как в качестве товарного знака, так и в качестве наименования селекционного достижения. Данные нормативные положения, по мнению автора, свидетельствуют в пользу необходимости признания индивидуализирующей функции наименования селекционного достижения. Исследование положений Федерального закона от 30.12.2021 № 454-ФЗ «О семеноводстве» (далее – Закон о семеноводстве) позволяют утверждать, что наименования сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, допущенных к использованию, выполняют такую же индивидуализирующую функцию, как и наименования селекционных достижений.

Таким образом, использование товарного знака для защиты наименования результата селекции на первый взгляд выглядит эффективным и универсальным решением. Однако, при более детальном рассмотрении ситуации и комплексном анализе законодательства решение с товарным знаком перестает выглядеть удачным.

Во-первых, действующее законодательство допускает возможность свободного распоряжения товарным знаком. Исходя из общего правила ст. 1484 ГК РФ правообладатель может распоряжаться исключительным правом на товарный знак. Основным ограничением в распоряжении товарным знаком является условие о недопустимости введения потребителя в заблуждение, закрепленное в п. 2 ст. 1488 ГК РФ. Вместе с тем, при соблюдении указанного требования исключительное право на товарный знак может перейти к другому лицу.

В случае с наименованием результата селекции необходимо учитывать наличие жесткой связи между результатом селекции и его наименованием. Например, правила п. 5 ст. 20 Международной конвенция по охране новых сортов растений от 02.12.1961 (далее – Конвенция UPOV) во взаимосвязи с п. 7 ст. 20 Конвенции UPOV предусматривают обязанность использовать зарегистрированное наименование только в отношении данного селекционного достижения, то есть в отношении соответствующего сорта растения. Исходя из содержания ст. 1446 ГК РФ также можно сделать аналогичный вывод. Не являются исключением из названного правила и наименования сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, допущенных к использованию. Положения ст. 17 Закона о семеноводстве предписывают использовать зарегистрированное наименование в гражданском обороте только по отношению к соответствующим сортам и гибридам.

Таким образом, наименование результата селекции не может обладать самостоятельной оборотоспособностью и оно всегда должно следовать судьбе самого результата селекции. Регистрация наименования результата селекции в качестве товарного знака может привести к разрыву связи между результатом селекции и его наименованием, что недопустимо.

Во-вторых, исключительное право на товарный знак в силу п. 1 ст. 1491 ГК РФ действует 10 лет и согласно п. 2 ст. 1491 ГК РФ может быть неоднократно продлено по заявлению правообладателя. Так, исключительное право на товарный знак при его своевременном продлении может действовать фактически бессрочно.

В то же время ст. 1424 ГК РФ устанавливает срочный характер действия исключительного права на селекционное достижение. Более того, п. 7 ст. 20 Конвенции UPOV предусматривает обязанность использования наименования селекционного достижения даже после истечения срока действия исключительного права на селекционное достижение.

Следовательно, регистрация наименования селекционного достижения в качестве товарного знака приведет фактически к бессрочной монополизации этого селекционного достижения. В связи с исполнением обязанности использовать соответствующее наименование селекционного достижения любое лицо, не являющееся правообладателем товарного знака, автоматически станет нарушителем исключительного права на товарный знак. Использование наименования, не соответствующего наименованию селекционного достижения, повлечет нарушение публичного порядка и, как следствие, законодательно установленную ответственность. Так, независимо от факта перехода селекционного достижения в общественное достояние его правомерное использование останется возможным только бывшим патентообладателем селекционного достижения и действующим правообладателем товарного знака.

В-третьих, регистрация товарного знака осуществляется в отношении товаров и услуг, указанных в Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (далее – МКТУ). При этом все категории товаров в МКТУ указаны в общем виде. В классификации используются родовые категории товаров, например, «кабачки», «свекла», «картофель».

В отношении наименования селекционного достижения подход в корне иной. Правила ст. 1419 ГК РФ устанавливают обязательное отличие наименования селекционного достижения от наименований существующих селекционных достижений того же или близкого ботанического либо зоологического вида. Необходимо пояснить, что такие разновидности овощей как кабачок, картофель и свекла принадлежат к разным ботаническим видам. Соответственно, с точки зрения законодательства о селекционных достижениях допустимо использовать одинаковое наименование и для сорта кабачка, и для сорта свеклы, и для сорта картофеля. При этом ситуация, когда у сортов овощей, относящихся к разным ботаническим видам, совпадает наименование, довольно частое явление. Например, на рынке семян хорошо известен огурец «Герман» (код сорта 9908206). Однако наименование «Герман» присвоено не только огурцу, но и чесноку (код сорта 9610489), кабачку (код сорта 8854569), томату (код сорта 8057314), укропу (код сорта 8057610), редису (код сорта 7754986), свекле (код сорта 7853381).

В то же время законодательство о товарных знаком оперирует понятием «однородность». С точки зрения критерия однородности кабачок, картофель и свекла являются однородными, поскольку все относятся к видовой категории «овощи». Важно учитывать, что как правомерно отметил Суд по интеллектуальным правам в решении от 10.04.2026 по делу № СИП-892/2025 в товарных знаках для целей законодательства о товарных знаках однородность должна всегда применяться в общем виде. Правила ст. 1419 ГК РФ о близком ботаническом виде к товарным знакам не применимы, поскольку относятся к совершенно иной области законодательства по интеллектуальной собственности.

Таким образом, правообладатель товарного знака, воспроизводящего наименование селекционного достижения, имеет законные основания предъявлять претензии в связи с нарушением его исключительного права к лицам, реализующим широкий круг культур с таким же или сходным наименованием. Кроме того, он также имеет право запрещать использовать соответствующее наименование любым лицам в отношении широкого круга сортов растений, независимо от их ботанического вида и факта наличия у других лиц прав на соответствующее селекционное достижение.

Рассмотренные выше коллизии позволяют сделать вывод, что институт товарных знаков является непригодным для защиты наименований результатов селекции. Использование института товарных знаков не предназначено для защиты наименований результатов селекции, его применение способно породить значительно больше проблем, чем принести пользы.

Резюмируя вышеизложенное в совокупности, автор полагает необходимым провести комплексные изменения в законодательстве как в области товарных знаков, так и в области селекционных достижений. В целях решения описанных ранее коллизий автор предлагает запретить регистрацию товарных знаков, тождественных или сходных до степени смешения с наименованием селекционного достижения или наименованием сорта или гибрида сельскохозяйственного растения, допущенного к использованию. Однако, данная мера не должна рассматриваться как самостоятельная. В противном случае селекционные компании окажутся в заведомо невыгодном положении, а недобросовестные участники рынка получат существенное преимущество. С точки зрения автора в первую очередь следует разработать механизм защиты наименования результата селекции посредством признания самостоятельного исключительного права на наименование селекционного достижения. При

разработке соответствующей модели необходимо учесть особенности селекции, в том числе описанные выше, и предусмотреть прозрачный механизм порядка реализации права на защиту.

Литература

1. Гаврилов Э.П. О некоторых вопросах, касающихся объектов интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2021. № 10. С. 56 - 61.
2. Летова Е. А. Правовое регулирование селекционной деятельности и охрана ее результатов : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Е. А. Летова. – Москва, 2026. – 173 с.
3. Оноприенко О. Ф. Интеллектуальные права на селекционное достижение в растениеводстве в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Ф. Оноприенко. – Москва, 2017. – 179 с.
4. Права на товарный знак : монография / Д. В. Афанасьев, А. С. Ворожевич, В. В. Голофаев и др.; отв. ред. Л. А. Новоселова. – Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2016. – 144 с.

Risks of using trademarks to protect the denominations of plant varieties

Lozhkin V.A.

LLC “Lozhkina Patent Agency”

The article examines the legal risks associated with the use of trademarks to protect the denominations of plant breeding results in the field of crop production. It analyzes the relationship between the legal nature and functions of a trademark and those of the denomination of a plant breeding result. Particular attention is paid to the reasons for and prospects of using trademarks to protect the denominations of plant breeding results.

Keywords: intellectual property, denomination of a plant breeding result, trademark, plant breeding achievement, denomination of a plant variety.

References

1. Gavrilov E.P. On Some Issues Concerning Intellectual Property Rights // Business and Law. 2021. No. 10. pp. 56-61.
2. Letova E. A. Legal Regulation of Breeding Activities and Protection of Their Results: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 5.1.3 / E. A. Letova. – Moscow, 2026. – 173 p.
3. Onoprienko O. F. Intellectual Property Rights to Breeding Achievements in Plant Growing in the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.03 / O. F. Onoprienko. – Moscow, 2017. – 179 p.
4. Trademark rights: monograph / D. V. Afanasyev, A. S. Vorozhevich, V. V. Golofaev and others; resp. ed. L. A. Novoselova. – Moscow: NORM, INFRA-M, 2016. – 144 p.

Вопросы совершенствования законодательства об административной ответственности за совершение правонарушений в сфере таможенного дела

Тарасов Александр Сергеевич
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного морского права, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, tara_s1@rambler.ru,

Волкова Юлия Александровна
кандидат юридических наук, независимый исследователь, Yulikosan@mail.ru,

Муравьева Наталья Александровна
магистрант, факультет подготовки криминалистов, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, muraveva_natalia23@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования законодательства об административной ответственности в сфере таможенного дела. На основе статистических показателей правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации была выявлена тенденция к росту совершения административных правонарушений в таможенной сфере физическими и юридическими лицами. Особое внимание уделяется пробелам и коллизиям, содержащихся в действующей редакции КоАП РФ.
Ключевые слова: административная ответственность, законодательство в сфере таможенного дела, административное правонарушение, таможенное дело, таможенные органы, нарушение таможенных правил.

Административная ответственность выступает одним из видов юридической ответственности, наступающей вследствие нарушения норм таможенного законодательства Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и российского законодательства в области таможенного регулирования. Данный правовой институт является важнейшим инструментом государственного воздействия на участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), позволяющий пресекать противоправные деяния в сфере таможенного дела, совершаемые как в форме действия, так и бездействия. В современных условиях усиленного санкционного давления на Российскую Федерацию и перестройки логистических путей провоза товаров и предметов обеспечение экономической безопасности приобретает особую значимость. К числу первоочередных задач, стоящих перед таможенными органами России, относится пресечение наиболее общественно опасных деликтов, связанных с недекларированием товаров, уклонением от уплаты таможенных платежей, незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, наносящих прямой ущерб экономическим интересам государства. Одним из наиболее действенных средств решения указанной задачи выступает совершенствование законодательства об административной ответственности за правонарушения в сфере таможенного дела, которое в настоящее время характеризуется наличием ряда правовых проблем и коллизий, требующих нормативной регламентации.

Существенным пробелом действующей редакции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) является отсутствие легальной дефиниции понятия «административная ответственность». Административная ответственность законодателем определяется через административное правонарушение, то есть противоправные и виновные действия или бездействие физических или юридических лиц . В свою очередь это порождает множественность доктринальных трактовок, вследствие чего в юридической науке сложилось широкое разнообразие рассматриваемого понятия, что затрудняет единообразное понимание административной ответственности как в теории, так и в правоприменительной практике. Следует отметить, что попытка восполнить указанный пробел была предпринята Министерством юстиции России. Так, в январе 2020 года на его официальном сайте, а также на сайте справочно-правовой системы «Консультант Плюс» был размещён проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Согласно части 2 статьи 2.5. указанного законопроекта: «административная ответственность заключается в применении к лицу, совершившему административное правонарушение, административного наказания, предусмотренного настоящим Кодексом, уполномоченным на это должностным лицом, органом, судом в установленном федеральным законом процессуальном порядке и форме» . Однако, до настоящего времени, ни этот проект, ни какой другой полноценный проект федерального закона «Кодекса об административных правонарушениях» на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации не поступал.

Среди ученых сложилось множество иных трактовок рассматриваемого понятия. Так, И.А. Ахмадуллина под административной ответственностью понимает «особую систему правовых последствий, которые наступают в результате совершения административных правонарушений». А.А. Артёмова рассматривает административную ответственность в виде «многообразия правовых форм, регулирующих разнообразные аспекты деятельности органов государственного управления в различных отраслях и сферах государственного управления» . Более развернутое определение приводит Е.А. Тинибекова, по мнению которой, административная ответственность – это «регламентированная положениями федерального или регионального законодательства юридическая обязанность претерпеть меры государственного принуждения в виде лишений личного, имущественного или организационного характера (административное наказание), возлагаемая в судебном или во внесудебном (административном) порядке на физическое или юридическое лицо за совершение им оконченного административного правонарушения» .

Существующий пробел одного из ключевых понятий создает неоднозначное толкование пределов и оснований административной ответственности, в том числе участников ВЭД, что особенно остро ощущается в условиях усложнения таможенных правоотношений и роста таможенных правонарушений. Предлагаем восполнить обозначенный пробел и ввести в действующую редакцию КоАП РФ дополнение в виде пункта 1.1 ст. 2.1. КоАП, изложив его в следующей редакции:

«1.1. Административная ответственность одна из форм государственного принуждения, применяемая к виновному лицу, совершившему административное правонарушение в форме действия или бездействия, предусмотренное настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях».

Таким образом, введение легальной дефиниции административной ответственности видится одной из важнейших задач на пути совершенствования законодательства об административной ответственности в таможенной сфере.

Трудно переоценить вклад таможенных органов в механизме выявления, предупреждения и пресечения административных правонарушений. В структуре Федеральной таможенной службы России функционируют специализированные подразделения, к компетенции которых отнесено осуществление производства по делам об административных правонарушениях, – отделы административных расследований, базирующихся в таможнях. Юрисдикция должностных лиц указанного отдела не ограничивается исключительно составами, содержащимися в главе 16 КоАП РФ, хотя именно она выступает профильной и содержит 24 состава правонарушений в сфере таможенного дела, за нарушение которых субъекта привлекают к административной ответственности. Среди них такие составы, как: незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС товаров и (или) транспортных средств международной перевозки (ст. 16.1. КоАП РФ); недекларирование либо недостоверное декларирование (16.2 КоАП РФ); нарушение режима зоны таможенного контроля (ст. 16.5 КоАП РФ) и другие. Помимо перечисленных составов административных проступков, сотрудники отдела административных расследований уполномочены возбуждать и расследовать дела по иным составам, среди которых: нарушение обязательств по возврату или несвоевременный возврат бюджетного кредита (ст. 15.15 КоАП РФ), деяния, посягающие на валютное законодательство Российской Федерации (ст. 15.25 КоАП РФ), неисполнение обязанности по представлению либо нарушение сроков представления в таможенный орган статистической формы учета перемещения товаров (ст. 19.7.13 КоАП РФ), а также ряд других правонарушений. В период с 2020 по 2025 год показатели правоохранительной деятельности таможенных органов по линии административного производства свидетельствуют о росте административных правонарушений в области нарушения таможенных правил. Согласно опубликованным на официальном сайте Федеральной таможенной службы России данным, в указанный период времени прирост количества возбужденных дел об административных правонарушения составил 47,2%. Так, в 2020 году было возбуждено 114 547 дел об административных правонарушениях, а в 2025 году – 168 634. Кроме этого, уже в первом полугодии 2026 года таможенными органами возбуждено 80 148 дел об административных правонарушениях. Прослеживаются изменения соотношения между субъектами правонарушений. К примеру, в 2020 году на долю юридических лиц приходилось 56% возбужденных дел, а на долю физических — 25,4%, а к 2025 году доля юридических лиц снизилась до 43,1%, тогда как доля физических лиц, наоборот, возросла до 36,7%. Снижение совершения правонарушений юридическими лицами можно объяснить повышением эффективности работы таможенных органов и внедрением упрощенных цифровых технологий оформления, что существенно сократило возможности для нарушений с их стороны. Рост доли физических лиц может быть обусловлен увеличением объемов трансграничной интернет-торговли, а также недостаточной осведомленности граждан о действующих таможенных ограничениях и нормах ввоза. Наибольшую долю в структуре возбуждаемых таможенными органами дел об административных правонарушениях занимают составы, связанные с недекларированием либо недостоверным декларированием товаров (ст. 16.2 КоАП РФ) и незаконным перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС (ст. 16.1 КоАП РФ).

Рис. Динамика количества дел об административных правонарушениях, возбужденных таможенными органами Российской Федерации за 2020–2025 гг.

Устойчивый рост числа возбуждаемых дел об административных правонарушениях в таможенной сфере, подтвержденный приведенными выше статистическими данными, свидетельствует о недостаточной эффективности превентивной функции действующих санкций. В связи с этим закономерно встает вопрос о необходимости усиления мер административной ответственности за совершение таможенных проступков. Одним из возможных направлений могло бы выступить увеличение размеров штрафных санкций. Так, за недекларирование либо недостоверное декларирование товаров, предусмотренное ст. 16.2. КоАП РФ, в настоящее время предусмотрена санкция, не способная, на наш взгляд, оказывать на субъектов предпринимательской деятельности, диссуазивного эффекта. Основным мотивом поведения участников ВЭД выступает стремление к минимизации постоянных и переменных издержек. Физическое или юридическое лицо, намеревающееся умышленно заявить в таможенной декларации недостоверные сведения с целью занижения таможенной стоимости и сокращения подлежащих уплате таможенных платежей, должно осознавать, что, когда таможенные органы выявят рассматриваемое правонарушение, размер административного штрафа значительно превысит потенциальную выгоду, что сделает подобное поведение экономически нецелесообразным. Вместе с тем, безусловно нельзя забывать, что любое усиление ответственности должно отвечать конституционному принципу соразмерности наказания. Согласно п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П федеральный законодатель, устанавливая для юридических лиц административные штрафы, минимальные размеры которых являются значительными, руководствуясь конституционными принципами индивидуализации ответственности и соразмерности наказания, должен обеспечивать, чтобы их применение не приводило к избыточному административному принуждению. Назначенное наказание должно соответствовать характеру совершенного правонарушения, степени вины субъекта и наступившим последствиям, а также позволять учитывать реальное имущественное и финансовое положение юридического лица, привлекаемого к административной ответственности. Следовательно, любое ужесточение санкций должно обеспечивать конституционный принцип соразмерности наказания допущенному правонарушению, не превращая это в средство неоправданного подавления внешнеэкономической деятельности.

В настоящее время большинство таможенных деклараций физические и юридические лица подают в электронной форме, используя информационные платформы, например, «Альта-ГТД» и «Личный кабинет участника ВЭД». В связи с этим не менее значимым направлением совершенствования законодательства об административной ответственности в таможенной сфере должна стать его адаптация к условиям стремительной цифровизации таможенных процедур. Таможенные органы России последовательно внедряют системы электронного декларирования и реализуют концепцию интеллектуального пункта пропуска, закрепленную в Стратегии развития таможенной службы до 2030 года, предполагающую использование технологий искусственного интеллекта, распознавания транспортных средств, биометрической идентификации и оценки рисков в режиме реального времени. Указанные нововведения, несомненно, направлены на ускорение и упрощение таможенных процедур, облегчение подачи деклараций и оптимизацию издержек добросовестных участников ВЭД. Вместе с тем это становится новым способом совершения таможенных правонарушений с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Недобросовестные декларанты получают возможность посредством Личного кабинета участника ВЭД умышленно вносить недостоверные сведения в электронные декларации, а развитие алгоритмов искусственного интеллекта (далее – ИИ) потенциально способно породить использование нейросетей для целенаправленного подбора кодов ТН ВЭД, минимизирующих таможенные платежи, обход алгоритмов системы управления рисками и иные высокотехнологичные правонарушения, которые действующая редакция КоАП РФ не учитывает. На наш взгляд, совершение таможенного правонарушения с использованием ИКТ либо технологий ИИ должно выступать квалифицирующим признаком, влекущим применение более строгих мер административной ответственности. Ввиду изложенного полагаем необходимым дополнить статьи главы 16 КоАП РФ квалифицированными составами административных правонарушений, совершенных с использованием электронных средств подачи деклараций, Личного кабинета участника ВЭД, а равно с применением технологий ИИ. При этом разработка данных положений, учитывая их комплексный междисциплинарный характер, должна стать общей задачей юристов, специалистов в области информационных технологий и должностных лиц Центрального информационно-технического таможенного управления ФТС России.

Необходимо обратить внимание на существующие противоречия между нормами Общей и Особенной частей КоАП РФ в вопросе регулирования оснований освобождения от административной ответственности. Статья 1.4 КоАП РФ, закрепляющая принцип равенства перед законом, устанавливает, что лица, совершившие административные правонарушения, подлежат административной ответственности «независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям» (для физических лиц), а также от места нахождения, организационно-правовых форм и подчиненности (для юридических лиц) и иных обстоятельств. При этом легального пояснения того, что именно законодатель понимает под «иными обстоятельствами», не приводится, что оставляет широкий простор для различного правоприменения. Вместе с тем примечания к статье 16.2 КоАП РФ предусматривают специальные основания освобождения от административной ответственности за недекларирование либо недостоверное декларирование товаров, а именно: добровольное сообщение декларантом и (или) таможенным представителем в таможенный орган о факте недекларирования товаров с представлением таможенной декларации или документа, необходимого для внесения изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в ранее поданной декларации, при соблюдении следующий условий, перечисленных в пунктах 1–3 указанных примечаний:

1) таможенный орган не выявил административное правонарушение, предметом которого являются товары, указанные в сообщении;

2) таможенный орган не уведомил декларанта, таможенного представителя или иное лицо, обладающее полномочиями в отношении товаров после их выпуска о проведении таможенного контроля после выпуска товаров при обязательности такого уведомления либо не начал проверку без него, когда уведомление не требуется;

3) у декларанта, таможенного представителя отсутствует задолженность по уплате таможенных пошлин, налогов, пеней, не оплаченная после истечения сроков, установленных требованием об уплате таможенных платежей.

Как справедливо отмечают О.Д. Ороева и Г.Л. Константинов, с точки зрения правовых норм Общей части КоАП РФ лицо, совершившее административное правонарушение, предусмотренное статьей 16.2 КоАП РФ, не может быть освобождено от административной ответственности, даже если в его действиях будут установлены обстоятельства, сформулированные в примечаниях к названной статье .

Отдельно следует подчеркнуть, что Общая часть КоАП РФ не содержит статьи, которая бы системно закрепляла перечень оснований, освобождающих виновное лицо от административной ответственности. В настоящее время соответствующие нормы рассредоточены по тексту кодекса: статья 2.9 КоАП РФ предусматривает возможность освобождения от ответственности при малозначительности деяния (однако легальная дефиниция малозначительности отсутствует), а ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ допускает освобождение несовершеннолетнего от административной ответственности с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о личности правонарушителя. Иных универсальных оснований Общая часть КоАП РФ не содержит, что особенно заметно на фоне более разработанного института освобождения от уголовной ответственности, закрепленного в главе 11 УК РФ.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что действующая редакция КоАП РФ характеризуется наличием ряда существенных пробелов и внутренних коллизий, особенно отчетливо проявляющихся применительно к таможенной сфере. К числу таковых относятся отсутствие легальной дефиниции административной ответственности, рассогласованность норм Общей и Особенной частей КоАП РФ в вопросах оснований освобождения от ответственности, недостаточная дифференциация санкций, а также неготовность законодательства к новым формам противоправного поведения, связанных с применением ИКТ и технологий ИИ.

Законодательство об административной ответственности за правонарушения в области таможенного дела, бесспорно, будет трансформироваться и совершенствоваться, адаптируясь к динамично меняющимся экономическим реалиям и информационно-технологическим вызовам. При разработке нового КоАП РФ либо при внесении изменений в действующую редакцию законодатель должен уделять особое внимание стремительному развитию ИКТ и систем ИИ, внедрению интеллектуального пункта пропуска, которые, с одной стороны, оптимизируют таможенные процедуры, а с другой – создают новые способы совершения таможенных правонарушений для недобросовестных участников ВЭД.

Кроме того, совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере должно носить системный характер и основываться на регулярном мониторинге правоприменительной практики, глубоком анализе количественных и качественных статистических показателей, а также на междисциплинарном взаимодействии юристов, специалистов в области информационных технологий и должностных лиц таможенных органов. В конечном итоге именно от того, насколько своевременно, продуманно и эффективно будет проработано административное законодательство в сфере таможенного дела, напрямую зависит состояние экономической безопасности России, устойчивость фискальной системы, а также качество и надежность защиты прав и законных интересов субъектов внешнеторговой и внешнеэкономической деятельности.

Литература

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения:15.07.2026)

2. Постановления Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью "Барышский мясокомбинат" и "ВОЛМЕТ", открытых акционерных обществ "Завод "Реконд", "Эксплуатационно-технический узел связи" и "Электронкомплекс", закрытых акционерных обществ "ГЕОТЕХНИКА П" и "РАНГ" и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики "Детская городская больница N 3 "Нейрон" Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» // URL: consultant.ru https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159544 (дата обращения 15.07.2026)

3. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за период 2020-2025 г. // URL: https://customs.gov.ru/(дата обращения 15.07.2026)

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (проект) https://www.consultant.ru/cons/ (дата обращения 15.07.2026)

5. Артёмова А. А., Панькина И.Ю. Административная ответственность как один из видов юридической ответственности // Молодой ученый. - 2021. - № 18 (360). - С. 388-391.

6. Ахмадуллина И.А., Фардеева И.Н. К вопросу о понятии административной ответственности как вида юридической ответственности // Бизнес. Образование. Право. - 2025.- № 1(70). - С. 231-236.

7. Тинибекова Е. А. Пути совершенствования современного института административной ответственности в российской федерации // Вестник магистратуры. - 2024.- №8 (155). - С. 57-60.

8. Ширяев В. М. Проблема отсутствия легального определения административной ответственности // Вестник науки. - 2023.- №12 (69).

9. Ороева О.Д., Константинов Г.Л. Сущность административной ответственности в сфере таможенных правонарушений в правовой науке сегодня // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. - 2023. - № 1 (85). - С. 119-127.

Issues of Improving Legislation on Administrative Liability for Customs Offenses

Tarasov A.S., Volkova Yu.A., Muravyeva N.A.

St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee

The article examines topical issues of improving legislation on administrative liability in the sphere of customs. Based on statistical indicators of the law enforcement activities of the customs authorities of the Russian Federation, a trend towards an increase in administrative offenses in the customs sphere committed by individuals and legal entities has been identified. Particular attention is paid to gaps and conflicts contained in the current version of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: administrative responsibility, customs law, administrative misconduct, customs administration, customs agencies, breach of customs regulations.

References

1. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (accessed: July 15, 2026)
2. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 4-P dated February 25, 2014, "On the case regarding the review of the constitutionality of a number of provisions of Articles 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1, and 19.7.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the inquiry of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod Region and the complaints of the limited liability companies 'Baryshsky Meat Processing Plant' and 'VOLMET'; the open joint-stock companies 'Rekond Plant', 'Operational-Technical Communications Hub', and 'Elektronkompleks'; the closed joint-stock companies 'GEOTEKHNIKA P' and 'RANG'; and the budgetary healthcare institution of the Udmurt Republic 'Children's City Hospital No. 3 "Neuron"' of the Ministry of Health of the Udmurt Republic" // URL: consultant.ru https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159544 (accessed: July 15, 2026)
3. Indicators of law enforcement activity by customs authorities of the Russian Federation for the period 2020–2025 // URL: https://customs.gov.ru/ (accessed: July 15, 2026)
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (draft) https://www.consultant.ru/cons/ (accessed: July 15, 2026)
5. Artemova A. A., Pankina I. Yu. Administrative liability as a type of legal liability // Young Scientist. – 2021. – No. 18 (360). – P. 388–391.
6. Akhmadullina I. A., Fardeeva I. N. On the concept of administrative liability as a type of legal liability // Business. Education. Law. – 2025. – No. 1 (70). – P. 231–236.
7. Tinibekova E. A. Ways to improve the modern institution of administrative liability in the Russian Federation // Master's Bulletin. – 2024. – No. 8 (155). – P. 57–60.
8. Shiryaev V. M. The problem of the absence of a legal definition of administrative liability // Bulletin of Science. – 2023. – No. 12 (69).
9. Oroeva O. D., Konstantinov G. L. The essence of administrative liability in the sphere of customs offenses in contemporary legal science // Scholarly Notes of the V. B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy. – 2023. – No. 1 (85). – P. 119–127.

Охрана интеллектуальной собственности в различных правовых семьях: сравнительно-правовое исследование

Тихоновский Владимир Юрьевич
аспирант, Академия труда и социальных отношений, vova.ivanov145@yandex.ru

В данной научной статье проводится сравнительный анализ механизмов защиты интеллектуальной собственности в различных правовых семьях, включая англосаксонскую (Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии), романо-германскую (на примере Федеративной Республики Германия и Российской Федерации) и исламскую правовые системы. Рассматриваются соглашения, принятые на международном уровне. Автором исследуются правовые подходы к охране авторских и связанных с ними прав, а также выявляются ключевые различия в правоприменительной практике, судебных процедурах и системе правовых прецедентов в разных государствах. Особое внимание в статье уделяется особенностям правоприменения в сфере авторского права в различных странах.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правовая семья, англосаксонская правовая семья, романо-германская правовая семья, религиозная правовая семья, авторское право.

Введение

Творческий результат приобретает статус охраняемого экономического актива. Такой перевод обеспечивает правовое регулирование нематериальных благ, а строгость выстроенных им охранительных конструкций предопределяет и темп роста национальных рынков, и формат, в котором государства выстраивают взаимодействие друг с другом. Юридически закрепленное исключительное право действует как структурный стимул к непрерывной генерации инноваций.

Общий контур защиты формирует международно-правовое пространство. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 г., очерчивает базовый круг охраняемых результатов, куда входят изобретения, промышленные образцы и товарные знаки, а вместе с ними произведения литературы, науки и искусства [1, 2]. Универсальный стандарт упирается в национальную имплементацию: каждая правовая семья пропускает его через собственную культуру, религиозные нормы и исторически сложившийся опыт развития, что и дробит правоприменительную практику. Различие социальных традиций порождает внутри суверенных юрисдикций несовпадающие модели охраны авторских и патентных прав.

Перечень объектов интеллектуальной собственности вбирает широкий круг того, что создает человеческий труд, и институциональный дизайн разводит по самостоятельным правовым категориям производственные секреты, топологии интегральных микросхем, селекционные достижения. Практика реального сектора расставляет юридические инструменты по востребованности иначе. Рыночный оборот держится прежде всего на патентных режимах, на защите авторства и на охране средств индивидуализации услуг, товаров и предприятий [3].

Обсуждение

Основание, на котором держится межгосударственный оборот нематериальных активов, сложили несколько старых многосторонних договоров, поделивших предмет между собой: промышленная собственность досталась Парижской конвенции от 20 марта 1883 г., а литературные и художественные произведения ушли под Бернскую конвенцию от 9 сентября 1886 г. [4]. Круг охраняемого со временем вырос, и понадобилась отдельная институциональная надстройка: за вещательными организациями, изготовителями фонограмм и исполнителями права признала Римская конвенция от 26 октября 1961 г. [5]. Предел, до которого доходит наднациональная унификация, показывает принятый в Вашингтоне 26 мая 1989 г. Договор об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем. Российская Федерация присоединяться к нему не стала, хотя из прежних соглашений не вышла, и по такому выбору видно, насколько разборчива национальная юрисдикция в обращении с глобальными правовыми механизмами.

Набор защитных инструментов у государства меняется вместе с тем, к какой макросистеме оно принадлежит. Правотворческий центр тяжести англосаксонская традиция переносит на судебное толкование, из-за чего пределы охраны неосязаемых благ очерчивают прямо прецеденты, вынесенные в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, равно как и в Соединенных Штатах Америки. Несмотря на общий корень англо-американского права, обе юрисдикции внутри себя расходятся: хозяйственный курс и склад государственного аппарата уводят их к самостоятельным национальным моделям распоряжения творческим ресурсом.

У американского устройства опорой служит жесткий федеральный каркас, и институциональное основание охраны дают Закон об авторском праве США [6] вместе с Законом о соблюдении секретности изобретений, который был принят в 1952 году (Invention Secrecy Act, Pub. L. 82-256, кодифицирован в разделе 35 Свода законов США, глава 17, §§ 181-188) [7]. Исключительное право на произведение появляется само собой, едва объект создан. Формальная регистрация играет роль процессуального фильтра: в федеральный суд правообладателя пропускает и взыскание статутных компенсаций ему открывает только документально закрепленный статус.

Американская доктрина ушла от британского честного использования (fair dealing) дальше всего в том, насколько широко раздвинула пределы добросовестного заимствования: отказавшись от жестких ограничительных рамок, она перевела обращение с охраняемым произведением в вариативный режим правоприменения.

Широту исключений американский суд компенсирует масштабом финансовых санкций. Штрафные выплаты обращают судебную защиту в средство прямого экономического подавления нарушителя.

Посягательство на нематериальный актив специальные нормы выводят в плоскость уголовного преследования. Надзор за нелегальным оборотом усиливает двухуровневое устройство правотворчества, при котором штаты собирают собственный антипиратский инструментарий, не оглядываясь на базовую федеральную конструкцию.

Вернуть издержки разбирательства процессуальные правила тяжущемуся не обещают, и риск затрат ложится на сторону независимо от исхода дела. Юрисдикцию истец подбирает по тому, где негативные последствия нарушения сгустились плотнее всего, и перенесенное в нужный суд слушание вынуждает присяжных смотреть на материальные доказательства сквозь призму уже наступившего территориального ущерба. Труднее же всего инициатору спора дается подсчет точной суммы требований, и барьер тут процессуальный, а не содержательный. Стоит ответчику подтвердить легальность источника полученной прибыли, встречные притязания отпадают, а взыскание теряет основание.

Единообразия судебных актов американское прецедентное право по своей природе не допускает: похожие с виду фабулы приводят к разным вердиктам, потому что решает частная конфигурация каждого спора [8]. С техническими новшествами акцент уходит в административную жесткость, и патентная экспертиза сама вырастает в отдельный барьер. Состязательность сторон бесконечная вереница разбирательств переплавляет в массив новых процессуальных стандартов [9].

Внутри той же англосаксонской рамки британский правопорядок держится умереннее, и нормативную опору ему дает Copyright, Designs and Patents Act 1988 (Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г.), а прецедент подстраивает конструкцию лишь точечно [10]. Монополию на произведение признают без формальностей, зато пределы легального заимствования сужены, и закрытый список допустимых изъятий пресекает попытки распорядиться охраняемым благом произвольно. Компенсационные инструменты крупного масштаба британскому праву не нужны: кодификация плотна сама по себе. Отказавшись от жестких финансовых санкций, британская модель приобретает институциональную предсказуемость.

Порог входа в процесс для небольшой компании британское правосудие занижает намеренно. Намерение читается в самом институциональном устройстве, а не в отдельных послаблениях: разбор профильных конфликтов перестроило включение Intellectual Property Enterprise Court в состав Высокого суда Англии и Уэльса, и профильный спор получил собственную площадку внутри общей судебной иерархии [11]. Политический выход страны из наднационального объединения равновесия между обществом и создателями нематериальных активов не сломал, поскольку общее право и европейские нормативы правопорядок по-прежнему сводит воедино.

Романо-германская правовая семья строит нормативную базу жестко именно потому, что от господства прецедента отказалась: порядок осуществления интеллектуальной монополии Федеративная Республика Германия и Российская Федерация прописывают разветвленной кодификацией. Немецкий правопорядок передает предписания Urheberrechtsgesetz и коренные положения Bürgerliches Gesetzbuch, российский опирается на Гражданский кодекс Российской Федерации (часть IV) [12].

Полновесную правовую охрану включает тот же момент, каким создан творческий продукт. Личные неимущественные правомочия континентальная модель закрепляет за автором неотчуждаемо. Право называться автором, защита имени и неприкосновенность произведения задают направление, в котором обе страны непрерывно перестраивают свои государственные институты [13].

Устройство судебной власти меняется по мере того, как углубляется институциональная специализация: обособленная инстанция под профильный конфликт задает новый формат разрешения спора. Обширный пласт своеобразной правоприменительной практики нарастил запуск судов по интеллектуальным правам [14].

Промышленную собственность узаконивает лишь обязательное закрепление объекта уполномоченным федеральным ведомством, каким в России служит Роспатент. Пустые притязания отсекает проверка заявки по существу, а тот, кто прошел административный фильтр, получает абсолютную монополию. Присвоить техническое решение третьему лицу не дает лицензионный порядок. Средства процессуального давления собраны разнородные: физическое уничтожение контрафактной продукции, принудительное взыскание убытков, запретительные иски [15].

Логику прецедента в романо-германских юрисдикциях вытеснило буквальное чтение кодекса, и следование тексту закона держит правоприменение устойчивым, а отказ судьи от нормотворчества делает исход дела предсказуемым. Расхождения между национальными режимами устраняют наднациональные соглашения. Вступление государств в Парижскую и Бернскую конвенции выравнивает те базовые правила охраны нематериальных активов, с которых начинается любая национальная система.

Совсем иную шкалу оценки охраняемого блага выстраивает религиозный догмат, и мусульманская правовая традиция черпает ее из текстов Корана и Сунны, из единогласного мнения правоведов и из суждения по аналогии. Своеобразие источников обернулось глубоким теоретическим расколом: часть ученых авторскую монополию как понятие отвергает целиком. Собственность шариат в жестких своих рамках замыкает на одних лишь предметах материального мира, а раз классические тексты не знают примеров владения неосязаемым результатом труда, то и признать интеллектуальные права оказывается не на чем.

Искусственные препятствия перед обществом снимает беспрепятственное обращение научного достижения, тогда как имущественное ограничение перекрывает естественный ход познания, и потому ничем не стесненный доступ к знанию мусульманская догматика возводит в ранг основополагающего императива. Грядущую эсхатологическую катастрофу пророческие тексты прямо связывают с угасанием просвещения, повальным употреблением вина и всеохватным распространением прелюбодеяния [16].

Потраченные на работу личное время и капитал делают неосязаемый ее итог полноценным активом, и они же дают творцу распоряжаться им единолично ради прибыли: затрата ресурса и служит основанием права. Другой богословский подход выносит собственность за жесткий контур вещного мира, отказываясь считать вещность обязательным ее признаком. Законную монополию порождает опережение: тот, кто раньше занял свободное место внутри мечети, наглядно подтверждает правомерность пространственного первенства.

Обоснованность интеллектуального права доказывают религиозной формулой присвоения, и приватизацию невещественного блага оправдывает хадис о первенстве, однако прямая опора на текст довод сторонников охраны не спасает: достоверность приводимого изречения признана низкой. Ортодоксальный критик слабый источник отбрасывает. Владение идеей как юридический факт он отрицает наотрез [17].

Заключение

Специфику англосаксонской юрисдикции определяет не детальность нормы, а масштаб денежного давления на нарушителя: судебный прецедент обращает регистрацию неосязаемого объекта в ту отправную точку, с которой начинается отсчет жестких штрафных санкций. Непредсказуемость прецедентного нормотворчества романо-германская макросистема отвергла. Прямое действие кодифицированных актов подразумевает и детально выстроенную архитектуру закрепления монополии, и устойчивую работу механизмов судебной защиты.

За границу, очерченную религиозным фильтром шариата, легитимность нормативного акта в исламской правовой традиции не выходит. Законную силу светское предписание об охране творческого результата получает лишь при прямом подтверждении текстами Корана и Сунны, а пройденная теологическая проверка сообщает государственному установлению непререкаемость. Доктринальные противоречия уходят в пространство академического спора. Альтернативная трактовка сохраняет за собой роль факультативной опоры, к которой судья при вынесении решения обращается по собственному усмотрению.

Историческая изолированность правовых семей не выдерживает универсальной природы интеллектуального актива: коммерциализация, идущая поверх границ, вынуждает суверенные институты охраны приспосабливаться друг к другу, а внедрение международных стандартов запускает нормативное сближение. Врастая в ткань национальной традиции, глобальные алгоритмы обращают прежние обособленные

правила игры в элементы гармонизированного пространства, общего для государств [18].

Литература

1. Диванов С. Особенности интеллектуального права // Символ науки: международный научный журнал. 2024. № 3-1. С. 78– 80.
2. Конвенция, учреждающая всемирную организацию интеллектуальной собственности (Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г. и изменена 2 октября 1979 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059/ (дата обращения: 17.04.2026).
3. Кузьмичева Р. А., Малай А. Сравнительный анализ защиты прав интеллектуальной собственности в России и США // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 5-1 (33). С. 543–548.
4. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (дата обращения: 17.04.2026).
5. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/58804834 (дата обращения: 17.04.2026).
6. Copyright Law of the United States (Title 17) // US Copyright Office. URL: https://www.copyright.gov/title17/ (дата обращения: 17.04.2026).
7. Lanham Act // Bitlaw. URL: https://www.bitlaw.com/source/15usc/index.html (дата обращения: 17.04.2026).
8. Галкин А. Г., Костенко О. С. Сравнительно-правовой аспект способов защиты интеллектуальной собственности в российском и международном праве // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 191–195.
9. Шварц Л. В., Бурова С. М. Актуальные проблемы международно-правовой охраны авторских прав // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 1 (19). С. 60–67.
10. Copyright, Designs and Patents Act 1988 (c. 48). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents
11. Карпухина А. Д. Историко-правовой анализ защиты авторских прав в Великобритании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3(103). С. 30–37.
12. Bürgerliches Gesetzbuch. C. H.Beck Verlag , München, 1997. 785 S.
13. Карслиев И. А., Галкин А. Г. Суды по интеллектуальным правам в механизме современного российского государства // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2017 год, Краснодар, 25 апреля 2018 г. / Ответственный за выпуск А. Г. Кощаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, 2018. С. 1079–1082.
14. Кирилова К. В. Федеральный патентный суд Германии как институт защиты патентных прав // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1024–1038.
15. Рыбка О. С., Чекулаев, С. С. Альтернативные способы разрешения конфликтов в исламском праве и возможность их применения на территории РФ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 1–20.
16. Таки Усмани М. Об авторском праве и интеллектуальной собственности // Islam.kz. URL: https://islam.kz/ru/articles/ekonomika/ob-avtorskom-prave-i-intellektualnoisobstvennosti-675/#gsc.tab=0 (дата обращения: 17.04.2026).
17. Дашин, А. В. Вопросы судебной практики в ходе реализации интеллектуальных прав / А. В. Дашин, О. А. Карпенко // Актуальные проблемы гражданского, семейного, предпринимательского, международного частного права : Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 29 мая 2022 года / Отв. за выпуск А.С. Усенко. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Эпомен", 2022. – С. 17-25. – EDN BYTYAA.
18. Волкова, М. А. Содержание интеллектуальных прав, отнесенных к категории «иных» / М. А. Волкова, О. В. Гриднева // Актуальные проблемы российского законодательства. – 2016. – № 15. – С. 11–16.

Intellectual Property Protection Across Legal Families: A Comparative Legal Study

Tikhonovsky V.Yu.
Academy of Labour and Social Relations

This research article provides a comparative analysis of intellectual property protection mechanisms in various legal systems, including the Anglo-Saxon (United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland), Romano-Germanic (using the Federal Republic of Germany and the Russian Federation as examples), and Islamic legal systems. International agreements are considered. The author examines legal approaches to the protection of copyright and related rights, identifying key differences in law enforcement practices, judicial procedures, and the system of legal precedents across different countries. Particular attention is paid to the specifics of copyright enforcement in various countries.

Keywords: intellectual property, legal family, anglo-saxon legal family, romano-germanic legal family, religious legal family, copyright.

References

1. Divanov S. Features of Intellectual Property Law // Symbol of Science: International Scientific Journal. 2024. No. 3-1. Pp. 78–80.
2. Convention Establishing the World Intellectual Property Organization (Signed at Stockholm on July 14, 1967 and amended on October 2, 1979) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059/ (date of access: 17.04.2026).
3. Kuzmicheva R. A., Malay A. Comparative analysis of the protection of intellectual property rights in Russia and the United States // Skif. Issues of Student Science. 2019. No. 5-1 (33). Pp. 543–548.
4. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 (as amended on 28.09.1979) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (date of access: 17.04.2026).
5. International Convention for the Protection of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations (Rome, 26 October 1961) // Electronic Fund of Legal and NormativeTechnical Documents. URL: https://docs.cntd.ru/document/58804834 (date of access: 17.04.2026).
6. Copyright Law of the United States (Title 17) // US Copyright Office. URL: https://www.copyright.gov/title17/ (date of access: 17.04.2026).
7. Lanham Act // Bitlaw. URL: https://www.bitlaw.com/source/15usc/index.html (date of access: 17.04.2026).
8. Galkin A. G., Kostenko O. S. Comparative legal aspect of methods of protecting intellectual property in Russian and international law // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2018. Vol. 4 (70). No. 2. Pp. 191–195.
9. Schwartz L. V., Burova S. M. Actual problems of international legal protection of copyright // Theoretical and applied jurisprudence. 2024. No. 1 (19). Pp. 60–67. 10. Copyright, Designs and Patents Act 1988 (c. 48). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents
11. Karpukhina A. D. Historical and legal analysis of copyright protection in the UK // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (103). Pp. 30– 37.
12. Law Firms' Handbook. C.H.Beck Verlag, Munich, 1997. 785 p.
13. Karsliyev I. A., Galkin A. G. Intellectual Property Courts in the Mechanism of the Modern Russian State // In the collection: Scientific Support for the Agro-Industrial Complex: Collection of Articles Based on the Materials of the 73rd Scientific and Practical Conference of Students on the Results of R&D for 2017, Krasnodar, April 25, 2018 / Responsible for the Issue A. G. Koshchaev. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, 2018. Pp. 1079–1082.
14. Kirilova K. V. The Federal Patent Court of Germany as an Institution for Patent Rights Protection // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 1024–1038.
15. Rybka O. S., Chekulayev S. S. Alternative Methods of Conflict Resolution in Islamic Law and the Possibility of Their Application in the Territory of the Russian Federation // Legal Studies. 2023. No. 8. Pp. 1–20.
16. Taki Usmani M. On Copyright and Intellectual Property // Islam.kz. URL: https://islam.kz/ru/articles/ekonomika/ob-avtorskom-prave-i-intellektualnoi-sobstvennosti675/#gsc.tab=0 (date of access: 17.04.2026).
17. Dashin, A.V. Issues of judicial practice in the implementation of intellectual property rights / A.V. Dashin, O. A. Karpenko // Actual problems of civil, family, business, and private international law : A collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and practical conference, Krasnodar, May 29, 2022 / Ed. for issue by A.S. Usenko. Krasnodar: Epomen Limited Liability Company, 2022. pp. 17-25. EDN BYTYAA.
18. Volkova M.A., Gridneva O.V. Content of Intellectual Rights Attributed to the Category of "Other" // Actual Problems of Russian Legislation. 2016. No. 15. P. 11-16.

Преодоление юридической неопределенности при наличии ошибок, опечаток и вариативности написания фамилий в историко-архивных документах

Шевчук Татьяна Евгеньевна
независимый исследователь

Исследуется проблема преодоления юридической неопределенности, возникающей вследствие ошибок, опечаток, орфографических, транслитерационных и иных вариантов написания имен, фамилий и сведений о национальности в историко-архивных документах. Особое внимание уделяется случаям, когда расхождения в актах гражданского состояния, переписных листах, списочных составах, эвакуационных карточках и иных учетных документах препятствуют достоверной идентификации личности и реализации прав в миграционной сфере. Анализируются административные и судебные механизмы устранения такой неопределенности, включая внесение исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния, установление фактов, имеющих юридическое значение, а также использование архивных документов и специальных лингвистических знаний. Обосновывается необходимость разграничения исправления ошибочной актовой записи и установления тождества личности при сохранении исторического документа в его первоначальном виде. Рассматривается значение комплексной оценки биографических, хронологических, родственных и иных идентификационных признаков при наличии расхождений в персональных данных. Делается вывод о приоритете содержательной идентичности личности над формальным буквальным совпадением написания фамилии или имени при условии, что совокупность доказательств позволяет достоверно установить связь между различными документальными упоминаниями одного лица.

Ключевые слова: юридическая неопределенность, историко-архивные документы, вариативность написания фамилии, транслитерация, идентификация личности, тождество личности, акты гражданского состояния, архивные документы, исправление актовых записей, факты, имеющие юридическое значение, особое производство, доказательства, лингвистическая экспертиза, судебная защита.

Правовая неопределенность представляет собой неотъемлемое и объективное свойство любой динамичной правовой системы, а не просто ее дефект. Позитивный потенциал правовой неопределенности раскрывается через способность права к гибкому регулированию: абстрактность и обобщенность норм, использование оценочных понятий и рамочных конструкций позволяют законодателю охватить многообразие жизненных ситуаций без излишней регламентации. Неопределенность создает пространство для административного и судейского усмотрения и конкретизации, что необходимо для учета динамики общественных отношений и вынесения справедливых решений, которые не могут быть заранее предусмотрены формальными определенными правилами. Через механизмы конкретизации, аналогии права и обращения к разумности осуществляется диалектический переход от изначальной нормативной неопределенности к определенности правоприменительного акта.

Однако та же самая неопределенность, выходя за границы, оборачивается серьезными негативными последствиями. В своем отрицательном проявлении она выражается в коллизиях и пробелах законодательства, логико-языковых дефектах нормативных текстов, что порождает состояние нестабильности и непредсказуемости для субъектов права.

В этой связи представляется необходимым разграничивать нормативную и правоприменительную (доказательственную) юридическую неопределенность. Нормативная неопределенность обусловлена особенностями языкового, логического и графического выражения правового предписания, его нечеткостью, двусмысленностью, пробельностью либо противоречивостью. Однако неопределенность может возникать и на стадии правоприменения, когда содержание применимой нормы само по себе достаточно определенно, но имеющиеся документы и фактические данные не позволяют достоверно установить юридически значимое обстоятельство, в частности идентифицировать лицо или установить принадлежность ему определенного документа.

Преодоление правовой неопределенности и средства, которые для этого используются, являются актуальным предметом для научных исследований. Преодоление юридической неопределенности представляет собой урегулированную законом деятельность правоприменительных органов и иных уполномоченных субъектов, направленную на устранение неопределенности нормативного либо доказательственного характера в целях вынесения законного, обоснованного и справедливого правоприменительного акта.

Преодоление юридической неопределенности, порожденной ошибками, опечатками и вариативностью написания фамилий, в том числе, в историко-архивных документах, имеет первостепенное практическое значение, поскольку напрямую связано с реализацией прав граждан на пенсионное обеспечение, наследство, реабилитацию, получение социальных льгот, а также прав лиц на приобретение гражданства (когда дело разрешается в порядке, предусмотренном п. 5 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ).

В таких случаях нечеткость текстуального выражения имени или фамилии создает юридическую неопределенность в идентификации личности, что может быть истолковано правоприменителем как отсутствие юридического факта и повлечь необоснованный отказ в защите прав. Именно поэтому важно не сводить преодоление данной неопределенности к буквальному прочтению спорного документа, а использовать комплексный инструментарий, в состав которого входит сравнительный анализ совокупности архивных источников, установление тождества личности через сопоставление биографических данных, а также, при необходимости, заключения специалистов.

Преодоление неопределенности, обусловленной разноязычными, транслитерационными и орфографическими расхождениями в написании имен, фамилий и сведений о национальности в историко-архивных документах, представляет для правоприменителя сложную задачу, находящуюся на стыке права, лингвистики и архивоведения.

В рассматриваемой сфере доказательственная неопределенность возникает вследствие разнородности сведений об одном

лице, содержащихся в различных учетных источниках: актах гражданского состояния, переписных листах, списочных составах, эвакуационных карточках и иных документах. Формальная неточность или вариативность написания имени либо фамилии может создавать для правоприменителя ситуацию, при которой принадлежность различных документов одному лицу не может быть достоверно установлена путем буквального сопоставления персональных данных. В миграционной сфере такая неопределенность способна препятствовать реализации соответствующих прав заявителя и поэтому требует оценки всей совокупности идентификационных сведений.

Правовые механизмы преодоления данной неопределенности выстроены по принципу восхождения от административной проверки к судебной защите. На внесудебном уровне применяемые механизмы зависят от характера, происхождения и юридической природы расхождения в персональных данных.

В качестве примера современного нормативного стандарта передачи персональных данных может быть приведено Постановление Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2024 г. № 1485 «Об утверждении Правил перевода фамилий и имен, содержащихся в документах, удостоверяющих личность иностранных граждан и лиц без гражданства, с латинского написания на кириллическое написание». Установленные им правила направлены на унификацию современного перевода фамилий и имен иностранных граждан с латиницы на кириллицу и позволяют уменьшить вероятность возникновения новых разночтений при обработке документов.

Вместе с тем данный механизм не предназначен для ретроспективного устранения расхождений, уже содержащихся в историко-архивных источниках. В отношении записей советского и более раннего периода вопрос состоит в установлении того, могут ли различные графические, фонетические или языковые формы относиться к одному и тому же лицу. Поэтому при расхождениях в метрических книгах, архивных учетных документах, эвакуационных карточках и иных исторических источниках определяющее значение приобретают комплексная идентификация личности, сопоставление архивных сведений и, при необходимости, использование специальных лингвистических знаний (иных экспертных познаний).

Основным правовым механизмом преодоления неустранимой на административном уровне неопределенности является судебный порядок установления фактов, имеющих юридическое значение. Суд рассматривает дела об установлении факта принадлежности правоустанавливающих документов лицу, если имя, отчество или фамилия в них не совпадают с данными заявителя.

Судебная практика демонстрирует, что при разрешении таких дел суд использует сопоставление совокупности архивных источников (трудовая книжка, комсомольский билет, свидетельства о рождении и браке, копии паспортов), анализ биографических и хронологических данных, а также, при необходимости, заключения специалистов-лингвистов или историков-архивистов.

На наш взгляд, важным является принцип, согласно которому несовпадение отдельных данных архивных документов со сведениями в запросе не является препятствием для признания тождественности, если совпадение всех остальных существенных сведений не вызывает сомнений в том, что речь идет об одном лице. Такой подход, опирающийся на принципы разумности и аналогии, позволяет осуществить переход от формальной неопределенности к юридической определенности, обеспечивая тем самым реализацию прав граждан в миграционной сфере и не допуская произвола, основанного на формальных ошибках прошлого.

Правовой механизм преодоления рассматриваемой неопределенности не может быть сведен исключительно к установлению факта принадлежности документа в порядке особого производства. Характер юридической процедуры должен определяться прежде всего природой того источника, в котором содержится спорное написание, и тем юридическим результатом, к которому стремится заявитель. Принципиальное значение приобретает разграничение между, с одной стороны, исправлением первоначальной актовой записи, содержащей объективно ошибочные сведения, и, с другой стороны, установлением тождества лица при сохранении исторического документа в его первоначальном виде. В первом случае речь идет об устранении дефекта юридически значимой записи, во втором о преодолении доказательственной неопределенности посредством установления связи между различными вариантами персональных данных одного и того же лица.

Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» предусматривает самостоятельный административный механизм внесения в акты гражданского состояния исправлений и изменений. Согласно ст. 69 указанного Федерального закона исправление актовой записи возможно при наличии предусмотренных законом оснований и отсутствии спора между заинтересованными лицами; в случае возникновения такого спора соответствующие изменения производятся на основании решения суда. При этом заявление может быть подано заинтересованным лицом, а в отношении записи, составленной в отношении умершего, также его родственником либо иным заинтересованным лицом. Тем самым законодатель допускает устранение исторически возникшей ошибки даже в тех случаях, когда лицо, непосредственно указанное в актовой записи, уже умерло, что имеет существенное значение для дел о подтверждении происхождения, гражданства предков и родственных связей.

Следует учитывать, что судебное преодоление неправильности записи акта гражданского состояния также образует самостоятельный процессуальный механизм. В силу ст. 307–309 ГПК РФ суд рассматривает дела о внесении исправлений или изменений в актовые записи в тех случаях, когда орган ЗАГС при отсутствии спора о праве отказался внести соответствующие изменения. Заявитель должен конкретно указать, в чем заключается неправильность записи и каким органом было отказано в ее исправлении, а решение суда, установившее такую неправильность, является непосредственным основанием для последующего исправления либо изменения записи органом ЗАГС. Таким образом, судебное решение здесь не заменяет саму актовую запись и не создает параллельный источник персональных данных, а устраняет препятствие для ее официальной корректировки.

Иное юридическое значение имеет установление факта принадлежности документа конкретному лицу по правилам главы 28 ГПК РФ. В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ такой механизм используется в отношении правоустанавливающего документа, когда содержащиеся в нем имя, отчество или фамилия не совпадают с соответствующими сведениями, указанными в паспорте или свидетельстве о рождении. При этом сама конструкция указанной нормы содержит существенное ограничение, так она не распространяется, в частности, на паспорт и свидетельства, выдаваемые органами записи актов гражданского состояния. Следовательно, процессуальный выбор должен осуществляться не формально по признаку самого наличия разночтения фамилии, а исходя из вида спорного документа. Ошибка в свидетельстве о рождении и вариативное написание фамилии в эвакуационной карточке, архивном списке либо ином учетном документе могут свидетельствовать об одной и той же фактической проблеме идентификации, однако способы ее юридического разрешения различаются.

Более того, ст. 265 ГПК РФ придает судебному установлению юридического факта субсидиарный характер, так как суд вправе устанавливать такой факт только тогда, когда заявитель не может получить в ином порядке надлежащие документы либо восстановить утраченные. В заявлении должно быть указано, для какой юридической цели требуется установление факта, а также приведены доказательства невозможности получения или восстановления соответствующего документа. Эта конструкция важна для миграционных дел, она означает, что обращению в суд, как правило, должна предшествовать попытка заявителя разрешить противоречия во внесудебном порядке, посредством обращения в архив, орган ЗАГС либо иной орган, сформировавший соответствующий документ или обладающий полномочиями по его исправлению. Отказ такого органа либо объективная невозможность внесения исправлений становится не просто обстоятельством дела, но процессуальным элементом, подтверждающим необходимость судебного вмешательства.

В отношении собственно архивных источников правовая ситуация имеет дополнительную специфику. Архивный документ по своей природе фиксирует сведения в том виде, в каком они были внесены в него в исторический момент, поэтому современное исправление первоначального текста далеко не всегда возможно и, более того, не всегда является юридически оправданным. Если фамилия была записана сотрудником эвакуационного пункта, органом учета населения либо иной организацией в определенной языковой форме, последующее несовпадение этой формы с современным написанием не превращает архивный документ в недостоверный.

Оно лишь требует выяснения того, является ли различие следствием ошибки идентификации разных лиц либо результатом исторически обусловленного способа записи данных одного человека.

Именно поэтому важнейшим средством преодоления неопределенности становится не «исправление истории», а юридическая интерпретация архивного комплекса. Архивная справка или архивная выписка должны воспроизводить сведения на основании реально существующих документов, а архивная выписка, в частности, представляет собой дословное воспроизведение относящейся к соответствующему лицу или факту части архивного документа с указанием архивного шифра и листов единицы хранения. Следовательно, требование к архиву заменить историческое написание фамилии современным вариантом в большинстве подобных ситуаций не соответствует самой функции архивного документа. Для правоприменителя существенно установить связь между первоначальной записью и лицом, чье происхождение, гражданство, место проживания или родственная связь доказываются.

В этой связи можно говорить о формировании особого стандарта доказательственной идентификации личности, который не должен основываться на требовании абсолютного буквального совпадения каждого элемента персональных данных. Фамилия и имя представляют собой важнейшие идентификаторы, но в историческом источнике они не могут исследоваться изолированно от иных признаков. К числу таких признаков относятся дата и место рождения, имена родителей и супругов, состав семьи, место жительства, профессия, сведения о перемещении или эвакуации, последовательность браков, даты рождения детей, воинская обязанность и иные биографические характеристики. Чем больше независимых элементов образует непротиворечивую систему совпадений, тем меньше доказательственное значение приобретает отдельное графическое либо фонетическое расхождение фамилии.

Например, наличие в двух документах вариантов фамилии, отличающихся одной буквой либо передачей окончания, само по себе не дает достаточных оснований полагать, что документы относятся к разным лицам, если одновременно совпадают имя, отчество, год и место рождения, имя супруга и сведения о детях. Напротив, полное совпадение фамилии не обеспечивает тождества личности, если расходятся существенные биографические данные. Следовательно, юридическая идентификация должна строиться не на формально-символьном сравнении текста, а на оценке совокупности идентификационных признаков. Такой подход соответствует общей логике доказательственного процесса, в рамках которого значение имеет не отдельное доказательство, рассматриваемое вне связи с другими источниками, а согласованная совокупность сведений.

Особого внимания требуют транслитерационные расхождения, одно и то же имя либо фамилия при переходе между кириллицей и латиницей, а также между различными языковыми системами может приобретать несколько графических форм, каждая из которых является лингвистически объяснимой. В исторической перспективе такая вариативность дополнительно усиливается отсутствием единого стандарта транслитерации, изменением административных языков территории, использованием польской, немецкой, греческой, украинской, белорусской, идиш и иных традиций записи, а также неоднократным переписыванием сведений из одного документа в другой.

В данном контексте необходимо различать нормативную транслитерацию, используемую для оформления современных документов, и ретроспективную лингвистическую идентификацию. Первая преследует цель единообразного воспроизведения имени в настоящее время. Вторая отвечает на иной вопрос: могли ли две или более исторические формы объективно обозначать одно и то же имя или фамилию. Именно для решения второго вопроса может потребоваться специальное лингвистическое исследование, охватывающее фонетические соответствия, закономерности передачи букв различных алфавитов, морфологическую адаптацию фамилии, особенности местного произношения и исторические правила делопроизводства.

Еще более сложной является правовая оценка расхождений в сведениях о национальности. При анализе советских и более ранних учетных документов необходимо учитывать исторически обусловленное содержание соответствующих граф и категорий. Понятия национальности, гражданства, подданства, этнического происхождения, родного языка и места рождения в документах различных периодов и ведомств не являлись взаимозаменяемыми и могли выполнять различные учетные и юридические функции.

Поэтому механическое сопоставление современной юридической категории с термином исторического источника способно породить новую неопределенность вместо устранения уже существующей.

Если, например, в различных документах сведения о национальности одного лица зафиксированы по-разному либо в одном из источников соответствующая графа отсутствует, правоприменителю необходимо учитывать действовавшие в соответствующий период правила и практики определения национальности, время составления документа, орган, сформировавший запись, и основание ее внесения.

Отсюда следует, что разночтение национальности не может оцениваться отдельно от историко-правового контекста источника. Оно должно сопоставляться со сведениями о национальности родителей, месте рождения, языке, гражданстве или подданстве, религиозных либо метрических записях и иных документах, имеющих отношение к происхождению лица. При этом отсутствие соответствующей графы либо использование иной терминологии не равнозначно доказательству отсутствия требуемого происхождения. Юридическое значение имеет содержание доказательственной цепочки в целом и возможность установить из нее соответствующий факт с необходимой степенью достоверности.

Таким образом, целесообразно разграничивать как минимум три группы ситуаций. Первая возникает тогда, когда ошибка содержится в действующей либо подлежащей юридическому исправлению записи акта гражданского состояния; здесь первичным является механизм Федерального закона № 143-ФЗ, а при отказе органа ЗАГС судебная процедура, предусмотренная гл. 36 ГПК РФ.

Вторая группа охватывает случаи принадлежности правоустанавливающего либо иного юридически значимого документа лицу при несовпадении отдельных элементов его имени; при наличии установленных законом предпосылок применяется особое производство об установлении юридического факта.

Третья группа включает исторические архивные документы, первоначальное содержание которых не подлежит фактической модернизации: противоречие преодолевается посредством комплексной идентификации лица, архивных справок, совокупности иных документов и, при необходимости, специальных познаний.

Подобная дифференциация препятствует распространенной ошибке, при которой заявителю предлагается «исправить фамилию» во всех документах независимо от их происхождения и юридической природы. В ряде случаев такое исправление объективно невозможно, так как организация, составившая документ, ликвидирована, первичный источник находится на государственном хранении, а изменение его текста противоречило бы принципу сохранности архивного документа. В иных случаях исправление возможно, но избыточно, поскольку для реализации права достаточно доказать принадлежность документа либо тождество упоминаемого в нем лица. Требование совершить заведомо невозможное действие превращало бы формальную ошибку исторического делопроизводства в непреодолимый юридический барьер, что противоречит самой цели механизмов преодоления юридической неопределенности.

Поэтому принципиальным должен являться не вопрос о том, существует ли буквальное расхождение между документами, а вопрос о том, позволяет ли совокупность доказательств достоверно установить идентичность лица и непрерывность родственной либо биографической цепочки. При таком подходе орфографическое или транслитерационное расхождение рассматривается как обстоятельство, требующее оценки, но не как самостоятельное и безусловное основание для отказа.

В методологическом смысле подобная модель может быть обозначена как принцип приоритета содержательной идентичности над формальной идентичностью написания. Его содержание состоит не в допустимости произвольного игнорирования противоречий, а, напротив, в обязанности правоприменителя объяснить происхождение каждого существенного расхождения и оценить его во взаимосвязи с другими доказательствами. Только необъяснимое расхождение, которое разрушает общую биографическую последовательность либо позволяет обоснованно предполагать существование другого лица, должно приобретать отрицательное доказательственное значение. Формально объяснимая вариативность, подтвержденная совокупностью независимых данных, не должна препятствовать установлению юридически значимого факта.

Тем самым преодоление юридической неопределенности в сфере историко-архивных персональных данных представляет собой многоуровневый правовой процесс. Он начинается с определения природы спорного документа, продолжается использованием предусмотренных законом административных способов исправления либо получения архивных подтверждений и лишь при невозможности устранить неопределенность во внесудебном порядке переходит в судебную плоскость. Центральной задачей на каждом из этих этапов является не механическое достижение графической одинаковости фамилий, имен или указаний национальности, а формирование юридически убедительной и проверяемой системы доказательств, позволяющей идентифицировать одно и то же лицо несмотря на неизбежные дефекты исторического документооборота.

Литература

1. Байбурин А. К. Советские практики определения национальности в 1920-30-е гг / А. К. Байбурин // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы : Материалы VI международной научной конференции, Киев, 10–12 октября 2013 года. – Киев: Издательство "Российская политическая энциклопедия", 2014. – С. 458-467.
2. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев. – Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2009. – 252 с.
3. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2(194). С. 32-44.
4. Дьяконова О.Г. Перспективы развития института доказывания в гражданском и административном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. №3 (42). С. 136-141.
5. Папкова О.А. Усмотрение суда / О. А. Папкова ; О. А. Папкова. Москва : Статут, 2005. 411 с.
6. Соловей Ю.П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции : специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ю. П. Соловей. Москва, 1982. 150 с.
7. Чекалина Л.А. К вопросу об обеспечении сохранности документов Архивного фонда // Вестник ВНИИДАД. 2023. №1. С. 40-45.

Overcoming legal uncertainty in the presence of errors, typos, and spelling variations in surnames in historical and archival documents

Shevchuk T.E.

Independent Researcher

This article explores the problem of overcoming legal uncertainty arising from errors, typos, spelling, transliteration, and other spelling variations of names, surnames, and information on nationality in historical and archival documents. Particular attention is paid to cases where discrepancies in civil status acts, census forms, lists of personnel, evacuation cards, and other accounting documents hinder reliable identification of an individual and the exercise of rights in the sphere of migration. Administrative and judicial mechanisms for eliminating such uncertainty are analyzed, including corrections and amendments to civil status records, the establishment of facts of legal significance, and the use of archival documents and specialized linguistic knowledge. The need to distinguish between the correction of an erroneous entry in a civil status act and the establishment of an individual's identity while preserving the historical document in its original form is substantiated. The importance of a comprehensive assessment of biographical, chronological, family, and other identification characteristics in the presence of discrepancies in personal data is considered. A conclusion is drawn regarding the priority of the substantive identity of an individual over the formal, literal spelling of a surname or first name, provided that the totality of the evidence allows for a reliable connection to be established between various documentary references to the same individual.

Keywords: legal uncertainty, historical and archival documents, surname spelling variations, transliteration, personal identification, personal identity, civil status records, archival documents, correction of civil records, facts of legal significance, special proceedings, evidence, linguistic examination, judicial protection.

References

1. Baiburin A. K. Soviet practices of determining nationality in the 1920s and 1930s / A. K. Baiburin // Soviet Nations and National Policy in the 1920s–1950s: Proceedings of the 6th International Scientific Conference, Kyiv, October 10–12, 2013. – Kyiv: ROSSPEN (Russian Political Encyclopedia) Publishing House, 2014. – P. 458–467.
2. Brinev K. I. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise / K. I. Brinev. – Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2009. – 252 p.
3. Vlasenko N. A. Uncertainty in law: nature and forms of expression // Journal of Russian Law. 2013. No. 2(194). P. 32–44.
4. Dyakonova O. G. Prospects for the development of the institution of proof in civil and administrative proceedings // Bulletin of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry. 2017. No. 3 (42). P. 136–141.
5. Papkova O. A. Judicial discretion / O. A. Papkova. Moscow: Statut, 2005. 411 p.
6. Solovey Yu. P. Discretion in the administrative activities of the Soviet militia: specialty 12.00.02 "Constitutional Law; Constitutional Judicial Process; Municipal Law": dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Yu. P. Solovey. Moscow, 1982. 150 p.
7. Chekalina L.A. On the Issue of Ensuring the Preservation of Documents of the Archival Fonds // Vestnik VNIIDAD. 2023. No. 1. P. 40–45.

Особенности реализации конституционного права на судебную защиту: проблемы и перспективы

Дегтярев Даниил Дмитриевич
аспирант, Московский инновационный университет

Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому возможность защитить свои права в суде. Конституция относит это право к тем, которые нельзя ограничивать даже при чрезвычайном положении, однако закон устанавливает условия обращения в суд, а именно: правила подсудности, сроки, размер государственной пошлины, обязательные досудебные процедуры. В статье рассматривается вопрос, откуда берётся указанное противоречие, и предлагает его решение, состоящее в следующем. Следует отличать саму возможность добиться судебной защиты, которую отнимать нельзя, от порядка её получения, который законодатель вправе менять, пока защита остаётся реально доступной. На примере Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2025 года № 16-П и данных о судебной нагрузке за 2023–2025 годы показано, как повышение пошлин повлияло на обращения в суд, прежде всего на жалобы в апелляцию и кассацию. Рассмотрено, что осталось от права обращаться в международные органы после прекращения действия договоров Совета Европы. Обосновано, что техническая и материальная обеспеченность судов также относится к гарантиям права на судебную защиту.

Ключевые слова: право на судебную защиту, статья 46 Конституции Российской Федерации, доступ к правосудию, ограничение прав, гарантии судебной защиты, государственная пошлина, Конституционный Суд Российской Федерации, исполнение судебного решения, международные органы по защите прав человека, цифровизация правосудия.

Введение

Право на судебную защиту занимает в системе конституционных прав особое положение. Оно одновременно является самостоятельным субъективным правом и способом обеспечения всех остальных прав. Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, возможность обжаловать в суд решения и действия (бездействие) органов публичной власти и должностных лиц, а также право обращаться в межгосударственные органы по защите прав человека при исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты [1]. Конституционный Суд Российской Федерации квалифицирует это право как одно из основных неотчуждаемых прав человека и одновременно как гарантию всех других прав, отмечая, что оно предполагает наличие конкретных институциональных и процессуальных механизмов, позволяющих реализовать его в полном объёме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, без нарушения баланса между частными и публичными интересами [2].

Практика последних лет обнаружила различие между декларируемой абсолютностью права и условиями его фактической реализации. Кратное увеличение размеров государственной пошлины, прекращение действия в отношении России договоров Совета Европы, технологическая перестройка судопроизводства и проблема исполнения судебных актов ставят вопрос иначе. Прежний спор о допустимости ограничения права сменяется вопросом о том, какими средствами государство обязано обеспечивать реальность его реализации. Статья посвящена пределам и ограничениям реализации права на судебную защиту и системе его конституционных гарантий.

Содержание права как предмет нормативного упорядочения

Конституция не определяет ни порядок, ни условия судебной защиты, относя их регулирование к компетенции федерального законодателя. Конституционный Суд признаёт за законодателем свободу усмотрения при установлении правил обращения в суд, поскольку такое регулирование обеспечивает и возможность защиты прав, и стабильность, определённость, предсказуемость юридических состояний участников правовых отношений [3].

Содержание права раскрывается через несколько правомочий, а именно, таких как: доступ к суду, право на законный суд, право на справедливую процедуру с независимым и беспристрастным судом, возможность добиваться исправления судебных ошибок в проверочных инстанциях, исполнение вступившего в законную силу судебного акта [4]. При этом право на судебную защиту не тождественно праву на благоприятное решение. В доктрине справедливо разграничиваются право на судебную защиту как объективная, обращённая ко всем возможность доступа к правосудию и право на предъявление конкретного иска, реализация которого требует соблюдения установленных законом предпосылок [5, с. 48]. Отказ в удовлетворении требований по результатам рассмотрения дела по существу означает реализацию права, а не его нарушение.

Такое разграничение позволяет отделить нормативное упорядочение права, конституционно нейтральное либо необходимое, от ограничения, требующего проверки по критериям Конституции. Без этого разделения любая процессуальная формальность превращается в предмет конституционного спора.

Пределы и ограничения реализации права

Дуализм ограничения права на судебную защиту

Правила об ограничении права на судебную защиту носят дуалистический характер. С одной стороны, часть 3 статьи 56 Конституции включает права, предусмотренные статьями 46 и 47, в число тех, которые нельзя ограничивать даже в условиях чрезвычайного положения. Опираясь на это, Конституционный Суд указывал, что право на судебную защиту не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах, поскольку такое ограничение не способно служить ни одной из целей, перечисленных в части 3 статьи 55 Конституции. С другой стороны, тот же Суд признаёт, что условия обращения в суд могут ограничиваться, если это нужно для защиты других конституционных ценностей, и требует от законодателя разумного соотношения между выбранными

средствами и целью, чтобы ограничение не затрагивало само существо права [4].

На словах вышеуказанные позиции друг другу противоречат. На деле противоречия нет, если различать два обстоятельства: саму возможность получить судебную защиту и порядок, в котором она получается. Первое нельзя отнимать ни при каких обстоятельствах, второе законодатель вправе устанавливать и изменять. Полагаем, что это различие носит дуалистический характер и его стоит закрепить в доктрине, а также провести по нему точную границу. Неприкосновенными следует признавать возможность передать спор на разрешение суда, запрет выводить решения власти из-под судебного контроля, рассмотрение дела тем судом, которому оно подсудно по закону, а также обязательность и исполнимость вынесенного решения. К изменяемым условиям относятся правила подсудности, сроки, требования к форме обращения, размер государственной пошлины, устройство апелляции и кассации, обязательные досудебные процедуры. Практическая польза такого разделения в том, что оно задаёт порядок проверки спорной нормы. Сначала надлежит выяснить, не лишает ли она человека самой возможности обратиться в суд: если лишает, норма неконституционна независимо от того, какими целями объясняется. И только если не лишает, возникает второй вопрос: оправдано ли такое условие и не чрезмерно ли оно по сравнению с тем, чего государство хочет добиться.

Действующая практика подтверждает работоспособность подхода. Конституционный Суд допускает обязательный досудебный порядок урегулирования спора, оговаривая, что он не подменяет судебный порядок разрешения споров, и требует, чтобы предварительное административное обжалование не блокировало перспективы судебного оспаривания [4]. Условие остаётся допустимым до того момента, пока оно не начинает заменять собой судебное разбирательство.

Фискальные условия доступа к суду

Наиболее показательным для современного этапа стало ограничение фискального характера. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 259-ФЗ многократно увеличил размеры государственной пошлины, повысив её верхний предел с 200 тысяч до 10 миллионов рублей в арбитражных судах и с 60 тысяч до 900 тысяч рублей в судах общей юрисдикции [6; 7]. Группа депутатов Государственной Думы оспорила эти нормы, полагая, что установленные размеры не соотносятся с медианной заработной платой и фактически вводят имущественный ценз, а механизмы освобождения, отсрочки и рассрочки не решают проблему из-за сложности их применения [8]. Постановлением от 10 апреля 2025 года № 16-П Конституционный Суд признал оспариваемые положения не противоречащими Конституции, указав, что необходимость уплаты государственной пошлины не может быть признана умалением права на справедливое судебное разбирательство, и сославшись на широкий перечень льгот и возможность отсрочки [3; 4; 9].

Эмпирические данные позволяют оценить последствия реформы. В первом полугодии 2025 года количество поступивших в судебную систему дел сократилось до 10 541 169, что на 26,0 процента ниже показателя 2024 года и на 22,7 процента ниже показателя 2023 года [10]. Наиболее выраженным оказалось влияние на проверочные стадии: в арбитражной системе за первое полугодие 2025 года поступило 144 697 апелляционных жалоб против 189 985 годом ранее (снижение на 31 процент), в окружной кассации падение составило 29 процентов, тогда как число заявлений в суды первой инстанции практически не изменилось [11]. В Верховном Суде число принятых жалоб сократилось по сравнению с 2023 годом более чем в пять раз [12].

Оценивая приведенные данные, следует различать снижение процессуальной активности и снижение потребности в судебной защите. Падение числа жалоб на треть при неизменном количестве исков первой инстанции указывает на то, что барьер сработал именно там, где происходит исправление судебных ошибок, то есть в сегменте, который Конституционный Суд относит к необходимым составляющим права на судебную защиту [13]. Возникает конструкция, при которой доступ к суду первой инстанции сохраняется, а доступ к проверке законности решения становится в зависимость от имущественного положения заявителя.

Таким образом, можно заключить, что конституционная проверка фискальных условий доступа к суду не может ограничиваться констатацией формального наличия льгот и отсрочек, она требует оценки того, сохраняет ли право реальность для типичного, а не льготируемого субъекта. Предлагаем закрепить два требования к плате за обращение в суд. Во-первых, размер пошлины должен соотноситься с измеримым экономическим показателем, например с медианным доходом или минимальным размером оплаты труда, а не устанавливаться произвольной суммой. Во-вторых, человек с доходом ниже установленного порога должен освобождаться от пошлины по прямому указанию закона, а не по усмотрению суда. Когда освобождение зависит от усмотрения, оно само превращается в препятствие, потому что требует отдельного ходатайства ещё до того, как суд приступит к делу.

Международный компонент права

Часть 3 статьи 46 Конституции гарантирует право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Более двух десятилетий эта гарантия связывалась главным образом с обращением в Европейский Суд по правам человека. После прекращения членства России в Совете Европы с 16 марта 2022 года и прекращения действия в отношении Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, оформленного Федеральным законом от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ, норма утратила прежнее институциональное наполнение [14]. Формально гарантия сохраняет действие. Россия остаётся участницей Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему, признавая компетенцию Комитета ООН по правам человека рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией; по состоянию на 1 января 2023 года Комитетом рассмотрено 102 таких сообщения, из которых 62 по существу [15]. Вместе с тем доступные квазисудебные процедуры не образуют равноценной альтернативы Европейскому Суду ни по юридической природе, ни по уровню институциональной проработанности, ни по эффективности исполнения решений [16, с. 62].

Полагаем, что сохранение нормы в тексте Конституции порождает не только право индивида, но и корреспондирующую обязанность государства поддерживать участие в доступных межгосударственных механизмах и обеспечивать организационные условия обращения к ним. Иначе конституционное положение приобретает декларативный характер, что противоречит принципу непосредственного действия прав и свобод (статья 18 Конституции). Одновременно возрастает нагрузка на внутренние средства защиты: чем менее доступен внешний контур, тем требовательнее должны быть стандарты национального конституционного правосудия. Или же альтернатива Европейскому Суду по правам человека может зародиться в рамках существующих политических блоков, экономических союзов или интеграционных объединений, на базе БРИКС, ШОС или ЕАЭС.

Гарантии конституционного права на судебную защиту

Система гарантий

Гарантии рассматриваемого права образуют многоуровневую систему. Нормативный уровень включает статью 46 Конституции во взаимосвязи со статьями 2, 18, 45, 47, 48, 50, 51, 52, 54, частью 3 статьи 123 и частью 3 статьи 56 [1; 17, с. 47]. Институциональный уровень охватывает организацию судебной власти, независимость судей, инстанционное построение системы, наличие конституционного судопроизводства. Процессуальный уровень образуют закреплённые в отраслевых кодексах правила, обеспечивающие реальную возможность защиты.

Отдельного внимания заслуживает гарантия недействительности отказа от права на судебную защиту. Часть 2 статьи 3 ГПК РФ и часть 3 статьи 4 АПК РФ устанавливают недействительность отказа от права на обращение в суд, тогда как часть 2 статьи 4 КАС РФ говорит лишь о недопустимости принуждения к такому отказу, что создаёт впечатление о допустимости добровольного отказа [5, с. 49]. Разделяя вывод о необходимости унификации формулировок, добавим, что проблема шире редакционной: целесообразно закрепить в процессуальном законодательстве единое правило о ничтожности любых соглашений и односторонних обязательств, ограничивающих доступ к суду, независимо от вида судопроизводства. Такое правило прямо следует из части 3 статьи 56 Конституции и устраняет расхождение между отраслевыми режимами.

Исполнение судебного акта и разумный срок

Конституционный Суд последовательно указывает, что исполнение судебного решения по смыслу части 1 статьи 46 Конституции следует рассматривать как элемент судебной защиты, а защита

нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется [18]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации подтверждает, что право на судебную защиту включает право на судопроизводство в разумный срок и право на исполнение судебного акта в разумный срок, реализуемые посредством создания государством процессуальных условий эффективного рассмотрения дела и организации своевременного исполнения судебных актов [19]. Специальным средством обеспечения выступает компенсация по Федеральному закону от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ, присуждаемая за сам факт нарушения разумных сроков независимо от вины суда и органов, на которые возложена обязанность исполнения [19; 20]. Конституционная гарантия обеспечивается не только запретом неправомерных действий, но и обязанностью поддерживать функционирующий механизм правосудия.

Инфраструктурные условия как самостоятельная гарантия

Организационно-технологическое обеспечение доступа к суду приобретает значение самостоятельной гарантии конституционного права, а не только вопроса управления судебной системой.

Материалы Счётной палаты Российской Федерации показывают, что единая стратегия цифровой трансформации судебной системы отсутствует, значительная часть серверного оборудования имеет высокий износ, из 47 программных изделий ГАС «Правосудие» используется 27, а сама система, по оценке контрольного органа, последовательно регрессирует [21]. В девяти субъектах Российской Федерации, охватывающих 632 участка мировых судей, или 8,2 процента их общего числа, отсутствует техническая готовность подключения к модулю «Электронное правосудие», в связи с чем подача документов в электронном виде не осуществляется [22]. При этом с 2018 по 2023 год количество дел, поступивших в мировые, арбитражные и федеральные суды общей юрисдикции, выросло почти на четверть [23].

Юридическая квалификация этих обстоятельств заслуживает уточнения. Если исполнение судебного акта признано элементом права на судебную защиту, а нарушение разумного срока влечёт компенсацию независимо от вины, то отсутствие технической возможности обратиться в суд в предусмотренной законом электронной форме следует рассматривать в той же логике. Гражданин, проживающий на территории судебного участка, не подключённого к соответствующему модулю, лишён процессуальной возможности, которую закон ему предоставил. Различие в объёме реально доступных процессуальных средств в зависимости от места жительства сопоставимо с ограничением права и требует оценки по части 1 статьи 19 Конституции о равенстве всех перед законом и судом.

Предлагаем обозначить эту составляющую как инфраструктурную гарантию права на судебную защиту, понимая под ней обязанность государства обеспечивать материальные, кадровые и технологические условия, при которых установленные законом процессуальные возможности фактически осуществимы на всей территории страны и для всех категорий участников процесса. Признание такой гарантии влечёт два следствия. Первое: недостаточность ресурсного обеспечения перестаёт быть обстоятельством, оправдывающим сужение процессуальных возможностей, и становится основанием ответственности государства. Дополнительно, цифровизация судопроизводства подлежит оценке не только по критерию эффективности, но и по критерию недопустимости цифрового неравенства, поскольку различия в технической готовности судов и цифровой грамотности участников процесса воспроизводят неравенство в доступе к правосудию [24].

Выводы и перспективы

Право на судебную защиту остаётся главным средством обеспечения всех остальных прав. Вместе с тем утверждение о том, что оно не подлежит ограничению, верно только в одном значении - нельзя лишить человека самой возможности добиться судебной защиты, тогда как порядок её получения законодатель вправе менять. Это различие носит дуалистический характер и стоит превратить в порядок проверки спорных норм. Вопрос о том, лишает ли норма доступа к суду, должен решаться раньше вопроса об оправданности установленного условия.

Центр проблематики смещается от нормативных к экономическим и инфраструктурным условиям реализации права. Ограничения возникают сегодня не столько из прямых законодательных запретов, сколько из фискальных барьеров и неравномерности материально-технического обеспечения судов. Предложенные выше требования к размеру пошлины и к обеспеченности судов как самостоятельной гарантии восполняют недостающие критерии оценки таких ограничений.

Поскольку возможность добиваться исправления судебных ошибок отнесена Конституционным Судом к необходимым составляющим права, повышение фискальных требований именно на стадиях обжалования нуждается в более строгом конституционном обосновании, чем при обращении в суд первой инстанции. Перспективным направлением совершенствования законодательства представляется дифференциация пошлин с понижающим коэффициентом для проверочных стадий по делам граждан, а также освобождение при доходе ниже установленного порога, не зависящее от судебного усмотрения.

Международный компонент права требует содержательного восполнения: сохранение нормы части 3 статьи 46 при фактическом сокращении доступных процедур обязывает государство поддерживать участие в действующих межгосударственных механизмах и повышает требования к национальному конституционному правосудию.

Наконец, реализация права на судебную защиту всё более определяется не только качеством правовых норм, но и объёмом ресурсов, направляемых на функционирование судебной системы. Это обосновывает постановку вопроса о конституционно значимом минимуме ресурсного обеспечения правосудия, ниже которого гарантии статьи 46 Конституции утрачивают свойство реально действующих. Разработка такого стандарта представляется одной из перспективных задач отечественной конституционно-правовой доктрины.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Статья 46. URL: https://constitution.garant.ru/rf/chapter/363aa18e6c32ff15fa5ec3b09cbefbf6/ (дата обращения: 31.08.2026).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2024 года № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 2 части четвёртой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_474612/ (дата обращения: 31.08.2026).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2025 года № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.19 и пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 45 и 47 статьи 2 Федерального закона от 8 августа 2024 года № 259-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502833/ (дата обращения: 31.08.2026).

4. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Право на доступ к правосудию и законный суд: официальная подборка решений. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI902.htm (дата обращения: 31.08.2026).

5. Михайлова Е.В. Конституционно-правовые гарантии права на судебную защиту и проблемы их реализации // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2 (72). С. 46–52. DOI: 10.33184/pravgos-2023.2.6. URL: https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/773 (дата обращения: 31.08.2026).

6. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51021 (дата обращения: 31.08.2026).

7. Государственная пошлина: публично-правовые и частноправовые последствия внесения изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. URL: https://lawinfo.ru/articles/9572/gosudarstvennaya-poslina-publicno-pravovye-i-castnopravovye-posledstviya-vneseniya-izmenenii-v-nalogovyi-kodeks-rossiiskoi-federacii (дата обращения: 31.08.2026).

8. Наступает новая судебная реальность, где стоимость ошибки суда или стороны в процессе вырастает: материалы Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2025. URL:

https://fparf.ru/news/fpa/nastupaet-novaya-sudebnaya-realnost-gde-stoimost-oshibki-suda-ili-storony-v-protsesse-vyrastaet/ (дата обращения: 31.08.2026).

9. Конституционный Суд Российской Федерации. Новость о принятии Постановления от 10 апреля 2025 года № 16-П. URL: https://ksrf.ru/news/32913/ (дата обращения: 31.08.2026).

10. Досудебный порядок и судебная нагрузка в условиях повышения госпошлин: экономико-правовой анализ статистики 2023–2025 годов. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnyy-poryadok-i-sudebnaya-nagruzka-v-usloviyah-povysheniya-gosposhlin-ekonomiko-pravovoy-analiz-statistiki-2023-2024-2025 (дата обращения: 31.08.2026).

11. Как изменилась нагрузка на арбитражные суды в 2025 году // Коммерсантъ. 2025. 20 ноября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8213691 (дата обращения: 31.08.2026).

12. Не числом, а умением: к чему привело повышение судебных пошлин: аналитический комментарий. 2025. URL: https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/ne-chislom-a-umeniem-k-chemu-privelo-povyshenie-sudebnykh-poshlin/ (дата обращения: 31.08.2026).

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 2025 года № 1-П по делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496069/ (дата обращения: 31.08.2026).

14. Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы». URL: http://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/federalnyy-zakon-ot-28-02-2023-43-fz-o-prekrashchenii-deystviya-v-otnoshenii-rossiyskoy-federatsii-m/ (дата обращения: 31.08.2026).

15. Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации: материалы Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443608/ (дата обращения: 31.08.2026).

16. Лунёв А.А., Лепёхин Н.А. Международная защита прав человека в России после выхода из Совета Европы: возможности и пределы альтернативных механизмов // Журнал ВШЭ по международному праву. 2026. Т. 4, № 1. С. 62–85. DOI: 10.17323/jil.2026.39142. URL: https://jil.hse.ru/article/view/39142 (дата обращения: 31.08.2026).

17. Трифонов С.Г. Гарантии реализации конституционного права человека и гражданина на судебную защиту // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. URL: https://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/06/8.-Trifonov-S.G..pdf (дата обращения: 31.08.2026).

18. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2018 года № 2537-О. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=326466 (дата обращения: 31.08.2026).

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195918/ (дата обращения: 31.08.2026).

20. Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (дата обращения: 31.08.2026).

21. Счётная палата оценила состояние информатизации судов: результаты анализа. 2025. URL: https://www.klerk.ru/buh/news/647708/ (дата обращения: 31.08.2026).

22. Судебная система вне цифровой трансформации: обзор материалов Счётной палаты Российской Федерации. 2025. URL: https://news.egov.itmo.ru/25-05-12-299.html (дата обращения: 31.08.2026).

23. Счётная палата упрекнула суды в неэффективной цифровизации // Ведомости. 2025. 12 мая. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/05/12/1109369-schetnaya-palata-upreknula-sudi-v-neeffektivnoi-tsifrovizatsii (дата обращения: 31.08.2026).

24. Цифровая трансформация правосудия в России // Актуальные проблемы российского права. 2025. URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/5295 (дата обращения: 31.08.2026).

Features of the implementation of the constitution right to judicial protection: problems and prospects

Degtyarev D.D.
Moscow Innovation University

Article 46 of the Constitution of the Russian Federation guarantees everyone the opportunity to defend their rights in court. The Constitution places this right among those that may not be restricted even under a state of emergency, yet legislation sets conditions for going to court: rules of jurisdiction, time limits, the amount of the court fee, and mandatory pre-trial procedures. The author explains the source of this contradiction and offers a solution: the opportunity to obtain judicial protection, which may not be taken away, should be distinguished from the procedure for obtaining it, which the legislature may change so long as protection remains genuinely available. Drawing on Judgment No. 16-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10 April 2025 and caseload data for 2023 to 2025, the article shows how higher court fees affected applications to courts, above all appeals and cassation complaints. It examines what remains of the right to apply to international bodies after the termination of Council of Europe treaties. The author argues that the technical and material capacity of courts also belongs among the guarantees of the right to judicial protection.

Keywords: constitutional right to judicial protection, Article 46 of the Russian Constitution, access to justice, limits of restriction of rights, guarantees of judicial protection, court fees, Constitutional Court of the Russian Federation, enforcement of judicial acts, interstate human rights bodies, digitalisation of justice.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Article 46. URL: https://constitution.garant.ru/rf/chapter/363aa18e6c32ff15fa5ec3b09cbefbf6/ (accessed: August 31, 2026).
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 16, 2024 No. 18-P on the case concerning the review of the constitutionality of paragraph 2 of part four of Article 426 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.Yu. Kolosov. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_474612/ (accessed: 31.08.2026).
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 10, 2025 No. 16-P on the case concerning the review of the constitutionality of paragraph 1 of Article 333.19 and paragraph 1 of Article 333.21 of the Tax Code of the Russian Federation, as well as paragraphs 45 and 47 of Article 2 of Federal Law No. 259-FZ of August 8, 2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502833/ (accessed: 31.08.2026).
4. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The right to access justice and a court of law: official selection of decisions. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI902.htm (Accessed: 31.08.2026).
5. Mikhailova E.V. Constitutional and legal guarantees of the right to judicial protection and problems of their implementation // The rule of law: theory and practice. 2023. No. 2 (72). pp. 46–52. DOI: 10.33184/pravgos-2023.2.6. URL: https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/773 (Accessed: 31.08.2026).
6. Federal Law of August 8, 2024 No. 259-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees." URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51021 (accessed: August 31, 2026).
7. State Duty: Public-Law and Private-Law Consequences of Amendments to the Tax Code of the Russian Federation // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2025. URL: https://lawinfo.ru/articles/9572/gosudarstvennaya-poslina-publicno-pravovye-i-castnopravovye-posledstviya-vneseniya-izmenenii-v-nalogovyi-kodeks-rossiiskoi-federacii (accessed: August 31, 2026). 8. A New Judicial Reality is Arriving, Where the Cost of Error by the Court or a Party in Litigation Is Growing: Materials of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. 2025. URL: https://fparf.ru/news/fpa/nastupaet-novaya-sudebnaya-realnost-gde-stoimost-oshibki-suda-ili-storony-v-protsesse-vyrastaet/ (Accessed: August 31, 2026).
9. Constitutional Court of the Russian Federation. News on the Adoption of Resolution No. 16-P of April 10, 2025. URL: https://ksrf.ru/news/32913/ (Accessed: August 31, 2026).
10. Pre-Trial Procedure and Court Workload in the Context of Increasing State Fees: An Economic and Legal Analysis of Statistics for 2023–2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnyy-poryadok-i-sudebnaya-nagruzka-v-usloviyah-povysheniya-gosposhlin-ekonomiko-pravovoy-analiz-statistiki-2023-2024-2025 (Accessed: August 31, 2026).
11. How the Workload of Arbitration Courts Changed in 2025 // Kommersant. November 20, 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8213691 (Accessed: August 31, 2026).

Судебная система в РФ и КНР: сравнительно-правовой анализ

Доманов Владислав Викторович
аспирант, кафедра конституционного и международного права, ВГУЮ (РПА Минюста России)

В статье дано понятие судебной системы, выделены основные ее признаки. Выявлены особенности и структура судебных систем России и Китая, что обусловлено историческими, политическими и культурными особенностями двух стран. Определены основные сходства и различия судебных систем России и Китая, проведен их сравнительно-правовой анализ, что может способствовать рецепции отдельных особенностей судопроизводства.

Ключевые слова: судебная система, судебный орган, специализированные суды, судопроизводство.

Судебная система любого государства, уровень ее развития, являются своего рода отражением состояния общественных отношений, экономического и политического устройства.

Судебная система не может быть статичной, а, напротив, должна находиться в постоянном развитии, чтобы в итоге способствовать развитию общества, а не являться архаичным тормозом такового развития, «Развитие судебной системы — не просто вопрос внутреннего устройства судов, а стратегическая задача укрепления государства, правопорядка и доверия граждан».

Исторические связи России и Китая развиваются на протяжении более 400 лет. Первое российское посольство было направлено в Пекин в 1618 г., в 1896 г. Россия и Китай заключили первый военный союз, а в 1950 г. между СССР и КНР был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи сроком на 30 лет.

В настоящее время взаимоотношения современной России и Китая претерпевают этап динамичного развития. В статье «Россия и Китай – партнёрство, устремлённое в будущее» Президент РФ В.В. Путин отметил: «Именно российско-китайские отношения сегодня фактически выступают краеугольным камнем региональной, да и глобальной стабильности, стимулируют экономический рост, служат гарантом позитивной повестки в международных делах. Они –образец гармоничного созидательного сотрудничества между крупными державами. Уверен, что наша дружба и партнёрство, основывающиеся на стратегическом выборе народов двух стран, продолжат расти и крепнуть во имя благополучия и процветания России и Китая».

В этой связи представляется актуальным и важным сравнительное изучение судебных систем России и КНР, видов судопроизводства двух стран, что в итоге должно стать одной из основ укрепления взаимопонимания, доверия и сближения двух сверхдержав, способствовать росту экономического партнерства и бизнес связей, в том числе, в рамках реализации совместных проектов.

Единого доктринального определения понятия «судебная система» в отечественной науке не имеется. Так, Лебедев В.М. определял судебную систему как организационное воплощение судебной власти. Н.В. Витрук полагал, что судебная система РФ включает судебные органы, осуществляющие функции судебной власти, объединенные общностью задач, основ построения и организации деятельности с учетом федеративного и административно-территориального устройства РФ, единства правового пространства. По мнению Безлепкина Б.Т., судебная система России определяется как система федеральных судов и судов субъектов РФ, отличающуюся признаками единства и стабильности.

Таким образом, можно выделить следующие признаки судебной системы:

совокупность и взаимосвязь всех судебных органов, функционирующих на территории России;

единство и стабильность судебной системы;

единые основы построения и формирования судебной системы;

единство задач и принципов судебной системы.

Правовую систему Китайской Народной Республики в отечественной юридической литературе традиционно относят к социалистической правовой семье. Вместе с тем, в рамках системы права КНР можно выделить правовые системы особых административных округов - Гонконг и Макао, которые отличаются от системы права континентального Китая, что коррелируется с тезисом «одно государство – две системы».

Несмотря на то, что независимость Тайваня от КНР признали всего шесть государств, фактически Тайвань в настоящее время является самостоятельным государством, со всеми соответствующими признаками, включая конституцию и судебную систему, что, по сути является темой отдельного исследования.

Судебная система как континентального Китая, так и особых административных округов имеет свои особенности. Если судебная система континентального Китая формировалась на основах традиционного права Китая и в реалиях социалистической правовой семьи и советского права, в частности, то на становление судебной системы Гонконга и Макао существенное влияние оказали англосаксонская и континентальная правовые семьи соответственно.

Следует также отметить политическое устройство КНР, которое основано на институте собраний народных представителей разных

уровней: местном, региональном и центральном. Так, в соответствии с конституцией КНР, Всекитайское собрание народных представителей является высшим органом власти, а главой государства является Председатель КНР. Особенное внимание уделяется указанию на то, что источником государственной власти в Китайской Народной Республики является ее народ. Это имеет отражение и в названии судебных органов Китая (например, Верховный народный суд КНР).

Таким образом, судебная система КНР– это иерархическая система судов и органов государственной власти, осуществляющих функции по отправлению правосудия, призванная защищать права и свободы граждан, и разрешать правовые споры, способствуя тем самым поддержанию общественного порядка и социальной стабильности.

Российский законодатель не приводит единого и формального определения понятия «судебная система». Представители доктрины дают различные определения данного понятия, выделяя различные черты и особенности судебной системы применительно к нашей стране. Проанализировав подход различных учены, предлагается дать следующее определение судебной системы – это единая система судебных органов Российской Федерации, осуществляющих функцию по рассмотрению и разрешению судебных дел путем судопроизводства различных видов – конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного.

Основным элементом любой судебной системы являются суды различных видов.

Так, в Российской Федерации в соответствии с главой 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», функционируют Конституционный суд РФ, Верховный суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции (кассационные суды, апелляционные суды, суды субъектов РФ, районные суды, военные суды), суды общей юрисдикции субъектов РФ (мировые судьи), арбитражные суды (кассационные, апелляционные и арбитражные суды субъектов РФ), а также единственный на данный момент в России специализированный суд – Суд по интеллектуальным правам.

Суды делятся между собой на виды исходя из подведомственности, которую можно определить как возможность граждан и юридических лиц обращаться для защиты своих прав в тот или иной орган юрисдикционной системы государства. Так, Конституционный суд РФ является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства, Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам и т.д. Компетенция всех видов судов России указана в соответствующих законах (например, для арбитражных судов таким законом будет являться ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ).

В Китайской Народной Республике действует четырехуровневая система судов общей юрисдикции:

Верховный народный суд КНР, председатель избирается Всекитайским народным собранием;

Верховный народный суд провинции, председатель избирается народным собранием провинции;

Народный суд промежуточной инстанции, председатель избирается муниципальным народным собранием;

Первичный народный суд, председатель, как правило, назначается народным конгрессом волостей.

Помимо общих судов четырех уровней, в Китайской Народной Республике действуют и специальные суды, к которым относятся:

Военные суды (Military Courts), которые рассматривают дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, а также дела, связанные с национальной безопасностью и обороной. Подчиняются Центральной военной комиссии и Верховному народному суду.

Морские суды (Maritime Courts), которые специализируются на рассмотрении морских дел, включая споры, связанные с морской торговлей, морским транспортом, морским страхованием, а также нарушениями морского законодательства.

Железнодорожные транспортные суды (Railway Transport Courts), которые рассматривают дела, связанные с железнодорожным транспортом, включая споры, возникающие из договоров перевозки, а также дела о преступлениях, совершенных на железнодорожном транспорте.

Суды лесного хозяйства. Основной задачей данных судов является охрана лесных массивов, разрешение дел по нанесению вреда лесным ресурсам.

Суды по интеллектуальной собственности (Intellectual Property Courts), которые Созданы в некоторых крупных городах для более эффективного рассмотрения дел, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности.

Интернет-суды (Internet Courts). Относительно новое явление в китайской судебной системе. Эти суды специализируются на рассмотрении дел, связанных с интернетом, электронной коммерцией, киберпреступностью и другими онлайн-спорами. Известны своей высокой эффективностью и использованием цифровых технологий.

Финансовые суды (Financial Courts). В некоторых регионах созданы финансовые суды для рассмотрения дел, связанных с финансовыми рынками, банковской деятельностью и другими финансовыми спорами.

Необходимо отметить, что система специализированных судов в Китае находится в постоянном развитии. Создание новых специализированных судов обусловлено необходимостью более эффективного рассмотрения дел в определенных областях, учитывая специфику этих областей и многообразие общественных отношений.

В России имеется единственный специализированный суд - Суд по интеллектуальным правам, входящий в систему федеральных арбитражных судов РФ. Законодателем предусмотрена возможность создания иных специализированных судов на уровне закона. Несмотря на то, что ряд ученых и государственных деятелей предлагали учредить в России специализированные суды, этого так и не было сделано. В качестве основной причины можно выделить иной подход нашего государства к этому вопросу – вместо специализированных судов имеет место специализация судей.

Еще одной отличительной особенностью судов Китайской Народной Республики является их подчиненность не только вышестоящим судебным органам, но и народным собраниям соответствующих уровней. Данная черта обусловлена государственном устройством Китая, а также отсутствием четкого разделения властей в классическом ее проявлении.

Отметим, что в России суды независимы и являются самостоятельной ветвью власти.

Таким образом, судебная системы России и Китая имеют ряд своих особенностей, сходств и различий. Российская судебная система является единой и независимой, состоящей из федеральных судов и мировых судей системой, задачей которой является отправление правосудия путем различных видов судопроизводств. Суды в России имеют разделение по предмету рассматриваемых споров – Конституционный суд РФ (особый и единственный орган конституционного судопроизводства), суды общей юрисдикции (к которым также относятся военные суды), арбитражные суды, а также единственный специализированный суд – Суд по интеллектуальным правам.

Судебная система Китая не является единой в сравнении с Российской – в КНР представлена судебная система континентального Китая и судебные системы Особых административных районов – Гонконга и Макао. Также судебная система КНР не является полностью независимой, поскольку судебные органы формируются и полностью подотчетны Народным собраниям различных уровней. В Китае широко распространены специализированные суды по различным категориям дел, которые учреждаются на всех территориальных уровнях. Судебная система Китая имеет широкое распространение и внедрение информационных технологий и искусственного интеллекта, что способствует эффективному улучшению качества и сроков рассмотрения судебных дел.

Литература

1. Безлепкин Б.Т. Судебная система, правоохранительные органы и адвокатура России М., 2000. С. 55.

2. Безлепкин Б.Т. Указ. соч. С.55.

3. Ван Чжэньминь. Отношения между центром и особыми административными районами: анализ одной правовой конструкции. Пекин, 2002

4. Емелин А. Судебная система Китая: особенности и нюансы. Интеллектуальный издательская система Ridero. 2024 С. 1

5. Емелин А. Указ. соч. С. 2

6. Исхаков И.И. Указ. соч. С. 5.

7. Качалова О.В. Судебная система Российской Федерации. М., 2000. С. 64

8. Китайский информационный Интернет-центр. URL: http://russian.china.org.cn. (дата обращения: 25.11.2024 г.)
9. Конституционное право РФ. Под общей ред. Витрука Н.В. М., 2010. С. 616.
10. Косолапов М.Ф. Судебная власть в конституционном строе России. Саратов, 2005. С 36
11. Лафитский В. И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения : монография : в 2 т. М., 2021
12. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М., 2000, С 241.
13. Материалы официального сайта Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70743 (дата обращения: 25.11.2024).
14. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011 г. № 1 : ред. от 28 окт. 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.06.2025).
15. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ : ред. от 30 окт. 2018 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 25.11.2024).
16. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ : ред. от 16 апр. 2022 г. : с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2023 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 10.06.2025).
17. Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации : федер. закон от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/ (дата обращения: 25.11.2024).
18. Судебная система России // Адвокатская палата Ленинградской области : официальный сайт. URL: https://alrf.ru/articles/sudebnaya-sistema-rossii/ (дата обращения: 25.11.2024).
19. Трощинский П.В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности. Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 2015 С. 99-117
20. Трощинский П.В. Судебная система КНР в эпоху цифровизации: основные направления развития. Российское правосудие. 2021. № 6. С. 75-82
21. Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. СПб., 2004 С. 9
22. Юрковский А.В. Особенности судебной системы Китайской Народной Республики. Сибирский юридический вестник. 2004. № 4

The judicial system in the Russian Federation and the People's Republic of China: a comparative legal analysis

Domanov V.V.
VSUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The article defines the concept of the judicial system and highlights its main features. The characteristics and structure of the judicial systems of Russia and China are identified, which is обусловлен by the historical, political, and cultural features of the two countries. The main similarities and differences between the judicial systems of Russia and China are determined, and a comparative legal analysis is carried out, which may contribute to the adoption of certain features of legal proceedings.

Keywords: judicial system, judicial body, specialized courts, legal proceedings.

References

1. Bezlepkin B.T. The Judicial System, Law Enforcement Agencies, and the Bar of Russia. Moscow, 2000. Page 55.
2. Bezlepkin B.T. Op. cit. Page 55.
3. Wang Zhenmin. Relations between the Center and Special Administrative Regions: Analysis of One Legal Structure. Beijing, 2002.
4. Emelin A. The Judicial System of China: Features and Nuances. Ridero Intellectual Publishing System. 2024. Page 1.
5. Emelin A. Op. cit. Page 2.
6. Iskhakov I.I. Op. cit. Page 5.
7. Kachalova O.V. The Judicial System of the Russian Federation. Moscow, 2000. Page 64.
8. China Internet Information Center. URL: http://russian.china.org.cn. (Accessed: 25.11.2024)
9. Constitutional Law of the Russian Federation. General editor N.V. Vitruk. Moscow, 2010. P. 616.
10. Kosolapov M.F. Judicial Authority in the Constitutional System of Russia. Saratov, 2005. P. 36
11. Lafitsky V.I. Worlds of Law in the Theory and Practice of Comparative Law: monograph: in 2 volumes. Moscow, 2021
12. Lebedev V.M. Formation and Development of the Judicial Authority in the Russian Federation. Moscow, 2000, P. 241.
13. Materials from the official website of the President of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70743 (Accessed: 25.11.2024).
14. On the judicial practice of applying the legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011, No. 1: as amended on October 28, 2021 [Electronic resource] // ConsultantPlus: legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/ (date accessed: June 10, 2025).
15. On the judicial system of the Russian Federation: federal constitutional law of December 31, 1996, No. 1-FKZ: as amended on October 30, 2018 [Electronic resource] // ConsultantPlus: legal reference system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (date of access: 25.11.2024).
16. On the judicial system of the Russian Federation: federal constitutional law of 31 December 1996 No. 1-FKZ: as amended on 16 April 2022: with amendments and additions, entered into force on 1 January 2023 [Electronic resource] // ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (date of access: 10.06.2025).
17. On arbitration assessors of arbitration courts of the constituent entities of the Russian Federation: federal. Law of May 30, 2001, No. 70-FZ [Electronic resource] // ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/ (accessed: 11/25/2024).
18. The judicial system of Russia // Bar Association of the Leningrad Region: official website. URL: https://alrf.ru/articles/sudebnaya-sistema-rossii/ (accessed: 11/25/2024).
19. Troshchinsky P.V. Legal system of the People's Republic of China: formation, development, and characteristic features. Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSAL), Moscow, 2015, pp. 99-117
20. Troshchinsky P.V. The PRC's Judicial System in the Digital Age: Key Development Directions. Russian Justice. 2021. No. 6. pp. 75-82
21. Chudinovskikh K.A. Jurisdiction in the System of Civil and Arbitration Procedural Law. St. Petersburg, 2004. p. 9
22. Yurkovsky A.V. Features of the Judicial System of the People's Republic of China. Siberian Legal Bulletin. 2004. No. 4

Модель логистической регрессии предиктивной аналитики в распределении дел государственных защитников

Новиков Всеволод Александрович
к.т.н., доцент, доцент кафедры информационных систем и технологий, Кубанский институт профессионального образования, vsenovik@bk.ru,

Новикова Анастасия Александровна
к.т.н., доцент, доцент кафедры информационной безопасности, Краснодарский университет МВД России, gingary@yandex.ru,

Барковская Дарья Леонидовна
студентка, специальность «Юриспруденция», Кубанский институт профессионального образования, 930copper@tiffincrane.com

Статья посвящена применению предиктивной аналитики для управления нагрузкой государственных защитников. Если можно заранее понять, насколько рискованным будет дело, это даёт основу для более рационального распределения. Сложные дела должны попадать к более опытным защитникам. Раньше такие методы использовались в основном для прогнозирования судебных решений. Перенос этого подхода на задачу распределения дел пока изучен слабо.
Эмпирическую базу составили открытые данные Верховного суда Индии. На их основе в платформе Loginom построена модель логистической регрессии. Она оценивает вероятность отклонения заявленных требований и относит дело к одному из уровней риска. Прогноз становится формальным критерием при назначении защитника. Чем выше риск, тем опытнее специалист. Такой подход не только снижает вероятность неблагоприятного исхода. Он делает распределение дел более прозрачным и обоснованным.
Индийский контекст специфичен, прямой перенос модели в Россию невозможен. Но логика подхода адаптируема. По мере цифровизации судопроизводства и накопления массива отечественных судебных актов подобные инструменты могут найти применение и здесь.
Ключевые слова: государственный защитник, предиктивная аналитика, логистическая регрессия, судебные решения, распределение дел, риск-ориентированный подход.

Введение

Проблема, которая остро стоит сегодня – это неравенство в качестве юридической помощи между частными и назначаемыми защитниками. Особенно это касается социально незащищённых граждан. Исследования показывают, что исход дела зависит не только от фактических обстоятельств и применимого права. Он зависит также от того, как устроена система государственной защиты, кто конкретно ведёт дело, сколько у человека опыта, какая его загрузка и в чём специализация.

Механизмы назначения защитников чаще всего формально случайны, основаны на ручном распределении нагрузки. Такие механизмы не учитывают прогнозируемую сложность дела, а также вероятность неблагоприятного исхода для подзащитного. Отсюда и возникает задача построения формализованной, прозрачной и проверяемой системы, которая опирается на данные судебной практики и позволяет более рационально распределять дела.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в переносе методов предиктивной аналитики на задачу управления ресурсами системы государственной защиты. Такой подход уже широко применяемых для прогнозирования исходов судебных споров. Предполагается использовать открытые массивы данных о судебных делах. На их основе строится модель, которая по формализованным признакам дела оценивает риск неблагоприятного исхода (осуждения, строгого приговора, отказа в удовлетворении требований).

Новизна работы состоит в том, что прогноз становится входным параметром алгоритма распределения дел. Дела высокого риска закрепляются за более опытными и статистически результативными адвокатами. Дела низкого риска будут закрепляться за защитниками с меньшим стажем или стажёрами под контролем наставника. В итоге формируется управленческая модель, в которой качество защиты по тяжёлым делам перестаёт зависеть от случайного назначения или субъективного выбора.

Практическая значимость состоит в том, что подобная система позволяет формализовать и обосновать распределение дел между государственными защитниками. Снижается риск скрытого «ручного управления» и неравномерной загрузки отдельных адвокатов. Учёт прогнозируемой сложности и рисков по делу даёт возможность гарантировать минимальный стандарт качества защиты по тем категориям дел, где цена ошибки особенно высока (тяжкие составы, уязвимые группы, риск длительной изоляции). Интеграция такой модели в цифровую инфраструктуру судов и адвокатуры вписывается в общую тенденцию цифровизации правосудия и внедрения решений на основе данных. Это уже декларируется в стратегиях развития судебной системы и правосудия в РФ. При соблюдении правовых и этических ограничений подобный инструмент может стать одним из средств выравнивания доступа к квалифицированной юридической помощи.

1. Анализ литературы

1.1. Эмпирика по эффективности государственной защиты

Ряд обзоров систематизирует исследования о том, как разные модели предоставления юридической помощи малоимущим влияют на исход дел [1, 3]. Обобщение ключевых работ показывает, что более современные исследования, учитывающие демографию, криминальный бэкграунд и другие факторы, фиксируют заметные различия в результатах в зависимости от типа и качества защиты. В некоторых юрисдикциях публично финансируемая защита демонстрирует даже несколько лучшие результаты, чем частные адвокаты [2]. Однако в среднем устойчиво подтверждается другое. Структура системы защиты малоимущих и качество конкретного защитника статистически значимо влияют на вероятность осуждения и длину срока [7]. В сумме это создаёт серьёзную фактологическую базу для тезиса о том, что кто именно защищает подсудимого и как организована система защиты, важно не меньше, чем формальные нормы права. И это прямое обоснование для попыток формализовать и оптимизировать распределение дел.

1.2. Рандомное распределение дел и влияние личности адвоката

Ключевой класс работ использует случайное распределение дел как естественный эксперимент, чтобы измерить «способности адвоката» без сильной систематической ошибки отбора. В исследовании «Using Random Case Assignment to Investigate Attorney Ability» показано, что при случайном назначении адвокатов на уголовные

дела различия в результативности между адвокатами остаются существенными [7]. Авторы фиксируют, что подсудимые, случайно получившие адвоката в 90-м перцентиле по эффективности, имеют на 14 процентных пунктов меньшую вероятность лишения свободы по сравнению с теми, кому достался адвокат в 10-м перцентиле. Ожидаемый срок снижается в среднем на 1,2 месяца [7]. Эти данные подтверждают две вещи:

1. Рандомизация действительно даёт более «честную» картину влияния адвоката.

2. Даже при формальном равенстве процедур исходы заметно зависят от индивидуальных характеристик защитника — опыта, специализации, нагрузки. На этом фоне идея системно учитывать прогнозируемый риск дела и распределять более сложные кейсы к более сильным адвокатам получает эмпирическую основу [7].

2. ИИ и предиктивные модели в правосудии и для защитников

В последние годы активно появляются работы о применении ИИ для поддержки общественных защитников и расширения доступа к правосудию [4]. Исследования показывают, что защитники видят в ИИ прежде всего инструмент ускорения рутинных задач: поиск релевантной практики, подготовка черновиков ходатайств, быстрый вход в новую тему [4, 6]. В другом направлении развивается информационный поиск и поиск юридической информации (LCR) для общественных защитников. Модели подбирают релевантные прецеденты и нормы под конкретные фактические обстоятельства дела, повышая качество аргументации без прямого воздействия на процессуальные решения о назначении адвоката.

Параллельно существует обширный блок работ по предсказанию исходов судебных дел на базе открытых датасетов высших судов [5]. Созданы наборы данных и модели, демонстрирующие приемлемую точность прогнозирования исхода на основе текстовых и структурированных признаков дела. На уровне практики появляются сервисы, предлагающие ИИ-прогноз шансов выиграть суд для граждан. Это свидетельствует о технологической зрелости самой идеи предиктивной аналитики в правосудии.

В российском контексте ИИ уже внедряется в суды, но пока преимущественно во вспомогательных задачах (распознавание речи и автоматическое составление протоколов, поиск нормативных актов, подготовка проектов судебных решений и анализ документов). Это создаёт институциональную базу для последующего перехода от чисто вспомогательных инструментов к более содержательным системам поддержки решений, в том числе в сфере организации государственной защиты [1].

3. Место предлагаемого подхода на фоне литературы

Обзор показывает несколько вещей. Эффективность систем госзащиты и отдельных защитников эмпирически подтверждённо влияет на исход дел [1, 2, 7]. Случайное распределение дел используется как метод исследования, но не как способ оптимизации качества защиты [7]. ИИ и предиктивные модели уже успешно применяются для анализа судебных данных и поддержки работы защитников. Однако не найдено работ, где предсказание риска по делу служит формальным основанием для распределения дел между государственными защитниками по уровню опыта [4, 5, 6]. Таким образом, предлагаемый в статье подход занимает нишу на стыке трёх направлений и обладает научной новизной.

4. Источник и структура данных

Для построения предиктивной модели использовались открытые данные Верховного суда Индии, полученные с официального сервиса публикации судебных решений. Индия выбрана в качестве объекта исследования, поскольку национальное законодательство допускает массовую публикацию текстов судебных актов высшей судебной инстанции в машиночитаемом виде. Это облегчает построение статистических моделей на реальной судебной практике [3].

В выборку включены 42342 дела Верховного суда Индии. Каждое дело описано следующими полями: уникальный идентификатор дела; категория дела (гражданское, уголовное, неопределённое); вид производства (апелляция, конституционная жалоба, специальное ходатайство и т.п.); служебная информация (номер, состав суда, даты); полный текст судебного решения; итоговый исход (принято, отклонено, иное) [3]. Для целей прогнозирования исхода дела и последующего распределения дел по уровню риска использовались только дела с однозначным результатом (принято или отклонено). Наблюдения с неопределённым исходом и неопределённой категорией дела исключались на этапе предобработки. Это позволило получить очищенную выборку с бинарной целевой переменной «исход дела».

5. Предобработка и формирование признаков

Текстовые данные судебных решений имеют значительный объём и сложную структуру. В связи с этим на первом этапе выполнялась их структуризация и агрегирование в набор признаков, пригодных для интеллектуального анализа. Предобработка включала несколько шагов.

Категориальные поля. Категория дела, вид производства, состав суда нормализовались и кодировались в виде фиктивных переменных. По тексту решения выделялись простые количественные признаки (общая длина, наличие ключевых лексем, характеризующих исход, количество «доказательных» предложений). Там, где это было необходимо, текст агрегировался в интегральные индикаторы, например индекс сложности дела по длине и разнообразию правовых норм. Сформированный набор данных импортировался в аналитическую платформу Loginom, где выполнялись последующие этапы моделирования.

6. Постановка задачи и выбор модели

Целью моделирования является оценка вероятности неблагоприятного исхода дела для стороны заявителя, то есть отклонения требований. Задача бинарная (принято или отклонено). Поэтому логистическая регрессия стала естественным выбором базового метода. Она даёт непосредственные оценки вероятности и позволяет интерпретировать вклад отдельных факторов.

В Loginom задача формулировалась так. Зависимая переменная — бинарный исход дела (1 — требования удовлетворены, 0 — отклонены). Независимые переменные — категория дела (уголовное или гражданское), вид производства, длина решения, индикаторы наличия ключевых лексем, характеристики состава суда и другие. Итоговый результат модели — оценочная вероятность удовлетворения требований по конкретному делу. Для защиты от переобучения и повышения устойчивости результатов использовались встроенные механизмы регуляризации (L2-регуляризация, Ridge) и автоматический отбор значимых факторов, доступные в модуле логистической регрессии Loginom.

7. Использование предсказаний для распределения дел по уровню риска

Полученная модель возвращает для каждого дела числовое значение — оценочную вероятность неблагоприятного исхода. На основе этой вероятности предлагается вводить градацию уровней риска. Низкий — при вероятности менее 0,4; средний — в диапазоне 0,4–0,7; высокий — свыше 0,7. Шкала задаётся административно и может калиброваться в зависимости от приоритетов системы государственной защиты.

Для связки прогноза с назначением защитника «опытность» предлагается задавать несколькими формальными индикаторами (стаж по соответствующей категории дел, числом таких дел за последний период и долей дел без неблагоприятного исхода при сопоставимой тяжести). На основе этих показателей каждому защитнику присваивается уровень квалификации по типам дел (например, базовый или повышенный). Алгоритм назначения формулируется как правило. Дела высокого риска направляются защитникам с более высоким уровнем по данной категории с учётом текущей нагрузки. Дела низкого риска допускают назначение менее опытных защитников или стажёров под наставничеством. Это позволяет напрямую связать предиктивную модель, реализованную в Loginom, с практической задачей управления ресурсами государственной защиты.

8. Ограничения исследования

Использование предиктивной аналитики для распределения дел между защитниками ставит вопросы о прозрачности алгоритма, рисках скрытой дискриминации и недопустимости подмены профессионального усмотрения адвоката или суда автоматизированными рекомендациями. Эти аспекты требуют дальнейшего этико-правового анализа и нормативного регулирования. Кроме того, модель не претендует на точечный прогноз каждого дела. Она рассматрива-

ется именно как инструмент раннего риск-ориентированного распределения нагрузки, который требует последующей адаптации и перекалибровки при переносе в другие юрисдикции. Следует также отметить, что использованные данные включают как уголовные, так и гражданские дела. Разработанный метод риск-стратификации универсален и может быть применён к любой категории дел при наличии бинарного исхода, интересующего сторону защиты. Однако при адаптации для системы государственных защитников в уголовном процессе потребуется дополнительная настройка признакового пространства.

9. Экспериментальная часть

Для построения предиктивной модели распределения дел по уровню риска использовалась очищенная выборка судебных дел Верховного суда Индии. Эксперимент проводился в аналитической платформе Loginom и включал полный цикл обработки данных. Нами использовались импорт исходного файла, проверка и настройка типов полей, фильтрация пропусков и аномальных наблюдений, обучение модели логистической регрессии и оценка её качества.

На первом этапе в Loginom был создан отдельный пакет. Через узел импорта загружался файл в формате CSV, содержащий сведения о 42342 судебных дел. При загрузке проверялась корректность распознавания разделителя столбцов и кодировки. Затем выполнялась настройка типов шкал для каждого поля. Идентификаторы дел, тип производства и категория дела задавались как номинальные (категориальные) признаки. Числовые показатели, как количественные. Текстовые поля с полным текстом решения и обоснованием исхода отмечались как строковые и на данном этапе использовались только для формирования агрегированных индикаторов.

Для оценки качества исходных данных в Loginom применялся визуализатор «Качество данных». Это позволило получить сводную информацию о количестве пропусков, распределении значений и наличии потенциально проблемных полей. На основе диагностики были идентифицированы столбцы с единичными пропусками и поля, полностью дублирующие информацию других признаков. Их исключили из дальнейшего анализа, чтобы не создавать искусственную коллинеарность.

Следующим шагом стала фильтрация записей с некорректно заполненными ключевыми полями. Из выборки исключались дела с неопределённой категорией (Undetermined), а также наблюдения без однозначного исхода (Accept или Reject). Это обеспечило бинарный характер целевой переменной для последующей логистической регрессии. Дополнительно с помощью узла фильтрации удалялись строки с пропусками в критически важных полях (категория дела, тип производства). Их восстановление по косвенным признакам в рамках эксперимента не предполагалось.

Для борьбы с аномальными значениями и выбросами использовались базовые статистические критерии. По количественным полям рассчитывались медиана и межквартильный размах. Наблюдения с экстремальными значениями за пределами разумного диапазона (условно, выше 99-го перцентиля) рассматривались как аномальные. Часть таких записей исключалась, часть оставлялась при условии, что они соответствуют реально сложным делам и не являются артефактом загрузки. Это позволило снизить влияние технических выбросов на оценку коэффициентов модели.

После очистки данных был сформирован набор признаков, используемых в качестве входных переменных модели. В него вошли категориальные признаки (категория дела, вид производства, некоторые характеристики состава суда) и агрегированные количественные признаки (длина судебного решения в словах, количество предложений, отнесённых к разряду «доказательных», индикаторы наличия ключевых лексем, связанных с удовлетворением или отклонением требований). Категориальные признаки преобразовывались в бинарные индикаторы методом one-hot кодирования средствами Loginom. Для числовых переменных при необходимости выполнялась нормализация (масштабирование). Это повышает устойчивость алгоритма оптимизации при обучении логистической регрессии.

На очищенной и подготовленной выборке была построена модель логистической регрессии с использованием стандартного узла «Логистическая регрессия» в Loginom. В качестве зависимой переменной выступал бинарный исход дела (1 — требования заявителя удовлетворены, 0 — отклонены). В качестве независимых переменных задавались все отобранные категориальные и количественные признаки.

Рис. 1. Готовая модель назначения общественных защитников

Данные разделялись на обучающую и тестовую подвыборки в пропорции 80/20. В обучающую попали первые 80% дел по хронологическому признаку, в тестовую — оставшиеся 20%. Это имитирует реальную ситуацию прогнозирования результатов по более поздним делам на основе предыдущей практики. В настройках узла логистической регрессии включалась L2-регуляризация для снижения риска переобучения и использовался встроенный пошаговый отбор переменных (stepwise), автоматически исключающий статистически незначимые факторы.

После обучения модель применялась к тестовой выборке. Для каждого дела рассчитывалась оценочная вероятность благоприятного исхода для заявителя. На основе фактического исхода и прогнозов вычислялись стандартные метрики качества: доля правильно классифицированных наблюдений (accuracy), точность и полнота для класса «неблагоприятный исход», а также площадь под ROC-кривой (AUC-ROC). Это позволило оценить дискриминирующую способность модели.

Полученная модель продемонстрировала удовлетворительную предсказательную способность и интерпретируемую структуру коэффициентов. Это позволило использовать её прогнозы как основу для построения шкалы уровней риска дела и последующей концепции алгоритмического распределения дел между государственными защитниками.

Вывод

По результатам эмпирического исследования показано, что логистическая регрессия обеспечивает удовлетворительное качество прогнозирования исхода дела для заявителя на основе ограниченного набора формализованных признаков. Это подтверждает возможность использования сравнительно простых моделей предиктивной аналитики для предварительной оценки риска неблагоприятного исхода по конкретному делу.

Предложенная шкала стратификации дел по уровням риска на основе оценочной вероятности неблагоприятного исхода создаёт формальный инструмент для выделения групп дел, требующих привлечения наиболее опытных государственных защитников. Использование таких уровней риска в алгоритме назначения защитников позволяет перейти от фактически случайного или ручного распределения к риск-ориентированной модели управления ресурсами государственной защиты.

Сформулированная схема сопоставления уровней риска дел и формализованных индикаторов «опытности» защитников (стаж, количество дел соответствующей категории, доля дел без неблагоприятного исхода) демонстрирует, что предиктивная модель может быть интегрирована в практику распределения дел без вмешательства в собственно судебное решение. Важным результатом является то, что предлагаемый инструмент ориентирован на повышение прозрачности и воспроизводимости административных решений, а не на автоматизацию правосудия как такового.

Анализ ограничений и рисков показал, что применение предиктивной аналитики в сфере государственной защиты требует учёта вопросов алгоритмической справедливости, недопустимости скрытой дискриминации и сохранения профессиональной автономии адвокатов. Модель должна рассматриваться исключительно как вспомогательный механизм поддержки управленческих решений и подлежит регулярной переоценке и перекалибровке при переносе в другие юрисдикции и при изменении структуры данных.

Полученные результаты подтверждают, что использование предиктивной аналитики для риск-ориентированного распределения дел между государственными защитниками обладает потенциалом повышения равномерности нагрузки и выравнивания доступа к квалифицированной юридической помощи для социально уязвимых категорий граждан.

Заключение

Проведённое исследование продемонстрировало принципиальную реализуемость интеграции предиктивной аналитики в процессы организационного управления системой государственной защиты без подмены судебного усмотрения автоматизированными решениями. Использование логистической регрессии в качестве базовой модели показало, что даже агрегированные количественные и категориальные признаки судебных дел позволяют конструировать практико-ориентированные инструменты риск-стратификации.

С учётом текущего уровня цифровизации судебной системы Российской Федерации и постепенного расширения доступа к массивам судебных актов предложенный подход может быть адаптирован к национальному контексту. Условия для этого — формирование репрезентативных датасетов и разработка процедур внешней валидации моделей. Особое значение будет иметь институциональное закрепление требований к прозрачности алгоритмов, порядку их аудита и распределению ответственности между разработчиками, органами судебной власти и профессиональным сообществом адвокатов.

В дальнейших исследованиях целесообразно расширить набор признаков за счёт более глубокого анализа текстов судебных актов. Также имеет смысл исследовать альтернативные классы моделей (градиентный бустинг, нейронные сети) с учётом требований интерпретируемости и провести пилотные эксперименты на данных российских судов и региональных систем юридической помощи. Это позволит оценить устойчивость полученных результатов в других юрисдикциях и выработать практические рекомендации по внедрению риск-ориентированных подходов в деятельность органов государственной защиты.

Литература

1. Агафонова, А. Г. Цифровизация судебной власти как фактор повышения эффективности правосудия / А. Г. Агафонова, М. В. Радаева. — 2025.

2. Куликова, Н. В. Искусственный интеллект в правовой предиктивной аналитике: совершенствование судебных стратегий / Н. В. Куликова // Вестник ВГУЭС. — 2022

3. A/HRC/53/31. Report of the Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers / UN Human Rights Council. — 2023.

4. Aletras, N. Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective / N. Aletras [et al.] // PeerJ Computer Science. — 2016.

5. Anderson, J. M. How Much Difference Does the Lawyer Make? The Effect of Defense Counsel on Murder Case Outcomes / J. M. Anderson, P. Heaton // Yale Law Journal. — 2012. — Vol. 122. — P. 154–217.

6. Corbett-Davies, S. The Measure and Mismeasure of Fairness: A Critical Review of Fair Machine Learning / S. Corbett-Davies, S. Goel // Annual Review of Statistics and Its Application. — 2018.

7. Human rights lawyers at risk / Human Rights House Foundation. — 2021.

A Logistic Regression Model of Predictive Analytics in Public Defender Case Allocation

Novikov V.A., Novikova A.A., Barkovskaya D.L.

Kuban Institute of Professional Education, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kuban Institute of Professional Education

This article examines the use of predictive analytics to manage public defender caseloads. Knowing the risk of a case in advance provides the basis for more rational allocation. Complex cases should be assigned to more experienced defenders. Previously, such methods were used primarily to predict court decisions. The application of this approach to case allocation has been poorly studied.

The empirical base was provided by open data from the Supreme Court of India. A logistic regression model was built on this data in the Loginom platform. It assesses the probability of rejection of the stated claims and assigns the case to one of the risk levels. This prediction becomes a formal criterion for assigning a defender. The higher the risk, the more experienced the defender. This approach not only reduces the likelihood of an unfavorable outcome but also makes case allocation more transparent and justified. The Indian context is unique, and a direct transfer of the model to Russia is impossible. However, the logic of the approach is adaptable. As legal proceedings become digitalized and a body of domestic judicial decisions accumulates, similar tools may find application here as well.

Keywords: public defender, predictive analytics, logistic regression, court decisions, case assignment, risk-based approach.

References

1. Agafonova, A. G. Digitalization of the judiciary as a factor in increasing the efficiency of justice / A. G. Agafonova, M. V. Radaeva. — 2025.
2. Kulikova, N.V. Artificial intelligence in legal predictive analytics: improving judicial strategies / N.V. Kulikova // Vestnik VGUES. — 2022
3. A/HRC/53/31. Report of the Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers / UN Human Rights Council. — 2023.
4. Aletras, N. Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective / N. Aletras [et al.] // PeerJ Computer Science. — 2016.
5. Anderson, J. M. How Much Difference Does the Lawyer Make? The Effect of Defense Counsel on Murder Case Outcomes / J. M. Anderson, P. Heaton // Yale Law Journal. - 2012. - Vol. 122. - P. 154–217.
6. Corbett-Davies, S. The Measure and Mismeasure of Fairness: A Critical Review of Fair Machine Learning / S. Corbett-Davies, S. Goel // Annual Review of Statistics and Its Application. — 2018.
7. Human rights lawyers at risk / Human Rights House Foundation. — 2021.

Проблемы административной юстиции: быть или не быть административным судам России?

Петрова Светлана Михайловна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия имени В.П. Лебедева, svmpetrova@mail.ru

Статья посвящена проблемам административной юстиции, содержанием которой является разрешение правовых конфликтов между гражданином и публичной властью. В статье рассматривается понятие института административной юстиции, её организация. Автор полагает, что трудно дать ответ какая система административной юстиции достигает большего эффекта. Проблема выбора зависит от национальных особенностей развития государства, его социально-экономических потребностей. С учётом этого автор делает выводы, что задачей судебной реформы на ближайшую перспективу следует считать повышение эффективности судебной власти, уровня судопроизводства за счет совершенствования и дифференциации форм судопроизводства.
Ключевые слова: административная юстиция, административный суд, административное судопроизводство, судебная реформа, повышение эффективности судебной власти.

Проблемы административной юстиции давно находятся в поле зрения отечественной правовой науки. Ей посвящали свои работы как дореволюционные исследователи, так и правоведы советского периода [1]. Ведь административная юстиция – это один из институтов правового государства, содержанием деятельности которого является разрешение правовых конфликтов между гражданином и публичной властью.

Сам термин «административная юстиция» не имеет однозначного толкования ни за рубежом, ни в России. Здесь наблюдается следующая ситуация: один и тот же термин несёт разную смысловую нагрузку в зависимости от ряда факторов (контекста произведения, особенностей авторского подхода к проблеме). На протяжении уже полутора веков термином «административная юстиция» разные авторы обозначают неодинаковые по своему объему и содержанию понятия. Исходя из многочисленных характеристик данного правового института можно выделить его основные признаки.

Во-первых, более полному представлению о природе административной юстиции помогает уяснение специфики спорного правоотношения. Это то звено, на котором базируется основной принцип административной юстиции. Так, в спорном правоотношении присутствует субъект, благодаря которому спор носит административный характер – это орган, наделенный властными полномочиями.

Во-вторых, административная юстиция представляет собой разновидность судебной деятельности. По мнению Ю.Н. Старилова, в Российской Федерации термин «административная юстиция» используется в тех случаях, когда рассматривается вопрос об обжаловании в суд решений и действий органов публичного управления (должностных лиц, государственных служащих и других субъектов права), о возможности создания в России самостоятельной системы административных судов или выделении в судах специализации или коллегии по административным спорам [5].

В правовых государствах Западной Европы и Америки существует три системы организации административной юстиции: система специальных административных судов (ФРГ), квазисудебных органов (Франция), общих судов (Великобритания, США). Предпочтение той или иной системе административной юстиции зависит от исторических традиций, территориального устройства, правовой системы страны. На вопрос о том, какая система административной юстиции достигает большего эффекта ответ дать трудно, ибо каждая из них имеет свои плюсы и минусы. Проблема выбора оптимальной формы административно-судебного процесса решается в каждой стране с учетом исторических, национальных особенностей развития государства, его социально-экономических потребностей.

Одним из самых успешных опытов административной юстиции является французская система административных судов. Суть её заключается не в наполеоновском решении о создании Госсовета, и даже не в Трибунале по конфликтам, поскольку это только предпосылки для административной юстиции. Основа французской системы административной юстиции — это знаменитое решение 1873 года по делу Бланко. В этом решении прозвучала мысль, послужившая основой для развития административной юстиции. «Ответственность, которая может возлагаться на государство за вред, причиненный индивидам действиями лиц, нанятых для выполнения функций государственной службы не может регулироваться на уровне принципов, установленных гражданским кодексом для правоотношений между частными лицами; в силу того, что такая ответственность не является ни общей, ни абсолютной, она должна подчиняться своим собственным специальным правилам, которые видоизменяются в зависимости от потребностей соответствующей сферы управления и необходимости примирить права государства и права частных лиц» [3]. Когда французские административные суды освободились от необходимости применения норм гражданского кодекса, они начали создавать специальные административно-правовые нормы об ответственности государства перед частными лицами и вырабатывать специфические принципы и конструкции.

Законодательство о судебной защите прав человека от произвола представителей исполнительной власти в советский период вплоть до 1989 года отсутствовало. Первые фрагменты появились в 1993 году, однако они не обладали самостоятельностью, а были

составной частью гражданского процесса. Если проследить далее, развитие российского законодательства, то видна явная тенденция постепенного расширения контроля судов за действиями государственно-властных органов. Одним из первых важных нормативных актов явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке». Конституция СССР 1977 года впервые предусмотрела возможность обжаловать в судах действия, решения должных лиц, государственных органов. Но, к сожалению, только через десять лет появился первый советский закон от 30 мая 1987 года «О порядке обжалования в суд неправомерных действий и решений должностных лиц, ущемляющих права граждан», который позволял спорить гражданину только с должностным лицом. Все остальные незаконные действия (бездействие) власти нормативные и ненормативные акты оставались вне поля зрения судебной власти.

В 1993 году был принят закон об обжаловании в суд действий, нарушающих права и свободы граждан, который ввёл правила об альтернативной подведомственности административных дел. Отныне почти любые действия или решения, нормативные или индивидуальные, органов исполнительной власти могли быть обжалованы в суд. Затем был разработан проект закона об административных судах, который не был принят. Итоговым законодательным актом в этой сфере явился Кодекс административного судопроизводства, который был принят Государственной Думой 20 февраля 2015 года и вступил в действие 15 сентября 2015 года.

С учетом изложенного, отнесение к подведомственности судов отдельных категорий дел производилось законодателем постепенно по трем основным направлениям: по характеру дел, переведённых к ведению судов; по кругу органов и должностных лиц, акты которых стало возможно обжаловать в суде; по характеру актов этих органов, обжалование которых стало подведомственно суду.

Вместе с тем, расширение судебного контроля за законностью в сфере управления позволяет в определенной мере говорить о «всеобщем контроле» судов за осуществлением административными органами властных полномочий с целью защиты гражданских прав.

В связи с этим возникли проблемы, связанные с повышением эффективности работы судов в административно-правовой сфере. В частности, созданием новых организационных судебных структур, которые позволили бы субъектам гражданских прав наиболее полно защитить свои права в отношениях с публичной властью. Существует два подхода к решению этой проблемы. Первый подход предполагает создание специальных административных судов; второй – специализацию действующего суда, то есть, создание в судах специальных коллегий по административным делам. Так, ряд ученых настаивает на создании специальных органов административной юстиции – административных судов. Сторонники этого мнения считают, что административная юстиция не может существовать, если не созданы специальные административные суды. Доводы представителей этой доктрины заключается в следующем:

1. Принцип, отрицающий разделений властей, который требует сосредоточения вопросов административного права в ведении специальных административных судов;

2. Суды не разрешают административное дело с учетом целесообразности административных действий. Административные суды располагают полномочиями признать неправомерными административные акты, имеют право выносить вместо них решения;

3. Неподготовленность судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов к разрешению вопросов публичного права в связи с тем, что они не знакомы с конкретной административной деятельностью.

Анализируем доводы сторонников создания специальных административных судов с учётом развития действующего законодательства.

Во-первых, принцип разделения властей не означает их полного разобщения. Государственный суверенитет один, и государственная власть едина. Три главных функции власти – законодательная, исполнительная и судебная, – разделены между разными органами государственной власти. Но это не носит абсолютного характера: между указанными видами власти на практике существует взаимодействие.

Во-вторых, признание недействительным акта государственного органа означает, что суд не вмешивается в деятельность публично-властных органов. Он лишь признает неправомерными их действия, нарушающие закон и восстанавливает нарушенное право. Государственные органы могут превысить свои полномочия, ошибочно толкуя или добровольно заблуждаясь, и соответствующими действиями могут нарушить права граждан. Данные нарушения могут быть вызваны нестабильностью российского законодательства, но в последние годы развитие рыночной экономики потребовало создания соответствующей правовой инфраструктуры. Кроме того, государственным органам не всегда легко разобраться, на что же их уполномочил закон, поскольку их полномочия недостаточно регламентированы законодательством. Следовательно, он оставляет решение многих вопросов на усмотрение должностных лиц, что ведет к нарушениями прав и интересов лиц.

Сегодня нарушения есть там, где меньшему контролю подлежат властные органы. Значительная роль в этом вопросе отводится суду, поскольку судебная власть защищает людей и устанавливает высокие стандарты административного поведения должностных лиц. Смешение судебных и административных функций в институте административной юстиции недопустимо, ибо в этом случае мы имеем судебную деятельность, определяемую зависимыми от государственно-властных органов, сменяемых по его воле чиновников, действующими нередко без необходимых гарантий соблюдения прав сторон.

Что же касается указания на неподготовленность судей в области административно-правовых отношений при рассмотрении дел данной категории, то есть практические соображения имеют мало значения.

Сторонники специальных административных судов (В.В. Бойцова, В.Я. Бойцов) указывают на требования, которые предъявляются к судьям административных судов: «Это узкая специализация и высокая степень профессионализма, которая обусловлена административным характером разрешения дел. Кроме того, у судей по административным делам должна быть более тесная связь, чем у судей общих судов с административным аппаратом, поддерживаемая образовательной системой и перетекаемостью судебных и административных чиновников в административные структуры и наоборот» [6].

Действительно, вследствие сложности названной категории дел для их рассмотрения необходим высокий профессионализм, что потребует специальных знаний. Например, наличие стажа работы не менее трех лет в органах управления или прохождения обязательной специализации по административному праву. В настоящее время судьями в основном становятся помощники судей и специалисты суда, но имеется и тенденция перетекаемости работников из административных органов в судебную систему (например, из налоговых органов). Правильность этой позиции подтверждается тем, что в Германии судьями финансовых судов в основном становятся бывшие работники налоговых органов. Если говорить о стаже работы, то как раз работа в налоговых органах и должна засчитываться в стаж работы для судей административных коллегий. До вступления в должность судья данной коллегии должен пройти обязательную стажировку сроком не менее года в органах управления и в суде. Не исключается возможность организации подготовки судей в Российском университете правосудия для системы административной юстиции.

С учётом этого, доводы сторонников организации административной юстиции посредством специальных административных судов являются не столь убедительными. Кроме того, аргументы против учреждения административных судов сводятся к следующему. Учреждение административных судов потребует огромных финансово-экономических ресурсов, а также создание административных судов в России является довольно сложным из-за её большой территории. Н.А. Громошина пишет: «Ясно, что специализированных судов одного вида не может быть много, и уж в любом случае их будет меньше, чем судов общей юрисдикции. Для маленького государства это не вопрос, а для России с её просторами и дорогами это проблема. Проблема доступности правосудия» [7].

Следует отметить, что другие страны с весьма близкими правовыми системами реализуют на практике идею административного судопроизводства и учреждают административные суды. Например, в Казахстане созданы экономические и административные суды. Однако процесс создания административных судов является сложным, поскольку речь идет о создании новой «ветви» судебной власти, то есть о кардинальном реформировании правовых отношений

в сфере судебной власти. Это требует обсуждения со стороны политиков, практиков и теоретиков.

Судебная власть – это власть, защищающая людей, устанавливающая высокие стандарты нормотворчества и административного поведения должностных лиц. Процесс создания и развития административной юстиции должен продолжаться в двух направлениях:

1. Совершенствование досудебных процедур рассмотрения административных дел. Это не только возможность досудебного обжалования в административном порядке принимаемых решений, но и обеспечение для слабой стороны во всех административных органах единых гарантий качественного и оперативного устранения нарушения прав граждан, что способствовало бы укреплению режима законности и правопорядка в органах власти.

2. Должны улучшаться судебные процедуры как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов.

На сегодня проводимая судебная реформа ещё не завершена и следует отметить, что наиболее эффективным финансово-экономическим и организационным аспектом является не ломка судебной системы и создание административных судов, а реформирование административного судопроизводства. Правовое регулирование административного судопроизводства должно опираться на конституционные основы организации деятельности судебной власти, общин процессуальные принципы и институты судопроизводства, единые для всех его видов, а с другой – создавать специальные процессуальные конструкции и механизмы, объективно настроенные на институты материального и процессуального административного права. В этом залог дальнейшего совершенствования разрешения публично-правовых споров, которые должны рассматриваться не только на процессуальный результат, но и на совершенствование материальных правоотношений.

Литература

1. Рязановский, В. А. Единство процесса: монография — М.: Издательский дом «Городец», 2024.

2. Салищева Н.Г. Гражданин и административная юрисдикция в СССР. М.: Наука, 1970.

3. Решение Конфликтного суда № 00012 от 08.02.1873 – Государственный Совет [Электронный ресурс]. URL: https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/TC/decision/1873-02-08/00012 (дата обращения: 20.09.2026).

4. Боннер А.Т., Квиктин В.Т. Судебный контроль в области государственного управления. изд. Московского Университета, 1973.

5. Старилов Ю. Н. Административное право: Специальная литература: справочное пособие. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2007. С. 158. ISBN 978-5-9273-1305.

6. В.В. Бойцова, В.Я. Бойцов. Административная юстиция: К продолжению дискуссии о содержании и значении // Государство и право, 1994. № 5. С. 42.

7. Громошина Н.А. О специализированных судах и специализации процессуальной формы. Научные труды Московской государственной юридической академии, 2004. № 1. С. 174-175.

Problems of administrative justice: to be or not to be administrative courts of Russia?
Petrova S.M.
Lebedev Russian State University of Justice Russia

This article addresses issues of administrative justice, which involves resolving legal conflicts between citizens and public authorities. It examines the concept and organization of administrative justice. The author believes it is difficult to determine which administrative justice system achieves greater effectiveness. The choice depends on the national characteristics of a country's development and its socioeconomic needs. Taking this into account, the author concludes that the goal of judicial reform in the near future should be to improve the effectiveness of the judiciary and the standard of legal proceedings by streamlining and diversifying the forms of legal proceedings.

Keywords: administrative justice, administrative court, administrative proceedings, judicial reform, increasing the effectiveness of the judiciary.

References

1. Ryazanovsky, V. A. Unity of the process: a monograph — Moscow: "Gorodets" Publishing House, 2024.
2. Salishcheva N.G. Citizen and administrative jurisdiction in the USSR. Moscow: Nauka, 1970.
3. The decision of the Conflict Court No. 00012 of 08.02.1873 – The State Council [Electronic resource]. URL: https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/TC/decision/1873-02-08/00012 (date of reference: 09/20/2026).
4. Bonner A.T., Kviktin V.T. Judicial control in the field of public administration. ed. Moscow University, 1973.
5. Starilov Yu. N. Administrative law: Special literature: a reference manual. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2007. p. 158. ISBN 978-5-9273-1305.
6. V.V. Boytsova, V.Ya. Boytsov. Administrative justice: To continue the discussion on the content and meaning // State and Law, 1994, No. 5, p. 42.
7. Gromoshina N.A. On specialized courts and specialization of the procedural form. Scientific Proceedings of the Moscow State Law Academy, 2004, No. 1, pp. 174-175.

Процессуальные правоотношения, возникающие в процессе передачи дела по подсудности

Чекушкин Алексей Александрович
главный специалист отдела исковой работы по жилищным вопросам Муниципального бюджетного учреждения городского округа Самара «Центр Администрирования Управления Муниципальной Собственностью», chekushkin.lex@mail.ru

В рамках данной статьи рассматривается процесс передачи дела по подсудности с точки зрения теории процессуальных правоотношений. Целью работы является изучение проблематики правоотношений, возникающих при направлении дела по компетенции. При подготовке статьи были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и общенаучные методы. Дано определение правоотношений, возникающих в процессе передачи дела по подсудности, как процессуальных, осложненных наличием двух субъектов – судов, передающих и принимающих дело к рассмотрению. В работе определяется состав участников исследуемых процессуальных отношений – суды, непосредственно участвующие в передаче дела по подсудности, стороны, лица, участвующие в деле. При этом указывается на наличие таких специфических участников правоотношений, как суды вышестоящих инстанций, арбитражного суда, который сам по себе является лицом, участвующим в деле. Рассматривается вопрос о том, можно ли включить в число участников правоотношений сотрудников аппарата суда. Изучены различия в механизмах передачи дел по подсудности от арбитражного суда в суд общей юрисдикции (и наоборот). Предлагается внести изменения в арбитражный процессуальный кодекс и исключить положения о передаче дела по подсудности из арбитражного суда в компетентный суд общей юрисдикции через суд общей юрисдикции уровня субъекта федерации.
Ключевые слова: подсудность, гражданский процесс, арбитражный процесс, правоотношения, процессуальные правоотношения, судебная система.

Процесс передачи дела по подсудности, на первый взгляд, представляет собой процесс привычный, связанный с реализацией соответствующих процессуальных норм. Кажется, что принятие решения по вопросу о передаче дела по подсудности, соответствующая процедура по направлению дела в иной суд выступают чуть ли не в качестве технического явления гражданского процесса, не вызывающего вопросов относительно своей природы и принципов. Однако какие правоотношения возникают в процессе передачи дела по подсудности в рамках гражданского и арбитражного процесса? Какой характер носят данные правоотношения?

Основания для передачи дела по подсудности, правила родовой и территориальной подсудности определены процессуальными кодексами. В случае установления соответствующих обстоятельств либо по заявлению сторон в процессе суд передает дело на рассмотрение компетентного суда общей юрисдикции либо арбитражного суда. После постановки вопроса на обсуждение, выслушивания доводов сторон и лиц, участвующих в деле, суд удаляется в совещательную комнату для вынесения определения. В дальнейшем суд оглашает определение о передаче дела по подсудности, судебное заседание завершается, участники процесса покидают зал судебного заседания для того, чтобы вновь вернуться в судебный процесс после извещения о дате и времени судебного заседания в другом суде.

Несмотря на то, что продолжение процесса рассмотрения дела после его передачи по подсудности можно глобально расценить как смену судебного состава, компетентного рассматривать в другом суде конкретное дело в силу родовой или территориальной подсудности дела, подходить с такой точки зрения к природе процесса передачи дела по подсудности представляется не совсем верным. Процесс передачи дела не является процессом механическим, не требующим участия суда и действий участников процесса. Решение не принимается автоматически, гражданское дело после вынесения судом соответствующего определения не переносится моментально в компетентный суд. Значит, в процессе разрешения вопроса о направления дела по компетенции возникают соответствующие правоотношения.

Как отмечала Кулакова В.Ю., с точки зрения науки гражданского процессуального права наиболее распространено определение гражданских процессуальных правоотношений как урегулированных нормами процессуального права общественных отношений, возникающих между судом и иными участниками процесса по поводу рассмотрения и разрешения гражданских дел [1]. Отличительной особенностью структуры процессуальных правоотношений является особенность суда как субъекта, обладающего властными полномочиями по применению правовых норм[2]. При этом по времени своего существования процессуальные правоотношения «короче» материальных[3], которые возникают раньше и завершаются позже рассмотрения дела судом.

Юдин А.В. указывал на самостоятельную сущность суда в контексте совершения судом процессуальных действий[4]. Из этого следует, что судья обладает действительной правосубъектностью в рамках правоотношений, складывающихся при осуществлении правосудия по гражданским делам[5]. Щеглов В.Н. отмечал, что гражданское процессуальное правоотношение существует на основе процессуальной деятельности и направлено на защиту имущественных, трудовых и иных прав граждан[6].

С учетом изложенных положений, возникает вопрос о том, какими особенностями будут обладать правоотношения по передаче дела по подсудности? Будут ли правоотношения, возникающие в процессе передачи дела по компетенции, отвечать классическим признакам процессуальных правоотношений или у них имеются свои особенности?

С точки зрения судебного процесса по своей сущности данные правоотношения, на мой взгляд, будут являться внутрипроцессуальным явлением, поскольку связаны с разрешением вопроса о суде, который в силу правил о подсудности должен рассматривать конкретное дело. Одновременно напрямую не затрагиваются процессы доказывания, установления истины и принятия решения по делу. В данном случае совершаемые судом действия связаны с во-

просом функционирования органов судебной власти при рассмотрении конкретного спора, т.е. правоотношения связаны не с процессом рассмотрения спора, а с процессом организации деятельности суда, который регламентируется нормами процессуального законодательства, судебными инструкциями и не затрагивают вопроса применения материальных норм права. Отсюда возникает процессуальная природа данных правоотношений, позволяющая рассматривать их с точки зрения межсудебного взаимодействия в рамках совершения отдельных процессуальных действий по передаче спора по компетенции.

Кто же будет являться участниками правоотношений в процессе передачи дела по подсудности? В сравнении с классическими процессуальными правоотношениями, где субъектами являются суд и лица, участвующий в деле, в данных правоотношениях состав лиц будет иметь свои особенности.

Непосредственными участниками процесса передачи дела по подсудности в данных правоотношениях будет с одной стороны суд, передающий дело по подсудности, с другой – суд, принимающего дело к производству.

Одновременно стоит отметить, что участниками правоотношений также останутся стороны и лица, участвующие в деле, поскольку рассматриваемые правоотношения не существуют отдельно от гражданского или арбитражного дела, следовательно, участники процесса остаются участниками правоотношения по передаче дела по подсудности, имеющими все предусмотренные законом права (на заявление ходатайства о передаче дела по подсудности, участие в процессе обсуждения и т.д.), мнение которых суд может принять во внимание при разрешении вопроса о передаче дела по подсудности.

Выступать в качестве участников данных правоотношений могут также суды вышестоящих инстанций. Вопрос участия судов вышестоящих инстанций в процессуальных правоотношениях широко освещался Ласкиной Н.В., которая характеризовала такие правоотношения как обладающие «властностью, системностью, динамичностью» [7]. В самом распространенном случае вышестоящий суд станет участником правоотношений при проверке вынесенного определения в случае реализации участниками процесса права на обжалование. Кроме того, суд вышестоящей инстанции будет являться активным участником процессуальных правоотношений, осуществляющим передачу дела по подсудности, в случае, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 33 ГПК, когда после отвода одного или нескольких судей либо по другим причинам замена судей или рассмотрение дела в данном суде становятся невозможными.

Кроме того, в качестве особого субъекта правоотношений по передаче дела по подсудности может выступать арбитражный суд, который сам по себе в соответствии с п.4 ч.2 ст. 39 АПК РФ является лицом, участвующим в деле. В данном случае суд, который в силу данных обстоятельств не может рассматривать дело, можно назвать специфическим субъектом-участником данных правоотношений, поскольку с одной стороны ранее он принимал участие в рассмотрении дела в качестве судебной инстанции, а с другой – изменил свой процессуальный статус в этом случае на лицо, участвующее в деле. При установлении вышеуказанных обстоятельств вышестоящий арбитражный суд становится лицом, принимающим решение о передаче дела по подсудности в иной арбитражный суд того же уровня. При этом в данном случае действующим законодательством закреплены положения об исключительной подсудности, определенные в соответствии с частью 3.1 статьи 38 АПК РФ.

В качестве частного случая участия суда вышестоящей инстанции можно указать на ситуацию, определенную в Постановлении Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. N 100, который отдельно указывал на право федерального арбитражного суда округа как вышестоящего суда, в который ошибочно поступила кассационная жалоба, не принимая ее к своему производству, вынести определение о передаче такой кассационной жалобы по подсудности в Суд по интеллектуальным правам[8].

При определении состава лиц в исследуемом правоотношении возникает вопрос – можно ли включить в число участников правоотношения самих сотрудников суда?

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. N 36 установлены образцы форм делопроизводства в районном суде, учетно-статистическая карточка на гражданское дело[9]. Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. N 100 закреплена обязанность специалиста судебного состава по подготовке судебных дел и их отправке при направлении дела по подсудности, описаны особенности оформления дела – работник суда по номенклатуре подшивает копию сопроводительного письма о направлении дела по подсудности, а также полученные почтовые уведомления о его вручении[8]. Также в данном Постановлении описывается порядок действий суда первой и апелляционной инстанций при обжаловании определения о направления дела по подсудности. Таким образом, процесс передачи дела по подсудности, его оформления для работников аппарата суда представляет собой определенный регламентированный порядок действий. Однако субъектами обозначенных правоотношений они все же не являются, поскольку обязанности по совершению определенных действий происходят из служебной необходимости, из трудовых правоотношений между сотрудниками аппарата суда и работодателем (судебным департаментом), но никак не из правоспособности участника процесса.

Полномочия суда по передаче дела по подсудности в рамках цивилистического процесса регламентированы соответствующими статьями ГПК РФ и АПК РФ. И если основания для совершения вышеуказанных процессуальных действий практически совпадают (за исключением ситуации, когда будет установлено, что лицом, участвующим в деле, является тот же арбитражный суд), то процедура передачи дела по подсудности в процессуальных кодексах имеет некоторые отличия. При передаче дела по территориальной подсудности процедуры являются идентичными – суд передает дело в компетентный суд в рамках системы судов общей юрисдикции или арбитражных судов по установленными законом правилам территориальной подсудности. Однако при изучении процесса передачи дела по родовой подсудности возникают определенные отличия.

В рамках ГПК РФ суд общей юрисдикции передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом, в таком же порядке, в котором передает в иной компетентный суд общей юрисдикции. Однако арбитражный суд принимает решение о передаче дела по подсудности и направляет его в суд субъекта федерации (областной, краевой, республиканский и т.д.) для разрешения вопроса о передаче дела в соответствующий районный суд для рассмотрения по существу, т.е. определение компетентного суда происходит с участием двух судов уровня субъекта федерации – арбитражного суда и суда общей юрисдикции. В этом прослеживается определенная логика, если исходить из того, что при передаче дела из одной системы судов в другую должны взаимодействовать суды равного уровня. При этом юрисдикции районного суда и арбитражного суда очевидно различаются – они являются судами разного масштаба по количеству лиц, проживающих либо находящихся на определенной территории, которые могут обратиться за судебной защитой либо к которым могут быть предъявлены соответствующие требования. Именно поэтому взаимодействие арбитражного суда и условного областного суда в этой логике является оправданным. Однако одновременно в рамках ГПК РФ такой механизм отсутствует в принципе и условный районный суд или мировой судья могут вынести определение о передаче дела по подсудности в арбитражный суд без каких-либо ограничений, не направляя дело для передачи в арбитражный суд в суд общей юрисдикции субъекта федерации.

Почему же в процессе передачи дел между судебными подсистемами имеются такие различия? Представляется, что различие механизмов по передаче дела по подсудности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами является следствием исторического процесса развития российского государства и организации его системы правосудия, в которой первоначально системы арбитражных судов и судов общей юрисдикции были разделены. Решением данной проблемы могло бы стать устранение различий в процессуальных кодексах, либо принятие единого процессуального кодекса как еще одного способа приведения гражданского и арбитражного процессов к единому знаменателю. В целях кодификации законодателем с учетом мнения научного сообщества ранее была выдвинута Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В рамках Концепции в кодификации правил о подсудности было предложено два варианта. Первый предполагал объединить правила подсудности в общие статьи по отдельным видам подсудности для всех судов, исходя из того, что правила подсудности общей территориальной, договорной, в определенной степени – исключительной, единообразны для судов общей юрисдикции и арбитражных. Второй вариант предполагал изложить правила

о подсудности для судов общей юрисдикции и арбитражных судов в разных параграфах. Также в рамках Концепции предлагалось объединить в связи с единообразием только правила передачи дел из одного суда в другой в рамках каждой из судебных подсистем[10].

Представляется, что приведение к единому стандарту правил передачи дела по подсудности является абсолютно верным решением. Вместе с тем необходимо отметить, что с момента принятия вышеуказанной Концепции прошло более 10 лет. В связи с этим вопрос объединения процессуальных кодексов представляется вопросом будущего времени, однако вопрос изменения конкретных процессуальных норм является более насущным. Наличие в АПК РФ положений о направлении дела в суд общей юрисдикции субъекта федерации при передаче дела по подсудности из арбитражного суда представляется избыточным, поскольку данная процедура приводит к затягиванию рассмотрения дела. Время, которое проходит в процессе передачи дела из арбитражного суда в областной суд, а затем из условного областного суда в условный районный суд, становится невосполнимой утратой для участников процесса. В связи с этим, по моему мнению, норму статьи 39 АПК РФ необходимо скорректировать и исключить положения о направлении дела при передаче по подсудности в суд субъекта федерации для разрешения вопроса о компетентном суде общей юрисдикции, и направлять дела из арбитражного суда в уполномоченный суд общей юрисдикции напрямую.

Исходя из вышеизложенного, представляется верным определить правоотношения, возникающие в процессе передачи дела по подсудности, как процессуальные, осложненные наличием двух субъектов со стороны суда. Участниками данных правоотношений являются суды, передающие и принимающие к производству дело, стороны процесса и иные лица, участвующие в деле, а в отдельных случаях – суды вышестоящих инстанций. Проблематика данных правоотношений связана с отсутствием единообразия в действующем законодательстве при передаче из арбитражного суда в суд общей юрисдикции и наоборот. С учетом данных обстоятельств, представляется необходимым внести изменения в АПК РФ и исключить норму о передаче дела по подсудности в суд общей юрисдикции из арбитражного суда через суд общей юрисдикции уровня субъекта федерации, закрепить норму, устанавливающую прямой порядок направления дела по подсудности по аналогии с гражданско-процессуальным законодательством.

Литература

1. Кулакова В. Ю. О ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-teorii-grazhdanskih-protsessualnyh-pravootnosheniy (дата обращения: 25.04.2026).
2. Зубович М.М., Зубович Е.М. Зубович Михаил Мстиславович, Зубович Евгений Михайлович О структуре гражданских (арбитражных) процессуальных правоотношений // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-grazhdanskih-arbitrazhnyh-protsessualnyh-pravootnosheniy (дата обращения: 25.04.2026).
3. Леженин А.В., Скрынникова М.В. Леженин Алексей Валерьевич, Скрынникова Мария Владимировна Процессуальные правовые отношения: обзор юридических доктрин // Вестник ВИ МВД России. – 2017. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-pravovye-otnosheniya-obzor-yuridicheskih-doktrin (дата обращения: 25.04.2026).
4. Юдин А. В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность / А. В. Юдин. – Санкт. – Петербург: Изд. Дом Санкт-Петербургского государственного университета, Юридическая книга, 2009. – 622 с.
5. Шеменева О. Н. СУД КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2015. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sud-kak-subekt-grazhdanskih-protsessualnyh-pravootnosheniy-1 (дата обращения: 25.04.2026).
6. Щеглов, В. Н. Гражданское процессуальное правоотношение / В. Н. Щеглов. – Москва: Юрид. лит., 1966. – 168 с.
7. Ласкина Н.В. Гражданские процессуальные правоотношения между судами нижестоящих и вышестоящих инстанций. – Специально для системы ГАРАНТ [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: https://internet.garant.ru/#/document/57472451/paragraph/8:1 (дата обращения: 24.06.2026).
8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. N 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)»// СПС КонсультантПлюс.
9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля N 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // СПС КонсультантПлюс. – Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2003. – № N 36.
10. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)) // СПС КонсультантПлюс. – 2014.

Procedural legal relations related to the transfer of a case to another jurisdiction

Chekushkin A.A.

Municipal Budgetary Institution of the Samara Urban District "Center for Municipal Property Management Administration"

This article examines the process of transferring cases based on jurisdiction from the perspective of procedural legal relations. The aim of the work is to study the issues related to these legal relations. The work uses general scientific, formal-legal, and comparative-legal methods. The author provides a definition of the legal relations that arise in the process of transferring a case to another jurisdiction as procedural relations complicated by the presence of two subjects – the courts that transfer and accept the case for consideration. The author determines the composition of the participants in the procedural relations – the courts, the parties, and the persons involved in the case. The researcher points to the presence of such specific participants in legal relations as higher-level courts and the arbitration court, which itself is a party to the case. The article discusses the question of whether court employees can be considered participants in legal relations. The article examines the differences in the mechanisms for transferring cases from an arbitration court to a court of general jurisdiction and vice versa. In conclusion, the author proposed making changes to the Arbitration Procedure Code, specifically by removing the provision on transferring a case under jurisdiction from an arbitration court to a district court via a court of general jurisdiction of a constituent entity of the federation.

Keywords: jurisdiction, civil procedure, arbitration procedure, legal relations, procedural legal relations, judicial system.

References

1. Kulakova V. Yu. [On the Theory of Civil Procedural Legal Relations] // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2021. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-teorii-grazhdanskih-protsessualnyh-pravootnosheniy (data obrashcheniya: 25.04.2026) (In Russian).
2. Zubovich M.M., Zubovich E.M. [Zubovich Mikhail Mstislavovich, Zubovich Evgeny Mikhailovich On the Structure of Civil (Arbitration) Procedural Legal Relations] // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2005. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-grazhdanskih-arbitrazhnyh-protsessualnyh-pravootnosheniy (data obrashcheniya: 25.04.2026) (In Russian).
3. Lezhenin A.V., Skrynnikova M.V. [Lezhenin Alexey Valerievich, Skrynnikova Maria Vladimirovna Procedural Legal Relations: A Review of Legal Doctrines] // Vestnik VI MVD Rossii. – 2017. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-pravovye-otnosheniya-obzor-yuridicheskih-doktrin (data obrashcheniya: 25.04.2026) (In Russian).
4. Yudin A. V. [Civil Procedural Violation and Liability] / A. V. Yudin. – Sankt. – Peterburg: Izd. Dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Yuridicheskaya kniga, 2009. – 622 s (In Russian).
5. Shemeneva O. N. [The Court as a Subject of Civil Procedural Legal Relations] // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. – 2015. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sud-kak-subekt-grazhdanskih-protsessualnyh-pravootnosheniy-1 (data obrashcheniya: 25.04.2026) (In Russian).
6. Shcheglov, V. N. [Civil Procedural Legal Relation] / V. N. Shcheglov. – Moskva: Yurid. lit., 1966. – 168 s (In Russian).
7. Laskina N.V. [Civil Procedural Legal Relations between Lower and Higher Courts of Instance] . – Spetsial'no dlya sistemy GARANT [Elektronnyj resurs]. – 2015. – URL: https://internet.garant.ru/#/document/57472451/paragraph/8:1 (data obrashcheniya: 24.06.2026) (In Russian).
8. Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 25 dekabrya 2013 g. [No. 100 'On the Approval of the Instruction on Record-Keeping in Arbitration Courts of the Russian Federation (First, Appellate and Cassation Instances)'] // SPS Konsul'tantPlyus (In Russian).
9. [Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of April 29 No. 36 'On the Approval of the Instruction on Judicial Record-Keeping in the District Court'] // SPS Konsul'tantPlyus. – Sudebnyj departament pri Verkhovnom Sude RF, 2003. – № N 36 (In Russian).
10. [Concept of a Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation (approved by the decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 08.12.2014 No. 124(1))] // SPS Konsul'tantPlyus. – 2014 (In Russian).

Причины изменения подсудности в процессе рассмотрения гражданского дела

Чекушкин Алексей Александрович
главный специалист отдела исковой работы по жилищным вопросам Муниципального бюджетного учреждения городского округа Самара «Центр Администрирования Управления Муниципальной Собственностью», chekushkin.lex@mail.ru

В процессе изучения института подсудности как явления возникает вопрос о причинах возникновения ситуаций, при которых суду приходится передавать дело на рассмотрение иного суда. В настоящей статье изучаются наиболее часто встречающиеся причины изменения подсудности спора в процессе рассмотрения дела. Целью работы является изучение института подсудности в контексте установления причин изменения подсудности дела в процессе его рассмотрения. Автором приводятся классификация соответствующих причин. При подготовке статьи были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и общенаучные методы. В качестве объективных причин возникновения ситуации, при которой необходимо производить передачу дела по подсудности, автор указывает на неполноту изначальных обстоятельств, известных суду до принятия заявления к производству. Субъективными причинами возникновения ситуации, при которой подсудность дела не была определена правильно, также могут быть являются злонамеренные действия недобросовестных лиц и судебные ошибки. Устранение нарушений в применении норм подсудности в рамках конкретного дела возможно при обжаловании решения суда в вышестоящие инстанции. Указывается на отсутствие единообразия процессуальных норм и необходимость принятия единого гражданского процессуального кодекса.
Ключевые слова: подсудность, родовая подсудность, территориальная подсудность, гражданский процесс, арбитражный процесс, правоотношения, процессуальные правоотношения, судебная система, гражданское процессуальное право, кодификация права.

Исследователями отмечалось, что основной задачей подсудности, как института гражданско-процессуального права, является определение судебной компетенции между судами системы судов общей юрисдикции относительно гражданских дел[1]. В широком смысле в рамках цивилистического процесса институт подсудности позволяет определить подсудность конкретного дела суду общей юрисдикции или арбитражному суду с учетом правил о родовой и территориальной подсудности.

В процессе изучения института подсудности как явления возникает вопрос о причинах возникновения ситуаций, при которых суду приходится передавать дело на рассмотрение иного суда. С одной стороны, при проверке заявления в процессе рассмотрения вопроса о принятии дела к производству исходя из норм закона суд должен определять, правильно ли подано исковое заявление. В случае неправильного определения подсудности дела суд возвращает исковое заявление с указанием на неправильное определение подсудности дела. С другой стороны, суд не может выступить в роли некого юридического оракула и предусмотреть все наперед, предугадав все обстоятельства по делу, определяющие его подсудность.

В целом возникновение ситуаций, при которых возможна передача дела по подсудности, обусловлено самой логикой норм процессуального закона. Поскольку целью рассмотрения гражданского дела является разрешение спора и установление процессуальной истины при условии правильного применения норм материального и процессуального права, сам процесс передачи дела по подсудности предусматривается законодателем в единой связи с нормами о подсудности дела. При этом институт передачи дела по подсудности выполняет также роль института, позволяющего обеспечить равный доступ граждан и организаций к правосудию. Таким образом, интерес для исследования представляет вопрос определения причин возникновения ситуаций для передачи дела по подсудности и того, как их классифицировать.

Во-первых, наиболее частой причиной для передачи дела по подсудности является неполнота обстоятельств, известных суду до принятия заявления к производству. Это может быть связано с тем, что подателю искового заявления были объективно неизвестны обстоятельства, определяющие подсудность дела. Например, заявитель может обратиться с исковым заявлением по последнему известному ему месту жительства ответчика, но в процессе рассмотрения дела судом благодаря сведениям из адресно-справочной службы министерства внутренних дел станет известно, что ответчик зарегистрирован в другом районе города либо области, и при отсутствии обстоятельств исключительной подсудности суд передаст такое дело в компетентный суд по месту жительства ответчика. Или, например, кредитор при обращении в суд за взысканием задолженности с наследников умершего не владеет информацией об имуществе и наследниках, принявших наследство, и обращается с иском в суд по месту регистрации умершего гражданина. В процессе рассмотрения дела при истребовании всех необходимых сведений суд может выяснить, что недвижимое имущество у умершего отсутствует, но установит наследников, которые фактически приняли наследство, и передаст дело на рассмотрение компетентного суда. В целом все ситуации из вышеуказанных примеров по существу сводятся к одной причине – объективной невозможности установить обстоятельства, имеющие значение для определения верной подсудности дела до принятия заявления к производству, в силу их неизвестности ни суду ни заявителю.

Во-вторых, причиной возникновения ситуации, при которой не сразу возможно установить правильную подсудность дела могут являться злонамеренные, недобросовестные действия лиц, стремящихся затянуть рассмотрение дела, пытающихся скрыть рассмотрение дела от заинтересованных лиц и т.д. Как указывал Юдин А.В., «процессуальное злоупотребление может служить продолжением злоупотребления материального» [2]. Некоторые практики получили настолько большое распространение, что даже приобрели собственное название. В частности, изменение подсудности гражданского дела в результате действий, направленных на искусственное изменение территориальной подсудности спора путем смены юридического адреса организации или регистрации места жительства гражданина-должника в научной литературе получило название т.н.

«банкротного туризма» [3]. О сути данного явления написано большое количество научных статей и действия недобросовестных лиц, направленные на изменение института подсудности, подчас могут быть весьма изобретательны. Например, Юдин А.В. описывал такой вид злоупотреблений как «необоснованное привлечение в качестве соответчиков российских и (или) иностранных лиц, направленное на изменение общих правил подсудности, в том числе и международной компетенции» [4].При этом действия недобросовестных лиц приводят к потерям времени, денежных средств и др. у добросовестных участников процесса[3]. Какие же последствия могут повлечь такие действия? С одной стороны, остаются в силе правила распределения судебных расходов, которые позволяют взыскать с проигравшей стороны судебные расходы пропорционально удовлетворенным требованиям и которые при этом могут не компенсировать всех произведенных трат. С другой стороны, статья 99 ГПК РФ предусматривает возможность подачи иска о взыскании компенсации за потерю времени.

В-третьих, причиной изначально неправильного определения подсудности дела может являться судебная ошибка, при которой суд в силу каких-либо причин сразу не обнаружил и не вернул заявителю неправильно поданное заявление, а в дальнейшем в целях устранения нарушения закона передал дело по подсудности в верный суд либо рассмотрел дело с нарушением правил о подсудности. Шокумов Ю.Ж. указывал, что нарушение правил подсудности при рассмотрении и разрешении гражданского дела всегда являлось существенной (фундаментальной) судебной ошибкой, требующей отмены решения и направления дела для рассмотрения и разрешения в компетентный суд[5]. Как отмечала Бекяшева Д.И., суд призван реализовывать конституционные права граждан, активно следить за соблюдением правил подсудности [6].

При этом устранение нарушений в применении норм подсудности в рамках конкретного дела возможно при осуществлении судебного контроля в процессе обжалования в вышестоящие инстанции. В частности, из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 следует, что решение суда может быть отменено ввиду нарушения подсудности, если на нарушение правил подсудности указано в апелляционных жалобе, представлении и суд апелляционной инстанции установит, что лица, участвующие в деле заявляли в суде первой инстанции соответствующее ходатайство или у них объективно отсутствовала возможность заявить такое ходатайство, а также если нарушены правила подсудности по делам, отнесенных законом к компетенции суда общей юрисдикции уровня субъекта федерации или Верховного Суда РФ, либо правила об исключительной подсудности[7].

В рамках арбитражного процесса в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 были даны разъяснения о том, что судам необходимо иметь в виду, что лицом, участвующим в деле и извещенным надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, доводы относительно нарушения правил подсудности могут быть заявлены лишь при рассмотрении дела в суде первой инстанции. При отсутствии нарушения норм об исключительной подсудности вмешательство суда кассационной инстанции по собственной инициативе в вопрос о подсудности дела не допускается[8].

В целом говорить однозначно об ошибке суда, на мой взгляд, можно говорить только в том случае, когда в деле имелись обстоятельства, не позволяющие как-либо иначе определить подсудность дела, например, наличие обстоятельств исключительной подсудности. В ином случае при неопределенности факторов установления подсудности корректно будет связывать действия суда с первой группой причин изменения подсудности (неопределенность обстоятельств дела).

Кроме того, Самсонова М.В. отмечала, что в ГПК РФ и АПК РФ содержится массив разнородных процессуальных норм, на основе которых определяется не только суд первой инстанции для рассмотрения дела по существу, но и суд проверочной инстанции, компетентный суд иностранной или российской юрисдикции, а также надлежащий суд для решения иных (частных) вопросов по делу[9]. Нельзя не согласится с наличием проблематики, связанной с отсутствием единообразия процессуальных норм по отдельным вопросам. В науке на протяжении многих лет обсуждается вопрос принятия Единого ГПК, принята соответствующая Концепция[10]. Представляется, что новый единый цивилистический процессуальный кодекс мог бы стать решением для возникающих правовых коллизий.

Таким образом, ситуации, при которых подсудность дела невозможно определить изначально и возникает необходимость передать дело на рассмотрение компетентного суда, обусловлены объективными и субъективными причинами. Объективной причиной является отсутствие всех необходимых сведений для верного определения подсудности на этапе принятия заявления к производству суда. При этом неизвестность соответствующих обстоятельств обусловлена добросовестным заблуждением заявителя, отсутствием в изначально имеющихся материалах дела соответствующих сведений и документов. Субъективными причинами выступают действия недобросовестных лиц, стремящихся изменить подсудность дела в корыстных целях, либо ошибка суда, который при наличии соответствующих сведений и документов изначально не усмотрел оснований для возврата заявления. Проблематика исследуемого вопроса связана с отсутствием единообразия в процессуальных нормах, решением которого могло бы стать принятие широко обсуждаемого в науке единого ГПК РФ.

Литература

1. Коршакова К.В., Шкурай Т.А. Коршакова Катарина Викторовна, Шкурай Татьяна Александровна ИНСТИТУТ ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ // Право и практика. – 2021. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-podsudnosti-grazhdanskih-del-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy (дата обращения: 05.09.2026).

2. Юдин А.В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами со смежными правовыми явлениями // Закон. – 2024. – Т. 19, № 7. – С. 30–38.

4. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве Санкт. – Петербург: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 360 с.

5. Шокумов Ю.Ж. Юрий Жирасланович Шокумов Нормативное правовое регулирование гражданского и арбитражного процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-pravovoe-regulirovanie-grazhdanskogo-i-arbitrazhnogo-protsessualnogo-zakonodatelstva-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 05.09.2026).

6. Бекяшева Д. И. СТРУКТУРНЫЕ И СУДОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ // Lex Russica. – 2022. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-i-sudoproizvodstvennye-faktory-vliyayuschie-na-pravilnoe-primenenie-pravil-podsudnosti-grazhdanskih-del (дата обращения: 06.09.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС Консультант-Плюс.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // СПС Консультант-Плюс.

9. Самсонова М.В. Самсонова Мария Витимовна Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershenstvovaniya-instituta-podsudnosti-grazhdanskih-del (дата обращения: 06.09.2026).

10. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)) // СПС КонсультантПлюс. – 2014.

Reasons for changing the subject matter jurisdiction in a civil case

Chekushkin A.A.

Municipal Budgetary Institution of the Samara Urban District "Center for Municipal Property Management Administration"

An examination of the legal concept of jurisdiction raises the question of why situations arise in which a court must transfer a case to another court for adjudication. This article analyzes the most common reasons for a change in jurisdiction during the course of proceedings. The study aims to examine the concept of jurisdiction by identifying the causes behind such changes while a case is being heard. The author presents a classification of these causes. The article employs formal-legal, comparative-legal, and general scientific methods. The author identifies the incompleteness of the initial facts known to the court prior to accepting the claim as an objective reason for the necessity of transferring a case based on jurisdiction. Subjective reasons for the incorrect initial determination of jurisdiction may include the malicious actions of unscrupulous parties and judicial errors. Violations

regarding the application of jurisdictional rules in a specific case can be remedied through the appeal process in higher courts. The article also highlights the lack of uniformity in procedural rules and the need to adopt a unified Code of Civil Procedure.
Keywords: jurisdiction, generic jurisdiction, territorial jurisdiction, civil procedure, arbitration procedure, legal relations, procedural legal relations, judicial system, civil procedural law, codification of law.

References

1. Korshakova K.V., Shkuraj T.A. [Korshakova Katarina Viktorovna, Shkuray Tatiana Aleksadrovna. THE INSTITUTE OF TERRITORIAL JURISDICTION OF CIVIL CASES: CURRENT STATE AND PROBLEMS] // Pravo i praktika. – 2021. – No. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-podsudnosti-grazhdanskih-del-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy (data obrashcheniya: 05.09.2026) (In Russian).
2. Yudin A.V. [Differentiation of Abuses of Procedural Rights from Related Legal Phenomena] // Zakon. – 2024. – Vol. 19, No. 7. – S. 30–38 (In Russian).
3. Yudin A.V. [Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings of Saint Petersburg] . – Peterburg: Izdat. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. – 360 s (In Russian).
4. Shokumov Yu.Zh. [Yuri Zhiraslanovich Shokumov. Normative Legal Regulation of Civil and Arbitration Procedural Legislation in the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – No. 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-pravovoe-regulirovanie-grazhdanskogo-i-arbitrazhnogo-protsessualnogo-zakonodatelstva-v-rossiyskoy-federatsii (data obrashcheniya: 05.09.2026) (In Russian).
5. Bekyasheva D. I. [STRUCTURAL AND PROCEDURAL FACTORS AFFECTING THE CORRECT APPLICATION OF TERRITORIAL JURISDICTION RULES FOR CIVIL CASES] // Lex Russica. – 2022. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-i-sudoproizvodstvennye-faktory-vliyayuschie-na-pravilnoe-primenenie-pravil-podsudnosti-grazhdanskih-del (data obrashcheniya: 06.09.2026) (In Russian).
6. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 22.06.2021 No. 16 'On the Application by Courts of Norms of Civil Procedural Legislation Regulating Proceedings in the Court of Appellate Instance'] // SPS Konsul'tant-Plyus (In Russian).
7. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from June 30, 2020 No. 13 'On the Application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation When Considering Cases in the Arbitration Court of Cassation Instance'] // SPS Konsul'tant-Plyus (In Russian).
8. Samsonova M.V. [Samsonova Maria Vitimovna. Problems of Improving the Institute of Territorial Jurisdiction of Civil Cases] // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2024. – No. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershenstvovaniya-instituta-podsudnosti-grazhdanskih-del (data obrashcheniya: 06.09.2026) (In Russian).
9. ['Concept of a Unified Civil Procedural Code of the Russian Federation' (approved by decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation from 08.12.2014 No. 124(1))] // SPS Konsul'tantPlyus. – 2014 (In Russian).

Международно-правовое регулирование эксплуатации плавучих платформ в Арктике

Мишальченко Мария Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и гуманитарного права, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, mari.mishalchenko@mail.ru,

Едличко Павел Андреевич
аспирант, кафедра государственного и международного права, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, pavelae51@gmail.com

В статье анализируются теоретико-прикладные аспекты правового регулирования эксплуатации плавучих нефтегазовых платформ (ПНГП) в Арктике: применимость природоохранных стандартов МАРПОЛи Полярного кодекса, пробелы в международно-правовой ответственности за трансграничный ущерб.
Методологическая основа исследования включает сравнительно-правовой анализ, системный подход, метод правового моделирования. На основе сравнительного анализа выявлены существенные расхождения в лимитах ответственности, требованиях к ледовым усилениям и процедурам сертификации. В условиях геополитической фрагментации (2022-2026 гг.) обоснована невозможность универсальной гармонизации норм международного права.
Научная новизна заключается в разработке реалистичных механизмов минимизации рисков: использование потенциала IACS, национальная имплементация международных стандартов, а также детально проработанная правовая модель международного страхового фонда для покрытия трансграничных загрязнений, основанная на анализе судебного кейса «Montara» (2019).
Ключевые слова: ИМО, МАРПОЛ, Полярный кодекс, Арктика, плавучие платформы, международная ответственность, международное страхование, международный страховой фонд, кейс «Montara».

Введение

С 2022 г. геополитическая обстановка в Арктике претерпела кардинальные изменения, что привело к деградации универсальных механизмов гармонизации. Вместе с тем практическое освоение арктических ресурсов продолжает наращивать темпы: в первом квартале 2026 г. Европа достигла рекордного уровня закупок российского сжиженного природного газа с 2022 г., а в марте 2026 г. компании ExxonMobil, Shell, Repsol предложили $163 млн. за право бурения в Национальном нефтяном резерве Аляски. Эти события обнажают правовые пробелы.

Цель настоящей статьи – выявить экологические и деликтные особенности при эксплуатации ПНГП в Арктике, обусловленные фрагментарным применением международных стандартов (МАРПОЛ, Полярный кодекс) и отсутствием универсального режима международной ответственности, а также предложить юридически обоснованные международно-правовые механизмы их урегулирования в условиях геополитической фрагментации.

1. Применимость природоохранных стандартов к платформамв Арктике

Действие МАРПОЛ распространяется на платформы с существенными исключениями: требования к конструкции судов на платформы не распространяются (Приложение I, правило 1.4). Полярный кодекс (резолюции ИМО MSC.385 (94) и MEPC.264 (68)) применяется к судам, совершающим плавание в полярных водах. Платформы, находящиесяв рабочем положении (на якоре, динамическом позиционировании или опорой на дно), не подпадают под его действие. Однако при переходе (буксировке или самоходе) платформа должна соответствовать требованиям Полярного кодекса, как судно. Это различие создает «серую зону» экологического контроля: оператор может затягивать квалификацию объекта как «сооружения», избегая затрат на полярное оборудование. Как следствие, возникает потенциальный риск переноса деятельности в юрисдикцию с менее строгими нормами и требованиями (так называемый «регуляторный арбитраж»), хотя конкретные случаи злоупотреблений в доктрине не зафиксированы.

Де-факто в России требования Полярного кодекса к ледовым усилениям распространяются на платформы через правила классификации. В 2024-2025 гг. Российский морской регистр судоходства актуализировал Правила классификации и постройки морских стационарных и плавучих буровых установок, установив для платформ, работающих в Восточном секторе Арктики, как правило, ледовое усиление не ниже Arc5 на основе лицензионных соглашений [3]. В Норвегии стандарты NORSOK фактически приравнивают платформы к судам в части навигационного оборудования.

С 1 января 2026 г. вступили в силу поправки к Полярному кодексу (резолюция ИМО MSC.538 (107)), дополнившие Кодекс главами 9-1 (безопасность навигации) и 11-1 (планирование рейса). Поправки распространяются на рыболовные суда, прогулочные яхты и грузовые суда (300-500 GT), но не затрагивают платформы в рабочем положении. На первый взгляд может показаться, что поправки к Полярному кодекс (резолюция ИМО MSC.538 (107)), 2026 г.) усиливают дифференциацию между режимами «судно» и «сооружение». Однако в тексте самой резолюции этот аспект не раскрывается напрямую: документ фокусируется на расширении требований к судам определенных категорий.

Таким образом, экологические стандарты применяются к платформам несистемно: при транзите – согласно международно-правовых норм, при бурении – только по национальным правилам.

2. Международно-правовая ответственность: дисбаланс лимитов, пробелы и фактор неопределенности

В отличие от танкерных перевозок (регулируемых CLC и Международным фондом FUND) для буровых платформ универсальный режим ответственности отсутствует. Проект Конвенции об ответственности за ущерб от загрязнения с буровых установок (Offshore Protocol, 1977 г.) не вступил в силу. Ключевые арктические государства его не ратифицировали [2].

Сравнительный анализ национальных режимов.

В Российской Федерации платформы в рабочем режиме квалифицируются как искусственные сооружения. Лимит ответственности владельца опасного объекта I класса (включая буровые установки) по Федеральному закону № 225-ФЗ зависит от максимально возможного количества потерпевших (МВКП) и применяется к объектам, для которых обязательна разработка декларации промышленной безопасности или декларации безопасности гидротехнического сооружения. Для других категорий опасных объектов лимиты могут отличаться. Конкретные размеры страховой суммы составляют: 9,75 млрд. руб., если МВКП превышает 3000 человек; 1,5 млрд. руб., если МВКП составляет от 1501 до 3000 человек; 750 млн. руб., если МВКП составляет от 301 до 1500 человек.

В Норвегии платформа также считается сооружением, но ответственность не ограничена лимитом – оператор обязан обеспечить полную ликвидацию последствий (Директива ЕС 2013/30/ЕС, имплементированная в норвежское право) [5].

В США действует смешанный режим: платформа рассматривается как судно (MODU) при транзите и как сооружение при бурении. Базовый лимит ответственности по Закону о загрязнении нефтью 1990 г. (Oil Pollution Act, OPA 1990) был установлен в $75 млн., однако с учетом обязательной инфляционной индексации, проведенной Бюро управления энергетикой океана (BOEM), с 14 апреля 2023 г. лимит для офшорных сооружений составляет $ 167,8 млн. Сумма может быть превышена при грубой неосторожности или нарушении федеральных стандартов безопасности. Канада уполномочена требовать финансовое обеспечение в размере до 1 млрд. CAD (Arctic Waters Pollution Prevention Act), однако это не жесткий лимит ответственности, а максимальная сумма обеспечения, которая может быть запрошена. Взаимное признание сертификатов между Россией и западными государствами отсутствует.

Дисбаланс в регулировании добычи энергоносителей в Арктике создает риски переноса операций в юрисдикции с менее строгим международным и национальным контролем.

3. Международно-правовая специфика реализации коллизионных норм при трансграничном загрязнении платформы «Montara»

Для иллюстрации реальных правовых коллизий при трансграничном загрязнении с платформы показателен кейс «Montara». В августе 2009 г. на австралийской платформе Montara Wellhead Platform (оператор PTTEP Ausralasia) в Тиморском море произошел неконтролируемый выброс нефти и газа. Утечка продолжалась 74 дня, загрязнение затронуло морские воды Индонезии, что породило трансграничный спор.

Ключевые правовые последствия:

1) *отсутствие эффективного механизма компенсации.*

Индонезия не смогла получить адекватное возмещение ущерба, несмотря на дипломатические переговоры. Австралийская комиссия по расследованию (Montara Commission of Inquiry, 2010) выявила многочисленные нарушения в системе управления безопасностью, включая:

- недостаточный контроль за давлением в скважине;
- отсутствие аварийного оборудования для локализации разлива в открытом море.

В отчете комиссии прямо указано: «существующая правовая база не предусматривает механизмов трансграничной ответственности для подобных инцидентов».

2) *юрисдикционная неопределенность и длительные разбирательства.*

19 марта 2021 г. Федеральный суд Австралии вынес решение по коллективному иску индонезийских рыбаков и фермеров против оператора платформы PTTEP (дело Budi dan Lain-lain v. PTTEP Australasia). Суд признал компанию PTTEP виновной в причинении ущерба морской среде и средствам существования истцов из-за разлива нефти в 2009 г. Судья Дэвид Йейтс постановил выплатить истцу Санде компенсацию в размере почти 253 млн. индонезийских рупий плюс проценты за потерянный доход. Суд также применил скидку 40% из-за неопределенности в точном доходе истца и установил, что потери дохода не было в 2013 г. Решение суда открыло путь для компенсации более чем 15000 индонезийских фермеров. Проблема была не в размере лимита, а в отсутствии механизм трансграничных выплат и в сложности доказывания ущерба для иностранного государства;

3) сравнение с Deepwater Horizon. В отличие от ситуации вокруг «Montara», в США после аварии на платформе Deepwater Horizon (2010 г.) сработал комплекс правовых механизмов, позволивший обеспечить компенсацию ущерба:

1. Oil Pollution Act 1990 г. (OPA 1990) установил:

- фонд ответственности за разливы нефти (Oil Spill Liability Trust Fund) с лимитом $1 млрд. на инцидент;
- обязанность оператора иметь финансовое обеспечение (страхование или гарантию) для покрытия ущерба;
- полномочия NOAA и USCG по координации ликвидации разлива и оценке ущерба.

2. Административное давление: в мае 2010 г. президент США Б.Обама потребовал от BP создать компенсационный фонд (Gulf Coast Claims Facility) объемом $20 млрд. для выплат пострадавшим.

3. Судебное урегулирование: в 2012 – 2016 гг. BP включила соглашение с федеральным представительством и штатами на более чем на $18 млрд., включая компенсации, финансирование восстановления экосистем и штрафы.

Ключевое отличие: в США действовал универсальный механизм (OPA 1990 г.), который четко определял ответственных, гарантировал наличие средств и позволял быстро запустить выплаты. В случае «Montara» такой механизм отсутствовал – это привело к 12-летнему спору и отсутствию адекватной компенсации для Индонезии.

Арктические риски: почему ситуация может быть хуже.

В Арктике последствия аналогичной аварии будут усугублены следующими факторами:

1) короткий навигационный сезон (2-4 месяца) ограничивает возможности для ликвидации разлива. По данным WWF (2025 г.), задержка в реагировании на 1 месяц увеличивает площадь загрязнения на 30-50% из-за дрейфа льдов [6];

2) хрупкость экосистем. По оценкам AMAP (2024 г.), восстановление морских биоценозов в Арктике после нефтяного загрязнения занимает в 2-3 дольше, чем в умеренных широтах [4];

3) ограниченная инфраструктура. В отличие от Тимороского моря, в российской и канадской Арктике отсутствуют специализированные центры реагирования. «С учетом плана развития грузопотока по Северному морскому пути МЧС России сейчас развивает аварийно-спасательную инфраструктуру в Арктической зоне России. И если в западной части АЗРФ созданы и успешно выполняют задачи арктические центры МЧС в Архангельске, Мурманске, Нарьян-Маре, Воркуте и Дудинке, то в восточной части Российской Арктики подразделения МЧС до настоящего времени не базировались, что делает невозможным оперативное приближение техники»;

4) сложности мониторинга. Лед и полярные ночи затрудняют обнаружение разливов. По данным Роскосмоса, спутниковый мониторинг в Арктике имеет «слепые зоны» в 15-20% акватории в зимний период.

Таким образом, кейс «Montara» демонстрирует, что при отсутствии универсального международного договора двусторонние механизмы (между Австралией и Индонезией) оказались неэффективными и крайне медленными. Для Арктики, где действуют несколько прибрежных государств и заинтересованные неарктические страны (Китай, Индия, Сингапур), такой сценарий неприемлем. Необходим превентивный инструмент – международный региональный страховой фонд, который обеспечит:

1) оперативные выплаты (в течение 30-60 дней);
2) покрытие трансграничного ущерба;
3) финансирование ликвидации в условиях короткого сезона.

4. Международно-правовые особенности создания международно-правового арктического объединения

Для устранения пробела в регулировании трансграничных разливов нефти с буровых платформ в Арктике предлагается создать Международный страховой фонд – добровольное объединение операторов платформ, страховщиков и прибрежных государств. В отличие от британской системы OPOL международный страховой фонд должен предусматривать создание общего резервного фонда специально для ликвидации последствий аварийв арктическом регионе [6].

Ключевые параметры модели:

1. Учредители и форма: межправительственная организация (объединение), создаваемая на основе многостороннего международного договора открытого для присоединений всех арктических государств (Российская Федерация, Норвегия, Канада, США, Дания) и неарктических государств (Китай, Индия, Сингапур). Площадка

для переговоров – Арктический экономический совет. Фонд обладает международной правосубъектностью как межправительственная организация. Каждое государство-участник должно иметь право выступать стороной в международных судебных процессах (по аналогии с IOPC Funds).

2. Финансирование:

- взносы операторов – 0,5-1,5% от стоимости ликвидации максимального предполагаемого разлива (по аналогии с Директивой ЕС 2013/30/);

- сниженный тариф для проектов с высоким ледовым классом (стимулирование международной безопасности);

- дополнительные взносы от прибрежных государств (софинансирование международного резервного фонда);

- возможность привлечения средств из иных международных источников (гранты, климатические фонды).

3. Управление:

- ассамблея государств-участников – высший орган, определяющий стратегию и утверждающий бюджет;

- исполнительный совет – орган оперативного управления, состоящий из представителей государств-участников (с правом решающего голоса) и операторов/ страховщиков (с правом совещательного голоса). Решения принимаются квалифицированным большинством (2/3 голосов).

- независимый администратор (например, Российский фонд технологического развития) ведет учет взносов и выплат.

4. Условия выплат (при трансграничном загрязнении):

- ущерб превышает национальный лимит ответственности оператора;

- национальный страховщик не покрывает полную сумму ликвидации;

- есть официальный запрос от пострадавшего государства;

- решение о выплате принимает исполнительный совет на основании заключения независимой экспертной комиссии;

- предел выплаты – $500 млн. на один инцидент (дополняет индивидуальное страхование оператора).

5. Взаимодействие с существующими механизмами: Фонд взаимодействует с IOPC Funds на основе меморандумов о взаимопонимании, избегая дублирования выплат. При этом он закрывает специфический пробел – разливы с платформ в рабочем режиме, которые не покрываются IOPC.

Преимущества международно-правовой модели:

1) оперативность: решение о выплатах – в течение 30-60 дней (кейсе «Montara» - выплаты были обеспечены через 12 лет);

2) равноправное распределение компенсаций: затраты распределяются между операторами, снижая нагрузку на национальные бюджеты;

3) стимулирование обеспечения международной безопасности: пониженные тарифы для операторов с лучшими показателями;

4) реализуемость: создание указанной межправительственная организация возможно на основе многостороннего международного договора без изменений Международной конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) 1982 г.

Заключение

1. Международные экологические и деликтные риски в Арктике увеличиваются из-за фрагментарного применения МАРПОЛ, Полярного кодекса и отсутствия универсальной конвенции об ответственности за загрязнение морской среды в Арктике. Дисбаланс лимитов и требований к финансовому обеспечению в Арктике создает риски недостаточной международной компенсации ущерба при трансграничных авариях: (В Российской Федерации максимальная страховая сумма 9,75 млрд. руб. (около $75 млн. по курсу доллара США 2026 г.) В США с 2023 г. действует индексированный лимит в $167,8 млн.; тогда как Норвегия требует безлимитной ответственности, подкрепленной крупным финансовым обеспечением (вплоть до $ 1 млрд.).

2. Судебный кейс «Montara» (2009-2021) наглядно демонстрирует, что при отсутствии превентивного международного механизма трансграничные споры длятся годами, а пострадавшее государство не получает своевременной компенсации ущерба морской среде в Арктике.

3. В качестве основного международно-правового механизма минимизации рисков авторы впервые предлагают международную модель Арктического международного страхового фонда – межправительственной организации, учреждаемой на основе многостороннего международного договора, открытого для присоединения всех заинтересованных государств. Фонд обеспечит выплаты до $500 млн. за инцидент, дополнит национальные страховки и сократит время компенсации ущерба морской среде (30-60 дней).

Литература

1. Белоусова Т.А., Фисенко А. Проблемы и перспективы страхования рисков транспортировки по Северному морскому пути // Креативная экономика. – 2025. – № 3.

2. Боклан Д.С. Международное экологическое право и международные экономические отношения. – М.: Магистр, 2025. – 272 с.

3. Российский морской регистр судоходства. Правила классификации и постройки морских стационарных и плавучих буровых установок. – СПб.: Российский морской регистр судоходства, 2025. – 450 с.

4. AMAP (Arctic Monitoring and Assessment Programme) «Ecological Recovery Post-Spill» – 2024. – 120 p.

5. Svendsen K. Liability and Compensation for Offshore Oil Pollution Damage in the Arctic: Comparing Norwegian an Russian Law. – Brill/ Nijhoff. – 2024.

6. WWF Arctic Programme Report «Oil Spills in Ice-Covered Waters: Response Challenges». – 2025. – 78 p.

International legal regulation of floating platform operation

Mishalchenko M.Yu., Edlichko P.A.

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg State Marine Technical University

The article analyzes the theoretical and applied aspects of the legal regulation of the operation of floating oil and gas platforms in the Arctic:the applicability of MARPOL environmental standards and the Polar Code, gapsin civil liability for transboundary damage.

The methodological basis of the research includes comparative legal analysis, a systematic approach, and a method of legal modeling. Basedon a comparative analysis, significant discrepancies were identified in liability limits, requirements for ice reinforcements and certification procedures. In the context of geopolitical fragmentation (2022-2026), the impossibility of universal harmonization is justified.

The scientific novelty lies in the development of realistic risk minimization mechanisms: using the potential of IACS, national implementation of international standards, as well as a detailed international model of an international insurance fund to cover transboundary pollution, based on an analysis of the Montara case (2019).

Keywords: IMO, MARPOL, Polar Code, Arctic, floating platforms, international liability, international insurance, international insurance fund, Montara case.

References

1. Belousova T.A., Fisenko A. Problems and prospects of insurance of transportation risks along the Northern Sea Route // Creative Economy. – 2025. – № 3.
2. Boklan D.S. International environmental law and international economic relations. – M.: Magister, 2025. – 272 p.
3. Russian Maritime Register of Shipping. Rules for the Classification and Construction of Offshore Fixed and Floating Drilling Units. – St. Petersburg: Russian Maritime Register of Shipping, 2025. – 450 p.
4. AMAP (Arctic Monitoring and Assessment Programme) «Ecological Recovery Post-Spill» – 2024. – 120 p.
5. Svendsen K. Liability and Compensation for Offshore Oil Pollution Damage in the Arctic: Comparing Norwegian and Russian Law. – Brill/Nijhoff. – 2024.
6. WWF Arctic Programme Report «Oil Spills in Ice-Covered Waters: Response Challenges». – 2025. – 78 p.

Правовой статус кибуца: историко-правовой анализ эволюции от квази-правовой общины к кооперативному поселению

Малыхин Денис Константинович
магистр, аспирант, кафедра Теории Государства и Права, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, denismalykhin1@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена уникальностью кибуца как организационно-правовой модели, изначально существовавшей вне традиционных правовых категорий и прошедшей путь от неформальной общины до признанного государством юридического лица. Целью статьи является выявление закономерностей эволюции правового статуса кибуца на протяжении XX — начала XXI веков. Методологическую основу составили историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В результате исследования установлено, что трансформация кибуца отражает общие механизмы адаптации правовой системы к радикальным социальным инновациям и демонстрирует неизбежный конфликт между коллективными принципами и индивидуальными правами.
Ключевые слова: кибуц, кооперативное право, правовой плюрализм, юридическое лицо, Таканон, земельное право Израиля, историко-правовой анализ.

История кибуца начинается с вопроса, который не потерял актуальности и сегодня: может ли сообщество людей жить по собственным законам, не вписываясь в существующие правовые рамки? Кибуц возник более века назад как радикальный социальный эксперимент сионистских пионеров — выходцев из Восточной Европы, вдохновлённых одновременно социалистическими идеями, национальным возрождением и утопическими представлениями о справедливом общежитии. Эти люди приехали в Палестину, чтобы не просто обрабатывать землю, но создать принципиально новый тип человеческого общежития, основанный на полном равенстве, общей собственности и прямом самоуправлении.

С точки зрения юридической науки кибуц представляет собой исключительный интерес. Он возник и долгое время существовал в условиях, которые можно назвать правовым вакуумом: ни османское, ни мандатное, ни — на первых порах — израильское законодательство не предусматривало адекватной правовой формы для подобного образования. Кибуц создал свою собственную нормативную систему — «Таканон», — которая на десятилетия опередила любое государственное регулирование и фактически выполняла функции конституции, гражданского и трудового кодекса одновременно.

Актуальность обращения к этой теме определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, кибуц позволяет проследить, как право взаимодействует с радикальными социальными инновациями: каким образом государство сначала игнорирует, затем терпит, потом пытается регулировать и, наконец, законодательно закрепляет то, что изначально казалось несовместимым с классическими правовыми категориями. Во-вторых, опыт кибуца имеет практическую ценность для современных дискуссий о формах коллективной организации — кооперативах, социальных предприятиях, общинных объединениях, — которые и сегодня ищут своё место в правовом поле. В-третьих, в отечественной науке кибуц изучался преимущественно историками, социологами и политологами; специализированных юридических исследований, рассматривающих его как продукт и субъект права, на русском языке практически нет.

Цель настоящей работы — выявить историко-правовые закономерности становления и трансформации правового статуса кибуца. Для её достижения необходимо решить несколько задач: проследить генезис правовой модели кибуца в условиях отсутствия адекватного законодательства; проанализировать механизмы его институционализации в период Британского мандата; выявить причины и правовые последствия кризиса коллективной модели во второй половине XX века; охарактеризовать содержание и значение реформы 2005 года.

Работа построена на сочетании нескольких методологических подходов, каждый из которых позволяет раскрыть определённый аспект темы. Историко-правовой метод является основным: он даёт возможность проследить, как менялся правовой статус кибуца на протяжении более чем столетней истории, какие правовые формы сменяли друг друга и чем были обусловлены эти переходы. Без хронологической последовательности здесь не обойтись, поскольку каждый этап — османский, мандатный, израильский — характеризуется своим особым соотношением внутреннего и внешнего регулирования.

Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления различных моделей кибуцев, сложившихся к началу XXI века, а также для выявления общего и особенного в правовом регулировании коллективных форм хозяйствования в разных правовых системах. Формально-юридический метод использован при анализе конкретных нормативных актов — от османского Земельного кодекса 1858 года до израильского Закона о кооперативных поселениях 2005 года, — а также при изучении внутренних уставов кибуцев и судебных решений.

Эмпирическую базу исследования составили законодательные акты трёх правовых режимов (османского, мандатного и израильского), внутренние нормативные документы кибуцев разных периодов, судебная практика Верховного суда Израиля, а также статистические и аналитические материалы, отражающие динамику развития кибуцкого движения.

Результаты оригинального авторского исследования

Проведённый анализ позволяет выделить четыре этапа правовой эволюции кибуца. Каждый из них характеризуется особым соотношением внутреннего нормотворчества и внешнего государственного регулирования, и вместе они образуют связную картину постепенной интеграции радикального социального эксперимента в правовое поле.

Первый этап: существование в правовом вакууме (1909–1948)

Первые пионерские группы, которые называли себя «квуцот» (от ивритского «квуца» — группа), начали возникать в Палестине в первые годы XX века. Дгания, основанная в 1909 году, считается первым таким поселением. Юридически эти группы представляли собой нечто странное: они не были ни коммерческими товариществами, ни благотворительными организациями, ни религиозными общинами. Османское право, действовавшее на территории Палестины до 1917 года, просто не знало такой формы. Гражданский кодекс «Маджалла», составленный в 1869 году на основе шариата и французских коммерческих законов, регулировал товарищества (ширкат), но только те, которые создавались для извлечения прибыли. Квуца же изначально отвергала саму идею прибыли как цели совместной деятельности.

Возникала парадоксальная ситуация: люди жили вместе, обрабатывали общую землю, делили доходы и расходы — но с точки зрения закона их объединение не существовало. Каждый член квуцы оставался отдельным физическим лицом, и любые сделки с внешним миром приходилось заключать от имени конкретного человека. Это создавало массу практических проблем: невозможно было открыть счёт в банке на имя группы, нельзя было зарегистрировать землю на коллектив, трудно было защищать общие интересы в суде.

В этих условиях вся жизнь общины регулировалась тем, что сами участники называли «Таканон» — совокупность правил, выработанных общим собранием. Таканон не был записан в виде единого документа; скорее, это была живая традиция, набор прецедентов и договорённостей, которые передавались из поколения в поколение. Он охватывал всё: как распределяются работы, как принимаются новые члены, как решаются споры, как воспитываются дети. Санкции за нарушение были не юридическими, а моральными — вплоть до исключения из общины, что в условиях полной экономической зависимости человека от коллектива означало практически полное жизненное крушение.

Ключевой правовой особенностью этого этапа стал отказ от двух фундаментальных институтов, привычных для европейского права. Первый — частная собственность. Член кибуца не имел и не мог иметь никакой доли в общем имуществе: ни в земле, ни в постройках, ни в технике. Его права носили сугубо личный характер и исчезали при выходе. Второй — трудовой договор. Отношения между членом и общиной не могли быть квалифицированы как трудовые, поскольку отсутствовали ключевые признаки: зарплата и подчинение работодателю. Труд воспринимался не как правовая обязанность, а как моральный долг и способ самореализации.

Интересно, что эта модель, при всей её радикальности, не была полностью изолирована от внешнего права. Земля, на которой располагались квуцот, обычно приобреталась не самими поселенцами, а сионистскими организациями — Палестинским бюро, Еврейским национальным фондом. Эти структуры выступали формальными владельцами или арендаторами, а поселенцам передавали землю в пользование на условиях, которые не имели чёткой юридической формы. Так возникла уникальная система, при которой реальные права кибуца на землю основывались не на формальном титуле, а на доверительных отношениях с политическим покровителем — сионистским движением.

Второй этап: первые шаги к правовому признанию (1933–1948)

Ситуация начала меняться с установлением британского мандата. Английская администрация принесла с собой англосаксонскую правовую традицию, включая развитое корпоративное право. В 1933 году был принят Закон о кооперативных обществах, который впервые дал кибуцам возможность получить статус юридического лица. Это был прорыв: теперь кибуц мог от своего имени владеть имуществом, заключать договоры, выступать в суде.

Однако кооперативная форма подходила кибуцу лишь отчасти. Классический кооператив — это объединение людей для совместной хозяйственной деятельности, основанное на паевых взносах и распределении прибыли пропорционально участию. Кибуц же строился на прямо противоположных принципах: никаких паёв, никакой прибыли, никакого пропорционального распределения. Возник правовой гибрид: формально — кооператив, зарегистрированный по британскому закону, фактически — община, живущая по собственному Таканону. Государство как бы говорило: «Хорошо, я признаю вас юридическим лицом, но в ваши внутренние дела не вмешиваюсь». Эта двусмысленность сохранялась десятилетиями и во многом определила дальнейшую траекторию развития кибуцкого права.

Третий этап: кризис коллективной модели (1948–2000)

После образования Государства Израиль в 1948 году кибуцы оказались в привилегированном положении. Они рассматривались как важнейший элемент национального строительства: кибуцники осваивали землю, занимались сельским хозяйством, а в годы войны составляли костяк офицерского корпуса. Государство предоставляло им льготы, кредиты, землю в долгосрочную аренду. Число кибуцев росло, их экономическое положение укреплялось.

Однако с 1980-х годов модель начала давать сбои. Накопились огромные долги: кибуцы брали кредиты на развитие, но не смогли их обслуживать в условиях экономического кризиса. Молодёжь всё чаще уезжала в города, не желая мириться с уравнительным распределением и отсутствием личных перспектив. Но самое главное — изменилось правосознание самих членов. Люди, выросшие в кибуце, стали задавать вопросы: почему я не могу получить компенсацию за свой труд? Почему я не имею доли в имуществе, которое создавал десятилетиями? Почему при выходе я остаюсь ни с чем?

Эти вопросы нашли отражение в судебной практике. Верховный суд Израиля (БАГАЦ) во всё большем числе дел вставал на сторону индивида, указывая, что коллективные принципы не могут служить оправданием для нарушения базовых прав человека. Постепенно формировалась новая правовая реальность: кибуц больше не мог рассматриваться как закрытая система, живущая по своим законам. Государство, в лице судов, всё активнее вмешивалось в его внутренние дела, защищая права отдельных членов.

Это был глубокий конфликт, который невозможно было разрешить в рамках старой модели. Требовалось новое законодательство, которое бы, с одной стороны, сохранила автономию кибуцев, а с другой — гарантировало бы базовые права их членов.

Четвёртый этап: законодательное закрепление дифференцированных моделей (с 2005 года)

Кульминацией трансформации стало принятие в 2005 году Закона о кооперативных поселениях. Этот закон впервые на законодательном уровне признал, что кибуц — не единая модель, а спектр различных форм, и каждая община вправе выбрать ту, которая соответствует её представлениям о справедливости и эффективности.

Закон закрепил несколько базовых моделей. Классический кибуц сохраняет принцип полного равенства и общей собственности — это то, что принято называть «коллективным кибуцем». Обновлённый кибуц вводит дифференцированную оплату труда: члены получают разное вознаграждение в зависимости от вклада, хотя часть доходов по-прежнему идёт в общий фонд. Городской кибуц распространяет принципы коллективной жизни на городскую среду. Смешанные формы сочетают элементы разных моделей.

Но главное — закон урегулировал вопросы, которые десятилетиями оставались в тени: членство, выход, наследование, распределение имущества. Впервые была законодательно признана возможность получения членом материальной компенсации при выходе из кибуца. Это означало окончательный отказ от исходного принципа полного отрицания индивидуальных имущественных прав.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько выводов, которые выходят за рамки собственно кибуцкой темы и касаются более общих вопросов взаимодействия права и общества.

Первый вывод состоит в том, что сложные социальные образования могут длительное время существовать в условиях правового вакуума — при условии, что у них есть эффективная внутренняя нормативная система и высокая степень мотивации участников. Кибуц — не единственный пример такого рода, но, пожалуй, один из наиболее изученных и долгоживущих. Таканон, созданный первыми поселенцами, оказался на удивление устойчивым: он регулировал жизнь общин на протяжении десятилетий, пока государство не начало активно вмешиваться в их дела.

Второй вывод касается механизмов интеграции радикальных инноваций в правовое поле. Этот процесс никогда не бывает гладким: он включает этапы игнорирования, терпимости, конфликта и, наконец, законодательного компромисса. Каждый этап сопровождается утратой частью исходных принципов. Кибуц прошёл этот путь в полном объёме: от полного отрицания частной собственности до признания права на компенсацию при выходе.

Третий вывод связан с ролью судебной практики. Именно суды, а не законодатель, стали тем институтом, который первым отреагировал на изменение общественных представлений о справедливости. Верховный суд Израиля, рассматривая иски членов кибуцев, постепенно сформировал новую правовую реальность, в которой коллективные принципы не могут служить оправданием для нарушения индивидуальных прав. Законодатель лишь закрепил то, что уже было создано судебной практикой.

Наконец, четвёртый вывод имеет практическое значение. Опыт кибуца показывает, что правовое регулирование коллективных форм организации — будь то кооперативы, социальные предприятия или общинные объединения — требует гибкости. Нельзя навязать всем единую модель; необходимо предусмотреть возможность выбора и сочетания различных принципов. Израильский Закон о кооперативных поселениях 2005 года именно так и устроен: он не диктует, каким должен быть кибуц, а лишь очерчивает рамки, в которых община может определять свою судьбу.

Научная проблема, решённая в рамках исследования, состоит в выявлении закономерностей взаимодействия правовой системы с радикальными социальными инновациями. Материалы работы могут быть использованы при разработке правовых механизмов регулирования современных форм коллективного предпринимательства, а также в учебном процессе при преподавании курсов истории права, сравнительного правоведения и кооперативного права.

Литература

1. Закон о кооперативных обществах Государства Израиль (с поправками) [Электронный ресурс] // Кнессет. – 1933 (с изм.). – URL: https://www.nevo.co.il/law_html/law01/002_001.htm (дата обращения: 12.08.2026).
2. Near H. Where Community Happens. The Kibbutz and the Philosophy of Communalism [Электронный ресурс] // International academic Publishers, Bern 2011. – URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/f8f76044-ff7d-4f0c-a086-d2d48f9b5ce0/650075.pdf (дата обращения: 13.08.2026).
3. Gavron D. The Kibbutz: Awakening from Utopia [Электронный ресурс] // Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. – URL: https://www.solidaridadobrera.org/ateneo_nacho/libros/Daniel%20Gavron%20-%20The%20kibbutz.%20Awakening%20from%20utopia.pdf (дата обращения: 13.08.2026).
4. R. Russell, R. Hanneman, S. Getz. Renewal of the Kibbutz [Электронный ресурс] // Rutgers University Press, New Brunswick, New Jersey, and London 2013. – URL: https://www.rahs-open-lid.com/wp-content/uploads/2024/01/Russell-Raymond-Robert-Hanneman-and-Shlomo-Getz-The-Renewal-of-the-Kibbutz_-From-Reform-to-Transformation-Rutgers-University-Press-2013.pdf (дата обращения: 17.08.2026).
5. Решения Верховного суда Израиля (БАГАЦ) по делам о правах членов кибуцев [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда Израиля. – URL: https://supreme.court.gov.il/sites/en/Pages/home.aspx (дата обращения: 18.08.2026).

The legal status of the kibbutz: a historical and legal analysis of evolution from a quasi legal community to a cooperative settlement

Malykhin D.K.

Dostoevsky Omsk State University

The relevance of the study is due to the uniqueness of the kibbutz as an organizational and legal model that initially existed outside traditional legal categories and passed the path from an informal community to a state-recognized legal entity. The purpose of the article is to identify the patterns of evolution of the legal status of the kibbutz during the 20th – early 21st centuries. The methodological basis was formed by historical-legal, comparative-legal and formal-legal methods. As a result of the study, it was found that the transformation of the kibbutz reflects the general mechanisms of adaptation of the legal system to radical social innovations and demonstrates the inevitable conflict between collective principles and individual rights.

Keywords: kibbutz, cooperative law, legal pluralism, legal entity, Takanon, Israeli land law, historical and legal analysis.

References

1. The Cooperative Societies Law of the State of Israel (as amended) [Electronic resource] // Knesset. - 1933 (as amended). - URL: https://www.nevo.co.il/law_html/law01/002_001.htm (accessed: 08/12/2026).
2. Near H. Where Community Happens. The Kibbutz and the Philosophy of Communalism [Electronic resource] // International Academic Publishers, Bern 2011. - URL: https://library.oapen.org/bitstream/id/f8f76044-ff7d-4f0c-a086-d2d48f9b5ce0/650075.pdf (accessed: 08/13/2026).
3. Gavron D. The Kibbutz: Awakening from Utopia [Electronic resource] // Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. – URL: https://www.solidaridadobrera.org/ateneo_nacho/libros/Daniel%20Gavron%20-%20The%20kibbutz.%20Awakening%20from%20utopia.pdf (accessed: 08/13/2026).
4. R. Russell, R. Hanneman, S. Getz. Renewal of the Kibbutz [Electronic resource] // Rutgers University Press, New Brunswick, New Jersey, and London 2013. URL: https://www.rahs-open-lid.com/wp-content/uploads/2024/01/Russell-Raymond-Robert-Hanneman-and-Shlomo-Getz-The-Renewal-of-the-Kibbutz_-From-Reform-to-Transformation-Rutgers-University-Press-2013.pdf (accessed: 08/17/2026).
5. Decisions of the Supreme Court of Israel (BAGATS) in cases concerning the rights of kibbutz members [Electronic resource] // Official website of the Supreme Court of Israel. – URL: https://supreme.court.gov.il/sites/en/Pages/home.aspx (accessed: 08/18/2026).

Роль европейского частноправового наследия в становлении национальных правовых систем Азии

Миронов Василий Андреевич
аспирант, Высшая школа правоведения, Институт государственной службы и управления Президентской Академии, vamir0n@yandex.ru

Статья посвящена тому, как европейские частноправовые конструкции становились элементами национального права Японии, Китая, Республики Корея, Индии и Сингапура. Автор опирается на историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы и разграничивает три обстоятельства: происхождение юридического решения, канал его передачи и основание его обязательности в принимающем правопорядке. На материале кодификации, юридического образования и правил применения английского права показано, что рецепция охватывала не только нормы, но и способы их толкования. Национальная самостоятельность, как показывает исследование, совместима с сохранением заимствованных конструкций – при условии, что внутренние институты сами определяют условия их действия и дальнейшего развития; формальное же признание нормы еще не означает ее освоения судебной практикой. Результаты рецепции предлагается оценивать по сочетанию законодательного выбора и самостоятельной юридической аргументации, а не по степени внешнего сходства с европейским образцом.
Ключевые слова: европейское частное право, правовая рецепция, кодификация, правовые заимствования, источники права, добросовестность, Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Сингапур.

При изучении азиатского частного права происхождение юридической конструкции нередко выдают за объяснение ее современного действия, хотя это разные вещи: установить европейские истоки нормы – не то же самое, что выявить основания, по которым ее применяет национальный суд. Г. Тойбнер критиковал саму идею правового заимствования как простого переноса института и показывал, что принимающий правопорядок неизбежно меняет значение полученного правила [11, с. 12]. Применительно к сравнительному исследованию добросовестности это различие принципиально: сходство терминов само по себе не устраняет различий в юридических основаниях их использования.

Цель статьи – определить, какую роль европейское наследие сыграло в формировании национальных способов создания и толкования частного права. Материал ограничен пятью странами – Японией, Китаем, Республикой Корея, Индией и Сингапуром, – и выводы не переносятся автоматически ни на всю Азию, ни на прочие отрасли права этих государств. Становление понимается здесь как формирование современной частноправовой организации, а не как возникновение права там, где его якобы прежде не было. Историко-правовое сравнение дополняется анализом законодательных текстов и научных работ о судебной практике.

Проверяемая гипотеза такова: решающим для национального освоения европейского наследия оказывается не отказ от заимствованных форм, а переход к самостоятельному определению условий их действия. Отсюда и предмет сопоставления – не только кодексы, но и подготовка юристов, посредничество соседних правопорядков, соотношение закона и обычая, пределы авторитета иностранного права.

Европейское частноправовое наследие понимается в статье широко: сюда относятся и континентальные кодификации с цивилистической доктриной, и английское общее право вместе с правом справедливости, но не право Европейского союза. Такой охват дает возможность сопоставлять разные способы рецепции, не сводя «европейское» к кодифицированному праву и не сужая азиатский опыт до выбора между французской и германской моделями.

Для анализа предлагается различать три обстоятельства, которые вполне могут не совпадать между собой: где сформировалось юридическое решение, через какие институты оно передавалось и почему стало обязательным в новой системе. Так, европейская конструкция могла быть освоена через японскую юридическую школу, а обязательность ей впоследствии придал уже национальный кодекс. С. Феррери и Л. ДиМаттео разграничивают прямое заимствование и опосредованное влияние, а применительно к Китаю отмечают передачу германских правовых идей через обучение китайских студентов в Японии [6, с. 52–53] – то есть посредник передавал не нейтральный набор текстов, а уже истолкованное право.

Отсюда методологическое ограничение: европейское происхождение нормы само по себе не наделяет обязательной силой все последующие решения европейского законодателя или суда – речь идет о рецепции, а не о коллизионном применении иностранного права к конкретному отношению. Понятийная связь с первоначальной моделью вполне уживается с изменением оснований, пределов и целей регулирования, а переименование института, наоборот, еще ничего не доказывает о его содержательной самостоятельности.

Японский опыт особенно наглядно показывает, что рецепцию нельзя свести к однократному выбору готового кодекса. П. ван ден Берг связывает кодификацию эпохи Мэйдзи с пересмотром неравноправных договоров и восстановлением полноты национальной юрисдикции, а саму работу над кодексом – со спором о месте обычая и границах законодательного переустройства общества [12, с. 75–76, 82–84]. Заимствование, иначе говоря, преследовало сразу частноправовую и государственно-политическую цели: то, что оно проводилось по инициативе японской власти, не отменяло внешнего давления, но и не превращало Японию в колониального адресата европейского законодательства.

В итоговом варианте соединились французские разработки, германская систематика и местные правовые представления: первые три книги нового Гражданского кодекса приняли в 1896 г., а завершенная кодификация вступила в силу 16 июля 1898 г. [12, с. 84–85].

Формула «рецепция германского кодекса» здесь требует осторожности – японские составители учитывали германский проект, но не воспроизводили уже действовавшее в Германии уложение как таковое. Важнее самого перечня заимствований то, что национальный законодатель сравнивал между собой несколько решений и сам определял их место в собственной системе.

Не менее важен период, предшествовавший завершению кодификации. Декрет № 103 от 8 июня 1875 г. предписывал разрешать гражданские споры на основании закона, а при его недостаточности – обычая и разума. В. Б. Романовская и В. В. Пужаев показывают, что обращение к разуму позволяло вводить в судебное рассуждение французские правовые положения и проект Г. Буассонада, чему способствовали переводы и обучение будущих судей [4, с. 21, 23, 25–26]. То есть иностранная доктрина могла влиять на решение суда еще до того, как соответствующие положения превращались в действующий национальный закон.

Этот эпизод хорошо различает нормативную и профессиональную стороны рецепции: проект, так и не ставший законом, вовсе не обязательно оставался без последствий, поскольку подготовленный юрист мог использовать его как источник аргументов, – но это использование не делало иностранный текст обязательным автоматически. Его влияние объясняется одновременно и национальными правилами восполнения пробелов, и тем объемом юридических знаний, которым располагал конкретный судья.

Сопоставление Китая и Республики Корея обнаруживает разные последствия регионального посредничества. Для Китая обучение в Японии было одним из каналов знакомства с европейскими конструкциями, но принимать этот канал за исчерпывающее объяснение дальнейшего развития было бы преувеличением [6, с. 53]. Цзяньфу Чэнь описывает китайскую кодификацию как процесс с неоднократными перерывами и меняющимися представлениями о гражданском праве, в том числе под советским влиянием [5, с. 106–109], – а значит, прямая линия от европейского образца XIX в. к Гражданскому кодексу КНР 2020 г. заслоняет собой самостоятельные этапы национального правотворчества.

В кодексе 2020 г. общая часть сочетается с отдельными книгами о вещных правах, договорах, личных неимущественных правах, браке и семье, наследовании и деликтной ответственности, причем пандектная организация материала не помешала собственному решению выделить личные неимущественные права в отдельную книгу – спор вокруг этой книги выходил далеко за пределы законодательной техники [5, с. 105–106, 115–117]. Статья 1 прямо связывает цели кодекса с Конституцией КНР и развитием социализма с китайской спецификой [1, ст. 1], и уже поэтому сходство структуры само по себе не дает права без дополнительной проверки приписывать китайской норме ценностные основания ее европейского прототипа.

Корейская траектория отличалась прежде всего характером первоначального воздействия: японское гражданское законодательство применялось в колониальный период, а после образования Республики Корея за ним последовала уже собственная кодификация, обнародованная 22 февраля 1958 г. и вступившая в силу 1 января 1960 г. Ю. Квон отмечает, что при ее подготовке изучалось законодательство Германии, Швейцарии и Франции и в целом сохранилась пандектная модель построения [9, с. 149–150]. Колониальное введение права и последующий законодательный выбор уже независимого государства – разные по природе события, и объединять их одним понятием добровольного заимствования не стоит.

Сохранение знакомой системы понятий в новом кодексе не означало, следовательно, сохранения прежнего основания ее обязательности: национальный законодатель мог заново отобрать и закрепить конструкции, ранее переданные через колониальную систему, и именно этот повторный выбор объясняет, как преемственность уживается с самостоятельностью. Полную независимость юридической мысли из одного факта принятия собственного кодекса, впрочем, вывести нельзя – для этого потребовалось бы отдельно изучить аргументацию судов и используемую ими доктрину.

Английская линия рецепции не сводилась к простому переносу судебных прецедентов. У. Суэйн, изучив историю подготовки Закона Индии о договорах 1872 г., показывает, что общее право стало материалом для законодательной систематизации и переработки уже в условиях колониального управления [10, с. 3–21]. Само по себе наличие развернутого закона о договорах поэтому еще не признак принадлежности к континентальной правовой семье – значение имеют происхождение используемых конструкций и способы их дальнейшего толкования.

Содержание индийского закона хорошо показывает пределы такого переноса. Статья 1 сохраняет не противоречащие закону торговые обыкновения и обычаи, а в п. (d) ст. 2 встречное удовлетворение (consideration) описано как действие, воздержание или обещание, исходящее по желанию обещающего от адресата обещания либо иного лица [2, ст. 1, п. (d) ст. 2]. Существенно, что заимствованное понятие получило собственное законодательное определение и было встроено в систему, допускающую действие совместимого обычая; вместе с тем возможность предоставления встречного удовлетворения иным лицом не стоит смешивать с отдельным вопросом о праве третьего лица требовать исполнения договора.

Сингапурский Закон о применении английского права 1993 г. напрямую очерчивает границы действия унаследованного права. По ст. 3 английское общее право, включая принципы и нормы права справедливости, сохраняется в той мере, в какой оно было частью сингапурского права непосредственно перед 12 ноября 1993 г., причем его применение обусловлено местными условиями и допускает необходимые изменения; ст. 4 регулирует действие отдельных английских законодательных актов и устанавливает приоритет местного закона при противоречии [3, ст. 3–4]. О запрете дальнейшего развития общего права речи не идет – закон лишь разграничивает унаследованный правовой материал и полномочие национальных институтов определять его действие.

Формальную сторону этого процесса дополняет судебная практика. И. Го и П. Тан, изучив опубликованные решения 1965–2008 гг., зафиксировали усиление обращения к сингапурским источникам в 1990-е гг., хотя и не описывали это как последовательное вытеснение иностранных ссылок – отмечались и признаки дальнейшей интернационализации аргументации [7, с. 215–217]. Эти результаты касаются только изученного периода и не заменяют анализа последующей практики, но позволяют сформулировать более точный критерий самостоятельности: важно не отсутствие иностранных ссылок как таковых, а способность обосновать принятие либо отклонение иностранного решения средствами собственного права.

Показателен и частный пример, напрямую связанный с исследованием добросовестности: в деле HSBC Institutional Trust Services (Singapore) Ltd v Toshin Development Singapore Pte Ltd, разрешенном в 2012 г., Апелляционный суд Сингапура признал действие прямо согласованной оговорки о добросовестных переговорах при пересмотре арендной платы. Как показывает Хан, решающим здесь было наличие уже действующего договора – именно это отличало спор от свободных преддоговорных переговоров [8, с. 323–324], а применение такой оговорки вовсе не равнозначно признанию общей обязанности добросовестности во всех договорах. Самостоятельность в этом примере проявляется через юридическое разграничение ситуаций, а не через декларацию о разрыве с английской традицией.

Сопоставленный материал не выстраивается в последовательность, где все страны проходят одинаковые стадии: японская кодификация, корейский выход из колониальной правовой зависимости, китайская переработка цивилистических конструкций и сингапурское определение пределов английского права решали разные задачи. Объединяет их другое – связь происхождения нормы с ее действием в любом случае опосредуется национальными институтами, а индийский материал дополнительно показывает, что сама по себе законодательная форма принадлежность правовой традиции не определяет.

Национальное освоение предлагается оценивать по двум взаимосвязанным признакам: внутреннему определению юридической силы и пределов применения заимствованного материала и способности профессионального сообщества объяснить его содержание, соотнести с местными источниками и обосновать дальнейшее изменение. Первый признак без второго рискует свестись к формальному переизданию правила, второй без первого может обеспечить доктринальное влияние, но нормативной рецепции еще не доказывает. Это рабочие критерии сравнения, а не универсальная шкала качества законодательства.

Такой подход помогает избежать и противоположной ошибки – считать успешной адаптацией любое отступление от европейского образца, хотя оригинальность решения сама по себе не гарантирует ни определенности регулирования, ни надежности защиты права. Применительно к добросовестности отсюда вытекает конкретное

методологическое требование: сначала устанавливать национальное основание юридической обязанности и лишь затем привлекать иностранную практику как сравнительный аргумент. Историческое родство открывает возможность сопоставления, но не освобождает от необходимости доказать применимость конкретного решения.

Европейское частноправовое наследие участвовало в формировании рассмотренных правопорядков не только через отдельные нормы – оно дало им способы систематизации права, понятийный аппарат и приемы юридического рассуждения. Передавалось это наследие разными путями: через национальные кодификационные проекты, профессиональное обучение, региональное посредничество и колониальное управление, и различия между этими механизмами достаточно существенны, чтобы не позволять изображать рецепцию как единый добровольный процесс.

Проведенное сравнение подтверждает гипотезу о совместимости преемственности и национальной самостоятельности, юридическим выражением которой служит способность внутренних институтов самим определять основания действия полученного материала и направления его дальнейшего развития. Законодательное признание и профессиональное освоение при этом стоит проверять раздельно, поскольку одно другого не доказывает; практически это означает отказ от автоматического переноса европейского толкования в азиатский правопорядок только на основании общего происхождения нормы. Европейское наследие в этом свете – не сохраняющий обязательность внешний образец, а исторически освоенный ресурс национального частноправового развития.

Литература

1. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики : принят 28 мая 2020 г. : пер. на англ. яз. // The State Council of the People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/202012/31/content_WS5fedad98c6d0f72576943005.html (дата обращения: 06.09.2026).
2. Закон Индии о договорах (Indian Contract Act, 1872) : Act No. 9 of 1872, 25 April 1872 // India Code. – URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2187/2/A187209.pdf (дата обращения: 06.09.2026).
3. Закон Сингапура о применении английского права (Application of English Law Act 1993) : Act 35 of 1993 // Singapore Statutes Online. – URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/AELA1993 (дата обращения: 06.09.2026).
4. Романовская, В. Б. Обычай и разум как источники японского права в эпоху Мэйдзи / В. Б. Романовская, В. В. Пужаев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 19–29. – DOI: 10.36511/2078-5356-2020-4-19-29.
5. Chen, J. The Chinese Civil Code: A Landmark Law amid Some Great Pitfalls in Codification / J. Chen // SCCL Publications. – 2025. – No. 45 : Stockholm Centre for Commercial Law Årsbok XVI. – P. 105–134. – URL: https://publications.sccl.se/sccl/article/view/600 (дата обращения: 06.09.2026).
6. Ferreri, S. Terminology Matters: Dangers of Superficial Transplantation / S. Ferreri, L. A. DiMatteo // Boston University International Law Journal. – 2019. – Vol. 37, no. 1. – P. 35–87.
7. Goh, Y. An Empirical Study on the Development of Singapore Law / Y. Goh, P. Tan // Singapore Academy of Law Journal. – 2011. – Vol. 23. – P. 176–226.
8. Han, Y. Q. When West Meets East: Thinking Big in Singapore over Good Faith in Commercial Contract Law / Y. Q. Han // Journal of Commonwealth Law. – 2019. – Vol. 1. – P. 317–362.
9. Kwon, Y. Understanding Contract Law in Korea / Y. Kwon // Journal of Korean Law. – 2023. – Vol. 22, no. 1. – P. 149–177. – DOI: 10.23110/jkl.2023.22.1.005.
10. Swain, W. History and Drafting of the Indian Contract Act 1872 / W. Swain // Foundations of Indian Contract Law / ed. by K. V. Krishnaprasad, N. Venkatesan, S. Swaminathan, U. Varottil. – Oxford : Oxford University Press, 2024. – P. 3–21. – DOI: 10.1093/9780191997211.003.0001.
11. Teubner, G. Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unifying Law Ends Up in New Divergences / G. Teubner // The Modern Law Review. – 1998. – Vol. 61, no. 1. – P. 11–32. – DOI: 10.1111/1468-2230.00125.
12. Van den Berg, P. A. J. Politics of Codification in Meiji Japan (1868–1912): Comparative Perspective of Position of Customary Law in Japanese Civil Code / P. A. J. van den Berg // Osaka University Law Review. – 2018. – No. 65. – P. 69–88.

The Role of European Private Law Heritage in the Formation of National Legal Systems in Asia

Mironov V.A.

The Russian Presidential Academy

This article looks at how European private law concepts became part of the national laws of Japan, China, the Republic of Korea, India and Singapore. Combining legal-historical, comparative and doctrinal methods, the analysis separates three elements: the origin of a legal solution, its channel of transmission and the basis of its binding force in the receiving jurisdiction. Drawing on codification, legal education and the rules governing the application of English law, the study shows that reception involved interpretive practice as well as legal rules themselves. National autonomy, it argues, is compatible with retaining borrowed concepts, provided domestic institutions determine their applicability and further development on their own terms; formal recognition of a rule, however, does not by itself show that it has taken root in judicial practice. Reception is accordingly assessed through the combination of legislative choice and independent legal reasoning, rather than through outward resemblance to a European model.

Keywords: European private law, legal reception, codification, legal borrowing, sources of law, good faith, Japan, China, Republic of Korea, India; Singapore.

References

1. Civil Code of the People's Republic of China: adopted on May 28, 2020: English translation // The State Council of the People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/202012/31/content_WS5fedad98c6d0f72576943005.html (accessed: 06.09.2026).
2. Indian Contract Act, 1872: Act No. 9 of 1872, 25 April 1872 // India Code. – URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2187/2/A187209.pdf (accessed: 06.09.2026).
3. Application of English Law Act 1993 (Singapore): Act 35 of 1993 // Singapore Statutes Online. – URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/AELA1993 (accessed: 06.09.2026).
4. Romanovskaya, V. B. Custom and Reason as Sources of Japanese Law in the Meiji Era / V. B. Romanovskaya, V. V. Puzhaev // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 4 (52). – pp. 19–29. – DOI: 10.36511/2078-5356-2020-4-19-29.
5. Chen, J. The Chinese Civil Code: A Landmark Law amid Some Great Pitfalls in Codification / J. Chen // SCCL Publications. – 2025. – No. 45 : Stockholm Center for Commercial Law Årsbok XVI. – P. 105–134. – URL: https://publications.sccl.se/sccl/article/view/600 (access date: 09/06/2026).
6. Ferreri, S. Terminology Matters: Dangers of Superficial Transplantation / S. Ferreri, L. A. DiMatteo // Boston University International Law Jour-nal. – 2019. – Vol. 37, no. 1. – P. 35–87.
7. Goh, Y. An Empirical Study on the Development of Singapore Law / Y. Goh, P. Tan // Singapore Academy of Law Journal. – 2011. – Vol. 23. – P. 176–226.
8. Han, Y. Q. When West Meets East: Thinking Big in Singapore over Good Faith in Commercial Contract Law / Y. Q. Han // Journal of Common-wealth Law. – 2019. – Vol. 1. – P. 317–362.
9. Kwon, Y. Understanding Contract Law in Korea / Y. Kwon // Journal of Korean Law. – 2023. – Vol. 22, no. 1. – P. 149–177. – DOI: 10.23110/jkl.2023.22.1.005.
10. Swain, W. History and Drafting of the Indian Contract Act 1872 / W. Swain // Foundations of Indian Contract Law / ed. by K. V. Krishnaprasad, N. Venkatesan, S. Swaminathan, U. Varottil. – Oxford: Oxford University Press, 2024. – P. 3–21. – DOI: 10.1093/9780191997211.003.0001.
11. Teubner, G. Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unify-ing Law Ends Up in New Divergences / G. Teubner // The Modern Law Re-view. – 1998. – Vol. 61, no. 1. – P. 11–32. – DOI: 10.1111/1468-2230.00125.
12. Van den Berg, P. A. J. Politics of Codification in Meiji Japan (1868–1912): Comparative Perspective of Position of Customary Law in Japanese Civil Code / P. A. J. van den Berg // Osaka University Law Review. – 2018. – No. 65. – P. 69–88.

Криминологическое прогнозирование и планирование противодействия преступности в регионе

Абызов Константин Равилевич
Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Барнаульский юридический институт МВД России,

Титаренко Андрей Павлович
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматривается региональное криминологическое прогнозирование как практическая часть предупреждения преступности. Основной вопрос состоит в том, как связать анализ криминогенной ситуации с конкретными мерами, сроками и показателями результата. Рассмотрены подходы к криминологическому планированию, территориальные различия, требования к исходным данным и способы проверки прогноза. Отдельное внимание уделено региональной практике, виктимологическим рискам и использованию технических систем. Авторы исходят из того, что программа профилактики должна не только фиксировать мероприятия, но и давать возможность проверить, сработали ли они и требуется ли их корректировка.
Ключевые слова: криминологическое прогнозирование, программы по противодействию преступности, региональная преступность.

Криминологическое прогнозирование имеет практический смысл лишь тогда, когда помогает заранее заметить изменение ситуации и скорректировать профилактическую работу. Одной динамики зарегистрированных преступлений для этого мало. Меняются способы их совершения, связи между участниками криминальной деятельности, запрос населения к правоохранительным органам. Причем в разных регионах эти процессы проявляются неодинаково. Поэтому единый набор мер быстро устаревает, а планы приходится пересматривать по мере появления новых данных. Сам подход к плановой борьбе с преступностью не нов: в СССР он активно обсуждался уже в середине 1980-х годов. В. Н. Кудрявцев сформулировал эту мысль предельно ясно: «Преступность – стихийный процесс, но борьба с ней может и должна быть плановой и организованной».

В прикладном смысле криминологическое планирование начинается с изучения самой преступности, ее причин и условий, а также характеристик лиц, склонных к совершению преступлений. Дальше эта работа распадается на несколько связанных действий:

а) Проводится вероятностное прогнозирование криминогенной обстановки на разных уровнях: в стране, регионе, городе, районе.

б) Оцениваются необходимые силы и средства правоохранительных органов или отдельных их подразделений.

в) Разрабатываются меры по предупреждению и пресечению возможных преступных проявлений.

г) Принятые меры реализуются в правоохранительной и профилактической деятельности.

Эти действия связаны между собой. Прогноз показывает, где и какое изменение вероятно; план переводит этот вывод в конкретные профилактические меры. Поэтому прогноз, основанный на региональных данных, нужен не как отдельный аналитический документ, а как основание для выбора приоритетов и распределения сил.

У Г. А. Аванесова планирование раскрывается шире — как часть управленческого механизма и одна из форм управленческого решения. Такой взгляд, по нашему мнению, важен именно для регионального уровня: прогноз здесь ценен не количеством расчетов, а тем, помогает ли он принять решение. Отсюда и интерес Аванесова к комплексным целевым программам профилактики, где отдельные меры связываются общей задачей.

К попыткам оформить такую работу в виде государственных программ обращались и позднее. В 1990-е годы С. В. Бородин вместе с В. В. Лунеевым и А. М. Яковлевым участвовал в разработке «Концепции государственной системы социальной профилактики». В ней планирование и программирование рассматривались уже как часть единой системы противодействия преступности. Концепция не была реализована в полном объеме, но сама постановка вопроса сохранила значение: профилактические меры должны быть связаны не только между собой, но и с прогнозом изменения криминогенной ситуации.

Работа не ограничивалась общегосударственным уровнем. Теоретические и прикладные модели разрабатывались для Москвы, Московской, Владимирской, Тверской, Иркутской, Свердловской, Нижегородской областей, Республики Саха (Якутия), Дзержинска, Магнитогорска, а также для Казахстана. Такой перечень показывает, что уже тогда проблема рассматривалась через территориальные различия, а не только через средние показатели по стране.

Для региональной программы отсюда следует вполне практическое требование: цели и задачи должны быть привязаны к сроку, территории, конкретным видам преступлений и уровню профилактики. Иначе даже подробный перечень мероприятий трудно проверить по результату. Программа, на наш взгляд, должна связывать меры правоохранительных и других органов с теми изменениями криминогенной ситуации, ради которых эти меры вводятся.

Региональная детализация нужна еще и потому, что одна и та же общая тенденция складывается из разных местных процессов. В одном муниципалитете может снижаться уличная преступность, в другом одновременно расти дистанционное мошенничество или повторная преступность. Среднее значение сгладит эту разницу. Поэтому территориальные особенности следует рассматривать не как фон программы, а как исходные данные для выбора профилактических мер.

На наш взгляд, начинать региональное планирование с готового перечня мероприятий рискованно. Сначала нужно понять, что именно изменилось в криминогенной ситуации и какие изменения требуют постоянного наблюдения. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ определяет правовые и организационные основы профилактики правонарушений, ее участников, направления и формы работы. Но сам по себе перечень полномочий еще не связывает прогноз с действиями конкретного органа. Если, например, растет число дистанционных хищений, а региональная программа отвечает на это только общим информированием населения, без срока и проверяемого результата, практическая ценность прогноза невелика. Мы считаем полезной более простую связку: «риск – мера – исполнитель – срок – показатель».

С данными возникает другая проблема: годовой срез слишком груб: он может скрыть кратковременный рост отдельных видов преступлений или локальный всплеск в одном муниципалитете. Поэтому, по нашему мнению, нужны динамические ряды по видам преступлений, их числу на 10 000 жителей, месту и времени совершения, повторяемости, возрасту потерпевших и обвиняемых, способу совершения и размеру ущерба. Ежемесячные данные позволяют быстрее реагировать на изменения, квартальные — пересматривать меры, а трехлетний ряд — оценивать более устойчивую динамику. О. Г. Деменченок и С. А. Баранов отмечают, что трендовые модели сохраняют практическое значение, но результат зависит от полноты и сопоставимости исходных данных. Поэтому изменение порядка учета сначала следует проверить и лишь затем трактовать скачок показателя как изменение преступности.

Метод прогнозирования также не стоит усложнять без необходимости. Линейная экстраполяция проста для проверки, но хуже учитывает сезонность и структурные сдвиги. Т. Ф. Молчанова рассматривает более широкий набор методов — от статистического анализа до машинного обучения. Для региональной практики разумно постепенно усложнять модель: сначала проверить обычный тренд, затем при достаточном объеме данных перейти к временным рядам, а методы машинного обучения применять там, где они реально снижают ошибку. Если сложная модель не дает заметного выигрыша на прошлых периодах, ее использование трудно обосновать. При этом желательно указывать не только прогнозное значение, но и интервал возможных значений, показывающий степень неопределенности расчета.

Одной статистики зарегистрированных преступлений для такого прогноза мало. Ее приходится сопоставлять с оперативной обстановкой. Р. А. Лащенко и Ф. Н. Юрченко прямо связывают комплексный анализ оперативной обстановки с последующим прогнозированием и управленческими решениями правоохранительных органов. На практике это может быть сравнительно короткий ежемесячный обзор: структура зарегистрированных преступлений, сообщения о происшествиях, преступления в общественных местах, рецидив, преступления в состоянии алкогольного опьянения, раскрываемость, территории устойчивой концентрации отдельных видов преступлений. Для нас важен не любой рост показателя. Гораздо показательнее ситуация, когда одновременно меняются несколько связанных величин. Так, рост числа мошенничеств вместе с увеличением числа обращений граждан и размера ущерба уже дает повод для дополнительной профилактической работы. Один статистический скачок, напротив, сначала требует проверки причин.

Средний показатель по субъекту Федерации удобен для общей оценки, но может скрывать различия между муниципалитетами. Снижение преступности в крупном городе способно перекрыть рост в нескольких небольших территориях. Поэтому стоит учитывать не только региональный коэффициент, но и динамику отдельных муниципалитетов за несколько лет. Территории с устойчивым превышением показателей следует анализировать отдельно по структуре преступности, времени ее совершения и факторам риска. При этом в небольших районах несколько дополнительных преступлений заметно меняют коэффициент на 10 000 жителей, поэтому его необходимо сопоставлять с абсолютным числом преступлений и более длительным рядом наблюдений.

Сценарный расчет, на наш взгляд, практичнее одного точечного прогноза. Регион может рассматривать три варианта: сохранение текущей динамики, неблагоприятное изменение основных факторов и ситуацию, при которой запланированные меры дают ожидаемый результат. Смысл такого расчета не в том, чтобы заранее выбрать «правильный» сценарий. Важнее определить признаки, при которых придется перейти к другому варианту действий. Например, если фактический показатель два квартала подряд выходит за установленный диапазон, это уже основание пересмотреть ресурсы или сами меры. При быстро меняющейся ситуации ждать годового отчета слишком долго. В этом случае планирование превращается в регулярную проверку прогноза: что подтвердилось, что нет и где решение нужно менять.

Чтобы такая программа работала на практике, при ее разработке, на наш взгляд, нужно опираться на несколько методологических принципов:

Комплексность программы

Ее разработка и реализация требуют согласованного участия различных субъектов: органов государственной власти и правоохранительных органов, профессиональных ассоциаций и институтов, религиозных организаций, молодежных объединений, общественных фондов, этнических общин и отдельных граждан.

Научность программы

Меры профилактики должны опираться на оценку ситуации, анализ причин и последствий, а также прогноз развития преступности в регионе. При этом учитываются факторы, способствующие совершению преступлений (криминогенные), и факторы, препятствующие им (антикриминогенные).

Сбалансированность программы

Планируемые меры должны соответствовать текущей ситуации и учитывать факторы, влияющие на уровень преступности в регионе. Для разработки программы нужны данные о социально-экономической и демографической ситуации, состоянии общественного порядка, тенденциях преступности, факторах риска и результатах профилактических мер.

Долговременность программы

В социальном планировании используются текущие, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные планы. Сроки разрабатываемых планов определяют и соответствующие прогнозы. Анализ региональных программ предупреждения преступности показывает, что они, как правило, разрабатываются на 1-2 года, однако, по нашему мнению, более обоснованным является трехлетний срок.

Реальность и выполнимость программы

Запланированные мероприятия должны быть обеспечены финансированием. Поскольку условия меняются, программа должна допускать корректировку в процессе реализации. Для согласования работы ведомств и концентрации ресурсов на приоритетных направлениях нужны понятные механизмы межведомственной координации и контроля.

Есть еще один важный поворот анализа — от преступника к потерпевшему. Для преступлений с использованием ИКТ это особенно заметно. А. С. Лаптев связывает региональное криминологическое планирование со снижением виктимологического риска. Поэтому, на наш взгляд, важно учитывать не только способ действий преступника, но и характеристики потерпевшего: возраст, канал первого контакта, продолжительность общения, способ перевода денег, время между первым сообщением и оплатой. Значение имеет и то, получал ли человек до происшествия профилактическую информацию. Эти данные помогают выявить группы с повышенным риском.

Практический пример дает Алтайский край. В паспорте комплекса процессных мероприятий «Профилактика преступлений и иных правонарушений в Алтайском крае» установлены целевые показатели до 2030 года и объем финансирования. Предусмотрено снижение числа преступлений с применением оружия и взрывчатых веществ с 28 до 25, показателя преступлений на улицах и в других общественных местах — с 46,8 до 41,0, числа преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, — с 7442 до 6800, в состоянии алкогольного опьянения — с 7203 до 6950. На 2024–2030 годы предусмотрено 46,805 млн рублей. Такие показатели можно сопоставлять с фактической динамикой и использовать для проверки результатов программы.

Однако абсолютное число преступлений зависит не только от профилактики. На него влияют численность населения, миграция, правила регистрации и активность выявления преступлений. Поэтому один показатель легко дает слишком благополучную или,

наоборот, слишком неблагоприятную картину. Мы предлагаем разделять показатели результата и показатели работы системы профилактики. К первой группе относятся уровень преступности на 10 000 жителей, размер ущерба, доля повторных правонарушений, структура тяжких и особо тяжких преступлений. Ко второй — охват профилактическими мероприятиями, скорость реакции на выявленный риск, число муниципалитетов, где запланированная мера реально введена. При таком подходе снижение общего числа преступлений нельзя автоматически считать успехом, если одновременно растет доля тяжких преступлений или ущерб.

Региональные данные за 2025 год хорошо показывают эту разницу. В Пензенской области прокуратура зарегистрировала 11 098 преступлений — на 23,3% меньше, чем годом ранее. Из них 5511 пришлись на имущественные преступления; раскрываемость краж выросла с 52,4 до 62,0%. В Сахалинской области общее число зарегистрированных преступлений тоже снизилось — на 6,7%, до 7 738. Но тяжких и особо тяжких преступлений стало больше: 2505 против 2237 годом ранее, рост составил 12%. Эти два примера не стоит напрямую сопоставлять как оценку работы регионов — условия различаются. Они показывают другое: общая динамика способна идти в одну сторону, а структура преступности — в другую. Поэтому профилактические приоритеты приходится определять по нескольким показателям, а не по одному проценту снижения.

С московским примером нужна отдельная осторожность. Государственная программа «Безопасный город» в 2025 году финансировалась по решениям Правительства Москвы, а в транспортной инфраструктуре действует крупная система видеонаблюдения и видеоанализа. По данным Единого транспортного портала Москвы, в метро используется более 90 тыс. камер; система видеоанализа «амбассадор» работает на всех станциях с 1 сентября 2020 года. Там же сообщалось, что в 2024 году число нарушений, связанных с проходом через турникеты, сократилось почти на 30% по сравнению с 2023 годом. Из этих цифр нельзя выводить, что именно камеры вызвали снижение нарушений: для такого утверждения данных недостаточно. Но для планирования техническая система полезна иначе. Она дает регулярный поток сведений о месте и времени событий, а значит, помогает быстрее замечать проблемные участки и менять дислокацию нарядов.

Похожая проблема возникает и при участии негосударственных структур. В 2025 году в Алтайском крае был утвержден порядок предоставления субсидий казачьим обществам на расходы, связанные с охраной общественного порядка и границ. Сам факт участия общественного формирования еще ничего не говорит о профилактическом результате. Мы считаем, что такие меры нужно привязывать к территории и времени: где именно фиксируется концентрация правонарушений, в какие часы требуется присутствие, какой показатель после этого должен измениться. Если такой привязки нет, можно подтвердить расходование средств и число выходов, но трудно ответить на более важный вопрос — изменился ли риск на обслуживаемой территории.

Цели и задачи программы предупреждения преступности

Главную цель программы можно сформулировать как сдерживание и снижение общего уровня преступности и отдельных ее видов в регионе. Ее разделение на конкретные подцели помогает распределить обязанности между участниками профилактики, установить последовательность и сроки мероприятий и контролировать их результаты.

На наш взгляд, программа, учитывающая социальные прогнозы и тенденции преступности в регионе, должна решать четыре группы задач:

Совершенствование организационных и правовых основ деятельности региональных органов государственной власти.

Планирование, разработка и реализация практических мер по предупреждению преступлений в регионе, в том числе конкретных видов преступлений.

Обеспечение контроля за реализацией запланированных мероприятий.

Укрепление и координация межрегионального и, при необходимости, международного сотрудничества в сфере противодействия преступности.

У каждого региона есть свои условия, связанные с социально-экономической ситуацией, географическим положением и демографическими характеристиками населения. При планировании необходимо учитывать как криминогенные, так и антикриминогенные факторы, обусловленные этими особенностями.

Региональная программа борьбы с преступностью, по нашему мнению, должна состоять из трех основных частей: аналитической, прогнозирующей и блока реализации и контроля мероприятий и их показателей.

Аналитическая часть должна содержать краткую характеристику социально-политических, экономических и демографических процессов в регионе; данные о состоянии, структуре и динамике преступности; оценку работы органов, противодействующих преступности, на момент составления программы.

Следует выделять преобладающие виды преступности в регионе: корыстную, насильственную, рецидивную, групповую, организованную, коррупционную, преступность в сфере незаконного оборота наркотиков и преступность несовершеннолетних.

При оценке состояния преступности необходимо учитывать ее фактические масштабы, которые, как правило, превышают зарегистрированные показатели. Поэтому официальная статистика дает важную, но не исчерпывающую картину преступности.

Прогнозирующая часть программы должна учитывать ожидаемые изменения социально-политических, экономических и демографических факторов, а также механизмы их влияния на преступность.

На наш взгляд, работа может строиться по следующей последовательности. Сначала оценивается текущая криминогенная ситуация и выявляются отклонения от обычной динамики, затем формируется прогноз. После этого выбирается мера, определяется исполнитель, ресурс и показатель результата. Такой план не должен оставаться неизменным весь год: при заметном отклонении показателей меру можно усилить, перенести на другую территорию или заменить. В конце периода необходимо сопоставить прогноз, фактические данные и результат конкретной меры.

Сложнее определить, что именно вызвало изменение показателя. Выполненное мероприятие само по себе еще не доказывает его эффективность. Поэтому полезно сравнивать муниципалитеты со сходными социально-демографическими характеристиками, а новые меры по возможности сначала проверять на ограниченном числе территорий. Если показатель изменился, следует учесть сезонность, общероссийскую динамику и возможные изменения правил учета. Такой анализ снижает риск ошибочно связать результат с конкретной мерой.

Из проведенного анализа следует, что региональной программе недостаточно перечислить мероприятия и сроки. Прогноз ценен тогда, когда влияет на выбор действий, а их результат можно проверить. Для оценки одного общего уровня преступности недостаточно: необходимо учитывать ее структуру, различия между муниципалитетами, качество учета и виктимологические риски. Поэтому, на наш взгляд, программа должна допускать пересмотр решений до окончания отчетного года. В этом случае прогноз становится инструментом управления, а не формальным показателем.

Литература

1. Абызов К.Р. Криминологическое прогнозирование и предупреждение региональной преступности: монография. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2010. – С. 86.

2. Аванесов Г.А. Криминология. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 480.

3. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. – М., Наука, 1990. – С. 56.

4. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. – М., ЮрИнфоР, 1999. – С. 137-143.

5. Гладких В.И., Борбат А.В. Прогностические изменения подростковой преступности как основа разработки комплексных целевых программ профилактики правонарушений несовершеннолетних: экспресс-информация. – М.: Академия МВД СССР, 1989. – С. 180-182.

6. Деменченок О.Г., Баранов С.А. Криминологическое прогнозирование на основе тренда при недостаточном качестве описания исходных данных // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1. С. 166–177.

7. Иванцов С.В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // Общество и право. – 2015. – № 3 (53). – С. 123.

8. Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам. – М., 2002. Т. 2. – С. 149.

9. Лаптев А.С. Снижение виктимологического риска – основная цель реализации криминологического планирования в правоохранительных органах регионального уровня // Уголовная политика: ценностные приоритеты и новеллы законодательства: сборник научных статей. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. С. 230–238.

10. Лащенко Р.А., Юрченко В.Н. Комплексный анализ оперативной обстановки в криминологическом прогнозировании // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 127–133.

11. Молчанова Т.В. Современные методы прогнозирования преступности: от статистического анализа до машинного обучения // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 103–108.

Criminological Forecasting and Planning for Countering Regional Crime

Abyzov K.R., Titarenko A.P.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines regional criminological forecasting as a practical part of crime prevention. The central issue is how a forecast can be connected with a specific measure, a responsible actor, a time limit and a result that can later be checked. The discussion covers approaches to criminological planning, data requirements, territorial differences and scenario estimates. Regional examples show why changes in the overall crime rate should be read together with changes in the structure of crime and local dynamics. Particular attention is paid to victimization risks in ICT-related crime and to the use of technical monitoring systems. The authors argue that a regional program should be revised when actual data diverge from the forecast rather than remain a fixed list of measures.

Keywords: criminological forecasting, crime prevention programs, regional crime.

References

1. Abyzov K.R. Criminological Forecasting and Prevention of Regional Crime: Monograph. – Barnaul: BYuI MVD of Russia, 2010. – P. 86.
2. Avanesov G.A. Criminology. Moscow, UNITY-DANA, 2017. P. 480.
3. Borodin S.V. Fight against Crime: Theoretical Model of a Comprehensive Program. Moscow, Nauka, 1990. – P. 56.
4. Boskholov S.S. Fundamentals of Criminal Policy. Moscow, YurInfoR, 1999. – P. 137-143.
5. Gladkikh V.I., Borbat A.V. Prognostic Changes in Juvenile Delinquency as a Basis for Developing Comprehensive Targeted Programs for the Prevention of Juvenile Delinquency: Express Information. – M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1989. – P. 180-182.
6. Demenchenko O.G., Baranov S.A. Criminological forecasting based on the trend with insufficient quality of the initial data description // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1. P. 166–177.
7. Ivantsov S.V. Criminological forecasting in crime prevention planning // Society and Law. – 2015. – No. 3 (53). – P. 123.
8. Kudryavtsev V.N. Selected works on social sciences. – M., 2002. Vol. 2. – P. 149.
9. Laptev A.S. Reducing the victimological risk is the main goal of implementing criminological planning in regional law enforcement agencies // Criminal Policy: Value Priorities and Legislative Innovations: A Collection of Scientific Articles. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2025. pp. 230–238.
10. Lashchenko R.A., Yurchenko V.N. Comprehensive Analysis of the Operational Situation in Criminological Forecasting // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (106). pp. 127–133.
11. Molchanova T.V. Modern Methods of Crime Forecasting: From Statistical Analysis to Machine Learning // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 2. pp. 103–108.

К вопросу о возможности покушения и соучастия в преступлении, состоящем в самовольном подключении к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние

Величко Федор Михайлович
старший преподаватель, кафедра правовой и гуманитарной подготовки, Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, fedor-velichko31@mail.ru

В статье рассматривается актуальная проблема, связанная с установлением и реализацией уголовной ответственности за деяния, совершенные лицами, подвергнутыми административному наказанию за аналогичные действия, если соответствующее преступление не доведено до конца либо осуществлено в соучастии. Эта проблема исследуется через призму юридической оценки самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам или газопроводам, совершенного при указанных обстоятельствах, в том числе совместно с лицами, ранее не привлекавшимися к административной ответственности за аналогичное деяние. Целью работы являлось получение нового знания относительно проблем и направлений совершенствования законодательства и практики его применения в части квалификации неоконченной и совместной противоправной деятельности при совершении самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам. В рамках исследования использованы всеобщий диалектический, общенаучные и частнонаучные методы, включая сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования. Автором на основе изучения действующего законодательства и теоретических позиций относительно его применения сделан вывод о необходимости закрепления в уголовном законе общей нормы об особенностях уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией, а также о востребованности направления уголовной политики государства, состоящего в минимизации числа уголовно-правовых запретов с такой преюдицией.

Ключевые слова: административная преюдиция, квалификация преступлений, неоконченное преступление, самовольное подключение к трубопроводам, соучастие в преступлении.

Юридическая оценка самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичные действия, сопряжена с необходимостью разрешения ряды проблемных вопросов, в основном обусловленных наличием в этом составе преступления признака административной преюдиции. Этот признак, хотя и относится непосредственно к субъекту данного преступления, тем не менее придает определенную специфику и другим элементам его состава, а также влияет на применение различных правил квалификации, в том числе в рамках институтов неоконченного преступления и соучастия в преступлении.

Указанные специфика и влияние проистекают из существенных различий в законодательной регламентации условий уголовной и административной ответственности при отсутствии общей нормы (общих норм) в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и (или) в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), направленной (направленных) на обеспечение единообразия в понимании и применении уголовно-правовых норм с административной преюдицией, а равно на сглаживание противоречий в регламентации основных институтов данных видов юридической ответственности.

Если в УК РФ институты неоконченного преступления и соучастия в преступления относятся к числу основных, имеющих большое значение для применения всей системы норм уголовного законодательства, то в КоАП РФ подобные институты или отдельные положения, которые можно отнести к ним, полностью отсутствуют, за исключением содержащегося в перечне обстоятельств, отягчающих административную ответственность, упоминания в п. 4 ст. 4.3 КоАП РФ о совершении административного правонарушения группой лиц. Следовательно, для привлечения к административной ответственности необходимо установить, что в действиях (бездействии) каждого лица содержатся все без исключения признаки состава административного правонарушения, в том числе входящие в его объективную сторону.

Пленум Верховного Суда РФ по этому вопросу разъяснил, что в КоАП РФ предусматривается возможность привлечения к административной ответственности только за оконченное правонарушение. При этом административное правонарушение признается оконченным с того момента, когда в результате действия (бездействия) правонарушителя имеются все закрепленные в законе признаки состава административного правонарушения [1].

Следовательно, в случаях, когда тот или признак состава административного правонарушения отсутствует, например, если правонарушение не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам, либо совершенные им действия, хотя и способствовали совершению правонарушения, но не входили в его объективную сторону, то это лицо не подлежит административной ответственности. Тем самым даже при повторном и последующем фактическом совершении тем же лицом покушения на административное правонарушение, а равно организации, подстрекательства или пособничества в отношении административного правонарушения, основание для административной ответственности также будет отсутствовать.

Так, если лицо не смогло самовольно подключиться к газопроводу по причине негодности примененных им технических средств, то в его действиях отсутствует состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ. Повторная попытка, также не увенчавшаяся успехом по той же или иной причине, например, вследствие пресечения его действий сотрудниками правоохранительных органов, снова оставляет это лицо вне сферы административной и тем более уголовной ответственности. И только при полной реализации умысла данного лица, выразившейся в состоявшемся самовольном подключении к газопроводу, оно подлежит ответственности по ч. 1 ст. 7.19 КоАП РФ. Уголовная же ответственность для такого

лица может наступить только при повторении указанного противоправного деяния в период его административной наказанности. Здесь и может возникнуть вопрос о том, как оценивать ситуации, когда при попытке совершить аналогичное деяние лицо не может довести последнее до его окончания (например, в связи с задержанием в процессе самовольного подключения к трубопроводу). Также потенциальным вопросом может стать и то, как оценивать поведение лиц, фактически соучаствовавших в совершении административно наказанным лицом повторного самовольного подключения к тому или иному трубопроводу, но непосредственно не осуществлявших действия по такому подключению (например, предоставивших необходимые технические средства или информацию).

На основе изучения содержания объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных в частях 1 и 2 ст. 215^3 УК РФ, заключающихся в самовольном подключении к соответствующим трубопроводам, в том числе магистрального типа, лицом, административно наказанным за такое же деяние, полагаем возможным применение данных уголовно-правовых запретов при неоконченном преступлении, а именно – в случае покушения на повторное самовольное подключение к трубопроводу, а равно в случаях соучастия, включая его сложные формы, характеризующиеся распределением ролей, когда наряду с исполнителем имеются взаимодействующие с ним организатор, подстрекатель и (или) пособник [2, с. 13, 113-116].

Ограничение возможности применения ч. 1 или ч. 2 ст. 215^3 УК РФ при неоконченном преступлении только случаями покушения обусловлено санкциями, с учетом которых рассматриваемые самовольные действия относятся к категориям преступлений небольшой (ч. 1) и средней тяжести, приготовление к которым в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ не является уголовно наказуемым.

По нашему мнению, для того чтобы признать двух или более лиц соисполнителями преступления с административной преюдицией, в том числе преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 215^3 УК РФ, требуется установить, что каждое из лиц, непосредственно осуществлявших действия, входящие в объективную сторону данных преступлений, обладает дополнительным признаком в виде административной наказанности за аналогичное деяние. З.Э. Эргашева по этому поводу пишет, что указанный дополнительный признак является неотъемлемой характеристикой специального субъекта как элемента составов преступлений с административной преюдицией [3, с. 9].

По мнению, Ю.Е. Пудовочкина, в уголовно наказуемых деяниях с административной преюдицией в полной мере может проявляться институт соучастия в преступлении, включая привлечение к уголовной ответственности организаторов, подстрекателей, пособников, когда они объективно выполняют соответствующие роли в процессе осуществления преступного посягательства, образуемого повторным совершением таких же действий, как и те, за которые лицо ранее было привлечено к административной ответственности [4, с. 32]. В теории уголовного права имеет место и обратная позиция, исключающая саму возможность соучастия в преступлениях с административной преюдицией поскольку, как, например, считает А.В. Богданов, такие преступления образует повторение аналогичного административного правонарушения, относительно которого закон не предусматривает его совершение в соучастии [5, с. 74]. Такой же аргумент приводят Ю.В. Власов, О.А. Михаль и по поводу невозможности правовой оценки содеянного по правилам квалификации неоконченного преступления [6, с. 119-120].

С нашей точки зрения, доктринальная позиция, не допускающая возможность юридической оценки уголовно наказуемого деяния с административной преюдицией как неоконченного преступления и (или) преступления, совершенного в соучастии, основывается на том, что в рамках такого преступного поведения лицом повторно совершается именно аналогичное административное правонарушение, влекущее уголовную ответственность исключительно по причине закрепления в уголовном законе дополнительного признака субъекта преступления, состоящего в его административной наказанности за предыдущее аналогичное административно наказуемое деяние. Иначе говоря, основание уголовной ответственности при таком понимании преступлений с административной преюдицией видится как сумма двух аналогичных административных правонарушений, за первое из которых на момент его повторения лицо было подвергнутым административному наказанию.

Мы же исходим из того, что повторное совершение аналогичного противоправного деяния приобретает все объективные и субъективные элементы и признаки, присущие именно преступлению, а не административному правонарушению, в том числе свойственную ему общественную опасность. Поведение соответствующего лица тем самым переходит из административно-правовой в уголовно-правовую область, начинает обладать материальным и формальным признаками преступления, что обусловливает возможность применения к нему и лицам, его допускающим всех институтов, закрепленных в уголовном законе, в том числе связанные с неоконченным преступлением и соучастием в преступлении.

Одновременно обратим внимание на то, что констатация возможности фактического совершения преступлений с административной преюдицией, в том числе предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 215^3 УК РФ, в соучастии, а равно их прерывания на стадии покушения с привлечением за соответствующую совместную и (или) неоконченную противоправную деятельность к уголовной ответственности, в настоящее время является исключительно доктринально выведенной точкой зрения. Изучение практики применения ч. 1 и ч. 2 ст. 215^3 УК РФ не выявило примеров привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших покушение на это преступление либо являвшихся организаторами, пособниками или подстрекателями, равно как и соисполнителями в рамках совершения последнего. В практической деятельности преимущественно устанавливаются факты самовольного подключения к газопроводам низкого давления, расположенных в квартирах или домовладениях, при этом речь идет о повторном подключении после технического ограничения подачи газа в связи с его неоплатой, что предполагает проявление внимания персонально к такому неплательщику без выяснения того, кто так или иначе содействовал его незаконным действиям [7, с. 45-46; 8, с. 127-128]. В связи с этим правоохранительные органы не склонны рассматривать такие деяния как простые, не предполагающие совместной противоправной деятельности нескольких лиц, особенно с распределением ролей. Кроме того, они выявляют факты самовольного подключения уже после того, как фиксируется неучтенное использование газа, поэтому вопрос о покушении на рассматриваемое преступление не возникает, что отнюдь не снижает актуальность формирования эффективных правовых мер для пресечения данной преступной деятельности.

С учетом изложенного отмеченная возможность покушения на преступление, предусмотренное ч. 1 или ч. 2 ст. 215^3 УК РФ, а равно его совершения в соучастии хотя и носит преимущественно теоретический характер, тем не менее научное обоснование такой возможности с её отражением в соответствующей уголовно-правовой оценке содеянного, на наш взгляд, служит важным ориентиром для правоприменительной практики, способствует расширению предмета доказывания по таким уголовным делам, равно как и потенциальную превентивную эффективность рассматриваемого уголовно-правового запрета.

Не вторгаясь в предмет административного права, требующий более глубокого изучения обозначенной в настоящей работе общей проблемы, тем не менее отметим, что в современных условиях, характеризующихся тесным соприкосновением уголовно-правовых и административно-правовых запретов, обусловленным расширением круга преступлений с административной преюдицией, востребованным является согласованное правовое регулирование, исключающее пробелы и неопределенность при разрешении вопросов, связанных с применением связанных между собой норм УК РФ и КоАП РФ. В связи с этим считаем необходимой законодательную инициативу, содержащую новые положения законодательства об административных правонарушениях и уголовного законодательства, регламентирующих особенности соотношения и применения взаимосвязанных норм разной отраслевой принадлежности при криминализации деяний с административной преюдицией.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (п. 19) // Сайт Верховного Суда РФ: URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 15.07.2026).

2. Величко Ф.М. Уголовная ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам,

совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. – М., 2026. – 206 с

3. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2018. – 215 с.

4. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. 2017. № 2. С. 24–39.

5. Богданов А.В. К вопросу о возможности применения института соучастия при квалификации преступлений с признаками повторно совершенного административного правонарушения // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2. С. 69–75.

6. Власов Ю.А., Михаль О.А. Административная преюдиция как вид уголовного проступка // Современное право. 2019. № 6. С. 119–125.

7. Решняк М.Г., Моисеев С.С. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за незаконное подключение к газопроводу и использование газа в бытовой сфере // Безопасность бизнеса. 2019. № 2. С. 45-50.

8. Туманов, А. С. Квалификация кражи из трубопровода с приведением его в негодное состояние / А. С. Туманов // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т.7. – №1. – С.127–129.

On the issue of the possibility of an attempt and complicity in a crime involving unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines, and gas pipelines, committed by a person who has been administratively punished for a similar act

Velichko F.M.

Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

The article considers an urgent problem related to the establishment and implementation of criminal liability for acts committed by persons subjected to administrative punishment for similar actions if the relevant crime is not completed or carried out in complicity. This problem is being investigated through the lens of a legal assessment of unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines or gas pipelines committed under the specified circumstances, including jointly with persons who had not previously been brought to administrative responsibility for a similar act. The purpose of the work was to gain new knowledge about the problems and directions of improving legislation and the practice of its application in terms of qualifying unfinished and joint illegal activities when making unauthorized connections to oil pipelines, oil product pipelines, and gas pipelines. The research uses universal dialectical, general scientific and private scientific methods, including the comparative legal method and the method of legal modeling. Based on the study of current legislation and theoretical positions regarding its application, the author concludes that it is necessary to consolidate in the criminal law the general rule on the specifics of criminal liability for crimes with administrative prejudice, as well as the relevance of the direction of the state's criminal policy, which consists in minimizing the number of criminal prohibitions with such prejudice.

Keywords: administrative prejudice, qualification of crimes, unfinished crime, unauthorized connection to pipelines, complicity in a crime.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2005, No. 5 (as amended on December 9, 2025) "On Certain Issues Arising in the Courts When Applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" (clause 19) // Website of the Supreme Court of the Russian Federation: URL: https://www.vsrf.ru/ (date of access: July 15, 2026).
2. Velichko, F.M. Criminal Liability for Unauthorized Connection to Oil, Oil Product, and Gas Pipelines Committed by a Person Subject to Administrative Punishment for a Similar Act: Diss. … Cand. Sciences (Law): 5.1.4. - Moscow, 2026. - 206 p.
3. Ergasheva, Z.E. Administrative Prejudice in Criminal Law: Diss. … Cand. of Law: 12.00.08. – Moscow, 2018. – 215 p.
4. Pudovochkin Yu.E. Qualification of Crimes with Administrative Prejudice // Criminologist's Library. 2017. No. 2. pp. 24–39.
5. Bogdanov A.V. On the Possibility of Applying the Institution of Complicity in Qualifying Crimes with Elements of a Repeat Administrative Offense // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. pp. 69–75.
6. Vlasov Yu.A., Mikhal O.A. Administrative Prejudice as a Type of Criminal Offense // Modern Law. 2019. No. 6. pp. 119–125.
7. Reshnyak M.G., Moiseev S.S. On the Relationship between Criminal and Administrative Liability for Illegal Connection to a Gas Pipeline and the Use of Gas in the Domestic Sphere // Business Security. 2019. No. 2. Pp. 45-50.
8. Tumanov, A.S. Qualification of theft from a pipeline with rendering it unusable / A.S. Tumanov // Legal Bulletin of Samara University. - 2021. - Vol. 7. - No. 1. - Pp. 127-129.

Снижение уровня рецидивной преступности на территории Российской Федерации посредством внедрения дополнительных учреждений в исправительно-правовую систему

Скирда Максим Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции,

Габдулганиев Дамир Рависович
студент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), skimax@mail.ru

В статье исследуется кризис карательно-изоляционных механизмов пенитенциарной системы РФ в отношении лиц с множественным рецидивизмом. Обосновывается, что совершение второго умышленного преступления свидетельствует о глубокой деформации личности и неэффективности стандартного наказания. Аргументируется ограниченность потенциала института пробации в борьбе с хроническими патологиями поведения. На основе успешного опыта Германии и Скандинавии предложена концепция модернизации исправительно-правовой системы РФ посредством внедрения специализированных центров медико-психиатрической коррекции (СЦМПК).
Ключевые слова: рецидивная преступность, исправительно-правовая система, СЦМПК.

В первую очередь стоит начать с того, что при анализе данной темы необходимо обратиться к статистике для того, чтобы осознать актуальность и весьма значимый характер данного вопроса. Также стоит отметить, что для наиболее полного представления проблемы требуется проанализировать показатели с 2020 года. Но перед этим необходимо обратиться к 2019 году для того, чтобы понимать примерную тенденцию и представить шкалу показателей. В 2019 году количество рецидивных преступлений было на уровне 37,15% от общего количества осужденных. [5] На 2020 год доля осужденных, имевших непогашенную или неснятую судимости составила 38,5% от общего количества, что в количественном переводе означает около 204 777 человек. [4] При рассмотрении последующих 2-ух лет ситуация набирает колоссальные обороты. В 2021 году в отношении рецидивистов вынесли 207 982 приговора. [3] Уже в 2022 году их количество резко увеличилось и достигло отметки в 214 146 человек.[13] По состоянию на 2023 год было выявлено около 207 513 человека и уже к 2024 году количество осужденных с непогашенной судимостью сократилось на 14,5% и составило 177 022 человека. [7] Следующую траекторию падения показателей рецидивной преступности на территории Российской Федерации во много можно связать с внешнеполитическими факторами, именно они по большей части и сыграли ключевую роль. Более того, с февраля 2023 года был подписан закон о создании института пробации. [12] Постпенитенциарная пробация - это программа государственного реагирования, направленная на социальную, правовую и поддержку иного вида людям, освободившимся из исправительных учреждений. Несмотря на вступивший в силу закон, нижеописанные меры только дополняют недавно созданный в РФ институт постпенитенциарной пробации, но никак не дублирует его. Уже к первому полугодию 2025 года их доля составила примерно общее число уголовных дел составило около 215 тыс. [8] Судя по данной статистике, можно отметить, что динамика снижения сохраняется и деконструрирование нисходящего тренда не наблюдается. Стоит отметить, что полноценной статистики на данный момент в рамках 2026 года не имеется. По сравнению с общим числом осужденных данные цифры не стоит воспринимать как минимальные. Конечно, в идеальной картине мира любые показатели преступности являются недопустимыми, однако стоит отметить, что подобное явление маловероятно. Обусловлено это человеческим фактором и тем, что показатель рецидивной преступности на практике имеет крайне низкую вероятность составлять нулевое значение, особенно при учете всего населения Российской Федерации. Но не стоит забывать о том, что предоставленные данные можно эффективно сократить и удерживать на минимальных показателях при соблюдении, обеспечении и реализации определенных мер, которые будут приносить желаемые итоги по борьбе с преступностью. Это также автоматически приведет к снижению общего уровня преступности, что является достаточно значимым результатом. Также рассмотрим выступление члена Комиссии ОП РФ по экспертизе общественно значимых законопроектов и иных правовых инициатив Михаила Бажинова. В ходе его речи 7 июля на площадке Общественной палаты Российской Федерации можно выделить следующее умозаключение **:** «Хотя для России эти цифры являются историческим минимумом, необходим пересмотр уголовно-исполнительной политики и более широкое использование альтернативных наказаний». ? [11] А согласно докладу Совета Европы совместного с Лозаннским университетом за 2020 год, Россия занимает первое место среди стран СЕ по количеству заключенных в тюрьмах - около полумиллиона человек. [1, с.15] Данная информация только подтверждает необходимость усовершенствования исправительной системы для реализации ее полноценного функционирования. Ключевой особенностью предлагаемых мер является то, что они направлены именно на людей с определенным количеством рецидивов, а не на всех заключенных либо освободившихся от заключения. Данные положения решают проблемы определенного круга лиц, но именно

благодаря этому аспекту и должна реализовываться нормализация статистики. В частности, это связано с тем, что тот пласт криминального населения, для которого и предлагаются нижеизложенные меры, составляет довольно внушительное количество общества.

После обозначения актуальности данной темы сразу стоит отметить предлагаемые меры решения данной проблемы, которые содержат достаточно устойчивую аргументацию. Во-первых, косвенным подтверждением внедрению новых мер в исправительно-правовую систему служит уже вышеупомянутый закон. Его программа направленна именно на эффективность процесса социализации человека. Это дает основания для того, чтобы полагать о том, что рецидивная преступность имеет психологический фактор, иначе бы преступник не испытывал нужду в социальной адаптации и реабилитации. Данная программа действительно выделяется высокой эффективностью на практике, но стоит отметить ее главный недочет. Он состоит в том, что данные средства по противодействию рецидивной преступности действуют лишь в том случае, если преступник или будущий рецидивист лично обратился в данные институты по собственному желанию или по рекомендации его окружения. Во-вторых, при фиксации определенного числа рецидива деструктивное поведение лица обусловлено уже не трудной жизненной ситуацией, а глубокой и весьма значительной деформацией психики преступника. В данном случае меры социальной адаптации уже неэффективны, так как они не устраняют причину расстройства. В связи с этим будет целесообразно внедрить специализированные учреждения в исправительно-правовой системе на территории Российской Федерации. Интегрируемые учреждения должны быть направлены именно на принудительную психолого-психиатрическую коррекцию, глубокое изучение и проведение медико-психиатрической терапии. При определенном количестве рецидива данные учреждения должны выступать именно в качестве медико-правовой меры. В-третьих, предлагаемая мера решения проблемы аргументируется и тем, что значение мест лишения свободы заключается не только с целью изолирования опасного для общества индивида, но и в обеспечении исправительного механизма, а выполнение данной задачи приобретает черты неэффективности в силу того, что преступник идет на повторные нарушения, особенно если происходит осуждение за те же статьи. Если какой-либо инструмент исправительно-правовой системы становится неэффективным в определенных случаях, его требуется полноценно видоизменить либо дополнить, в сложившихся реалиях наиболее адекватным и продуктивным будет именно второй вариант. Это обусловлено тем, что общий механизм исправления работает абсолютно на всех заключенных, в связи с этим необходимо дополнить лишь ту составляющую, которая не действует на оставшихся личностей, чтобы достигнуть наиболее высоких результатов в положительном смысле. Более того, по мнению Л.Х. Караева и С.В. Сикоева необходимо внести изменения в действующие нормы законодательства, либо внести специальные нормы, регулирующие рецидивную преступность, особенно среди несовершеннолетних лиц. [6, с.60] В-четвертых, меры по ужесточению определенных видов правонарушений не всегда гарантирует ликвидацию либо минимализацию преступлений, связанных с ними. Этому свидетельствует статистическая информация официального отчёта международной правозащитной организации Amnesty International. В Соединенных Штатах Америки в 2025 году было вынесено 47 смертных приговоров, что является наибольшим показателем за последние 16 лет. [2] Сохранение проблемы, ее присутствие до сегодняшнего дня означает невовлеченность в ее решении, тем самым отчеты по рецидивной преступности могут выйти на критические показатели. Во многом данные показатели являются краткосрочными и не несут в себе исправление ситуации, а просто связаны с весьма неустойчивым внешнеполитическим фоном. В спокойной ситуации данные показатели могут действительно привести к шокирующим и неожиданным результатам. Чтобы не произошло подобного исхода событий необходимо ликвидировать именно очаг возникновения проблематики данной темы. Именно решение центральных трудностей и обеспечивает контроль над ситуацией, которую ни в коем случае нельзя пускать на самотек. Предполагаемым учреждениям можно ввести аббревиатуру СЦМПК с расшифровкой специализированный центр медико-психиатрической корректировки. Функциями внедряемого учреждения являются: обследование психоэмоционального, психологического, поведенческого, нейробиологического, социально-средового статуса личности, а установление деформаций ценностно-нормативной сферы, изолирование опасного для общества индивида, непрерывный судебный и экспертный мониторинг, принудительная детоксикации и реабилитации, обеспечение изоляции от криминальной субкультуры, ликвидация и корректировка всех установленных отклоняющихся от правовой нормы фактов, реализация постепенного смягчения режима. Не стоит забывать, что поддержание безопасного режима в данных учреждениях также является ключевой функцией. СЦМПК должен быть оснащен высокотехнологичным оборудованием для эффективных реализаций предназначенных функций. В штат данных учреждений в обязательном порядке входят те сотрудники, которые специализируются на выполнении перечисленных функций. Стоит отметить, что количество рецидивов для попадания в СЦМПК должно составлять от 2 раз. Количество 3 умышленных преступления полностью отражает неэффективность исправительно-правовой системы и свидетельствует о необходимости применения иного механизма, который будет решать именно эпицентр данной проблемы Основанием является не процессуальный статус рецидивист, а объективный факт совершения третьего умышленного преступления, независимо от погашения предыдущих судимостей.

Для сравнения и дополнительной аргументации рассмотрим ситуацию на территории иных стран. В германском уголовном праве существует разграничение мер исправления и безопасности. Важнейшим инструментом здесь выступает превентивное заключение. [10, с. 43] Оно применяется к лицам, совершившим тяжкие преступления против жизни, здоровья или половой неприкосновенности, если есть основания полагать, что они останутся опасными и после отбытия основного срока. Заключенные содержатся в специализированных учреждениях, но в более мягких условиях по сравнению с тюремным режимом и с обязательной психологической и/или социальной помощью. [15, &66, с. 66] Стоит отметить то, что первоначально превентивное заключение является бессрочным. Однако суд регулярно пересматривает вопрос о том, представляет ли задержанный по-прежнему настолько высокий риск, что дальнейшее содержание под стражей оправдано. [16] Сравнительный анализ показывает методологическое различие: если в ФРГ удельный вес рецидива в общей массе регистрируемых дел колеблется в пределах 40–45%. [9] Однако стоит учесть, ключевое отличие подведения показателей самой статистики. Отечественные данные учитывают рецидив исключительно в рамках непогашенной судимости, а она имеет временное правовое состояние. В Германии производится учет абсолютно всех повторных правонарушений и статистика основывается на реальное количество людей, совершивших преступление повторно в течение всей жизни, без оглядки на юридические сроки. Первая система маскирует реальную глубину проблемы множественного рецидива. Именно поэтому автоматический порог второго рецидива для направления в СЦМПК действительно необходим, он позволит выявлять и изолировать не просто лиц с формальным правовым статусом, а реальных хронических правонарушителей, чья криминальная карьера не прерывается даже после погашения прошлых судимостей.

Также стоит рассмотреть скандинавские страны. Если опыт Германии доказывает эффективность жесткой изоляции и медикаментозного лечения хронических рецидивистов, то опыт стран Скандинавии демонстрирует изменение карательной системы на медико-психологическую гарантированно снижает преступность. Это аргументируется тем, что данные страны имеют крайне низкую степень реализации рецидивной преступности и контролируют данные показатели. Уровень рецидивизма снижен до минимальных в мире 20%, а максимальная точка составляет около 30%. [14] Скандинавская модель подтверждает, что фокус на изучении психоэмоционального статуса человека и его принудительная коррекция это не мягкость, а самый прагматичный способ защиты общества от новых преступлений.

В заключение хотелось бы отметить, что проведенный анализ доказывает неэффективность карательной модели в отношении лиц с множественным рецидивизмом. Второй факт совершения преступления является маркером глубокой деформации личности и бессилия стандартной изоляции. Потенциал института пробации в РФ лимитирован его добровольностью и отсутствием медицинской базы, что делает его неэффективным против хронических криминогенных патологий, что представляет именно ту проблему, с которой необходимо бороться. Ее решением может стать внедрение в исправительно-право-

вую систему РФ Специализированных центров медико-психиатрической коррекции или СЦМПК. Опираясь на успешный опыт Германии и Скандинавии, СЦМПК обеспечат вышеописанных психиатрических статусов осужденных. Дополнение карательного режима принудительным поведенческим обследованием и лечением позволит сократить количество рецидивной преступности, минимизировать показатели преступности и гарантировать безопасность общества в Российской Федерации.

Литература

1. Аэби М. Ф., Хашимото И. З., Тиаго М. М. Пробация и тюрьмы в Европе 2020: основные результаты отчетов SPACE. Серия UNILCRIM 2021/2 // Совет Европы и Лозаннский университет : офиц. сайт. 2021. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2021/06/KeyFindings_Probation-and-Prisons-in-Europe-2020_210527.pdf (дата обращения: 11.09.2026);
2. Глобальный доклад Amnesty International: смертные приговоры и казни в 2025 году) // Amnesty International USA : official website. New York, 2026. URL: https://www.amnestyusa.org/reports/amnesty-international-global-report-death-sentences-and-executions-2025/ (дата обращения: 16.09.2026).
3. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Раздел: Судебная статистика. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год : официальный сайт. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (дата обращения: 15.09.2026).
4. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Раздел: Судебная статистика. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год : официальный сайт. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669 (дата обращения: 15.09.2026).
5. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Раздел: Судебная статистика. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год : официальный сайт. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259 (дата обращения: 15.09.2026)
6. Караева Л. Х., Сикоев С. В. Рецидив преступления: история развития, некоторые проблемы рецидива преступлений в российском уголовном праве, вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник магистратуры. – 2024. – № 5-3 (152). – С. 59-61.
7. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Раздел: Судебная статистика. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год : официальный сайт. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 15.09.2026).
8. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Раздел: Судебная статистика. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2025 года : официальный сайт. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (дата обращения: 15.09.2026).
9. Криминальная статистика Германии за 2024 год // Bundeskriminalamt (BKA). – 2025. – URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2024/Polizeiliche_Kriminalstatistik_2024/Polizeiliche_Kriminalstatistik_2024_node.html (дата обращения: 23.06.2026).
10. Серебренникова А. В., Харламов Д. Д. Меры исправления и безопасности в уголовном кодексе ФРГ: понятие и значение (на примере превентивного заключения) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 43–52 (дата обращения: 23.06.2026).
11. Новый закон о пробации поможет в борьбе с рецидивами // Общественная палата Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: https://oprf.ru/news/novyy-zakon-o-probatsii-pomozhet-v-borbe-s-retsidivami (дата обращения: 11.09.2026)
12. О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) // Президент России : официальный сайт. URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 16.09.2026).
13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год : [раздел «Судебная статистика»] / Судебный департамент при Верховном Суде РФ : официальный сайт. — URL: cdep.ru
14. Статистика рецидива после вынесения уголовного наказания в Норвегии: развитие метода и дефиниций // Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway) : Notater/Documents. Oslo. 2026. № 3. 51 s. URL: https://www.ssb.no/sosiale-forhold-og-kriminalitet/kriminalitet-og-rettsvesen/artikler/tilbakefall-etter-ilagt-straffereaksjon/_/attachment/inline/e0c6699d-2b3a-4e8d-b1e1-b7d48cf87b5c:921b0f01df9ea7f40a86defd99d26f7dd0d863fb/NOT2026-03.pdf (дата обращения: 16.09.2026). ISBN 978-82-587-2064-2.
15. Уголовный кодекс ФРГ. Параграф 66c. Структурирование условий содержания при превентивном заключении // Bundesministerium der Justiz : официальный сайт. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/__66c.html (дата обращения: 16.09.2026).
16. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия : в редакции от 13.11.1998 г. с последующими изменениями // WIPO Lex. – URL: wipo.int (дата обращения: 23.06.2026).

Reducing the level of recidivism in the Russian Federation through the introduction of additional institutions into the correctional legal system

Skirda M.V., Gabdulganiyev D.R.

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The article examines the crisis of the punitive isolation mechanisms of the penitentiary system of the Russian Federation in relation to persons with multiple recidivism. It is proved that the commission of the second intentional crime indicates a deep deformation of the personality and the ineffectiveness of the standard punishment. The limited potential of the probation institute in the fight against chronic behavioral disorders is argued. Based on the successful experience of Germany and Scandinavia, a concept has been proposed for the modernization of the correctional legal system of the Russian Federation through the introduction of specialized centers for medical and psychiatric correction.

Keywords: recidivism, correctional and legal system, CCMPK.

References

1. Aebi, M. F., Hashimoto, I. Z., Thiago, M. M. “Probation and Prisons in Europe 2020: Key Findings from the SPACE Reports. UNILCRIM Series 2021/2” // Council of Europe and University of Lausanne: official website. 2021. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2021/06/KeyFindings_Probation-and-Prisons-in-Europe-2020_210527.pdf (accessed: 11 September 2026);
2. Amnesty International Global Report: Death Sentences and Executions in 2025” // Amnesty International USA: official website. New York, 2026. URL: https://www.amnestyusa.org/reports/amnesty-international-global-report-death-sentences-and-executions-2025/ (date accessed: 16.09.2026).
3. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Section: Judicial Statistics. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2021: official website. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (date accessed: 15.09.2026).
4. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Section: Judicial Statistics. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2020: official website. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669 (date of access: 15.09.2026).
5. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Section: Judicial Statistics. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2019: official website. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259 (date of access: 15.09.2026)
6. Karaeva L. Kh., Sikoev S. V. Recidivism: history of development, some problems of recidivism in Russian criminal law, issues of improving criminal legislation // Bulletin of the Magistracy. - 2024. - No. 5-3 (152). - P. 59-61.
7. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Section: Judicial Statistics. Summary statistics on the criminal record in Russia for 2024: official website. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (accessed: 15.09.2026).
8. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Section: Judicial Statistics. Summary statistics on the criminal record in Russia for the first half of 2025: official website. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (accessed: 15.09.2026).
9. Crime statistics of Germany for 2024 // Bundeskriminalamt (BKA). – 2025. – URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2024/Polizeiliche_Kriminalstatistik_2024/Polizeiliche_Kriminalstatistik_2024_node.html (date of access: 23.06.2026).
10. Serebrennikova A. V., Kharlamov D. D. Correctional and security measures in the Criminal Code of the Federal Republic of Germany: concept and meaning (using preventive detention as an example) // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2017. No. 6. pp. 43–52 (date of access: 23.06.2026).
11. The new probation law will help combat recidivism // The Civic Chamber of the Russian Federation: official website. URL: https://oprf.ru/news/novyy-zakon-o-probatsii-pomozhet-v-borbe-s-retsidivami (accessed: 11.09.2026)
12. On probation in the Russian Federation: Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ (as amended on 23.07.2025) // The President of Russia: official website. URL: http://kremlin.ru (accessed: 16.09.2026).
13. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2022: [section "Judicial Statistics"] / Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: official website. — URL: cdep.ru

Охрана чести и достоинства личности по советскому и российскому законодательству: криминологический анализ

Зацепин Михаил Николаевич
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Российской криминологической ассоциации, Аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества, УрГЮУ, mnz-1958@mail.ru,

Зацепин Александр Михайлович
доктор юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, Директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Свобода слова выродилась в свободу оскорблять и бить всех подряд.
В рамках анализа прав по защите чести и достоинства личности автор рассматривает законодательные и правовые инструменты. Тенденция нарушения этих прав в последнее время пугающе растет, а СМИ все чаще использую клевету. И тому есть объективные причины. Проводя параллель с СССР, можно сделать предположения о методах урегулирования вопроса клеветы в то время и сейчас. Показывается взгляд на такие дела со стороны судебного процесса, прокуратуры и СМИ, в частности о воздействии СМИ на определённые слои населения с различными целями. Рамки закона, в которых проходят такие судебные процессы, а также какие совершенствования правовой системы можно предпринять, чтобы облегчить и улучшить дела по защите части и достоинства.
Ключевые слова: охрана чести и достоинства личности, СМИ, криминология, анализ норм права, клевета, прокуратура.

Системный и жизненный цикл находятся между собой в сложных отношениях онтологического взаимодействия между социальными субъектами и сферы их влияния в обществе. Модернизация социальных отношений и эволюционная перспектива процессов конвергенции с перспективой различия путей развития связана с постоянной эскалацией со стороны парадигмы социума, с его подчинением логике эффективности и целесообразности в экономике и государстве. Проявляются тенденции экстраполяции в формировании коммуникативных действий человека, ориентированных на взаимопонимание, обезопасить себя от административной, экономической прагматичности правил коммуникации, основанных на отношениях человека к согласию и взаимопониманию. Пути трансформации общества недооценивая регресс инновационных процессов сопровождается преодолением инерции и страха новациям в устоявшихся интересах. Идущие социально-экономические процессы, происходящие в экономике и обществе СССР и России, выявляют тенденции и проблемы, присущие и СМИ.

К сожалению, в последние годы клевета и оскорбление приобретает концепцию исследования социальной реальности. И наиболее интерпретированы «подтверждения аргументов» о совершении нечестного поступка в быту, производственной или общественной деятельности порочащих гражданина или производственно-хозяйственную, общественную деятельность, репутацию умаляющих честь и достоинство рассмотренных в судебном порядке позволяет сделать некоторые выводы. Исследования показывают, что не все средства массовой информации из идеологического рупора государства к освещению работы правоохранительных и судебных органов, а также нотариальных контор, имеют рассогласованность концептуальных подходов, интересов в этом вопросе. Это свидетельствует о одностороннем подходе к освещению уголовной политики и рассогласованности концептуальных подходов, интересов правоохранительных органов и СМИ в этом вопросе. Поэтому СМИ не обладают аксиологическим многообразием, степень плюралистичности о работе правоохранительных органов, судов и нотариальных контор их существенно различна, на данный функционализм общественная реакция бывает «немалой».

Идеология методов перехода к рыночной экономике исходила из понимания социально-экономического наследия СССР, определявшиеся и принимаемые решения изменить систему функционирования советской экономики для построения рыночной. Правовое оформление личных неимущественных прав граждан делают общество свободным, позволяя гармонически развивать свои духовные, нравственные и физические способности, особую роль играет осознание человеком своего личного достоинства, своей общественной и моральной ценности. Однако институты гражданского общества в части ответственности и правовой регламентации, правового регулирования процессов формирования и функционирования общественного мнения сегодня требует внимания со стороны законодателя. Процесс формирования и оглашения через средства массовой информации результатов публично значимой информации имеет и социальную проблематику. Советская Конституция не содержала прямого узаконения об охране чести и достоинства граждан, тем не менее социально-правовые факторы, закрепленные в ней, обеспечивали достоинство личности и в своих собственных интересах, иными словами, личность рассматривалась как социальная ценность. Следует признать, что правовая культура сообщества тогда «зависела» от использования гражданами прав и свобод, которое соответствовало политическому влиянию на общество. И, если были затронуты интересы гражданина, нарушены его права, он вправе требовать их преданию гласности. Понятая многими «гласность» журналистами и редакторами «некоторыми» гражданами как «вседозволенность», нередко приводит их на скамью подсудимых. За последние десятилетия «неправомерные действия» СМИ в отношении граждан и юридических лиц стали носить все более распространенный характер и отличаться постоянно растущей агрессивностью. Мы провели криминологическое исследование некоторых фактов, наводящих на размышления не только граждан и организаций, но и правоохранительных, судебных органов.

Наш ретроспективный взгляд на советское законодательство выявляет четкую и последовательную линию на всемерную охрану

личных прав граждан и их законных интересов, честь и достоинство. Существенное своеобразие влияния и эффективности СМИ на общественное мнение отражает политические и экономические противоречия общества. В законе нет даже примерного перечня порочащих сведений. Суд в каждом отдельном случае решает вопрос о характере распространенных сведений и необходимости опровержения тех из них, которые не соответствуют действительности. Закон также не называет способов распространения порочащих сведений, так как допускает их оспаривание при любой форме разглашения. Вместе с тем ст. 7 оговаривает лишь два способа распространения и порядок их опровержения. Кроме распространения сведений в печати, ч. 2 ст. 7 Основ называет документы, исходящие от организации [1]. Согласно этому разъяснению порочащими считаются сведения, которые «умаляют честь и достоинство гражданина или организации в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения законов, правил социалистического общежития и принципов коммунистической морали» [2].

Установлено, что «дела» о защите чести и достоинства составляют ничтожно малое количество. Причины тому самые разные. Прежде всего нормы уголовного и гражданского законодательства обладают превентивным характером. Это определяет и поведение граждан, и деятельность организаций. Вместе с тем можно предположить, что гражданин не обращался в суд за защитой чести и достоинства из-за болезни прослыть сутяжником, из-за незнания порядка защиты, а порой из-за нежелания предавать гласности свои переживания. Безнаказанность придает им новые силы, но в таких случаях свой голос поднимает общественность. Общественный порядок защиты чести и достоинства наряду с судебным способствует усилению правовой пропаганды, где цель познакомить граждан с действующим законодательством, помочь реализовать свои субъективные права, но и воспитывать уважение к личности другого человека, его достоинству, которое должно стать нравственным долгом, а не только правовой обязанностью. При анализе ст. 7 Основ и ст. 20 Закона СССР о государственном нотариате возникал вопрос как соотнести эти нормы. В Законе о государственном нотариате сказано, что он вправе делать вывод о характере сведений, содержащихся в документе. В отличие от суда, нотариусы не допрашивают стороны, свидетелей, не исследуют представленные доказательства, т.е. они не обладают теми средствами, которыми располагают суд при решении вопроса о порочащем характере сведений, содержащихся в документе. Были дискуссии о том, что соответствует ли такое расширение компетенции нотариусов конституционному положению о судебной защите чести и достоинства личности. Фактически только гласность и состязательность судебного процесса обеспечивают всестороннее рассмотрение материалов дела и вынесение на их основе решения о характере распространенных сведений, о степени умаления чести и достоинства личности. Конституция СССР 1977 г., и значительное число законодательных актов содержали нормы о правах и обязанностях участников тех или иных правоотношений, о гарантиях осуществления субъективных прав, о компенсации государственных органов, которые способствуют их реализации и охране. Иными словами, защита чести и достоинства личности могла совершаться в состоянии добросовестного заблуждения, т.е. распространитель порочащих сведений может быть убежден в их достоверности, это обстоятельство было учтено законодателем. Командообразование - хорошая подход, для сплачивания коллектива [3].

Социальная сущность чести и достоинства личности. Представление о чести и достоинстве личности всегда зависело от характера общественных отношений, основу которых составляли материальные условия жизни общества. Каждая общественная формация вырабатывала свое понимание чести и достоинства. Рабовладельцы Древней Греции и Древнего Рима не признавали чести и достоинства раба, ибо он был вещью. В феодальном обществе честь и достоинство объявлялись привилегий дворянства, а ценность человека определялась его происхождением, родословной. Главным критерием оценки человека в буржуазном обществе стало богатство, деньги. Такие блага личной и духовной жизни людей, как честь, совесть, достоинство, превратились в объект откровенной торговли. Буржуазной морали, буржуазному представлению о чести и достоинстве противостоит мораль пролетариата, его собственное понимание чести и достоинства. Их формирование связано с борьбой против буржуазии, в результате которой происходит сплочение трудящихся, усваивающих идеи научного социализма, осознающих свои классовые интересы. Говоря о важности классового самосознания для пролетариата «смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости – важнее хлеба» [4].

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая частную собственность на орудия и средства производства, эксплуатацию человека человеком положила начало новым общественным отношениям. Социалистический способ производства и порядок распределения материальных благ объединил людей, породил отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, способствовал удовлетворению материальных и культурных потребностей трудящихся. Социалистические общественные отношения породили новые критерии оценки личности: отношение человека к трудовым обязанностям, к выполнению общественного долга, к соблюдению требований законов, морали и правил социалистического общежития, личные нравственные качества. Стремясь раскрыть юридическую природу чести и достоинства и определить их как правовые критерии, ученые-юристы исходят из данных смежных наук – философии, психологии, педагогики [5].

В Конституции СССР, и в отраслевом законодательстве речь идет о защите чести и достоинства гражданина или организации. В самой Конституции СССР и в ряде законодательных актов проводится мысль о воспитании этих качеств человека. Оно начинается с подросткового возраста, когда юноши и девушки достигают определенного уровня знаний о моральных и этических нормах поведения. На первых порах между желаниями, интересами молодежи и ее пониманием чести и достоинства существует разрыв, который сокращается по мере взросления подростков. Формирование личности происходит в семье, школе, институте, трудовом коллективе, общественных организациях и т.д., где образцом нравственного поведения служит личный пример родителей, родных, учителей, преподавателей, наставников. Накопление личностью нравственного потенциала продолжается в процессе всей последующей общественной деятельности. Хотя сам процесс воспитания чести и достоинства граждан не опосредуется правовыми нормами, тем не менее они оказывают на него определенное воздействие. Поэтому в правовых нормах формируются положения о воспитании этих качеств, уважении их со стороны других людей, охране от возможных посягательств. В юридической литературе свидетельствуют мнения и суждения ряда авторов что они считают честь и достоинство субъективным правом, которое сводится к тому - об их неоднозначности предлагалось рассматривать честь и достоинство таким образом, между субъективным правом и социальным благом ставится знак равенства, хотя эти понятия далеко не тождественны [6]. В то же время, характеризуя право на честь и достоинство как личное неимущественное, независимое от имущественных прав, абсолютное право, А.В. Белявский раскрывает понятие чести и достоинства как блага «неотделимого от личности человека». Более правильной представляется позиция К.Ф. Егорова, который считает невозможным отнесение не только с осознанием человеком своей социальной ценности, но и с совершением социально значимых поступков. Человек может трудиться с 16 лет, вступать в брак и создавать семью – с 18 лет, избирать органы государственной власти – с 18 лет, быть избранным в Верховный Совет СССР – по достижении 21 года. Оценка чести и достоинства человека труженика, семьянина, общественного деятеля и т.д. отражает отдельные стороны его жизни и деятельности в разные периоды. Честь, достоинство, жизнь, здоровье, личная свобода. Честь и достоинство личности как социальное благо связаны и охранялось советским правом. В этом убеждают основополагающие нормы Конституции СССР и нормы отраслевого законодательства [7]. В обзоре практики Верховного Суда РСФСР по рассмотрению судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР, обращалось внимание судов на правильность возбуждения дел этой категории, на законность и обоснованность отказа в возбуждении уголовных дел частного обвинения, на возможность направления материалов и дел частного обвинения на возможность направления материалов и дел частного обвинения на рассмотрение товарищеских судов, которым это право предоставлено ст. 151 УК РСФСР [8].

Для злостных клеветников предусматривается не только материальное наказание, но и уголовная ответственность. «Непонимающим» о прекращении распространения информации или об опровержении ранее распространенной информации, с 13 октября 2018 года действуют два закона.

Чудес не бывает, необходимо найти их причину. Начнем с рассмотрения законотворчества и рассуждения о противоречивости в законодательной базе, регулирующей доступ не только к информации, но и что более важно предание ее гласности (публичности) в СМИ. С одной стороны, в законах и подзаконных актах, существует конституционное право каждого гражданина, в том числе и журналиста, на свободу поиска, получения и распространения информации, «конкретизированное» в законе «О средствах массовой информации». Клевета, распространение заведомо ложных, позорящих кого-либо измышлений, и в СССР карается в уголовном порядке [10]. Неправдивая информация корреспондента не всегда является клеветой или оскорблением [11].

С другой – Конституция РФ, как, впрочем, и тот же закон о СМИ, не говоря уже о подзаконных актах содержащие конкретные ограничения перечисленных прав и свобод, недопустимы использование печати, радио, телевидения. Наряду с Конституцией и законом о СМИ ограничения свободы распространения информации содержатся и в некоторых других правовых актах. Гражданский кодекс РФ запрещает распространение порочащих сведений. Закон «О чрезвычайном положении» допускает введение цензуры в районах его действия. Закон о СМИ (ст.39) наделяет редакцию каждого издания правом запрашивать в письменной или устной форме сведения от организаций и их должностных лиц (в том числе прокуратуры, полиции, налоговых, таможенных и других правоохранительных структур). Отказ предоставить ее допускается лишь в специально оговоренных законодательством случаях (в частности, если интересующие редакцию или конкретного журналиста факты, препятствующие предоставлению интересующих сведений, с обязательной ссылкой на правовые основания принятого решения. Так сказать, обвинение – плакатными буквами, опровержение – нонпаралельно [12].

Тем не менее не все журналисты «знают», что ст. 5 закона «О прокуратуре Российской Федерации» на сей счет содержит существенное указание: «Никто не вправе без разрешения прокурора разглашать материалы проверок, проводимых органами прокуратуры, до их завершения». Отсюда вытекает право прокурора отказать в предоставлении информации о своей профессиональной деятельности, если он считает ее оглашение нецелесообразным. По общему правилу, право распоряжаться информацией по уголовному делу сохраняется и за следователем до рассмотрения материалов в суде, вступления в законную силу обвинительного приговора либо решения о прекращении уголовного дела [13].

Боле того, та же ст. 5 закона «О прокуратуре Российской Федерации» гласит: «Прокурор не обязан давать каких-либо объяснений по существу находящихся в его производстве дел и материалов, а также предоставлять их кому бы то ни было для ознакомления, иначе как в случаях и порядке, предусмотренных п. 4 настоящей статьи». Правда, отказ предоставить запрашиваемые журналистом в прокуратуре сведения может быть оспорен в судебном порядке. Причем предъявление исковых требований о неправомерности отказа в предоставлении информации, уклонения прокурора или следователя от встречи с представителем СМИ журналист может совместить с постановкой вопросов о привлечении должностных лиц правоохранительных органов к ответственности за воспрепятствование его профессиональной деятельности, а также возмещении морального ущерба. Следует заметить, что закон не содержит жестких критериев неправомерности отказа в предоставлении, запрашиваемой у правоохранительных органов, судов и нотариальных контор информации. Законное право на поиск, производство и распространение информации предоставляет журналистам широкие возможности такого рода. Но злоупотреблять им, использовать в ущерб интересам правосудия, ставить под угрозу безопасность участников уголовного процесса представители средств массовой информации не должны. Хотелось бы напомнить журналистам, пишущим на правовые темы, и о том, что можно констатировать, что разглашение материалов проверок или предварительного следствия без санкции на то прокурора даже лицом, которое об этом не было предупреждено, составляет нарушение закона о СМИ (разглашение специально охраняемой законом тайны).

«Другая» распространенная крайность – стремление журналистов не только поразить сенсационностью добытого материала, но и навязать читателям, зрителям, слушателям собственное «видение» правонарушения, оценивать действия следователя, прокурора, нотариуса выступать в защиту одних, критиковать других. Трудно сосчитать количество язвительных выступлений прессы в адрес работников правоохранительных органов, судей, нотариусов только за сам факт возбуждения уголовного дела в отношении них. УК РФ (ст. 294) предусматривает за это весьма серьезную ответственность. Столь же часто журналисты пренебрегают и другим требованием закона. Если редакция не может доказать, что распространенные ею сведения соответствуют действительности, она обязана опровергнуть их на своих страницах. Причем публикации подлежит именно тот текст опровержения, который подготовлен опороченным гражданином или организацией. На практике же гораздо чаще вместо опровержения печатается редакционный комментарий даже по проигранным судебным искам, сопровождающийся попытками оправдаться и унизительными выпадами в адрес оскорбления стороны. Проводя криминологический анализ, мы пришли к малоутешительному выводу – подавляющее большинство новостей и обзоров посвящены «компьютерам» - новинки компьютерного рынка, игровых программ, бизнес-приложения и т.д. Многие интернет-страницы по праву – проблемам компьютерного права (охрана интеллектуальной собственности на программное обеспечение, ответственность за несанкционированное проникновение в чужие локальные сети (взлом) и распространение вирусов). На втором месте по распространенности – новости политической и общественной жизни, а также экономические новости [14].

Безусловно, большинство недоразумений удалось бы избежать при более тесном взаимодействии правоохранительных структур, судей, нотариусов со средствами массовой информации, при постоянных деловых контактах между ними. Стремясь к этому, Нотариальные палаты совместно со всеми правоохранительными ведомствами и судебными органами, СМИ заключают соглашения о взаимодействии. К сожалению, такие документы, предусматривающие весьма широкий перечень мер и нацеленный на формирование в обществе уважения к праву и к правоохранительным органам, суду, нотариусам, к закону и практике его применения, до сего времени не вызвал никакого интереса ни в структурах правительства, ни в государственной думе и «тонут» где-то в их недрах. Если сдуть пыль с предлагаемых неоднократно проектов этих «важных» документов - закон оружие острое, вдвойне – когда его действие помножено на силу прессы.

В практической деятельности достаточно скорректированная работа от представленных выше рассуждений существует и исследования общественного мнения показывают убедительное эмпирическое подтверждение, что общество не расслабляется ни на секунду, всегда ожидает форс-мажора, т.к. чудес не бывает всегда ищи причину социального кризиса. К сожалению, этот аспект нельзя недооценивать прежде всего, он базируется на прочном экономическом фундаменте, поскольку даже при высокой развитости демократических процедур и сети общественных организаций говоря о клевете, когда каждый должен в полной мере отвечать за свою сферу деятельность оставляет желание быть лучше. когда каждый должен в полной мере отвечать за свою сферу деятельность оставляет желание быть лучше. когда каждый должен в полной мере отвечать за свою сферу деятельность оставляет желание быть лучше. Не всегда типизированные формы социальной позиции и роль социальных структур и действий охватывается понятием - «первоисточника» коррупции.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О применении в судебной практике ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций» от 17 дек. 1971 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1972. — № 1. — С. 3–10.

2. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1981. — № 44. — Ст. 1184.

3. Конституционный статус личности в СССР. — М. : Юрид. лит., 1980. — С. 172.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. — 2-е изд. — Т. 4. — С. 426.

5. Девадзе Н. К. Основы формирования чести и собственного достоинства у учащихся старших классов средней школы : дис. ... канд. пед. наук. — Тбилиси, 1974. — 168 с.

6. Сов. юстиция. — 1974. — № 2. — С. 8.

7. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1979. — № 12. — С. 6.

9. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1980. — № 5. — С. 13.

10. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — М. : Советская энциклопедия, 1982. — С. 594.
11. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. — М., 1997. — 199 с.
12. Преступность и духовность. — М. : Российская криминологическая ассоциация, 2008. — С. 264.
13. Российская газета. — 2016. — 1 нояб. (№ 247). — С. 3–4. — URL: https://rg.ru (дата обращения: 20.09.2026).
14. Общественно-политические, финансовые и правовые новости. — URL: http://www.park.ru (дата обращения: 20.09.2026).

Protection of honour and dignity of the individual under soviet and russian legislation: a crim.

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.
Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Freedom of speech has degenerated into the freedom to insult and to slap everyone in the face

Within the framework of analyzing the rights to protect the honor and dignity of the individual, the author examines legislative and legal instruments. The trend of violation of these rights has been growing alarmingly in recent times, and the media are increasingly resorting to slander. And there are objective reasons for this. Drawing a parallel with the USSR, it is possible to make assumptions about the methods of resolving the issue of slander at that time and now. A view of such cases is presented from the side of the judicial process, the prosecutor's office and the media, in particular the impact of the media on certain segments of the population with various purposes. The framework of the law within which such court proceedings take place, as well as what improvements to the legal system can be undertaken to facilitate and improve cases on the protection of honor and dignity.

Keywords: protection of honor and dignity of the individual, media, criminology, analysis of legal norms, slander, prosecutor's office.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR "On the application in judicial practice of Art. 7 of the Fundamentals of Civil Legislation of the USSR and Union Republics on the protection of honour and dignity of citizens and organisations" of 17 December 1971 // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. — 1972. — No. 1. — P. 3–10.
2. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. — 1981. — No. 44. — Art. 1184.
3. The Constitutional Status of the Individual in the USSR. — Moscow : Yuridicheskaya Literatura, 1980. — P. 172.
4. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party // Works. — 2nd ed. — Vol. 4. — P. 426.
5. Devadze N. K. Fundamentals of the Formation of Honour and Self-Dignity in Senior Secondary School Pupils : diss. ... Cand. of Pedagogical Sciences. — Tbilisi, 1974. — 168 p.
6. Sovetskaya Yustitsiya. — 1974. — No. 2. — P. 8.
7. Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR. — 1979. — No. 12. — P.
9. Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR. — 1980. — No. 5. — P.
10. Soviet Encyclopaedic Dictionary / ed.-in-chief A. M. Prokhorov. — Moscow : Sovetskaya Entsiklopediya, 1982. — P. 594.
11. Tikhomirova L. V., Tikhomirov M. Yu. Legal Encyclopaedia / ed. by M. Yu. Tikhomirov. — Moscow, 1997. — 199 p.
12. Crime and Spirituality. — Moscow : Russian Criminological Association, 2008. — P. 264.
13. Rossiyskaya Gazeta. — 2016. — 1 November (No. 247). — P. 3–4. — URL: https://rg.ru (accessed: 20.09.2026).
14. Socio-Political, Financial and Legal News. — URL: http://www.park.ru (accessed: 20.09.2026).

Криминологическая характеристика современной налоговой преступности в Российской Федерации (тенденции, структура и динамика)

Королев Александр Германович
аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Представлена криминологическая характеристика налоговой преступности в Российской Федерации за период 2015–2025 гг. Методологическую основу исследования составляет системный подход, предполагающий анализ количественных (состояние, уровень, динамика) и качественных (структура, характер) показателей преступности. Автор использует методы статистического анализа, а также теоретические положения современной криминологии, акцентируя необходимость синтеза количественных и качественных методик для получения достоверных выводов о состоянии изучаемого феномена. На основе официальных статистических данных МВД России проанализированы тенденции выявления налоговых преступлений (статьи 198–199.4 УК РФ). Установлено, что за 2015–2025 гг. их число сократилось более чем вдвое – с 9 283 до 4 784, а доля в структуре экономической преступности снизилась с 8,5% до 4,5%, что свидетельствует о структурном сжатии данного сегмента. Выявлена стабилизация абсолютных показателей на уровне 4,6–5,5 тыс. деяний в год, что указывает на сохранение устойчивого «фонового» массива крупных уклонений. Отдельное внимание уделено проблеме отсутствия в судебной статистике отдельного учёта налоговых преступлений, что создаёт методологический пробел для полноценного мониторинга правоприменительной практики. Полученные выводы: эволюция налоговой преступности характеризуется структурным сжатием, стабилизацией выявляемости на сниженном уровне. Перспективы исследований связаны с необходимостью совершенствования статистического учёта и проведения комплексных криминологических изысканий, учитывающих современные законодательные и правоприменительные реалии.

Ключевые слова: налоговая преступность, криминологическая характеристика, динамика преступности, структура преступности, экономическая преступность, уклонение от уплаты налогов, судебная статистика.

Налоговая преступность относится к преступности в сфере экономической деятельности, при этом учеными абсолютно справедливо отмечается, что последняя обладает наивысшим уровнем латентности [2, С. 256]. В контексте современной российской криминологической науки обращение к феномену налоговой преступности представляет собой исследование сложной, структурированной системы знаний, позволяющей перейти от абстрактного уголовно-правового догматизма к эмпирическому познанию социальной патологии.

Как справедливо отмечают С.В. Иванцов и Д.Е. Дроздов, криминологическая характеристика преступности – это специфичный способ познания, основанный на исследовании достоверной информации о преступности, ее определенных видах или группах, используемый для выявления закономерностей, тенденций, иных показателей и в итоге для построения эффективной системы предупреждения правонарушений [1, С. 19-20]. Методологическая ценность данного подхода заключается в том, что он позволяет анализировать реальную социальную действительность, обладающую собственными закономерностями. Однако, как подчеркивает Т.М. Судакова, реализация этой ценности напрямую зависит от адекватности методологического инструментария, так в условиях наблюдаемого сегодня в общественных науках методологического плюрализма криминология испытывает на себе закономерный процесс становления интегративных подходов к принципам проведения и интерпретации научного исследования, а характерными особенностями состояния методологической основы являются осознание недостаточности традиционных принципов, их инерционное использование либо полное отрицание [4].

Через призму такой комплексной методологической оценки, предполагающей синтез количественных и качественных методов, становится возможна выработка научно обоснованных мер противодействия, переходящих от стратегии репрессии к стратегии упреждающего воздействия на причины и условия.

Рассматривая через эту теоретическую оптику феномен налоговой преступности в Российской Федерации, следует подчеркнуть, что его значение колоссально возрастает в условиях текущей геополитической турбулентности и необходимости наполнения бюджета.

И.И. Лиханова отмечает, что несмотря на принимаемые на законодательном уровне меры по минимизации налогообложения, уклонение от уплаты налогов продолжает оставаться сложной экономической и правовой проблемой, а изменения, отмеченные в последнее время в структуре и динамике налоговой преступности, свидетельствуют о том, что криминальное проникновение в налоговую сферу носит организованный и профессиональный характер, при этом постоянно растут уровень и качество интеллектуального обеспечения этого вида противоправной деятельности [3]. В развитие данного тезиса Т.М. Судакова акцентирует, что исследование тенденций развития определенного объекта должно осуществляться с необходимостью сопоставления получаемых данных с общими закономерностями развития преступности в изучаемой сфере, а осознание включенности преступного поведения в структурно-системную связь явлений и процессов, образующих единый общественный организм, должно обеспечивать единообразие криминологических исследований [4, С. 660].

Именно криминологическая характеристика в её современной интерпретации вскрывает неочевидные, но крайне устойчивые механизмы уклонения, укорененные в менталитете хозяйствующих субъектов, а также выявляет сложнейшую сеть детерминант – от амбивалентности законодательства до коррупционного фактора, анализ которых позволяет констатировать многолетнюю и сохраняющуюся актуальность проблематики.

Структура криминологической характеристики налоговой преступности в России, в соответствии с современными научными подходами, требует рассмотрения её количественных (состояние, уровень, динамика) и качественных (структура и характер) показателей, а также данных о личности преступника, типичных способах совершения деяний и детерминантах.

Как обоснованно отмечают криминологи, структуру криминологической характеристики преступности образует ряд элементов, каждый из которых состоит из основных и факультативных признаков: количественные и качественные показатели преступности за период времени в границах определенной территории; объективные и субъективные признаки преступления; сведения о личности преступника; сведения о личности жертвы преступления (последний элемент является факультативным) [1, С. 22].

Применительно к налоговой сфере исследователи выделяют ряд ключевых показателей: высокий удельный вес сокрытий доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения, при этом более половины преступлений данного вида совершается в особо крупных размерах, что указывает на значительное число крупных собственников, не желающих платить налоги в государственный бюджет и использующих для этих целей различные ухищрения и маскировку [3].

Анализ структуры свидетельствует о том, что уязвимость механизма исчисления налогов, предусматривающего целый ряд исключений и изъятий, а также наличие льгот по их уплате, используемых незаконно, в сочетании с повышенным уровнем корыстной мотивации, определяют направленность преступных посягательств на уклонение от уплаты налогов, предусматривающих наиболее крупные отчисления в бюджет [3, С. 71-72].

Актуальность темы дополнительно подчеркивается тем фактом, что фундаментальные исследования в области криминологической характеристики именно налоговой преступности, комплексно охватывающие все её аспекты, длительное время не проводились, а опубликованная работа И.И. Лихановой датирована 2007 годом, что создает существенный пробел в научном знании, особенно на фоне постоянных изменений налогового и уголовного законодательства, появления новых способов уклонения и трансформации правоприменительной практики [3].

Представляется крайне необходимым проведение новых комплексных исследований, релевантных современным вызовам, что позволит создать полноценную модель криминологической характеристики налоговой преступности как основы для совершенствования государственной политики в этой сфере. В рамках настоящего исследования предметом выступает именно тенденции, структура и динамика налоговой преступности в России как элементы криминологической характеристики.

За период с 2015 по 2025 год число выявленных налоговых преступлений (статьи 198–199.4 УК РФ) демонстрировало снижение количества выявляемых налоговых преступлений (Таблица 1). В абсолютных величинах тренд выглядит следующим образом: 9 041 (2015 год), 9 283 (2016 год, +2,7% к предыдущему году), 8 654 (2017 год, –6,8%), 7 630 (2018 год, –11,8%), 4 503 (2019 год, –41,0%), 4 872 (2020 год, +8,2%), 5 543 (2021 год, +13,8%), 5 264 (2022 год, –5,0%), 4 935 (2023 год, –6,2%), 4 639 (2024 год, –6,0%) и 4 784 (2025 год, +3,1%) [5].

Таблица 1
Статистические данные о налоговых преступлениях (2015-2025 гг.), на основе официальных статистических данных МВД России

Год	Выявлено налоговых преступлений (абс.)	Темп прироста к предыдущему году, %	Доля в экономических преступлениях, %	Доля в общем числе преступлений, %
2015	9 041		8,0	0,38
2016	9 283	+2,7	8,5	0,43
2017	8 654	–6,8	8,2	0,42
2018	7 630	–11,8	7,0	0,38
2019	4 503	–41,0	4,3	0,22
2020	4 872	+8,2	4,6	0,24
2021	5 543	+13,8	4,7	0,28
2022	5 264	–5,0	4,7	0,27
2023	4 935	–6,2	4,7	0,25
2024	4 639	–6,0	4,4	0,24
2025	4784	+3,1	4,5	0,27

При этом их удельный вес в структуре всех выявленных преступлений экономической направленности последовательно изменялся: 8,0% в 2015 году, 8,5% в 2016-м, 8,2% в 2017-м, 7,0% в 2018-м, затем резкое снижение до 4,3% в 2019 году, после чего показатель стабилизировался в диапазоне 4,3–4,7% вплоть до 2025 года (4,5%). Доля налоговых преступлений в общем массиве зарегистрированных преступлений на протяжении всего десятилетнего периода оставалась ничтожно малой и никогда не превышала 0,5%, что подтверждает их относительно незначительное положение в общей криминальной структуре преступлений экономической направленности.

График 1. Динамика выявленных налоговых преступлений (2015-2025 гг.), на основе официальных статистических данных МВД России

Интересной точкой для анализа является спад 2019 года, который не был вызван изменениями уголовного закона, поскольку таковых в тот год не принималось. Вероятными причинами резкого падения выявляемости стали возможные ведомственные корректировки методики первичного учёта и критериев отнесения деяний к налоговым составам, но главное, на наш взгляд, принятое в ноябре 2019 года Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», которое содержало разъяснения о необходимости доказывания прямого умысла и трактовки сомнений в пользу налогоплательщика, что объективно повысило осторожность правоприменителей и могло временно снизить число регистрируемых преступлений.

Нельзя не отметить и возможную переориентацию подразделений правоохранительных органов на другие виды экономических преступлений, в первую очередь на мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, рост которых в тот период был значительным. Таким образом, падение 2019 года носит институционально-организационный, а не законодательный характер, вместе с тем ожидать резкого скачка в сторону увеличения выявляемых преступлений в данной области пока не приходится, хотя предпосылки к небольшому увеличению имеются.

С 2019 по 2025 год доля налоговых преступлений в экономической преступности стабилизировалась на уровне 4,3–4,7%, что с криминологической точки зрения свидетельствует о формировании устойчивого «фонового» уровня налоговой преступности, отражающего объективно существующий объём уклонений, не поддающихся эффективному пресечению. Этот уровень не зависит от краткосрочных экономических циклов и определяется структурными факторами, к ним можно отнести сложностью налогового законодательства, практикой уклонения и избирательностью правоохранительного реагирования. Реальные изменения уголовного закона произошли в 2020, 2023 и 2024 годах. Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ установил твёрдые денежные суммы для квалификации преступных размеров, отказавшись от расчётных долей. Федеральный закон от 18.03.2023 № 78-ФЗ смягчил санкции, снизив максимальные сроки лишения свободы по квалифицированным составам с 6 до 5 лет (ст. 199, 199.1) и с 7 до 5 лет (ст. 199.2), что перевело данные деяния из категории тяжких в категорию преступлений средней тяжести со сроком давности 6 лет вместо 10. Однако эти изменения не привели к обвальному падению статистики – снижение в 2023 году составило всего 6,2% по сравнению с 2022 годом, что позволяет предположить, что правоприменительная практика уже адаптировалась к новым порогам, и основная масса выявляемых деяний относится к крупным и особо крупным размерам, оставшимся в поле уголовного преследования.

Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ провёл масштабную индексацию порогов уголовной ответственности с учётом инфляции, увеличив пороговые значения на 25%, что привело к автоматическому прекращению множества возбуждённых дел и отказов в их возбуждении.

Важно подчеркнуть, что в отчётах Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 1) налоговые преступления не выде-

лены в отдельную строку, а включены в обобщённую группу «Преступления в сфере экономической деятельности» [6]. На наш взгляд, это создаёт методологическую проблему для полноценного мониторинга, так как практически невозможно достоверно судить о динамике лишь на этапе возбуждения дел, но не на этапе судебного разбирательства и вынесения приговоров. Доля налоговых дел в судебной нагрузке может быть оценена лишь приблизительно – она, по всей вероятности, коррелирует с долей выявленных налоговых преступлений в общем массиве экономических (около 4–5% от всех экономических дел, рассматриваемых судами), однако точное соотношение остаётся неизвестным из-за отсутствия детализации в судебной статистике.

В целом, с учётом сделанных уточнений, динамика налоговых преступлений представляет собой сложное взаимодействие организационных, правоприменительных и институциональных факторов, а не только реакцию на изменения налогового и уголовного законодательства. За 2015-2025 гг. доля этих деяний в экономической преступности сократилась примерно вдвое – с 8,0% до 4,5%, что может указывать как на повышение эффективности налогового администрирования, так и на перераспределение приоритетов правоохранительных органов в сторону других экономических составов.

Современная уголовно-правовая политика России в сфере противодействия налоговым преступлениям демонстрирует переход от репрессивной модели к компенсационной, где приоритетом становится возмещение ущерба бюджетной системе, а не изоляция виновных в налоговых преступлениях. В 2025 году впервые за последние четыре года зафиксирован рост числа выявленных налоговых преступлений (+3,1% относительно 2024 года), что может свидетельствовать о возможном изменении поведения налогоплательщиков в условиях экономической нестабильности. Однако абсолютные значения остаются незначительными, что не позволяет говорить о качественном изменении роли налоговых преступлений в структуре экономической и общей преступности.

На протяжении анализируемого периода (2015–2025 гг.) прослеживаются несколько устойчивых тенденций, характеризующих эволюцию налоговой преступности в России:

наблюдается структурное сжатие данного сегмента, так как доля налоговых преступлений в общем массиве экономических деяний сократилась почти вдвое – с 8,0–8,5% в 2015–2016 гг. до 4,4–4,7% в последние годы, что свидетельствует о постепенном «вымывании» налоговых составов из сферы уголовно-правового реагирования и их переводе в плоскость административно-финансовых деликтов;

зафиксирован тренд на законодательную либерализацию, выраженный в трёх последовательных этапах реформирования (2020, 2023, 2024 гг.), которые повысили пороговые значения ущерба, смягчили санкции и перевели квалифицированные составы в категорию менее тяжких преступлений, что отражает сдвиг уголовной политики от репрессии к компенсации ущерба;

обращает на себя внимание стабилизация абсолютных показателей выявления на уровне 4,6–5,5 тыс. преступлений в год после резкого спада 2019 года: несмотря на либерализацию законодательства, количество регистрируемых деяний не обрушилось, что указывает на сохранение устойчивого «фонового» массива крупных и особо крупных уклонений, которые остаются в поле уголовного преследования даже при повышенных порогах;

имеет место разворот тренда в 2025 году (+3,1% после четырёх лет снижения) может сигнализировать о начале нового цикла, связанного с активизацией контрольных органов в условиях экономической нестабильности либо с изменением поведения налогоплательщиков.

Литература

1. Иванцов С.В., Дроздов Д.Е. О модели криминологической характеристики преступности // Общество и право. 2025. №3 (93). С. 19-24.

2. Криминология : учебник для аспирантов / под ред. И. М. Мацкевича. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 368 с.

3. Лиханова И.И. Криминологическая характеристика налоговой преступности // Известия БГУ. 2007. №1. С. 70-72.

4. Судакова Т.М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. 2017. №4. С. 656-657.

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2015-2025 гг. Официальные статистические данные МВД России. [электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/2/ (дата обращения: 27.07.2026).

6. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации 2015-2024 гг. [электронный ресурс] // URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 27.07.2026).

7. Терехов М. Г. Опыт зарубежных юрисдикций по применению цифровых доказательств в административном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2026. – № 1(109). – С. 57-67.

8. Терехов М. Г. Цифровые активы в системе публичного и частного права. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2025. – 152 с.

Criminological characteristics of modern tax crime in the Russian Federation (trends, structure and dynamics)

Korolev A.G.
Yaroslav the Wise Novgorod State University

The article presents a criminological analysis of tax crime in the Russian Federation for the period 2015–2025. The methodological basis of the study is a systems approach involving the analysis of quantitative (status, level, dynamics) and qualitative (structure, nature) indicators of crime. The author uses statistical analysis methods and theoretical principles of modern criminology, emphasizing the need to synthesize quantitative and qualitative methods to obtain reliable conclusions about the state of the phenomenon under study. Using official statistics from the Ministry of Internal Affairs of Russia, the article analyzes trends in the detection of tax crimes (Articles 198–199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation). It was found that over the period 2015–2025, their number decreased more than halved – from 9,283 to 4,784, and their share in the structure of economic crime decreased from 8.5% to 4.5%, indicating a structural contraction of this segment. A stabilization of absolute figures at 4,600–5,500 incidents per year was identified, indicating the persistence of a stable background pattern of major tax evasion. Particular attention is paid to the lack of separate accounting of tax crimes in judicial statistics, which creates a methodological gap for comprehensive monitoring of law enforcement practices. The findings indicate that the evolution of tax crime is characterized by structural contraction and stabilization of detection rates at a reduced level. Future research opportunities revolve around the need to improve statistical accounting and conduct comprehensive criminological research that takes into account current legislative and law enforcement realities.

Keywords: tax crime, criminological characteristic, crime dynamics, crime structure, economic crime, tax evasion, judicial statistics.

References

1. Ivantsov S.V., Drozdov D.E. On the Model of Criminological Characteristics of Crime // Society and Law. 2025. No. 3 (93). Pp. 19-24.
2. Criminology: Textbook for Postgraduate Students / edited by I.M. Matskevich. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 368 p.
3. Likhanova I.I. Criminological Characteristics of Tax Crime // Bulletin of BSU. 2007. No. 1. Pp. 70-72.
4. Sudakova T.M. Criminological Research: Theoretical and Methodological Foundations // All-Russian Criminological Journal. 2017. No. 4. Pp. 656-657.
5. The state of crime in the Russian Federation for January-December 2015-2025. Official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia. [electronic resource] // URL: https://мвд.рф/reports/2/ (date of access: 27.07.2026).
6. Judicial statistics data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2015-2024. [electronic resource] // URL: https://cdep.ru/?id=79 (date of access: 27.07.2026).
7. Terekhov M. G. Experience of foreign jurisdictions in the use of digital evidence in administrative proceedings // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2026. - No. 1 (109). - P. 57-67. 8. Terekhov M. G. Digital assets in the system of public and private law. – Moscow: Limited Liability Company "Rusains", 2025. – 152 p.

Роль специальных правил назначения наказания в механизме реализации принципа индивидуализации

Магомедов Давди Бадавиевич
кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), mdb2@mail.ru,

Магомедова Заира Руслановна
магистрант, кафедра уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет, zairamagomedova1608@icloud.com

Специальные правила назначения наказания (ст. 62, 66 и 68 УК РФ) изменяют пределы лишения свободы, внутри которых суд индивидуализирует наказание, но для всей Особенной части не измерено, когда правило только сужает интервал, а когда переводит назначение ниже низшего предела санкции без ст. 64 УК РФ. Работа устанавливает эту границу и её распространённость. Исследованы 999 санкций статей 105–361 УК РФ в редакции от 04.08.2026 с лишением свободы на определённый срок, постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58 и № 60 и открытые данные о числе осуждённых по частям статей за 2023–2024 гг. Для каждой санкции по порядку, установленному Пленумами, рассчитаны пределы наказания при отдельном и совместном применении правил и выявлена коллизия пределов, при которой рассчитанный верхний предел не превышает низшего предела. Коллизия возникает при отношении минимума санкции к максимуму не меньше коэффициента правила; у половины санкций с собственным минимумом это отношение лежит между 1/2 и 2/3. Часть 1 ст. 62 УК РФ даёт коллизию в 47 санкциях (4,9 %), ч. 5 ст. 62 – в трёх санкциях без осуждённых в 2024 г., досудебное соглашение, покушение и приготовление в сочетании с ч. 1 ст. 62 – в 22,3–64,0 % санкций. При покушении добавление ч. 1 ст. 62 в 193 из 925 санкций (20,9 %) формально расширяет интервал. Правило о рецидиве повышает нижнюю границу в 684 санкциях. Режим действия специального правила задаётся соотношением пределов санкции, поэтому его роль в индивидуализации наказания определяется конструкцией санкций Особенной части.

Ключевые слова: назначение наказания, индивидуализация наказания, специальные правила назначения наказания, низший предел санкции, смягчающие обстоятельства, неоконченное преступление, рецидив преступлений, особый порядок судебного разбирательства.

Введение

Часть 3 ст. 60 УК РФ связывает выбор судом вида и срока наказания в пределах санкции с общественной опасностью преступления, личностью виновного, смягчающими и отягчающими обстоятельствами; через этот выбор реализуется принцип индивидуализации наказания. Между санкцией и назначенным сроком действует группа специальных правил, которые меняют сами пределы выбора: ч. 1, 2, 4 и 5 ст. 62, ч. 2 и 3 ст. 66, ч. 2 ст. 68 УК РФ. Каждое правило задаёт долю максимума наиболее строгого вида наказания, а п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. от 23.12.2025) разъясняет, что при совпадении рассчитанного верхнего предела с низшим пределом санкции или при его снижении ниже этого предела наказание назначается ниже низшего предела без ссылки на ст. 64 УК РФ.

В доктрине индивидуализация обычно отделяется от дифференциации ответственности, которую законодатель осуществляет конструкцией состава и санкции [4], а общественная опасность рассматривается как критерий, степень которой устанавливается судом по объективным и субъективным признакам деяния [1]. Анализ санкций Особенной части показал тенденцию к упразднению нижних пределов лишения свободы, вследствие которой всё большее число санкций отсылает к Общей части [9]. Для ст. 64 УК РФ отмечены несогласованность с другими правилами снижения наказания [5] и расширительное толкование исключительных обстоятельств [8]. Для сочетаний ст. 68 УК РФ с правилами ст. 62, 65 и 66 УК РФ определены максимальные и минимальные пределы наказания [11] [12]. Сравнительные исследования фиксируют, что в постсоциалистических государствах Европы принципу индивидуализации придаётся повышенное значение при широком усмотрении суда [14], а назначение наказания зависит от того, как нормативно построен интервал санкции [15].

Эти работы рассматривают правила по отдельности либо в конкретных сочетаниях. Не установлено, при каком условии специальное правило перестаёт только сужать интервал и начинает перемещать назначение ниже низшего предела, как часто это условие выполняется в санкциях Особенной части и по каким санкциям осуждается основная масса лиц. Задача исследования состоит в том, чтобы измерить на полном корпусе санкций действующего УК РФ, как специальные правила преобразуют интервал лишения свободы, в котором реализуется индивидуализация, и определить условие, при котором сужение интервала сменяется назначением наказания ниже низшего предела санкции.

Материалы и методы исследования

Материалом служит полный корпус санкций статей 105–361 УК РФ в редакции от 04.08.2026, полученный из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» 19.09.2026. Единицей анализа служит санкция части статьи, предусматривающая лишение свободы на определённый срок; таких санкций 999, из них 332 содержат собственный низший предел, 31 предусматривает также пожизненное лишение свободы или смертную казнь. Для остальных 667 санкций нижней границей принят общий минимум лишения свободы в два месяца (ч. 2 ст. 56 УК РФ). Формулировка «лишением свободы на тот же срок» отнесена к сроку предшествующего основного наказания той же санкции; части без санкции и санкции без лишения свободы на определённый срок исключены с записью в протокол очистки.

Применены формально-юридический анализ норм ст. 15, 30, 56, 62, 66 и 68 УК РФ и систематическое толкование этих норм вместе с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ; результатом анализа стали условия применимости и порядок исчисления, по которым затем выполнен расчёт. Категория преступления определялась по ст. 15 УК РФ через максимальный срок лишения свободы. Неосторожными признавались деяния из статей, в названии которых указана неосторожность; деяния из статей о нарушении правил, утрате имущества и о халатности, если последствие описано как причинённое по неосторожности; деяния, совершённые вследствие небрежного или ненадлежащего исполнения обязанностей; квалифицированные составы, отсылающие к такому основному составу. Остальные деяния с неосторожным последствием отнесены к

умышленным по ст. 27 УК РФ. Из закона и разъяснений следуют такие условия применения правил. Часть 1 ст. 62 УК РФ не применяется при санкции с пожизненным лишением свободы или смертной казнью (ч. 3 ст. 62), при досудебном соглашении такая санкция ограничивается двумя третями максимума лишения свободы на определённый срок (ч. 4 ст. 62), а в остальных санкциях – половиной (ч. 2 ст. 62). Часть 5 ст. 62 УК РФ рассчитана только для преступлений небольшой и средней тяжести: ч. 1 ст. 314 УПК РФ в редакции Федерального закона от 20.07.2020 № 224-ФЗ допускает особый порядок лишь по таким делам. Приготовление учитывалось только для тяжких и особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 30 УК РФ), а покушение и приготовление – только для умышленных, поскольку ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ описывают их как умышленные действия. Порядок сочетания соответствует п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60, по которому сначала применяется ст. 66, затем ч. 5 ст. 62, после этого ч. 1 ст. 62 УК РФ, а каждая доля исчисляется от предела, полученного на предыдущем шаге. Часть 1 ст. 65 УК РФ в расчёт не включалась, так как круг дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, определяется процессуальным законом, а не санкцией.

Коллизией пределов в работе названо положение, при котором верхний предел, рассчитанный по специальному правилу, равен низшему пределу санкции или меньше его. В этом случае по п. 34 постановления Пленума № 58 нижней границей становится общий минимум вида наказания. Для рецидива без смягчающих обстоятельств нижняя граница равна большему из двух значений – низшего предела санкции и трети максимума (ч. 2 ст. 68 УК РФ, п. 48 постановления Пленума № 58); при смягчающих обстоятельствах ч. 3 ст. 68 УК РФ позволяет опуститься ниже трети максимума до низшего предела санкции, и этот вариант совпадает с исходным интервалом. В трёх санкциях, где при рецидиве и особом порядке верхний предел не превышает низшего предела, нижней границей принята треть максимума. Для каждого правила вычислены число санкций с коллизией, её доля среди санкций, к которым правило применимо, и медианная доля сохраняемой ширины интервала относительно исходной ширины санкции. Показатели взвешены по числу лиц, осуждённых по соответствующей части статьи в 2024 г., по данным портала «Судебная статистика РФ» (таблица «Данные о назначенном наказании по статьям УК»); сопоставление охватило 898 санкций и 482 466 осуждённых. Не сопоставлены 101 санкция, из них 63 санкции воинских преступлений, которые на портале приводятся одной сводной строкой, и 38 частей, введённых или изменённых после 2024 г. Взвешенная доля показывает, какая часть осуждённых приходится на санкции, конструкция которых вызывает коллизию при данном правиле, и не является частотой фактического применения правила. Доли осуждённых в особом порядке за 2019–2024 гг. получены из таблицы «Общие показатели по категориям дел» того же портала; за 2016–2018 гг. итоговая строка в ней отсутствует.

Расчёт выполнен сценарием на Python со стандартной библиотекой в рациональной арифметике без промежуточного округления. Устойчивость проверена второй классификацией, в которой все деяния считались умышленными, а также весами по данным 2023 г. и весами по числу осуждённых к реальному лишению свободы. Правильность извлечения пределов проверена повторным независимым разбором всех 999 санкций и сверкой двух случайных выборок по 40 строк реестра с текстом статей; расхождений не обнаружено.

Результаты и обсуждение

Исходная структура корпуса определяет возможности специальных правил ещё до их применения. Из 999 санкций только 332 имеют собственный низший предел лишения свободы, у 667 санкций нижней границей служит общий минимум в два месяца. В этих 667 санкциях никакое правило, уменьшающее верхний предел, не может достичь низшего предела. Наименьший максимум среди них равен одному году, а наименьший итоговый коэффициент 1/3 даёт четыре месяца, что превышает общий минимум. Для двух третей санкций специальные правила ст. 62 и 66 УК РФ поэтому только укорачивают интервал сверху, а нижняя часть интервала остаётся полностью в усмотрении суда. Этот результат количественно подтверждает вывод о смещении санкций к общему минимуму Общей части [9]. Индивидуализация в сторону смягчения в таких санкциях уже открыта законом, и специальные правила её не расширяют.

Для санкции с минимумом a и максимумом b правило, ограничивающее верхний предел долей k от максимума, вызывает коллизию тогда и только тогда, когда $k \cdot b$ не больше a, то есть при $a/b \geq k$. Это условие выводится из определения коллизии, а эмпирическое содержание результата составляет распределение отношения a/b в действующем УК РФ. Из 332 санкций с собственным минимумом отношение a/b не меньше 1/3 у 315 санкций, не меньше 4/9 – у 240, не меньше 1/2 – у 234, не меньше 2/3 – у 66 и не меньше 3/4 – у 36 санкций. У 168 санкций отношение лежит в промежутке от 1/2 до 2/3, у 75 – от 1/3 до 4/9, у шести – от 4/9 до 1/2 и только у 17 оно ниже 1/3, и в половине санкций с собственным минимумом законодатель устанавливает его в промежутке от половины до двух третей максимума. Отсюда следует пороговая закономерность. Правила с коэффициентами 2/3 и 3/4 затрагивают узкую группу санкций с минимумом, близким к максимуму, а сочетания, опускающие коэффициент до 1/2 и ниже, достигают минимума в большинстве санкций с собственным низшим пределом.

Порог коллизии зависит и от того, как закон разграничивает сферу правил. Часть 3 ст. 62 УК РФ исключает применение ч. 1 этой статьи к санкциям с пожизненным лишением свободы или смертной казнью, но п. 37 постановления Пленума № 58 толкует это исключение как не распространяющееся на лиц, которым пожизненное лишение свободы не назначается, в том числе за неоконченное преступление. В расчёте это толкование применено ко всем 31 санкциям с пожизненным лишением свободы в сочетаниях ч. 1 ст. 62 с ч. 2 и 3 ст. 66 УК РФ, тогда как для оконченного преступления такие санкции из сферы ч. 1 ст. 62 исключены. Часть 4 ст. 62 УК РФ устанавливает для таких санкций при досудебном соглашении предел в две трети максимума срочного лишения свободы, а ч. 2 той же статьи для остальных санкций – половину максимума, поэтому досудебное соглашение применяется ко всему корпусу, но с двумя разными коэффициентами. Пункт 34 постановления Пленума № 58 определяет, что при совпадении рассчитанного верхнего предела с низшим пределом санкции наказание также назначается ниже низшего предела; тем самым граница коллизии включает равенство, и отношение $a/b = k$ уже переключает режим.

Одиночные правила подтверждают этот порог. Часть 1 ст. 62 УК РФ применима к 968 санкциям без пожизненного лишения свободы и вызывает коллизию в 47 (4,9 %); на такие санкции в 2024 г. пришлось 3526 осуждённых, или 0,7 % осуждённых по санкциям, к которым правило применимо. Наибольшее число осуждённых среди них даёт ч. 1 ст. 222.1 УК РФ с санкцией от шести до восьми лет. Две трети максимума составляют пять лет четыре месяца, что ниже шести лет, и при обстоятельствах, предусмотренных п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, без отягчающих обстоятельств наказание назначается ниже низшего предела; по этой части в 2024 г. осуждены 2121 человек. Покушение по ч. 3 ст. 66 УК РФ даёт коллизию в 36 из 925 санкций умышленных преступлений (3,9 %). Медианная доля сохраняемой ширины интервала составляет 0,647 для ч. 1 ст. 62 и 0,735 для ч. 3 ст. 66 УК РФ, то есть в типичной санкции суд теряет верхнюю треть или верхнюю четверть интервала, а нижняя граница не меняется.

Часть 5 ст. 62 УК РФ оказалась правилом с наименьшей способностью к коллизии. Из 553 санкций преступлений небольшой и средней тяжести она достигает минимума только в трёх, и ни по одной из них в 2024 г. осуждённых не было. Причина в том, что санкции этих категорий имеют низкий собственный минимум либо не имеют его вовсе. При этом ч. 5 ст. 62 УК РФ остаётся массовым правилом. Доля осуждённых в особом порядке составила 60,4 % в 2019 г., 52,7 % в 2020 г., 43,1 % в 2021 г., 39,3 % в 2022 г., 35,4 % в 2023 г. и 33,6 % в 2024 г. В этот период Федеральным законом № 224-ФЗ из сферы особого порядка были исключены тяжкие преступления, хотя в литературе приводились доводы об отсутствии обоснованной необходимости такого ограничения [3]; сохранившаяся процедура оценивается как упрощённая форма, в которой приговор постановляется без рассмотрения дела по существу [7]. Для осуждённых в особом порядке к лишению свободы роль ч. 5 ст. 62 УК РФ, применённой без других специальных правил, поэтому сводится к срезанию верхней трети интервала без перехода ниже минимума; на иные, менее строгие виды наказания это правило по п. 33 постановления Пленума № 58 не распространяется.

Сочетания правил меняют картину. Последовательное применение ч. 5 и ч. 1 ст. 62 УК РФ даёт коэффициент 4/9 и коллизию в 17 из 553 санкций (3,1 %) с 1,1 % осуждённых; по ч. 1 ст. 222 УК РФ с санкцией от трёх до пяти лет верхний предел становится равным двум годам двум месяцам двадцати дням, а по этой части в 2024 г.

осуждены 2647 человек. Трёхступенчатое сочетание покушения, ч. 5 и ч. 1 ст. 62 УК РФ снижает коэффициент до 1/3, но даёт коллизию лишь в 23 из 483 санкций (4,8 %), так как особый порядок доступен только по санкциям с низким минимумом или без него. Досудебное соглашение о сотрудничестве (ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ) вызывает коллизию в 223 из 999 санкций (22,3 %); на них приходится 7,4 % всех осуждённых и 19,4 % осуждённых к реальному лишению свободы. Для ч. 4 ст. 228.1 УК РФ с санкцией от десяти до двадцати лет половина максимума совпадает с минимумом, и по разъяснению п. 34 постановления Пленума № 58 совпадение приравнивается к снижению ниже минимума; по этой части в 2024 г. осуждены 12 774 человека. Покушение в сочетании с ч. 1 ст. 62 УК РФ даёт коэффициент 1/2 и коллизию в 229 из 925 санкций (24,8 %) с 7,6 % осуждённых и 19,9 % осуждённых к реальному лишению свободы. Приготовление в сочетании с ч. 1 ст. 62 УК РФ даёт коэффициент 1/3 и коллизию в 283 из 442 санкций умышленных тяжких и особо тяжких преступлений (64,0 %); на эти санкции приходится 25,4 % осуждённых по санкциям данной группы и 43,8 % осуждённых к реальному лишению свободы. Так, при приготовлении к убийству по ч. 1 ст. 105 УК РФ с санкцией от шести до пятнадцати лет одна ч. 2 ст. 66 УК РФ оставляет интервал от шести лет до семи лет шести месяцев, а в сочетании с ч. 1 ст. 62 УК РФ верхний предел равен пяти годам, то есть ниже минимума.

Коллизия меняет не только верхнюю, но и нижнюю границу, поэтому более мягкое сочетание правил может давать более широкий интервал, чем менее мягкое. По ч. 3 ст. 228.1 УК РФ с санкцией от восьми до пятнадцати лет покушение ограничивает наказание пределами от восьми лет до одиннадцати лет трёх месяцев, то есть интервалом в три года три месяца. Если дополнительно применяется ч. 1 ст. 62 УК РФ, верхний предел составляет семь лет шесть месяцев, он ниже минимума, и суд выбирает срок от двух месяцев до семи лет шести месяцев – в интервале семь лет четыре месяца. Такое расширение интервала при добавлении ч. 1 ст. 62 УК РФ получено в 193 из 925 санкций при покушении (20,9 %), в 68 из 442 санкций при приготовлении (15,4 %) и в 14 из 553 санкций при особом порядке (2,5 %). Следовательно, правило, которое по тексту закона лишь ограничивает верхний предел, в санкциях с высоким минимумом формально расширяет допустимый интервал, поскольку по п. 34 постановления Пленума № 58 и ч. 2 ст. 56 УК РФ нижней границей становится общий минимум. Эта немонотонность придаёт практическое содержание выводу о несогласованности ст. 64 УК РФ с другими правилами снижения наказания [5]. Ниже низшего предела суд здесь выходит не в силу исключительных обстоятельств, критерии которых остаются предметом расширительного толкования [8], а в силу соотношения пределов санкции.

Правило о рецидиве действует в противоположном направлении и затрагивает нижнюю границу. При отсутствии смягчающих обстоятельств треть максимума превышает собственный минимум санкции в 684 из 999 санкций (68,5 %), и на эти санкции в 2024 г. пришлось 432 892 из 482 466 сопоставленных осуждённых (89,7 %). Медианная доля сохраняемой ширины интервала при ч. 2 ст. 68 УК РФ равна 0,706. При сочетании с ч. 5 ст. 62 УК РФ интервал ограничен третью и двумя третями максимума, как в примере п. 34 постановления Пленума № 58 для ч. 2 ст. 158 УК РФ (от одного года восьми месяцев до трёх лет четырёх месяцев), и медианная доля сохраняемой ширины снижается до 0,353. Пределы наказания при рецидиве в сочетании с другими специальными правилами определены ранее для типовых случаев [11] [12]; полный корпус показывает, что ч. 2 ст. 68 УК РФ – единственное из изученных правил, которое смещает нижнюю границу выбора, причём в санкциях, на которые приходится 89,7 % осуждённых, тогда как правила ст. 62 и 66 УК РФ смещают верхнюю. Разное влияние признаков состава и отягчающих обстоятельств на срок наказания [2] проявляется здесь в законодательной форме, поскольку рецидив как отягчающее обстоятельство получает собственный арифметический предел, которого нет у других отягчающих обстоятельств.

Проверка устойчивости не изменила выводов. Во второй классификации, где все деяния считаются умышленными, число коллизий при ч. 1 ст. 62 УК РФ осталось равным 47, при покушении в сочетании с ч. 1 ст. 62 составило 234 из 999 (23,4 %), при приготовлении в сочетании с ч. 1 ст. 62 – 291 из 469 (62,1 %) против 229 из 925 и 283 из 442 в основной классификации. При весах 2023 г. доля осуждённых по санкциям с коллизией составила 6,9 % для досудебного соглашения и 7,0 % для покушения в сочетании с ч. 1 ст. 62 УК РФ против 7,4 % и 7,6 % при весах 2024 г. Расхождение между двумя классификациями не превышает 2,0 п. п. по доле санкций и 1,2 п. п. по доле осуждённых, а между весами 2023 и 2024 гг. – 0,7 п. п.

Полученные данные позволяют определить место специальных правил в механизме индивидуализации. Правила ст. 62, 66 и 68 УК РФ образуют формализованный уровень между санкцией и судейским выбором, так как их действие выражается коэффициентом и воспроизводится вычислением, что сближает их с подробными правилами учёта смягчающих обстоятельств, закреплёнными в ряде зарубежных уголовных законов [13]. Возможность перенести этот уровень в компьютерную программу обсуждается применительно к назначению наказания в целом [6], а связь индивидуализации с принципом гуманизма прослеживается и в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания [10], однако расчёт показывает, что даже арифметическое правило не имеет постоянного эффекта. При $a/b < k$ оно сужает интервал сверху, при $a/b \geq k$ переносит его нижнюю границу к общему минимуму. Режим действия правила задан законодателем при построении санкции, а суд, применяя одно и то же правило, получает качественно разные пределы индивидуализации для санкций с разным соотношением минимума и максимума.

Заключение

Специальные правила назначения наказания участвуют в реализации принципа индивидуализации как формализованные преобразователи пределов санкции, и на корпусе из 999 санкций действующего УК РФ установлено, от чего зависит смена их режима. Правило с коэффициентом k переводит назначение наказания ниже низшего предела без применения ст. 64 УК РФ тогда и только тогда, когда отношение минимума санкции к её максимуму не меньше k, а в действующем УК РФ это отношение у половины санкций с собственным минимумом лежит между 1/2 и 2/3. Одиночные правила ч. 1 и 5 ст. 62 и ч. 3 ст. 66 УК РФ в подавляющем большинстве санкций только сужают интервал сверху; массовое правило особого порядка ни по одной санкции, по которой были осуждённые в 2024 г., не достигает минимума. Досудебное соглашение о сотрудничестве, а также покушение и приготовление в сочетании с ч. 1 ст. 62 УК РФ вызывают коллизию пределов в 22,3–64,0 % санкций, а при покушении добавление ч. 1 ст. 62 УК РФ в каждой пятой санкции расширяет интервал усмотрения. Сочетания с ч. 5 ст. 62 УК РФ, ограниченные преступлениями небольшой и средней тяжести, дают коллизию не более чем в 4,8 % санкций. Если смягчающих обстоятельств нет, ч. 2 ст. 68 УК РФ смещает вверх нижнюю границу в санкциях, на которые приходится 89,7 % осуждённых. Роль каждого специального правила в индивидуализации наказания определяется не только его содержанием, но и соотношением пределов санкции, к которой оно применяется.

Литература

1. Воронин В.Н. Индивидуализация наказания с учетом характера и степени общественной опасности // Журнал российского права. 2016. № 11. DOI: 10.12737/22199

2. Гарбатович Д.А. О степени влияния на назначение наказания квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих уголовное наказание // Российский судья. 2021. № 2. С. 29-31. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-2-29-31

3. Головинская И.В., Гусева И.И., Зубков В.Н. Особый порядок судебного разбирательства: современное состояние и тенденции реформирования // Современное право. 2020. № 7. С. 102-109. DOI: 10.25799/ni.2020.17.53.016

4. Иванова Л.В., Шеслер А.В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания соучастников преступления // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8. С. 188-194. DOI: 10.24158/tipor.2023.8.23

5. Красуцких Л.В. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, как средство индивидуализации наказания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25. № 1. С. 23-27. DOI: 10.14529/law250104

6. Лапшин В.Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 2. С. 192-198. DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-2-192-198

7. Манова Н.С., Соловьева Н.А. Особый порядок судебного разбирательства в контексте современных цивилизационных трансформаций процессуально-правовых подходов // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 1. С. 13-20. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.2

8. Плешаков А.М., Туманов А.С. Исключительные обстоятельства при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за преступление: законодательное регулирование и правоприменение // Российский следователь. 2026. № 4. С. 27-30. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-4-27-30

9. Рогова Е.В., Ишигеев В.С., Парфиненко И.П. Влияние уголовно-правовых санкций на индивидуализацию наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 710-720. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).710-720

10. Шахбанова Х.М. Проблемы реализации принципа гуманизма в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в современных социально-правовых условиях // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5. № 1. С. 125-133.

11. Севастьянов А.П. Назначение наказания при рецидиве // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 7 (254). С. 18-27. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-254-7-18-27

12. Севастьянов А.П., Севастьянова Е.П. Назначение наказания с применением ч. 2 ст. 68 УК РФ при наличии обстоятельств, предусмотренных статьями 62, 65, 68 УК РФ // Современное право. 2025. № 12. С. 116-119. DOI: 10.25799/ni.2025.80.98.022

13. Тебеньков А.В. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств в зарубежном уголовном законодательстве // Право и политика. 2017. № 10. С. 72-84. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.10.24143

14. Drápal J., Plesničar M. Sentencing Elsewhere: Structuring Sentencing Discretion in Post-communist Europe // European Journal on Criminal Policy and Research. 2025. Vol. 31. No. 2. Pp. 251-270. DOI: 10.1007/s10610-023-09568-4

15. Radulović D. Sentencing scopes (ranges) in the Criminal Code of Montenegro and the sentencing policy // Journal of Criminology and Criminal Law. 2021. Vol. 59. No. 2. DOI: 10.47152/rkkp.59.2.6

The role of special sentencing rules in the mechanism for implementing the principle of individualization

Magomedov D.B., Magomedova Z.R.

Dagestan State University, North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Articles 62, 66 and 68 of the Russian Criminal Code change the imprisonment limits within which courts individualize sentences, but no one has measured across the Special Part when a rule merely narrows the range and when it moves sentencing below the statutory minimum. The material comprises all 999 sanctions of Articles 105–361 (version of 4 August 2026) with fixed-term imprisonment, Supreme Court Plenary Resolutions No. 58 and No. 60, and open statistics on convictions by article part for 2023–2024. Limits were computed for each sanction under single rules and their combinations in the order set by the Supreme Court; a collision was recorded when the computed maximum did not exceed the minimum. A collision arises when the minimum-to-maximum ratio reaches the rule's coefficient, and for half of the sanctions with their own minimum this ratio lies between 1/2 and 2/3. Part 1 of Article 62 yields a collision in 47 sanctions (4.9%), Part 5 in three sanctions without convictions in 2024, and a pre-trial cooperation agreement or an attempt or preparation combined with Part 1 of Article 62 in 22.3–64.0% of sanctions. For attempts, adding Part 1 of Article 62 formally widens the range in 193 of 925 sanctions (20.9%). The recidivism rule raises the lower bound in 684 sanctions. The ratio of a sanction's limits sets the mode of each special rule, so its role in individualization depends on how Special Part sanctions are built.

Keywords: sentencing, individualization of punishment, special sentencing rules, statutory minimum, mitigating circumstances, inchoate offence, recidivism, special trial procedure.

References

1. Voronin V.N. Individualization of Punishment Taking into Account the Nature and Degree of Public Danger // Journal of Russian Law. 2016. No. 11. DOI: 10.12737/22199

2. Garbatovich D.A. On the Degree of Impact of Qualifying Attributes and Aggravating Circumstances on Punishment Imposition // Russian Judge. 2021. No. 2. Pp. 29-31. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-2-29-31

3. Golovinskaya I.V., Guseva I.I., Zubkov V.N. Special Trial Procedure: Current State and Reform Trends // Modern Law. 2020. No. 7. Pp. 102-109. DOI: 10.25799/ni.2020.17.53.016

4. Ivanova L.V., Shesler A.V. Differentiation and Individualization of Criminal Liability and Punishment of Accomplices to a Crime // Theory and Practice of Social Development. 2023. No. 8. Pp. 188-194. DOI: 10.24158/tipor.2023.8.23

5. Krasutskikh L.V. Appointing a More Lenient Punishment than Provided for a Given Crime as a Means of Individualization of Punishment // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2025. Vol. 25. No. 1. Pp. 23-27. DOI: 10.14529/law250104

6. Lapshin V.F. Assignment of Criminal Punishment by a Computer Program: Legal Innovation or Degradation? // Penitentiary Science. 2020. Vol. 14. No. 2. Pp. 192-198. DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-2-192-198

7. Manova N.S., Solovieva N.A. A Special Procedure for the Trial in the Context of Modern Civilizational Transformations of Procedural and Legal Approaches // Legal Concept. 2023. Vol. 22. No. 1. Pp. 13-20. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.2

8. Pleshakov A.M., Tumanov A.S. Exceptional Circumstances in the Imposition of a More Lenient Punishment than Provided for a Crime: Legislative Regulation and Law Enforcement // Russian Investigator. 2026. No. 4. Pp. 27-30. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-4-27-30

9. Rogova E.V., Ishigeev V.S., Parfinenko I.P. The Impact of Criminal Law Sanctions on the Individualization of Punishment // Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 710-720. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).710-720

10. Shakhbanova Kh.M. Problems of Implementing the Principle of Humanism in the Activities of Institutions and Bodies Executing Criminal Punishments in Modern Socio-Legal Conditions // Environmental Management Issues. 2026. Vol. 5. No. 1. Pp. 125-133.

11. Sevastyanov A.P. Assignment of Punishment for Recidivism // Vedomosti of the Penal System. 2023. No. 7 (254). Pp. 18-27. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-254-7-18-27

12. Sevastyanov A.P., Sevastyanova E.P. Imposition of Punishment Using Part 2 of Article 68 of Criminal Code of Russian Federation in the Presence of Circumstances Provided for in Articles 62, 65, 68 of Criminal Code of Russian Federation // Modern Law. 2025. No. 12. Pp. 116-119. DOI: 10.25799/ni.2025.80.98.022

13. Tebenkov A.V. Sentencing in the Presence of Mitigating Circumstances in Foreign Criminal Legislation // Law and Politics. 2017. No. 10. Pp. 72-84. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.10.24143

14. Drápal J., Plesničar M. Sentencing Elsewhere: Structuring Sentencing Discretion in Post-communist Europe // European Journal on Criminal Policy and Research. 2025. Vol. 31. No. 2. Pp. 251-270. DOI: 10.1007/s10610-023-09568-4

15. Radulović D. Sentencing scopes (ranges) in the Criminal Code of Montenegro and the sentencing policy // Journal of Criminology and Criminal Law. 2021. Vol. 59. No. 2. DOI: 10.47152/rkkp.59.2.6

Включение в состав наследственной массы долговых обязательств и возможная ответственность наследников

Майнбург Регина Сергеевна
Нотариус, Куйтунский нотариальный округ Иркутской области, not.rs@yandex.ru

Основным вопрос статьи – это включение долга в наследственную массу. После подробного анализа ключевых статьей Гражданского Кодекса РФ, которые регулируют процесс наследования, а также дополнения к ним, в виде Постановлений Пленума ВС РФ, которые заполняют некоторые пробелы в основных законах для полноценной и структурированной работы судов, выявляются основные проблемы, которые возникают при наследовании. На сегодняшний день многие из наследников не полностью осознают все последствия принятия наследства, так как часто воспринимают только активы, а пассивы наследственной массы либо не замечаются, либо игнорируются. В статье рассматриваются различные виды таких пассивов – долговых обязательств, что позволяет полностью представить все риски и проблемы. По мимо основной темы также затрагивается вопрос обязанностей и ответственности нотариуса, направленных на предотвращение некоторых из неблагоприятных вариантов наследования.

Ключевые слова: наследство, долговые обязательства, наследственная масса, пределы ответственности наследников, ГК РФ, ответственность нотариуса.

В современном мире мы постоянно сталкиваемся с теми или иными аспектами гражданского права. Довольно обширное по своей сути оно охватывает большую часть нашей, в том числе и повседневной, жизни. После событий, произошедших в конце XX века, стало понятно, что законы и нормы, принятые в СССР, не могу в полной мере охватить необходимый объем дел, которые теперь стал неотъемлемой частью нашей жизни. Распад СССР стал не только фундаментальным геополитическим изменением, но и значительно повлиял на отрасль права. И основной переменой в гражданском праве стала смена плановой экономики и приоритетности государственной собственности на рыночную модель частной собственности. В советском праве доминировали имущественные отношения, которые были урегулированы при помощи административных ресурсов, а частная собственность и свобода договора были очень ограниченными и даже рассматривались как второстепенные. Уже в 1990-х годах встали острыми вопросы, связанные с защитой частного имущества, коллизии между законами СССР и новыми нормативно-правовыми актами, самостоятельность воли сторон договора, механизмы оборота активов, а также переход к рыночной экономике явно показал, что просто необходимо была создание новых или реорганизация старых норм.

И все же вместе с такой открывшейся, возможностью, незамедлительно и появилась проблема урегулирования имущественных взаимоотношений. По мере становления и переосмысления института гражданского права были выявлены и рассмотрены многие вопросы, связанные с этой отраслью. В том числе и то, что должно быть включено в наследственную массу. Многие и до сих пор не до конца разбираются в этом, на самом деле, важном вопросе, хотя негативные примеры наследования, которые оборачивались не самыми приятными обстоятельствами известны и общедоступны [1].

Основой, которая в российском праве определяет нормативно-правовую природу наследования является статья 1110 ГК РФ. Исходя из её текста имущество умершего переходит к наследникам по порядку универсального наследования - “в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент” (если, конечно, другие статьи ГК не создают исключения). Сама формулировка закона довольно лаконично представляет 3 основных понятия, которые используются при наследовании: *неизменность* - то есть наследник получает наследство в том виде, в котором оно было на момент открытия наследства, *единство* – все виды наследства: и актив, и пассивы, включены в наследственную массу, *единовременность* – весь комплекс прав и обязанностей переходит к наследнику в один момент, соответственно при этом совершенно не допускать принять какую-то часть наследства раньше, а какую-то позже . По словам Б.Б. Черепахина - «предметом универсального преемства является вся совокупность прав и обязанностей правопредшественника, переходящая к его правопреемнику» [2]. Сама же концепциях этих 3 принципов наследования своими корнями уходит в романо-германское право, где в лице наследника усматривалась юридическая персона наследодателя. При всём этом, главнейшей особенностью наследования является отсутствие посредников – непосредственней переход прав и обязанностей производится от наследодателя к наследнику без участия третьих лиц. Эта черта наследования отличает российское право от стран общего права, где имущество сначала передаётся к «личному исполнителю» (тому, кто исполняет завещание или администратору), которые сначала разбораются со всеми пассивными правами и обязанностями, а потом уже передают оставшееся имущество наследникам. Таким образом российская модель исключается этот этап и постановляет, что наследник полностью замещает наследодателя во всех правоотношениях непосредственно с момента открытия наследства.

Состав наследственной массы статья 1112 ГК определяет, как «принадлежавших наследодателю на день открытия наследства вещей, иного имущества, в том числе имущественных прав и обязанностей». Тем самым, законодатель прямо включает в состав наследства не только активы (вещи, имущественные права), но также и пассивы – имущественные обязательства, то есть долги. В Пункте 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 конкретизируется, что именно должно быть вклю-

чено в наследственную массу: вещи, включая деньги и ценные бумаги (статья 128 ГК РФ), права на имущество, в том числе и вытекающие из договоров, права на результат интеллектуальной деятельности, присуждённые суммы, которые не были получены и имущественные обязанности. Важно заметить, что в наследство входят лишь те права и обязанности, которые были у наследодателя на момент открытия наследства, то есть в день смерти, так этот утверждено статьей 1114 ГК РФ. Исходя из этого всё, что было начислено после смерти наследодателя – ЖКХ, налоги на наследственное имущество – уже является собственность наследника [3].

Во 2 пункте статьи 1112 ГК РФ приводятся такие права и обязанности, которые не входят в наследство. В том числе там четко прописывается, что не учитывает право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Так же эту тему дополняется статья 418 ГК РФ, которая гласит, что со смертью гражданина некоторые его права и обязанности прекращают своё действие, те же самые алименты, а также договор авторского заказа на создание произведения искусства или лично-доверительный договор. Однако, например, возмещение вреда, причинённого имуществу или личности третьих лиц, не прекращается смертью причинителя, это связано с тем, что исполнение таких обязательств может быть произведено без участия самого причинителя. Отсюда выходит, что критерий «неразрывной связи с личностью» является ключевым фильтром при определении состава наследственной массы. Этот критерий часто применяется судами для вынесения вердикта по наследству, особенно в неопределённых ситуациях [4].

На основе вышеперечисленных законов к наследству мы видим причисляется и имущественные обязательства, и в частности – денежные долги, кредиты и так далее. Как и другие части наследственной массы они переходят к наследнику или наследникам в полном объём и одновременно, причем в том состоянии, в котором они были на момент открытия наследства. Вопрос наследственности долгов также разъясняет Пункт 58 Постановления Пленума ВС РФ № 9, который гласит, что не зависимо от того, когда наступит срок его исполнения или когда будут осведомлены наследники, долг всё равно продолжает своё действие, со всеми вытекающими из этого последствиями. То есть даже если гражданин, который принял имущество наследодателя, не знал о его долгах, он всё равно должен будет нести ответственность за них. Конечно, несмотря на то что этот закон направлен на урегулирование вопроса между лица, которые имеют права кредиторами и другими лица, которым был должен наследодатель и самим наследником, часто получается так, что судам приходится по этим вопросам принимать решение индивидуально с учётом всех, прилагающихся к ним обстоятельств. Также не стоит исключать факт возможность злоупотреблением этим законом кредитором в рамках обязанности наследника по кредитам [5]. Сразу же можно заметить, что этот закон создаёт явное неравноправие в информационной среде между наследником и кредиторами, ведь иногда происходят случаи не уведомления лица, который принимает наследство о формальных долгах (кредитные истории, государственные реестры, судебные дела) и о так называемых «скрытых» долгах – обязательствах, которые не записанные ни в каких официальных реестрах, расписки между физическими лицами, обязательства, возникшие на основании устных соглашений, обязательства из неосновательного обогащения, деликтные притязания, не оформленные в виде судебного иска [6]. В таком случае при подаче кредитором иска на выплату нынешнем должником долга со всеми процентами и неустойками, суду самостоятельно стоит проверять добросовестность кредитора, даже если обе стороны это не указывали [7]. По мимо всего выше сказанного, нужно добавить, что до вступления в силу Федерального закона от 23.11.2024 № 407-ФЗ нотариус, который открывал наследственное дело не был обязан запрашивать выписку из Центрального каталога кредитных историй (ЦККИ). В его возможности входило уведомление банков об смерти кредитора и последующий так же возможный ответ банка об его кредитах, что осуществлялось не всегда или запрос в ЦККИ только по требованию наследника, при этом сам он не мог запросить её. Однако после принятия закона об нотариальный ответственности по этому вопросу, нотариус обязан не позднее 3 рабочих дней после открытия наследства отправить в ЦККИ запрос об наличии долгов, также если кредитная история существует, то не позднее 3 рабочих дней с получения информации он должен запросить выписку из Бюро кредитных историй, БКИ не позднее 3 рабочих дней, а после получения нотариусом выписки он должен предоставить её наследнику также не позднее 3 рабочих дней с момента получения, то есть в сумме не позднее, чем через 12 рабочих дней после открытия наследства, наследник должен быть уведомлён о наличии официальных долговых обязательств и их размере у наследодателя. Конечно, как уже упоминалось, этот закон не распространяется на не подтвержденные в реестре долги, такие как расписки и так далее. Отсюда выходит проблема не только наследования долгов, которые были взяты, например, под расписку, но и возможность такого явления, как фиктивные долговые обязательства между физическими лицами [8]. Но всё же судебная практика даёт наследникам некоторую защиту, они могут оспаривать подлинность расписки, а бремя доказывания ложится на самих кредиторов.

Ответственность нотариуса по этому вопросу довольно неопределённа, в законе говориться лишь о том, что он обязан это сделать и то, лишь в том случае, если наследник завел дело по открытию наследства, при этом при фактическом принятии наследства, соответственно наследников никто не обязан предупреждать. Но всё же нотариус может за неисполнение этой обязанности в рамках судебного дела может получить меру дисциплинарной воздействия (замечание, выговор или строгий выговор), при случае, когда наследник должен был претерпеть материальные убытки – имущественное взыскание в порядке, начиная за счёт страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, и ещё вариант, когда наследнику из-за действий нотариуса был причинён моральный вред (например – стресс из-за неожиданного материального положения).

Последним картину об обязанностях наследника завершает статья 1175 Гражданского Кодекса РФ: наследник отвечает по долгам лишь в пределах полученного им наследства. И сразу же можно увидеть коллизию между статьей 1110 и статьей 1175, так как текст второй в буквальном своём смысле противоречит принципу универсальности. В сфере юриспруденции выражаются разные мнения по поводу разногласиями между статьями, одни считают, что они отнюдь не взаимоисключающие, а дополняющие, другие же говорят, о том, что принцип ограниченной ответственности по свой суть в некоторых случаях отменяет ст. 1110 [9]. И так, в статье указывается на то, что в случае, когда долг превышает размер наследства, долг должен быть уплачен только по размеру наследства. Однако, как рассчитать стоимость наследства, того, как например недвижимое имущество? В пункте 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9: «Стоимость перешедшего к наследникам имущества, пределами которой ограничена их ответственность по долгам наследодателя, определяется его рыночной стоимостью на время открытия наследства вне зависимости от её последующего изменения ко времени рассмотрения дела судом». Берётся именно рыночная стоимость, так как кадастровая или инвентаризационная обычно ниже, а это лишает кредитора потенциально большего возмещения долга. Для оценки назначается комиссия, которая устанавливает цену на момент открытия наследства, даже если стоимость имущества уже поменялась [10]. После оценки, кредиторы в праве требовать возмещение долга в пределах этой стоимости. Важным будет замечание того, что ответственность за долг ложится на всех наследников, независимо от их количества, но лишь в пределах той доли, которую они приняли.

И по сей день вопрос по долговому наследству остаётся актуальным. Хотя в законах имеется много различных вышеописанных возможностей для недобросовестности, фальсификации или просто возникновения путаницы, однако такие вопросы должны решать непосредственно судом. И, конечно, данные ситуации ни в коем случае нельзя просто оставлять без решения, так что принятие поправок или уточнений, после тщательного анализа сути проблемы - есть наилучший подход к решению похожих на них в будущем.

Литература

1. Кредит в наследство: как его избежать : [Электронный ресурс] // Право.ru. — 2020. — 26 февр. — URL: https://pravo.ru/story/218215/ (дата обращения: 10.09.2026).

2. Черепахин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву // Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. — М. : Статут, 2001. — С. 307—443.

3. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России : монография. — М. : Статут, 2022. — 386 с.

4. Блинков О. Е. О судебной практике по делам о наследовании // Наследственное право. — 2019. — № 2. — С. 3.

5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2021 № 88-19200/2021 : [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1970270#p8FmkUVnpgDNKAg9 (дата обращения: 10.09.2026).

6. Зинатуллина А. А. Правовые аспекты наследования долговых обязательств в контексте нотариального делопроизводства // Молодой учёный. — 2026. — № 13 (616). — С. 139—141.

7. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2023 г. N 41-КГ23-1-К4: [Электронный ресурс] // Гарант. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406542815/ (дата обращения: 10.09.2026).

8. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2021 № 88-19200/2021 : [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=50523#Z45CqUVOkvHLLGQB (дата обращения: 10.09.2026).

9. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. — 2-е изд., испр. — М. : Статут, 2003. — 557 с.

10. Гаврилов В. Н. Наследование в условиях проведения правовой реформы в России : дис. … канд. юрид. наук. — Саратов, 1999.

Inclusion of Debt Obligations in the Estate and the Potential Liability of Heirs

Mainburg R.S.
Notary of the Kuitun Notarial District

The central issue of the article is the inclusion of debt in the estate. Following a detailed analysis of the key articles of the Civil Code of the Russian Federation that govern the inheritance process, as well as their supplements in the form of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation — which fill certain gaps in the primary legislation to ensure the thorough and structured administration of justice by the courts — the principal problems that arise in inheritance are identified. Today, many heirs do not fully grasp all the consequences of thoughtlessly accepting an inheritance, as they often perceive only the assets, while the liabilities of the estate are either overlooked or ignored. The article examines various types of such liabilities — debt obligations — which allows for a comprehensive understanding of all the risks and issues involved. In addition to the main topic, the article also addresses the duties and responsibilities of the notary aimed at preventing some of the unfavorable scenarios of inheritance.

Keywords: inheritance, debt obligations, estate, limits of the heirs' liability, Civil Code of the Russian Federation, notary's liability.

References

1. Credit as Inheritance: How to Avoid It : [Electronic resource] // Pravo.ru. — 2020. — Feb. 26. — URL: https://pravo.ru/story/218215/ (accessed: 10.09.2026).
2. Cherepakhin B. B. Succession in Soviet Civil Law // Cherepakhin B. B. Works on Civil Law. — Moscow : Statut, 2001. — Pp. 307—443.
3. Khodyreva E. A. Inheritance Law in Russian Civil Law : monograph. — Moscow : Statut, 2022. — 386 p.
4. Blinkov O. E. On Judicial Practice in Inheritance Cases // Inheritance Law. — 2019. — No. 2. — P. 3.
5. Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of 09.11.2021 No. 88-19200/2021 : [Electronic resource] // ConsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1970270#p8FmkUVnpgDNKAg9 (accessed: 10.09.2026).
6. Zinatullina A. A. Legal Aspects of Inheriting Debt Obligations in the Context of Notarial Proceedings // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. — 2026. — No. 13 (616). — Pp. 139—141.
7. Determination of the Civil Cases Committee of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 14, 2023, No. 41-KG23-1-K4: [Electronic resource] // Garant. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406542815/ (accessed: 10.09.2026).
8. Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of 09.11.2021 No. 88-19200/2021 : [Electronic resource] // ConsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=50523#Z45CqUVOkvHLLGQB (accessed: 10.09.2026).
9. Serebrovsky V. I. Selected Works on Inheritance and Insurance Law. — 2nd ed., rev. — Moscow : Statut, 2003. — 557 p.
10. Gavrilov V. N. Inheritance in the Context of Legal Reform in Russia : diss. ... cand. of jurid. sciences. — Saratov, 1999.

Статистический анализ преступности несовершеннолетних в регионах Российской Федерации

Попова Галина Львовна
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры статистики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, galina2011.popova@yandex.ru,

Шугаева Елизавета Александровна
студент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, elizaveta1shugaeva@yandex.ru,

Волкова Елена Витальевна
студент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, volkova.ev11@mail.ru

Исследование преступности несовершеннолетних заслуживает особого внимания, так как данное явление является результатом комплексного воздействия на молодежь разнонаправленных факторов: социальных, экономических, психологических, политических и т.д. Актуальность исследования обусловлена социальной незащищенностью подростков в связи с их уязвимой позицией в социуме и неустойчивой, восприимчивой психикой, которая может искажать их восприятие мира.
Целью исследования стало проведение пространственно-временного анализа дифференциации подростковой преступности за период с 2008 по 2025 гг. Источником статистических данных стала информация, предоставляемая Министерством внутренних дел Российской Федерации.
Исследование направлено на выявление лидирующих и отстающих регионов, характеризующихся неблагоприятной криминогенной обстановкой среди несовершеннолетних. Особый интерес вызывает изменение позиций регионов за анализируемые периоды. Данное исследование может быть использовано при разработке профилактических мер, направленных на снижение подростковой преступности.
Ключевые слова: криминогенная ситуация, подростковая преступность, динамическая группировка, регионы, ранжирование.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Преступность несовершеннолетних – явление, которое не только создает угрозу безопасности общества и оказывает дестабилизирующее влияние на криминогенную обстановку в стране, но и вызывает риск рецидива правонарушений в будущем. Особенностью ювенальной преступности является ее тесная взаимосвязь с состоянием и эффективностью деятельности ключевых социальных институтов [4], что и определяет актуальность изучения специфики развития, тенденций и факторов, активизирующих развитие подростковой преступности. Преступность несовершеннолетних несет риск возникновения повторных правонарушений и преступников-рецидивистов, что может привести к увеличению общей преступности в России [12]. Преступность несовершеннолетних является одним из элементов, формирующих криминогенную среду в регионе, что необходимо учитывать при анализе данного явления [8; 11; 17].

Согласно многочисленным исследованиям, преступность несовершеннолетних имеет свои характерные черты [16]. Ключевой причиной являются психосоциальные условия становления личности, где главная роль отводится семье. Именно она влияет на мировосприятие подростка и его систему ценностей. Среди несовершеннолетних преступников более половины росли в неполной семье или в раннем возрасте росли в среде эмоционально закрытых и холодных родственников, которые уделяли недостаточно внимания детям [5; 14].

Важную роль на развитие подростков оказывает их окружение, в котором происходит социализация подростков [15]. Неконтролируемый доступ в Интернет, где несовершеннолетние могут попасть под влияние лиц с экстремистскими взглядами или криминальными интересами, особенно сильно сказывается на подростках с неокрепшей психикой и не до конца сформированными жизненными позициями и принципами [6]. Высокая степень социальной незащищенности и уязвимостью данной социальной группой повышает значимость деятельности, связанной с профилактикой преступности, защиту молодого поколения от криминального воздействия [10].

Статистические исследования криминогенной ситуации в регионах, в частности, ориентированные на анализ преступности несовершеннолетних направлен на повышение эффективности предупреждения подростковой преступности, снижения социальной остроты проблемы ювенальной преступности [2; 3; 7; 9].

За период с 2008 по 2025 гг. в России наблюдается тенденция снижения численности выявленных преступников на 661,28 тыс. чел. или 52,64% (рис. 1). Аналогичные процессы характерны и для преступности лиц 14-17 лет, сократившей свою численность на 85,66 тыс. чел или 79,39%.

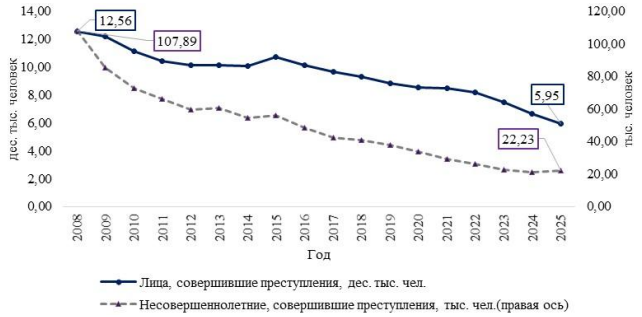

Рис. 1. Динамика количества выявленных преступников в России за 2008-2025гг. (источник: составлено авторами)
Примечание: составлено авторами

В средний ежегодный спад общей численности преступников за 2008–2025 гг. составил 4,30%. В то время как средние ежегодные темпы снижения численности преступников-подростков составили на 8,87%, опережая аналогичные процессы снижения об-

щей численности преступников на 4,57 п.п. Следует обратить внимание, что доля несовершеннолетних преступников в общей численности преступников сокращается менее стремительно. За анализируемый период она сократилась на 4,85 п.п. или в 2,3 раза (с 8,59% в 2008 г. до 3,74% в 2025 г.) (Рис. 2).

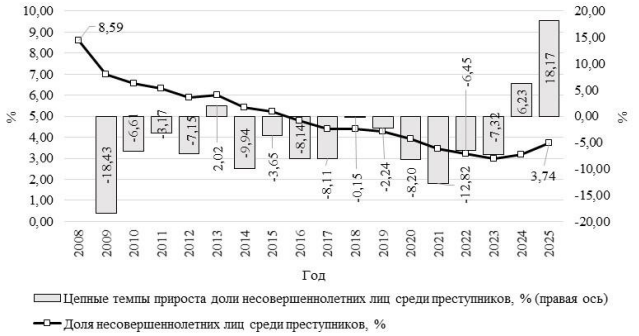

Рис. 2. Динамика доли несовершеннолетних среди выявленных преступников в России за 2008-2025гг.
Примечание: составлено авторами

Сокращение численности несовершеннолетних преступников происходит неравномерно. Максимальных значений численность преступников в целом, а также численность преступников-подростков достигала 2008 г., что обусловлено негативным влиянием Мирового финансового кризиса 2008-2009 гг., который существенно ухудшил условия жизни населения и вызвал всплеск преступного поведения [1]. В последующем 2009 году наблюдалось максимальное за весь анализируемый период снижение подростковой преступности (на 20,80%). В последующие годы наблюдалась тенденция сокращения численности лиц, совершивших преступления в возрасте 14-17 лет, за исключением 2013 и 2025 гг. Минимального уровня исследуемый показатель достиг в 2024 г. и составил 19,5% от уровня 2008 года. В 2015 г. наблюдается наибольшее увеличение лиц, совершивших преступления (на 6,89% относительного 2014 г.), и одно из самых крупных для несовершеннолетних преступников (цепной прирост на 2,99%). Несмотря на такие изменения, относительный показатель сократился, однако изменение абсолютных величин указывают на негативное развитие явления.

В ряде научных исследованиях отмечается отсутствие качественной основы за тенденциями снижения численности преступников [13], выдвигаются предположения о латентном, скрытом характере преступности. К причинам снижения правонарушений следует отнести и демографические процессы, отражающие процессы рождаемости и замещаемости поколений одной и той же возрастной группы (14-17 лет). Анализ изменения доли несовершеннолетних преступников выявил, что изменение происходит под влиянием не самой исследуемой группы, а в общем преступности по России (рис. 3).

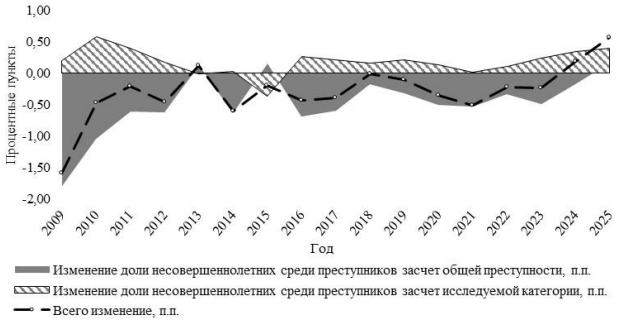

Рис. 3. Факторный анализ изменения доли несовершеннолетних среди преступников в России за 2008-2025гг.
Примечание: составлено авторами

Например, в последние два года (2024 и 2025 гг.) доля нарушителей в возрасте 14-17 лет увеличилась за счет изменения числа несовершеннолетних преступников на 0,35 и 0,40 п.п., соответственно, именно. Сдерживающее влияние на изменение доли несовершеннолетних среди преступников оказывало снижение общей численности преступников. С 2024 года наблюдается снижение положительного влияния данного фактора, а в 2025 г. происходит увеличение данного показателя, что создает предпосылки для смены тенденций и роста доли несовершеннолетних преступников в общей численности преступников, начиная с 2024 года.

Увеличение в 2024–2025 гг. вклада численности несовершеннолетних преступников в общую численность преступников может сигнализировать о зарождающейся проблеме, выражающейся в усилении подростковой преступности. Данная тенденция формирует комплекс социальных рисков, поскольку вовлечение несовершеннолетних в систему уголовно наказуемых деяний потенциально способствует дестабилизации общества и создаёт предпосылки для криминализации более широких возрастных когорт в долгосрочной перспективе.

Для выявления наиболее проблемных субъектов стало проведение динамической группировки регионов России по доле несовершеннолетних среди преступников (рис. 4). Для сравнительного анализа были выбраны три года: 2008, 2015 и 2025. Основание выбора 2015 года связано с приростами составляющих индикатора, являющийся точкой перегиба в дальнейшей динамике показателя. В 2015 году был выявлен статистический выброс (Еврейская автономная область), что послужило основанием для исключения региона из проведения группировки за данный период. Для обеспечения сопоставимости данных анализ проводился по субъектам федерации, которые входили в состав страны в 2008 г.

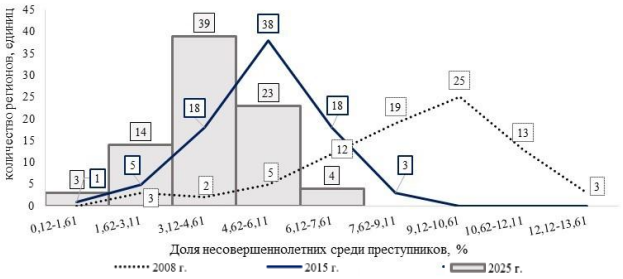

Рис. 4. Динамическая группировка субъектов России по доле несовершеннолетних среди преступников за 2008, 2015 и 2025 гг.
Примечание: составлено авторами

Значение коэффициента вариации за 2025 год возросло по сравнению с 2008 годом на 5,59 п.п. составило 31,66%. Данный процесс указывает на усиление дифференциации регионов России по показателю «Доля несовершеннолетних среди преступников»

В среднем по стране наблюдается снижение анализируемого показателя, а также его модального и медианного значения (рис. 5).

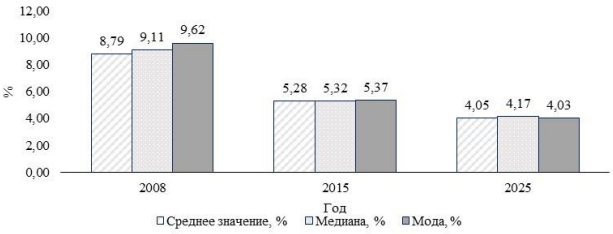

Рис. 5. Средние характеристики ряда распределения доли несовершеннолетних среди преступников в России за 2008, 2015 и 2025 гг.
Примечание: составлено авторами

В анализируемые периоды характерно превышение медианой среднего значения, означающее правостороннее смещение вершины распределения, а его длинный «хвост» смещается влево. Данная картина и наблюдается на рисунке 4 для данных 2008 года. В анализируемом году основная масса регионов была концентрирована в области значений, превышающих среднероссийский уровень (A_s=-0,76, S_A=0,26), выделялась небольшая группа субъектов с аномально низкой долей несовершеннолетних преступников, формирующая левый «хвост» распределения.

Для распределения по данным за 2015 г. характерно усиление левосторонней асимметрии свидетельствует, означающей увеличение численности субъектов с высокой долей несовершеннолетних преступников относительно среднего значения за исследуемый период.

В 2025 г. не наблюдается повышенной концентрации регионов в узких интервалах рядов распределения, при максимальном уровне дифференциации регионов за три анализируемых года.

Результаты динамической группировки показали, размах вариации доли несовершеннолетних среди преступников демонстрирует тенденцию к сокращению и направлен на снижение регионов с высокими значениями анализируемого показателя. В результате перераспределения регионов наблюдается их более высокая концентрацию в одном из интервалов ряда распределения. За анализируемые годы наблюдается увеличение численности регионов в одном интервале с 25 субъектов в 2008 году до 39 в 2025 году при одновременном смещении границ интервалов к более низким значениям доли несовершеннолетних среди преступников (рис. 6).

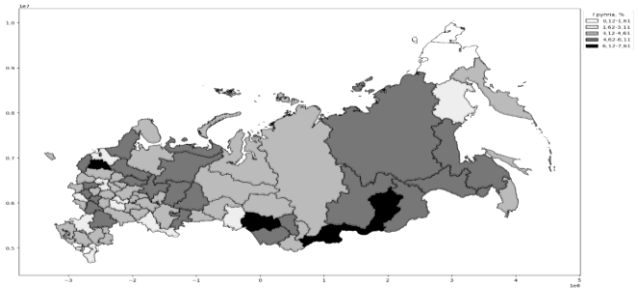

Рис. 6. Доля несовершеннолетних преступников среди преступников в регионах России в 2025 г.
Примечание: составлено авторами; новые территории на карте не представлены из-за отсутствия в открытом доступе статистических данных

За анализируемый период наиболее благоприятные изменения произошли в таких регионах как Амурская, Архангельская, Омская, Оренбургская, Сахалинская области, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края и Республики Марий Эл и Мордовия и привели к существенному повышению рейтинга. Наиболее сильно сократилось значение индикатора в Омской области (на 6,88 п.п.), который в отчетном году составил 2,46%.

При проведении ранжирования регионов по показателю «Доля несовершеннолетних преступников среди преступников» по данным за 2025 год определены регионы-лидеры и аутсайдеры (рис. 7). Состав регионов, занимающих полярные значения в рейтингах в анализируемые годы, не всегда является неизменным. В 2015 гг. к регионам-аутсайдерам, занимающим крайние позиции и имеющих максимальные значения анализируемого показателя относились Забайкальский край и Республика Тыва (9,06% и 7,83%, соответственно), а в 2008 г. - Забайкальский край и Амурская область (13,61% и 13,08%, соответственно). Замыкающие позиции в рейтинге 2025 года принадлежали Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия.

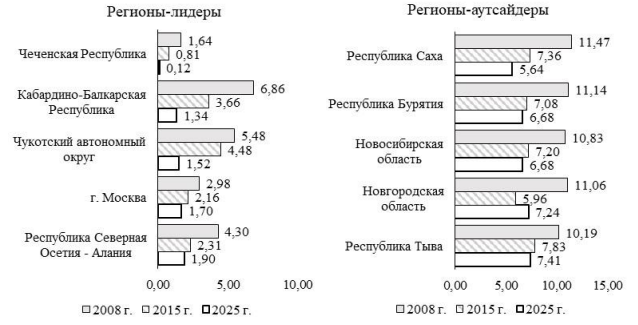

Рис. 7. Выделяющиеся регионы России по доле подростков-преступников в 2008, 2015 и 2025 гг.
Примечание: составлено авторами

Первое место в рейтинге неизменно занимала Чеченская Республика, которая. Город Москва все три исследуемые года находилась во 2 группе полученной динамической группировки. Это связано с тем, что несмотря на снижение доли несовершеннолетних преступников, данное изменение недостаточно велико относительно других субъектов России. В целом, отмечается смещение регионов России по показателю доли несовершеннолетних среди всех преступников из групп правого хвоста распределения в группы с более низкими значениями. Почти во всех регионах России отмечается снижение доли подростковой преступности, отражающее позитивную динамику. В качестве регионов, на которые необходимо обратить внимание, стоит выделить группу стагнационных.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о сокращении абсолютной численности и доли несовершеннолетних преступников в общем объеме зарегистрированных правонарушителей в России за последние 17 лет. Однако стоит обратить внимание на региональную дифференциацию: в ряде субъектов страны отмечается стагнация явления, а в некоторых фиксируется ухудшение ситуации, что требует разработки адресных превентивных мер. Поскольку ключевые детерминанты ювенальной преступности заключаются в неблагополучии семей, дефиците доступных форм досуга и распространении деструктивного интернет-контента, первоочередными направлениями профилактики могли бы стать расширение сети бесплатных досуговых и спортивных учреждений в проблемных регионах и системное правовое просвещение через школьные и молодежные платформы. Кроме того, мерой, способной повлиять на ситуацию, может выступать внедрение образовательных программ для подростков по юридической грамотности и основам нравственности, которые информировали бы их о важности добропорядочного поведения и возможной ответственности за совершение преступных деяний.

Литература

1. Асемоглу Д. Кризис 2008 года: структурные уроки для экономики // Пространство экономики. 2009. №2.

2. Богданова М. В. Методика информационно-статистического анализа преступности в Российской Федерации / М. В. Богданова, Л. С. Паршинцева // Правовая информатика. 2018. № 3. С. 47-59

3. Гаража Н. А. Методы статистического анализа в оценке подростковой преступности / Н. А. Гаража, И. Г. Рзун // Вестник Академии знаний. 2024. № 4(63). С. 124-128.

4. Дадашов М.М., Тепсуев М.С., Альтемирова Э.Р. Причины преступности несовершеннолетних в современной России: системный криминологический анализ // Российский научный вестник. 2026. №5. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-359-362

5. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. №1 (51). DOI: 10.37973/KUI.2023.58.78.007

6. Демидова-Петрова Е.В., Рогова Е.В. Преступность несовершеннолетних в условиях современных вызовов // Сибирский юридический вестник. 2024. №2 (105). DOI https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.70

7. Каратаева Т. А. Динамика статистических показателей, характеризующих распространение и потребление наркотических средств среди молодежи в России. Наркология. 2013. Т 12. № 9(141). С. 95-98

8. Карчаева К.А. Некоторые размышления о преступности несовершеннолетних: особенности и детерминанты // Образование и право. 2022. №1. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-1-224-226

9. Качурова Е. С. Особенности преступности несовершеннолетних в современных условиях и проблемы ее предупреждения / Е. С. Качурова, Е. В. Рогова // Сибирский юридический вестник. 2025. № 2(109). С. 82-87. DOI 10.26516/2071-8136.2025.2.82.

10. Колесников Р.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. №1 (57). DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005

11. Корнакова С. В. Современные тенденции насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними / С. В. Корнакова, С. А. Корягина // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 1. С. 148-155. DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(1).148-155.

12. Наруцкая Н.В. Общее состояние и динамика преступности несовершеннолетних в современной России // Вестник экономики и права. 2025. №108.

13. Савчик К.В. Современные состояние и тенденции преступности несовершеннолетних // Вестник ННГУ. 2023. №4. DOI 10.52452/19931778_2023_4_133

14. Севостьянов Р.А. Социокультурные характеристики в структуре личности несовершеннолетнего преступника // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. №2. DOI: 10.24412/1608-8794-2026-2-195-200

15. Чуб И.С. Детерминанты современной подростковой преступности: многоуровневый криминологический анализ // Вестник КРУ МВД России. 2026. №1 (71).

16. Шиханцов Г. Г. Мотивация насильственной преступности несовершеннолетних / Г. Г. Шиханцов // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2020. Т. 10, № 2. С. 62-68.

17. Щербакова Л. М. Преступность несовершеннолетних в современной России как криминологическая проблема / Л. М. Щербакова, А. Э. Побегайло // Общество и право. 2021. № 2(76). С. 20-25.

Statistical analysis of juvenile crime in the regions of the Russian Federation

Popova G.L., Shugaeva E.A., Volkova E.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The study of juvenile delinquency warrants special attention, as this phenomenon results from the complex interplay of diverse factors—social, economic, psychological, political, and others—affecting young people. The relevance of this research stems from the social insecurity of adolescents, a condition linked to their vulnerable position in society and their unstable, impressionable psyches, which can distort their perception of the world.

The aim of the study was to conduct a spatiotemporal analysis of the differentiation of juvenile delinquency for the period from 2008 to 2025. Statistical data were sourced from information provided by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

The study aims to identify leading and lagging regions characterized by an adverse criminogenic situation among minors. Particular interest lies in the shifts in the regions' rankings over the periods analyzed. This study can be used to develop preventive measures aimed at reducing juvenile delinquency.

The work was carried out with the financial support of the Plekhanov Russian University of Economics

Keywords: crime situation, juvenile delinquency, dynamic grouping, regions, ranking.

References

1. Acemoglu D. The crisis of 2008: structural lessons for economics // Economic Space. 2009. №2.
2. Bogdanova M. V. Methodology for Information and Statistical Analysis of Crime in the Russian Federation. Legal Informatics. 2018; 3: 47–59.
3. Garazha N. A., Rzun I. G. Methods of Statistical Analysis in Assessing Juvenile Delinquency. Bulletin of the Academy of Knowledge. 2024; 4(63):124-128.
4. Dadashov M.M., Tepsuev M.S., Altemirova E.R. Causes of juvenile delinquency in modern Russia: systemic criminological analysis // Russian Scientific Bulletin. 2026. №5. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-359-362
5. Demidova-Petrova E.V. Juvenile delinquency: features, causal complex // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. №1 (51). DOI: 10.37973/KUI.2023.58.78.007
6. Demidova-Petrova E.V., Rogova E.V. Juvenile delinquency in the context of modern challenges // Siberian Law Bulletin. 2024. №2 (105). DOI https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.70
7. Karataeva T. A. Dynamics of statistical indicators characterizing the spread and consumption of narcotic drugs among young people in Russia. Narcology. 2013; Vol. 12. 9 (141): 95-98
8. Karchaeva K.A. Some reflections on juvenile delinquency: features and determinants // Education and Law. 2022. №1. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-1-224-226
9. Kachurova E. S., Rogova E. V. Features of juvenile delinquency in modern conditions and problems of its prevention. Siberian Law Bulletin. 2025; 2 (109): 82-87. Available from: https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.2.82.
10. Kolesnikov R.V. The current state of juvenile delinquency // Penitentiary science. 2022. №1 (57). DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005
11. Kornakova S. V., Koryagina S. A. Modern trends in violent crimes committed by minors. All-Russian Criminological Journal. 2016; 10. 1:148-155. Available from: https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).148-155.
12. Narutskaya N.V. The general state and dynamics of juvenile delinquency in modern Russia // Bulletin of Economics and Law. 2025. №108.
13. Savchik K.V. Current state and trends of juvenile delinquency // Bulletin of the National Research University of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 4. DOI 10.52452/19931778_2023_4_133
14. Sevostyanov R.A. Socio-cultural characteristics in the personality structure of a juvenile offender // Legal policy and legal life. 2026. №2. DOI: 10.24412/1608-8794-2026-2-195-200
15. Chub I.S. Determinants of modern juvenile delinquency: a multilevel criminological analysis // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. №1 (71).
16. Shikhantsov G. G. Motivation of Violent Juvenile Crime. Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence. 2020; Vol. 10; 2:62–68.
17. Shcherbakova L. M., Pobegaylo A. E. Juvenile delinquency in modern Russia as a criminological problem. Society and Law. 2021; 2 (76): 20-25.

Сложности толкования и разграничения различных должностных преступлений

Сорокин Алексей Иванович
кандидат юридических наук, профессор, кафедра уголовного права и криминологии. Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, sorokinlex@gmail.com

Предмет статьи образуют уголовно-правовые критерии толкования и разграничения злоупотребления и превышения должностных полномочий, получения взятки, служебного подлога, халатности, смежных составов, актуальность их исследования определяется оценочным характером отдельных признаков преступлений, вариативностью понимания границ должностной компетенции, сочетанием в одном служебном эпизоде признаков нескольких уголовно-правовых норм. Цель состоит в систематизации критериев, обеспечивающих последовательное установление юридически значимых различий между соответствующими составами. Использованы анализ научных публикаций 2022–2025 гг., сравнительный и логико-аналитический методы, классификация, синтез положений уголовно-правовой доктрины. Научная новизна связана с построением многоуровневой модели разграничения, объединяющей статус субъекта, нормативное содержание полномочия, способ служебного поведения, мотив, цель, последствия, правила конкуренции норм. Выявлены источники расхождений при оценке действий должностных лиц, документального оформления служебных решений, коррупционного вознаграждения, ненадлежащего исполнения обязанностей, результаты применимы при уголовно-правовой квалификации смежных составов, аргументации выбранного варианта правовой оценки.

Ключевые слова: должностные преступления, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, получение взятки, служебный подлог, халатность, должностное полномочие, квалификация преступлений, конкуренция уголовно-правовых норм.

Введение

Разграничение должностных преступлений осложняется зависимостью уголовно-правовой оценки внешне сходного служебного поведения от содержания компетенции конкретного лица, нормативных условий ее реализации, характера последствий, мотива, признаков специального состава, особенно выражена эта проблема при квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий, где связь действия со служебной деятельностью требует установления характера использования предоставленной компетенции, юридических границ совершенного действия. Дополнительную сложность создают эпизоды, в которых служебное поведение сочетается с получением вознаграждения, внесением недостоверных сведений в документы или признаками преступления, посягающего на иной охраняемый уголовным законом объект.

Цель исследования состоит в систематизации критериев толкования и разграничения должностных преступлений и смежных составов на основе сопоставления современных уголовно-правовых подходов, ее достижение связано с решением трех задач, первая охватывает выявление признаков, вызывающих основные расхождения при квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий, вторая направлена на сопоставление критериев их разграничения с получением взятки, служебным подлогом, халатностью, фальсификацией результатов оперативно-разыскной деятельности, третья предполагает систематизацию последовательности уголовно-правовой оценки с учетом статуса субъекта, содержания полномочий, способа поведения, субъективных признаков, последствий, соотношения общей и специальной норм.

Научная новизна состоит в объединении разграничительных критериев в многоуровневую конструкцию, исходным элементом которой выступает юридическая реконструкция должностного полномочия с последующей оценкой способа его реализации, направленности поведения, правовых последствий, специальной уголовно-правовой нормы, такая последовательность снижает риск квалификации по отдельному внешнему признаку, связанному со служебным статусом лица, корыстной заинтересованностью, вознаграждением или документальным оформлением действия.

Материалы и методы

Материал исследования составили современные русскоязычные публикации, посвященные отдельным аспектам квалификации должностных и смежных преступлений, С.Т. Ахмедханова [1] исследовала развитие уголовно-правового регулирования злоупотребления должностными полномочиями, расширение круга специальных норм, связанных со ст. 285 УК РФ, Н.Н. Аськов и Н.С. Измалков [2] рассмотрели получение взятки медицинскими работниками с учетом разграничения профессиональных и организационно-распорядительных функций, В.Н. Борков [3] изучил должностной подлог, документальное оформление злоупотребления и превышения полномочий с акцентом на юридические свойства официального документа, другая его работа [4] посвящена разграничению корыстного превышения должностных полномочий и получения взятки. С.В. Ермаков и О.В. Ермакова [5] сосредоточились на толковании общественно опасного деяния при превышении должностных полномочий, признаке явного выхода за пределы компетенции, С.Л. Зорин и А.И. Парышев [6] сопоставили объективные и субъективные признаки этого преступления, включая содержание специального субъекта, значение мотива, М.В. Кукасов [7] исследовал уголовно-правовую обоснованность разграничения составов, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ. А.В. Макаров, Т.П. Страмилова, О.В. Фирсов [8] рассмотрели конструкцию фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, квалификационное значение умышленного искажения сведений, Е.М. Попова [9] разработала подход к категории должностного полномочия как основанию разграничения злоупотребления и превышения, Т.И. Розовская, Е.В. Емельянова, А.В. Петрянин [10] проанализировали содержание оценочного признака существенного нарушения прав и законных интересов применительно к халатности.

Методами исследования выступили анализ научных публикаций, сравнительное исследование признаков смежных составов, классификация оснований разграничения, логико-аналитическое

установление связей между объективными и субъективными признаками, синтез выявленных положений, сопоставление использовалось при изучении моделей определения границ должностного полномочия и конкуренции норм, классификация обеспечивала распределение критериев по субъекту, деянию, мотиву, цели, последствиям, синтез применялся при построении последовательности уголовно-правовой оценки.

Результаты

Исходная сложность разграничения злоупотребления и превышения должностных полномочий связана с определением юридического масштаба, относительно которого оценивается служебное поведение, формула злоупотребления охватывает использование должностным лицом принадлежащих ему полномочий вопреки интересам службы, превышение связывается с действиями, явно выходящими за установленные пределы, практическое применение этих положений требует предварительного установления содержания конкретного полномочия, его нормативного источника, предмета, условий, оснований реализации. Е.М. Попова характеризует должностное полномочие через уполномоченное лицо, субъект, интересы уполномочивания, разрешенное действие, основания, условия его осуществления, регулирующие нормативные акты [9], С.В. Ермаков и О.В. Ермакова связывают квалификационные затруднения с толкованием явного выхода за установленные пределы [5], М.В. Кукасов рассматривает разграничение ст. 285 и 286 УК РФ как самостоятельную доктринальную проблему [7], совокупность этих подходов помещает в основу квалификации реконструкцию нормативного содержания компетенции.

Юридическая граница полномочия определяется конкретным объемом дозволенного поведения, закрепленным за должностным лицом, включая нормативные основания, условия совершения соответствующего действия, поэтому квалификационное значение приобретают предмет компетенции, основания принятия решения, допустимый способ реализации полномочия, круг управомоченных субъектов. Концепция Е.М. Поповой [9] связывает содержание полномочия с условиями его осуществления, вследствие чего действие, относящееся по своему виду к служебным функциям лица, получает правовую оценку с учетом обстоятельств его совершения, признак явности, рассмотренный С.В. Ермаковым и О.В. Ермаковой [5], конкретизируется через источник компетенции, нормативные ограничения, сопровождающие ее реализацию.

Соотношение общей нормы о должностном злоупотреблении со специальными составами образует следующий уровень квалификации, С.Т. Ахмедханова указывает на увеличение в главе 30 УК РФ числа норм, специальных по отношению к ст. 285 УК РФ, связывает этот процесс с проблемой системности уголовного законодательства [1]. Служебная природа деяния требует проверки способа распоряжения полномочием, предмета, сферы его реализации с позиции специальных уголовно-правовых предписаний, эта операция связана с рассматриваемой М.В. Кукасовым проблемой функциональных границ ст. 285 и 286 УК РФ [7], расширение массива специальных составов увеличивает значение точного установления объема поведения, охватываемого каждой нормой, юридической самостоятельности дополнительных служебных действий.

Субъективные признаки приобретают квалификационное значение после установления объективного содержания компетенции, характера совершенного действия, для злоупотребления должностными полномочиями конструктивное значение имеет корыстная или иная личная заинтересованность, при превышении центральным признаком выступает характер выхода за нормативно определенные пределы. С.Л. Зорин и А.И. Парышев рассматривают мотивацию субъекта в связи с квалификацией превышения, дифференциацией корыстной и иной личной заинтересованности [6], В.Н. Борков исследует пограничную область корыстного превышения должностных полномочий и получения взятки [4], сопоставление этих позиций связывает корыстную направленность с характеристикой мотива, квалификацию конкретного должностного преступления — со способом служебного поведения. При взяточничестве правовое значение приобретает связь имущественного предоставления с осуществлением должностных функций, при превышении оценивается действие, совершенное за пределами соответствующей компетенции.

Зависимость квалификации от фактически выполняемой функции отчетливо проявляется при совмещении профессиональных и управленческих обязанностей, Н.Н. Аськов и Н.С. Измалков раскрывают эту проблему на материале деятельности медицинских работников [2]. Руководящая должность, оформление документов с юридическими последствиями, осуществление организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций придают конкретному эпизоду признаки реализации должностных полномочий, характер полученного вознаграждения оценивается во взаимосвязи с категорией обязанностей, выполнявшихся субъектом в момент соответствующего действия. Авторы рассматривают ситуацию совмещения руководителем подразделения функций врача-специалиста и обращаются к выдаче листка временной нетрудоспособности как к решению, обладающему юридическим значением, такой подход связывает квалификацию получения взятки с функцией, реализованной в конкретном служебном эпизоде.

Документальное оформление служебного поведения формирует отдельную область разграничения, В.Н. Борков связывает квалификацию должностного подлога и смежных посягательств с юридическими характеристиками документа, рассматривая официальным документом носитель, удостоверяющий факт, непосредственно влекущий юридические последствия в виде возникновения, изменения, прекращения прав и обязанностей [3]. Установление статуса документа дополняется оценкой характера внесенного искажения, субъективных признаков деяния, связи документального оформления с иным служебным действием, зафиксированная недостоверность получает уголовно-правовую характеристику через юридическую функцию документа, механизм использования содержащихся в нем сведений.

Специальная конструкция фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности дополняет систему критериев разграничения документальных преступлений, А.В. Макаров, Т.П. Страмилова, О.В. Фирсов исследуют ч. 4 ст. 303 УК РФ через особенности умышленного искажения результатов оперативно-разыскной деятельности [8]. Их подход связывает квалификацию с характером изменения сведений, конструкцией специального состава, направленностью действий субъекта, в сочетании с положениями В.Н. Боркова [3] это формирует последовательную оценку юридической природы носителя сведений, объекта уголовно-правовой охраны, способа, целевой направленности искажения, благодаря чему документальное действие соотносится со служебным подлогом, специальным преступлением против правосудия либо иной формой юридической ответственности.

Разграничение халатности и умышленных должностных преступлений опирается на механизм исполнения служебной обязанности, форму вины, халатность характеризуется ненадлежащим исполнением либо фактическим оставлением обязанности без исполнения с наступлением предусмотренных законом последствий, злоупотребление и превышение связываются с сознательным служебным поведением соответствующего вида. Т.И. Розовская, Е.В. Емельянова, А.В. Петрянин исследуют применительно к ст. 293 УК РФ криминообразующее значение существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [10], оценочный характер этого последствия влияет на определение уголовно значимого уровня причиненного вреда, квалификация конкретного деяния формируется через характер исполнения обязанности, форму вины, причинную связь между служебным нарушением и наступившим результатом.

Соединение нескольких механизмов в одном служебном эпизоде повышает сложность квалификации, имущественное вознаграждение может сопровождать незаконное служебное действие, последнее способно получать документальное оформление, искажение документа может одновременно соответствовать признакам специального состава. Исследования Н.Н. Аськова и Н.С. Измалкова [2], В.Н. Боркова [3; 4], А.В. Макарова, Т.П. Страмиловой, О.В. Фирсова [8] ориентируют квалификацию на последовательное установление уголовно-правового значения каждого элемента такого поведения, применительно к вознаграждению оценивается его связь с должностной функцией, применительно к служебному действию устанавливаются нормативные пределы компетенции, документальное искажение исследуется через юридическую природу документа, признаки соответствующего состава, после чего определяется характер конкуренции уголовно-правовых норм, юридическая самостоятельность действий.

Сопоставление подходов к ст. 285 и 286 УК РФ связывает нестабильность квалификации с многоэлементным содержанием полномочия, нарушение предметной компетенции, совершение действия субъектом с иным объемом полномочий, реализация действия при иных основаниях, нарушение порядка принятия решения, использование предоставленной возможности вопреки интересам службы характеризуют различные варианты дефекта служебного поведения. Е.М. Попова [9] предлагает решать эту проблему через структурирование должностного полномочия, С.В. Ермаков и О.В. Ермакова [5] концентрируются на содержании явного выхода за его пределы, М.В. Кукасов [7] анализирует юридические основания существующего разграничения, общим основанием этих подходов выступает конкретная нормативная модель компетенции, сопоставляемая с фактическими действиями должностного лица.

Мотив и цель занимают различное место в конструкции должностных преступлений, корыстная заинтересованность характеризует направленность злоупотребления или превышения, получение имущественного предоставления актуализирует признаки взяточничества, специальная цель определяет квалификационную специфику отдельных видов документального искажения. Исследования С.Т. Ахмедхановой [1], В.Н. Боркова [4], С.Л. Зорина и А.И. Парышева [6] связывают усложнение квалификации с развитием специальных составов, дифференциацией субъективных характеристик, поэтому установление мотива, цели, характера вознаграждения дополняется исследованием должностного полномочия, той служебной функции, с которой связано соответствующее поведение.

Систематизация рассмотренных положений формирует последовательность квалификационных операций, первоначально устанавливаются специальный субъект и функция, фактически реализованная им в конкретной ситуации, затем по нормативным источникам восстанавливаются содержание полномочия, основания, условия его осуществления, после чего определяется юридический характер поведения через использование предоставленной компетенции, выход за ее пределы, ненадлежащее исполнение обязанности или совершение действия, предусмотренного специальной нормой. Следующий уровень охватывает мотив, цель, характер вознаграждения, последствия, причинную связь, завершающий этап связан с установлением соотношения общей и специальной норм, юридической самостоятельности отдельных действий, эта последовательность объединяет нормативные границы полномочия [5; 9], соотношение злоупотребления и превышения [7], последствия халатности [10], документальные, коррупционные механизмы [2–4; 8].

Обсуждение

Центральный вопрос квалификации должностных преступлений связан с определением нормативной модели служебного поведения, относительно которой оценивается фактическое действие, содержание полномочия через конкретное разрешенное действие, основания, условия его совершения обеспечивает более точную фиксацию границ компетенции, влияет на распределение служебных нарушений между злоупотреблением и превышением. Такой подход требует детального исследования нормативных источников, регламентирующих деятельность конкретного субъекта, особенно в сферах с разветвленным ведомственным регулированием, где одно полномочие может зависеть от предмета решения, служебного статуса, специальных оснований, процедурных условий.

Функциональный подход связывает уголовно-правовую оценку с характером служебной возможности, которой располагает лицо благодаря занимаемой должности, формально-компетенционный подход детализирует субъект, предмет, основания, условия реализации конкретного действия, различие между этими моделями влияет на понимание границы злоупотребления и превышения. Детальная нормативная реконструкция повышает определенность квалификации, одновременно расширяя объем материала, который требуется исследовать применительно к каждому служебному эпизоду.

Признак явного выхода за пределы полномочий приобретает разграничительное значение после установления самой юридической границы компетенции, явность характеризует определенность ее нарушения, правовое основание действия, круг полномочий субъекта, предмет решения, ограничения его принятия формируют исходную модель для последующей оценки. Такая последовательность разделяет характеристику совершенного действия и характеристику наступившего результата, связывая квалификацию прежде всего с нормативным содержанием служебного полномочия.

Коррупционная направленность поведения требует самостоятельного исследования мотива, имущественного предоставления, их связи со служебной функцией, корыстная заинтересованность раскрывает побудительную основу поведения, вознаграждение получает значение через обусловленность конкретным должностным действием, границы компетенции устанавливаются посредством анализа объективного содержания полномочия. Соединение этих операций обеспечивает разграничение коррупционного обмена, злоупотребления полномочиями, выхода за пределы служебной компетенции по самостоятельным юридическим признакам.

Материал о медицинских работниках раскрывает значение фактически реализуемой функции при определении специального субъекта, один человек способен совмещать управленческие и профессиональные обязанности, уголовно-правовая характеристика конкретного эпизода определяется содержанием действия, с которым связано вознаграждение или иное юридически значимое поведение. Этот принцип применим к ситуациям совмещения профессиональной деятельности с организационно-распорядительными функциями, поскольку служебная роль устанавливается применительно к конкретному действию, его юридическим последствиям.

Документальная форма служебного поведения получает квалификационное значение через юридический статус документа, характер удостоверяемого факта, направленность искажения, признаки специального состава, запись, справка, акт или иной носитель сведений оцениваются с позиции порождаемых ими юридических последствий, функции в механизме принятия решения. Специальная цель, особый предмет, статус субъекта способны переводить документальное искажение в сферу специальной уголовно-правовой нормы, поэтому квалификация такого эпизода строится от характеристики документа к механизму его использования.

Халатность занимает самостоятельную позицию в системе должностных преступлений благодаря особенностям механизма служебного поведения, формы вины, оценочная категория существенного нарушения прав и законных интересов определяет уголовно значимый уровень последствий, связь этих последствий с ненадлежащим исполнением обязанности формирует конструкцию конкретного состава. В злоупотреблении и превышении квалификационный центр переносится на сознательное использование служебной компетенции или совершение действий за установленными пределами, вследствие чего сходная характеристика последствий выполняет различную функцию в структуре соответствующих составов.

Конкуренция уголовно-правовых норм становится завершающим этапом квалификации после установления признаков фактического поведения, увеличение числа специальных составов сокращает область применения общих норм, одновременно увеличивает число эпизодов, требующих определения объема поведения, охватываемого специальным предписанием. При соединении взяточничества с незаконным служебным действием или документальным оформлением злоупотребления юридическое значение имеет самостоятельность каждого действия, полнота его охвата соответствующей уголовно-правовой нормой.

Исследованные подходы формируют систему взаимодополняющих критериев, каждый из которых действует применительно к определенной группе квалификационных вопросов, содержание полномочия определяет границы служебной компетенции, статус субъекта связывает действие с должностной функцией, мотив и цель характеризуют субъективную направленность, юридическая природа документа раскрывает документальный механизм преступления, существенное нарушение прав и законных интересов характеризует уголовно значимые последствия. Их последовательное применение сохраняет специфику отдельных составов, позволяет распределять юридически значимые признаки по соответствующим элементам преступления.

Исследовательская лакуна сохраняется в области единой уголовно-правовой конструкции должностного полномочия, ее согласования с правилами конкуренции норм, дальнейшая конкретизация требуется для определения роли оснований и условий совершения действия в структуре полномочия, оценки смешанного профессионально-должностного статуса, установления юридической самостоятельности коррупционного вознаграждения, связанного с ним служебного нарушения, определения содержания существенного нарушения как порога уголовной ответственности. Развитие этих направлений связано с последовательной поэлементной квалификацией,

уточнением нормативного содержания каждого исследуемого служебного действия.

Заключение

Основные расхождения при квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий связаны с определением нормативных границ компетенции, содержанием условий реализации полномочия, оценкой явного выхода за установленные пределы, ролью мотива, разграничение ст. 285 и 286 УК РФ строится на восстановлении конкретной модели полномочия, сопоставлении с ней фактического служебного поведения.

Сопоставление должностных и смежных преступлений выявило самостоятельные разграничительные основания, для взяточничества ключевое значение имеют статус лица и связь вознаграждения с выполняемой должностной функцией, служебный подлог квалифицируется с учетом юридической природы официального документа, характера умышленного искажения, халатность определяется через механизм ненадлежащего исполнения обязанности, форму вины, последствия, специальные составы документальной фальсификации требуют учета предмета, субъекта, способа, целевой направленности деяния.

Последовательность квалификации начинается с установления специального субъекта и фактически реализуемой функции, продолжается определением нормативного содержания полномочия, способа его реализации, субъективных признаков, последствий, причинной связи, завершается установлением соотношения общей и специальной норм, юридической самостоятельности отдельных действий, такая модель распределяет внешне сходные варианты служебного поведения по их уголовно-правовым признакам, снижает влияние отдельно взятого критерия, связанного с должностью, корыстью, вознаграждением, документальным оформлением или причиненным вредом.

Литература

1. Ахмедханова С. Т. Возможные пути совершенствования законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 2. – С. 109–113. – DOI 10.24158/tipor.2024.2.14.
2. Аськов Н. Н., Измалков Н. С. Проблемы квалификации получения взятки на примере медицинских работников // Вестник Югорского государственного университета. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 5–9. – DOI 10.18822/byusu20240305-09.
3. Борков В. Н. Квалификация должностных подлогов и злоупотреблений // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2024. – № 1. – С. 31–37.
4. Борков В. Н. Разграничение корыстного превышения должностных полномочий и получения взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 2. – С. 75–80.
5. Ермаков С. В., Ермакова О. В. Превышение должностных полномочий: проблемы толкования общественно опасного деяния // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 68–73.
6. Зорин С. Л., Парышев А. И. Превышение должностных полномочий в свете нового понимания объективных и субъективных признаков // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 6. – С. 40–45. – DOI 10.24412/2073-0454-2024-6-40-45.
7. Кукасов М. В. Обоснованность разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ // Российско-азиатский правовой журнал. – 2024. – № 2. – С. 59–63. – DOI 10.14258/ralj(2024)2.11.
8. Макаров А. В., Страмилова Т. П., Фирсов О. В. Особенности квалификации фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. – 2023. – № 1. – С. 57–61. – DOI 10.18572/1812-3783-2023-1-57-61.
9. Попова Е. М. Уголовно-правовая концептуализация категории «должностное полномочие» как необходимая предпосылка для единообразного разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – Т. 21, № 2 (80). – С. 86–95. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.10.
10. Розовская Т. И., Емельянова Е. В., Петрянин А. В. Содержание и особенности определения криминообразующего признака «существенное нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» (на примере статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации «Халатность») // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 378–383. – DOI 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).3.378-383.

Complexities of interpreting and distinguishing various official crimes

Sorokin A.I.

V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines criminal law criteria for interpreting and distinguishing between abuse and excess of official authority, bribery, official forgery, negligence, and related offenses. The relevance of this study is determined by the evaluative nature of individual elements of the crimes, the variability in understanding the boundaries of official competence, and the combination of elements of several criminal law norms within a single official incident. The goal is to systematize criteria that ensure the consistent establishment of legally significant distinctions between the relevant offenses. This article utilizes an analysis of scientific publications published between 2022 and 2025, comparative and logical-analytical methods, and the classification and synthesis of provisions of criminal law doctrine. The scientific novelty lies in the construction of a multi-level differentiation model that integrates the status of the subject, the normative content of authority, the method of official conduct, motive, purpose, consequences, and rules for the competition of norms. Sources of discrepancies in the assessment of officials' actions, the documentation of official decisions, corrupt remuneration, and improper performance of duties were identified. The results are applicable to the criminal classification of related offenses and the rationale for the chosen legal assessment.

Keywords: Official crimes, abuse of office, exceeding official authority, bribery, official forgery, negligence, official authority, classification of crimes, conflict of criminal law norms.

References

1. Akhmedkhanova, S. T. “Possible Ways to Improve Legislation Regulating Criminal Liability for Abuse of Official Powers” // Theory and Practice of Social Development. – 2024. – No. 2. – pp. 109–113. – DOI 10.24158/tipor.2024.2.14.
2. Askov, N. N., Izmalkov, N. S. “Problems of Qualifying Bribe-Taking: The Case of Medical Workers” // Bulletin of Yugra State University. – 2024. – Vol. 20, No. 3. – pp. 5–9. – DOI 10.18822/byusu20240305-09.
3. Borkov, V. N. Qualification of Forgery and Abuse of Power in Official Affairs // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. - 2024. - No. 1. - pp. 31-37.
4. Borkov, V. N. Distinction between Selfish Abuse of Power and Bribe-Taking // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. - 2023. - No. 2. - pp. 75-80.
5. Ermakov, S. V., Ermakova, O. V. Abuse of Power: Problems of Interpreting a Socially Dangerous Act // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 2. - pp. 68-73.
6. Zorin S. L., Paryshev A. I. Abuse of Official Authority in Light of a New Understanding of Objective and Subjective Indicators // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 6. - pp. 40-45. - DOI 10.24412/2073-0454-2024-6-40-45.
7. Kukasov M. V. Validity of Distinction between the Elements of Crimes Provided for in Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian-Asian Legal Journal. - 2024. - No. 2. - pp. 59-63. - DOI 10.14258/ralj(2024)2.11.
8. Makarov A. V., Stramilova T. P., Firsov O. V. Features of the qualification of falsification of the results of operational-search activities // Russian investigator. - 2023. - No. 1. - Pp. 57-61. - DOI 10.18572/1812-3783-2023-1-57-61.
9. Popova E. M. Criminal-legal conceptualization of the category "official authority" as a necessary prerequisite for a uniform distinction between the elements of crimes provided for in Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal state: theory and practice. - 2025. - Vol. 21, No. 2 (80). - Pp. 86-95. - DOI 10.33184/pravgos-2025.2.10.
10. Rozovskaya T. I., Emelyanova E. V., Petryanin A. V. Content and Features of Defining the Crime-Forming Feature “Significant Violation of the Rights and Legitimate Interests of Citizens or Organizations, or Legally Protected Interests of Society or the State” (Based on Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation “Negligence”) // Criminal-Executive Law. – 2023. – Vol. 18, No. 3. – P. 378–383. – DOI 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).3.378-383.